МОШЕ ДАЯН ШАБТАЙ ТЕВЕТ

АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ВОЙНЫ

1956, 1967

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ
И ЛОКАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания израильского генерала Моше Даяна о разработанной и проведенной под его руководством Синайской наступательной операции 1956 г. и книга Шабтая Тевета «Танки Таммуза», рассказывающая о действиях израильских танкистов на Синае в период Шестидневной войны 1967 г., описывают ход этих кампаний с позиций непосредственных участников.

Объединенные под одной обложкой и впервые изданные на русском языке, эти две работы будут интересны как для специалистов по Ближнему Востоку, так и для всех любителей военной истории XX века.

- Моше Даян ДНЕВНИК СИНАЙСКОЙ КАМПАНИИ
  - ОТ РЕДАКТОРА
  - ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
  - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ПРИЛОЖЕНИЕ 1
  - ПРИЛОЖЕНИЕ 2
  - ПРИЛОЖЕНИЕ 3
  - ПРИЛОЖЕНИЕ 4
  - ПРИЛОЖЕНИЕ 5
  - ПРИЛОЖЕНИЕ 6
- Шабтай Тевет ТАНКИ ТАММУЗА
  - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ОТ ИЦХАКА САДЭ ДО ИСРАЭЛЯ ТАЛЯ
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7

        - ГЛАВА 8
        - ГЛАВА 9
        - ГЛАВА 10
        - ГЛАВА 11
        - ГЛАВА 12
        - ГЛАВА 13
        - ГЛАВА 14
        - ГЛАВА 15
    - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ВОЙНА 5 — 10 июня 1967 г
        - ГЛАВА 16
        - ГЛАВА 17
        - ГЛАВА 18
        - ГЛАВА 19
        - ГЛАВА 20
        - ГЛАВА 21
        - ГЛАВА 22
        - ГЛАВА 23
        - ГЛАВА 24
        - ГЛАВА 25
        - ГЛАВА 26
        - ГЛАВА 27
    - ЭПИЛОГ
    - Фотографии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121

Моше Даян ДНЕВНИК СИНАЙСКОЙ КАМПАНИИ
Moshe Dayan Diary of the Sinai Campaign

ОТ РЕДАКТОРА

29 октября 1956 г. израильские войска начали свой сточасовой бросок через Синайский полуостров к Суэцкому каналу. Разработчиком плана этого наступления против египтян был генерал Моше Даян (1915–1981), тогдашний начальник генерального штаба Армии Обороны Израиля. О том, как планировалась и осуществлялась Синайская операция 1956 г., он подробно рассказал в своих воспоминаниях.

Одиннадцать лет спустя израильские танки вновь огласили пустыню Синай ревом своих моторов. Июньским боям 1967 г., сопоставимым по своему размаху с танковыми сражениями на Североафриканском театре Второй мировой войны, посвящена книга Шабтая Тевета «Танки Таммуза». Участвуя в Шестидневной войне вместе с ударной бронетанковой группой генерала Таля, автор не только ярко и живо описывает ход боевых действий, но правдиво, без лишнего пафоса и идеологических клише передает атмосферу фронтового братства, царившего тогда среди израильских солдат и офицеров.

Объединенные под одной обложкой и впервые изданные на русском языке, работы Даяна и Тевета будут интересны как специалистам, изучающим арабо-израильские конфликты, так и всем любителям военной истории XX века.

А. Васильев

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

История государства Израиль — история героической борьбы граждан маленького островка в исламском море. Борьбы не только за свободу и независимость, но и за жизнь. На протяжении всего немногим более чем полувекового периода существования современного Израиля на карте мира его гражданам пришлось сражаться с врагом в шести войнах, не считая еще одной — бесконечной войны с мусульманскими террористами. В отличие от других народов, народ Израиля не мог допустить поражения хотя бы в одной из войн, поскольку это неминуемо привело бы к полному уничтожению маленького еврейского государства. Поэтому Израиль, по чисто экономическим соображениям неспособный постоянно держать под ружьем большую армию, необходимую для отражения агрессии соседей, создал самые боеспособные на Ближнем Востоке вооруженные силы — армию гражданских людей, резервистов. Эта армия принесла государству Израиль убедительную победу в Войне за независимость в 1948–1949 гг., в Синайской кампании в 1956 г., в Шестидневной войне в 1967 г., в Войне на истощение в 1969–1970 гг., в войне Судного дня в 1973 г. и в операции «Мир Галилее» в 1982-м.

О двух конфликтах — Синайской кампании 1956 г. и Шестидневной войне 1967 г. — и рассказывается в предлагаемой вниманию читателя книге. Но для начала небольшая историческая справка.

Когда все началось? Наверное, в 1906-м, когда в Палестину приехал двадцатилетний уроженец западной окраины Российской империи, Давид Груен, известный впоследствии как Давид Бен-Гурион, основатель современного еврейского государства. Или, может быть, в ноябре 1917-го, когда декларацией Бальфура евреям был обещан «национальный дом» в Палестине, что стало возможным после того, как в 1917–1918 гг. британцы под командованием сэра Эдмунда Алленби разгромил войска Оттоманской империи и освободили от турецкого владычества народы Ближнего Востока, включая и добывавших в поте лица хлеб насущный, мирно растивших детей и чтивших ветхозаветные заповеди немногочисленных еврейских землепашцев.

Большинство населения Палестины — освобожденные арабы — немедленно забыли о том, как неприятно быть людьми второго сорта, каковыми они являлись на протяжении четырехсот лет правления турок-османов в Сирии, в Палестине и других странах Ближнего Востока. Арабы стали нападать на никому не делавших

зла еврейских поселенцев. Постоянный натиск соседей заставил их взяться за оружие и создать партизанские отряды, которым и было суждено спустя годы превратиться в мощные, высоко боеспособные современные вооруженные силы.

Поскольку в период Британского мандата в Палестине (1922–1948 гг.) власти не позволяли евреям иметь официальную армию, у них появились подпольные вооруженные силы — Иргун Ха-Хагана (Хагана, или Организация самообороны), впоследствии трансформировавшиеся в Армию (Войска или Силы) Обороны Израиля — Цахал-Цва Ха-Хагана Ле-Исраэль, сокращенно ЦАХАЛ.

ЦАХАЛ складывается из двух важнейших составляющих. Первая — Шерут-кевах, профессиональные военные и те, кто проходит срочную 2,5-годичную службу (меньшинство). Вторая — Шерут-муим, или резервисты, в число которых входят все мужчины и женщины, прошедшие подготовку в рядах ЦАХАЛа. Мужчины первой возрастной группы — с 21 года до 39 лет — должны служить в передовых частях, те же, кому от 39 до 44 лет — в тыловых. При возникновении чрезвычайной ситуации возрастная планка для мужчин может быть поднята до 55, а для женщин — до 36 лет. Каждый год резервисты призываются в армию на один месяц, причем сборы эти не пустая формальность.

За созданием еврейских частей самообороны стоял капитан британской военной разведки Орд Ч. Уингейт, ставший для израильтян их Лоуренсом Аравийским. В 1936–1939 гг. Уингейт сформировал так называемые «специальные ночные эскадроны», состоявшие из легковооруженной пехоты, задача которой состояла в проведении рейдов вглубь арабских территорий для нанесения противнику морального и материального ущерба. Система подготовки в Хагана всячески поощряла личную инициативу бойцов и младших командиров, которых учили по ходу операции принимать жизненно важные решения без оглядки на старших офицеров. Такой подход свойствен вооруженным силам Израиля и поныне.

Специальные ночные эскадроны стали кузницей кадров для будущей армии будущего государства Израиль, через которую прошли будущие командиры ЦАХАЛа, включая и генерала Моше Даяна.

Другое воинское формирование — действовавшая в составе Британской армии Еврейская бригада — очень хорошо показало себя в боях во время Второй мировой, после завершения которой бойцы этого соединения прибыли в Палестину. Кроме того, в период между 1945 и 1948 гг. туда приехало немало евреев, проходивших службу в Британских вооруженных силах и других армиях и обладавших немалым боевым опытом. Они и стали

фундаментом Хаганы, численность личного состава которой к середине мая 1948 г. (моменту вывода британских войск) достигла 30 тыс. чел., включая более 3 тыс. бойцов Пальмаха (Пальмах — сокращенно от Плугот-махац, что означает «ударные части» — регулярные силы Хаганы, сформированные в 1941 г.).

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании в Палестине еврейского государства, что привело к эскалации военного противостояния в регионе. За полгода до окончания Британского мандата и вывода английских войск, в декабре 1947 г., разгорелась так называемая «общинная», или «дорожная война», ставшая чем-то вроде прелюдии к Войне за независимость 1948–1949 гг.[1]

На следующий день после того, как 14 мая 1948 г. по настоянию главы Национального руководства (будущего временного правительства) Бен-Гуриона Израиль был провозглашен государством, страна подверглась нападению армий Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Ливана. Целью интервенции являлось физическое уничтожение крошечного еврейского государства. Учитывая арифметическое соотношение войск стран-агрессоров и Израиля, можно было, казалось, не сомневаться: победа арабам гарантирована.

Помимо численного, у арабов имелись и другие преимущества: еврейские поселения, представлявшие собой, с военной точки зрения, самые настоящие аванпосты, были разбросаны по прибрежной равнине, по северной части пустыни Негев и по Галилее и со всех сторон окружены арабами. Более того, вооружение арабов превосходило вооружение израильтян. В распоряжении Хагана находилось всего около 10 000 винтовок (в основном образца 1898 г.), небольшое количество револьверов и автоматов, около 600 пулеметов, примерно шесть с половиной сотен 2-дюймовых (50,8-мм) и около сотни 3-дюймовых (76,2-мм) минометов. Новая армия располагала всего двумя полевыми 65-мм артиллерийскими орудиями начала века с ограниченным боезапасом и без прицельных устройств. В кибуцах наладили производство ручных гранат, минометных мин и минометов, а также примитивных подрывных зарядов.

Бронетехники не было вообще, пока два британских сержанта, симпатизировавшие делу израильтян, не пригнали им два 28-тонных крейсерских танка «Кромвель» с 3-дюймовой лобовой броней и 75-мм пушкой. Следующими тремя танками стали 32-тонные американские М4 «Шерман», к которым в ходе боевых действий добавились десять выпущенных еще в тридцатые годы 12-тонных французских «Гочкисов» Н-35 с 37-мм пушками и несколько полугусеничных и колесных бронемашин. По иронии

судьбы, летали израильские пилоты на немецких «Мессершмиттах» времен Второй мировой войны. Пулеметчики строчили из немецких же MG34 и MG42 калибра 7,92 мм, стрекот которых совсем недавно вселял ужас в сердца евреев, спасавшихся от победоносно шествовавших по дорогам Европы солдат Вермахта[2]. Использовалось, конечно, и другое оружие, в частности широко распространенные надежные американские 7,62-мм и 12,7-мм пулеметы Браунинга.

Арабы имели подавляющее превосходство в живой силе, артиллерии, танках и самолетах. Кроме того, в состав сил Иордании входило лучшее воинское подразделение на всем Ближнем Востоке — вымуштрованный британским офицером сэром Джоном Бэготом Глабом по прозвищу Глаб-паша Арабский легион (аль-Джа-ишь аль-Араби), который 20 мая захватил еврейский квартал в Иерусалиме.

В 1948 г. Армия Обороны Израиля имела в своем составе несколько бригад, по численности фактически равных полкам других армий (так, самая большая 1-я бригада «Голани» насчитывала чуть более 4000 чел., а самая маленькая 2-я бригада «Кармели» — менее 2500 чел.). Наиболее своеобразной частью была 8-я бронетанковая бригада, которой командовал ветеран Второй мировой алуф-мишне (полковник) Ицхак Садэ. Подразделение состояло из иммигрантов, уроженцев Палестины, и даже некоторого количества дезертиров из Британской армии. В бригаду входило два батальона, при этом один из них, 82-й танковый, разделялся по языковому признаку и состоял из «английской» и «русской» рот (или эскадронов). 89-й батальон мотопехоты — передвигавшееся на джипах подразделение коммандос — возглавлял тридцатитрехлетний сган-алуф (подполковник) Моше Даян.

Первое фронтальное столкновение с арабскими соседями, или так называемая «Четырехнедельная война» завершилась убедительной победой израильтян. Однако цена, которую заплатила 60-тыс. армия государства с 600-тыс. населением, была крайне высока — потери составили 8000 чел. Данное обстоятельство наложило определенный отпечаток на стратегическое планирование генштаба Армии Обороны Израиля. Было решено, что ЦАХАЛ должен всегда находиться начеку и предвосхищать агрессивные замыслы арабов.

Ближе к середине пятидесятых израильтянам пришлось столкнуться, с одной стороны, с разгулом исламского терроризма, а с другой — с давлением стран Запада, недовольных жестким подходом Израиля к обузданию арабских бандитов. В августе 1953 г. генштаб Армии Обороны создал специальное

отборное подразделение, предназначенное для нанесения ударов по базам арабских террористов, — «часть 101», состоявшую первоначально из 40 чел. Командовал ею рав-серен (майор) Ариэль Шарон (в настоящее время премьер-министр Израиля), которого некоторые считают израильским Джорджем Паттоном. Позднее М. Даян, присовокупив к «части 101» батальон парашютистов, положил начало 202-й парашютной бригаде. Именно ей 29 октября 1956 г. в 17.00 было суждено открыть Синайскую кампанию высадкой у перевала Митла.

После блестящей победы в начале ноября 1956-го отношение к Израилю со стороны Запада, прежде всего со стороны Соединенного Королевства и США, стало постепенно меняться. Так, к началу следующего конфликта в 1967 г. Армия Обороны Израиля помимо закупленных во Франции «Шерманов» и AMX располагала 250 ед. 52-тонных британских танков «Центурион» с 6-дюймовой лобовой броней башни, оснащенных 105-мм орудиями с чрезвычайно высокой начальной скоростью полета снаряда (свыше 1400 м/с), 200 единицами 46-тонных американских M47 и M48 «Паттон», по тактико-техническим характеристикам не уступавшими поставляемым СССР арабам Т-54 и Т-55. Около 200 «Шерманов» получили новую жизнь за счет установки на них французских 105-мм орудий и новых двигателей. Два дивизиона самоходной артиллерии было укомплектовано отремонтированными 105-мм американскими САУ времен Второй мировой войны M7 «Прист», а несколько батарей самоходчиков получили дальнобойные 155-мм орудия, установленные на шасси танков «Шерман». В качестве средства поддержки танковых частей использовались 120-мм минометы, 90-мм противотанковые пушки и ПУ радиоуправляемых ракет, установленные на полугусеничных бронемашинах. Западная Германия поставила Израилю около 800 военных грузовиков. В распоряжении ВВС страны находилось около 400 самолетов, в том числе около 50 единиц американских тактических бомбардировщиков «Скайхок» A4, более 70 единиц перехватчиков «Мираж-III», две дюжины французских истребителей «Супер-Мистэр» и т. д. Также Израиль обзавелся ракетами «земля — воздух». И наконец, население Израиля выросло с 1 млн 800 тыс. чел. (около 90 % евреев) в 1956 г. до 2 млн 629 тыс. чел. (из них 300 тыс. арабов) в 1966 г., что, естественно, позволило увеличить численность личного состава вооруженных сил.

Однако главную ставку израильское командование делало не на количество живой силы и техники, а на быстроту передвижения, что привело к заметному росту численности бронетанковых и моторизованных бригад в составе ЦАХАЛа.

Типичная бригада состояла из двух батальонов (40–50 танков в каждом), по меньшей мере одного батальона мотопехоты на полугусеничных бронемашинах, а также бригадной артиллерийской батареи и разведывательной роты. В боевом расписании Армии Обороны Израиля числилась двадцать одна бригада: десять бронетанковых и механизированных, три объединенных (танковые и пехотные), три десантных (включая одну, которая в боевых условиях действовала как мотопехотная) и шесть пехотных. Бригады ЦАХАЛа были организованы в дивизии, или угда.

Тем временем арабские лидеры, горя желанием взять реванш за поражения в двух предыдущих войнах, тоже активно вооружались и к началу лета 1967 г. подготовили к нападению на Израиль около полумиллиона солдат, 700 современных самолетов и 2000 танков. Вторжение сделалось неотвратимым, причем участие в нем собирались принять не только ближайшие соседи, но и войска из Саудовской Аравии, Алжира, Ирака, Судана и Кувейта. Весь арабский мир готовился обрушиться на Израиль.

Единственным способом уцелеть для Израиля могла стать неожиданная упреждающая атака на противника, и лучше чем кто-либо другой понимал это только что назначенный министром обороны бывший начгенштаба генерал Моше Даян.

Евреи действовали в лучших традициях германского блицкрига образца сентября 1939 или мая — июня 1940 г. Рейд авиации Израиля на египетские аэродромы, начавшийся 5 июня в 07.45 (по израильскому времени), застал арабов врасплох. К 10.30 ВВС Египта фактически перестали существовать, лишив признанного лидера анти-израильской коалиции Гамаля Абд-эль-Насера верного шанса на победу. Затем Израиль принялся за авиацию Сирии и Иордании.

Главным врагом, как и почти одиннадцать лет назад, был Египет. Вновь на штабных картах замелькали хорошо знакомые названия: Рафахский перекресток, эль-Ариш, Абу-Агейла, перевал Митла, Суэцкий канал. На египетском фронте израильтяне задействовали самые крупные силы — три дивизии.

В 08.15 бронированные клинья угда алуфа (бригадного генерала) Исраэля Таля устремились на прорыв на самом укрепленном и потому самом трудном северном направлении. Как бравые танкисты Г. Гудериана и Э. Роммеля за четверть века до них, израильтяне имели четкий приказ не ввязываться в позиционные бои, продвигаться и продвигаться вперед. Действуя со всей решительностью, мастерски применяя излюбленную тактику Джорджа Паттона — сочетая лобовые удары с ловкими

обходными маневрами, — израильские танкисты на M48 и «Центурионах», прорвав глубокоэшелонированную оборону противника, «паровым катком» прокатились по египетским укрепрайонам. Через восемь часов после старта операции — значительно быстрее, чем планировалось, — «столица Синая» эль-Ариш находился в руках дивизии Таля.

Но это было только начало. На сей раз сражаться приходилось на трех фронтах: гнать египтян до самого Суэцкого канала, отчаянно драться за Иерусалим и Западный берег Иордана, а также взламывать сирийскую оборону на Голанских высотах.

Кровопролитная война с до зубов вооруженным новейшим оружием, обладающим подавляющим численным превосходством врагом завершилась 10 июня полной победой Израиля на всех фронтах. Однако победа стоила стране около 780 погибших (вчетверо больше, чем в Сточасовой войне) и двух с половиной тысяч раненых (втрое больше, чем в 1956 г.). Арабы потеряли более 15 000 чел. убитыми и ранеными и 12 000 пленными (число угодивших в плен израильтян не превышало 20 чел., в основном это были пилоты, сбитые ПВО противника). Неприятель лишился более 450 самолетов, оставил на полях сражений около 1000 танков и практически все боевое снаряжение, присланное щедрыми советскими «спонсорами».

Большая часть техники и оружия вполне сгодилась израильтянам. Автоматами Калашникова, например, вооружались целые батальоны.

Об израильском блицкриге, Шестидневной войне, повествует книга знаменитого израильского э/суриалиста Шабтая Тевета «Танки Таммуза»[3]. С 1950 г. он был корреспондентом газеты «Ха-Арец» и представлял этот печатный орган в Тунисе, Алжире, Марокко и во Франции. В 1967-м Ш. Тевет служил военным корреспондентом в армии Израиля, в дивизии генерала Таля и в других частях. Из-под его пера вышло несколько книг, включая бестселлер о Синайской кампании. Накануне Шестидневной войны Тевет был откомандирован в распоряжение угда генерала Таля и стал очевидцем событий, которые позднее с блеском описал.

О Сточасовой войне в книге «Дневник Синайской кампании» рассказывает сам разработчик операции «Кадеш», в то время начальник генштаба ЦАХАЛа — рав-алуф Моше Даян[4].

Моше Даян родился 20 мая 1915 г. в Палестине, в одном из первых кибуцев. На путь военного вступил в 1937-м, став бойцом в одном из «специальных ночных эскадронов», организованных британским офицером О.Ч. Уингейтом. В 1939–1941 гг., когда в связи со сложившейся политической обстановкой Британия круто

поменяла приоритеты в ближневосточной политике и воспылала нежной любовью к арабам, Даян находился в тюрьме, куда определили его власти за участие в деятельности Хаганы. После освобождения Даян, командовавший отборной частью разведчиков Пальмаха, сражался на стороне англичан против вишистов Сирии. Однажды, когда он осматривал мост через реку Литани, который его часть должна была захватить и удержать, пуля французского снайпера попала в бинокль Даяна, и он лишился глаза.

Во время Войны за независимость М. Даян отличился в боях за Иерусалим, а в 1953-м стал начальником генштаба Армии Обороны Израиля и оставался на этом посту до 1958 г. В 1956-м он разработал план вторжения на Синай — операцию «Кадеш», известную впоследствии так же как Сточасовая война.

В 1959-м Моше Даян был избран в Кнессет и получил от премьера Бен-Гуриона портфель министра сельского хозяйства, но в 1964-м, после того как годом раньше отошел от дел Бен-Гурион, покинул пост.

1 июня 1967 г., в преддверии Шестидневной войны, Даян был назначен министром обороны и вместе с начгенштаба Ицхаком Рабином руководил действиями вооруженных сил Израиля. После войны Судного дня в октябре 1973 г., когда израильтянам пришлось отражать ставшее для них полной неожиданностью арабское вторжение, несмотря на одержанную Израилем убедительную победу, Моше Даян и Давид Элазар (тогдашний начгенштаба) подверглись резкой критике за то, что Цахал оказался не готов к нападению противника. В июне 1974-го Даян покинул Кабинет, чтобы четыре года спустя вновь вернуться в большую политику и сделаться министром иностранных дел.

В 1979 г. Даян подал в отставку из-за разногласий с премьером Менахемом Бегином. В 1981-м, незадолго до своей кончины, он создал новую партию, выступавшую за уход Израиля с завоеванных в 1967 г. территорий. В 1976-м, спустя десять лет после появления «Дневника Синайской кампании», вышли в свет мемуары Даяна, «История моей жизни».

Александр Колин
2001 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В основу настоящей книги лег дневник, который я вел в 1955–1957 гг. В ней рассказывается не только о боевых действиях, сводки о которых поступали в генштаб ежедневно, но и обрисовывается политическая ситуация тех лет.

Конечно, вниманию читателя предлагается не весь дневник, также не всегда соблюден стенографический стиль оригинала. Кое-что было выброшено, что-то сокращено, что-то, напротив, пересказано более подробно. Я внес дополнительную информацию, полученную мной из письменных донесений и из разговоров с командирами подразделений.

Что касается политических аспектов, то тут я следовал примеру бывшего в те годы премьер-министром и министром обороны г-на Бен-Гуриона, который считал, что еще не время публиковать полный отчет о событиях, предшествовавших Синайской кампании. Так или иначе, ответственность за все написанное тут — включая сами факты и мой взгляд на них — лежит на мне и только на мне.

Я должен подчеркнуть, что книга эта отражает мое личное отношение к обстоятельствам тех лет и не должна рассматриваться как официальная хроника Синайской кампании. В книге освещаются далеко не все события, происходившее как на фронтах, так и в тылу. Так, например, в ней не рассказывается о действиях Региональных и прочих командований, как не говорится о том, что и как делал генштаб в ходе планирования и проведения операции.

Если бы я решил поблагодарить всех, кто помогал мне прямо или косвенно при подготовке этой книги, список оказался бы очень длинным. И все же я хочу выразить отдельную благодарность подполковнику (теперь полковнику) Барону (Мореле), в 1956-м возглавлявшему управление начальника генштаба, и капитану Неоре Маталон (в настоящее время г-жа Неора Барноах), служившей тогда секретарем начштаба. Спасибо им за неутомимость при сборе материалов, без которых появление данной книги стало бы невозможным. Спасибо также и подполковнику Аврааму Аялону, главе Исторического департамента Армии Обороны Израиля, и лейтенанту Михаль Ботримович, помогавшей мне в тот период, когда я писал книгу. Остальным военнослужащим Армии Обороны Израиля, перед которыми я в долгу, передаю самую огромную благодарность через нынешнего начальника генштаба, генерал-майора Ицхака Рабина.

Моше Даян
ЦАХАЛ, ИЗРАИЛЬ, СЕНТЯБРЬ 1965 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПРЕДЫСТОРИЯ

1

Причиной начала Синайской кампании стало обострение арабо-израильского противостояния, а также стремление Британии и Франции силовым путем поставить под свой контроль Суэцкий канал.

Если бы не эти две крупнейшие европейские державы, вообще маловероятно, что Израиль начал бы военные действия на Синайском полуострове, а даже если бы начал, вне сомнения, кампания носила бы иной характер как в плане военном, так и политическом.

В свою очередь, если бы руководства арабских государств с правителем Египта во главе не проводили враждебного курса в отношении Израиля, последний бы отказался от применения силы даже в том случае, если бы конфликт между Британией и Францией, с одной стороны, и Египтом, с другой, вылился бы в открытое военное столкновение.

В предлагаемом вниманию читателя «Дневнике» рассматривается взаимосвязь между операцией «Мушкетер» (англо-французской акции по исправлению ситуации вокруг Суэцкого канала) и кампанией самого Израиля на Синайском полуострове. Однако надо прежде сказать несколько слов о том, что привело правительство Израиля к решению вступить в войну.

Вскоре после разгрома евреями арабов в Войне за независимость и заключения соглашений о перемирии с Израилем в 1949 г., арабские правительства вновь вернулись к своему прежнему лозунгу, призывавшему сбросить израильтян в море и стереть еврейское государство с карты мира. Арабы не пожелали превратить Соглашение о перемирии в мирный договор, но сразу же после вступления в действие режима прекращения огня принялись нарушать границу и нападать на мирных граждан Израиля.

Поначалу евреи восприняли подобное поведение как следствие своеобразного «военного похмелья» и лишь призывали соседей к выполнению буквы Соглашения, твердо следуя политике сдержанности в отношении агрессивных выпадов арабов.

Однако во второй половине 1954 г. действия террористов активизировались. Вскоре стало очевидным, что все происходящее не есть выходки неспособных смириться с

поражением экстремистов-одиночек, но акции, организованные и предпринимаемые с одобрения правительств арабских государств, а в особенности руководства Египта. Ситуация неуклонно обострялась и к 1955–1956 гг. достигла уровня, которого Израиль не знал со времен войны в 1948-м.

Положение стало таким, каким оно стало, по трем основным причинам. Первое, Египет готовился к полномасштабной войне, целью которой являлось уничтожение Израиля, второе, участились вылазки специально подготовленных банд арабских террористов и третье, Египет лишил израильтян возможности осуществлять судоходство через Акабский залив.

2

Когда в сентябре 1955-го Прага и Каир заключили договор о поставках вооружений из Чехословакии[5] в Египет, в Израиле утратили последние иллюзии в отношении планов противника. Вследствие данного шага Египет получил большое количество современного оружия и техники, что давало ему преимущество над израильтянами, и последние поняли: противник постарается как можно скорее использовать свое превосходство с целью осуществить задуманное — стереть с лица земли еврейское государство.

В число вооружений, полученных Египтом из Чехословакии, входило 530 единиц бронетехники (230 танков, 200 бронетранспортеров и 10 ˚САУ), около 500 стволов артиллерии, почти 200 истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, а также значительное количество военно-морских судов — эсминцев, торпедных катеров и подводных лодок.

По тогдашним ближневосточным меркам это была небывало крупная партия вооружений и техники. Принимая во внимание то количество оружия, которым до того располагал Египет, от хрупкого равновесия сил, сложившегося между арабскими государствами и Израилем, не оставалось и следа. Прежде в распоряжении Египта насчитывалось около 200 танков — столько же, сколько и у Израиля, теперь Каир (не считая его арабских союзников) располагал почти вчетверо большим бронетанковым парком. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении авиации. До сентября 1955-го Египет имел восемьдесят реактивных боевых машин, а Израиль — пятьдесят. Теперь в распоряжении Каира находилось до 200 реактивных истребителей и бомбардировщиков — четыре к одному. Не лучше обстояло дело и с тем, что касается артиллерии, боевых кораблей и катеров. Египтяне выигрывали не только в количественном, но и в качественном отношении. Миги и Илы стояли по меньшей мере на две ступеньки выше, чем «Метеоры» и «Ураганы» наших ВВС.

Также и Т-34 советского производства значительно превосходили устаревшие «Шерманы» Мк3[6].

С ростом военной мощи Египта вырос и престиж его руководителя, полковника Гамаля Абд-эль-Насера, которого в арабском мире признали неоспоримым лидером Лиги арабских государств. 19 октября 1955 г. было создано объединенное египетско-сирийское военное командование, а в октябре 1956-го, как и ожидалось, членом союзнического органа управления стала Иордания. В результате Израиль оказался с трех сторон (с юга, востока и севера) окружен враждебными армиями, находящимися к тому же под единым командованием. У нашего правительства не было и не могло быть сомнений относительно целей всех этих военных приготовлений.

3

Что же касается нарушения границ Израиля, то инфильтрация банд арабских террористов, грабителей и убийц при попустительстве и даже с одобрения правительств арабских государств, не прекращалась с самого создания еврейского государства в 1948 г. Однако в апреле 1955-го египетский генштаб решил задействовать бандитов для ведения войны с Израилем и создал специальные формирования так называемых «фидаинов»[7]. Фидаины подчинялись военной разведке Египта и размещались в трех лагерях (№ 9,10 и 16) в секторе Газа, на побережье к западу от города Газа. На момент создания, численность подобных подразделений составляла 700 чел., при этом арабы намеревались увеличить ее, а также организовать аналогичные части, которые действовали бы под контролем спецслужб Иордании, Сирии и Ливана.

Помимо регулярной платы в размере девяноста египетских фунтов[8], фидаин получал дополнительное вознаграждение за каждый рейд через границу Израиля и отдельные бонусы за успешно выполненные задания — убийства и диверсии. На этом привилегии, которыми пользовался фидаин, не заканчивались, что видно из нижеследующего письма. Оно представляет собой ходатайство, направленное начальником египетской военной разведки в секторе Газа, полковником Мустафой Хафезом, губернатору территории. Речь в послании идет о Юнесе Мабраке, представшем перед судом по обвинению в убийстве.

Генерал-губернатору:

1. Вышеназванный человек [Юнее Мабрак] работает на нашу службу и является одним из самых преданных делу людей, которому доверялись трудные и опасные задания. Выполняя их, он неизменно проявлял величайший героизм и готовность к самопожертвованию ради Египетского государства и

вооруженных сил.

2. Вышеназванный человек добровольно вступил в часть фидаинов. Вместе со своими товарищами он проникал на территорию Израиля, где устраивал диверсии: подрывы объектов и убийства. Ниже приведены некоторые достойные высокой оценки примеры его деятельности:

A) 29 августа 1955 г. он совершил следующие деяния:

I. Убил трех сельскохозяйственных рабочих в апельсиновой роще под Бейт-Хануном.

II. Убил механика на электростанции около эль-Кабейбы.

III. Взорвал главную башенную антенну радиостанции «Голос Израиля на весь мир» (координаты по карте 12721448.)

IV. Участвовал в налете на сельскохозяйственное поселение Джуала (координаты по карте 12781438) около Цамоги рядом с эль-Кабейбой, где один человек был убит и четверо ранены, а также было разрушено одно здание и причинен ущерб общественному складу поселения.

V. Участвовал в засаде на автопоезд (координаты по карте 12951486).

B) 30 августа 1955 г. он совершил следующие деяния:

I. Подстерег машину около деревни Аджур и убил трех человек, а само транспортное средство уничтожил.

П. Взорвал одно из зданий в селении Цумейл (координаты по карте 13001190).

III. Участвовал в засаде на дороге Плугот — Бейт-Говрин.

IV. На этом участке в засаду попало три армейских автомобиля.

3. Принимая во внимания все героические действия вышеназванного человека, который проходит как один из обвиняемых по делу № 26/55 об убийстве, учитывая его прекрасный послужной список, мы просим употребить все возможные силы, чтобы помочь ему. Он может оказаться полезен нам и в будущем, особенно если увидит, как высоко ценят власти его героизм и мужество.

Ввиду всего вышесказанного, мы просим вас отнестись к нашему ходатайству со всем пониманием и закрыть дело, возбужденное в отношении вышеназванного человека.

Мустафа Хафез,

Начальник разведки Палестины

С середины 1955 и далее в начале 1956 г. постоянно возрастало количество актов террора, совершаемых против мирного населения и военных Израиля. Особенно в отношении новых поселений иммигрантов в приграничных регионах.

Лучше всего помогает понять, что же происходило тогда,

перечень диверсий, совершенных фидаинами на юге страны в апреле 1956 г. всего за пять дней:

7 апреля 1956 г.

Взорван трубопровод системы водоснабжения на участке между Ашкелоном и Яд-Мордехаем.

В Ахуцаме обстрелян джип, принадлежащий гражданским лицам; один израильтянин погиб, а другой получил ранения.

В Шувале обстрелян грузовик, принадлежащий гражданским лицам; один человек погиб, еще один получил ранения.

Обстрелян армейский грузовик в Тель-Кунтейре; двое раненых.

Обстрелян и подожжен армейский грузовик у Ахуцама; трое раненых.

Обстрелян еще один армейский грузовик у Ахуцама; двое раненых.

8 апреля 1956 г.

В Ашкелоне ручные гранаты брошены в дом и в автомобиль; один убитый, трое раненых.

В Ахуцаме обстреляны две принадлежащие гражданским лицам машины; один убитый и двое раненых.

В Шафире ручные гранаты брошены в жилой дом, еще одно здание взорвано; один раненый.

В кибуце Гал-Он забросан ручными гранатами дом, по которому затем открыт огонь из автоматического оружия; один раненый.

9 апреля 1956 г.

В Бееротаиме подорвалась на мине командирская машина. Рядом были обнаружены еще две мины.

С использованием ручных гранат и автоматического оружия совершено нападение на лагерь рабочих компании, занимающейся обслуживанием системы водоснабжения в Кецноте; двое убитых, трое раненых.

Командирская машина обстреляна на подходе к кибуцу Бейт-Раим; один убитый, один раненый[9].

10апреля 1956 г.

В Магене напоролась на мину командирская машина; трое получили ранения.

Около Кисуфима подорвался на мине армейский бронетранспортер; трое раненых[10].

11 апреля 1956 г.

К югу от Керим-абу-Ирак наскочила на мину командирская машина; один человек получил ранения.

На шоссе между Тель-Авивом и Рамле под огонь попали автобус с гражданскими лицами и грузовик; шестеро раненых.

Обстреляны собравшиеся на молитву в синагоге учащиеся сельскохозяйственной школы в Шафире. Результат: шестеро погибших и двое раненых.

В поселении Агиецер внутрь двух домов брошены ручные гранаты; трое раненых.

Поблизости от международного аэропорта в Лоде[11] обстреляна машина пограничного дозора; один раненый.

4

Разумеется, правительство Израиля не могло оставаться равнодушным в сложившейся ситуации. Было предельно ясно, что такая односторонняя война может продолжаться вечно — до тех пор, пока у арабского руководства будет сохраняться возможность наносить вред Израилю, не подвергая опасности свои государства и армии.

Поэтому в Израиле приняли решение отвечать ударом на удар, хотя израильтяне не могли платить арабам той же монетой, поскольку не имели права подвергать опасности гражданское население, устраивая нападения, подобные тем, которые вели на его территории фидаины. Суть ответа заключалась в том, чтобы атаковать военные объекты — армейские лагеря или полицейские форты, — из которых осуществляли свои вылазки террористы.

Целью избранного курса было показать арабам, что хотя правительство Израиля неспособно защитить каждого отдельного землепашца, обрабатывающего свое поле возле границы, или помешать бандитам заминировать подходы к тому или иному поселению, расплата настигнет диверсантов, причем настигнет в их же логовах. Израильская армия успешно действовала на арабской территории, а арабские военные оказывались не в состоянии помешать этому, и население прекрасно осознавало данный факт. Так, в конечном итоге, вместо того чтобы поднять престиж правящих в арабских государствах режимов в глазах их подданных, усилия фидаинов приводили к прямо противоположному результату.

Таким образом, все эти удары и контрудары приводили к тому, что правительствам арабских государств приходилось выбирать: расширять и интенсифицировать деятельность фидаинов в Израиле, чтобы вернуть утраченное доверие своих народов, или же вовсе отказаться от политики провокаций. Последняя теперь неизменно приводила к карательным акциям со стороны Израиля, что выражалось в разрушениях военных объектов и гибели десятков арабских солдат и полицейских.

Вполне возможно, что в конце концов арабские режимы избрали бы второй путь, но в 1955–1956 гг. события покатились точно снежный ком с горы в ином направлении. Вылазки

фидаинов и военные ответы Израиля заметно участились. Более того, поскольку руководства соседних стран, с территории которых нападали террористы, знали о том, что вслед за вылазкой бандитов последует карательная акция, в соответствующие пункты стягивались дополнительные воинские подразделения, необходимые для отражения атак. В результате мелкие стычки превращались в настоящие сражения, в которых с обеих сторон принимали участие артиллерия и бронетехника.

Таким образом, к концу лета 1956 г. обе стороны оказались настолько наэлектризованными, что в воздухе отчетливо запахло военной грозой. Правитель Египта, гордившийся своей репутацией защитника арабского мира, не желал приостанавливать деятельность фидаинов, которые снискали в арабском мире славу «мстителей завоевателям Палестины». В то же время контрудары Израиля не оставляли арабам выбора: или мир, или война. На протяжении месяца, предшествовавшего Синайской кампании, а именно с 12 сентября по 10 октября 1956 г., армейские подразделения Израиля, отвечая на убийства и диверсии фидаинов, провели четыре рейда, в ходе которых уничтожили полицейские форты Рахава, Гарандал, Хусан и Калькилия. Потери, понесенные израильтянами в ходе этих акций убитыми и ранеными, превосходили 100 чел., а арабские составляли примерно 200 чел. Это была еще не война, но уже и не мир.

5

Одним из серьезнейших факторов в конфликте между Израилем и Египтом являлась свобода израильского судоходства в Красном море. Чтобы попасть туда, суда из порта Хайфа на Средиземном море неминуемо должны были пройти по Суэцкому каналу. В то время как кораблям, выходившим из Эйлата, самого южного израильского порта, приходилось миновать Тиранский пролив. Египет перекрыл для Израиля водное сообщение между Восточной Африкой и Азией.

Израиль — страна с весьма скудными природными ресурсами. Среди небольшого количества минералов, которыми она располагает, первое место занимают поташ и фосфаты, которые экспортируются преимущественно в государства Дальнего Востока. Таким образом, лишение водного пути в эти страны наносило Израилю не только политический, но и серьезный экономический ущерб.

Поскольку было совершенно очевидно, что блокада есть прямое нарушение Конвенции по Суэцкому каналу[12], норм международного права, буквы Соглашений о перемирии и Устава ООН, Израиль поднял вопрос в Организации Объединенных

Наций. 1 сентября 1951 г. Совет безопасности ООН удовлетворил жалобу Израиля и принял резолюцию, призывавшую Египет снять блокаду. Каир проигнорировал это решение, и даже больше того, в конце 1953-го руководство Египта запретило провоз всех товаров как из Израиля, так и в Израиль, включая и те грузы, которые не являлись чисто военными (например, продовольствие), и даже те, которые перевозились не на израильских судах.

После ввода Египтом этого нового правила Израиль вновь обратился с жалобой в Совет Безопасности. Рассмотрение ее было назначено на 29 марта 1954 г., но Советский Союз, воспользовавшись правом вето, добился исключения вопроса из повестки дня.

Правительство Израиля не собиралось отказываться от борьбы, и в шесть часов утра 28 сентября 1954 г. израильское судно «Бат-Галим» подошло к Суэцкому каналу с юга.

По замыслу израильтян, отказ Каира разрешить кораблю свободное продвижение через канал должен был вынудить Организацию Объединенных Наций решить вопрос и обязать Египет уважать международные соглашения.

Вместо этого египтяне захватили «Бат-Галим» и посадили в тюрьму команду судна. В декабре 1954 и январе 1955 г. проблема вновь была представлена вниманию ООН. С тем же результатом. Итогом этой тщетной попытки заставить Каир открыть Суэцкий канал для израильских кораблей стала конфискация судна «Бат-Га-лим». Экипажу, однако, было позволено вернуться, и 1 января 1955-го моряки, просидев три месяца в египетской тюрьме, возвратились домой сухопутным путем через сектор Газа.

Все случившееся вызвало раздражение и разочарование в Израиле. Между тем никто там не считал возможным уладить дело — вернуть стране возможность пользоваться Суэцким каналом — иначе как с помощью средств дипломатии. Вместе с тем на проблему, связанную с Тиранским проливом, Израиль смотрел иначе.

Пролив служил воротами между Красным морем и заливом Акаба, берега которого принадлежали четырем странам: Египту, Израилю, Иордании и Саудовской Аравии. По международному праву на пользование водными путями, берегами которых владеют две или несколько стран, имеют право суда любых государств без ограничений. При этом ни одна страна не может претендовать на такие пространства как на свои территориальные воды и ограничивать там судоходство других государств.

Однако Египет счел для себя возможным нарушить международные законы и воспрепятствовать движению

израильских кораблей из Эйлата в Красное море и обратно. В 1953-м египтяне блокировали израильское судоходство на этом участке и даже создали подразделение береговой охраны в Рас-Насрани. Бойцы этого подразделения, решимость которого подкреплялась орудиями береговой артиллерии, останавливали любое судно, входившее в пролив, и повергали его осмотру на предмет установления возможной принадлежности его Израилю.

В начале сентября 1955 г. Египет решил ужесточить условия блокады, уведомив все пароходства и авиакомпании, что проход по заливу, а также пролет над ним будут рассматриваться Египтом как пересечение его территории. Посему любой, кто хотел плыть водами залива или пролетать над ним, должен был за семьдесят два часа направить соответствующее уведомление египетским властям и получить от них разрешение. Что же до Израиля, то его судам запрещался проход Тиранского пролива, а самолетам не дозволялось пролетать над ним, поскольку, как говорилось в заявлении, Египет считал, что находится в состоянии войны с этим государством. В соответствии с вышеприведенным заявлением, израильская авиакомпания «Эль-Аль», самолеты которой летали над проливом, лишалась возможности осуществлять воздушное сообщение с ЮАР.

Этот шаг Египта стал последней каплей, переполнившей чашу нашего терпения. 22 октября 1955 г., находясь в отпуске во Франции, я получил телеграмму от помощника Бен-Гуриона, которой мне предписывалось немедленно прибыть домой. (Бен-Гурион вернулся в состав кабинета после кратковременного пребывания в качестве частного лица в Сде-Бокер, но занимал теперь пост министра обороны, но еще не премьера.) В телеграмме говорилось: «Сегодня утром «старик» встал с постели. (Он болел уже две недели.) Первым его желанием было увидеться с вами. Он хочет, чтобы вы прибыли немедленно». На следующий день я встретился с Бен-Гурионом в его номере «Президент Отеля» в Иерусалиме. Мы обсудили ситуацию, и в конце разговора Бен-Гурион как министр обороны среди прочего сказал мне, что я должен подготовиться к захвату Тиранского пролива — городов Шарм-аш-Шейх и Рас-Насрани и островов Тиран и Санапир — с тем чтобы восстановить свободное сообщение между Акабским заливом и Красным морем.

Через десять дней, 2 ноября 1955-го, Бен-Гурион вновь вернулся к исполнению обязанностей премьер-министра. Представляя Кнессету членов нового кабинета, премьер обрисовал общую политическую ситуацию. Касательно вопроса обороны он высказался в следующих словах: «Только одни лишь вылазки из сектора Газа за первые девять месяцев 1955 г. привели

к тому, что 153 человека погибли или получили ранения. Египетские представители в ООН открыто заявили о том, что Египет и Израиль находятся в состоянии войны. Правительство Египта нарушило один из основополагающих законов международного права в отношении судоходства по Суэцкому каналу, тем более что вопрос этот был урегулирован специальной резолюцией Совета Безопасности. Таким образом, целью Египта в настоящий момент, в нарушение принципов свободного пользования морскими пространствами, является закрыть для израильских судов Красное море. Такой односторонней войне надлежит положить конец, поскольку она не может оставаться односторонней вечно. Правительство Израиля готово свято чтить и дух и букву всех пунктов Соглашения о перемирии. Однако соблюдение договоренностей невозможно лишь в одностороннем порядке. Если они нарушаются другой стороной, придерживаться их не обязательно и нам. Если границы не преграда для диверсантов и убийц, они не могут стать помехой на пути защитников. Если наши права грубо попираются на море и на суше, нам необходимо сохранить за собой свободу действий для адекватной защиты. Наша цель — мир, но мы не собираемся кончать жизнь самоубийством.»

6

Премьер не мог бы более ясно выразить перед депутатами Кнессета свое намерение отдать приказ армии перейти границы, если неуправляемая ситуация сохранится.

Положение дел с безопасностью Израиля ни в коем случае не исправлялось, а блокада Эйлата продолжалась. Бен-Гурион не имел сомнений относительно обязанности Израиля отстоять свободу своего судоходства. Сделать это можно было, только овладев проливом. В соответствии с этим, в начале ноября 1955 г. премьер предложил вопрос вниманию кабинета. Однако, несмотря ни на что, правительство сочло момент неподходящим для силовой акции. Вместе с тем оно уточнило, что Израиль должен действовать «в тех местах и в то время, какие сочтет соответствующими».

Решение было передано мне, на что я отреагировал письмом в адрес Бен-Гуриона 5 декабря 1955 г.

Министру обороны:

Предмет: израильско-египетские отношения

1. Шесть недель назад авиакомпания «Эль-Аль» прекратила полеты своих самолетов над Тиранским проливом по маршруту Израиль-Южная Африка. Сделать это пришлось из-за заявления Египта, что его ПВО будут сбивать все воздушные суда, которые появятся над проливом без соответствующего разрешения властей

Египта, поскольку последний объявил эту зону своей территорией. Я не стану распространяться по поводу обстановки вокруг Тиранского пролива, поскольку она хорошо известна. Но я считаю, что наш нынешний курс в этом вопросе неверен и ведет фактически к утрате нами свободы судоходства и воздухоплавания в районе пролива. Эйлат превратится для нас в порт на озере, возможность выхода и входа в который станет диктоваться Египтом.

Аналогичная ситуация складывалась ранее с доступом на гору Скопус[13] (в Иерусалиме) и с пользованием Латрунской дорогой (между Иерусалимом и Тель-Авивом). И то, и другое нам гарантировало Соглашение о перемирии. Но, с одной стороны, из-за нежелания Иордании выполнять соглашения, а с другой — по причине того, что мы не принудили ее к этому силой, условия эти никогда не выполнялись. В случае с Тиранским проливом все обстоит еще хуже, поскольку:

a) у Египта нет законного предлога запретить проход судов через пролив;

b) возможность осуществлять судоходство в этом районе для нас гораздо важнее, чем право проезжать через Латрун и иметь свободный доступ на Хар-ха-Цофим;

c) блокада пролива есть часть общего плана по овладению Негевом.

2. После заявления Египта мы приостановили полеты наших самолетов по маршруту, проложенному над проливом, вместе с тем мы продолжаем участвовать вместе с египтянами в Смешанной комиссии по перемирию. Подобное поведение говорит о том, что мы не считаем, что их шаг означает прекращение действия Соглашения о перемирии. Нет, скорее наша позиция говорит о том, что на деле мы готовы смириться с египетским «пониманием» условий перемирия и рассматриваем Соглашение как основной документ, регулирующий наши взаимоотношения с этой страной, несмотря на то, что она закрыла пролив для наших кораблей.

3. Формулировка «в тех местах и в то время», какие мы сочтем соответствующими, вполне реалистична, когда и место, и время для подобной акции становятся очевидными. На деле это означает, что действия, предпринятые в каком-то ином месте, а не в проливе, и направленные на то, чтобы косвенным образом послужить для снятия блокады с морского пути, придется вести энергично, решительно и довольно долго. Что же касается времени, мне не кажется, что спустя несколько месяцев момент для захвата пролива окажется более благоприятным. Принимая во внимание наращивание военной мощи Египтом, наши шансы

на успех в подобной операции будут снижаться. Может случиться, конечно, что нам представится более подходящая возможность осуществить военную акцию, однако это станет следствием благоприятного стечения обстоятельств, а не результатом продуманного выбора наиболее подходящих «времени» и «места».

4. В связи с этим в сложившихся обстоятельствах я считаю промедление и нашу верность израильско-египетскому Соглашению о перемирии defacto отказом от права свободного судоходства через Тиранский пролив. Более того, нельзя игнорировать факт недвусмысленных заявлений, сделанных по данному вопросу вами и вашим предшественником на посту премьер-министра. Через генерала Бернса (генерал Э.Л.М. Бернс, канадец, начальник штаба организации, занимающейся в ООН надзором за выполнением условий перемирия) вы известили премьер-министра Египта о том, что политика нашего правительства не допускает одностороннего соблюдения Израилем Соглашения.

Соответственно, мое мнение таково: нам следует как можно быстрее (в течение одного месяца) предпринять операцию по овладению Тиранским проливом.

5. Я должен особо подчеркнуть: при условии, когда у ВВС Египта будут в наличии истребители Миг-15, при том, что у нас нет равных им по классу самолетов, наши шансы на овладение проливом значительно снизятся. Эта сложная операция будет во многом зависеть от нашей свободы действий в воздухе.

Хотя письмо мое адресовалось Бен-Гуриону, мне следовало обращаться не к нему, поскольку он-то как раз выступал за то, чтобы дать приказ армии снять блокаду. Не он, а правительство считало, что время для этого еще не пришло.

Между тем оттягивание принятия силового решения не снимало проблемы. Даже и годом позже перед Израилем все так же оставался выбор: лишиться выхода в Красное море или же обеспечить себе свободу судоходства путем захвата пролива.

7

Альтернативный вариант — разрешить проблему за столом переговоров — для Израиля отсутствовал, поскольку арабы не желали договариваться. Подобная позиция не была случайной, она являлась следствием их нежелания признавать Израиль и устанавливать с ним мирные отношения. Арабы не собирались решать те или иные проблемы, они хотели одного — уничтожения государства Израиль, а этого невозможно было добиться за столом переговоров.

Во время первой войны попытка арабов не удалась, и в 1948 г. предприятие, целью которого было стереть с лица земли

маленькую общину евреев, потерпело крах. Армия Ирака, принимавшая участие в войне, после понесенного поражения вернулась восвояси, но Египту, Иордании, Ливану и Сирии пришлось подписать Соглашения о перемирии с Израилем, войска которого могли в противном случае продолжить победное шествие и вторгнуться на территорию арабов. (Фактически, на юге и на севере израильтяне пересекли границу, когда преследовали разбитых египтян по Синаю и гнали ливанцев до реки Литани.)

Заключение Соглашений о перемирии было достигнуто в соответствии с решениями ООН и на основании Устава этой организации при посредстве представителя ООН доктора Ральфа Банча. В преамбуле к документу говорится: «Участники настоящего соглашения, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности от 16 ноября 1948 г., призывающей их в дополнение к статье 40 Устава ООН к ведению мирных переговоров, с целью облегчения процесса перехода от действующего на сегодняшний момент перемирия к прочному миру в Палестине, придя к решению начать переговорный процесс под эгидой Организации Объединенных Наций, во исполнение резолюций Совета Безопасности от 4 и 16 ноября 1948 г., назначив представителей, полномочных вести переговоры и заключать Соглашение о перемирии… договорились о следующих условиях…»

Однако ООН, под эгидой которой велись переговоры, занималась не только организацией процесса, подготовкой документов и созданием условий для их подписания. На ООН также возлагался надзор за исполнением условий договора, с каковой целью был создан специальный штаб военных наблюдателей.

Потому нет ничего удивительного в том, что представители ООН, Генеральный секретарь и начальник штаба организации, занимающейся в ООН надзором за выполнением условий перемирия, служили в качестве посредников и своеобразных офицеров связи между Израилем и его арабскими соседями. Эти сотрудники ООН постоянно перемещались из столицы одной страны в другую — чаще всего из Иерусалима в Каир, — стараясь предотвращать пограничные столкновения и способствовать ослаблению напряженности.

Деятельность начальника штаба организации, занимающейся в ООН надзором за выполнением условий перемирия (в период с 1954 по 1956 гг. этот пост занимал генерал Бернс), носила преимущественно технический характер. Бернс вступал в обсуждения политических вопросов, только когда сопровождал генерального секретаря, каковым в ту пору являлся Даг

Хаммаршельд. Организация, занимающаяся в ООН надзором за выполнением условий перемирия, уделяла внимание в основном расследованиям уже имевших место инцидентов. В соответствии с жалобой одной из сторон, организация выясняла обстоятельства случившегося и по результатам проведенной работы направляла доклад на имя генерального секретаря, или, если совершалось какое-то особо серьезное нарушение, в Совет Безопасности. Ни одна из сторон — ни арабы, ни израильтяне — особо не полагалась на организацию, занимающуюся в ООН надзором за выполнением условий перемирия, понимая, что орган этот есть не что иное, как почтовый ящик, способный принимать жалобы, но не наделенный реальными полномочиями для принятия необходимых решений. В 1955-м, когда значительно активизировалась деятельности фидаинов, генерал Берне попытался добиться от египетских властей обуздания террористов, но ничего из этого не вышло. В своей книге «Между арабами и израильтянами» он написал: «Не было никакого способа доказать, что приказы о совершении террористических актов фидаины или иные бандиты получали из Каира. Когда в личных беседах я или генеральный секретарь обвиняли арабское руководство в организации нападений фидаинов (на Израиль), то слышали в ответ, что власти могут остановить терроризм, но никогда не получали признания в том, что они сами стоят за этим».

Генеральный секретарь Даг Хаммаршельд занимался вопросами политического характера. Он встречался с самыми высокими представителями враждующих сторон, но результаты его усилий были ничтожны. Все его попытки склонить Насера хотя бы к обещанию подчиниться решению Совета Безопасности и предоставить Израилю право свободно пересекать Тиранский пролив и Суэцкий канал, а также прекратить атаки фидаинов, оказывались бесплодными.

В конце 1955 и в начале 1956 г., когда напряженность в регионе достигла пика, максимально активизировались и представители ООН. В декабре 1955-го премьер-министр Давид Бен-Гурион сообщил генералу Бернсу, что правительство Израиля располагает достоверной информацией относительно того, что за рейдами фидаинов стоит египетское руководство. Премьер обратился к Бернсу с просьбой потребовать от Насера выполнения Соглашения о перемирии, а в особенности двух статей этого документа. Одна из них касалась полного прекращения огня и предотвращения нападений на мирное население одного государства представителями соседней страны. Другая (а именно, статья 1) содержала четыре основных ограничения. Она

запрещала «применение военной силы для решения палестинского вопроса». Согласно еще одному пункту, каждая сторона обязывалась «не предпринимать, не планировать и не создавать угроз… агрессивных действий с использованием вооруженных сил — на суше, на море или в воздухе — против граждан или вооруженных сил другой стороны». Статья гарантировала «право каждой стороны на безопасность от нападений со стороны вооруженных сил другой» и «устанавливала перемирие между вооруженными силами обеих сторон, призванное стать неизбежным шагом на пути ликвидации военного конфликта и восстановления мира».

Генералу Бернсу и потом Дагу Хаммаршельду, посетившему Каир через несколько недель после начштаба, не удалось убедить Насера отказаться от его агрессивного курса.

Прошло еще два месяца, и 14 марта 1956 г. Израиль направил в адрес Совета Безопасности ООН жалобу на нарушения мира арабами, осуществлявшими вылазки из сектора Газа. К жалобе прилагался список из 180 враждебных акций, совершенных египтянами на протяжении трех месяцев с декабря 1955 по март 1956 г., включавший в себя минирования, обстрелы и убийства. Обстановка продолжала накаляться. Нападения фидаинов и карательные операции, которыми армия Израиля отвечала на выпады арабов, становились все более частыми и ожесточенными. Генеральный секретарь решил вернуться на Ближний Восток с тем, чтобы попытаться разрешить кризис, и 10 апреля прибыл в Израиль. После бесед с израильтянами он отбыл в Каир и опять вернулся в Иерусалим, затем вылетел в Амман и снова в Иерусалим, потом опять в Каир. Все эти поездки Генеральный секретарь совершил на протяжении одной недели, и в какой-то момент показалось, что на сей раз его усилия увенчаются успехом. 17 апреля он получил от Бен-Гуриона письмо следующего содержания:

«Настоящим подтверждаю от имени правительства Израиля, что, в соответствии с параграфом 2 статьи 2 израильско-египетского Генерального соглашения о перемирии, Армии Обороны Израиля даны четкие инструкции, запрещающие всем ее частям и подразделениям с 18.00 (по израильскому времени) 18 апреля 1956 г. вести огонь через границы, установленные в соответствии с условиями перемирия, а также запрещающие для каких бы то ни было целей пересекать эти линии перемирия любым военным или полувоенным формированиям, включая нерегулярные части. Эти распоряжения даны и будут исполняться при условии аналогичных шагов со стороны Египта.»

Два дня спустя, 19 апреля, находившийся в то время в Каире

Хаммаршельд уведомил Бен-Гуриона, что правительство Египта приняло со своей стороны адекватные меры и что приказы о прекращении огня вступили в силу в 18.00 18 апреля.

Хаммаршельд вздохнул с облегчением, искренне уверенный в том, что смог погасить пожар и предотвратить возможность очередного возгорания. Однако 29 апреля, когда Генеральный секретарь все еще находился на Ближнем Востоке, заслуженный человек, вожак кибуца Нахаль-Оц Рой Рутенберг, пал жертвой египетского пограничного патруля, открывшего по нему огонь с территории сектора Газа. В тот же день командирская машина подорвалась на мине около Нир-Ицхака, у южной границы сектора. Израиль никак не отреагировал на случившееся, полагая, что акции проводились без ведома Каира. Но прошло несколько дней, и иллюзии были развеяны. Фидаины взялись за дело с новым рвением. Проникая в Израиль как из сектора Газа, так и с территории Иордании, они минировали дороги, убивали мирных граждан, забрасывали гранаты в окна домов, обстреливали проезжавшие по шоссе автобусы. Все вновь вернулось на круги своя.

На сей раз Хаммаршельд не проявил готовности приехать на Ближний Восток по своей инициативе. Премьер Израиля также не стал приглашать его.

15 октября 1956 г. Бен-Гурион, подводя на заседании Кнессета итоги и говоря о сложившейся обстановке, сказал следующее:

«В своем докладе Совету Безопасности 9 мая 1956 г. Генеральный секретарь осудил «репрессалии». Хотя в Уставе ООН особо не оговариваются гарантии права каждого государства на самооборону, таковое право существует само по себе. Аппарат ООН продемонстрировал свою неспособность — я не говорю, нежелание — сделать что-то, чтобы реально помешать систематическому истреблению граждан Израиля. Насколько мне известно, наша страна — единственное государство, жизнь населения которого подвергается опасности со стороны банд убийц, посылаемых через границу с территории соседних стран. Я не могу поверить в то, что какое-либо другое правительство смирилось бы с тем, что его народ отдан на милость террористов, организацией действий которых занимается руководство другого государства. Наблюдатели ООН и Генеральный секретарь отлично знают, что бандиты сеют смерть по воле своих правительств и что главным организатором банд, который финансирует, обеспечивает снаряжением, предоставляет базы для подготовки террористов и направляет их активность, является Египет. Фидаины, захваченные нами во время акций, признавались в этом

в ходе разбирательств. А египетский министр вакфов[14], Хасан эль-Бакури, заявил 11 апреля во время выступления по «Голосу Каира» («Саут-эль-Араб»), подконтрольному диктатору Египта: «Нет никаких причин, почему фидаины, которые ненавидят врага, не должны проникать на территорию Израиля, чтобы превращать в ад жизнь его населения».

Правительство Израиля не собиралось позволять превращать жизнь собственных граждан в ад, а значит, убийцам и их хозяевам предстояло держать ответ за совершенные злодеяния.

Четырнадцать дней спустя, 29 октября 1956 г., началась Синайская кампания.

ГЛАВА ВТОРАЯ
СИНАЙСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

1 сентября 1956 г.

На заседании генштаба тем утром присутствовал премьер-министр и министр обороны Давид Бен-Гурион. Речь шла об использовании нами бронетехники. Посредине совещания поступил «не терпящий отлагательств» сигнал из Парижа от нашего военного атташе, сообщившего мне о планах британцев и французов захватить Суэцкий канал и аннулировать приказ о национализации этого объекта. (Насер объявил о национализации Суэцкого канала 27 июля 1956 г.) Как стало известно, предстоявшая операция получила название «Мушкетер», командовать ею должен был британский генерал сэр Чарлз Кейтли, а в роли его заместителя выступал французский вице-адмирал Пьер Баржо.

В последующие несколько дней к нам поступали разведданные из других источников, позволявшие сделать вывод о том, что политическая ситуация в ближайшее время будет обостряться.

Во время перерыва на рабочий завтрак мы посовещались относительно данного вопроса и пришли к выводу, что нам в любом случае надлежит приготовиться к войне, которая разразится в нашем регионе. Соответственно, я сократил количество встреч в генштабе, намеченных на ближайшие две недели, и приказал помощникам подготовить мои визиты в боевые части.

Если Британия и Франция захватят Суэцкий канал и силой оружия восстановят его международный статус, политические последствия этой акции будут для нас весьма важными. В результате, помимо того, что будет восстановлено (как я смел надеяться) судоходство Израиля через канал, Британия окажется в состоянии войны с Египтом, что послужит нашим интересам. Я хорошо помнил слова, сказанные мне королем Иордании Абдаллой незадолго до того, как его убили. Он признавался, что был готов урегулировать отношения с Израилем, но британский представитель Киркбрайд (сэр Александр Киркбрайд, британский министр в Аммане) высказался против, поскольку опасался, что этот шаг осложнит добрые взаимоотношения между Британией и Египтом. В те времена — в конце сороковых — Британия поддерживала арабов и разжигала у них националистические настроения, а взаимоотношения с Египтом рассматривала как

базовые в своей политике на Ближнем Востоке. Вот интересно, думал я тогда, считает ли британский премьер Энтони Идеи, что его стране по-прежнему стоит препятствовать установлению добрососедских взаимоотношений между Иорданией и Израилем ради того, чтобы Британию не сочли произраильски настроенной в Египте (в Египте короля Фарука!)[15].

В тот же вечер радио Каира сообщило о том, что израильский патруль на границе сектора Газа понес серьезные потери. Правда заключалась в том, что ни один из наших военнослужащих не был убит или ранен, никто не пропал без вести. Интересно, верили ли люди в Газе тому, что вещало каирское радио, или же давно уже поняли: все, что там говорится об Израиле, — не информация, а пропагандистская ложь.

7 сентября 1956 г.

Вчера я в компании начальников отделов генштаба посещал штаб бронетанковых войск. Нам удалось заполучить еще некоторое количество танков, и мне хотелось выяснить, что можно сделать для ускорения подготовки дополнительных экипажей.

Сегодня я побывал в штабе ВВС для ознакомления с обстановкой и с тем, как ведется обучение личного состава в свете предстоящих событий. Я особо подчеркнул, что, принимая во внимание складывающуюся ситуацию, нам нужно готовиться к тому, что, возможно, придется задействовать в боевых операциях все имеющиеся самолеты, включая и новые приобретения. Мы не могли позволить себе пропустить благоприятную возможность нанести удар по Египту, равно как не имели права, при наличии новой техники, идти в бой на старых машинах из-за нехватки подготовленных летчиков.

Я уверен, что в ВВС понимают всю важность момента и смогут ускорить процесс «выпекания пилотов». Летное начальство собирается пересадить летчиков с винтовых машин на реактивные, минуя промежуточную фазу. С «Харвардов» они перейдут прямо на «Метеоры» без подготовительных тренировок на «Мустангах».

Нехватка людей и куцый бюджет — эти проблемы стали уже хроническими. Нам приходится скрести по всем сусекам, чтобы набрать еще хоть какие-то крохи. Вот сегодня, например, среди всего прочего, мне пришлось отменить отъезд на учебу за рубеж девяти офицеров. Конечно, оставив их дома, мы сэкономим 70 000 долларов, однако сомневаюсь, что стал бы поступать подобным образом в другой ситуации.

Послезавтра отправляюсь инспектировать пехотную бригаду «Го-лани», чтобы на месте выяснить, готовы ли они драться.

Девятнадцатого числа аналогичный смотр предстоит бригаде воздушных десантников.

17 сентября 1956 г.

Неделю назад я отдал приказ начальникам отделов генштаба изучить различные планы возможных операций на Египетском фронте. Масштабы задач разнились от овладения всем Синайским полуостровом до ограниченных акций, связанных с взятием под наш контроль Тиранского пролива (в южной оконечности Акабского залива) или сектора Газа. Сегодня по этому поводу я собрал совещание всего оперативного отдела генштаба, включая высших офицеров ВВС и ВМФ.

Я обрисовал политическую и стратегическую обстановку, в соответствии с указаниями министра обороны, сделав отдельный упор на проблемы международного характера и на узко специфические — наши проблемы. Операция, которая, вероятно, начнется в ближайшее время, продиктована необходимостью возвращения международного статуса Суэцкому каналу. Это не есть сугубо израильский вопрос, однако решение его имеет огромную важность для нашей страны. Мы вовсе не горим желанием выходить к Суэцу и становиться участниками боевых действий за данный объект. Совсем иное дело Тиранский пролив (узкий проход между островами Тиран и Санапир и Шарм-аш-Шейхом), а также сектор Газа. Это вопросы, напрямую затрагивающие интересы Израиля, поскольку от решения первого зависит судоходство из Эйлата, а второго — безопасность Израиля.

Военные акции в отношении этих последних объектов мы можем предпринять по своей собственной инициативе, во взаимодействии с войсками, действующими против Египта, или же без какого-либо контакта с ними тогда, когда правительство Израиля сочтет это необходимым.

24 сентября 1956 г.

Сегодня Бен-Гурион созвал специальное заседание кабинета с тем, чтобы одобрить ответное применение военной силы против Арабского легиона Иордании[16]. При всем нашем нежелании обострять арабо-израильский конфликт в тот момент, когда Запад собирается воевать с арабами за канал, и предоставлять британцам шанс обвинять во всех грехах Израиль, покрывая таким образом свое бездействие в деле Суэца, мы не могли не принять решительный мер против Иордании. Арабское общественное мнение рассматривает террористическую деятельность против Израиля как неотъемлемую часть войны. Бандитские вылазки помогали удовлетворить кровожадное желание мести и залечивать раны, нанесенные национальному

арабскому самолюбию вследствие поражения в Войне за независимость. Арабские государственные руководители, включая короля Иордании Хусейна, в своих предназначенных «на экспорт» заявлениях уверяют мировое сообщество в том, что бессильны предотвратить террор, который, как они говорят, дело рук палестинских беженцев. В то же время они приветствуют терроризм и поддерживают его, тогда как акты террора осуществляются специально подготовленными военнослужащими из армейских частей, фидаинами, которые посылаются из сектора Газа в Иорданию, Сирию и Ливан (где они получают оружие и деньги через посольства Египта в этих странах). Нет никакого сомнения в том, что в сложившейся обстановке единственным средством остановить эти рейды против гражданского населения Израиля являются вооруженные акции против военных объектов на территории арабских стран. Мы надеемся с помощью этих операций убедить арабские правительства в том, что в их же собственных интересах воспрепятствовать деятельности фидаинов, поскольку в конечном итоге все увидят слабость арабских армий, не способных противостоять израильтянам на поле боя. Все это чревато для арабских руководителей потерей престижа и репутации.

С политической точки зрения, очень и очень непросто в мирное время отдать приказ войскам перейти границу и атаковать объекты на чужой территории. Вместе с тем за последнюю неделю террористическая активность со стороны Иордании возросла настолько, что мы уже не в состоянии позволить себе бездействовать.

Двадцать второго числа этого месяца — два дня назад — с позиций Арабского легиона к северу от Вифлеема был открыт пулеметный огонь по группе наших археологов, посещавших место раскопок в Рамат-Рахель, в южных предместьях Иерусалима. Арабский пост расположен поблизости от монастыря Мар-Элиас, поэтому израильские археологи представляли собой отличную мишень для пулеметчика. Спустя несколько секунд четверо из них были убиты, а шестнадцать получили ранения.

Вчера имели место еще два инцидента также поблизости от Иерусалима, в новом поселении иммигрантов Аминадав, расположенном неподалеку от границы с Иорданией. Две женщины, мать и дочь, собирали дрова для очага, когда арабские легионеры открыли по ним огонь из Кафр-Бейтира. Обе получили ранения, но матери удалось добежать до Аминадава и позвать на помощь. Когда она с несколькими поселенцами вернулась за дочерью, то нашла ее зарезанной. Арабские солдаты перешли границу Израиля, убили девушку, отрубили ей руку и унесли с

собой.

Второй случай произошел в кибуце Маоц-Хаим в долине Бейт-Шеан, где границей между Иорданией и Израилем служит река Иордан. Здесь арабские солдаты перешли реку, застрелили молодого тракториста, работавшего на пашне, оттащили его тело к Иордану и бросили в воду.

Во всех трех описанных выше случаях арабы, вне сомнения, знали, что имеют дело с мирными гражданами, занятыми своим повседневным трудом, как сознавали нападавшие и то, что действовали на израильской территории.

25 сентября 1956 г.

Сегодня, примерно в 08.30 я встречал Бен-Гуриона на военном аэродроме в Рамле, куда он прилетел на «Пайпер-Кабе» из Сде-Бокер[17]. Хотя Бен-Гурион отнюдь не молод, — в этом году ему исполнится шестьдесят восемь лет, — он каждую пятницу неизменно отправляется на машине по ухабистой дороге из Иерусалима или Тель-Авива в свое скромное крестьянское жилище в кибуце Сде-Бокер, что в пустыне Негев. В воскресенье утром он едет обратно на «Пайпере», а условия полета на этой машине комфортабельными не назовешь. Для Бен-Гуриона его поселение в Негеве есть высочайшее воплощение идеи возрождения Израиля, граждане которого — иммигранты и те, кто родился на этой земле, — отринув комфорт городских жилищ, превращают пустыню в пригодное для жизни человека место. Антитезой этому является в глазах премьера Тель-Авив. Когда мы шли по его заполненным людьми улицам, я сам слышал, как Бен-Гурион недовольно пробормотал: «Ниневия!»

На аэродром прибыл также и Шимон Перес (генеральный директор Министерства обороны). Втроем мы на машине поехали в Иерусалим. Я предложил Бен-Гуриону избрать в качестве мишени для карательной акции один из четырех объектов: Дахарию в горах поблизости от Хеврона, Дженин в Самарии, Хусан или Цуриф; два последних в горах у Иерусалима. Во всех четырех точках дислоцировались части вооруженных сил Иордании. Удар по ним не мог причинить вреда гражданскому населению.

Бен-Гурион склонялся к тому, чтобы провести ограниченные акции в районе Иерусалима, как бы подчеркнув этим связь между операцией и регионом, из которого нападали арабские террористы.

Затем мы обсудили результаты визита Переса во Францию, откуда он только что вернулся. Похоже, Кристиан Пино, министр иностранных дел Франции, уехал со второй Лондонской конференции (21 сентября) очень и очень расстроенным. Созвать

это учредительное собрание, которое должно было стать конференцией пользователей Суэцкого канала, предложил госсекретарь США Джон Фостер Даллес. Однако Пино понял, что на самом деле американцы стремились к тому, чтобы спустить на тормозах проблему, возникшую из-за национализации Суэцкого канала. Пино считал, что британцы не начнут военной операции против Насера, несмотря на стремление премьера Энтони Идена сделать это, поскольку его намерения встречали противодействие даже со стороны представителей правящей партии. С другой стороны, в Министерстве обороны Франции крепнет убежденность в необходимости предпринять военную акцию против Египта и в том, что французы должны начать ее, даже если им придется действовать в одиночку. В этом случае, как считали военные Франции, Британия в конце концов подключится к кампании. Вмешательства США французы не ожидают, что же до Советского Союза, то его реакцию предугадать нельзя.

26 сентября 1956 г.

Прошлой ночью мы осуществили карательную операцию против гарнизона Арабского легиона крепости Тегарта в Хусане. (Название «крепости Тегарта» получили хорошо укрепленные полицейские форпосты, возведенные в ключевых точках на территории Палестины администрацией британского мандата в конце тридцатых годов по рекомендации сэра Чарлза Тегарта, советника по вопросам безопасности.) В ходе подобных акций я предпочитаю находиться на передовом командном пункте атакующего подразделения. В конце концов война, пусть даже маленькая боевая операция, главная работа армии. Не знаю уж, нравится ли командирам видеть меня рядом, но, когда подворачивается возможность, я стараюсь находиться на передовой и наблюдать за боем, а если надо, и вмешиваться в руководство. Считаю, что это лучше, чем, читая о случившемся в рапорте на следующее утро, демонстрировать задним числом собственную мудрость, указывая, как и кому нужно было поступить.

Тыловой штаб этой части находился в поселении Мевуот-Бетар. Я оставил там машину и пешком направился на КП бригады, расположенный на холме в нескольких сотнях метров от позиций противника. Вернувшись в штаб незадолго до рассвета, я узнал, что некоторые из остававшихся там наших людей получили ранения во время обстрела, которому подвергли селение минометчики Арабского легиона. Мой водитель, Ноам, тоже был ранен, но не серьезно, и не утратил чувства юмора. Как сказал Ноам, он поплатился за то, что не послушался меня, хотя я говорил ему, что в бою лучше не находиться в помещении, крыша

которого может помешать твоей звезде защитить тебя. Что же ей делать, ведь она же тебя не видит…

Задача была выполнена — наши солдаты захватили вражеские позиции и сравняли с землей укрепления форта. Однако нам пришлось заплатить дорогую цену: десять погибших и шестнадцать раненых. Противник, насколько известно на данный момент, потерял тридцать девять человек убитыми и двенадцать ранеными. Командование легиона попыталось послать на помощь своим подкрепления, но наши люди устроили на пути противника засаду и не позволили отряду противника соединиться с гарнизоном.

Наибольшие потери мы понесли во время штурма укрепленных позиций неприятеля на склоне холма, где легионеры держались стойко, возможно, потому что им было некуда отступать. Еще одним препятствием, остановившим продвижение бронетехники, стал глубокий противотанковый ров. Пришлось снимать с другого участка роту, чтобы силами ее личного состава завалить ров камнями и землей.

Главная трудность подобных рейдов заключается в нехватке времени. За несколько часов, действуя в кромешной тьме на скалистой местности, покрытой валунами и колючим кустарником, нашим бойцам приходилось захватывать укрепленные приграничные аванпосты, выдвигаться для атаки на полицейский форт, прокладывая по бездорожью путь груженой взрывчаткой технике, взрывать крепость и затем быстро возвращаться, чтобы успеть уйти до рассвета, унося с собой не только раненых, но и всех убитых. Во время таких операций наши командиры шли в атакующих шеренгах своих подразделений и после каждой битвы мы недосчитывались кого-нибудь из этих храбрецов. Во время последней такого рода акции в начале месяца, когда мы атаковали пост иорданской полиции в Рахаве (на шоссе Хеврон — Беершева), получил серьезнейшее ранение лучший из наших коммандос. Это был двадцатиоднолетний серен (капитан) Меир Хар-Цион, чьи качества бойца и беспримерная храбрость стали легендой в армии. Пуля попала капитану в горло. Жизнь Хар-Циону спас офицер-медик, который подполз к раненому под огнем и сделал трахеотомию с помощью перочинного ножа. Не знаю, найдется ли хоть один офицер-ветеран среди десантников, который не был бы ранен в подобных операциях[18].

Часть вернулась назад в Израиль перед самым рассветом. На пункте сбора их уже ждали санитарные машины, чтобы как можно быстрее доставить раненых в больницу. На одной половине столовой в Мевуот-Бетар вернувшихся с задания военнослужащих

угощали чаем с бутербродами, а на другой — привыкшие вставать рано члены кибуца наскоро готовили завтрак перед тем, как выйти в поле.

Выслушав донесения офицеров о деталях сражения и установив благодаря этому, какие ошибки были допущены при планировании операции, я вернулся в главную ставку. Со мной вместе поехал офицер-десантник У., получивший легкое ранение и не пожелавший отправляться в госпиталь. Предрассветный ветерок и ухабы на дороге не давали шанса задремать, и мы разговорились. Среди прочего У. рассказал мне о двух молодых офицерах из своей части, которые свихнулись на почве спиритизма и всякий раз по ночам, когда не велись боевые действия, «разговаривали» с павшими товарищами. Когда У. назвал мне имена офицеров, я не поверил своим ушам, поскольку считал их самыми умными и трезвомыслящими молодыми людьми в армии. Когда я сказал об этом У., он, к моему удивлению, очень помрачнел и ответил, что после двух лет рейдов никакой ум и никакая способность трезво мыслить не поможет солдату, если он того хочет, видеть рядом с собой погибших друзей, поскольку в такой обстановке грань между жизнью и смертью становится трудноразличимой.

27 сентября 1956 г.

Большая часть разговоров во время нашей с Бен-Гурионом сегодняшней встречи была посвящена анализу политической ситуации и на ее фоне вопросам безопасности. Внимание Бен-Гуриона приковывала позиция Соединенных Штатов и Британии. Америка внушала беспокойство, поведение Британии — недоверие. Премьер опасался, что британцы могут ради демонстрации дружественного отношения к арабам выступить в войне на стороне Иордании. Полномасштабный вооруженный конфликт между нами и этой страной мог разыграться в любом из трех случаев:

1. Если Иордания придет на помощь Египту при условии, что это государство окажется в состоянии войны с нами.

2. Если террористические рейды с территории Иордании и наши ответы на них перерастут в широкомасштабные военные действия.

3. Если в Иорданию войдет армия Ирака, и особенно если она дислоцируется на границе с Израилем.

В настоящий момент взаимоотношения между Ираком и Иорданией не вполне ясны. Иорданцы колеблются, склоняясь то к про-египетской, то к проиракской позиции, а вернее, не знают, на кого положиться, на Египет или на Ирак. В настоящий момент, похоже, Иордания предпочитает укреплять связи с Ираком в

рамках Хашимитской династии[19].

В июне Ирак посетил начальник штаба Иордании, Али Абу-Навар. Результатом поездки стало создание объединенного комитета, включающего в себя начальников штабов и министров обороны обеих стран. Задача органа — выработка путей оказания Ираком помощи Иордании.

Комитет решил, что на первом этапе помощь эта будет выражаться в переброске усиленной иракской дивизии, которая дислоцируется на иорданско-иракской границе, чтобы часть эту при необходимости можно было бы быстро ввести в действие.

Совсем недавно, с обострением отношений между Иорданией и Израилем, король Хусейн полетел в Ирак и встретился с королем Фейсалом на летном поле в Хабании. Монархи обговорили ввод иракской дивизии в Иорданию.

Бен-Гурион всегда очень чувствительно относился к перспективе передислокации иракских войск к израильским границам. Он твердо и открыто заявил, что если это произойдет, Израилю придется выдвинуть войска к Западному берегу реки Иордан. Не знаю, готов ли он действительно решиться на такой шаг или надеется, что угроза вынудит арабов отказаться от их замыслов. В любом случае, в настоящий момент отношения между Израилем и Иорданией весьма натянуты как из-за пограничных инцидентов, так и по причине намерения иорданского руководства открыть двери иракской армии. Вопрос, касающийся поведения Британии в случае начала войны с Иорданией, также далеко не чисто гипотетический.

28 сентября 1956 г.

Заседание генштаба началось сегодня в 10.00. Вечером мы вылетаем в Париж, а потому надо закончить список вооружений и техники, которую мы надеемся заполучить у французов. Инвентаризация матчасти тыла более чем когда-либо показала нам нашу вопиющую нищету. Тем не менее мы умерили аппетиты и включили в список только самое-самое необходимое. Одна из причин скромности — нежелание завысить или создать впечатление, что мы пытаемся завысить свои потребности. Второе, мы не хотим заставлять личный состав нашей армии в последний момент принимать и осваивать техники больше, чем это действительно необходимо. К тому же пропускная способность дорог в нашем регионе ограничена и ни к чему создавать сутолоку на линиях коммуникации.

И без того список немаленький. Туда включены танки, танковые транспортеры, полугусеничные бронемашины, базуки и транспортные самолеты.

Вечером в 19.00 наш самолет поднялся в воздух с военного

аэродрома и взял курс на Париж через Бизерту. Мы собирались вылетать с летного поля «L», но вылетели с аэродрома «D». Пилоты французского самолета, прибывшего за нами в полдень, получили неправильные координаты и не нашли аэродрома «L». Тут вдруг они увидели поле, на котором стояли машины «Мистэр» и «Ураган». Это оказался аэродром «D». «Кому бы ни принадлежало поле, тут стоят наши самолеты, а значит, тут свои», — решил капитан и запросил у диспетчерской разрешение на посадку. Начальник аэродрома, Э. В., ничего не знал относительно прибытия самолета, но он тоже подумал: «Кто бы они ни были, они — свои», и принял машину.

Перелет в Бизерту занял семь с половиной часов. Мы с собой ничего не взяли. Спасибо экипажу, который щедро поделился с нами своими запасами провизии. Каждому из нас выдали по огромной бутыли красного вина, по французскому батону, по ломтю сыра и несколько метров сосисок на всех. Не знаю, чем уж закончится наша поездка, но гастрономическая кооперация между Израилем и Францией вполне состоялась.

По прибытии в Бизерту нас встретил майор французского генштаба и проводил к коменданту базы, адмиралу, который любезно предложил нам отужинать с ним. Часок-другой вздремнув, в 05.00 двадцать девятого мы погрузились в самолет и продолжили путешествие в Париж.

1 октября 1956 г.

Сегодня утром мы встретились с начальником штаба Вооруженных сил Франции, генералом Эли, дома у нашего друга Луи Манжена, советника по вопросам политики при министре обороны Франции, Морисе Бурж-Монури. От Израиля присутствовали я и офицеры из управления нашего военного атташе. Вместе с генералом Эли на встрече были: его заместитель по ВВС, генерал Морис Шалль и его зам. генерал Мартен; полковник Симон от оперативного управления генштаба; офицер от ВМФ и Луи Манжен.

Генерал Эли отзывался об Израиле с большой теплотой и пониманием. В том, что касается манер, речи и вкуса, он очень отличается от своего предшественника, генерала Гийома, которого я тоже знавал, и от генералов Шалля и Мартена. Седовласый Эли высок и худощав, он выглядит и говорит как настоящий интеллектуал. Одна рука у него не работает.

Целью нашей встречи было обменяться информацией и прояснить технические моменты. Беседу начал генерал Эли, поинтересовавшийся численностью и оснащенностью египетских войск. Мы рассказали то, что знали. Похоже, наши сведения совпали с донесениями французской разведки. Затем генерал Эли

коснулся темы нашей безопасности, спросил мое мнение о развитии ситуации на Ближнем Востоке и о том, чем Франция могла бы помочь нам.

Вопросы, заданные французским начгенштаба, предопределяли его позицию. Генерал Эли стремился оказаться полезным Израилю, но не хотел обсуждать планы Франции в отношении Суэцкого канала. Мои попытки перевести разговор на эту тему не дали результата.

В конце встречи генерал Эли спросил, какое вооружение мы надеемся получить от Франции. Я вручил ему список, где значились 100 танков («Супер-Шерман»), 300 полугусеничных бронемашин, 50 танковых транспортеров, 300 полноприводных трехосных грузовиков, 1000 гранатометов базука и эскадрилья транспортных самолетов. Не знаю, докладывали ли ему предварительно о размерах и устройстве Армии Обороны Израиля, но я заметил удивление Эли, когда он услышал, что наши части примерно вчетверо меньше, чем аналогичные французские[20], что боеприпасов, запчастей и горючего для техники нам хватит на двадцать, максимум на тридцать дней интенсивных боев, что у нас имеется всего одна эскадрилья транспортных самолетов и что наши бронетанковые войска укомплектованы устаревшими танками «Шерман» Мк 3. Я добавил, что убежден: даже с тем снаряжением, которым мы располагаем, — то есть, несмотря на скудность нашей материальной части, — мы можем, если дело дойдет до войны с Египтом, разгромить его армию и овладеть Синайским полуостровом в течение двух недель. Если мы не получим дополнительных танков, то поставим базуки на джипы и командирские машины. Главная наша проблема — транспортные средства, способные продвигаться по пустыне. Я не знаю, какое противодействие смогут оказать нам египетские танки, но я также знаю, что такое пустыня. Чтобы победить ее и доставить наших солдат, боеприпасы и другие снабженческие грузы к Шарм-аш-Шейху, нам нужен надежный транспорт.

Генерал Эли просмотрел список и сказал, что постарается сделать все возможное, чтобы удовлетворить нашу просьбу, однако и у него есть трудности. Армия в Алжире постоянно требует присылки все нового снаряжения. Кроме того, ему не хочется урезывать долю вооружений и техники, предназначенных для французских частей на Кипре, которым предстоит участвовать в Суэцких операциях.

По ходу беседы я объяснил генералу Эли, что армия Израиля — по сути армия резервистов. Когда я говорил ему о том, что на всех призванных военнослужащих запаса не хватает снаряжения и

даже формы, что они приезжают воевать на своих машинах, а зимой одеваются в прихваченные из дома пальто и плащи, я видел, что перед внутренним взором Эли нарисовалась картина: разношерстная толпа вооруженных чем попало горожан и селян, как в каком-нибудь восемнадцатом веке, годная лишь на то, чтобы строить баррикады и распевать патриотические песни под яркими знаменами. Разве такое войско способно вести военную кампанию в пустыне, использовать бронетехнику, поддерживать в рабочем состоянии длинные линии коммуникаций?

Вечером мы отправились обратно в Израиль. Несмотря на то, что лил дождь, мы не отказали себе в удовольствии побродить по улочкам Парижа в оставшиеся до вылета несколько часов. Но первым делом мы отправились в заведение под названием «Храбрый петух», чтобы насладиться добрым французским обедом, и позволили себе выпить кофе в кафе на Елисейских Полях. Когда мы уже уходили и проталкивались через полный посетителей зал между столиками, то услышали, как кто-то произнес на иврите: «Эй, друзья, вы видели, кто прошел? Моше Даян и Шимон Перес. Что-то закручивается, что-то очень и очень секретное происходит. На Моше Даяне были темные очки, он явно не хотел, чтобы его узнавали!»

2 октября 1956 г.

Сегодня вечером в 20.00 я собрал совещание генштаба, чтобы сделать предварительное оповещение. Я сказал офицерам о том, что вполне вероятно — хотя правительство еще не приняло решения, — нам предстоит кампания против Насера. Примерная дата начала военных действий — 20 октября 1956 г., и, по моему мнению, война продлится около трех недель. Я пояснил, что следствием ожидаемой британской и французской реакции на национализацию Суэцкого канала может стать ситуация, в которой Израилю удастся предпринять вооруженную акцию для деблокировки Акабского залива. С этой целью нам придется захватить Синайский полуостров. Нам надлежит быть готовыми к тому, что арабские государства объединят усилия в борьбе с нами, а следовательно, нам придется обеспечивать безопасность государства на Иорданском и Сирийском фронтах. На данном этапе нет необходимости объявлять мобилизацию резервистов, однако приготовления к этому следует начать. Чтобы скрыть наши истинные планы, подобные приготовления нужно будет объяснить возможностью ввода иракских сил в Иорданию; этот шаг вынудит армию Израиля захватить Западный берег реки Иордан.

Я приказал отозвать всех наших офицеров, проходивших военную подготовку за границей. Участие в кампании даст им

больше опыта и знаний, чем курс лекций и практических занятий в любом военном училище. Более того, они наши товарищи и не простят нам, если мы станем сражаться с врагом, оставив их сидеть в аудиториях штабных колледжей Франции и Британии — не для того они добровольно пришли служить в Армию Израиля.

Сказанное мной буквально наэлектризовало собравшихся. Они изо всех сил стремились сохранять спокойствие, пряча свое возбуждение за холодными выражениями лиц, старались владеть голосами, но я чувствовал: для них война уже началась.

За столом сидела верхушка Армии Обороны Израиля: региональные командующие, командующие бронетанковыми войсками, ВВС и ВМФ. Большинству из них не исполнилось еще и сорока. Но не только молодостью объяснялось их волнение, но и характером. В последнее время командовать боевыми частями не посылали людей, которые в критической ситуации говорили: «Ну, может быть…» Эти молодые полковники и генералы познали, что такое война, на личном опыте. Они начинали во главе взводов и даже отделений и шаг за шагом поднялись по лесенке до командиров бригад и дивизий. Они в полной мере осознавали все значение сказанного мной на совещании. Они не страшились того, что предстоит, а скорее ждали этого. Интенсификация активности арабских террористов и наши ответы на вылазки бандитов вели к росту психологического напряжения в рядах военных. Более всего угнетало то, что, несмотря на все усилия, на все победы, оплаченные кровью наших лучших бойцов, проблема была все так же далека от разрешения.

Сегодня вечером они наконец-то услышали то, чего так ждали: приближается час решительной битвы. Одна из целей ее — выбить египтян из эль-Ариша на севере и из Шарм-аш-Шейха на юге. Успех кампании будет означать, что корабли из Эйлата смогут выходить в Красное море, а в секторе Газа и на Синайском полуострове перестанут существовать базы террористов.

После моего доклада мне пришлось отвечать на вопросы, большинство которых касалось технических аспектов мобилизации, перспектив получения дополнительной живой силы и запчастей для техники, а также распределения боеприпасов из неприкосновенного запаса со складов генштаба между частями. Был и один не технический вопрос. Бригадный генерал И. спросил, какова вероятность присылки «добровольцев» из России и других стран советского блока на помощь Египту?

Мы не раз спрашивали себя об этом и прежде, однако раньше вопрос звучал в общих докладах политического и стратегического характера. Сегодня же он стал как никогда актуальным. Наша армия готовилась к сражению с арабами, и командиры знали, что,

несмотря на численное превосходство в живой силе и технике, арабские войска уступают нашим по боевым качествам. Но что если нам придется столкнуться в бою с поляками, чехами или русскими? В ответ я сказал следующее:

1. Чем короче кампания, тем выше шанс, что никаких «добровольцев» не будет.

2. Даже если они появятся, то скорее всего можно ожидать чехов или поляков, но не русских.

3. К тому же такие «добровольцы», по всей видимости, окажутся не пехотинцами или танкистами, а летчиками, так что встретимся мы с ними только в небе. Не думаю, что это будет приятнее, чем сталкиваться с египетскими пилотами, но в конце концов поляки и чехи, это всего лишь поляки и чехи. Совещание закончилось. Пока оно шло, все участники держали при себе своих офицеров связи, которые теперь опрометью помчались в штабы. Колеса закрутились.

До двадцатого у нас оставалось всего семнадцать суток — совсем немного времени на все приготовления, особенно учитывая то, что в целях сохранения режима секретности мы не могли начать призыв резервистов. Но я не сожалел об этом, потому что, несмотря на все порождаемые спешкой трудности, мы сумеем сохранить главное преимущество — внезапность. А если мы сумеем сохранить в тайне время начала операции и то, что целью ее является захват Синайского полуострова, это будет огромное военное достижение. Я прекрасно осознавал то, на какой риск мы идем, откладывая мобилизацию, дать старт которой собирались за четверо-пятеро суток до начала кампании. Нашим людям придется без какой-либо подготовки, бросив работу на предприятиях и в учреждениях, в один день стать солдатами на войне. Я знаю, сколь тяжел будет этот переход, но внезапность стоила того.

3 октября 1956 г.

Сегодня прошло совещание в моем кабинете в генштабе. Первая половина встречи в узком кругу была посвящена матчасти. Разногласий не отмечалось. Мы сошлись на том, что помощь в этом направлении нам будет оказана, хотя и не в тех масштабах, в которых мы просили. Из Парижа поступили сведения о том, что вопрос о предоставлении нам 200 полугусеничных бронемашин[21], 100 танков «Супер-Шерман», 20 танковых транспортеров и 300 полноприводных трехосных (6x6) грузовиков решается положительно.

На второй части встречи обсуждалась оперативная сторона предстоящей кампании, и тут мнения разошлись. Начали мы с ВВС, которым отводилась самая большая роль в наступлении. Для

того, чтобы справиться с задачей, летчикам придется выложиться полностью, поскольку, если нам не удастся с самого начала напасть на египтян неожиданно и уничтожить вражеские самолеты на земле, наш план провалится.

Затем мы перешли к обсуждению схемы действий наземных сил — пехоты, бронетехники и десантников, — и я особо подчеркнул, что наиважнейший фактор для нас — скорость, и мы должны закончить кампанию как можно быстрее. Чем дольше она продлится, тем больше у нас будет трудностей, прежде всего политического характера: это и давление со стороны Соединенных Штатов, и направление в Египет «добровольцев». Таким образом, все необходимо завершить в течение не более чем двух недель. За это время нам необходимо завоевать весь Синайский полуостров.

Но необходимость спешить диктовалась не только проблемами политического свойства. С оперативно-тактической точки зрения, нам тоже следовало действовать как можно быстрее, поскольку именно в таких условиях было проще всего реализовать наши главные преимущества перед египетской армией. Я не имею в виду преимущества в личном плане — каждого нашего пилота против пилота противника, танкового экипажа против танкового экипажа, — а говорю об армии в целом, о ее тактических подразделениях, о группах бригад, бригадах и батальонах, действующих против аналогичных частей противника. Я позволю себе назвать операции египтян схематичными. Ставки командования у противника находятся в глубоком тылу, в отдалении от линии фронта. Любые коррективы в первоначальные планы, как, например, смена диспозиции, образование новой линии обороны, изменение целей атаки и т. д., требуют времени. Время уходит и на получение информации с места сражения, обдумывание ситуации, выработку решения и передачу приказов действующим частям по длинной командной цепочке.

У нас все гораздо проще. Наша система гибка и пластична и менее рутинна. Мы имеем возможность реализовывать планы с помощью отдельных, независимых друг от друга подразделений, командиры которых получают необходимые донесения немедленно и принимают решения на месте. Такое преимущество позволит нам быстро приспособиться к изменившейся ситуации на фронте сразу после прорыва. Я уверен, что мы сможем так построить кампанию, чтобы не дать противнику времени на перегруппировку его войск после первой атаки и будем вести боевые действия безостановочно. Это основа наших планов. Мы создадим специальные боевые формирования для выполнения

каждой отдельной задачи. Каждая из таких групп должна будет идти к цели на одном дыхании, сражаться и прорываться, только вперед и вперед, нигде не останавливаясь.

Я знаю, что подобный подход применим не во всех случаях, но, по моему мнению, он вполне разумен в данной конкретной ситуации, когда задача состоит в захвате Синайского полуострова, а противник — армия Египта. Кроме того, такой способ ведения войны более всего подходит для наших вооруженных сил и вполне в характере наших офицеров. Я могу указать командиру любого подразделения в израильской армии точку на карте — Суэцкий канал — и сказать: «Вот цель, вот основное направление наступления вашей части. В бою вы можете даже не трудиться вызывать меня на связь с просьбами прислать еще солдат, оружия и техники. Мы дали вам все, что нужно, и больше ничего не будет. Держите меня в курсе относительно того, как продвигается наступление. Вам надлежит выйти к Суэцу через сорок восемь часов». Я могу отдавать командирам такие приказы, потому что знаю, офицеры готовы к выполнению подобных заданий и способны их выполнить.

Я сказал, что считаю необходимым выбросить парашютные десанты в непосредственной близости от целей, чтобы перекрыть египтянам пути для подачи подкреплений своим и овладеть господствующими и наиболее тактически важными позициями. Парашютистам придется держаться до тех пор, пока с ними не соединятся части наших основных сил, на что, по моим подсчетам, потребуется примерно сорок восемь часов.

Те, у кого были замечания по поводу предложенного мной плана, не оспаривали саму концепцию. Они считали, что проблема заключается в его практической реализации, и мы приступили к подробной проработке деталей, особенно в отношении того, что касалось организации тыла. Мне указали на то, что план весьма и весьма дерзкий, и что в нем не учтена возможность сбоев. После обсуждения сложилось впечатление, что план еще не окончательно созрел и его пока нельзя доводить до сведения командиров частей и соединений. Мы решили встретиться еще раз, через неделю. Честно говоря, мне самому перестала нравиться эта схема действий. Слишком многое зависит от фронтального наступления и поэтапного продвижения. Оперативное управление выбрало в качестве ключевой позиции для выброски десанта северное направление. Следует пересмотреть это и в заданное время отправить крупное подразделение парашютистов как можно ближе к Суэцкому каналу.

7 октября 1956 г.

Я встретился с начальником службы артиллерийско-технического обеспечения. В наши времена у военачальника масса сложностей с оснащением — нужно очень многое успеть подготовить к началу кампании. (Где же вы, где, старые добрые деньки, когда перед боем полководцу не приходилось думать ни о чем. Ему подводили белого коня, трубач трубил атаку, и все устремлялись на врага.) Чтобы полугусеничные бронемашины оставались на ходу всю кампанию, нам требовалось по меньшей мере 500 запасных траков в дополнение к ста, которые нам прислали из-за рубежа и еще семидесяти, припасенных нами своими силами. Гусеничная техника — единственная, способная преодолеть пустыню и песчаные дюны, так что, возможно, именно на нее нам и придется всецело положиться. Многие «Виллисы» и грузовики стоят в мастерских — не хватает запчастей, чтобы привести автопарк в порядок. На местном заводе компании «Кайзер-Фрейзер», где собирают автомашины, возникли сложности, так что там сейчас ждут прибытия специалистов с основного предприятия в США.

Следующая «головная боль» — танки. Чтобы установить башни с новыми орудиями на Шерманы, нам пришлось «пощипать» некоторые старые Мк 3, в результате чего количественно танковый парк несколько сократился. Легкие французские танки, AMX[22], оснащены масляными фильтрами, которые не спасают двигатели от песка и пыли, что жизненно важно для условий Негева. Придется исправлять ошибку и ставить фильтры, более подходящие для пустыни.

Настоящая беда с винтовками. Наши эксперты-оружейники отправились на завод ФН в Бельгию[23], обнаружили, что винтовки, которые выпускают там для нас, не соответствуют предоставленным техническим требованиям, и отказались принимать продукцию. Никто на ФН особенно не расстроился, поскольку винтовки той же системы заказала у них Сирия!

Снаряжение, предназначенное для парашютистов, не совсем соответствует требованиям, а в некоторых случаях и вовсе не подходит для решения трудных задач, с которыми десантникам предстоит столкнуться на Синае.

Мы с начальником службы артиллерийско-технического обеспечения сошлись на том, что он сам полетит в Бельгию и как-то решит проблему с винтовками, заказанными на ФН. Нам нужны эти винтовки. Что до запасных частей к «Шерманам», то Шимон Перес обещал достать их. Перевозить предстоит по воздуху. Дорого, конечно, но выбора у нас нет. Парашютное снаряжение придется занять у французов, самое необходимое — изготовить своими силами. Денег не хватает хронически. Мне

пришлось приказать задействовать в качестве складов материально-технического снабжения здания кинотеатров в армейских лагерях. Поскольку нет ни времени, ни средств на строительство новых помещений, необходимых для проведения кампании, придется использовать имеющиеся в распоряжении здания. Мы решили, что южнее Беершевы боеприпасы можно хранить под открытым небом.

На штабном совещании сегодня во второй половине дня мы обсуждали проблему мобилизации. Определяющими факторами служили два взаимоисключающих момента. С одной стороны, нам хотелось как можно дольше оттянуть начало призыва резервистов, с другой, мы понимали, что частям необходимо время для организации, приведения в порядок техники, выдвижения передовых дозоров и прочих приготовлений перед битвой. На мой стол легла следующая схема действий. Для подразделений, задача которых состоит в сдерживании возможных атак противника из Иордании и Сирии, мобилизация будет начата в день «Д» и в день «Д» плюс 1 сутки. Также и в случае с резервистами для частей генштаба. Решение основывалось на осознании того факта, что, если даже Иордания и Сирия пожелают вмешаться и выступят на помощь Египту, им все равно потребуется время на подготовку. Для подразделений, задачей которых является захват сектора Газа, мобилизация начнется за четверо суток до дня «Д»; для всех частей бронетанковых войск по схеме: день «Д» минус 8 суток; для тех, кто будет наступать на южном направлении на Нахле и Шарм-аш-Шейх, — день «Д» минус 7.

Я ни при каких обстоятельствах не мог одобрить подобного плана, поскольку он означал старт практически полной мобилизации по всей стране за неделю до начала войны. Ни о какой внезапности тогда речи вести не приходится. Наконец мы сошлись на том, что за несколько суток до того, как откроется кампания, призовем только офицеров. Мобилизация танкистов начнется за трое, а всех остальных за двое суток до дня «Д».

Прошлым вечером я получил письмо от премьера и министра обороны, в котором он писал, что полагает, в такой момент не стоит предпринимать карательных акций в связи с инцидентом в Сдоме, где погибли несколько наших рабочих. (4 октября попал в засаду грузовик, перевозивший рабочих с поташного завода на соляные копи; пятеро погибли. Нападавшие скрылись на территории Иордании.) Бен-Гурион считает, что для нас сейчас очень важен имидж пострадавшей стороны, потому мы непременно должны лишить Идена и Хаммаршельда любых оснований для того, чтобы создавать нам трудности.

8 октября 1956 г.

Сегодня я собирал командирскую группу. Синайская кампания получила кодовое наименование операция «Кадеш», а первый организационно-плановый приказ обозначался как «Кадеш-1» (Приложение 1). (Кадеш — библейское место, где израильтяне провели довольно длительное время — по всей видимости, занимаясь подготовкой к нападению на противника, — в ходе своих странствий по пустыне на пути к Земле обетованной.) Зачитав приказ, я ответил на вопросы и дал соответствующие пояснения в тех случаях, когда требовалась более детальная разработка. Свое выступление я закончил тем, что очертил следующие основополагающие принципы, ставшие директивами предстоящей кампании.

Наша задача — как можно быстрее лишить противника возможности оказывать сопротивление и заполучить в свое распоряжение весь Синайский полуостров. Нам следует попытаться захватить у неприятеля как можно больше вооружений и техники, но мы не должны стараться уничтожить максимальное количество живой силы противника. Даже в случае, если потери Египта окажутся очень большими, все равно он сможет довольно быстро возместить их. Живая сила — не проблема как для Насера, так и для других арабских руководителей, поэтому численное превосходство не есть для нас способ достигнуть преимущества над врагом.

Наша задача — достижение конкретной цели: каждое подразделение должно наступать до тех пор, пока она не будет достигнута. Поэтому части должны быть самодостаточными, то есть иметь при себе все, что им может понадобиться для реализации конечных планов и не зависеть от поставок снабженческих грузов. Если командир видит, что дорога свободна, ему необходимо продвигаться вперед и не останавливаться для зачистки отдельных неприятельских позиций. Не стоит бояться, что египетские части, которые мы обойдем, устремятся в контратаку или перережут наши линии коммуникаций. Не стоит проводить аналогий между действиями египетских и европейских подразделений в одной и той же ситуации.

Схема приоритетов в наших операциях будет следующей:

Первое — высадка парашютных десантов; второе — продвижение за счет обхода противника на его позициях, третье — прорыв. Суть «схемы приоритетов» в данном случае заключается в том, чтобы как можно быстрее и дальше углубиться на вражескую территорию с помощью десанта, а не пробиваться к заданным объектам, наступая по фронту, раз за разом отодвигая

его все ближе и ближе к Суэцу. Точно так же наши пехотные и танковые подразделения должны наступать, не теряя времени, оставляя позади себя неподавленные очаги обороны врага. Задерживаться для штурма неприятельских позиций следует лишь тогда, когда нет способа обойти их, или же на позднем этапе кампании — тогда, когда эти очаги окажутся изолированными и отрезанными от баз в Египте.

В соответствии с предложенным мной подходом, я особо подчеркнул, что первостепенная наша задача — овладение господствующими высотами поблизости от Суэцкого канала, являющегося самым дальним западным рубежом нашего наступления. Сделать это можно, естественно, только с помощью высадки десанта. Затем мы должны идти на эль-Ариш, после этого — на Абу-Агейлу и Шарм-аш-Шейх, и лишь в самый последний момент нам следует заняться Газой, расположенной у границы Израиля.

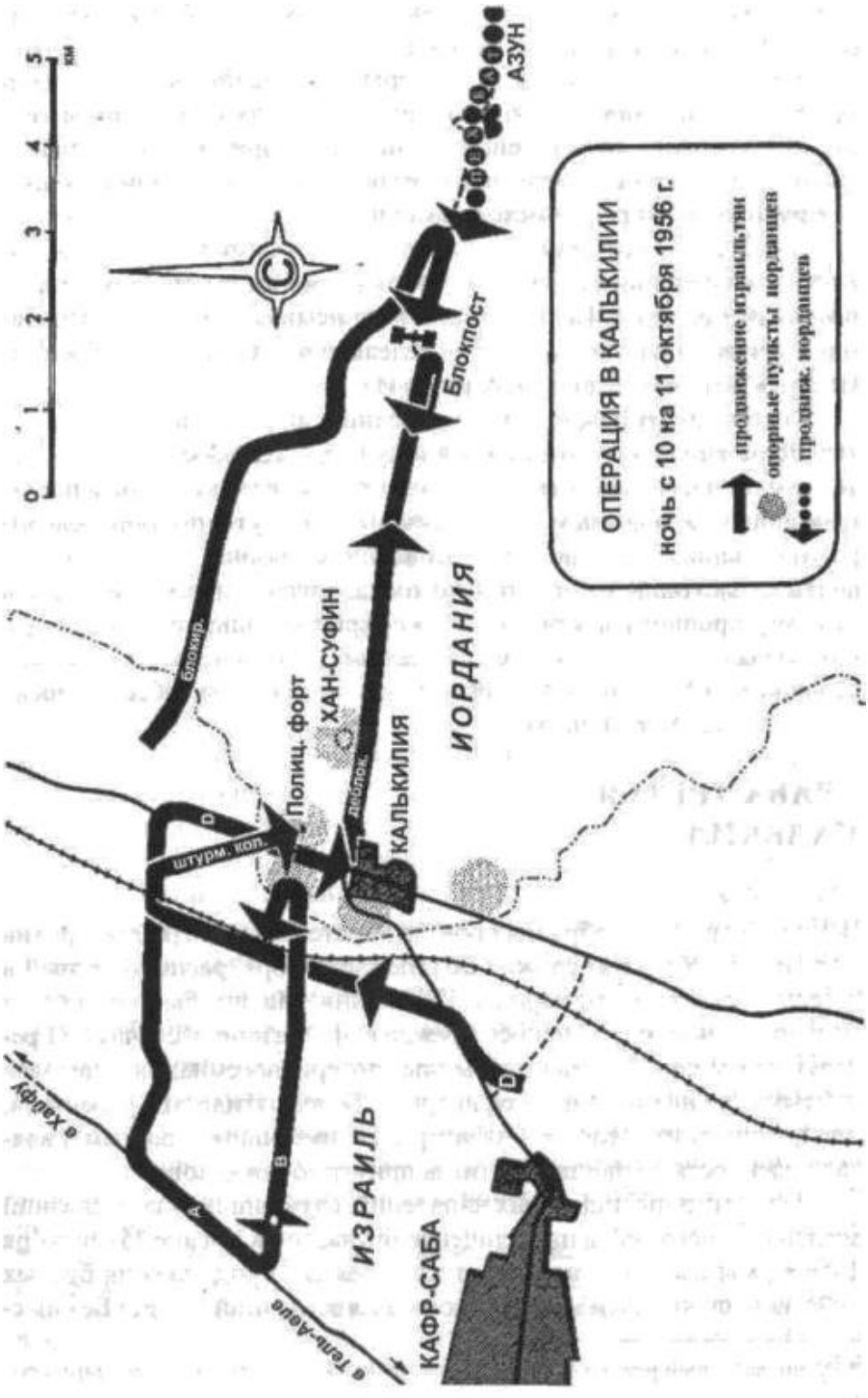
Согласно плану, нашим парашютистам за очень короткое время предстояло выполнить две основные задачи: высадиться около Суэца и захватить определенные объекты, а затем, соединившись с пехотой, приступить к организации еще одной выброски позади позиций неприятеля на пути к Шарм-аш-Шейху. Захват этой точки, самой удаленной в географическом смысле, наиболее важен для нашей кампании. Если мы сможем взять Шарм-аш-Шейх, то завершим процесс овладения Синаем.

Я также подчеркнул, что необходимо планировать действия каждой отдельной тактической группы так, чтобы они не зависели друг от друга, чтобы, если продвижение одной из них застопорится, это не отразилось на наступлении остальных.

9 октября 1956 г.

Сегодня утром на совещание мы занимались проблемой временных назначений. Некоторые из наших лучших боевых командиров перешли на работу в генштаб или в Учебное командование или же находились на учебе за границей. Я считаю, что их нужно направить в подразделения, которые примут участие в Синайской кампании, некоторых, возможно, надо назначить командирами частей вместо нынешних, в тех случаях, когда это оправдано. Я представляю себе, насколько сложна эта задача. Во-первых, для командиров будет ударом то, что их заменяют накануне сражения, во-вторых, такими назначениями мы оголим генштаб и Учебное командование. Как бы там ни было, это необходимо сделать. Если бы нам предстояла затяжная война, тогда бы еще имелась возможность обойтись без такого болезненного предприятия, но в кампании, которая должна продлиться всего несколько недель, необходимо собрать в кулак

все силы в одном месте — в зоне боев. На одну чашу весов придется положить личные чувства смещенных командиров, а на другую — успех всей войны. Особенность операции «Кадеш» заключалась в предоставлении каждому командиру очень широкой свободы действий в условиях боя. Именно им придется принимать жизненно важные решения непосредственно в сражении. Их действия, их умение руководить и решат исход кампании.



Я надеюсь, что те офицеры, которые окажутся ущемленными из-за произведенных нами перестановок, все же сумеют

правильно понять их причины. Так или иначе, подписывая приказы о назначениях, я чувствовал: мы в генштабе сделали все для того, чтобы выставить в поле настоящую «сборную Израиля».

В полдень из Южного командования поступил запрос относительно разрешения на отправку в зону Рафаха дозоров, с тем чтобы те выяснили возможность продвижения танков по тамошним песчаным дюнам. Я опасался, что противнику донесут о подобных дозорах и он заподозрит нас в приготовлениях к войне. Я позволил послать только один дозор и только тогда, когда получил заверения в том, что продвигаться он будет по покрытой галькой вади[24], тогда как по песку пойдут не более двух человек, и эти двое будут обуты в сделанные в Хевроне бедуинские сандалии, которые обычно носят арабские контрабандисты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
КАЛЬКИЛИЯ

12 октября 1956 г.

В ночь с 10 на 11 октября мы провели карательную операцию против иорданцев. Объектом служил полицейский форт, расположенный в северной оконечности городка Калькилия. Масштабы акции были большими, чем это случалось прежде в аналогичных случаях. В результате мы понесли очень серьезные потери: восемнадцать человек убитыми (из них восемь — офицеры) и более пятидесяти ранеными, четырнадцать из которых — офицеры. По имеющимся данным, у врага численность погибших достигла примерно ста человек.

После серии бандитских нападений, случившихся за последний месяц, и нашего рейда на полицейский участок в Хусане 25 сентября 1956 г., мы изо всех сил старались избежать продолжения боевых действий, по крайней мере до окончания заседаний Совета Безопасности, на котором Франции и Великобритании предстояло, наконец, окончательно решить вопрос об операции против Египта.

Между тем провокация, имевшая место трое суток назад, 9 октября, не могла остаться без ответа. Среди белого дня были убиты двое рабочих, трудившихся в апельсиновой роще около Тель-Монд. Чтобы подтвердить выполнение задания, налетчики отрезали убитым уши.

На территорию Израиля из Иордании легче всего проникнуть именно в этом месте, в долине Шарон. На границе отсутствуют естественные препятствия, расстояние же от Калькилии, расположенной на краю иорданской территории, до железной дороги и шоссе между Хайфой и Тель-Авивом, всего не более десяти километров, а до самого Тель-Авива — только двадцать. У нас отсутствует возможность пресечь процесс инфильтрации террористов техническими средствами или за счет усиления патрулей. Если приграничные селения центральной Иордании превратятся в базы для налетов на Израиль, бандиты смогут атаковать наиболее важные районы нашей страны — Тель-Авив и территорию вокруг него. Надо ли удивляться, что теперь, когда враг нацелился в самое сердце Израиля, мы имели все основания для самого серьезного беспокойства.

Кроме того, что вылазка террористов носила особо провокационный характер, нам пришлось столкнуться с совершенно недопустимой реакцией на случившееся со стороны

короля Иордании Хусейна. Раньше, сколько бы мы ни обращались с просьбами к правительству этой страны принять меры против террористов, нам неизменно отвечали через представителей Британии, Соединенных Штатов и ООН, что власти Иордании не в силах обуздать инфильтрацию.

Хотя мы и сознавали, что правительство Иордании не принимает необходимых мер, месяц назад (12 сентября), после убийства в Эйн-Офариме трех израильских друзов[25], мы решили передать королю Хусейну информацию о личностях убийц. Бандиты, убившие друзов, убили также же и пятерых израильских рабочих в Сдоме 4 октября, а теперь находились в руках полиции Иордании, задержанные за контрабанду. Мы надеялись, что хотя бы на столь высоком уровне иорданский режим попытается отмежеваться от убийц и принять меры против них. Однако реакция властей Иордании оказалась диаметрально противоположной той, которую мы ожидали.

Получив нашу информацию, король Хусейн отдал приказ об освобождении задержанных.

Поведение Хусейна, поддержавшего террористов на государственном уровне, усугубляло тяжесть совершенных злодеяний и осложняло ситуацию. Совершенно ясно, что наша сдержанность была истолкована арабами как слабость, что означало: продолжение такого курса лишь поспособствует интенсификации активности бандитов. Похоже, не оставалось мирного способа показать правителям Иордании, что избранный ими подход приведет к самым серьезным последствиям — решительному ответу с нашей стороны.

Операция началась с наступлением темноты десятого числа. За несколько часов до этого Бен-Гурион обратился к прессе и к генералу Э.Л.М. Бернсу со следующим заявлением:

Насколько мне известно, 12 сентября 1956 г. в Эйн-Офариме три израильских друза стали жертвами вооруженных бандитов из Иордании. Власти этой страны сообщили нам, что убийцы схвачены иорданской полицией в Кафр-Дахеле. Арестованные признались в убийстве друзов, а среди вещей преступников полиция обнаружила оружие, которое они взяли у убитых. Несколько дней назад король Хусейн лично отдал приказ об освобождении преступников, не представших перед судом и не понесших никакого наказания. Невозможно истолковать приказ короля иначе как прямое попустительство террористам и как сигнал к продолжению бандитских вылазок через наши границы. Мы считаем необходимым подчеркнуть серьезность случившегося, особенно в свете нарастания волны вооруженной инфильтрации на территорию Израиля.

Полицейский форт в Калкилии был избран в качестве объекта для атаки потому, что он располагался рядом с городком, насчитывавшим около 20 000 жителей, а потому акция могла вызвать реакцию населения. Однако близость участка к густонаселенным районам ограничивала свободу действий наших войск и создавала значительные трудности. Чтобы избежать жертв среди гражданских лиц, участники операции получили приказ не входить в город даже, если им потребуется пройти через него, чтобы достигнуть цели. Кроме того, мы опасались, что в форте, возможно, живут семьи полицейских, поэтому мы дали указание солдатам обследовать здание и, прежде чем взрывать его, вывести оттуда всех гражданских лиц.

Цели акции — политические, а потому мы должны наносить ответный удар как можно скорее и ближе к тому месту, где враг совершал свои злодеяния. Только в таком случае арабы, израильтяне и международная общественность будут расценивать наши действия как ответ террористам. Промедли мы хоть несколько дней, все будет выглядеть как отдельная военная операция, начатая Израилем против соседней страны. Поэтому, получив известия об убийстве рабочих в Тель-Монд, я приказал оперативному управлению генштаба немедленно разработать план атаки на Калкилию, к реализации которого можно было бы приступить в течение двадцати четырех часов. На следующий день, 10 октября 1956 г., я отправился в Иерусалим и в 10.00 положил на стол министру обороны черновик плана, изложенного ниже.

А) Цель: захват и уничтожение полицейского форта в Калкилии силами бригады парашютистов.

В) Порядок реализации:

1. Объект должен быть освещен прожекторами (расположенными в трех с половиной километрах от него).

2. Атака будет проводиться при поддержке огня бронетанкового подразделения.

3. После обстрела две роты пойдут на штурм форта и взорвут его.

4. Необходимо будет поставить блокпосты между Хирбет-Суфином и Неби-Элиасом, между полицейским фортом и городом и на дороге, которая ведет в город с юго-востока.

5. На позиции напротив Калкилии нужно будет вывести артиллерийское подразделение для ведения контрбатарейного огня на случай возможного артобстрела наших поселений противником.

6. Если неприятель встретит наши части стрельбой из автоматического оружия, нужно будет открыть в ответ

настильный огонь.

7. Начало атаки между 19.00 и 20.00.

Бен-Гурион уточнил некоторые детали и потребовал от меня позаботиться о том, чтобы боевые действия не перекинулись на город Калькилия, дабы избежать гибели мирных жителей.

Дав добро на проведение операции, министр созвал на 11.00 заседание правительства, на котором кабинет одобрил план.

В расчете на получение согласия правительства командир парашютной бригады был вызван в генштаб в полночь 9 октября и проинструктирован относительно предстоящей операции. В оставшиеся часы предстояло собрать личный состав подразделения, разбросанного по всей стране. Две мотопехотные роты на полугусеничных бронемашинах находились к югу от Беершевы, а рота парашютистов на севере, в горах Галилеи. Командиры частей, которым предстояло принять участие в операции, были созваны на инструктаж в 09.00. После этого им предстояло изучить местность по картам и данным аэрофотосъемки, а затем осмотреть наш форт Кефар-Саба, более или менее походивший на объект в Калькилии. Оба укрепления возводились в период британского мандата по плану Тегарта.

Последний инструктаж был назначен на 16.45, а начало операции— на 21.00.

В генштабе я подвергся резкой критике за решение дать старт акции всего через двадцать четыре часа после убийства в Тель-Монд. Слишком мало времени осталось на приготовления, и ни солдаты, ни офицеры не успели как следует отдохнуть перед битвой, вследствие чего приходилось ожидать больших потерь. Я не мог не согласиться с разумностью упреков. Отдых и достаточное время для подготовки — веши, вне сомнения, очень важные. Однако я видел, что от внимания тех, кто критиковал меня, ускользнули соображения иного характера. Нам надлежало помнить, что военная операция не есть цель, она — средство решения политических задач, а потому армия должна подлаживаться под условия, продиктованные нам соображениями политического характера. Иначе, одержав победу на поле боя, мы потерпим поражение на фронте дипломатии. Кроме того, если мы не научимся быстро организовываться для проведения операций рядом со своей границей, как мы вообще собираемся вести с противником маневренную и скоростную войну, в которой организационные трудности окажутся неизмеримо серьезнее, а политические аспекты будут иметь ничуть не меньшее значение?

В 21.50, когда головная колонна наступающих оказалась примерно в 200 метрах от заграждений полицейского форта, иорданцы открыли по ней огонь. Наши прожекторы осветили

здание, а артиллеристы начали стрелять из 25-фунтовых орудий[26]. В последовавшем за тем сражении иорданцы, несмотря на точный огонь поддержки, оказали серьезное сопротивление. Вероятно, так случилось из-за того, что командир атакующего подразделения слишком быстро попросил артиллеристов о прекращении огня и приказал солдатам штурмовать форт. Во внешнем дворе хорошо подготовленного к обороне здания разместилась рота иорданцев (около ста человек), поблизости от нее — другая. Бой здесь разыгрался ожесточенный, солдаты сошлись в рукопашной, мы потеряли восьмерых, в числе которых оказались командир и его заместитель. Еще двадцать девять человек получили ранения, преимущественно легкие. В 23.30, после зачистки территории, наши солдаты взорвали дом.

На первом этапе операция силами второго подразделения, занятого блокированием подъездных путей, протекала без осложнений. Наступающие колонны углубились примерно на десять километров на территорию Иордании и устроили засаду на дороге, соединяющей базу Арабского легиона в Хирбет-Азуне и Калькилию. Как и ожидалось, сразу же после начала наступления на полицейский форт, 9-й батальон легиона, состоявший из бедуинов, на пятнадцати грузовиках отправился к Калькилии. Военнослужащие нашего блокировочного подразделения открыли огонь и подбили четыре первые машины колонны. Остальные остановились, развернулись и двинулись в обратном направлении. Наша часть сменила позицию, передислоцировавшись на другую господствующую высоту, а спустя еще примерно час на помощь гарнизону Калькилии попыталась пробиться новая колонна легионеров и тоже попала в нашу засаду. Потеряв два грузовика и часть людей, колонна отступила.

В полночь наше блокировочное подразделение получило приказ отойти. На тот момент потерь у них не было, но на пути к границе группа угодила под плотный огонь. Легионеры, которым не удалось прорваться к форту на грузовиках, пешком обошли наших солдат и перекрыли им путь назад в Израиль. Иорданцы перешли в атаку, и уже очень скоро из пятидесяти четырех человек нашего подразделения одиннадцать получили ранения и один погиб. Первыми выбыли из строя комроты и его заместитель, затем санитар и два из трех командиров взводов. Таким образом, в строю осталось только два офицера, один из которых — комвзвода.

Часть оказалась в плохом состоянии, личный состав был так утомлен, что едва мог передвигаться. Утром им пришлось предпринять сложный марш по холмам Галилеи, а уже вечером в

полной темноте пройти еще десять километров в гору, карабкаясь по мокрым от росы валунам. Теперь отряд пытался проложить себе путь домой, отбиваясь от арабов, которые поливали его пулеметным огнем и забрасывали ручными гранатами. При наших солдатах было всего трое носилок, так что раненых по большей части их товарищам приходилось нести на спине.

Старший из остававшихся в строю офицеров, майор, получил контузию и на все радиовызовы отвечал только: «Да, да». Было ясно, что он не понимает, что ему говорят. Тогда командир бригады приказал принять командование второму не раненому офицеру, двадцатиоднолетнему комвзвода. Тот собрал людей, часть из которых прикрывала огнем товарищей, тащивших на себе раненых и убитого, и сумел вывести группу на выигрышную позицию на вершине холма, где организовал оборону.

Мы на КП могли оценить общую обстановку — связь работала хорошо — и поняли, что своими силами подразделению не удастся пробиться и уйти в Израиль, тем более имея при себе раненых и убитых. Было необходимо предпринять три важных шага. Первое — дать отряду возможность продолжать сопротивление. Боеприпасы кончались, а иорданцы и без того имели преимущество в огневой мощи. Второе — послать дополнительные силы, которые бы помогли группе прорваться и уйти с вражеской территории до рассвета. Третье — приготовиться к тому, что ночная акция не удастся и придется посылать на прорыв окружения крупное подразделение в дневное время.

За последние два года частям парашютистов не раз приходилось участвовать в подобных вылазках через границу, и только однажды и лишь один раненый остался на вражеской территории. Теперь там оказалось целое подразделение, более пятидесяти человек, находившихся в отчаянной ситуации. У них кончались боеприпасы, офицеры не могли руководить боем, а кругом находились бедуины из Арабского легиона.

Единственно, чем мы могли помочь им немедленно — поддержать артиллерийским огнем.

Позиция группы находилась в тринадцати с половиной километрах от батареи 155-мм орудий[27]. Среди окруженных находился артиллерийский офицер связи (корректировщик огня), которого командующий артиллерией, не покидавший расположений батареи все ночь, по рации проинструктировал относительно своих намерений. Он собирался применить полевые орудия как пулеметы и засыпать снарядами склоны холма и дорогу, по которой наступали легионеры. Прежде чем окруженные получат подкрепление, пройдет, вероятно, несколько

часов, а пока единственный их спаситель — артиллерия. Соответственно, нашим было приказано окопаться, чтобы артиллеристы могли простреливать зону в непосредственной близости от их позиции.

Артиллерийскому офицеру связи, который знал, что у отряда кончаются боеприпасы и отсутствует возможность контратаковать, оставалось только принять план командующего. Через несколько минут позиция группы на вершине холма оказалась в кольце рвущихся снарядов. Некоторые падали в полусотне метров от позиций окруженного отряда, хотя осколки 155-мм фугаса разлетаются в радиусе 100 метров.

Вместе с тем артиллеристы могли способствовать улучшению обстановки, но не имели возможности спасти отряд, что было бы невозможно без прибытия дополнительного подразделения наших войск. Первой на помощь окруженным устремилась рота десантников под началом командира батальона. Ранее рота принимала участие в штурме форта и понесла незначительные потери. Было 01.30, и казалось крайне проблематичным, что части удастся достигнуть позиций окруженной группы, деблокировать ее и вернуться вместе с ней в Израиль до рассвета. Однако, несомненно, рота десантников могла помочь товарищам продержаться до прибытия более сильных подкреплений.

Следом за парашютистами в район боевых действий направились две роты на полугусеничных бронемашинах. Не сложись столь острая ситуация, я бы ни за что не разрешил этого. Колонна техники, продвигающаяся в темноте по шоссе, — более уязвимая мишень, чем наступающая по пересеченной местности пехота. Особенно применительно к условиям холмистой местности, где отсутствует простор для маневра, — стоит подбить одну машину, как остановится вся колонна. Однако выбор у нас отсутствовал. Мы не располагали иными мобильными силами, способными за короткое время достигнуть позиций окруженного подразделения и эвакуировать его оттуда, особенно при наличии раненых. Колонна на всей скорости помчалась по главному шоссе со включенными фарами и прорвалась через иорданские позиции в Калькилии и Хирбет-Суфине. Несмотря на то, что они подверглись обстрелу из Калькилии и особенно из Суфина, в 02.30 девять машин — половина колонны — сумели достигнуть расположений окруженного отряда. Остальные вернулись — они сбились с пути в Калькилии и не успели за своими.

С приближением колонны полугусеничных бронемашин, натиск легионеров начал слабеть. Причиной того стало еще и появление в воздухе двух «Гарвардов» и двух «Мустангов», посланных на выручку окруженным командующим ВВС, что

создало у противника ощущение начала крупной атаки силами механизированной колонны и авиации.

В 03.00 колонна начала обратное движение. Раненых положили на пол в кузовах, а всем остальным приходилось сидеть на бортах, превращая себя таким образом в отличную мишень для неприятеля. К тому времени легионеры в Хирбет-Суфине получили подкрепления. Когда колонна проезжала мимо, то подверглась обстрелу из пулеметов и противотанкового оружия. В результате, список наших потерь увеличился на пять убитых и двадцать раненых.

Но на этом боевые действия не закончились. Когда колонна миновала зону обстрела и собралась в переднем дворе взорванного форта, обнаружилась пропажа одной машины. Она вышла из строя и осталась во рву поблизости от позиций легионеров в Хирбет-Суфине. Четыре полугусеничных бронемашины вернулись на помощь своим. В конце концов ее удалось вытащить и взять на буксир, однако делать это пришлось с включенными фарами под огнем противника. Там погибло еще двое.

С первыми проблесками рассвета бои закончились. Тела двух убитых под Суфином военнослужащих увезти не удалось.

Наши войска находились в Израиле, и я смог отменить приказ о подготовке к вводу в сражение деблокировочных сил, состоявших из двух танковых эскадронов[28], одного пехотного батальона и самолетов-истребителей. Если бы нам не удалось выручить окруженную часть ночью, им пришлось бы пробиться ей на выручку днем.

В начале вечера я приехал на КП командующего операцией, находившийся на возвышенности напротив форта в Калькилии. Когда же положение наше стало ухудшаться, я вернулся в генштаб. Новости о ситуации, в которой оказалось блокировочное подразделение, распространились быстро, так что когда я прибыл к себе, то обнаружил ожидавших меня армейских командиров и их офицеров по оперативным вопросам. Все они собрались на тот случай, если возникнет чрезвычайная ситуация и мне придется принимать немедленные экстренные меры для ее исправления. Теперь, когда все осталось позади, я мог возвратиться на КП и встретить вернувшихся после боя людей. От командира бригады парашютистов я узнал, что теми двумя последними погибшими, тела которых остались под Хирбет-Суфином, были находившийся в блокировочном подразделении офицер по оперативным вопросам штаба бригады и сеген (лейтенант) Ирмеягу Бурданов, или, как его чаще называли, Ирми.

Ирми давно ушел в отставку, но его иногда задействовали

для участия в операциях как опытного офицера, превосходного сапера и прославившегося храбростью коммандос. Обычно его вызывали, но на сей раз он явился по своей инициативе. Вскоре после начала операции иорданцы открыли огонь по нашему КП, и мы с Ирми бросились в одну траншею, где буквально столкнулись друг с другом. Я не ожидал увидеть его, хотя и не удивился встрече, поскольку многие офицеры-десантники, уйдя на покой, продолжали участвовать в операциях, «чтобы помочь и поддержать молодых». Когда штурмовое подразделение начало выдвижение к полицейскому форту, Ирми потихоньку присоединился к ним. Когда две роты устремились на помощь окруженной части, Ирми взобрался в первую полугусеничную бронемашину и возглавил колонну. На обратном пути, когда стало ясно, что одна машина осталась под Суфином, Ирми дал команду водителю своей поворачивать обратно. Именно Ирми, одетый как был в гражданское, под огнем прицепил трос к поврежденной полугусеничной бронемашине. Белая рубашка Ирми превратила его в мишень для иорданского пулеметчика.

15 октября 1956 г.

Калкилийская операция произвела куда больший резонанс, чем все другие акции, предпринятые нами на Иорданском фронте, а кроме всего прочего обострила наши отношения с Британией. Похоже, англичане готовились вмешаться и выступить на стороне Арабского легиона. В ночь операции британский консул в Иерусалиме счел уместным сообщить нашему министру иностранных дел о том, что король Иордании обратился к командующему силами Британии на Ближнем Востоке, генералу Чарлзу Кейтли, потребовав от британцев соблюдения англо-иорданского договора об обороне и присылке на помощь иорданским войскам самолетов Королевских ВВС.

Передача этой «информации» нам являлась предупреждением Израилю о том, что Британия готова откликнуться на просьбу Иордании. На следующий день, двенадцатого числа, ситуация еще более накалилась. Британский поверенный в Тель-Авиве, мистер Питер Уэстлейк, попросил премьер-министра о встрече, во время которой сказал Бен-Гуриону, что иракская дивизия находится в готовности к вводу в Иорданию и что если Израиль откликнется на это военной акцией, Британия придет на помощь арабам. Бен-Гурион ответил, что Израиль возражает против ввода иракцев в Иорданию и оставляет за собой право на свободу действий, если, несмотря ни на что, иракская дивизия войдет в Иорданию.

Фактические еще за неделю до этого, после убийства археологов в Рамат-Рахеле и нашей ответной акции —

уничтожения полицейского форта в Хусане, — британский поверенный говорил ооновскому генералу Бернсу, что если израильтяне предпримут хотя бы еще одну карательную операцию, Соединенное Королевство поступит в соответствии с англо-иорданским договором об обороне. Мы слышали об этом разговоре и должны были воспринимать его в свете сложившейся ситуации очень серьезно.

Не знаю, стали ли бы в действительности самолеты КВВС атаковать наши, если бы боевые действия продолжились в дневное время, но мы сходились во мнении, что с тех пор, как иорданцы уволили Глаба, британцы постоянно стремятся напомнить им, что они единственные, кто сможет надежно защитить их от Израиля. И в этих условиях британский представитель дважды всего за двадцать четыре часа уведомил правительство Израиля о планах Британии оказать военную помощь иорданцам. Из-за позиции Соединенного Королевства в отношении планов ввода иракских сил в Иорданию, температура и без того прохладных в последнее время англо-израильских отношений упала ниже нулевой отметки.

План был предложен на прошлой неделе Нури Саидом, премьер-министром Ирака, находившимся с визитом в Лондоне. Перед вылетом из Багдада Саид сказал в интервью «Таймс», что арабо-израильский конфликт может быть урегулирован в соответствии с резолюцией ООН о разделе территорий от 1947 г., по которой арабам отходили Негев и Галилея. На следующий день спикер Министерства иностранных дел Британии поспешил с заявлением о том, что правительство ее величества приветствует предложение Нури Саи-да и готово выступить посредником между сторонами. Спикер пошел дальше и привел слова британского премьера, произнесенные им в Лондонской ратуше 9 ноября 1955 г. Суть их состояла в том, что Израиль должен пойти на уступки территориальным претензиям арабов и что в отношении границ Израиля — существующих на сегодняшний момент и установленных согласно резолюции ООН от 1947 г. — нужно найти компромисс.

Прошлогодняя речь Энтони Идена носила враждебный Израилю характер и вызвала глубокое возмущение в нашей стране. Британскому правительству отлично известно, что земли у арабов больше чем достаточно, а передел территорий нужен им с единственной целью — чтобы вредить Израилю, который и без того становится объектом агрессивных происков соседей.

Теперь, после того как британский спикер связал речь Идена в Лондонской ратуше с предложением Нури Саида, Британия официально поддержала территориальные претензии арабов,

получившие название «Иракский план». Когда после Калькилийской операции британский консул и поверенный довели до сведения правительства Израиля свои послания, нам не осталось ничего иного, как рассматривать их в контексте заявления Нури Саида и его плана.

Министр иностранных дел Голда Меир отреагировала на британские послания довольно резкой официальной декларацией, где говорилось, что Израиль будет расценивать ввод войск Ирака на территорию Иордании как часть плана Нури Саида, целью которого является навязать Израилю соглашение, ставящее под угрозу само существование государства, и что эта попытка встретит отпор с нашей стороны. Премьер-министр Бен-Гурион, выступая сегодня в Кнессете, сказал, что Израиль против ввода иракских войск в Иорданию — даже в восточную — и что «правительство Израиля сохраняет право свободы действий в случае нарушения status quo и ввода иностранных войск в Иорданию».

Ответ на декларацию, конечно, не заставил себя ждать, и сегодня «Таймс» опубликовала статью, где вновь шла речь о том, что Британия придет на помощь Иордании, если Израиль будет продолжать совершать в отношении этой страны карательные мероприятия.

Какими бы ни были намерения британцев, справедливости ради нужно сказать, что Иордания не ограничилась переговорами о вводе на свою территорию иракских войск и обращениями с просьбами о помощи к Британии, но и осуществила практические шаги в направлении прекращения инфильтрации террористов в Израиль. На центральный участок границы — в район Калькилии — был направлен дополнительный батальон пограничников, а премьер-министр Иордании, Ибрагим эль-Хашим, с одобрения короля Хусейна вчера специальным приказом наделил региональных комиссаров властью принимать меры против нарушителей порядка, что касалось и проникновения террористов в Израиль. Особенно интересно то, что приказ был издан по предложению заима (генерала) Фаузи Мирада, командующего арабскими силами в районе Калькилии. Он настоял на увеличении продолжительности комендантского часа и расширении до восьми километров приграничного сектора, на передвижение в пределах которого во время комендантского часа налагался запрет. Командиры частей Арабского легиона получили приказ начать интенсивное патрулирование границы и стрелять в каждого, кто попытается пересечь ее, «поскольку очень важно прекратить арабскую инфильтрацию, которая служит Израилю предлогом для проведения жестоких рейдов на

территорию Иордании».

Утром одиннадцатого числа, после того как части, принимавшие участие в атаке на форт в Калькилии, возвратились на свои базы, я вместе с командиром бригады парашютистов, руководившим операцией, поехал с рапортом в Иерусалим к министру обороны. Как и все мы, Бен-Гурион был опечален большими потерями, а заявление консула о намерении Британии придти на помощь Иордании, естественно, не прибавляло ему веселости. Хотя наших действий он не критиковал, все же министр то и дело возвращался к одному и тому же вопросу: в самом ли деле такие большие потери были неизбежны? Ни я ни командир бригады не могли ответить однозначно «да», потому что у нас — или по крайней мере у меня — имелись серьезные сомнения на сей счет. В общем и целом это была трудная встреча трех мужчин, сердца которых делила скорбь. На следующий день, двенадцатого, я отчитывался перед комитетом по международным делам и комитетом по вопросам безопасности в Кнессете, где — и вполне оправданно — подвергся интенсивному перекрестному допросу. Вчера, четырнадцатого, я собрал совещание в генштабе для того, чтобы проанализировать ситуацию и сделать соответствующие выводы на будущее.

Здесь критика — преимущественно исходившая от офицеров-десантников, принимавших участие в операции, — была направлена в адрес руководства генштаба, то есть в мой адрес, за то, что я ограничил рамки операции и, несмотря на их предложение, отказался от захвата Суфинского выступа. Даже теперь, когда сражение закончилось, я уверен — они не правы. Для выполнения поставленной задачи — уничтожения полицейского форта — не было необходимости захватывать Хирбет-Суфин, что, однако, понадобилось бы для того, чтобы спасти окруженное блокировочное подразделение. Ошибка, как мне думается, в том, что мы блокировали дорогу на большом удалении от основных сил, что позволяло легионерам перекрыть пути отступления у Хирбет-Суфина или с любой другой господствующей позиции на дороге Азун — Калькилия. С другой стороны, я считаю, что в операции мы проявили недостаточно изобретательности. Так, мы заранее не позаботились о том, как лучше воспользоваться преимуществами, которые предоставляла нам наша тяжелая артиллерия. В предыдущих операциях мы не могли осветить цели с помощью прожекторов и открыть по ним огонь прямой наводкой из танковых и полевых орудий. Тут у нас наличествовала такая возможность, но, не использовав ее до конца, командир атакующего подразделения, в силу сложившейся привычки, поспешил пойти на штурм вражеских позиций.

Конечно, мотивы такого поведения вполне объяснимы. Боевой дух парашютистов очень высок, и они привыкли без колебаний бросаться в атаку, громить врага, действуя быстро и решительно. У командиров десантников уже выработался рефлекс, получив задание, немедленно атаковать и захватывать вражеские позиции. Кроме того, в течение последних двух лет военнослужащим этих частей почти постоянно приходилось воевать и, конечно, видеть смерть многих своих товарищей. Теперь, когда бойцы идут в атаку, они чувствуют себя обязанными не посрамить чести храбрецов, а потому без страха рвутся в бой.

На службу в парашютную бригаду берут добровольцев, а потому она состоит из проникнутых высокими идеалами молодых людей. Их стойкость в бою объясняется исключительной преданностью делу и своим товарищам. Вот почему, какими бы тяжелыми ни оказывались условия боя, они всегда так стремятся вынести с поля раненых и мертвых товарищей, не оставить их лежать на вражеской земле. Конечно, есть и практические причины для того, чтобы поступать подобным образом, но десантниками руководит глубокое чувство взаимовыручки, свойственное людям, привыкшим вместе смотреть смерти в лицо. Однако высочайшая боеспособность парашютистов и презрение к опасности не освобождает их командиров — какой бы высокий пост они ни занимали — от необходимости искать путей выполнения задач с наименьшим риском для личного состава. Поэтому в беседах со старшими офицерами бригады я выразил мнение, что наш просчет и неумение грамотно использовать преимущество, предоставленное наличием мощной огневой поддержки, не просто тактическая ошибка, а куда хуже — свидетельство неспособности извлечь выгоду из обстоятельств, характерных для каждой отдельной операции.

Между тем главная цель, с которой созывалось совещание, заключалась не в том, чтобы озвучить различные мнение по поводу тех или иных деталей акции, а в том, чтобы обсудить проблему, связанную с карательными мероприятиями вообще. Все сошлись на том, что надо менять существующий подход. Особенность рейда в Калькилию заключалась не только и не столько в том, что случилось, а в том, что могло произойти и едва не произошло.

Наша попытка выручить попавшее в окружение блокировочное подразделение до наступления рассвета чуть не провалилась. У личного состава почти кончились боеприпасы — фактор, который мог решить участь отряда еще до утра. Если же бы нам пришлось посылать бронетехнику и авиацию на помощь

окруженным в дневное время суток, то нам, вполне возможно, пришлось бы столкнуться в небе с самолетами КВВС. Между тем это как раз есть то, чего Бен-Гурион с самого момента основания государства тщательно старался избегать.

Главной причиной ситуации, сложившейся во время операции в Калькилии и нехарактерной для предыдущих акций, стала выработавшаяся у нас традиция прибегать к подобным мероприятиям. Раньше нам удавалось заставать египтян и иорданцев врасплох, теперь же после каждой вылазки фидаинов противник ожидает нашей атаки на свои военные объекты. В результате, когда начинается операция, наши части сталкиваются с подготовившимся к нападению врагом.

Для всех наших встреч, где бы те ни проводились — в Кнессете, у премьер-министра и министра обороны или в генштабе, — основным стал один вопрос: «Что дальше?» Я выразил мнение, что мы не можем постоянно жить в состоянии полумира-полувойны и должны втолковать нашим арабским соседям, что, либо им придется прекратить террористическую деятельности, либо мы начнем против них полномасштабную войну. Есть два способа показать всю серьезность наших намерений. Первый — осуществлять карательные акции в дневное время, применяя бронетехнику и авиацию. Это не только поможет нам снизить потери, но и станет откровенным вызовом арабским государствам, прежде всего Египту, но также Иордании и Сирии. Ни одно правительство не сможет промолчать в такой ситуации, а военные арабские режимы особенно — они не снесут подобного вызова. Другой вариант — перейти границу, овладеть ключевыми позициями на вражеской территории и сделать прекращение арабского террора условием нашего ухода. Такой подход применим к сектору Газа, где располагаются штабы и лагеря фидаинов. В настоящий момент европейские государства не имеют обязательств, вынудивших бы их выступить на помощь Египту. Поэтому мы можем занять приграничные территории вдоль сектора и заявить, что останемся там до тех пор, пока египтяне не прекратят террористической деятельности против нас, чтобы поставить заслон на путях проникновения фидаинов в Израиль.

Ни в генштабе, ни в комитетах Кнессета, ни у премьер-министра мы не пришли ни к чему определенному. Стало ясно одно — была перевернута последняя страница главы истории, посвященной ночным карательным акциям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
НАКАНУНЕ

16 октября 1956 г.

Сегодня нам стало известно, что 14 октября 1956 г., меньше чем сорок восемь часов назад, передовые части армии Ирака вступили на территорию Иордании. Если мы намеревались ответить на это военной операцией, надлежало действовать срочно, пока их присутствие в Иордании не стало признанным и принятым фактом. Нам нелегко изыскать дополнительные силы для вполне вероятной войны на два фронта — с Иорданией и Египтом. Но выхода у нас нет. То, что происходит за границами государств на западе и на востоке, вполне возможно, решит нашу участь, и, несмотря ни на какие трудности, мы должны действовать в обоих направлениях.

Конечно, британцы могли бы помочь нам. Однако они так рады появлению любой возможности — кажется, даже готовы создать ее сами — показать арабам, что находятся с нами по одну сторону на политическом фронте как противники Египта вовсе не из-за любви к Израилю, и не собираются поддерживать нас на других фронтах арабо-израильского конфликта.

Хотя мы наверняка не знаем, начнется ли Суэцкая кампания, нам необходимо провести приготовления. Сегодня утром я побывал в Южном командовании, чтобы посмотреть, что предпринято в отношении подготовки к операции «Кадеш». Их план в общем и целом вполне удовлетворительный. Главные внесенные мной коррективы заключались в необходимости предоставления большей свободы действий каждой отдельной группе, чтобы одни не задерживали других. Я также приказал сократить число единиц техники, которые будут задействованы на направлении к югу от Нахле. Дело не только в том, что у нас мало машин — особенно таких, которые имеют передний ведущий мост, — но лишние транспортные средства будут загромождать дороги и станут только обузой для наступающих.

21 октября 1956 г.

Сегодня утром мне в кабинет позвонил французский военный атташе. Он хотел прояснить ситуацию в отношении нашего запроса об оборудовании для заправки самолетов. Перед тем как заговорить о деле, мы обменялись мнениями по поводу ввода иракских войск в Иорданию. Атташе сказал мне, что, по его сведениям, полученным из Лондона, Иордания не заинтересована в присутствии иракских войск на своей территории. Более того,

Нури Саид тоже не приветствует этот шаг, а инициатива в данном вопросе целиком и полностью принадлежит британцам, которые убеждены, что присутствие иракских войск в Иордании во время парламентских выборов усилит позиции антинасеровских сил в этой стране.

Должен признаться, что, наверное, так переворачивать все вверх дном, кроме самого Всевышнего, могут только британцы. В тот самый момент, когда они готовятся дать бой Насеру, являющемуся естественным врагом их и Израиля, они настаивают на вводе иракских войск в Иорданию, несмотря на то, что такой шаг ведет к войне этой страны с нами, причем в этой войне они собираются выступить против Израиля. Так, вместо того, чтобы наказать Насера и защитить свои позиции на Ближнем Востоке, подтвердив собственные права на Суэцкий канал, британцы получат новый израильско-британско-иорданский конфликт, от которого их главный противник в регионе только выиграет. Сомневаюсь, что кто-нибудь сумеет объяснить, почему британцы не хотят подождать и разыграть иракскую карту после Суэцкой кампании.

Однако самое смешное состоит в том, что в то время как атташе с огорчением рассказывал мне о тщетности усилий французов убедить британцев отказаться от иракского плана, я уже знал о провале хитрого замысла. Парламентские выборы в Иордании завершились вчера, и убедительную победу в них одержали сторонники Насера. Увидев, что произошло, правительство Иордании поспешило отказаться от договоров с Ираком. Со своей стороны, Насер заявил, что он окажет военную помощь Иордании. Более того, похоже, правительство Иордании уже какое-то время вело переговоры о присоединении к единому военному командованию Сирии и Египта.

Я не знаю, что лучше — или вернее, что хуже — для нас: присутствие в Иордании иракских войск или сближение этой страны с Египтом, однако для британцев исход выборов в Иордании — явное свидетельство их политического поражения. Волна национализма в Иордании нарастала с начала года. Британскому офицеру Глабу, командиру Арабского легиона, руководившему этой частью с момента ее создания, было приказано покинуть территорию Иордании в течение сорока восьми часов. Пост Глаба занял Ради Эй-наб. Будучи арабом и иорданцем, Эйнаб, однако, оказался не очень антибритански настроенным командиром и уступил место Али Абу-Навару. По мере того, как росла истерия и распространялась поражавшая умы болезнь, в иорданском парламенте зазвучали настойчивые требования аннулировать англо-иорданский договор об обороне.

Правительству, сопротивлявшемуся этой пагубной тенденции, 25 июня 1956-го был вынесен вотум недоверия. В результате, король Хусейн распустил парламент и назначил новые выборы на октябрь, надеясь, что за три месяца ему удастся провести соответствующую работу и в конце концов получить управляемый законодательный орган, который поддержит договор с британцами. Теперь, после выборов, стало очевидным, что положение не изменилось к лучшему и новый парламент выступает против альянса с пробритански настроенным Нури Саидом, требуя сближения с Насером.

Что до нас, то мы теперь могли не беспокоиться относительно иракского плана. Иорданцы с их национализмом, разглядев на «изделии» клеймо «Сделано в Британии», отправили на помойку очередную ближневосточную схему, разработанную британским Министерством иностранных дел, сняв с наших плеч огромный груз!

25 октября 1956 г.

Подытоживая результаты работы, проделанной за два последних месяца — звонков, встреч и переговоров, — мы могли констатировать, что на сегодняшний момент сложилась следующая ситуация:

1. Премьер-министр и министр обороны Давид Бен-Гурион в принципе одобрил план предстоящей кампании.

2. Наши войска начнут наступление в сумерках 29 октября 1956 г., и нам придется завершить захват Синайского полуострова за семь-десять суток.

3. Решение о начале кампании принимается на основе того, что британские и французские силы готовы начать боевые действия против Египта.

4. Согласно имеющимся у нас сведениям, операция англо-французских войск должна стартовать 31 октября 1956 г. Целью ее является установление контроля над зоной Суэцкого канала, для чего придется осуществить высадку морского или парашютного десанта, разумеется, при соответствующей поддержке с воздуха.

В 13.45 я встретился со старшими офицерами оперативного управления. Я приготовил для них новые боевые команды и распоряжения (приложение 2), заменившие собой прежние, отданные 5 октября 1956 г. — «Кадеш-1» (приложение 1). Изменились не только день и час начала операции, но и приоритеты в выборе целей. Теперь упор делался на создание угрозы Суэцкому каналу; только после этого мы могли приступить к выполнению главной задачи — овладению Тиранским проливом (городами Шарм-аш-Шейх и островами

Тиран и Санапир) и разгрому египетских войск.

Относительно последнего мы несколько раз беседовали с Бен-Гурионом. Совершенно ясно, что традиционная цель любой войны — «уничтожение живой силы противника» — перед нами не стоит, и чем меньше будет кровопролития, тем лучше. Поэтому вместо разгрома я склонялся к формуле: «дезорганизовать египетские войска и полностью лишить их способности к сопротивлению». Иными словами, нам надлежит захватить перекрестки и все ключевые позиции и принудить противника к сдаче.

Второе изменение оперативных планов касалось фаз наших действий, а третье — применения авиации.

Надеюсь, больше ничего менять не придется. До старта кампании остается всего четверо суток.

В начале заседания я довел до сведения собравшихся, в каких политических условиях нам предстоит вести боевые действия. С оперативно-тактической точки зрения, нам следует отличать период до начала англо-французской акции и после него. Можно предположить, что когда в боевые действия вступят британцы и французы, внимание ВВС Египта полностью переключится с нас на них, а частям египетской армии почти наверняка прикажут покинуть Синай и отойти в Египет. В частях, оставшихся на позициях, упадет боевой дух. Поэтому все, что можно будет сделать после вступления в войну англо-французского контингента, нужно отложить до этого момента. Я особо подчеркнул опасение министра обороны по поводу больших потерь, которые мы, возможно, понесем на первом этапе кампании, то есть до выступления британцев и французов, которое, как мы надеемся, произойдет. Министр считает, что как только мы развернем наступление, бомбардировщики Ил-28 ВВС Египта атакуют Тель-Авив и Хайфу, что вызовет значительные жертвы среди мирного населения. Я, однако, не разделяю этого опасения. Разумеется, когда пойдет дождь, мы не сможем «проскользнуть между каплями» и остаться совершенно сухими, но полагаю, мы сумеем не вымокнуть до нитки. Я считаю, что на начальном этапе нам удастся придать операции характер карательной акции, и, несмотря на то, что нам придется отправить к Суэцкому каналу довольно крупный воинский контингент, египтяне, вполне вероятно, не поймут, что имеют дело с широкомасштабной кампанией, а потому не станут спешить наносить бомбовые удары по целям в Израиле.

Я объяснил, что внес коррективы в первоначальный план, основываясь на приведенных выше соображениях. Вследствие чего, нашей задачей больше не является овладение объектами на

северном направлении, вместо этого нам предстоит осуществить выброску батальона парашютистов для захвата перевала Митла (Джебель-Хейтан). Ранее, согласно плану, открыть кампанию следовало захватом господствующих объектов на главном маршруте сообщения между Израилем и Египтом. Этот путь тянется через верхнюю оконечность Синая вдоль берега Средиземного моря и обслуживается железной дорогой, асфальтированной автомагистралью, аэродромом и источниками питьевой воды. Естественно, в данном регионе сосредоточены основные силы египтян, которым предстоит действовать на Израильском фронте.

С другой стороны, перевал Митла расположен близко к южной оконечности Суэцкого канала и связан с Израилем лишенной твердого покрытия дорогой, пересекающей Синайскую пустыню. Этот путь защищает небольшое подразделение египтян, а сам перевал и вовсе остается без прикрытия. Поэтому я надеюсь, что в штабе египетских войск сочтут нашу парашютную выброску у перевала Митла обычным рейдом. Я уверен, что они убеждены: компания по завоеванию Синая может стартовать только в двух северных направлениях — на эль-Ариш и Бир-Гафгафу. Более того, я предполагаю, что даже на следующий день, когда части нашей мобильной бригады овладеют Темедом и Нахле, ключевыми пунктами обороны на данном направлении, верховное командование Египта подумает, что мы просто хотим послать подкрепления нашей части, отрезанной на перевале Митла, с тем, чтобы обеспечить ее отход в Израиль.

Второе изменение, касавшееся применения ВВС, заключалось в следующем. Авиация не будет открывать кампанию бомбардировками египетских аэродромов, а вместо того в первые двое суток станет оказывать поддержку наземным силам и охранять воздушное пространство Израиля. Эта корректива призвана усилить впечатление того, что мы проводим ограниченную карательную акцию, а не ведем широкомасштабное наступление.

Конечно, строить концепцию применения авиации на моих предположениях, значит, идти на риск, поскольку, если они окажутся ложными и в ответ на захват перевала Митла ВВС Египта нанесут бомбовые удары по городам Израиля, нам придется дорого заплатить за то, что мы не использовали возможность и не уничтожили египетские самолеты, пока те находились на земле.

Однако, как я думаю, подобное может произойти, только если о наших планах проведает разведка Египта. В обычных условиях сомнительно, чтобы египетский генштаб в первую же ночь начала

кампании догадался о том, что же в действительности происходит. Конечно, информация о переходе Израиля в наступление поступит в штаб противника от дислоцированных у границы частей. Но в штабе уже привыкли, что если там засекут израильское отделение или взвод, то сообщают о появлении батальона или бригады, а потому не будут спешить проявлять беспокойство. Только утром, когда станет ясно, что тревога не была ложной, верховное командование Египта задумается о том, как следует отреагировать. Разумеется, тогда противник не станет колебаться и бросит все свои силы против вторгшихся на их территорию израильских подразделений, но я не верю, что египтяне пошлют авиацию бомбить Тель-Авив.

Практически наверняка в первый день кампании сражения будут вестись на направлении Нахле — перевал Митла, то есть в том месте, где будут находиться прорвавшиеся на Синай наши части. Днем позже, на рассвете, можно ожидать начала англо-британской кампании. Если это произойдет, мы сможем развивать операцию в двух направлениях: продолжать наступление на юг, на Шарм-аш-Шейх, и начинать атаку на севере, на Рафах и эль-Ариш. Если по тем или иным причинам нам придется остановить наступление, тогда мы эвакуируем нашу часть на перевале Митла через направление Нахле — Темед, которое к тому моменту будет находиться в наших руках, и объявим, что это была лишь карательная акция, а теперь, когда задача выполнена, наши войска возвращаются в Израиль.

26 октября 1956 г.

Если все пойдет по плану, то состоявшееся прошедшим вечером совещание в генштабе станет последним перед началом кампании.

Оперативное управление уже провело инструктаж с командирами каждого подразделения в отдельности, а общий сбор понадобился для того, чтобы обсудить суть политической обстановки.

Задача была не простой для меня. Я не мог довести до сведения собравшихся всего, что знал, а кое-что из сказанного не мог объяснить. Вместе с тем дух участников встречи находился на подъеме; мы все старались сдерживать охватывавшие нас возбуждение и тревогу.

Объясняя, как мы должны вести себя в том случае, если предположения подтвердятся и англо-французские силы все-таки атакуют Египет, я привел в пример велосипедиста, преодолевающего крутой подъем. Если мимо проезжает грузовик, нужно зацепиться за борт.

Мы должны использовать любую помощь до тех пор, пока нам

будет по дороге с этим «грузовиком», а потом, расставшись с ним на развилке, продолжать двигаться своим путем, используя только наши собственные силы.

Конечно, сравнение с велосипедистом вызвало вполне ожидаемые вопросы: не случится ли нам оказаться под его колесами и не утянет ли он нас туда, куда нам вовсе не надо? Наверное, я выбрал не слишком подходящий пример, но так или иначе собравшиеся уяснили себе ситуацию.

Кто-то спросил, собираемся ли мы остаться на Синае или в конце концов уйдем? Единственное, что я мог ответить: надо сначала овладеть полуостровом, «чтобы, если нам придется уходить, нам было откуда уходить».

В заключение встречи я решил воспользоваться боевым настроением офицеров и коснулся темы взаимоотношений генштаба и действующей армии. Я сказал, что нам надо постараться избежать ситуации, в которой бы у солдат и офицеров на передовой возникло ощущение, что бессердечные штабисты, прохлаждающиеся в своих кабинетах в Тель-Авиве, не хотят дать тем, кто воюет, заданий, которые были бы им по силам. Я подчеркнул, что такие жалобы отражают настроения командиров. За последний год у военнослужащих развился чрезвычайно высокий боевой дух. Как я заменил, командиры выражали свое недовольство генштабом не потому, что им поставили слишком сложную задачу, а потому, что она оказалась чересчур простой. Личный состав жаловался не на то, что штаб не обеспечил достаточного количества техники или не прислал подкреплений, а на то, что кому-то не довелось поучаствовать в той или иной операции. Такой боевой дух — мощное оружие, о котором надлежит заботиться и укреплять. В операции «Кадеш» большинству боевых частей придется нелегко, но кто-то останется в резерве. Возможно, найдутся такие офицеры, которые захотят свалить все на «естественного» козла отпущения — генштаб! Делая так, они впадут в большую ошибку. Нет ничего проще, чем становиться в позу, но, поступая таким образом, командир лишает себя возможности требовать от своих подчиненных полной отдачи при выполнении задачи.

Я не назвал никого конкретно, тем не менее все мы понимали, что проблема носит вполне практический характер, и никто не стал спорить со мной по сути вопроса. Если бы кому-то потребовались примеры, то за период с Войны за независимость и до операции по захвату форта в Калькилии их набралось бы предостаточно.

Мы вот-вот начнем Синайскую кампанию. В предшествующие ей годы армия поучаствовала во многих карательных акциях, во

время которых немалого достигла. Теперь каждое отдельное маленькое подразделение было способно выполнять трудную и сложную задачу. На Синае нам придется по максимуму использовать приобретенные навыки. Вместе с тем я не упускаю из виду того факта, что в большинстве карательных акций участвовали отборные войска, а теперь проверку на прочность предстоит пройти всей армии. Самый животрепещущий вопрос: не ошибемся ли мы в своих расчетах? Смогут ли обычные регулярные части и подразделения резервистов показать то же воинское мастерство, которое демонстрировали лучшие солдаты и офицеры в ходе карательных акций? Надеюсь, что смогут, и уверен — главное, как поведут себя командиры.

* * *

Утром я встречался с командующим ВВС, а позднее с командующим ВМФ. Результатом наших совещаний стало появление следующих распоряжений:

Задачи, поставленные генеральным штабом ВВС в операции «Кадеш». 26 октября 1956 г.

1. В фазе один, в течение 2 суток, начиная со дня «Д», ВВС предстоит решать задачи преимущественно оборонительного характера, и действия авиации будут определяться тем, что предпримет авиация противника. На данном этапе следует, по возможности до минимума сократив боевые операции в воздухе, препятствовать действиям египетских ВВС против баз и гражданских объектов в Израиле. В свете этого может оказаться необходимым выполнение следующих функций, как ожидается, в следующем порядке:

a) оказания поддержки с воздуха наземным частям в случае активизации авиации противника в зоне боевых действий;

b) защиты неба над Израилем и приведения в состояние боеготовности систем ПВО;

c) атаки летных полей ВВС Египта, если неприятель расширит сферу применения авиации и атакует цели в Израиле.

2. В фазе два, начиная с момента по истечении 2 суток от дня «Д» и далее, наши ВВС должны сконцентрировать усилия на выполнении четырех нижеследующих функций:

a) поддержки наземных войск;

b) перехвате;

c) защита неба над Израилем;

d) подготовка к ведению боевых действий против прочих арабских государств, если они вознамерятся вступить в войну.

3. На протяжении всего периода военных действия, начиная с часа «Ч» и далее, ВВС будет играть важнейшую роль в деле переброски в заданные точки людей и грузов, включая снабженческие задачи и эвакуацию личного состава.

Задачи, поставленные генеральным штабом ВМФ в операции «Кадеш». 26 октября 1956 г.

1. Обязанности снабженческого характера и поддержка частей, действующих на побережье Красного моря (Акабского залива).

2. Планирование и подготовка к использованию сил флота в случае вступления в конфликт Сирии и Ливана.

Флотское начальство огорчилось тем фактом, что в круг задач не входят операции на Средиземном море. Однако мы считали, что британских и французских судов будет достаточно для того, чтобы связать боем египетский флот, мы же должны использовать наши корабли в Красном море. Более того, отсутствие координации между нашими действиями в Средиземном море и планами англо-французских сил вполне вероятно приведет к неприятным последствиям.

Чтобы наш флот мог реально действовать в Акабском заливе, нам необходимо доставить десантные суда в Эйлат по суше. Для этого требуется специальная техника и особые приготовления, начиная со спрямления углов и расширения дорожного полотна шоссе Беершева — Эйлат на резких поворотах перевала Скорпионов и кончая удалением проводов воздушных телефонных линий в тех местах, где они пересекают дорогу и висят слишком низко.

Во второй половине дня я убрал со стола все предметы, не имевшие отношения исключительно к оперативно-тактической стороне кампании. Я также передал другим лицам часть полномочий, выполнение которых в обычное время лежит только на мне:

1. Разрешение частям действовать за границами Израиля: делегировано командующим Региональными командованиями.

2. Аэрофотосъемка и патрулирование за пределами границ: начальнику военной разведки.

3. Все вопросы, связанные с Гражданской обороной: главе ГО.

4. Утверждение приговоров военно-полевых судов: генерал-адъютанту.

5. Утверждение финансовых документов (без ограничений): советнику по вопросам финансов.

Вечером на заседании с оперативным управлением мы решили дать операции по овладению Тиранским проливом кодовое название «Йотват».

Управление [отдел] разведки занимается распространением слухов в том, что иракские войска входят в Иорданию. Это часть плана, направленного на создание ощущения того, что мы готовимся воевать с Иорданией и Ираком. (Оперативники признались мне, что разведка напустила такого тумана, что они сами стали верить распущенным слухам.)

Что же до возможности вступления в войну на стороне Египта Иордании, большинство из нас думает, что такое вполне может случиться. Трудно-поверить, что пронасеровское руководство Иордании, где премьером стал Набулси, а начштаба Али Абу-Навар, которое только что вступило в альянс с Египтом и Сирией, останется в стороне. Так или иначе, я исхожу из возможности того, что Иордания начнет против нас военные действия через двое или трое суток после старта Синайской кампании; соответственно, под это мы подстраиваем свои планы на Иорданском фронте.

Выйдя из кабинета после полуночи, я заглянул в некоторые из соседних комнат. В одной все были заняты вопросами заготовок шпал, которые потребуются при восстановлении железнодорожной ветки между Тель-Авивом и Газой, если и когда мы захватим ее. В другой составляли тексты листовок для арабского населения Синая. Каких только дел не приходится делать военным!

27 октября 1956 г.

Сегодня французы буквально спасли нас — от них наконец-то пришли 200 полноприводных трехосных (6х6) грузовиков. Сто машин было передано в распоряжение парашютно-десантной бригады (202-й), которой предстоит наступать на Нахлесском направлении и соединиться с отрядом, который будет выброшен к перевалу Митла. Другие сто получила 9-я бригада, задача которой — выйти к Шарм-аш-Шейху по вади, протянувшейся вдоль западного берега Акабского залива. Мы, конечно, рассчитывали на собственные силы и мобилизовали машины, имевшиеся в распоряжении гражданского населения. Однако их оказалось так мало, что я просто не знаю, что бы мы делали, если бы не грузовики, присланные французами.

Мы решили, что в первую же ночь кампании — с 29 на 30 октября 1956 г., — с целью открыть основные пути наступления нам надо овладеть египетскими оборонительными пунктами на границе: Ницаной, Кусеймой, Кунтилой и Рас-эн-Накбом. Соответственно, я дал добро (после получения согласия министра обороны) на вывод наблюдателей ООН из Ницаны. Пусть лучше жалуются на то, что их выгнали, чем сообщают о стягивании нами к границе находящихся в полной боеготовности войск.

Начальник Гражданской обороны предложил объявить режим светомаскировки в главных городах в день начала кампании, но я отклонил это предложение. Такой приказ вызовет ненужные толки и создаст напряженность. Я продолжал держаться мнения, что египтяне не атакуют Израиль с воздуха в первые дни, поскольку будут считать наши действия всего лишь усиленной карательной акцией. Также я не согласился с предложением главы ГО исключить из мобилизационных списков «особо ценных» работников. Кампания будет настолько короткой, что угрозы вызвать паралич экономики из-за острой нехватки рабочих рук не существует, а потому нет нужды принимать меры, разумные во время ведения затяжной войны. Разумеется, я не говорю о работниках электростанций и системы водоснабжения. На то существуют специальные комиссии, члены которых знают, кого необходимо оставить, а кого можно призвать.

Через два дня все начнется. Завтра отправляюсь с визитом к танкистам. Именно на них возлагается главная задача по разгрому египетских войск.

28 октября 1956 г.

Сегодня утром прошло совещание с сотрудниками генерал-адъютантской службы[29], посвященное проблемам хода мобилизации.

В первое двое суток, чтобы не сеять беспокойство в народе, мы решили избежать экстренного призыва, что привело к весьма малоутешительным результатам. Многие резервисты не получили повесток по чисто техническим причинам: ошибки в адресах, отсутствие оповещений о перемене места жительства и так далее. Особенно плохо обстояло дело с мобилизацией у танкистов. Например, 27-я бригада на первых порах оказалась укомплектованной личным составом только наполовину. Значительное количество ее резервистов приехали в Израиль из Восточной Европы, потому адреса многих из них оказались написаны на венгерском, румынском и пр., так что курьеры не всегда могли расшифровать эту мудреную азбуку. Поэтому было решено за день до выступления прибегнуть к экстренному призыву, вследствие чего ситуация быстро выправилась[30]. Причина не только в техническом преимуществе такой системы мобилизации, но также — и, возможно, главным образом — в психологическом воздействии. Поскольку армия не прибегала к чрезвычайным мерам, резервисты подумали, что весь призыв — не что иное, как рутинная проверка надежности системы мобилизации. Но когда они поняли, что их зовут сражаться, они валом хлынули в свои подразделения. Поспешили даже и те, кого не вызывали. Достаточно было нескольким военнослужащим

получить оповещение, как слух распространялся среди сослуживцев, и они спешили в части.

Мы убедились в том, что из 100 000 чел., которых мы собирались призвать, явится девяносто процентов. Откровенно говоря, мы такой отдачи и не ожидали. Столь значительный процент свидетельствует о «добровольческом рвении» — желании солдат сражаться, а это поважнее любой отчетности и бухгалтерии.

С другой стороны, мне совсем не понравилось «добровольческое рвение», выказанное командующими Региональными командованиями, которые, несмотря на распоряжения, сочли возможным призвать больше военнослужащих, чем им полагалось. Северное командование превысило квоту на 2000 чел., Центральное — на 1500, а Южное — на 1000 чел.

Главная проблема — мобилизовать транспортные средства. В требовании значились 13 013 единиц. (Наверное, определить такое количество, выраженное числом, содержащим две «чертовы дюжины», мог только какой-то очень и очень несуеверный армейский чиновник!) Удалось получить где-то процентов шестьдесят от этой цифры. Поначалу решили, что все дело в нежелании гражданских владельцев передавать машины в распоряжение военных, однако картина осталась без изменения даже после того, как к делу подключилась полиция (как военная, так и гражданская). Причина «провала» заключалась в разномастности и плохом техническом состоянии гражданского транспорта. Сомневаюсь, что найдется вторая армия, которая бы отправлялась на передовую на столь же разношерстных по маркам, цвету, очертаниям и размерам автомобилях. Натан Альтерман (один из лучших поэтов Израиля и ведущий еженедельной рубрики в газете) написал замечательную вещь под названием «Седьмая колонна» о фургонах из прачечных и маргариновых фабрик, прокладывавших себе путь к Суэцу. Мы еще можем принять машину с «лысой» резиной и без ящичка с инструментами, но кому нужен автомобиль с треснувшей головкой цилиндра или заедающей коробкой передач? Боюсь, на сей раз мы переоценили наши возможности и не получим того количества транспортных средств, которое планировали.

О причинах призыва резервистам сообщалось, что ожидаются столкновения с иорданцами из-за ввода на их территорию иракских войск, а также из-за вступления Иордании в коалицию с Египтом и Сирией. Эти ложные объяснения вполне соответствовали представлениям военнослужащих, сложившимся благодаря появившимся в последние дни в прессе публикациям.

Надежды на то, что нам удастся скрыть истинные цели мобилизации, похоже, оправдаются.

Несмотря на все сложности и недостатки, если мы сумеем в течение недели мобилизовать полностью контингент, необходимый для ведения войны на Синае, это будет наиважнейшим достижением. А судя по поступившим сегодня сведениям, мы с данной задачей справимся. Что до ВВС, то тут вся процедура завершилась за сорок три часа.

Заканчивая совещание с сотрудниками управления [отдела] генерал-адъютанта, я попросил ежедневно сообщать мне о ходе призыва в следующие части: пехотные, бронетанковые, морские и обеспечения. Я все еще никак не могу научиться продираться через тернии всевозможных данных по численности живой силы со всеми сокращениями, изначальными и окончательными данными на бесчисленных страницах.

29 октября 1956 г.

Вчера в 10.00 Бен-Гурион представил на рассмотрение и утверждение кабинета план Синайской кампании. Правительство дало добро. Затем Бен-Гурион встретился с представителями оппозиционных партий и проинформировал их о принятом кабинетом решении. Затем последовало официальное заявление с объяснением причин проводимой мобилизации резервистов.

Там говорилось, что ввиду военной активности арабов и их агрессивных намерений, осуществлена мобилизация в резервные батальоны, «чтобы противник не застал нас врасплох, внезапно атаковав с юга, с севера или с востока». Заявление заканчивалось в духе первых поселенцев цитатой из Библии: «Знай же, тому, кто хранит Израиль, не должно спать, но бодрствовать».

В заявлении, предназначавшемся для населения Израиля, важным было не только то, что там говорилось, но и то, о чем умалчивалось. Отсутствовали упоминания о том, что резервистов

призывают лишь на короткий период времени, ничего не говорилось, чтобы смягчить возросшее напряжение и ощущение того, что страна находится на грани войны. В международном плане заявление объясняло причины мобилизации агрессивными происками арабов. Оно скрывало истинные причины призыва резервистов и, наряду с другими предпринятыми нами шагами, приковывало внимание к границам Иордании как страны, с которой Израилю, возможно, придется воевать.

Тем временем мы получили еще одну телеграмму от президента Соединенных Штатов. В ней, как и предыдущей (от 27 октября 1956 г.) Эйзенхауэр выражал беспокойство по поводу мобилизации. В обоих случаях он связывал призыв резервистов в Израиле с вводом иракских войск в Иорданию и сообщал нам, что, по имеющимся у него сведениям, ни одна иракская воинская часть не пересекала иорданскую границу. В своем ответе Бен-Гурион сделал упор на агрессивные цели Египта и не дал обещания удовлетворить просьбу американского президента о приостановлении мобилизации. Когда Бен-Гуриону сообщили о том, что отправлена вторая телеграмма, он с беспокойством ожидал неприятных известий, но, ознакомившись с содержанием, несколько успокоился. Послание носило общий характер, потому все сказанное там можно было «проглотить». Во втором в более жестких выражениях повторялось предупреждение, содержавшееся в первом, совет: «чтобы со стороны вашего правительства не предпринимались силовые шаги, которые могли бы поставить под угрозу мир и растущую дружбу между нашими двумя странами».

В дополнение к этим посланиям посол Соединенных Штатов объявил о том, что ему даны указания о немедленной эвакуации из Израиля всех американских граждан (около 1800 чел.). Мы пообещали помочь, а он сказал нам, что аналогичные инструкции поступили в отношении американских граждан в Египте, Иордании и Сирии.

Одним из нуждающихся в прояснении военно-политических аспектов является заявление представителя армии. Ясно же, что вечером, сразу после выброски десанта у перевала Митла, потребуется сделать какое-то официальное заявление. Оно должно быть жестким и угрожающим, но при этом не содержать никакой информации относительной наших истинных намерений. После тщательной правки черновика мы представили на одобрение Бен-Гуриона следующий бюллетень: «Официальный представитель армии сообщает, что части Армии Обороны Израиля выступили против подразделений фидаинов в Рас-эн-Накбе и Кунтиле и овладели позициями к западу от пересечения

дорог у Нахле поблизости от Суэцкого канала. Акция предпринята вслед за нападением египетских военных на израильские транспортные средства на море и на суше, направленным на причинение ущерба и создание обстановки, в которой становится невозможным мирное существование граждан Израиля».

Бен-Гурион, по всей видимости, схватил грипп. Мы нашли его лежащим в постели с высокой температурой. Сказались также и усталость, и напряжение последних дней. Однако он продолжал работать, и когда я уходил, спеша на свой командный пункт (куда мы переехали из здания генштаба), с премьером еще оставались для консультаций чиновники Министерства иностранных дел.

Ситуация во взаимоотношениях с США сложная и совершенно неудовлетворительная. Израиль, искреннее стремление которого укреплять узы дружбы с Америкой, оказывается в сложном положении, когда ему приходится воздерживаться — и даже отказываться — от своих истинных намерений. Поскольку альтернатива неприемлема, Израиль не может оставить без ответа выпады арабов — пойти на отказ от военных акций возмездия и терпеть блокаду Акабского залива. США непреклонны в том, что касается военных операций со стороны Израиля, и в то же время они не хотят — возможно, не могут — заставить арабов отойти от антиизраильского курса. Более того, Соединенные Штаты постоянно отказывают нам в передаче или продаже оружия, вследствие чего делают нас уязвимыми для арабских агрессоров, черпающих вооружения и технику из источников в странах советского блока.

Абсурдность ситуации, в которой оказываются США по отношению к своей ближневосточной политике, усугубляется в настоящее время тем, что они дистанцированы от своих союзников, Франции и Британии, которые скрывают от американцев планы предстоящей операции против Египта. Во второй телеграмме Бен-Гуриону президент Эйзенхауэр говорит, что ввиду обоюдной ответственности подписантов трехсторонней декларации от 25 мая 1950 г. (принятый США, Британией и Францией документ, гарантирующий территориальную целостность государствам Ближнего Востока), он будет обсуждать проблемы безопасности Израиля с Британией и Францией. Из текста обоих посланий напрашивается вывод: американский президент полагает, что между Израилем и Иорданией может вот-вот разразиться война, а США вместе с Британией и Францией должны будут возложить на себя обязанности по предотвращению конфликта, взяв под защиту арабов. Да он же ничего не знает! В любом случае, ситуация сложилась прямо противоположная его

представлению о ней. Арена предстоящих событий не Иордания, а Египет, причем Британия и Франция, вполне вероятно, выступят на одной стороне с Израилем, в разрез с намерениями Соединенных Штатов, собирающихся вместе с союзниками обуздать Израиль.

Думается мне, что дело тут не только в незнании. Первопричина бесплодности американского подхода в отношениях с Израилем в том, что США не имеют решения проблемы, ставшей для нас особенно острой. Не знаю, что тому причиной, политическая близорукость или что-то другое, но меня поражает бесцветная фраза в обоих президентских посланиях, где он говорит, что «только миролюбивый и умеренный подход может способствовать истинному улучшению ситуации». Или пассаж, которым, надо думать, Эйзенхауэр предполагал развеять все наши страхи и опасения, сообщая: «Я распорядился выразить правительствам других стран Ближнего Востока мою озабоченность обстановкой и передать мою просьбу о том, чтобы они воздерживались от действий, способных привести к войне». Что толку в этих словах? Какое практическое действие они могут оказать в деле предотвращения вылазок фидаинов? Может быть, с их помощью можно разблокировать выход из Акабского залива или вернуть свободу израильского судоходства в Суэцком канале? Или заставить Египет, Сирию и Иорданию расторгнуть военный союз?

Я все больше утверждаюсь в мысли, что цель Соединенных Штатов — нарастить свое влияние на ближневосточной арене за счет давления на Израиль, а не способствовать улаживанию проблем между нами и нашими арабскими соседями.

На командном пункте царила атмосфера возбуждения. Но при этом никто не кричал и не разговаривал на повышенных тонах. Напротив, все едва ли не перешептывались и двигались так, будто у каждого в руках находился поднос с поставленными на нем в семь рядов стеклянными стаканами. Именно это и говорило о том, что все собравшиеся думали только об одном: сегодня вечером мы начинаем кампанию!

Насколько я могу судить, весь народ приветствует эту войну, несмотря на то, что нет ничего более чуждого евреям, противного их нутру, чем милитаристские амбиции. Молодые люди, явившиеся в свои части по собственному почину, идеалисты, желанием которых является построение справедливого общества, основанного на простоте отношений и физическом труде. Помимо этого, побудительным мотивом для них остается то же самое стремление, которое двигало и двигает уже тремя поколениями нашего народа, мечтавшими о возрождении

еврейского государства в Израиле. Люди чувствуют, что операция «Кадеш», название которой им пока неизвестно, напрямую связана с такими эпизодами, как «нелегальная» иммиграция, несмотря на запрет Бевина, и создание кибуцев в Неге-ве, невзирая на противодействие британских властей.

У старших армейских офицеров еще и другое чувство — осознание того, что приближается время «рассчитаться» и наступает «день, которого мы все так ждали». Теперь, наконец, мы сможем излить горечь, копившуюся в наших сердцах все те восемь лет с того момента, когда было основано государство Израиль. Все эти восемь лет арабы грозились стереть с лица земли нашу маленькую страну и всеми путями стремились осуществить свои намерения. На протяжении последних недель, когда началась активная подготовка к войне, проводились наземная и воздушная разведка, шел процесс планирования и согласований, бушевал настоящий шквал организационной активности, и все же большинство офицеров по-настоящему не верило, что наступление состоится. Мы все думали, что в последний момент, как бывало, свыше придет приказ об отмене кампании или же о том, что она «откладывается на неопределенное время».

Я не вполне разделял настроения собравшихся и нередко чувствовал себя как человек, который пришел на празднество, как на службу, и ходит среди нарядно одетых гостей в рабочей одежде. Дело не в том, что я такой уж холодный реалист, а в том, что для меня миновал решительный момент — момент, когда сомнения ушли прочь и я принял твердое решение о начале кампании. Случилось это двадцать пятого, четыре дня назад. И все же даже и теперь я не уверен, не придется ли свернуть кампанию прежде, чем нам удастся завершить ее. Я очень хорошо осознаю всю сложность обстановки, в которой Израиль отваживается на операцию «Кадеш», и понимаю: в любую минуту министр обороны может вызвать меня к себе, чтобы поставить в известность об изменении ситуации и необходимости прекратить военные действия.

ГЛАВА ПЯТАЯ
КАМПАНИЯ НАЧИНАЕТСЯ

30 октября 1956 г.

На первую военную ночь (29–30 октября 1956 г.) мы наметили четыре задачи: захват перевала Митла, Рас-эн-Накба, Кунтилы и Кусеймы. В соответствии с этим, в 17.00 (16.59, если уж быть точным) началась выброска 395 парашютистов в районе перевала Митла.

Помимо решения прямой оперативно-тактической задачи — взятия под наш контроль перекрестка дорог Нахле — Суэц и Исмаилия — эт-Тор — целью акция являлась проверка того, насколько хорошо нам удалось скрыть наши истинные планы от военного руководства Египта.

Выброска прошла почти без происшествий — тринадцать человек получили легкие травмы. В заданный район подразделение отправилось в 15.20 на шестнадцати «Дакотах»[31], летевших строем по четыре машины. Каждая четверка несла роту десантников.

Более всего мы опасались, что египтяне засекут самолеты и отправят на перехват истребители. Тихоходные «Дакоты», каждая с двадцатью пятью полностью экипированными пехотинцами на борту, стали бы легкой добычей для египетских Мигов. Кроме всего прочего, зона выброски находилась под носом у противника — всего в семидесяти с небольшим километрах от египетского

аэродрома в Кабрите — и в сотнях километров от наших баз. Чтобы лететь вне зоны досягаемости египетских радаров, «Дакоты» шли на предельно малой высоте, всего в 150 метрах над землей, и только на подходе к запланированному району выброски поднялись до 450 метров. В качестве эскорта транспортам служили десять «Метеоров», в то время как двенадцать «Мистэров» барражировали вдоль Суэцкого канала, чтобы дать бой любой египетской машине, вздумавшей атаковать наши самолеты.

«Дакоты» достигли перевала Митла и осуществили выброску батальона без столкновений с египетской авиацией. Однако, когда наши «Мистэры» появились в небе над аэродромом Кабрита, их конечно же заметили, но и тогда единственное, что сделал противник, — рассредоточил находившиеся на земле машины. Когда наши «Дакоты» вернулись на базы, мы смогли вздохнуть свободнее. Никто не мог быть совершенно уверен, что разведка египтян ничего не выяснила или что они не заподозрили наших истинных намерений. Поэтому нам всем мерещились страшные картины, в которых стаи вражеских истребителей, поднявшихся с летного поля неподалеку от перевала Митла, набрасывались на наши транспорты.

Из поступивших сообщений нам стало известно, что пилоты ошиблись и выбросили парашютистов километрах в семи-восьми к востоку от заданной точки, и им пришлось еще два часа добираться туда своим ходом. В 19.30 подразделение заняло позиции у мемориала Паркера (памятника полковнику А.К. Паркеру, британскому губернатору Синая в период с 1910 по 1923 г.). В 21.00, в соответствии с планом, была произведена выброска дополнительного снаряжения: восьми джипов, четырех 106-мм безоткатных орудий, двух 120-мм минометов[32], боеприпасов и стрелкового оружия.

Немногим раньше дозор натолкнулся на два автомобиля с египетскими военными. Один десантники уничтожили, а другой ускользнул от них и удалился в направлении Нахле.

Было не ясно, сделали ли мы правильный выбор, приказав десантникам закрепляться на выступе [высоте], где они окопались. Поначалу мы собирались выбросить их в западной оконечности перевала Митла. Однако, по данным аэрофотосъемки, полученным 6 октября, выходило, что на этом месте находятся шестнадцать каких-то строений. На других фотографиях, предоставленных накануне высадки, двадцать восьмого, было видно, что там размещаются еще двадцать три палатки и несколько машин. Хотя мы не знали, что это означает, мы решили изменить план и выбрали выступ в восточной

оконечности перевала Митла, где находился памятник Паркеру. Кстати, по какой-то невыясненной причине результаты аэрофотосъемки шестого числа не были переданы в распоряжение командования бригады, которому ситуация стала известна только в ночь с 28 на 29 октября, после второго полета. Тогда, в ту самую ночь и было принято решение о переносе района выброски в другое место.

Так или иначе, теперь часть окопалась и закрепилась на позициях около памятника Паркеру, а я в тот же вечер послал им приказ не двигаться в западном направлении. На данном этапе мы не были заинтересованы в провоцировании египтян к расширению военных действий. В течение следующих суток нам было бы желательно обойтись без лишних столкновений.

* * *

Ключ к успеху в следующие двадцать четыре часа — баланс сил авиации. Проводить сравнения здесь непросто. С одной стороны, поскольку мы и египтяне располагаем разными по тактико-техническим характеристикам машинами. В каких-то случаях это дает преимущество нам, в каких-то — им. С другой стороны, огромное значение имеет расстояние, и здесь ситуация благоприятствует противнику, самолетам которого хватит всего от двух до пяти минут, чтобы достигнуть перевала Митла, тогда как от самого ближайшего нашего аэродрома туда лететь двадцать одну минуту. Это означает, что наши машины могут находиться в небе над данным районом всего десять минут.

К этому надо, однако, добавить мастерство пилотов, качество работы РЛС и техобслуживания машин, уровень подготовленности наземных служб и качество оборудования, а также и некоторые другие факторы, в немалой мере влияющие на эффективность действий ВВС.

Военная авиация Египта комплектуется исключительно за счет реактивных самолетов, в то время как половина пилотов наших ВВС по-прежнему летает на поршневых машинах. Насколько нам известно, египтяне получили от русских около 200 истребителей Миг-15 и где-то пятьдесят бомбардировщиков Ил-28. Вопрос только, сколько из этих машин находится в

распоряжении боевых эскадрилий, располагающих грамотными пилотами и наземным техперсоналом. Наблюдая за их полетами, мы на сегодняшний момент смогли насчитать восемь эскадрилий реактивных истребителей: четыре — Миг-15 и четыре — «Метеора» и «Вампира», каждая из которых состоит из пятнадцати — двадцати четырех самолетов.

Против этих восьми мы в Синайской кампании могли выставить пять эскадрилий реактивных истребителей, общей численностью семьдесят пять машин — тридцать семь «Мистэров» и сорок два «Метеора» и «Урагана». Что до бомбардировщиков, то мы имели два поршневых B-17[33] против двух эскадрилий — от тридцати до шестидесяти единиц — Ил-28 ВВС Египта.

Мне известно, что во всех европейских армиях боевые самолеты с поршневыми двигателями давно сданы на свалку, но мы свои продолжаем использовать. Их у нас шестьдесят четыре — двадцать восемь «Мустангов», тринадцать «Москито», двадцать один «Харвард» и два B-17. Хотя ставить их все в один ряд — все равно, что считать вместе «кроликов и верблюдов». Можно подытожить: в нашем распоряжении 143 самолета — примерно половина поршневых, половина реактивных — против от 150 до 250 египетских машин, все из которых с реактивными силовыми установками.

Командующий нашими ВВС считает, что даже такой расклад выглядит слишком оптимистично и не отражает подлинной картины. Как он говорит, из тридцати семи наших «Мистэров» в рабочем состоянии находятся пока только четырнадцать, да и те располагают только 30-мм пушечным вооружением, поскольку ракет и бомб для них мы еще не получили. Кроме того, большинство наших летчиков — «зеленые» ребята, не побывавшие ни в одном бою и даже не закончившие курс обучения. Лучшие из наших машин — французские истребители «Мистэр», которые стали прибывать в Израиль только в апреле этого года. Большая часть их поступила в августе, то есть всего два месяца назад. Я совершенно уверен в точности данных, однако когда приезжаешь на базы, говоришь с людьми, видишь, насколько высоки у летного состава боевой дух и уверенность в собственных силах, забываешь о малоутешительной статистике. В любом случае, сравнивать силы можно только по результатам реальных боевых действий, а не по листкам с цифрами на рабочем столе в кабинете, а в небе главное не бухгалтерия, но желание драться и мастерство.

* * *

Сегодня в 22.30 подвижная колонна первого батальона 202-й парашютной бригады достигла памятника Паркеру и соединилась с батальоном, выброшенным сюда ранее. Остальные части бригады подтянутся в течение нескольких часов. На открытие пути наступления длиной в 300 километров — 200 из которых приходятся на египетскую территорию — ушло двадцать восемь часов. Согласно нашему плану, на эту операцию отводилось от двадцати четырех до тридцати шести часов.

Это Нахлесское направление, которое противник обороняет при помощи трех опорных пунктов: Кунтила, что на границе с Израилем, Темед и Нахле. Кунтилу мы нашли брошенной, так как ее защитники, численностью в один взвод, при приближении наших людей ушли в Темед. (Вот дословное донесение об этом событии: «Когда египтяне в Кунтиле увидели нашу колонну, они немедленно поспешили отступить, обгоняя посланное [в Темед] [34] донесение».) Фактически бой велся только за Темед, поскольку из Нахле египтяне бежали, едва услышав выстрелы. Похоже, из всех трудностей, с которыми пришлось столкнуться бригаде во время наступления, овладение позициями противника представляло наименьшую.

Главные сложности носили организационный и технический характер. Хуже всего обстояло дело с транспортными средствами, способными передвигаться через пустыню. Бригаде обещали 153 полноприводных трехосных грузовика, но за сутки до часа «Ч» сообщили, что дадут всего девяносто. В наступление они пошли, имея всего сорок шесть.

Не лучше обстояло дело и со вспомогательным снаряжением. Вместо пяти санитарных машин бригада получила одну, вместо четырех тягачей — также один. Не хватало оборудования для вытягивания застрявших в песках автомобилей. На всю колонну не нашлось гаечного ключа для машин с приводом на передний мост, в результате, если грузовик пробивал колесо, приходилось бросать машину.

Чтобы скрыть направление движения, в качестве пункта сосредоточения для бригады был выбран Эйн-Хусуб на иорданской границе, откуда часть и стартовала с четырехчасовой задержкой, хотя и тогда даже не была полностью готова к выступлению. Но приближался час «Ч», и откладывать выступление стало уже нельзя. Расстояние в сто с лишним километров от восточной до западной границы Израиля колонна проделала через Негев за девять часов и достигла исходного рубежа на границе с Египтом почти точно в расчетное время. (Задержка составила всего полчаса.) Однако на первом отрезке пути бригаде пришлось проститься с частью автотранспорта: одни

машины застряли в песке, другие сломались, какие-то пришлось бросить (особенно неполноприводные). Из тринадцати танков, вышедших из Эйн-Хусуба, до Кунтилы добралось всего семь.

Но, несмотря ни на какие трудности, командование бригады не допустило срыва операции и достигло поставленной цели. С машинами или без машин колонна продвигалась вперед. Когда оказалось, что Кунтила брошена гарнизоном, наступающие войска выдвинулись к Темеду. Численность его защитников превышала две роты, а благодаря рельефу местности, этот господствующий в данном районе скалистый выступ обладал естественными укреплениями. Штурм начался в 06.00. При поддержке орудий двух танков, стрелявших прямой наводкой, наши парашютисты на полугусеничных бронемашинах прорвали вражеские позиции. (Типичная иллюстрация того факта, насколько сложным является передвижение по пустыне: из семи танков, добравшихся до Кунтилы, только три успели подтянуться к началу штурма главных позиций противника, причем один из трех перевернулся, так что в сражении приняли участие только два танка.)

Солнце помогало нашим. Оно находилось у них за спиной и светило в глаза египтянам, которые и так мало что видели из-за дыма и пыли, поднятых техникой и скрывавших атакующую пехоту. Через сорок минут сражение закончилось. Необходимо заметить, что оборона Темеда находилась в состоянии готовности, египтяне выкопали противотанковые рвы, поставили минные заграждения, установили крупнокалиберные пулеметы и безоткатные орудия. Потери десантников составили четверо убитых и шестеро раненых; неприятель только убитыми недосчитался более пятидесяти человек.

Атака на Нахле началась в 17.00. Подразделение, которому отводилась роль взятия этой позиции, обошло Темед еще до того, как он был захвачен, и выдвинулось к Нахле. Оно состояло из двух рот пехоты, нескольких пушек и двух сумевших не отстать танков. Бой продолжался двадцать минут. В 17.20 обе роты защитников бежали, бросив множество раненых и оставив на поле пятьдесят шесть убитых.

Позднее поступили сведения, что утром четыре египетских Мига дважды заходили для атаки на Темед, уже захваченный нашими бойцами; трое из них в результате налета получили ранения.

Мы еще не знаем точно, сколько войск соединилось и соединится этой ночью с десантниками на перевале Митла. Общая численность личного состава бригады — 2500 чел., однако часть их останется для прикрытия направления и обороны

Кунтилы, Темеда и Нахле. Ситуация с техникой тоже совершенно неясна. В настоящий момент две трети грузовиков бригады «загорают» по обочинам дорог, но я надеюсь, что большинство их удастся отбуксировать и привести в порядок.

Парашютисты сильны не танками, не артиллерией и транспортными средствами, а людьми. Пока, по счастью, потери среди личного состава оставались минимальными. Численность его даже увеличивалась, причем самыми разными и порой странными путями: например, за счет резервистов, вовремя не получивших повестки, а также за счет тех, кто находился в госпитале или на учебе, но сбежал, чтобы присоединиться к товарищам. Несмотря на всякого рода происшествия, ошибки, просчеты и сложности — частью неизбежные, частью весьма досадные, — факт остается фактом: мобильная колонна проложила себе путь и соединилась с десантом. Все это было проделано в расчетное время и с незначительными потерями.

Позиция у южной границы, Рас-эн-Накб, также была захвачена в соответствии с планом этой ночью. По данным нашей разведки, опорный пункт обороняли два мобильных отделения при поддержке групп моторизованного батальона пограничников. Задача взять Рас-эн-Накб возлагалась на командование района Эйлат, получившее в помощь три роты 9-й бригады. Вчера на заходе солнца разведрота выступила из Эйлата, окольным путем вышла на Синай и овладела перекрестком дорог Рас-эн-Накб — Темед, Кунтила — Шарм-аш-Шейх.

В 21.00 израильтяне проделали проход в минных заграждениях и открыли путь из Эйн-Нетафима к египетским позициям. Когда рота приблизилась к вражескому опорному пункту, солдаты услышали одиночный выстрел. Они устремились на штурм, но оказалось, что сражаться не с кем, полицейский форт был пуст.

Когда рассвело, разведчики заметили три приближавшихся египетских лендровера и открыли по ним огонь. Один удалось подбить, но два других ушли невредимыми.

Я понимаю руководившего операцией офицера, употребившего в рапорте выражение «просто фантастика». Он имел в виду не поведение египтян, а пейзаж. Во всей пустыне Негев не найти подобного по красоте места, как на берегах Акабского залива. В самом волшебном сне не приснится столь красивая картина, в которой бы так удачно сочетались краски моря, пустыни и гранитных монолитов скал, словно бы написанных кистью Шагала.

* * *

В первые утренние часы 4-я бригада взяла Кусейму. Наши потери составили четверо убитых и тридцать шесть раненых. У египтян погибло сорок пять человек, 370 солдат и офицеров противника попали в плен, включая и раненых.

Опорный пункт Кусейма обороняло два батальона Национальной гвардии и разведрота (вероятно, из моторизованных пограничных частей)[35]. Кроме того, рота 17-го батальона защищала Рас-матморский выступ, также являвшийся частью укреплений Кусеймы.

Наша 4-я бригада комплектуется за счет резервистов, которым пришлось познать на себе все «прелести» поспешных сборов и подготовки к бою. По некоторым причинам повестки задержались, и потому у бригады на решение всех организационных проблем из семидесяти двух осталось всего сорок восемь часов. Ввиду чрезвычайно малого количества разносчиков повесток многим их доставили с опозданием, другим резервистам — принесли, когда тех не было дома. В итоге в расположение части явились от восьмидесяти до девяносто процентов военнослужащих, но многие из них опоздали.

У офицеров не хватало времени, чтобы изучить предстоящие задачи. Заместитель командира бригады получил назначение на должность в день мобилизации, а комбаты узнали о том, что им предстоит делать, всего за двадцать четыре часа до начала атаки.

Но главной проблемой стал, как всегда, транспорт. Район сосредоточения бригады находился около Бир-Хафиры, расположенной в семидесяти километрах к югу от Беершевы и примерно в двадцати — от Кусеймы. В Южном командовании комбрига уверили, что добраться до цели можно на обычном транспорте. В нормальных условиях так все и есть, но теперь, когда бронетехника и тяжелые грузовики прошли по дороге, от ее верхнего слоя не осталось даже воспоминаний. Проехать по десятисантиметровому слою песка, который покрывал поверхность дороги, могли только машины с передним ведущим мостом. Очень скоро реквизированные у гражданских владельцев автобусы и грузовички молочников и мороженщиков застряли. Комбригу не оставалось ничего иного, кроме как пересадить личный состав со стрелковым оружием на полноприводные машины, оставив все дополнительное снаряжение, боеприпасы, мины, колючую проволоку и пр., в надежде, что все это можно будет забрать позднее.

Но на этом мытарства бригады не закончились. В Беершеве столкнулись два автобуса с солдатами, тринадцать из которых получили ранения. Возникла пробка, и колонне пришлось обходить город по разбитой дороге. Проводники плохо знали эту

местность и заблудились. В результате бригада напрасно потратила несколько драгоценных часов. На изложение диспозиции и инструктаж, изобиловавший излишне детализированными и по большей части ненужными пояснениями, тоже ушло немало ценного времени.

Начало атаки пришлось перенести с 23.00 двадцать девятого числа на 03.30 тридцатого. Только одно подразделение, пехотная рота, задачей которой ставилось взятие Сабхасского выступа, действовала ночью. (Из-за потери связи командир не получил извещения о переносе часа «Ч».) Но и им тоже не повезло. Рота сбилась с пути и вместо того, чтобы штурмовать место, известное под названием Большая Сабха, атаковала Малую Сабху. Опорный пункт они нашли брошенным, а позднее узнали, что тот пост, который им надлежало штурмовать, был тоже оставлен гарнизоном, так что в итоге ошибка не сыграла никакой роли.

Наконец, в 04.00 израильтяне начали наступление на Кусейму, и тут египтяне помогли нам исправить все наши многочисленные ошибки, просто сбежав со своих позиций. Только на одном участке обороны, на западных выступах, противник оказал серьезное сопротивление. Но тут в сражение вступило разведывательное подразделение бригады — кстати, самое лучшее — и решило исход боя. В 07.00 бригада овладела Кусеймой. В это же время туда вошла и 7-я бронетанковая бригада, которую в Кусейму направил командующий Южным командованием, беспокоившийся из-за того, что сражение затягивается, и опасавшийся за его исход.

Захватом Кусеймы завершилась начальная стадия операции. Четыре объекта, взять которые нам предстояло в первую ночь, — перевал Митла, Рас-эн-Накб, Кунтила и Кусейма — находились в наших руках, как и направление Нахле — Темед. Теперь парашютисты на перевале Митла более не были отрезанными.

31 октября 1956 г.

На суше египетская армия в первой фазе нашего наступления реагировала так, как мы того ожидали. Свои передовые позиции — Рас-эн-Накб, Кунтилу и Сабху — противник сдал без боя, едва увидев приближавшиеся колонны наших войск. Гарнизоны опорных пунктов, возведенных для сдерживания атак израильтян, — Кусейма, Темед и Нахле — поначалу оказывали незначительное сопротивление, но, видя, что натиск атакующих не ослабевает и что мы можем обойти их, они предпочитали обращаться в бегство, чем продолжать драться, как полагается солдатам. Более того, в большинстве случаев противник отказывался от рукопашной и сдавался, едва нашим людям удавалось прорваться через заграждения. Что же касается

относительно большого числа убитых по отношению к количеству раненых у неприятеля, что обычно бывает, когда враг оказывает ожесточенное сопротивление, то в боях на направлении Кунтила — Митла все заключалось не в стойкости египтян, чего мы не наблюдали, а в манере сражаться наших десантников.

В воздухе реакция противника на начальной стадии нашего наступления также оказалась вполне предсказуемой: мы не наносили ударов по аэродромам, а вражеская авиация не распространяла свои действия за пределы Синая.

Первую атаку египетские ВВС провели тридцатого числа между 07.30 и 09.30. Сначала четыре «Вампира» осуществили разведывательный полет над нашими войсками у перевала Митла и над колонной, двигавшейся от Кунтилы к Нахле. Затем в небе появилось звено Миг-15 (две пары), которое нанесло удар по нам на перевале Митла и в Темеде. На перевале Митла жертвами налета стали четыре человека и стоявший на земле «Пайпер-Каб», в Темеде пострадали трое военнослужащих.

В тот же день, но позднее ситуация в воздухе стала благоприятствовать нам. В соответствии с нашими планами, израильская авиация должна была на протяжении всего светлого времени суток прикрывать наземные части на перевале Митла и оказывать поддержку силам, передвигавшимся по открытой местности на Нахлеском направлении. Но по какой-то причине в момент налета египтян в небе не оказалось ни одного нашего самолета. Однако потом барражирование велось практически беспрерывно, а начиная с 10.30, после налета египтян, наши ВВС получили разрешение атаковать наземные цели противника, включая самолеты, пытающиеся подняться с баз поблизости от перевала Митла. Во второй половине дня над аэродромом Кабрита разгорелось воздушное сражение между двенадцатью Мигами и восемью нашими «Мистэрами». Два Мига было сбито, а также, предположительно, еще два. Один из наших «Мистэров» получил повреждения, но смог дотянуть до аэродрома и благополучно приземлиться.

Хотя задача авиации сводилась преимущественно к оказанию непосредственной поддержки 202-й бригаде на перевале Митла, наши самолеты наносили удары по наземным целям противника, в основном по автоколоннам и артиллерийским орудиям, которые перебрасывались к перевалу из зоны канала. Разумеется, не случайно, несмотря на то, что наши летчики действовали очень близко от египетских аэродромов, противник в большинстве случаев не спешил на помощь своим наземным войскам и тщательно избегал встреч с израильскими истребителями. Что ж, в конце концов сражаются не самолеты, а

летчики. Разница между нашими и египетскими пилотами лучше всего проявилась в операции, которую мы провели для уничтожения линий телефонной связи противника два дня назад, и в бомбардировке, осуществленной ВВС Египта прошлой ночью.

В день начала кампании, примерно за два часа до выброски десанта на перевале Митла, звено из четырех Мустангов вылетело на задание, чтобы перерезать воздушные телефонные провода вдоль дорог Темед — Митла и Кусейма — Нахле. Самолеты были снабжены тросами с крюками. Предполагалось, что с их помощью пилотам удастся зацепить провода и порвать их. Однако приспособления не работали. Если бы летчики вернулись на базу и объяснили причины невыполнения задания, никто бы ничего плохого им не сказал. Тем не менее, перекинувшись несколькими фразами, все четверо решили все же выполнить задание и перерезать провода с помощью воздушных винтов и плоскостей своих машин. Просто чудо какое-то, что они не только достигли результата, но при этом остались целы, ведь провода проходили менее чем в четырех метрах над поверхностью земли, и что тоже удивительно, они даже не намотались на винты[36].

Для контраста, египетские летчики отправились на одном Ил-28 бомбить наш аэродром, но «предпочли не рисковать» и освободились от нагрузки над одним из голых холмов под Иерусалимом. Просто по случайности один крестьянин из селения Рамат-Рахель засек «бомбардировку». Он сообщил в полицию, которая, приехав утром, изучила осколки бомб. Это были советские бомбы (тип 100х11).

* * *

Не знаем, какой будет реакция правительства Египта на англо-французский ультиматум, переданный Каиру вчера в 18.00 (по израильскому времени). Вероятно, из-за реальной военной угрозы, создавшейся в связи с этим документом, противник будет менять приказы по армии. Мы же тем временем можем подытожить первую реакцию арабов на нашу операцию, несмотря на то, что имеющаяся информация неполна и частью не проверена.

Первый вопрос: что будут делать арабские государства? Придут на помощь Египту, и если придут, то в чем выразится их участие?

Теперь уже ясно, что нам удалось сохранить свой план в тайне. До самой последней минуты, то есть до того момента, как наши парашютисты высадились у перевала Митла, генштабы

арабских армий пребывали в полной уверенности, что мы готовим удар по Иордании. Соответственно, она укрепила оборону на границе с Израилем. Так, если ранее на том или ином опорном пункте дислоцировалась рота, теперь ее усилили до батальона. Ирак тоже увеличил численность контингента, предназначенного для ввода в Иорданию, направив дополнительную бригаду в Хабанию. Теперь там, в районе иракско-иорданской границы, дислоцировалась целая дивизия, готовая соединиться с армией Иордании.

С оперативно-тактической точки зрения, данные действия носят чисто оборонительный характер. Если бы иорданцы собирались наступать, то им следовало бы сосредоточивать войска для удара, а не распылять силы, разбрасывая батальоны вдоль границы. В том, что касалось иракских подкреплений, все тоже делалось в соответствии с уже существовавшим иракско-иорданским планом — численность контингента и место его дислокации оставались в общем и целом прежними. Таким образом, никаких серьезных признаков подготовки к нападению с этой стороны не наблюдалось.

Прошлой ночью, после того как в египетском генштабе узнали о парашютном десанте у перевала Митла, о наших атаках на Кусейму и Рас-эн-Накб и о продвижении колонны на направлении Кунтила — Нахле к Суэцу, противник начал осознавать, что происходит на самом деле. Мы не знали, связался ли египетский генштаб с союзниками и отдал ли им какие-то распоряжения, однако правительство этой страны обратилось с открытым призывом к арабским государствам по всему миру (вероятно, чтобы подтолкнуть население оказать давление на свои правительства), требуя от них вступить в войну с Израилем.

Нет ничего проще, чем разыграть эту войну по карте или на учебном столе с макетами. Иорданцам предстоит покрыть менее двадцати километров, если считать по прямой, сирийцам — менее пятидесяти, и вот уже Израиль разрезан на три кусочка! В действительности, докричаться до союзников из Каира будет совсем непросто. Крайне маловероятно, что Сирия и Иордания отважатся на подобный шаг. Обе страны могут предпринять партизанские вылазки на нашу территорию, усложнив нам жизнь и вынудив держать у границ часть наших войск. Арабы вполне способны обстрелять сельскохозяйственные поселения и города (Иерусалим), попытаться дезорганизовать сообщение по нашим коммуникационным линиям и так далее. Но представить себе, что в течение двадцати четырех часов они развернут против нас широкомасштабную войну, может только законченный истерик и донкихот.

При всех условиях в настоящий момент нет никаких признаков начала военных действий со стороны Сирии или Иордании. Должен признать, что я ошибся в предположениях относительно возможности их прихода на помощь Египту. Вот так-то!

Сама же египетская армия оказалась полностью застигнутой врасплох. Несмотря на прошедшие в мировой прессе в последние дни публикации о начавшейся в Израиле мобилизации резервистов и о нашей активной подготовке к войне, египтянам и в голову не пришло, что удар будет направлен в их сторону. Пять суток тому назад египетский начгенштаба, Абд-эль-Хаким Амер, вместе с группой высших офицеров отправился с визитом в армии Иордании и Сирии. Вернулся он, как и было запланировано, только вчера. Я просто поверить не могу, что он не поспешил бы домой как можно скорее, если бы хоть что-то заподозрил.

Пленные, захваченные парашютной бригадой, говорили, что первые сообщения о том, что что-то затевается, в египетский генштаб поступили из Темеда, от 2-го моторизованного пограничного подразделения. Его солдаты заметили, как с Дакот десантировались парашютисты, а позднее видели автоколонну, продвигавшуюся по направлению к Суэцу, о чем и поставили в известность командира.

Не могу сказать, до конца ли египтяне поняли, какие именно цели мы преследуем, однако больше противник не собирался терять времени. Сухопутные войска, ВВС и ВМФ были приведены в состояние боевой готовности. Экипажи бомбардировщиков Ил получили приказ подготовиться к выполнению задания — налету на объекты на территории Израиля. 1-я бригада (из резерва генштаба) должна была выступить на эль-Ариш, а 2-я бригада — немедленно вступить в бой с нашими десантниками на перевале Митла. Всем прочим подразделениям на «Восточном фронте» — то есть на израильском, куда входил Синайский полуостров, сектор Газа и зона Суэцкого канала — надлежало сосредоточивать силы, повышать бдительность и находиться в постоянной готовности к отражению израильской атаки.

* * *

Что же до инструкций генштаба и политических соображений, диктовавших применение иного подхода, командующий Южным командованием не был готов полагаться на возможность того, что в войну вступит «кто-то еще» — то есть силы британцев и французов, — а потому не видел оправдания

оттягиванию момента основного удара на сорок восемь часов. Он считал, что приказ генштаба являлся политической и военной ошибкой, которая дорого нам обойдется.

Из-за навалившейся в последний момент работы я оказался не в состоянии выехать с КП ранним утром, как собирался. Когда же я все же смог выбраться, поездка на юг по запруженным армейскими колоннами узким дорогам заняла больше времени, нежели я рассчитывал.

В Беершеве мы завернули в ставку Южного командования, но никого из офицеров там не обнаружили. Все они разъехались по полевым частям и передовым штабам. Командующего мы нашли в Бееротаиме и вместе с ним проследовали в Кусейму.

Деревня Кусейма расположена в долине, а сражение, закончившееся за несколько часов до нашего приезда, происходило поблизости на холмах, где египтяне оборудовали укрепленные позиции. Однако селение война тоже не обошла стороной. В лавке творился кавардак. Все полки опустели, на полу валялись осколки разбитого кувшина для масла. На околице деревни валялись туши мертвых верблюдов, которых в горячке прикончили. В зарослях кустарника солдаты гонялись за неуловимыми курами, оказавшимися слишком ловкими. Все, что я увидел, казалось мне отвратительным и позорным, вероятно, особенно из-за раздражения, вызванного действиями командующего.

Мы обнаружили авангард 7-й бронетанковой бригады посреди Рас-матморской горной цепи, в двадцати километрах к западу от Кусеймы. Клубы пыли, поднятые с земли стремившейся на запад бронетехникой, виднелись издалека. Бригада успела углубиться на территорию Синая примерно на сорок километров, хотя в соответствии с планом ей полагалось находиться в Израиле, в сорока километрах от границы, в районе сосредоточения около Нахэль-Рут, стоять там и не двигаться.

В какой-то момент мне вспомнилась картина из детства, когда стадо коров, которых я пас, обезумев на жаре от назойливых насекомых, бросалось бежать без оглядки. Я же, краснея от стыда и досады, должен был стоять и смотреть, как они убегают в поля, словно бы из презрения ко мне задравши хвосты.

Все объяснения по поводу нарушения приказа командующего я уже выслушал по пути и даже успел сказать ему, что я о нем думаю, до того как мы встретились с командиром бригады. Пришло время отдавать приказания. Я точно знал, каковы они будут, и уже представлял себе, как танки разворачиваются и катятся обратно в На-хэль-Рут на своих гусеницах. С точки зрения

поддержания дисциплины, это совершенно обоснованное распоряжение, но будет ли оно столь же верным применительно к будущему кампании?

Прошло уже восемь часов, как бригада вступила на Синай. Командующий сказал, что поставил танкистам задачу продвигаться через Кусейму к опорным пунктам Ум-Катеф и Ум-Шихан, но, достигнув их, остановиться и не атаковать. Между тем, как часто бывает в таких случаях, «из-за проблем со связью» бронетанковый батальон с приданными частями пошел на Ум-Катеф.

Ум-Катеф, однако, не спешил сдаваться. Атакующие столкнулись с серьезным сопротивлением и метким огнем истребительно-противотанковых САУ «Арчер»[37]. Один танк и полугусеничная бронемашина были подбиты. Командир роты и трое солдат получили ранения, а артиллерийский офицер связи погиб, когда, высунувшись из бронемашины, достал компас, чтобы сориентироваться на местности. Тем временем в зоне боя появился комбриг. Он сделал вывод, что у батальона нет шанса самостоятельно взять вражескую позицию. Соответственно, батальон отступил, а комбриг занялся сбором дополнительных сил для новой атаки.

Но что сделано, то сделано. Если и в самом деле продвижение бронетанковой бригады по Синаю привело к активизации египтян, особенно в воздухе, раньше чем мы планировали, теперь уже ничего не поделаешь и будет, пожалуй, разумнее постараться извлечь максимальную выгоду из того, что бригада вступила в боевые действия. Соответственно, я отдал приказ 7-й бронетанковой немедленно приступить к выполнению задания, отводившегося ей в операции «Кадеш» — прорваться на центральном направлении Джебель-Либни— Исмаилия.

Командир бригады[38] вновь сказал, что не сможет взять Ум-Катеф своими силами, избежав при этом крупных потерь. Поэтому я велел ему оставить все как есть, обойти опорный пункт с юга и наступать на запад к Суэцу по двум параллельным направлениям, на Бир-Хасну и Джебель-Либни. Едва ли все опорные пункты окажут столь же серьезное сопротивление.

Общая тенденция совершенно иная. Когда откроется весь фронт, более упорные неприятельские гарнизоны будут окружены и отрезаны от своих, и тогда нам будет проще разделаться с ними. В любом случае, завтра на рассвете англо-французские силы начнут бомбить египетские аэродромы, и, как можно надеяться, после этого мы с большей легкостью сумеем достичь наших целей.

Бросив в наступление целиком бронетанковую бригаду, мы,

разумеется, будем вынуждены поменять наши планы на этом фронте. Поэтому я также приказал передвинуть на двадцать часов вперед — на ночь с 30 на 31 октября — время начала выступления 10-й бригады, которая должна овладеть египетскими позициями в районе Ницаны — Ауджа-Масри и Тарат — Ум-Басиса.

Мы возвратились в Кусейму, и как только вошли на КП 4-й бригады, пришло сообщение о том, что разведывательная группа 7-й бронетанковой только что захватила перевал Даика, расположенный в двадцати пяти километрах к западу от Кусеймы. Перевал представляет собой очень узкий проход длиной примерно двадцать километров, связывающий направление Абу-Агейла — Исмаилия с параллельным направлением Кусейма — Бир-Хасна — Суэц. У южной оконечности перевала дорога выходит на мост. Когда к нему приблизилась наша бронетанковая разведка, мост был взорван, а разведчики заметили всадников на трех верблюдах, удиравших на запад. Поскольку мост взлетел на воздух, наши солдаты обогнули его, кое-как перебрались через вади и через перевал вышли к его северной оконечности, где и закрепились. В результате теперь бронетанковая бригада получила возможность атаковать Абу-Агейлу с тыла — с запада. Какие бы сложности ни встретились танкистам утром, им, без сомнения, нельзя пожаловаться на недостаток объектов для штурма, путей наступления и простора, на котором можно было бы развернуться.

Командир 4-й бригады оборудовал КП на холме к востоку от деревни. Я выслушал детальный рапорт об обстоятельствах взятия Кусеймы и сообщил ему о корректировке планов. Мы решили, что, несмотря на усталость личного состава бригады, нужно будет послать разведчиков для открытия пути к Нахле, а затем отправить за ними пехотный батальон на смену парашютистам, удерживающим Нахле, поскольку у них будет другое задание. Подразделение разведки 4-й бригады состоит из отборных бойцов, которые, кроме того, располагают подходящим для преодоления песчаных дюн транспортом. Что до батальона, который пойдет следом, то тут не ясно, кто кого повезет, автобусы солдат или солдаты автобусы. Но ждать мы не можем. Мы должны развивать наступление и, кроме того, открывать новые направления. Надеюсь, что путь Кусейма — Нахле окажется не таким непролазным, каким стал для наших машин маршрут Кусейма — Кунтила. Как только у продвигающихся частей начнут кончаться запасы провианта, топлива, патронов и снарядов, в полный рост поднимется проблема снабжения, а потому нам надо побыстрее обеспечить линии коммуникаций, по которым потечет

потоком снаряжение и другие снабженческие грузы.

Я уехал из Кусеймы с сувениром — кремневым наконечником стрелы. Танковые гусеницы распахали расположенный поблизости от колодца холмик, где солдаты обнаружили кремневые ножи, кинжалы и прочие предметы древности. Похоже, тут 8000 или 6000 лет назад находилась мастерская, где делали разные изделия из кремня. Там нашлись сломанные лезвия, треугольные наконечники стрел, а также заготовки, из которых все это изготавливалось. Кто знает, какое дикое племя обрушилось на здешних жителей многие тысячи лет тому назад, так что те, в панике убегая, бросили свои изделия и сырье. Потом песчаные бури похоронили все это под слоем песка на десятки веков, пока одним прекрасным утром гусеницы резко повернувшего танка «Шерман» не открыли миру кусочек древней цивилизации.

Вернувшись на КП генштаба прошлым вечером, я составил новые приказы бригадам на этот день, 31 октября 1956 г.:

9- й бригаде: продолжать приготовления к маршу на Шарм-аш-Шейх, но пока движения не начинать. (Колонна 9-й бригады будет наиболее уязвима для атак авиации, поэтому она должна оставаться на месте до тех пор, пока мы не установим господства в воздухе.)

202-й бригаде: перегруппироваться на занимаемых позициях и не наступать на запад с целью овладения перевалом Митла.

7-й бронетанковой бригаде: овладеть опорными пунктами Абу-Агейла, Бир-Хасна и Джебель-Либни и наступать на Бир-Хаму и Бир-Гафгафу.

10- й бригаде: овладеть пунктами Ауджа-Масри и Тарат-Ум-Басис в ночь с 30 на 31 октября, а в следующую ночь, с тридцать первого на первое, штурмовать Ум-Катеф и Ум-Шихан.

77-му соединению: в ночь с тридцать первого на первое взять опорный пункт Рафах.

27-й бронетанковой бригаде[39]: после падения Рафаха наступать на эль-Ариш и быстро взять город.

Если все пойдет по плану, то в эти два дня, 31 октября и 1 ноября, в северном секторе, где у египтян сосредоточены самые крупные силы, будут происходить наиболее ожесточенные сражения.

Поздно ночью я отправился повидать Бен-Гуриона, все еще прикованного к постели гриппом. Стало известно, что англо-французские силы отложили начало своей операции и не будут бомбить египтян на рассвете следующим утром, тридцать первого числа. Принимая во внимание эту новость, Бен-Гурион особенно беспокоился за наших людей на перевале Митла и хотел, чтобы

уже сегодня же ночью они вернулись в Израиль. В сознание премьера накрепко впечаталась ночь нашего рейда в Калькилию. Он не забыл страхов, которые терзали нас, когда арабы штурмовали позиции окруженного и отрезанного на вражеской территории блокировочного подразделения. Я, конечно, тоже не забыл ту ночь, но не считал, что нам нужно выводить своих людей с перевала Митла. Даже если британцы и французы откажутся от вторжения, мы, как я считаю, все равно сумеем довести до конца нашу кампанию. А значит, перевал Митла продолжает оставаться для нас важным транзитным пунктом на пути в Шарм-аш-Шейх через эт-Тор. Поэтому я возразил: вместо того чтобы снимать наши войска оттуда, правильнее будет усилить их, и я надеюсь, нам это удастся. С большой неохотой Бен-Гурион отказался от намерения эвакуировать контингент с перевала, но я видел, что мои логические доводы военного почти не поколебали в нем страха за жизни парашютистов.

После этого я не решился рассказать ему о корректировке плана и о состоявшемся вразрез с планом вводе в сражение 7-й бронетанковой бригады.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПРОРЫВ

31 октября 1956 г.

Сегодня в 18.00 (по израильскому времени) правительства Соединенного Королевства и Франции направили Израилю и Египту ультиматум с требованиями:

1. Немедленно прекратить все боевые действия на суше, на море и в воздухе.

2. Отвести все вооруженные силы на расстояние десять миль[40] от Суэцкого канала.

3. Правительству Египта выразить готовность «гарантировать свободу продвижения по каналу судов всех государств, и, чтобы разделить воюющие стороны, принять временную оккупацию англо-французскими силами Порт-Саида, Исмаилии и г. Суэца».

Ответы надлежит предоставлять «в двенадцать часов. Если по истечении этого времени оба правительства не примут мер к выполнению данных требований, Соединенное Королевство и Франция осуществят вооруженное вмешательство для обеспечения их реализации».

Ультиматум не обеспокоил Израиля. У нас нет войск в десяти милях от канала, и мы не собираемся подходить ближе. Совершенно очевидно, что целью ультиматума является обеспечение Британии и Франции повода для захвата Суэцкого канала. Без сомнения, египтяне не согласятся с предъявленными требованиями, а особенно с перспективой занятия британцами и французами ключевых позиций в зоне канала.

Одновременно с англо-французским заявлением засуетились и американцы — эти, однако, с противоположными намерениями. В дополнение к двум прежним посланиям сегодня Бен-Гурион получил от президента Эйзенхауэра еще одну телеграмму с предложением вывести войска с территории Синайского полуострова, поскольку цель — уничтожение баз фидаинов — достигнута. Если израильское руководство прислушается к предложению, говорилось далее в послании, президент Соединенных Штатов немедленно сделает заявление о своей глубокой признательности Израилю.

Не получив желаемого ответа от Израиля, правительство США велело своему представителю при ООН, Генри Кэботу Лоджу, написать председателю Совета Безопасности (в октябре этот пост занимал французский представитель) письмо, с требованием созвать заседание СБ для рассмотрения «возможных

шагов по немедленному прекращению боевых действий Израиля в Египте». Вчера в 18.00 (по израильскому времени), ровно в тот момент, когда Британия и Франция предъявили свой ультиматум, было созвано специальное чрезвычайное заседание Совета Безопасности. Представитель США выдвинул резолюцию, требующую от «Израиля немедленного вывода вооруженных сил за установленные по условиям перемирия границы» и призывающую «всех участников воздерживаться от применения силы или угрозы применения силы в регионе любым несовместимым с целями ООН образом… и воздержаться от оказания любой военно-экономической или финансовой помощи Израилю до тех пор, пока он не выполнит условий резолюции…»

По просьбе Франции, Британии и Израиля, заседание было отложено на пять часов (до 23.00 по израильскому времени). Когда Совет Безопасности возобновил работу, уже распространились известия об англо-французском ультиматуме, что президент Соединенных Штатов расценил как обман и предательство со стороны союзников. Соответственно, он отдал приказания своим представителям бросить все силы США на то, чтобы не допустить реализации англо-французского плана.

Право вето, которым воспользовались Франция и Британия для блокирования принятия невыгодного им решения, решило судьбу резолюции, и в 04.00 (по израильскому времени) заседание СБ завершилось.

Тем временем в полночь (с 30 на 31 октября 1956 г.) министр иностранных дел Израиля передал наш ответ на ультиматум:

«Правительство Израиля получило коммюнике, направленное совместно правительствами Франции и Соединенного Королевства правительствам Израиля и Египта и касающееся прекращения боевых действий и отвода войск на расстояние десяти миль от Суэцкого канала.

В ответ на коммюнике правительство Израиля имеет честь заявить, что согласно с условиями, касающимися как времени, так и места, и объявляет о своей готовности осуществить необходимые практические шаги в данном направлении.

Выражая свое согласие, правительство Израиля принимает во внимание, что положительный ответ последует также и с египетской стороны.»

Как и следовало ожидать, Египет ответил, что не готов принять требования ультиматума. Если это было то, чего хотели британцы и французы, то они своего добились. Теперь они могли выступить против Египта, отказавшегося выполнить их условия.

1 ноября 1956 г.

В 19.00 (по израильскому времени) 31 октября 1956 г. англо-

французские силы начали бомбардировки египетских аэродромов в зоне Суэцкого канала.

Акция стартовала не через двенадцать часов после вручения ультиматума, а через двадцать пять. Вот график предшествующих событий: в 17.00 29 октября израильские парашютисты начали высадку в районе перевала Митла; двадцать пять часов спустя, в 18.00 30 октября, Британия и Франция направили Израилю и Египту ультиматум; а еще через двадцать пять часов, в 19.00 31 октября, англо-французские силы начали против Египта операцию с целью захвата зоны Суэцкого канала.

На настоящий момент — то есть не только после предъявления ультиматума, но даже и после бомбового удара — верховное командование Египта не отдало новых приказов войскам и не распорядилось об отводе расположенного на Синае контингента на западный берег канала. Вчера египетская пехота (1-я и 2-я бригады) и бронетанковые силы (1-я бронетанковая бригадная оперативно-тактическая группа) продолжали выдвигаться из зоны канала, где дислоцировались в качестве резервных, и соединяться с египетскими войсками на Синае. Военно-морское командование также отдало приказ командирам трех присланных из Советского Союза торпедных катеров и эсминца «Ибрагим-эль-Аваль» начать боевые действия против Израиля, а фрегату «Домиат» идти на усиление контингента в Шарм-аш-Шейхе.

Несмотря ни на что, я уверен, пройдет немного времени — возможно, несколько часов — и египетский генштаб отдаст приказ тем своим частям, которые смогут уйти из зоны Суэцкого канала, сделать это.

Бои сегодня, не считая стычек в воздухе, проходили в районе Абу-Агейлы, где активно действовали наши бронетанковые части, и на перевале Митла, где сражалась 202-я парашютная бригада.

Битва за перевал Митла (официальное его название Джебель-Хейтан) началась вчера (31 октября) в 12.30. Комбриг хотел овладеть перевалом еще в ранние утренние часы, сразу же после того, как основные силы бригады, продвигавшиеся с Нахлеского направления, соединились с высаженным десантом у памятника Паркеру, но из-за специального приказа генштаба не мог осуществить своего намерения. Поэтому командир сделал запрос и получил разрешение выслать патруль, и ближе к полудню это «патрульное подразделение» — а на деле целая боевая группа, вполне способная захватить перевал, — отправилось на задание. «Патруль» состоял из двух пехотных рот на полугусеничных бронемашинах, трех танков, разведывательного подразделения бригады на грузовиках и батареи тяжелых минометов в качестве

средств огневой поддержки. Командовал группой комбат[41]. На операцию отправился также и заместитель комбрига.

Как только колонна вошла в проход, с обеих сторон с гор по ним был открыт огонь. Разрешение на высылку патруля давалось с условием не принимать серьезного боя, однако группа продолжала продвигаться вперед, считая, что перевал удерживает только небольшая египетская часть. По мере того, как голова колонны все больше углублялась в узкий проход, огонь становился более интенсивным и наносил ущерб полугусеничным бронемашинам и сидящим в них военнослужащим. Командир группы поспешил на помощь терпящим бедствие солдатам, но оказался в западне, не имея возможности пробиться ни вперед, ни назад. Несмотря на губительный огонь сверху, головной части колонны численностью больше роты удалось пробиться к западной оконечности перевала, в то время как остальных противник прижал к земле. Потери росли.

В течение семи часов — с 13.00 и до 20.00 — израильские парашютисты вели крайне трудный и ожесточенный бой с противником, пока не овладели его позициями и не заняли перевал целиком. Такой битвы не могли припомнить даже закаленные в стычках с врагом ветераны этого подразделения. Потери были беспрецедентно высокими: тридцать восемь погибших и 120 раненых. Противник надежно укрепился в естественных и искусственных укрытиях на склонах гор по обеим сторонам перевала, встречая наступающих огнем из автоматического оружия и противотанковых пушек.

Ранним утром 30 октября египетская 2-я бригада направила для занятия перевала 5-й батальон, усиленный ротой 6-го батальона. Пять пехотных рот египетского контингента имели на вооружении четырнадцать пулеметов, двенадцать 57-мм противотанковых пушек[42] и около сорока чешских безоткатных орудий[43]. Поддержку с воздуха неприятелю оказывали четыре «Метеора», которых прикрывали шесть Мигов, поднимавшихся с аэродрома Кабрит. Истребительного противодействия самолеты противника с нашей стороны не встречали. В то время поблизости от перевала находились шесть наших «Ураганов», но из-за плохой связи наземные части не смогли обратиться к ним за помощью.

В самом начале боя загорелся бензозаправщик, вслед за тем взлетел на воздух грузовик с боеприпасами и еще три машины. Комроты, выпрыгнувший из своей полугусеничной бронемашины, погиб на месте. 120-мм минометы, которым отводилась роль огневой поддержки, были выведены из строя. Четыре полугусеничные бронемашины, танк, джип и санитарный автомобиль получили повреждения и лишились хода.

Единственным выходом для парашютистов было подняться на горные склоны и в рукопашной схватке одну за другой захватить вражеские позиции. Речь шла не только о том, чтобы выйти из боя победителями, но и о том, чтобы обеспечить возможность вынести с поля битвы раненых и убитых товарищей, лежавших тут и там среди пылавшей техники.

Именно так они и поступили. Не думаю, что есть в нашей армии еще хоть одно подразделение, которое могло бы в таких условиях сделать больше, чем сделали парашютисты. Те из них, кто вырвался из западни, вместе с еще двумя ротами, присланными на помощь комбригом, обошли египетские посты, взобрались на горы, а затем ворвались на вражеские позиции. В итоге, с наступлением темноты, способные передвигаться египтяне бежали через Суэцкий канал, оставив 150 убитых.

Кровавая битва за Хейтанский проход имела бы смысл, если бы задачей бригады было выйти к Суэцу, при том что путь им преграждал закрепившийся на перевале неприятель. Однако в сложившейся ситуации, когда нашей целью являлось выдвижение на юг и захват Шарм-аш-Шейха, а ни в коем случае не выход к Суэцу, не было жизненно важной необходимости атаковать египетские части, защищавшие подступы к каналу. Мужество, боевой дух и мастерство парашютистов заслуживают самых высоких похвал, но мы вполне могли бы обойтись без этого сражения. Более того, после овладения перевалом десантники не сменили дислокацию, таким образом, они атаковали объект, захватили его и, затем оставив, вернулись к памятнику Паркеру.

Некоторые офицеры генштаба с неодобрением заметили, что я слишком потакаю десантникам, хотя и знаю, что они штурмовали перевал Митла в разрез с моим приказом, причем действия эти привели к весьма тяжелым последствиям. Нет нужды говорить, сколь горько мы оплакиваем погибших и сколь глубоко сочувствуем раненым, но я в претензии к командованию парашютной бригады не за само сражение, а за то, что «в угоду» генштабу они назвали свою акцию высылкой «патруля». Мне грустно оттого, что им пришлось так поступить, и я сожалею, что не способствовал созданию обстановки взаимного доверия между нами, тогда бы, если бы они сочли необходимым нарушить мой приказ, они могли бы делать это честно и открыто.

Анализируя операцию на перевале Митла, мы должны проводить различия между просчетами или ошибками и нарушением приказов. Я в ярости из-за того, что они решили атаковать в нарушение моего приказа, но я понимаю их. Прошло всего восемь лет с тех пор, как во время Войны за независимость я командовал батальоном коммандос на джипах, и могу себе

представить ситуацию, когда бы я принял решение о захвате выгодной для моего подразделения тактической позиции наперекор указаниям генштаба. Я считаю, любой командир может поступить подобным образом из самых лучших побуждений, будучи уверенным, что офицеры штаба, которых отделяют от зоны боев многие километры, не слишком хорошо представляют себе обстановку, и что только он, находясь на месте, способен верно оценить положение и принять правильное решение.

Главная ошибка парашютистов носит тактический характер. Командир части решил, что не встретит на перевале сильного противодействия со стороны египтян, а потому позволил своим людям передвигаться самым, с топографической точки зрения, удобным путем, через вади, где транспорт шел сплошной колонной, близко друг к другу. Командир полагал, что, даже столкнувшись с врагом, они успеют вовремя развернуться для атаки.

Парашютисты — народ в себе уверенный, они давно выработали технику боя, основанную на способности быстро перегруппировываться и вступать в бой. Но характер местности на перевале Митла не подходил для применения их методики.

В другой обстановке командование парашютистов, вне сомнения, прежде чем вводить в действия солдат, провело бы наземную или воздушную разведку, но в сложившемся положении, когда бригада находилась в сотнях километров от границы, отрезанная от основных сил, при этом совсем близко от вражеских аэродромов и мест дислокации танковых частей противника, нет нужды сомневаться, что они стремились упрочить свои позиции.

За неверные предположения и за тактические ошибки десантники заплатили кровью. Что же до нарушения моих приказов и моего всепрощенчества в отношении парашютистов, правда в том, что я готов сурово карать ослушников, когда те неспособны выполнить поставленные задачи, а не тогда, когда они делают больше, чем от них требовалось[44].

Вчерашний день у наземных сил стал днем 7-й бронетанковой бригады, которая захватила Абу-Агейлу, плотину Руэфа, Бир-Хасну, Джебель-Либни и Бир-Хаму. У них тоже не обошлось без неприятностей. Несколько раз танкистов атаковали наши же собственные самолеты, и уж конечно же они не промахнулись! Во время штурмового рейда летчики уничтожили полугусеничную бронемашину, а у Джебель-Либни четверка «Ураганов» атаковала танковое подразделение, ранив семерых танкистов и повредив некоторые машины. Все эти малоприятные приключения стали следствием отсутствия взаимодействия

между 7-й бригадой и ВВС. Средство связи с авиацией вышло из строя, когда бригада вошла в Кусейму, и в течение двух дней, 30 и 31 октября, не работало, так что танкисты не могли вызвать воздушную поддержку или контактировать с летчиками по иным вопросам.

В предыдущую ночь (30 октября), после захвата перевала Даика, бронетанковый батальон с приданными ему подразделениями прошел через проход, чтобы с рассветом атаковать объекты к северу от него. Продвижение через перевал Даика, при том что мост был взорван, оказалось трудным и утомительным делом, которое заняло всю ночь и вымотало людей. Не только обычный транспорт, но и полноприводные трехосные грузовики оказались не в состоянии одолеть безжалостную дорогу, так что только боевая техника, полугусеничные бронемашины и танки смогли достигнуть противоположной оконечности перевала к рассвету.

В 05.30 бронетанковая группа начала атаку на Абу-Агейлу. Обороняющиеся всю ночь слышали, как приближаются наши танки, и готовили им достойную встречу — огонь по ним открыли с расстояния трех километров. Это остановило пехоту, но танки и полугусеничные бронемашины продолжали наступать. Когда первые танки приблизились к вражеским позициям на 200–

300 метров, противотанковые орудия и пулеметы встретили их огнем прямой наводкой. Одно из танковых подразделений попыталось обойти противника слева, но остановилось перед пересохшим руслом (Вади-эль-Ариш). Однако с того места предоставлялась удобная возможность для ведения огня, так что при его поддержке часть полугусеничных бронемашин смогла продвинуться по дороге и прорвать неприятельскую оборону.

Тем временем оказался открытым наш правый фланг, и командир египтян, заметив это, послал в тот сектор пехотную роту, которой под огневым прикрытием удалось выдвинуться со своих позиций. Но тут противника накрыл взвод полугусеничных бронемашин, следовавший за танками. Израильтяне начали обходить египтян, чем вынудили их вернуться на оборонительные рубежи. Бой решился, когда танки и полугусеничные бронемашины достигли этих рубежей, однако некоторые из защитников демонстрировали храбрость, стреляя из базук по танкам с близкого расстояния. К 06.30, через час после начала, сражение закончилось. Наши потери были невелики, а каково число раненых и убитых у противника — неизвестно. Позиции защищала пехотная рота и части поддержки, а также контингент, днем ранее отступивший из Кусеймы. Группа египетских солдат с офицером во главе вышла на наше блокировочное подразделение и сдалась, но командир отказался брать их в плен. Вместо этого, в соответствии с приказом своего комбата, он отпустил их, разрешив догнать бежавших товарищей; подсчитать их никто не потрудился.

Вскоре после взятия Абу-Агейла подверглась артиллерийскому обстрелу с египетских позиций в Ум-Шихане, и в это же самое время смешанное подразделение противника, состоявшее из мотопехоты, самоходок «Арчер» и нескольких танков, появилось со стороны эль-Ариша. Дважды в клубах пыли неприятель пытался прорваться к захваченным нами позициям и дважды откатывался под огнем танковых орудий. В третий раз на помощь нашим пришла авиация, и в конце концов египтяне исчезли за тучами черного дыма, поднимавшегося от их подожженной техники.

Самый жаркий бой в тот день бронетанковой бригаде пришлось вести за плотину Руэфа. Атаковал врага здесь тот же самый бронетанковый батальон с приданными ему частями, который утром захватывал Абу-Агейлу.

Люди в этом подразделении сражались трое суток без отдыха и находились практически на пределе сил, но комбат вел их вперед, стремясь извлечь максимальную пользу из осуществленного ими прорыва. Прошлой ночью только саперам

дали поспать, и то всего три часа: их переутомление могло бы всем очень дорого обойтись во время обезвреживания минных полей.

На инструктаж ушло три минуты. Командир батальона просто сказал, что задача — взять опорный пункт Руэфа и указал каждой роте ее участок.

Штурм велся с юго-западного направления, где нападающим противостоял хорошо окопавшийся противник, располагавший более чем двадцатью противотанковыми гнездами, включая десять САУ «Арчер», семь 57-мм орудий, две 30-мм пушки, а также шесть 25-фунтовых[45] пушек, установленных для стрельбы прямой наводкой.

Атака началась на закате. В пропитанной пылью атмосфере сгущавшихся сумерек красные от усталости глаза танкистов едва различали, что перед ними. Египтяне открыли фронтальный огонь из всего, что у них было, и вскоре прямым попаданием уничтожили полугусеничную бронемашину и всех, кто в ней находился. Случившееся остановило другие бронемашины. Но замешательство продлилось всего несколько минут, потом они продолжили наступление. Скоро совсем стемнело, только в черном небе туда-сюда летали осветительные снаряды, да пылали задетые выстрелами наступающих египетские склады боеприпасов. Все наши танки до одного получили повреждения от заградительного огня, но большинство из них продолжало продвигаться вперед. На заключительном этапе боя у танкистов кончились снаряды, но они продолжали сражаться, забрасывая противника гранатами и паля из автоматов. Когда от неприятеля был очищен последний узел сопротивления и ходы сообщения, раненых собрали и перевязали в свете фар джипов. Если бы в тот момент египтяне контратаковали, сомнительно, что наши люди смогли бы сдержать их натиск. Даже последние оставшиеся на ходу танки и те стояли без топлива и боеприпасов. Но противнику тоже требовалось время на перегруппировку, так что, когда после 21.00 он пошел в контратаку, наша бронетанковая часть успела заправить баки, пополнить боезапас и изготовиться к обороне. Атаку неприятеля поддерживала огнем артиллерия с позиций в Ум-Катефе и Ум-Шихане, а также «Арчеры». Но наши выстояли, и египтяне убрались в эль-Ариш, оставив на поле четыре подбитых «Арчера» и еще тридцать семь трупов. Потери израильтян при штурме плотины Руэфа составили десять погибших и тридцать раненых.

У нас пока нет точных данных относительно количества и типов вражеского вооружения, боеприпасов и снаряжения, захваченных бригадой на позициях и в брошенном египтянами

лагере, известно только, что трофеев довольно много. Что же до пленных, то здесь, как и в Абу-Агейле, никто не озаботился этим вопросом. У наших танкистов не было ни технических возможностей, ни времени, чтобы заниматься подобными проблемами. Сразу же после подавления вражеского сопротивления офицеры бронетанковых частей считали главной своей заботой перегруппировку и продолжение наступления. Надо было привести в порядок танки, поскольку после штурма плотины Руэфа не осталось ни одного, который бы не получил тех или иных повреждений. Всю ночь экипажи вместе с механиками чинили технику, а к утру все, за исключением трех, могли продолжать воевать.

К настоящему моменту мы почти полностью контролируем три южных направления: Нахле — перевал Митла, Джебель-Либни и Бир-Хасна. Бир-Хасну утром без труда взяла бронетанковая группа. В то же самое время по более северному пути другая бронетанковая группа спешила к перекрестку у Джебель-Либни, которым она овладела в полдень, затем двинулась на запад, а к 16.00 достигла Бир-Хамы, которой овладела, не встретив серьезного противодействия. Только опорные пункты Ум-Катеф и Ум-Шихан все еще в руках египтян, но они почти окружены — наши войска находятся с трех сторон — и последняя связь со своими для них — эль-Ариш.

Самый большой сюрприз для нас — египетские бронетанковые войска. Согласно имеющейся у нас информации, у противника на Синае должны действовать две танковые части: 3-й бронетанковый батальон, находящийся в распоряжении 3-й дивизии со штабом в эль-Арише, и 1-я бронетанковая бригадная оперативно-тактическая группа из резерва генштаба, дислоцированного в зоне канала. Бригаду направили на Синай воевать с нами 30 октября, состоит она из двух батальонов советских Т-34, батареи также советских самоходных артиллерийских установок СУ-100[46] и мотопехотного батальона на бронетранспортерах советского же производства. Вчера наша 7-я бронетанковая бригада пыталась выискать египетскую бригадную группу, но нигде ее не обнаружила. Летчики докладывали, что время от времени атаковали ее и что она курсирует туда-сюда по маршруту между Бир-Гафгафой и Джебель-Либни, а также, что она отправила подразделение к перевалу Митла через Бир-Хасну. В любом случае, нашим бронетанковым частям не удалось войти с ними в боевое соприкосновение. Прав — да, наши самолеты атаковали несколько танков, которые с расстояния открыли огонь по батальону, захватившему плотину Руэфа, но эти машины, по-

видимому, были из базирующегося в эль-Арише батальона «Шерманов». Так или иначе, наши наземные силы пока что не сталкивались с египетскими танками, а противодействие во время штурмов нам оказывалось за счет противотанковых пушек и гранатометов. 57-мм пушки, «Арчеры», базуки, а также 25-фунтовые орудия, установленные для стрельбы прямой наводкой, — довольно эффективное оружие. Иными словами, оборонительная система египтян основана на неподвижном вооружении с заранее заданными дистанциями для стрельбы и хуже или лучше выполняющим свои задачи, однако мобильные части — танки и мотопехота — пока не выполняли вообще никаких задач и не принимали участия в боях. То же самое относится и ко 2-му моторизованному батальону пограничников на направлении к Нахле, и к 1-й пехотной бригаде, и к 1-й бронетанковой бригадной тактической группе, посланной на Синай в качестве подкреплений египетским генштабом. Похоже, все эти подкрепления курсируют где-то, не успевая — если их командиры вообще к этому стремятся — включиться в боевые действия.

* * *

Начатые прошлой ночью британцами и французами бомбардировки египетских аэродромов привели к обезвреживанию авиации противника и практически обезопасили воздушное пространство Израиля. Даже и до того, в первую ночь кампании (29 октября) и в следующие два дня боев (30 и 31 октября), предшествовавшие началу англо-французской операции, активность ВВС противника практически не распространялась за пределы границ Синая. Соседние арабские государства, Сирия и Иордания, к которым Каир обратится с требованием о нанесении воздушный ударов по Израилю и которые обещали сделать это, фактически не предприняли никаких шагов в данном направлении. Египетские ВВС дважды посылали на задания бомбардировщики Ил-28, в ночь на 30 и 31 октября (оба раза по одной машине), но те сбрасывали бомбы на холмы вдалеке от городов и деревень, поспешно освобождались от боевой нагрузки, не причиняя никому никого вреда.

Кроме Илов со стороны Египта в воздушных рейдах принимали участие «Вампиры», «Метеоры» и советские Миги-15. «Вампиры» и «Метеоры» обычно летали с истребительным сопровождением, и задачей их было патрулирование и уничтожение наземных израильских целей, преимущественно в

районе перевала Митла и на Нахлеском направлении. Миги, помимо сопровождения, выполняли функции поддержки действий 1-й бронетанковой бригадной группы и истребительного противодействия нашей авиации.

Несмотря на близость районов боевых действий от египетских авиабаз, пилоты противника не перетруждались. В первый день (тридцатого), они совершили около сорока боевых вылетов (менее одного на самолет), а на следующий день — девяносто.

В общем и целом можно констатировать, что летчики Миг-15 не избегали воздушный дуэлей с нашими пилотами и даже устраивали засады на них, когда те возвращались после боевых заданий с почти пустыми баками и израсходованным боезапасом. Однако неприятель всегда старался летать группами по одному или даже два звена (четыре — восемь машин) и обычно не затягивал бой. Наши самолеты, летавшие низко, чтобы вернее поражать наземные цели, случалось, получали повреждения от зенитного огня, но в воздушных поединках (четырнадцати) ни один сбит не был. Вместе с тем, израильские летчики сбили у неприятеля по меньшей мере четыре Мига и четыре «Вампира».

Лишь однажды атака египтян на наши наземные цели имела тяжелые последствия — во время битвы в Хейтанском проходе, на перевале Митла. Трудно сказать, сколько точно потерь понесли там израильтяне от авиации и сколько от пехоты и артиллерии противника. По оценкам, от огня с воздуха погибли приблизительно десять человек и двадцать получили ранения, также на счет вражеских самолетов можно отнести наши минометы, грузовик с боеприпасами и еще три машины. Во всех прочих случаях, когда египетские самолеты атаковали наши части — в Темеде, у памятника Паркеру и на пути из Эйлата к Нахле, — потери в живой силе и технике были незначительными и не оказывали никакого воздействия на ход боя.

Хотя мы не можем выразить в процентном отношении ущерб, нанесенный врагу нашими ВВС, вне сомнения, вклад пилотов в общее дело в эти первые дни имел огромное значение. Думаю, будет справедливо, если израильская авиация запишет себе в актив, по крайней мере, половину понесенного неприятелем урона в живой силе и технике.

Главными эпизодами боевой работы по наземным целям противника стали удары по огневым позициям врага, по железной дороге из Египта в Газу, по авто- и бронетанковым колоннам. ВВС Египта совершенно не смогли обеспечить должного противодействия истребителей при защите этих объектов. Летчики противника не сорвали ни одного из наших налетов.

Вполне возможно, что египетская 1-я бронетанковая бригадная группа не может продвинуться на восток от Бир-Гафгафы из-за вмешательства израильских ВВС, и что 3-й бронетанковый батальон не принял заметного участия в обороне собственно Абу-Агейлы и плотины Руэфа из-за атак израильской авиации. Факт остается фактом — в первые дни сражаться с вражескими танками доводилось только нашим летчикам, что они и делали с завидной результативностью.

* * *

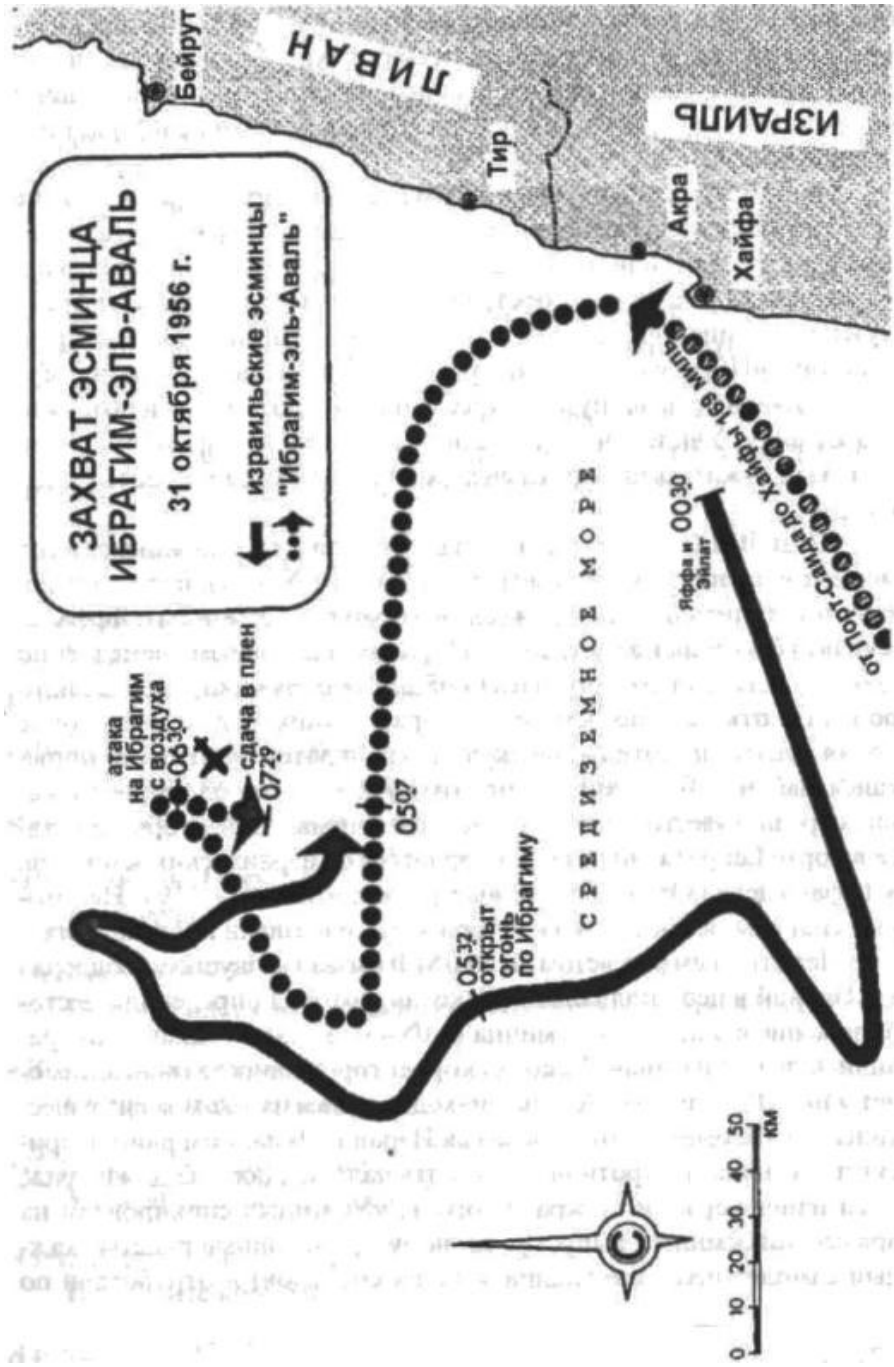
Вчера на рассвете египтяне предприняли нападение с моря на Хайфу. Исход операции не мог бы быть для них более драматичным. В течение нескольких часов атакующее судно, эсминец «Ибрагим-эль-Аваль», получило повреждения, спустило флаг и под эскортом было вместе со всей командой доставлено в гавань Хайфы.

Стало известно, что днем раньше, тридцатого числа, когда «Ибрагим-эль-Аваль» бросил якорь в Порт-Саиде, командир корабля, капитан-лейтенант[47] Хасан Рушиди Тамзан, получил по телефону приказ командующего ВМФ Египта, адмирала Слимана Азата, приготовиться к отправке на задание этой ночью. О том, куда именно и зачем идет эсминец, капитану должны были сообщить после выхода в море.

Весь день команда заправляла корабль горючим, комплектовала боезапас и заготавливала провизию, а в сумерках эсминец потихоньку выскользнул из гавани.

Согласно судовому журналу боевых действий, в 19.30 командир получил закодированный приказ, суть которого состояла в том, чтобы на рассвете огнем из корабельных орудий нанести удар по судам в гавани Хайфы, нефтехранилищам и военным базам.

Капитан решил не дожидаться утра, но атаковать в темноте, чтобы с рассветом уйти подальше от израильских берегов.



Соответственно в 03.30 (в ночь на 31 октября) «Ибрагим-эль-Аваль» подошел к порту Хайфы на расстояние в десять километров и, двигаясь со скоростью от двенадцати до четырнадцати узлов[48], выпустил по порту 220 артиллерийских 4-дюймовых снарядов[49]. Некоторые выстрелы дошли до цели,

попав на причал, в доки и другие объекты ВМФ. Обошлось, однако, без потерь и серьезных разрушений.

Наша РЛС засекла судно и отметила его приближение, но не идентифицировала как неприятельский военный корабль. Патрульные суда не заметили эсминец, а потому тревога была объявлена, только когда уже начался обстрел. Оказавшийся поблизости французский эсминец «Кресан»[50], первым заметил и в 03.38 открыл огонь по «Ибрагиму», по которому выпустил шестьдесят четыре снаряда. Однако французы не преследовали противника и потеряли его из виду. Увидев, что его обнаружили, командир «Ибрагима» приказал ложиться на обратный курс и полным ходом пошел к Порт-Саиду.

Штаб ВМФ Израиля дал сигнал эсминцам, находившимся в тот момент в пятидесяти километрах к западу от Хайфы, идти на перехват и вступить в бой с вражеским кораблем. Эсминцы «Яффа» и «Эйлат» бросились в погоню за «Ибрагим-эль-Авалем» немедленно (в 03.56) и, спустя полтора часа (в 05.27), обнаружили, идентифицировали и открыли по нему огонь с расстояния 8200 м. Некоторое время суда вели артиллерийскую дуэль, а затем противник попытался выйти из боя. Обнаружив, что путь в Египет блокирован, капитан решил увести корабль в северном направлении, чтобы укрыться в порте Бейрута, но не смог оторваться от израильских эсминцев. «Яффа» сделала по врагу 242 выстрела, а «Эйлат» — 194. Некоторые снаряды легли близко к «Ибрагиму» и вызвали повреждения.

Перед самым рассветом штаб ВМФ вызвал воздушную поддержку. Первой в небо поднялась «Дакота», которая определила местоположение египетского эсминца (в 05.46), затем на задание отправились два «Урагана». Дакота скорректировала реактивные самолеты на «Ибрагим-эль-Аваль», находившийся на тот момент в шестидесяти километрах от побережья Израиля. В данном районе присутствия авиации противника не отмечалось. Даже не дожидаясь, пока наши корабли прекратят огонь, «Ураганы» спикировали на вражеский эсминец, выпустив по нему бронебойные ракеты (каждый самолет несет шестнадцать таких снарядов) и отработали по палубе из авиационных пушек. Ракеты повредили носовую часть судна. Когда командиру корабля доложили, что выведен из строя рулевой механизм, перестала работать электрическая система и остановилась подача боеприпасов, он приказал выбросить белый флаг. Было 07.10.

Когда «Яффа» и «Эйлат» подошли к «Ибрагиму», моряки увидели, что с эсминца спускают шлюпку. Оказалось, что у шлюпки пробито днище, и она стала тонуть. Израильтяне выловили из воды пятьдесят трех членов команды, двое из

которых были ранены. На борту наши моряки обнаружили еще шестерых раненых и двух убитых, всего же численность команды захваченного эсминца составляла 153 человек. «Эйлат» отбуксировал корабль в гавань «Хайфы».

Египетские техники попытались было открыть кингстоны и затопить судно, но не смогли сдвинуть заржавевшие вентили.

В боевом журнале эсминца сохранились записи переговоров со штабом ВМФ Египта в Александрии:

Александрия: 06.31 У вас над головой египетская авиация, к тому же к вам на выручку спешат бомбардировщики из Сирии.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 06.41 В данный момент мы ведем бой с тремя вражескими самолетами и двумя судами. Никакая помощь пока не поступила.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 06.50 Я потерял ход.

Александрия: 06.55 Помощь идет к вам из Бейрута. Продолжайте отвечать огнем.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 06.56 Судно выведено из строя.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 07.00 У нас вышли боеприпасы.

Александрия:07.01 Покидайте корабль.

Александрия: 07.03 Покидайте корабль, приняв меры к уничтожению всех записей, документов и приборов, а также приготовив корабль к затоплению.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 07.25 Наша операция в Хайфе прошла успешно. Сказать, каков нанесенный противнику ущерб, не можем. У нас есть раненые. Мы пускаем судно на дно.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 07.32 Мы покинули корабль. Будем сдаваться в плен.

Александрия: 07.37 Вы выполнили задание и должны гордиться собой. Мы и наша родина всегда будем гордиться вами. Ваши семьи не останутся без поддержки. Аллах да пребудет с вами.

«Ибрагим-эль-Аваль»: 07.50 Мы открыли кингстоны. Находимся между двумя израильскими эсминцами — «Яффа» слева от нас, а «Эйлат» справа.

* * *

Сразу же после того как о начале нашей операции на Синае стало известно в мире, со всех сторон стали раздаваться возгласы осуждения, которые еще более усилились со вступлением в конфликт Британии и Франции: сначала в связи с их ультиматумом, а затем — с бомбардировками египетских военных аэродромов.

Во главе кампании осуждения Суэцко-синайской операции стояло правительство Соединенных Штатов. Такую же позицию в отношении рейдов англо-французской авиации против Египта занял, естественно, и Советский Союз. К этим двум «солистам» присоединился хор энтузиастов идеи «мира любой ценой» — почему бы нет, не им же платить эту цену.

Поскольку из-за вето Британии и Франции заседание Совета Безопасности вчера (31 октября) было распущено без принятия решения, представитель Югославии при деятельной поддержке Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда предложил немедленно созвать Ассамблею Организации Объединенных Наций. Соединенное Королевство и Франция выступили против, Австрия и Бельгия воздержались, но семь других членов СБ проголосовали «за», вследствие чего было решено созвать чрезвычайное заседание Ассамблеи ООН в 17.00 сегодня — в полночь по израильскому времени.

В парламенте и в широких кругах общественности Британии поднялся шум еще больший, чем в ООН. Критика была обрушена преимущественно на премьер-министра. Нет сомнения, что в Суэцкой операции большинство населения и даже членов Кабинета выступали против Идена. Не улучшали положения и британские военные. Они выражали убеждение в том, что Египет располагает мощными и боеспособными вооруженными силами, а потому планировали сложную операцию и отодвигали дату начала высадки десанта.

Вне сомнения, с политической точки зрения, время работает против нас, давление же на Британию и Францию — и на нас, конечно, — с требованием положить конец военным действиям будет все возрастать. Кто может сказать, сколько еще дней у нас в запасе? Мы начали всего лишь позавчера, но нам надо как можно быстрее закруглиться, потому что иначе нас могут вынудить остановиться прежде, чем мы сможем решить задачу, а это означает катастрофу для нас и в военном, и в политическом смысле.

Вчера я с командующим Южным командованием посетил участок фронта 10-ой бригады. Мы проехали через захваченные накануне ночью аванпосты противника, Ауджа-Масри и Тарат-Ум-Басис, а также осмотрели позиции бригады под Ум-Катефом и Ум-Шиханом. Несмотря на содержавшиеся в плане операции «Кадеш» указания, командиры батальонов не провели необходимых приготовлений для атаки на эти два опорных пункта. Два батальона, которые должны были принять участие в их штурме, вплоть до вчерашнего дня стояли как вкопанные в районе сосредоточения около Кециота.

Я объяснил комбригу, что Ум-Катеф необходимо взять как можно быстрее. Время утекало, а нам было необходимо открыть подходящий путь для продвижения 7-й бронетанковой и 202-й парашютной бригад. Ум-Катеф господствовал на единственной асфальтированной дороге, по которой наши войска могли добраться до Дже-бель-Либни и Бир-Хасны. Грунтовая дорога через Кусейму, после того как там в больших количествах прошла тяжелая техника, находится в отвратительном состоянии, и передвигаться по ней могут только полноприводные машины, что создает сложности с прохождением колонн со снабженческими грузами и может вызвать задержку нашего продвижения.

Атаку, изначально планировавшуюся на 30 октября, отложили по приказу командующего Южным командованием. По его же просьбе оперативное управление генштаба санкционировало передачу 37-й бронетанковой бригады, находившейся в резерве генштаба, в распоряжение Южного командования, где ей предстояло вместе с 10-й пехотной бригадой участвовать во взятии Ум-Катефа и Ум-Шихана. При этом мне было твердо обещано, что ночью (прошлой ночью) атаку начнет пехота, а утром (этим утром) дело довершит бронетехника. Несмотря на все договоренности, приказы и обещания, я чувствую, мне не удалось внушить командирам на местах то, как важно, собрав в кулак все силы, наискорейшим образом овладеть этими двумя египетскими позициями.

Разговор с офицерами состоялся трудный и малоприятный; все здорово разозлились. Дело было даже не в том, что я не могу достучаться до них, а в том, что мы смотрели на вещи с разных точек зрения. Я требовал от командования бригады идти в бой и безотлагательно взять Ум-Катеф, а они не были готовы к этому и говорили, что Южное командование предполагает решить задачу силами другого подразделения. У них нашлась тысяча и одна причина, почему этой ночью они не могли атаковать египетские позиции, окруженные минными полями и во множестве снабженные огневыми точками. Но как ни жестоко это, возможно, прозвучит, они пришли сюда с единственной целью — взять эти самые позиции, поскольку для судьбы кампании жизненно важно сделать это как можно скорее. Я говорил с ними, как будто бы они были профессионалами — парашютистами или танкистами, — в то время как 10-я бригада состояла из резервистов. Офицеры, совершенно очевидно, сомневались в боевых качествах своих подчиненных, людей по большей части выше среднего по армии возраста и не очень хорошо подготовленных. Возможно, они никогда не воевали в Негеве, а потому местность была для них непривычной.

Мне знакомо это чувство. Некоторое время назад, когда я получил назначение возглавить Южное командование, у меня долго не проходило ощущение, будто я попал в некий неведомый мир. Все мои навыки никуда не годились. Чувство расстояния, ориентировка на местности и пр. — все становилось другим здесь. Мне пришлось всему учиться заново, привыкать к пространству, на котором нет ни деревца ни дома, чтобы зацепиться глазом, к каменистым долинам, казавшимся мне выжженными полями.

Но они бесили меня. Я не слышал жалоб, сетований на трудности и сложности, о которых говорило командование бригады. Люди устали, поставки всего необходимого запаздывают, ночью холодно, днем жарко, пыль забивается в винтовки, и они выходят из строя, машины вязнут в песке. Я знаю, что все это так, но решения для этой проблемы у меня нет. Я не могу переделать Негев, а новое направление наступления должно быть открыто.

Прошлой ночью и этим утром два наших штурма Ум-Катефа силами 10-й пехотной бригады и подразделения 37-й бронетанковой бригады не удались. Что они провалились — понятно. Непонятно другое, можно ли называть подобные действия штурмами.

Египетская оборона в районе Абу-Агейла — Ум-Катеф — Кусейма вверена 6-й пехотной бригаде, состоящей из трех пехотных батальонов, 12-го, 17-го и 18-го, а также находящихся в оперативном подчинении у комбрига двух пехотных батальонов Национальной гвардии. Сам Ум-Катеф, ядро укрепрайона, который египетским генштабом приказано «держать до последнего», обороняют четыре пехотных батальона, батарея противотанковых САУ (шесть «Арчеров») и одна батарея полевых 25-фунтовых орудий, кроме того, общую огневую поддержку защитникам рубежа осуществляет полк дивизионной артиллерии.

Хотя перед тем, как штурмовать этот укрепрайон, мы овладели египетскими позициями в Абу-Агейле и на плотине Руэфа, открыв таким образом западный фланг противника, египтяне не эвакуировали своих сил ни из Ум-Катефа, ни из Ум-Шихана, но продолжали оборонять их. Понятно, что рано или поздно 6-й бригаде придется оставить позиции и отойти к эль-Аришу — если, конечно, он к тому времени все еще будет оставаться в руках египтян, — но факт остается фактом: сейчас они тут и успешно обороняются.

Два дня назад (30 октября) наша 10-я бригада получила приказ немедленно взять Ауджа-Масри и Тарат-Ум-Басис. На выполнение задания отправилась рота разведки, усиленная

пехотной ротой и отделением танков[51], и в 15.30 Ауджа-Масри находилась в наших руках. Похоже, оборону там держало усиленное пехотное отделение, и как только танки открыли огонь, противник бежал, после чего наши люди без хлопот заняли позицию. Разведрота продолжила продвижение и в 17.00 овладела Тарат-Ум-Басисом, который также был оставлен неприятелем при приближении атакующих.

Первая вялая попытка штурмовать Ум-Катеф по приказу Южного командования имела место вчера утром (31 октября). Вновь в бой была послана часть бригадной разведки, усиленная десятью полугусеничными бронемашинами, несколькими командирскими машинами и пехотной ротой. При приближении к египетским позициям атакующие были встречены артиллерийским огнем. Они отошли, и командир сообщил о невозможности захватить Ум-Катеф в дневное время.

Соответственно, ночью бригада предприняла очередную попытку, на сей раз силами двух пехотных батальонов, посланных на охват Ум-Катефа с юга и с севера. Первый батальон сбился с пути, не смог обнаружить главных неприятельских позиций и утратил взаимодействие между ротами. После ночного блуждания в горах он в конце концов в 10.00 захватил второстепенную огневую позицию, расположенную примерно в двух с половиной километрах от Ум-Катефа.

У второго батальона также возникли сложности с обнаружением объекта. Излазив все окрестные дюны, они в 04.30 подобрались к вражеским позициям, где взвод натолкнулся на неприятельский огонь. Один человек погиб, другой получил ранение. На этом штурм закончился, батальон отступил, бросив обоих около вражеских заграждений. Ранее, во время ночных блужданий, батальон тоже понес потери: тридцать человек было ранено в результате обстрела египетской артиллерии.

Следующая атака, силами подразделения 37-й бронетанковой бригады[52], началась в 04.00 (1 ноября). Если неудача постигла 10-ю бригаду из-за того, что до штурма у нее дело так и не дошло, 37-ой, напротив, не повезло из-за излишней горячности офицеров, поспешно устремившихся на вражеские укрепления.

Согласно плану, танкисты должны были вступить в действия в центре, после того как пехота завяжет бой с неприятелем на флангах. Бронетанковое подразделение должно было состоять из танкового эскадрона — двух взводов средних танков («Шерманы») и одного взвода легких (AMX) — двух пехотных рот на полугусеничных бронемашинах и одного мотострелкового батальона. Бригада вышла из района сосредоточения около Реховота во второй половине дня, а передовые части ее,

дозаправившись в Беершеве, достигли Ницаны около полуночи. Здесь они провели последние приготовления к бою, и к 02.00 две роты на полугусеничных бронемашинах могли начинать атаку. Однако танки еще не подошли. Посовещавшись с командующим, комбриг решил подождать еще час прибытия танков и, если они так и не появятся, вступать в дело без них. В 03.00 танков все не было — они подтянулись часом позже — и командир бригады начал атаку Ум-Катефа силами двух рот на полугусеничных бронемашинах. Стояла ночь, и колонна двигалась при свете фар. Приблизившись к вражеским позициям, атакующие развернулись в боевые порядки. Египтяне, слышавшие и видевшие израильтян, открыли по ним огонь из противотанковых и тяжелых артиллерийских орудий. Первая полугусеничная бронемашина напоролась на минное поле перед заграждениями у вражеской позиции и вышла из строя, превратившись в превосходную мишень для неприятеля. Командирская бронемашина была подбита одной из первых. Комбриг погиб, а находившиеся при нем офицеры получили серьезные ранения.

Продолжать штурм стало невозможно. Реально одному взводу на полугусеничных бронемашинах удалось прорвать вражескую оборону и закрепиться на занятых позициях, но все старшие офицеры атакующего подразделения были выведены из строя, а потому не могли принять сигнал и послать взводу помощь, чтобы развить успех. Единственным из старших командиров в части, состояние которого позволяло участвовать в бою, был офицер связи. Он организовал поддержку, и под огневым прикрытием орудий и прибывших к тому моменту танков израильтяне смогли отойти и вынести с поля боя раненых, коих насчитывалось более восьмидесяти.

Вне сомнения, действия командования 37-й бригады были неправильными и непродуманными. Начинать ночную атаку через минные поля на незнакомой местности, не дождавшись прибытия ненадолго отставших танков, посадив всех офицеров в одну бронемашину, — с военной точки зрения, этому нет никаких оправданий. Однако причиной случившегося были не только просчеты и промахи командования. Есть и еще два фактора. Один — плохая работа разведки. По каким-то неведомым причинам в Южном командовании считали, что египетская оборона в Ум-Катефе разваливается, солдаты бегут, а потому, едва завидев наши атакующие колонны, противник поднимет руки и сдастся. Второй фактор — давление со стороны командующего (реакция на мое давление на него), требовавшего скорейшего открытия направления Ум-Катеф — Абу-Агейла. Командующий сказал комбригу, что обещал мне сделать это с рассветом. Я

действительно приказывал безотлагательно открыть путь, но не обязательно ночью, а хотя бы к полудню — я не верил в возможность применения танков в ночное время, — но я требовал взять Ум-Катеф, даже если придется развернуть фронтальную атаку, сопряженную с тяжелыми потерями.

Я приказывал штурмовать Ум-Катеф в самый ближайший момент, и подчиненные действовали с учетом этого. Однако Ум-Катеф оставался в руках противника. Южное командование располагало всеми средствами, необходимыми для успешного выполнения задания, — пехотой, бронетехникой, артиллерией и пр., — но не смогло должным образом ими воспользоваться. Оно не имело действенного оперативного плана, следуя которому могло бы сконцентрировать все наличествующие силы для мощного скоординированного удара.

* * *

Сегодня ночью мы начинаем наступление на опорный пункт Рафах, с прицелом, развивая успех, сразу же продолжить продвижение на эль-Ариш. Оба эти узла обороны — ключ к направлению на Исмаилию, захватив их, мы обеспечим себе овладение северным Синаем.

С военной точки зрения, это будет центральная акция кампании, где нам предстоит решить дело разгромом египетских сухопутных войск.

В небе и на море война практически закончена. Со вступлением в конфликт англо-французских воздушный и морских частей маловероятно, что ВВС и ВМФ Египта смогут продолжать боевые действия. К чести наших войск, особенно летчиков, должен сказать, что еще до вмешательства Британии и Франции они брали верх над противником, несмотря на ограниченные рамки, в которых им приходилось сражаться, например, запрет на бомбардировки аэродромов. Мое мнение таково: если бы нам пришлось воевать одним, наши ВВС сумели бы обезвредить авиацию Египта за несколько суток[53].

Что же до танковой войны, до сих пор серьезных столкновений с бронетанковыми войсками Египта у нас не отмечалось и, похоже, не будет. Пока вражеские танкисты перемещаются где-то в тылу, избегая контактов с нашей 7-й бригадой, несмотря на то, что она уже на полпути к каналу. Танковые части неприятеля держатся в стороне от парашютистов у перевала Митла, хотя их позиции менее чем в пятидесяти километрах от Суэца, кроме того, десантники отрезаны от

основных наших сил и находятся на открытой местности, где бронетехнике раздолье.

Так или иначе, главные силы египетской обороны Синая — пехотные части: 3-я дивизия, 8-я палестинская дивизия, а также 2-я дивизия, которая служит резервом для восточного сектора. Всего на Синае насчитывается четыре основных узла египетской обороны: эль-Ариш, Рафах, Абу-Агейла и Шарм-аш-Шейх. Один из них, Шарм-аш-Шейх, обособленный и независимый опорный пункт, но три других взаимосвязаны и перекрывают друг друга. Защищают их части одного подразделения — 3-й дивизии. В секторе Газа, протянувшимся севернее Рафаха, дислоцирована 8-я палестинская дивизия, и этот участок тоже привязан к системе обороны эль-Ариша. Если мы овладеем эль-Аришем и Рафахом, сектор Газа будет изолирован и окажется в нашей власти.

Теперь, сорок восемь часов спустя после начала кампании, пришел момент нанести удар по ядру войск противника на Синае, по Рафаху и эль-Аришу, причем сделать это, раскрутившись на полную катушку. Задачи, поставленные на подготовительной фазе, то есть до начала этой атаки, решены. Теперь египтяне знают, что происходящее не есть акция возмездия с нашей стороны. На южных направлениях: Нахле — перевал Митла и Кусейма — Джебель-Либни наши части продвинулись и достигли целей. Вчера с наступлением сумерек англо-французская авиация начала бомбить египетские аэродромы. Совершенно очевидно, что нам предстоит столкнуться с серьезнейшим политическим давлением, с целью заставить нас немедленно свернуть военные действия, а потому нам необходимо как можно скорее завершить завоевание Синая.

В том числе и поэтому я, не прислушавшись к рекомендациям Южного командования, решил штурмовать Рафах с севера, а не с юга. Это позволит нам по максимуму задействовать бронетехнику на самом раннем этапе операции. Я понимаю — это будет означать, что мы атакуем оборонительные сооружения Рафаха как раз на том участке, где они сильнее всего. Но я опасаюсь, что если мы изберем более длинный путь и предпочтем обойти укрепления с юга, наши танки застрянут в песчаных дюнах и, что самое важное, мы потеряем время, которого и так почти нет.

Я твердо намерен находиться среди атакующих Рафах подразделений до тех пор, пока не будет взят эль-Ариш. Я совершенно уверен, что вверил ведение кампании в самые надежные руки — в руки офицеров оперативного управления, чье мастерство и опыт на самом высочайшем уровне. Вместе с тем в генштабе не слишком довольны моим долгим отсутствием. Первые дни боев я почти целиком провел в полевых частях.

Правда, каждую ночь я возвращаюсь на КП генштаба, но мое отсутствие там в дневное время усложняет работу.

Когда я бываю на фронте, при мне, естественно, постоянно находится рация, благодаря которой я все время в контакте с генштабом, но офицеры в нем считают, что этого недостаточно. Наверное, они правы, но я не могу, а может, и не хочу поступать по-другому.

3 ноября 1956 г.

Наша способность влипать в неприятности безгранична. Вчера (2 ноября) в полдень один из танковых эскадронов 7-й бригады по ошибке открыл с расстояния менее 1000 м огонь по другому нашему танковому эскадрону из состава 37-й бригады и за пять минут вывел из строя восемь машин. Я еще не знаю, каковы потери, но, похоже, среди убитых сам комэск.

Основная причина несчастья обусловлена спешкой и тем, что в бой мы идем, не подготовившись как следует. В результате бывает, нарушается координация действий между частями. Более того, в соответствии с моими приказами, подразделения продолжают сражаться, даже если лишаются связи между собой или с ВВС и теряют друг друга из виду. В таких случаях нередки недоразумения, выливающиеся в ситуации, когда одна часть палит по другой. Танки лишены опознавательных знаков, когда же они разворачиваются в клубах пыли, крайне трудно определить, кому принадлежат машины, нам или противнику[54]. Кроме того, когда солдаты захватывают какие-то трофеи, особенно исправный транспорт и бронетехнику, они спешат задействовать их, забывая перекрасить и хотя бы замазать опознавательные знаки противника. Совершенно ясно, что нам надо обратить внимание на это и обязать командиров подразделений позаботиться о маркировке техники, действующей на поле боя. Но даже и теперь, после столь трагического инцидента, я не готов вносить в приказы какие-то изменения, могущие замедлить продвижение наших войск или ограничить инициативу командиров. Все шансы на успех в этой кампании для нас зависят от двух факторов — скорости и инициативы.

То, что произошло вчера, следствие вопиющего недоразумения. Рано утром в расположение 7-й бригады прибыл офицер разведки из Южного командования и встретился с командиром бронетанкового батальона, находившегося в то время в Абу-Агейле. Офицер убедился, что никто не потрудился как следует допросить пленных египтян, и, поспешив исправить недоработку, принялся задавать вопросы солдату о том, что происходит в «котле» (в Ум-Катефе и Ум-Шихане, которые еще держались).

Выслушав ответы пленного, офицер разведки вместе с комбатом решили направить командиру египетского гарнизона в Ум-Катефе предложение о сдаче, дав ему время до 14.00. Составив документ на арабском и английском языках, они в 11.30 отправили двух пленных солдат на трофейном джипе с белым флагом в стан противника.

Примерно в то же самое время наши летчики, которых послали бомбить Ум-Катеф, сообщили, что не отмечают никого движения неприятеля в данном районе и считают, что ночью египтяне ушли с позиций.

Командование 37-й бригады решило в связи с этим отправить со стороны Кусеймы эскадрон танков на разведку, с тем чтобы, если противник и правда очистил рубежи обороны или делает это в настоящий момент, пройти через позиции — если надо с боем — и соединиться с 7-й бронетанковой бригадой, дислоцированной по другую сторону опорного пункта.

Выяснилось, что противник, и верно, очистил Ум-Катеф и Ум-Шихан ночью, поэтому, когда танковый эскадрон вошел в египетский лагерь, первые неприятельские солдаты, которых ему удалось захватить в плен, были египетские «парламентеры» на джипе с белым флагом. Отправив «ультиматум» вместе с теми, кто его привез в Южное командование, эскадрон двинулся дальше на запад на соединение с 7-й бригадой, с которой он и встретился, когда начал спускаться с Ум-Шиханской гряды. В 7-й бригаде подумали, что египтяне вместо того, чтобы сдаться, как рекомендовалось им в депеше, вздумали прорваться к своим при поддержке бронетехники.

Единственные, кто понял, что же происходит, были летчики, знавшие, что обе колонны — наши. Они спикировали к самой земле и попытались дать танкистам знак прекратить огонь. Те в конце концов перестали стрелять, но из всей приближавшейся с востока колонны уцелел лишь один танк — последний, который успел ретироваться за горный хребет.

Что же до отступления противника из Ум-Катефа и Ум-Шихана, как выясняется, позавчера (1 ноября) в 16.00, изданный египетским генштабом в полдень приказ о всеобщем отступлении с Синайского полуострова достиг 6-й бригады, которой предписывалось отступить в эль-Ариш. Согласно распоряжению, солдатам предстояло передвигаться своим ходом, бросив все тяжелое снаряжение. Отход начался с наступлением сумерек. Арьергард вел артиллерийский огонь, а иногда, чтобы ввести в заблуждение израильтян, постреливал и из стрелкового оружия. Чтобы мы не заподозрили, каковы их истинные намерения, египтяне не стали взрывать складов с боеприпасами.

Сначала отступление проходило в полном порядке. Рота за ротой противник покидал позиции, двигаясь на север через песчаные дюны. Но потом возникло замешательство. Солдаты потеряли из виду командиров, и отступление превратилось в паническое бегство.

Личный состав 18-го батальона, отходивший через Магдаву, за ночь добрался до эль-Ариша. Остальные же повернулись к Бир-Лахфану и угодили в плен к израильтянам.

Укрепленные позиции Ум-Катеф и Ум-Шихан — или, как называли их египтяне, опорные пункты Абу-Агейлы — оставались пока единственным участком, где противник сражался исключительно хорошо, а наши войска — исключительно скверно.

Главная причина нашего неуспеха здесь в том, что мы все делали не в лад и невпопад. Сначала 30 октября Ум-Шихан атаковала часть из 7-й бригады, затем 10-я и 37-я бригады штурмовали Ум-Катеф. И ни разу нападавшие не сконцентрировали всех своих сил и не ударили разом. Критика справедлива только по отношению к тем, кто действовал на восточном участке оборонительного рубежа Абу-Агейла, поскольку западные форпосты, собственно Абу-Агейла и плотина Руэфа, были взяты двумя атаками в один и тот же день (31 октября) батальоном 7-й бригады. Наша ошибка была в том, что мы не собрали всех войск, которые могли задействовать на этом направлении, и не провели общую хорошо скоординированную атаку. Виноваты не боевые части, а самое высшее военное руководство наших вооруженных сил: Южное командование, генштаб и его начальник (то есть я).

Египтяне сражались хорошо, когда не приходилось вести подвижной войны, и они могли использовать вкопанное в землю на заранее подготовленных к обороне позициях вооружение — противотанковые, полевые и зенитные орудия, — делая свое дело механически, точно и результативно. Однако, если им приходилось оставлять дзоты и окопы или перестраивать планы, все сразу же менялось. Египтяне практически никогда не ходили в контратаку, а если и делали это, то действовали из рук вон плохо. Более того, противник не ввел в бой танки, приписанные к этому участку обороны, — 3-й бронетанковый батальон, дислоцированный в эль-Арише, — и резервные пехотные части. Штаб дивизии в эль-Арише не сделал ни одного реального шага, чтобы как-то повлиять на происходящее на этом фронте. Имевшиеся в распоряжении дивизии силы не были задействованы, а так и стояли в местах дислокации.

Что же до тактической ценности оборонительного узла Абу-

Агейла, тот факт, что частью его нам так и не удалось овладеть, подтверждает мои соображения относительно важности боевых действий в данном районе.

Не знаю, какие инструкторы преподали египтянам эту доктрину, британцы, немцы или русские. В любом случае, в представлении неприятельского генштаба, Абу-Агейла рассматривалась как барьер на пути прорыва на Синай на центральном участке — участке Кусейма — Ницана. Система обороны тут основывалась на шести главных опорных пунктах: Кусейме, Ум-Катефе, Ум-Шихане, Абу-Агейле, плотине Руэфа и Рас-Матморе, которые защищала усиленная пехотная бригада и разные части поддержки. Целью, как она определялась верховным командованием Египта, было нейтрализовать атакующие с востока силы Израиля и стереть с лица земли вражеские части, которые, возможно, проникнут в данный район путем выброски десанта или иным образом.

Система обороны Синая не являлась секретом для нас, и я усматриваю в ней три принципиальные ошибки. Прежде всего я был уверен, что египтяне преувеличивают оборонительные возможности таких позиций. Выполнявшие те же функции опорные пункты, во множестве понастроенные в Европе перед и во время последней мировой войны, опоясывались широкими минными полями, имели толстые железобетонные укрепления, снабжались огромным количеством противотанкового вооружения, тяжелой артиллерии и зенитных орудий. Но страны Ближнего Востока не могут возводить подобных укрепленных районов. У них не хватит людских ресурсов, вооружений и денег, которые потребны для постройки таких сооружений. Потому ожидать, что опорный пункт вроде Абу-Агейлы сможет выдержать серьезные атаки — чистой воды иллюзия. Два форпоста, сама Абу-Агейла и Руэфа, не простояли и часа против бронетанковой батальонной группы, которая захватила его двумя взводами танков и одной посаженной на полугусеничные бронемашины пехотной ротой.

Вторая ошибка также проистекает из ложной параллели между нашим регионом и Европой. Это расчет на то, что, овладев ключевыми выступами, можно блокировать продвижение войск на Синай и в Египет. Такое вполне возможно в Европе, где местность изрезана множеством рек и речек, болот и озер, лесов и гор. В Европе можно возводить трудные для преодоления оборонительные валы «от моря до моря».

Однако подобный прием не сработает на Ближнем Востоке, а особенно на Синае. Местность в Негеве и в северной части Синая позволяет обходить такие узлы обороны, как Абу-Агейла. На

песчаных дюнах не возведешь линию Зигфрида, а перевал Даика вовсе не река Рейн. Поэтому танковые части 7-й бригады смогли наступать на запад и на север даже после того, как мост на перевале Даика был взорван, и, несмотря на трудности со снабжением, возникающие из-за отсутствия у нас асфальтированной дороги, наши войска обошли Абу-Агейлу и продолжают двигаться к Суэцу по пустынным тропам и проселкам.

Третья и главная ошибка египтян в концепции ведения войны. Абу-Агейла могла бы играть важную роль в обороне Синая, только если бы использовалась как крупная база для подвижных частей, которые могли бы выступать из нее навстречу вражеским войскам, пытающимся прорваться к каналу. На пустынной местности, где нападающий может оптимально задействовать бронетехнику, авиацию, воздушные десанты и мотопехоту, для обороняющегося нет альтернативы, кроме как применять такие же мобильные силы. Египтяне совершили крупную ошибку, думая, что укрепленные комплексы, вроде Абу-Агейлы, Рафаха и эль-Ариша, смогут помешать нам проникнуть на Синай, а им помочь защитить канал без использования бронетехники и авиации для блокирования нашего прорыва и без того, чтобы их солдаты выходили за пределы оборонительных периметров.

Три соображения египтян в отношении их рубежей обороны — их мощь и способность держаться долго, их эффективность как средства, могущего стать преградой для нашего наступления, и их возможность заменить подвижную защиту — доказали на практике свою нереалистичность. Форты оборонительного узла Абу-Агейла несколько дней оставались в руках египтян, что не остановило нашего продвижения.

Вот эпилог в истории битвы при Абу-Агейле. Ввиду того, что 10-я бригада проявила себя не самым лучшим образом, командующий Южным командованием сообщил мне о решении назначить другого комбрига. Я согласился. Командовать боевой частью может не каждый гражданин, к тому же это честь, которой далеко не все достойны. Самая главная задача командира — предводительствовать своим подразделением в сражении, и если он не справляется, его не надо наказывать, а следует заменить другим — тем, кто сможет. Я не могу, да и не хочу рассматривать все детали действий 10-й бригады в ночь атаки. Проблема тут даже не в том, что бригада неправильно вела себя в бою и не в недостатке мастерства, утрате контроля за ситуацией и тактических ошибках — во всем том, что и стало в итоге причиной провала. Случилось нечто куда более худшее — часть

не приложила необходимых усилий, чтобы эффективно сражаться.

* * *

Кто бы и как бы ни оценивал значение резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, нет никаких сомнений в том, что удавка из требований ООН, чего бы те требования ни стоили, продолжала затягиваться на нашей шее.

Чрезвычайная сессия Ассамблеи открылась два дня тому назад, 1 ноября, в 17.00. Британские и французские представители оспаривали законность заседания, упирая на технические соображения, но их возражения не возымели действия, и сессия продолжалась. Главным требованием разных государств было принятие решения, призывающего к немедленному прекращению огня. Представители арабских государств и их сторонники предлагали пойти дальше и требовали, чтобы Ассамблея осудила Израиль, Британию и Францию и ввела против них санкции.

США представлял госсекретарь Джон Фостер Даллес. После заверений в глубокой дружбе в адрес Британии и Франции и — но на несколько более низком уровне — в адрес Израиля он выложил на стол козырную карту: предложил вниманию Ассамблеи американский вариант проекта резолюции. Ниже полный текст документа:

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ:

Отмечая во многих случаях небрежение сторон условиями арабо-израильских Соглашений о перемирии от 1948 г. и тот факт, что войска Израиля углубились на территорию Египта в нарушение Генерального соглашения о перемирии между Египтом и Израилем,

Отмечая, что войска Франции и Соединенного Королевства ведут боевые действия на египетской территории,

Отмечая, что движение судов через Суэцкий канал в настоящее время прервано в ущерб интересам многих стран,

Выражая свою глубокую озабоченность всем происходящим,

1. Настоятельно советует, в качестве шага приоритетного характера, всем сторонам — участницам военных действий в регионе согласиться на немедленное прекращение огня и, исходя из этого, остановить передвижение войск в регионе.

2. Настоятельно советует подписантам Соглашений о перемирии быстро отвести свои вооруженные силы за границы, установленные в соответствии с Соглашениями о перемирии[55],

воздерживаться от рейдов на соседнюю территорию, расположенную за пределами линий перемирия.

3. Рекомендует своим членам[56] отказаться от поставок грузов военного назначения в район конфликта и в общем и целом воздерживаться от любых действий, которые могут способствовать затягиванию выполнения этой резолюции или препятствовать ему.

4. Настоятельно советует по прекращении огня предпринять шаги для восстановления свободного и безопасного судоходства по Суэцкому. каналу.

5. Просит Генерального секретаря следить и докладывать о соблюдении условий резолюции Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее для принятия ими дальнейших шагов, если такие потребуются, в соответствии с Уставом.

6. Принимает решение не закрывать чрезвычайной сессии до выполнения данной резолюции.

В условиях американского проекта резолюции содержится два требования к воюющим: немедленное прекращение огня и вывод войск за пределы границ, установленных в соответствии с Соглашениями о перемирии. Есть в них две рекомендации: государствам — членам ООН воздержаться от действий, мешающих выполнению проекта резолюции и о разблокировании (египтянами) Суэцкого канала, который должен быть быстро открыт для свободного судоходства.

Требование о прекращении огня касается главным образом операции англо-французских сил. В соответствии с их планами, они должны бомбить аэродромы и другие военные объекты в зоне канала и в районе Порт-Саида вплоть до 6 ноября, и только потом их сухопутные силы вступят на землю Египта.

Что касается нас, если нам удастся оттянуть на двое-трое суток переговоры о прекращении огня, мы тем временем сможем захватить Шарм-аш-Шейх, а поскольку на этом завоевание Синая будет закончено, мы согласимся на прекращение войны.

Однако со вторым пунктом — выводом войск за пределы границ, установленных в соответствии с Соглашениями о перемирии, — не все так гладко. Он направлен главным образом против нас, поскольку мы не можем выполнить его, если не хотим перечеркнуть все наши успехи в этой кампании.

Сессия Ассамблеи ООН завершилась поздно, и на ней, как и ожидалось, была принята американская резолюция. На следующий день, 2 ноября, Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд вручил тексты резолюции представителям Британии, Франции и Израиля и попросил как можно быстрее проинформировать его о выполнении условий документа.

Представитель Израиля, Абба Эбан, не стал давать прямого ответа на просьбу Хаммаршельда, а, чтобы потянуть время, попросил кое-что прояснить и вышел с кое-какими предложениями.

Между прочим, то, что египтяне закрыли Суэцкий канал, означает еще одну военно-политическую оплеуху британцам. Они знали о намерении египетского руководства на буксирах притащить в канал суда и затопить их там, а потому британцы планировали разбомбить эти корабли на стоянках в Порт-Саиде, в гавани Суэца и на Большом горьком озере. Не знаю, почему, план не сработал — или египтяне опередили британцев и переместили корабли в канал, или британские летчики промахнулись по целям, — все, что мне известно, это то, что канал блокирован.

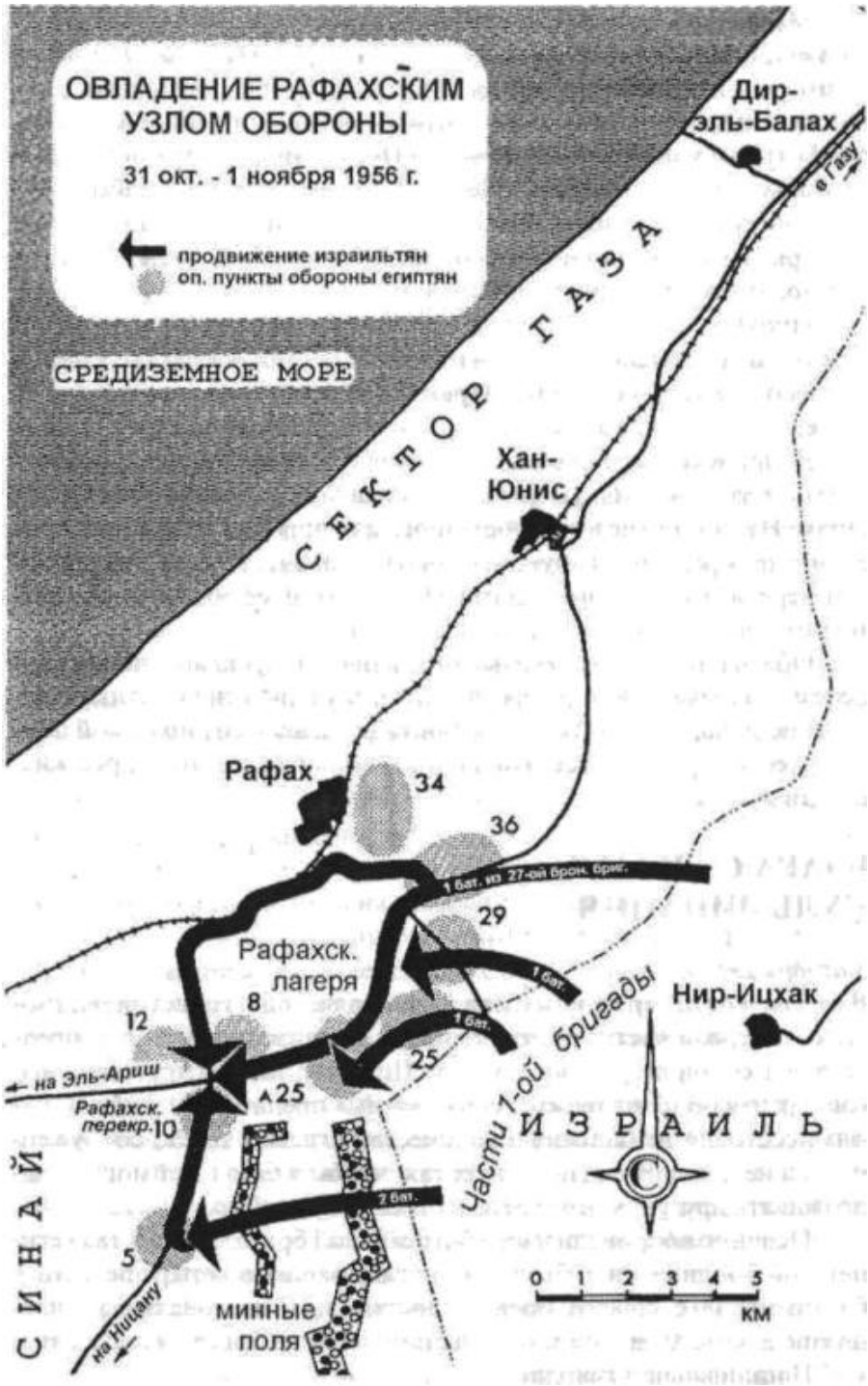
Против ожиданий британцев, арабам удалось претворить в жизнь еще один план: «перекрыть кран» поставок иракской нефти (по нефтепроводу компании «Ирак Петролеум», который проходит по территории Сирии). Позавчера, 1 ноября, инженерно-саперные части сирийской армии овладели тремя главными насосными станциями и взорвали их. Похоже, ни англичане, ни премьер-министр Ирака Нури Саид не имеют большого влияния на Сирию, и уж если сирийская армия не рискует атаковать Израиль, то может, по крайней мере, взрывать британские нефтеперегонные объекты на своей территории.

Оба эти шага — запечатывание канала и прекращение подачи нефти из Ирака — не способствовали популярности политики Иде-на. Я не знаю, до какой степени Британия зависит от иракской нефти, но если верить прессе, это для экономики англичан вопрос жизни или смерти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КУЛЬМИНАЦИЯ

3 ноября 1956 г.

В отличие от центра и юга Синая с их скалистой и гористой местностью, северная часть, та, что ближе к Средиземному морю, представляет собой песчаную равнину. Поэтому, ввиду отсутствия выгодных для обороняющихся естественных препятствий, рубежи Рафаха состояли из большого количества огневых точек, сооруженных на небольших возвышениях так, чтобы в бою одна могла поддерживать другую, в том числе и стреляя прямой наводкой.



Позиции обороняли части 5-й пехотной бригады из состава египетской 3-й дивизии. Обычно в бригаду входило четыре пехотных батальона, но с началом боевых действий на Синае она

была усилена еще двумя, 45-м и 46-м батальонами из 87-й бригады палестинской Национальной гвардии.

Таким образом, на опорном пункте Рафах нашему наступлению противостояли шесть пехотных батальонов, две роты моторизованного пограничного батальона, один артиллерийский полк, одна противотанковая батарея (двенадцать САУ «Арчер») и одна батарея ПВО. Танковый эскадрон, предназначенный для поддержки Рафаха, дислоцировался в эль-Арише, где находился штаб дивизии, в котором решили не распылять части 3-го бронетанкового батальона («Шерманы») по пехотным бригадам, а задействовать целиком как усиленный резерв.

Задача контингента в Рафахе состояла в том, чтобы не допустить прорыва израильских войск на Синай через эль-Аришское направление. Защитники Рафаха получили приказ «держаться до конца», однако 1 ноября, через несколько часов посла начала нашего штурма, дивизионное командование отдало распоряжение некоторым частям отойти к эль-Аришу. Поэтому в районе находящегося в тылу Магронтина эти части успели блокировать магистраль эль-Ариш — Рафах до того, как туда вышли наши войска.

Мы знали, какую встречу готовят нам египтяне в Рафахе, и считали, что он станет для нас самым крепким орешком. Поэтому мы поставили задачу захвата и взятия под контроль всего направления Рафах— эль-Ариш двум бригадам — 1-й пехотной и 27-й бронетанковой.

Надо сказать, что бронетанковая бригада, в дополнение к своему мотопехотному батальону, включала в себя три соединения, называемых бронетанковыми батальонными тактическими группами, на деле состоявших всего из четырех эскадронов: одного — легких танков AMX, еще одного — «Шерманов-50» и двух — «Супер-Шерманов».

В 1-ю пехотную бригаду входило три батальона и еще один, приданный ей для самостоятельных действий, а также прикомандированный к ней эскадрон «Супер-Шерманов» из 27-й бригады.

Трудность взятия Рафаха заключалась не только в том, что противник дислоцировал крупные силы на заранее подготовленных и хорошо укрепленных позициях, но также и в том, в каких условиях нашим людям предстояло взламывать вражескую оборону. Тут мы ни в коем случае не могли рассчитывать на внезапность. Напротив, нас здесь давно ждали и тщательно готовились к встрече. Кроме того, время, отведенное нашим солдатам на операцию в данном районе, было крайне

ограниченным. Двадцать четыре часа назад мы изо всех сил сдерживали их, а теперь подгоняли. «Волны», поднятые на Ассамблее ООН, и особенно неожиданная для нас враждебность американцев, диктовали как можно более быстрое завершение кампании.

Оперативно-тактические факторы тоже оказались вещью весьма упрямой. Изначально взятие Рафаха предполагалось осуществить в ночь с 31 октября на 1 ноября, чтобы к утру ключевые господствующие позиции вдоль шоссе находились в наших руках и мы могли бы наступать на эль-Ариш. Но в итоге, от всей ночи нашей пехоте осталось менее двух с половиной часов, с 03.05 до 05.30. Первая часть ночи отводилась ВМФ и ВВС на подготовку вражеских позиций к атаке. По разным причинам обстрел с моря не мог начаться раньше 02.00 и продолжался всего полчаса. Авиация бомбила неприятельские рубежи с 02.30 до 03.05.

Впоследствии стало очевидно, что, тратя драгоценные часы темноты на обстрелы с моря и бомбардировки с воздуха, мы больше проиграли, чем выиграли. От первого было много шума, второе и вовсе чуть не обернулось катастрофой. Мы все представляли себе, как наши эсминцы обрабатывают позиции противника в этаком европейском стиле, как в фильмах, где снаряды превращают в щепы вражеские рубежи на берегу перед началом высадки десанта. Лично я надеялся — и говорил об этом офицерам, в задачи которых входило взятие Рафаха, — что артподготовка с моря приведет к крушению египетской обороны, и когда вслед за тем на штурм пойдет пехота, она почти не встретит сопротивления.

Но левиафан явил себя килькой. Хотя судовая артиллерия выпустила по противнику в Рафахе полторы сотни 155-мм снарядов, ни одна из наших сухопутных батарей не променяла бы это и на несколько залпов.

Что же до ВВС, то летчики умудрились сбросить осветительные ракеты на парашютах прямо над головами наших солдат и принялись бомбить их. Мы немедленно дали им приказ прекратить «подготовку с воздуха», пока нам не пришлось отправлять наших людей в госпитали вместо того, чтобы посылать в атаку.

Но что сделано, то сделано. Так или иначе только где-то в 03.00 1 ноября наши сухопутные силы смогли начать штурм. В атаку на аванпосты Рафаха пошли две бригады, 1-я и 27-я.

Штурм велся на трех направлениях: на юге и в центре силами 1-й бригады (по два пехотных батальона на каждом), а на северном — мотопехотным батальоном 27-й бригады. По плану

им предстояло захватить не все, а только наиболее важные участки данного узла обороны, а также открыть путь для бронетехники, чтобы та могла достигнуть шоссе Газа — Кантара и наступать на эль-Ариш.

Ключевым пунктом оборонительного узла Рафаха являлся перекресток, где шоссе из Газы в эль-Ариш пересекается с дорогой из Рафаха в Ницану. На запад от этой точки к эль-Аришу ведет только одна дорога, но на юг, на север и на северо-восток их три: на юг лежит дорога на Ницану и Кециот, на север — внутренняя дорога, пролегающая через лагеря Рафаха, а на северо-восток — дорога в Хан-Юнис и Газу. Взятие под контроль каждого пути вменялось в задачу отдельным частям. Южным силам предстояло пробить брешь в обороне, чтобы дать бронетехнике выйти на дорогу к Ницане. Центральным — очистить путь к дороге на северо-восток. Северные силы должны были открыть доступ к дороге между, лагерями Рафаха. Желательно добиться успеха на всех трех участках, однако мы принимали во внимание возможность того, что в первую ночь нам удастся пробиться только в двух местах, а то и в одном. Но даже и в таком случае бронетехника немедленно воспользуется «окном», чтобы выйти на шоссе Рафах — эль-Ариш и наступать на запад.

Оборонительный район Рафах представлял собой целую сеть из закопанных в песок, запрятанных в садах и зарослях колючек огневых точек. Когда начался штурм, не одно из наших подразделений ошиблось в выборе целей и путей подхода к ним. Ни трассы пулеметных очередей, ни наводящий огонь артиллерии не помогали определить местонахождение огневых точек противника. Наши позиции находились слишком близко к неприятельским. Пули и снаряды летали туда-сюда, и трудно было понять, кто и откуда стреляет. Особенности системы обороны противника определяли характер нашей операции. Штурмовые колонны общей численностью около трех тысяч человек разделялись на множество подразделений и подподразделений, каждому из которых проходилось самостоятельно прокладывать себе путь через минные поля и проволочные заграждения, пробиваться к заданному объекту и вести там свой отдельный бой.

Овладение южным направлением осуществлялось в два этапа. На первом одному батальону предстояло захватить три египетских аванпоста, № 6, 2 и 293, а затем, во второй фазе, другой батальон должен был, следуя за первым, подавить оставшиеся очаги сопротивления на данном участке.

Первый батальон продвигался с трудом. Командир роты «D», которому отводилась роль взятия первого аванпоста — аванпоста

№ 6, — не смог его обнаружить. Когда противник открыл огонь — сначала артиллерийский, а потом пулеметный — комроты запросил разрешение на отход и предложил передать задачу захвата аванпоста другой части. В конце концов, получив от комбата категорический приказ идти вперед и взять точку, рота выполнила задачу, и командир отрапортовал: «Аванпост № 6 в наших руках». Только с рассветом обнаружилось, что аванпост № 6 не был взят с боя — египтяне оставили его еще до начала штурма.

Вторая позиция, аванпост № 2, также досталась атаковавшей ее роте «С» без боя. Третью, аванпост № 293, взяла рота «В». Эта часть передвигалась на полугусеничный бронемашинах. Приблизившись к противнику, они развернулись в боевые порядки и устремились на египтян. Несмотря на огонь, которым встретили израильтян оборонявшиеся, рота не ослабила натиска; скоро стрельба прекратилась и неприятель бежал. Взятием этого пункта ознаменовывалось завершение первой фазы операции на данном направлении — стадии проникновения. Батальон потерял двух человек убитыми и восемь ранеными вследствие огня вражеской артиллерии еще тогда, когда находился на исходной позиции. В ходе же самого штурма обошлось без потерь. Даже полугусеничные бронемашины, которые атаковали через два ряда бакелитовых мин[57], умудрились пройти по ним и не подорваться.

Пришла пора главной битвы на данном участке — овладения жизненно важными пунктами на южном направлении. Задание это получил моторизованный батальон, личный состав которого передвигался на полноприводных трехосных грузовиках и полугусеничных бронемашинах. Роль поддержки осуществлял эскадрон средних танков («Супер-Шерман») из 27-й бригады.

Несмотря на то, что строй шел тем же путем, что и первая колонна полугусеничных бронемашин батальона, едва атакующие оказались на минном поле, подорвалась головная машина. Командирская полугусеничная бронемашина попыталась объехать ее справа и, тоже наскочив на мину, загорелась. Теперь огонь египетской артиллерии, стрелявшей по колонне с самого начала, стал более интенсивным и метким, поскольку превратившаяся в факел бронемашина помогала противнику целиться. Израильские саперы, под свист осколков пробравшиеся на поле, проделали новый проход в минных заграждениях слева от подбитой техники. Комбат собрал людей, укрывавшихся за песчаными холмиками и прятавшихся в приземистом кустарнике, и колонна продолжила движение. Несколько полугусеничных бронемашин и два танка прошли через новый коридор, но третий танк наехал на мину,

которую, по всей видимости, не заметили саперы, и наступление опять застопорилось. Снова саперы отправились очищать путь от мин, но на сей раз первый же танк подорвался и лишился хода.

Батальон увяз. Два танка, полугусеничная бронемашина и трехосный грузовик, подорвавшиеся на минах, блокировали проход в заграждениях, и неприятель обрушил на оказавшийся в ловушке батальон все имевшиеся в его распоряжение огневые средства: артиллерию, минометы и крупнокалиберные пулеметы. Было 04.30, до начала рассвета оставалось полчаса, если он застигнет колонну там, где она есть, — а ничего другого случиться не могло — египтяне с соседних аванпостов расстреляют ее. Командир батальона связался с комбригом и предложил, пока не поздно, увести оставшуюся технику и людей и окопаться на ближайших позициях. Продолжать наступление для захвата перекрестка стало совершенно невозможно.

Комбриг отверг предложение и приказал во что бы то ни стало выполнить задачу — овладеть господствующими над перекрестком высотами. Если этого нельзя сделать, используя технику, значит, надо оставить ее и продолжать атаку в пешем строю.

Возможно, в других обстоятельствах предложение комбата следовало бы принять, но только не в той ситуации. Надо было сделать все, даже невозможное, чтобы к утру бригада открыла бронетехнике путь к шоссе и, таким образом, к взятию эль-Ариша. Резервов у бригады не осталось, все выполняли поставленные задачи, все сражались, а потому сменить батальон было некому.

Вместе с тем для батальона не было никакого смысла пытаться достигнуть объект пешком. Люди бы просто не смогли за оставшееся время преодолеть двенадцать километров, отделявших их от перекрестка, но даже если бы смогли, то перспектива взятия египетских аванпостов без поддержки танков выглядела весьма малообнадеживающей. Оставался только один способ — расчистить новый проход в минных полях для техники.

Утекали последние минуты спасительной темноты, но тех, кто упорен, ждет награда. В 05.15 саперы батальона разогнули согбенные спины. Проход, проделанный ими на сей раз к северу от подбитых машин, выдержал испытания, и танки прошли через него без проблем. Батальон отправился в путь — впереди разведчики, затем танковый эскадрон с ротой «С», замыкавшей колонну на полугусеничных бронемашинах. Бойцы роты «В», потерявшие свои транспортные средства, взобрались на танки, уцепившись «за гривы боевых коней» — «Супер-Шерманов». Боевой дух был на высоте — и среди рядовых, наверное, выше, чем у офицеров. Главное, было выбраться из минно-снарядной

преисподней и наступать, опять наступать!

Колонна двигалась быстро и к 05.50 достигла первой цели, аванпоста № 5. Уже совсем рассвело, и египтяне открыли плотный огонь.

Джипы разведчиков ответили противнику. Танкисты не стали ждать приказа, они сделали то, что нужно, — развернули строй вправо и принялись бить по врагу прямой наводкой. Рота на полугусеничных бронемашинах построилась в боевой порядок и проложила себе путь через заграждения. В 05.55, через пять минут после того, как был открыт огонь, комбат рапортовал: «5-й — наш». Путь к перекрестку был открыт, по ту сторону аванпоста поблескивала покрытием черная асфальтовая лента шоссе Рафах — Ницана.

В 06.30 колонна двинулась к перекрестку. По центру дороги катились танки, неся на броне «кавалеристов» из роты «В», следом спешили полугусеничные бронемашины. Слева и справа от бронетехники, направляя колонну, ехали джипы.

Перекресток прикрывали три аванпоста, № 8, 10 и 12. С приближением израильтян противник открыл огонь из пулеметов и противотанковых орудий. Колонна остановилась, а командир вызвал артиллерийскую поддержку. Некоторое время перестрелка продолжалась, а потом танки ринулись на штурм. Едва завидев это, египтяне с первого аванпоста бросились в бегство. Кто своим ходом, кто на машинах, они удирали в сторону эль-Ариша. В 07.50 рота «С» на полугусеничных бронемашинах овладела аванпостом № 8, а «кавалеристы», рота «В», взяли аванпост № 10. Оставался один № 12, на который обрушился весь батальон, выстроившись точно на показательных учениях: роты «А» и «С» шли параллельно друг другу с танками на правом фланге и джипами — на левом. В 09.00 пришло сообщение: «12-й — в наших руках», а через несколько секунд прозвучало: «Перекресток наш, я повторяю, перекресток наш».

Затем батальон закрепился на оборонительной позиции. Конечно, перекресток был взят, но победители владели лишь тонким клинышком земли длиной в четырнадцать километров, по обе стороны от которого располагались позиции египтян. Пока не закончен процесс овладения объектами на центральном и северном направлениях, противник может свести на нет наш успех на перекрестке. Страхи эти, однако, оказались беспочвенными. Неприятель не только не помышлял о контратаке, он даже не особо рвался защищать те пункты, которые еще оставались в его руках. В большинстве случаев арабы обороняли свои аванпосты до тех пор, пока дело не доходило до рукопашной. Когда израильтяне врывались на

вражеские позиции, египтяне бросали оружие и обращались в бегство. Из семи аванпостов противника на южном направлении три были оставлены еще до подхода атакующих (№ 2, 6 и 8), и только защитники № 10 и 12 оказали серьезное сопротивление.

По этой причине потери, понесенные нашим батальоном в основном от артобстрелов и мин, оказались невелики: двое убитых и двадцать два раненых. То же касалось и техники. Четыре танка, две полугусеничные бронемашины и один полноприводный грузовик подорвались на минах, и только один танк пострадал от снаряда противотанкового орудия, при этом ранения получили командир и механик-водитель.

Вести бой на центральном направлении оборонительного узла Рафах было доверено двум батальонам ветеранов из 1-й бригады. Задача заключалась в том, чтобы взять две расположенные рядом египетские позиции, аванпосты № 25 и 25а, и комбат решил штурмовать их одновременно. Аванпост № 25 предстояло взять роте «А», а аванпост № 25а — роте Нахаля (Нахаль — «Юные воины-первопроходцы»). Бойцы Нахаль проходят военную подготовку и выполняют не только обязанности солдат, но и сельскохозяйственный рабочих в отдаленных приграничных поселениях[58]. Обе роты вышли с исходных позиций в пешем строю. Расстояние было большим, и до цели они добрались только около 05.00. Рота «А» приблизилась к аванпосту № 25 и изготовилась для штурма. Египтяне заметили их и открыли огонь, который был поддержан с соседних точек. Израильтяне намеревались проделать проход в заграждениях с помощью банголорской торпеды, но заряд в длинной кишке почему-то не взорвался. Командир роты не стал откладывать атаку и дал указание отделению огневой поддержки приготовиться к открытию концентрированного пулеметного огня по позициям противника. После этого рота устремилась вперед и, голыми руками вырывая стойки, к которым крепилась колючая проволока, пробилась через заграждения.

На другой стороне израильтян ждал сюрприз: аванпост опоясывало минное поле. Пока штурмующие прокладывали себе путь через проволоку, египтяне смогли определить, откуда они появятся, и открыли по нашим бойцам плотный прицельный огонь. Отступление ничего не решало и гарантировало большие потери. Надо было пройти через поле и сделать это быстро, до рассвета. Офицер-сапер пополз впереди, выпалывая мины шанцевым инструментом и прокладывая дорогу последовавшим за ним бойцам. Так они достигли склона выступа, где располагались позиции египтян, взобрались по нему и бросились на штурм, строча из автоматов и забрасывая противника ручными

гранатами. Отделения рассредоточились по ходам сообщения и стали быстро продвигаться вперед. Когда неприятель понял, что штурмующие уже проникли на аванпост, сопротивление прекратилось. Казалось, все шло замечательно, но в тот момент, когда наши солдаты оказались в центре выступа, они, к огромному своему удивлению, увидели приближавшуюся к ним роту Нахаля, которая должна была штурмовать соседний аванпост, № 25а. Как видно, бойцы Нахаль ошиблись и атаковали аванпост № 25 с другой стороны, решив, что это и есть № 25а. Несколько минут оба ротных командира пребывали в полной растерянности. Их солдаты рассыпались по всей позиции в пересекавшихся и взаимно сообщавшихся окопах довольно большого опорного пункта. Было совершенно ясно, что № 25а нужно атаковать и взять его, но весь вопрос заключался в том, как и с кем? Тут обнаружился ход сообщения между двумя позициями. Конечно, воспользовавшись им, наши бойцы рисковали — что если противник приготовит им ловушку с другой стороны? Посовещавшись немного, оба командира решили, что игра стоит свеч и повели подразделение из двух рот по траншее к № 25а. Враг не приготовил им засады, но отделение тяжелого оружия[59] поприветствовало их своими залпами. Однако египтяне опоздали, и в 05.30, когда уже рассвело, аванпост № 25а оказался в руках израильтян.

Потери батальона при штурме обеих позиций составили шестеро погибших и двадцать восемь раненых. Считать убитых египтян не стали, а пленных комбат приказал не брать. Любому египетскому солдату, которых хотел унести ноги, просто указывали на дюны.

Заданием другого батальона был захват аванпоста № 29 и близкорасположенного к нему аванпоста № 27. Аванпост № 29 считался центральной и наиболее жизненно важной позицией Рафахского оборонительного узла, но, как позднее выяснилось, сила защитников на этом участке оказалась значительно преувеличенной.

Батальон вышел с исходной позиции в 03.30 и, быстро продвигаясь, через час оказался рядом с целью. Роты изготовились к штурму, но командиры никак не могли определить, кому из них какой пункт штурмовать. Комбат связался с артиллеристами и попросил трассерами показать, где аванпост № 29. Однако это не помогло, потому что египтяне тоже принялись палить со всех сторон, и различить наводящий огонь в такой обстановке было делом безнадежным. В какой-то момент рота «А» неожиданно оказалась перед заграждениями, прорвалась через них и снова столкнулась с препятствиями, преодолела и их,

вышла на открытое место и принялась искать объект. Пока они все это проделывали, египтяне усилили обстрел с одного из опорных пунктов, и тут-то израильтяне поняли — это то, что они так долго искали, аванпост № 29.

Было уже 05.00. Полугусеничные бронемашины развернулись в боевые порядки, и сидевшие в них бойцы принялись обстреливать из базук противника, прикрывавшего подходы огнем из пулеметов и противотанкового оружия. Тем не менее двум полугусеничным бронемашинам удалось приблизиться к неприятелю и с ближней дистанции уничтожить две противотанковые пушки. Огневое противодействие со стороны противника снизилось, и полугусеничные бронемашины вместе с взводом из роты «С» прорвались через заграждения и овладели аванпостом. С рассветом рота «А» вышла на извилистую тропу, на которой виднелись свежие следы. Израильтяне решили, что они принадлежат солдатам противника, а значит, тропа не заминирована. Догадка оказалась верной, и рота без потерь преодолела северные рубежи аванпоста.

В 05.30 завершилось взятие аванпоста № 29, и командир батальона перегруппировал роты «В» и «С» для штурма соседнего аванпоста № 27. В этот момент прибыла бронетанковая батальонная группа из 27-й бригады и согласилась помочь пехоте, поддержав ее огнем и маневром. Увидев танки, египтяне бросились бежать, и когда пехотные роты ворвались на укрепления вражеского поста, то нашли его пустым. В 07.15 на КП поступило сообщение: «27-й — наш». Потери батальона при штурме обеих позиций составили трое убитых и сорок восемь раненых.

Больше всех досталось при взятии Рафахского оборонительного узла мотопехотному батальону из 27-й бронетанковой бригады, действовавшему на третьем, севером направлении и имевшему задание взять аванпосты № 34 и 36, ключевые позиции на данном участке.

Батальон состоял из четырех стрелковых рот с приданным им взводом легких танков AMX. По некоторым причинам разрешение начать атаку часть получила с опозданием. Колонна вышла с исходной в 03.45, а через пятнадцать минут попала под мощный прицельный артиллерийский огонь противника. Командиру батальона пришлось приказать людям покинуть технику и укрыться. Подразделение потеряло одиннадцать человек убитыми и восемьдесят восемь ранеными, среди которых оказался командир роты «А» и трое комвзводов.

Находясь под интенсивным обстрелом, нужно было вынести с поля раненых, вывести колонну из зоны поражения и привести в

порядок штурмовые отряды. Комроты «В» принял командование ротой «А», собрал воедино около двух взводов и отправился на штурм аванпоста № 34. Командир роты «В» перегруппировал свою часть и выступил с ней к другому объекту, аванпосту № 36. Первой цели достигла рота «В» и под прикрытием вот-вот готовой растаять темноты устремилась в атаку, а в 05.35, с первыми лучами солнца, пехотный взвод на полугусеничных бронемашинах и взвод танков прорвались на позиции египтян. За танками и полугусеничными бронемашинами подтянулись еще два моторизованных взвода, и в течение четверти часа рота полностью овладела аванпостом, потеряв в этой акции трех военнослужащих ранеными.

Рота «А» подобралась к своему объекту в 05.45. Прячась за зарослями кустарника, бойцы подошли на расстояние примерно 250 м к орудийным окопам противотанковых пушек, прикрывавших юго-западный фланг аванпоста № 34, и с помощью базук подавили вражеские позиции. На помощь роте подошли легкие танки, участвовавшие в штурме аванпоста № 36 и огнем прямой наводкой поддержали пехоту, которая бросилась на врага. Тем временем на помощь ей пришла находившаяся в резерве рота «В», и к 06.30 захват и зачистка аванпоста № 34 были завершены. В ходе боя получили ранения четверо наших военнослужащих.

Этот батальон стал не единственным подразделением, понесшим потери в том бою на северном направлении. В 05.00 бронетанковая батальонная тактическая группа из 27-й бригады также приблизилась к аванпостам № 34 и 36. Она шла по пятам за пехотным батальоном, чтобы выйти на Рафахскую дорогу по возможности скорее, как только будет проделана брешь. Командир группы получил от комбрига 27-й бригады приказ поддержать пехоту огнем и маневром. Командир подразделения решил с частью своих сил атаковать аванпост № 34 и лично возглавил отделение танков. Когда оно приблизилось к объекту на расстояние 400 м, уже рассвело, а полугусеничная бронемашина, в которой находился командир, оказалась на открытом месте. (В его командирском танке вышла из строя рация, и он пересел в бронемашину, чтобы удобнее было подавать визуальные сигналы[60].) Противник открыл сосредоточенный огонь из противотанковых орудий, поразив цель сразу тремя снарядами.

Командир бронетанковой батальонной тактической группы погиб на месте, а заместитель комбрига, находившийся в той же полугусеничной бронемашине, был ранен в глаз.

К 06.30 все аванпосты на центральном и северном участках обширного Рафахского оборонительного узла находились в руках

израильтян. Однако две из трех бронетанковых батальонных групп, принимавших участие в боях ночью, понесли потери в людях и технике и нуждались в нескольких часах передышки, необходимых им на то, чтобы привести в порядок матчасть, заправить баки машин и, перегруппировавшись, продолжить наступление. Соответственно, находившаяся в резерве третья батальонная тактическая группа в 06.00 получила приказ выдвинуться через участок прорыва на севере (аванпосты № 34 и 36), очистить дорогу Газа — Рафах и соединиться с нашими силами на перекрестке.

Голова танковой колонны северных сил приблизилась к цели в 09.00. Поначалу наши пехотинцы (из 1-й бригады) засомневались — свои это или чужие, — но через несколько минут, когда немного рассеялась пыль, разглядели силуэты низких корпусов AMX.

Хотя вокруг еще постреливали и время от времени то там, то тут из-за колючек высовывались головы египетских солдат, военнослужащие батальона 1-й бригады не могли сдержать радости. Солдаты и офицеры покинули позиции и бросились навстречу танкистам. Прошло всего несколько минут, и перекресток заполонили танки и полугусеничные бронемашины. Улыбки сияли на покрытых пылью лицах бойцов, и даже закаленные ветераны заключали в объятия своих товарищей. Моей главной жертвой — а я находился с 27-й бригадой все время, пока шли бои, — стал заместитель командира 1-й бригады. Мы тискали друг друга, как в классических русских фильмах.

Вторая фаза операции стартовала в 10.30 маршем 27-й бригады на эль-Ариш. Головой колонны была бронетанковая батальонная тактическая группа, состоявшая из части разведки на семи джипах, отделения саперов, роты пехоты на полугусеничных бронемашинах, двух взводов легких танков (по шесть в каждом) и батареи из четырех 105-мм САУ. Следом шли еще две бронетанковые батальонные тактические группы. Командование бригады заняло место сразу за головной группой; был с ними и я с «подразделением начгенштаба», затесавшимся среди командных машин бригады. Моя «часть» состояла из двух полноприводных трехосных грузовиков, одной передвижной радиостанции, с помощью которой я держал связь с КП генштаба и ВВС, и моей машины. При мне находились начштаба Южного командования, начальник моего управления и двое связистов.

Как только Рафах остался позади, возбуждение и тревога внезапно словно бы испарились, уступая место чувству, которое охватывало меня во время учебных прыжков вскоре после того, как над головой хлопал купол парашюта[61]. Самолет с его

ревущими двигателями уже далеко, струя воздуха больше не грозит завертеть тебя как щепку в водовороте, позади момент встряски после раскрытия парашюта и наступают несколько секунд полного спокойствия и необычайной легкости, когда ты безмятежно паришь в небе, медленно приближаясь к земле.

Мы мчались на запад к эль-Аришу. Легкий ветерок дул со Средиземного моря. По обеим сторонам дороги тянулись и тянулись песчаные дюны и лишь время от времени попадалось несколько скучковавшихся глинобитных хибарок, стада овец и жены бедуинов, ведущие ослов, нагруженных мехами с водой. Трудно себе представить более пасторальную сцену во время войны.

Нам даже не пришлось пропустить завтрак, поскольку, не успели мы добраться до перекрестка, как расчет одного египетского противотанкового орудия, который не бросил пушку и не сбежал, как все прочие — всегда найдутся исключения из правил, — открыл огонь, и нам пришлось немного полежать в придорожной канаве.

Первым вражеским опорным пунктом, где мы рассчитывали столкнуться с сопротивлением, был Шейх-Зувейд, расположенный примерно в десяти километрах к западу от перекрестка. Название помнилось мне по «Нильским разведчикам» (группа евреев в Палестине, которые выполняли задания союзников во время Первой мировой войны). Если верить рассказам Лишинского, именно там бедуины убили Авшалома Файнберга.

Прибыв на место, мы нашли опорный пункт покинутым. Мы оказались не первыми израильтянами, побывавшими здесь; до нас объект посетили наши ВВС, и следы их визита были более чем очевидными — догорающие машины на обочине, брошенные в панике удиравшей прислугой полевые и противотанковые пушки.

Впервые мы столкнулись с противодействием противника еще километров через двадцать, как раз когда проехали половину пути от Рафаха до эль-Ариша. Огонь по нам открыли с поста наблюдения эль-Бурдж, потом еще километра через три с небольшим, с позиций эль-Джеради, господствующего над дорогой выступа (высоты), прикрывавшего подходы к эль-Аришу. По обеим сторонам от шоссе тут на большое расстояние лежат чрезвычайно труднопроходимые холмы мягкого песка, так что рубеж этот обойти нельзя. Оборону на нем держала пехотная рота, батарея противотанковых САУ «Арчер» и батарея из шести 120-мм минометов.

Атака нашей бронетехники на укрепленные позиции неприятеля началась в 14.30 и продолжалась больше часа, преимущественно из-за трудности с передвижением в дюнах. (Это

те самые песчаные холмы, что так радовали Лоуренса, который видел в них последнее чистое место, еще оставшееся в мире.) Здесь, точь-в-точь как в Рафахе, едва наши танки приблизились к неприятельским рубежам, защитники их бросили оружие и удрали. Мы потеряли десять человек.

Теперь нас отделяло от эль-Ариша расстояние не более чем пятнадцать километров. По пути к городу мы находили все больше следов работы нашей авиации, расстреливавшей беглецов из Рафахского укрепрайона. Снарядные ящики, орудия и машины всевозможных типов валялись по обочинами и прямо посреди дороги.

Не доезжая примерно семи километров от эль-Ариша, мы натолкнулись на второй заградительный рубеж. Оборону на нем, так же, как и в эль-Джеради, держали части 11 — го батальона египетской 4-й пехотной бригады: две пехотные роты, противотанковые орудия, установленные слева и справа по бокам шоссе, и батарея из восьми 25-фунтовых пушек.

Час был уже поздний, и колонна слишком растянулась, чтобы успеть собраться и сгруппироваться для атаки в последние моменты перед наступлением темноты. Энергии у нас тоже поубавилось.

Не оставалось ничего иного, как только отложить атаку и вход в эль-Ариш до утра, а ночь использовать на то, чтобы

заправить и подремонтировать технику и немного отдохнуть.

После долгого путешествия по жаре и пыли прохлада ночи была весьма желанной. Мы устроились на земле, из которой пробивались низкие заросли кустов тамариска, и приготовились заночевать. Я ответил на последние поступившие сообщения и повторил приказы: завтра (2 ноября) с рассветом 9-й бригаде выступать на Шарм-аш-Шейх, а 11-й бригаде взять под контроль сектор Газа. Вот-вот должна была начаться последняя фаза кампании.

Меню ужина не отличалось новизной: порция довольно сомнительного по вкусу мяса и апельсиновый сок в банках, больше похожий на микстуру для вызывания изжоги. Как и всегда, ситуацию спас кофе — горячий черный, — после которого жизнь показалась почти прекрасной. Не успели мы прилечь в надежде поспать, египтяне принялись палить из пушек. Их грохот не мог потревожить наш сон, но взлетавший от разрывов снарядов песок вынудил нас перебраться за безопасный скат холма.

В 06.00 мы, не встречая сопротивления, вошли в брошенный неприятельскими войсками эль-Ариш. Последняя египетская часть покинула город ночью.

Мысль о том, что они успели убраться оттуда перед самым нашим приходом, сильно раздосадовала нас; надо было бы нам напрячься и атаковать сразу. Если бы мы ворвались в город ночью и вышли бы к западной его окраине, то смогли бы запереть дорогу к Суэцу и, возможно, захватили бы большую часть оружия и техники 3-й дивизии, а также взяли бы в плен египетские части, которые теперь спешили к каналу.

Никто из нас, конечно, не знал, как в действительности обстояли дела с отходом войск неприятеля. По полученным от пленных сведениям, в полдень 1 ноября египетский генштаб издал приказ своим войскам на Синае немедленно отойти на западный берег Суэцкого канала. Нет сомнения, что египтяне не промедлили ни мгновения, выполняя это указание. Вернее, оно стало для них разрешением сделать то, что они уже делали. Фактически, и 3-я дивизия в эль-Ариш, и 1-я бронетанковая бригадная тактическая группа начали отступление до приказа генштаба. Не позднее как в ночь с 31 октября на 1 ноября штаб дивизии в эль-Ариш послал приказ об отходе 5-й бригаде в Рафахе, но выполнить его она не могла, поскольку наше наступление на Рафахский узел обороны находилось в самом разгаре, и египтяне не сумели бы отступить в порядке — их отход неминуемо превратился бы в паническое бегство.

Командование 1-й бронетанковой бригадной тактической

группы пошло даже дальше. Утром 31 октября оно получило приказ египетского генштаба со всей возможной поспешностью выступать к перекрестку у Джебель-Либни, связать боем израильские бронетанковые части (7-ю бригаду) и тем помочь египтянам в обороне Ум-Катефа. По показаниям захваченного нами в плен египетского танкиста, командир бронетанкового соединения запросил поддержку с воздуха, а не получив ее, не только не выполнил приказ выступить в заданный район, но распорядился о том, чтобы его подразделения перегруппировались и приготовились к отходу с территории Синая.

В свете данного факта, вполне возможно, что даже захвати мы эль-Ариш этой ночью, мы бы все равно опоздали, и большая часть войск противника успела бы уйти из города.

Отчасти отступление вражеских сил из эль-Ариша было организованным, но чаще оно превращалось в беспорядочное бегство. С наступлением сумерек из Египта прибыло два эшелона, но места в них хватило лишь незначительному количеству военнослужащих. В то же время узкая дорога из эль-Ариша в Кантару оказалась не в состоянии справиться с большим потоком машин. Поэтому железнодорожный и автотранспорт были зарезервированы исключительно для офицеров, остальным же пришлось топать пешком. В этом случае им повезло больше, чем тем, кто передвигался с комфортом, потому что техника пользовалась особым вниманием пилотов наших ВВС, тогда как пехоту, тащившуюся через дюны, они не трогали.

Брошенные офицерами рядовые немедленно освободились от всего, что связывало их с армией и мешало движению, — от оружия, боекомплектов и амуниции, сбросили даже тяжелые армейские ботинки. Они сбивались в группки и брели на запад. Воду они брали из колодцев по пути, а голод утоляли финиками. Те как раз созрели, а потому было достаточно запустить камнем в пальму, чтобы добыть себе завтрак. С воздуха эти бесконечные толпы солдат в белых исподних одеждах на фоне золотого песка казались процессиями паломников.

Эль-Ариш противник оставил поспешно, не разрушив и даже не заминировав важных военных объектов. Некоторые склады с оружием и снаряжением все же были подожжены, но хранившееся на них оборудование составляло лишь малую толику в том море вооружений и техники, которое египтяне оставили нам нетронутым. Похоже, когда пришел приказ отступать, все бегом побежали с постов, стараясь поскорее присоединиться к уходящим из города колоннам. Творившееся в госпитале представляло собой ужасное зрелище. На операционном столе

лежало тело мертвого египетского солдата с только что отрезанной ногой. Его бросили в середине операции, даже не перевязав, и он просто истек кровью. Раненые — некоторых мы нашли в палатах, другие попрятались во дворе и в саду — сказали нам, что врачи и технический медперсонал, услышав о том, что их ждут санитарные машины, немедленно бросили все дела и словно бы испарились. Не осталось ни одного санитара, и тяжелораненые, нуждавшиеся в постоянном уходе, — восемнадцать человек — испустили дух прошлой ночью. Они лежали так, как их оставили, когда началось бегство.

Дорога от эль-Ариша к Кантаре была запружена машинами. Некоторые были на ходу, другие стояли брошенными, иные даже валялись у обочин вверх колесами. Никто не пытался заблокировать шоссе нарочно, заторы становились следствием поспешного отступления, поскольку тяжелый транспорт — полугусеничные бронемашины, транспортеры Брена, тягачи и пр. — стремились проложить себе дорогу, расталкивая и сбивая на обочины более легкие машины.

Южная дорога — та, что вела к аэродрому и к Абу-Агейле, — была усеяна выведенной из строя техникой, но это уже являлось следствием действий наших ВВС, которые то и дело заходили для атак на колонны отступавших войск, поливая их огнем из авиационных пушек и расстреливая реактивными снарядами.

27-я бронетанковая бригада не задержалась в городе. Боевые группы продолжили движение для захвата аэродрома и дороги на Абу-Агейлу, а некоторые пошли дальше на запад, чтобы преследовать бегущих и выйти к Суэцу. Решение вопросов, касавшихся мирного населения эль-Ариша, было передано Южному командованию, которому предстояло назначить военного коменданта с целью упорядочения жизни горожан. Больших проблем я с этой стороны не ожидаю. Едва мы вошли в город, первое, что бросилось в глаза, — белые флаги повсюду, на крышах и на заборах, а у здания городского управления нас уже поджидала делегация нотаблей, которые явились, чтобы выразить лояльность и готовность к сотрудничеству.

Когда мы пришли, центральная площадь была пуста, но не прошло и часа, как там вновь забурлила жизнь. Арьергард и эшелон частей поддержки 27-й бригады, а также части обеспечения Южного командования начали наводить порядок и брать под контроль военные склады и казармы. Некоторые из наших солдат узнавали меня и просили автографы, протягивая военные карты, солдатские книжки, индивидуальные пакеты и даже пачки сигарет, чтобы я расписался на них. Один сержант-квартирмейстер соригинальничал — сорвал красочный плакат с

изображением Абд-эль-Насера, висевший на стене парикмахерской, и протянул его мне, сказав, что я просто обязан подписать этот «документ» в таком месте и в такой день. И верно, дата того заслуживала, 2 ноября — годовщина декларации Бальфура![62]

Скоро стало ясно, что не все египетские солдаты ушли из эль-Ариша. Прослышав о том, что с пленными хорошо обращаются, дают им кров и пищу, они принялись сдаваться толпами. Однако так поступили не все, некоторые с оружием прятались в городе. В какой-то момент, когда мы стояли у открытого окна и смотрели на улицу, нас обстрелял пулеметчик. Стоявший рядом со мной связист упал замертво.

В 11.00 я сел в «Пайпер» на аэродроме эль-Ариша, чтобы вернуться в генштаб. Я попросил пилота сделать круг над городом на малой высоте. Однако нам быстро пришлось подняться, чтобы не пасть жертвами шальной пули. Песчаные дюны к востоку, к югу и к западу от эль-Ариша кишели египетскими солдатами, прятавшимися там в зарослях кустарника и в складках местности. Арабы не отказали себе в удовольствии поупражняться в стрельбе из винтовок и пулеметов по мишени, которую представлял наш «Пайпер». Но то, что мне хотелось увидеть, — бронетанковую колонну 27-й бригады — я увидел и с высоты. Бронетехника продвигалась на запад без каких-либо помех. Сейчас, через пять часов после нашего вступления в эль-Ариш, бригада уже справилась с расчисткой дороги на своем пути, и голова стальной, коптящей соляркой и бензином змеи находилась в нескольких десятках километров от города. Сражение на северном направлении — Рафах — эль-Ариш — Кантара — завершилось.

Мне вспомнились трофейные документы, которые доставил утром офицер разведки. Вот один, «Директивы командира 3-й дивизии» войскам в северном секторе Синая. Вот что говорилось в переводе:

ДИРЕКТИВЫ КОМАНДИРА 3-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Число: 15 февраля 1956 г.

Кому: командиру египетского укрепрайона в Палестине.

Командиру 5-й усиленной пехотной бригады. Настоящий свод директив 3-й дивизии передан командирам и офицерам в указанное ниже время:

Эль-Ариш 1 февраля 1956 г. Рафах 3 февраля 1956 г. Хан-Юнис 4 февраля 1956 г. Газа 4 февраля 1956 г.

Просьба обеспечить выполнение настоящих директив офицерами и гарантировать, чтобы настоящие директивы не были даны в виде письменных инструкций офицерам уровня ниже

командира батальона или соответствующего ранга в других подразделениях.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Каждый командир должен приготовиться сам и подготовить свою часть к неизбежной войне с Израилем ради выполнения нашей высокой цели, а именно: разгрома и уничтожения Израиля в самое кратчайшее время и самых жестоких и безжалостных битвах.

2. ВЕРА

a) Вера — базовая составляющая в реализации нашей цели. Без нее невозможно достигнуть победы.

b) Наша вера должна выражаться в уверенности, агрессивности и быстроте (действий) военнослужащих всех званий и рангов.

c) Вера должна включать в себя следующее:

I. Непоколебимую решимость и необоримую волю сражаться самым безжалостным образом.

II. Полную уверенность в своих действиях со стороны командиров, необходимую для того, чтобы снискать доверие их подчиненных. Что же касается соблюдения дисциплины, необходимо избегать любых трений между офицерами и рядовыми.

III. Серьезность и реализм нашей борьбы…

Мы развернулись в восточном направлении и полетели к Израилю. Под нами лежала Вади-эль-Ариш. Только по сторонам этой узкой полоски виднелись шахматные клетки обрабатываемых полей, все прочее вокруг, куда ни кинь взгляд, было голой пустыней. Неподалеку от израильской границы раскинулись кочевья бедуинов. Когда мы находились над ними, до нас долетал дым от костров внизу, и резкий запах сгоравших в огне веток можжевельника наполнял кабину самолета. На миг с этим запахом пришли, нахлынув волной, воспоминания о других кострах и о делах другого времени.

* * *

Вчера и позавчера, одновременно с 27-й бронетанковой бригадой, овладевшей северным направлением, 7-я бронетанковая бригада завершила обеспечение взятия под контроль над направлением Ку-сейма — Джебель-Либни — Исмаилия. Захват этого центрального маршрута наступления положил конец робким попыткам египетского генштаба противопоставить нашей армии свое главное тактическое

соединение — 1-ю бронетанковую бригадную группу.

Эта бригадная группа являлась наиболее мощной и боеспособной частью сил противника на Синае. Она представляла собой независимое тактическое соединение, обеспеченное всем необходимым для ведения автономных боевых действий, и независимое от баз внутри самого Египта. В группе имелось достаточное количество топлива и боеприпасов для того, чтобы снабдить им передовой эшелон, а на Синайской базе Бир-Руд-Салим хранился значительный запас горючего, снарядов и патронов, которого вполне хватило бы для всего соединения.

Пленный египетский офицер-танкист сообщил нам, что 31 октября командир бригады получил приказ от генштаба немедленно выступать на помощь защитникам Ум-Катефа, а также отрядить бронетанковую часть для атаки на наших парашютистов на перевале Митла. Подразделения бригады начали выдвижение в соответствии с полученными указаниями, но из-за постоянных налетов израильских ВВС у противника возникли трудности с выполнением задания. Командир запросил помощь с воздуха, но, когда ему стало ясно, что ждать ее не приходится, он, даже не попытавшись вступить в боевое соприкосновение с нашими войсками, решил вернуться в Египет.

Единственный боевой контакт между нашими силами и бригадной группой египтян с момента начала ее отступления имел место два дня тому назад, 1 ноября в 06.00. Когда наши бронетанковые батальонные тактические группы достигли предместий Бир-Руд-Салима — в сорока километрах к западу от Джебель-Либни, — они были встречены огнем арьергарда отступавшей египетской бригады. Наши танкисты ответили и прямыми попаданиями подбили три вражеских Т-34. Египетская мотопехота повыпрыгивала из своих машин и рассеялась в дюнах, а остальные бронетанковые силы с большой поспешностью устремились на запад. Через полчаса, в 06.30, наши военнослужащие вошли на территорию танковой базы противника Бир-Руд-Салим, где обнаружили немало раненых, а также и совершенно здоровых египетских офицеров и рядовых, которые по каким-то причинам не стали спасаться бегством.

Наша батальонная группа отправилась в погоню за противником. Покрыв несколько километров в западном направлении, израильтяне натолкнулись на мощный заградительный огонь артиллерии и танковых орудий. Артиллерийская дуэль продолжалась примерно в течение часа. Преследовать неприятеля далее наши танкисты не смогли, поскольку у них заканчивалось горючее. Кроме того, две машины были подбиты и не подлежали восстановлению. Пришлось

возвращаться в Бир-Руд-Салим, чтобы оказать помощь раненым и заправить баки горючим. (В топливохранилищах египетского лагеря израильтяне обнаружили большие запасы горючего для танков.) К тому времени стало темнеть, а преследовать египетскую бронетехнику ночью не имело смысла.

Погоня возобновилась с рассветом 2 ноября. На протяжении всего дня преследователям на дороге попался всего один вражеский танк, который был тут же уничтожен. Лагерь в Бир-Гафгафе израильтяне нашли пустым; та же картина наблюдалась и сразу к западу от него. Вдоль дороги всюду валялась брошенная техника и вооружение — грузовики, зенитные установки — и личное солдатское снаряжение. Колонна миновала несколько групп превратившихся в беглецов египетских солдат, но своего главного врага, 1-ю бронетанковую бригадную группу, обнаружить не могла. Только в 16.00, когда наши достигли населенного пункта Катиб-эль-Сабха (километрах в пятидесяти к востоку от Суэцкого канала), им наконец удалось настигнуть хвост египетской колонны — взвод танков Т-34, вкопанных в землю по башни по сторонам дороги. Поскольку противник вкопал свои машины очень глубоко, обзор у него оказался довольно ограниченным, и нашим джипам разведки удалось подобраться на расстояние меньше 300 м, оставшись при этом незамеченными. Военнослужащий из экипажа одного джипа достал базуку и начал наводить оружие на цель, но другой танк повернул башню орудием в направлении джипа. Казалось, шансов у разведчиков нет, но тут, точь-в-точь как в сказке, к ним пришла своевременная помощь в виде одного из «Шерманов», экипаж которого вовремя среагировал на происходящее и вогнал снаряд во вражеский танк. Разведчики подбили другой. Танкисты выскочили из двух подбитых машин и бросились наутек. То же проделал и экипаж третьего танка, который поврежден не был, и машина досталась нам целехонькой.

Данный эпизод оказался последней встречей израильтян с египетскими бронетанковыми формированиями, поскольку начало темнеть и погоня прекратилась. Когда же наши разведчики достигли «заповедной зоны» — оказались в десяти милях (16 км) от Суэца — 1-я бронетанковая бригадная тактическая группа противника находилась уже на другой стороне канала. Наш бронетанковый батальон недосчитался одного военнослужащего убитым и десяти ранеными, а также лишился одного танка и одной полугусеничной бронемашины. Но большую часть этих потерь он понес во время штурма Ум-Шихана, а не в ходе преследования египетской бронетехники. Бригада противника оставила на поле тридцать Т-34 (восемь

записал себе на счет бронетанковый батальон, а остальные — ВВС), пять самоходок СУ-100 и около сорока бронетранспортеров, большинство из которых были выведены из строя нашей авиацией.

Когда пришли официальные данные об ущербе, нанесенном вражеской бронетехнике, я увидел разочарование наших людей. Пропасть между по-юношески задорными горячими сводками с полей сражений и сдержанными официальными отчетами всегда велика. Характерный тому пример — сообщение об атаке на колонну египетской 1-й бригады около Бир-Гафгафы 31 октября. После операции лейтенант Ц.К. написал в рапорте:

«Внезапно на центральном направлении мы обнаружили колонну танков и прочей техники. События развивались быстро. Грузовики и танки противника вспыхивали один за другим. Поначалу все напоминало учебные атаки на наземные цели, но когда вокруг стали рваться снаряды и свистеть пули, дела приняли более серьезный оборот. Ветровые стекла у машин капитана Г. и лейтенанта П. были забрызганы горючим, и они спикировали на цель вслепую; остальные тоже постарались не отстать…

Г. и я атаковали скопление танков. Внезапно я увидел, как совсем рядом рвутся снаряды 40-мм зениток. В мгновение я определил местоположение орудия, которое стреляло по нам, и повел машину на него. Расчет попытался направить ствол на меня, но, увидев, что запаздывает, зенитчики бросились на землю и поползли в разные стороны. Им хватило короткой очереди из браунинга калибра 12,7 мм. Другая очередь чуть не привела к катастрофе. Я обстрелял грузовик с боеприпасами, который взорвался. Ударной волной мою машину подбросило, и она чуть не столкнулась с другим самолетом. Все мы, кроме одного, расстреляли боезапасы и повернули домой, а лейтенант С. остался, чтобы опустошить зарядные коробки.»

К рапорту прилагался постскриптум, написанный рукой командира эскадрильи: «Должен заметить, что, несмотря на захватывающее описание, потери противника, о которых говорится в первом абзаце, составили два танка и два грузовика».

* * *

Сегодня утром завершилось овладение сектором Газа. Египтяне не оказали серьезного сопротивления. После падения Рафаха и эль-Ариша моральный дух противника находился в упадке, неприятель не сумел перегруппироваться и

сконцентрировать силы для обороны. Контингент его в секторе был разделен на малые подразделения, разбросанные по отдельным аванпостам, защитники которых не могли подать помощи соседям и оказались не в состоянии в одиночку противостоять атакующим танкам и полугусеничным бронемашинам. Даже применительно ко всей кампании в целом эти бои трудно назвать решительными. После Рафахского узла обороны захвата и эль-Ариша защищать узкую прибрежную полоску длиной сорок и шириной десять километров стало практически невозможно, а дислоцированная там 8-я палестинская дивизия по своей структуре не являлась мобильным соединением и не могла действовать вне границ сектора. Все верно, численность ее превышала 10 000 солдат и офицеров (вместе с 87-й палестинской бригадой в Рафахе), но задействовать их можно было только на знакомых им аванпостах и для выполнения заданий, к которым они привыкли. Часть разделялась на «бригады», «батальоны» и «роты» чисто формально, поскольку использовать их как самостоятельные подразделения возможным не представлялось.

Цель взятия под наш контроль Газы заключалась в том, чтобы очистить район от египтян. По окончании Войны за независимость в 1948-м сектор Газа отошел к Египту, военное руководство которого видело в нем плацдарм для нападения на Израиль, а в «мирное время» использовала его для создания баз и лагерей террористов, осуществлявших вылазки на нашу территорию. В отличие от правительства Иордании, которое, присоединив Западный берег реки Иордан, наделило его палестинское население иорданским гражданством, руководство Египта предпочитало считать сектор Газа отдельным от своей страны районом. Вне сомнения, отчасти такой подход объяснялся тем, что, с государственной и политической точки зрения, в Каире продолжали рассматривать «захваченную Палестину» как некое целое государство, единство и независимость которого должны быть восстановлены. Но главной причиной являлось присутствие в секторе 200 000 арабских беженцев — людей, которых Египет не хотел и не мог сделать своими гражданами или хотя бы поддержать экономически. (Бен-Гурион тоже полагает, что Израиль не должен — если нам вообще когда-нибудь сделают такое предложение — присоединять сектор Газа к своей территории из-за многочисленных беженцев, которых Израиль не в состоянии принять.) Каково будущее района, сейчас едва ли можно предсказывать, но Израилю необходимо обезопасить себя от продолжения использования сектора в агрессивных целях Египтом.

Оборона неприятеля в секторе состояла из двух участков: северного и южного. В первый входил город Газа, который защищала бригада Национальной гвардии Египта, состоявшая их четырнадцати «батальонов», насчитывавших около 3500 военнослужащих. Равные по численности ротам гарнизоны обороняли многочисленные аванпосты, сосредоточенные на границе с Израилем. Кроме вышеназванных пехотных «батальонов», в распоряжении бригады находилась батарея из восьми 120-мм тяжелых минометов и два взвода моторизованного пограничного подразделения. Минометная часть была разбита на пары и размещена на наиболее важных аванпостах, а моторизованные взводы служили в качестве мобильного резерва.

В центре южного участка находился городок Хан-Юнис. Оборону здесь держала 86-я палестинская бригада (офицерами служили профессиональные египетские военные, а солдатами и сержантами были палестинцы), она делилась на три гарнизона, каждый численностью в батальон, и пользовалась огневой поддержкой. Позиции защищали 11-й, 34-й и 44-й батальоны, а батарея 120-мм минометов располагалась по центру так, чтобы оказывать поддержку всем трем.

Задача взятия участка отводилась нашей 11-й пехотной бригаде, состоявшей из двух пехотных батальонов и поставленной под ее оперативное командование бронетанковой тактической группы из 37-й бронетанковой бригады. В распоряжении группы имелся эскадрон средних танков «Шерман» и рота пехоты на полугусеничных бронемашинах, однако из тринадцати танков на ходу были только шесть.

Штурм начался в 06.00 2 ноября. Было решено прорвать линию вражеской обороны в том месте, где находились близкорасположенные друг к другу аванпосты № 122,123 и 125, устроенные противником в трех с половиной километрах к югу от

господствующей на подходах к городу высоты Тель-Али-Мунтар. На протяжении многих веков армии, стремившиеся завоевать Газу, следовали именно этим путем. Согласно преданию, Тель-Али-Мунтар являлась горой, на которую Самсон внес «дверь ворот в город» Газа. У подножия горы во время Первой мировой британцы сэра Арчибальда Мюррея потеряли около десяти тысяч человек в ходе двух неудачных атак на турецкие силы в Газе. (Сам Мюррей находился в ста километрах от фронта в железнодорожном вагоне в эль-Арише.)[63]

Танковый эскадрон и рота полугусеничных бронемашин прорвались через аванпост № 122 и, несмотря на плотный минометный огонь с соседних позиций — особенно с той, что находилась на вершине Али-Мунтар, — проложили себе путь в город Газа, достигнув его главной площади. Бронетанковая тактическая группа повернула на север и, не встречая серьезного сопротивления, подавила все вражеские огневые точки вдоль шоссе и достигла деревни Бейт-Ханун, расположенной на северной границе сектора. В то же самое время пехотный батальон, проследовавший прямо за группой в Газу, взял на себя заботу о неприятеле, продолжавшим оказывать сопротивление в различных кварталах города. Примерно к полудню перестрелки прекратились, и власть в Газе перешла в руки военного коменданта и полицейских сил, набранных из военнослужащих боевых частей.

Продвижение бронетанковой группы на юг, на участок Хан-Юниса, приостановилось из-за необходимости привести в порядок технику и пополнить боекомплекты — в течение утра атакующие сделали свыше 80 000 выстрелов. Зачистка позиций неприятеля в южной части (северного) участка сектора Газа не повлекла за собой никаких сложностей. Египетский подполковник вместе с офицером по оперативным вопросам из нашей 11-й бригады на джипе, принадлежащем агентству ООН, занимающемуся вопросами арабских беженцев, объездил посты и приказал египетским солдатам — некоторые еще продолжали время от времени постреливать — сложить оружие.

Однако 86-я палестинская бригада на южном участке отказалась сдаться. Когда на рассвете 3 ноября тактическая группа приблизилась к Хан-Юнису, противник встретил ее огнем из пулеметов и противотанкового оружия. Одна полугусеничная бронемашина была подбита противотанковым снарядом, а один танк наскочил на мину. Завязалась ожесточенная перестрелка. После того как танкам удалось частично подавить огневые точки неприятеля, пехота бросилась на штурм и прорвала оборону египтян. За ней последовала тактическая группа. При поддержке

бронетехники и второго пехотного батальона наступающим удалось проникнуть в сердце опорного пункта, после чего сопротивление быстро сошло на нет.

Зачистка аванпостов неприятеля на остальной части участка и обмен выстрелами продолжались все утро. Последние позиции были освобождены от неприятеля только в 13.30, и военнослужащие 11-й бригады соединились с пехотными частями нашей 1-й бригады в Рафахе.

11-я бригада потеряла одиннадцать человек убитыми и шестьдесят пять ранеными. Были выведены из строя два наших танка и одна полугусеничная бронемашина, однако их удалось починить и вернуть в строй.

Прошения о капитуляции египтян, направленные нам одно гражданскими, а другое военными властями сектора Газа, были приняты. Вот их тексты:

ПРОСЬБА ПРИНЯТЬ КАПИТУЛЯЦИЮ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА СЕКТОРА ГАЗА Я, бригадный генерал Махмед Фуад эль-Дагави, генерал-губернатор сектора Газа, представляющий Военное министерство, настоящим прошу командующего фронтом вооруженных сил Израиля, полковника Асафа Симхони, принять безоговорочную капитуляцию всей администрации на всей территории города и сектора Газа. Копия на иврите прилагается.

14.20, 2 ноября 1956 г.

Принято и подписано

Командующий Южным командованием

Подписано

Полковник Асаф Симхони

Бригадный генерал Махмед Фуад эль-Дагави, генерал-губернатор сектора Газа от имени Военного министерства Египта.

ПРОСЬБА ПРИНЯТЬ КАПИТУЛЯЦИЮ

КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЕГИПТА В СЕКТОРЕ ГАЗА Я, Гамаль-Адин Али, полковник (бигбаши), командующий египетскими войсками в секторе Газа, настоящим прошу командующего силами Израиля, полковника Асафа Симхони, принять безоговорочную капитуляцию мою и находящихся под моим командованием в секторе города Газа и его окрестностях регулярных, добровольческих и нерегулярных сил.

(Подпись) 2 ноября 1956 г.

Мы приняли капитуляцию от имени командующего Южным командованием.

Мишаэль Шахам, полковник, Аарон Дорон, полковник.

Овладение северной частью Синая завершилось. Наши части вышли к Суэцу: парашютисты на южном направление через

перевал Митла, 7-я бронетанковая бригада на центральном направлении через Джебель-Либни, а 27-я бронетанковая бригада на северном направлении через эль-Ариш. Стало возможным добраться из Тель-Авива к Суэцу тремя путями: по шоссе Газа — Кантара, по дороге Беершева — Исмаилия и по менее удобной дороге из Кунтилы на Порт-Тевфик.

Сегодня Британия и Франция вручили Хаммаршельду свои ответы на требования, содержавшиеся в резолюции Ассамблеи ООН от 1 ноября (о немедленном прекращении огня). Как и мы, они тоже сказали: «Да, но…»:

«1. В целях поддержания мира Израиль и Египет должны выразить согласие на ввод в регион сил особого назначения ООН.

2. ООН должна пойти на то, чтобы ее войска оставались в регионе до подписания окончательного мирного соглашения между Израилем и Египтом и до тех пор, пока не будет достигнуто разумных соглашений в отношении статуса Суэцкого канала.

3. Египет должен разрешить немедленный ввод в зону канала французских и британский войск, которые будут оставаться там до тех пор, пока не будут сформированы и направлены им на смену силы особого назначения ООН.»

Значение третьего пункта в том, что Британия и Франция не отказались от планов высадки в зоне канала. Слабость же их позиции в том, что десанты все еще находятся на кораблях где-то между Мальтой и Кипром и не могут быть высажены на египетском побережье до шестого числа. До тех пор британцам и французам придется оказывать противодействие нажиму словами, а не делами.

Бен-Гурион сильно сомневается, что Британии и Франции удастся устоять перед давлением Соединенных Штатов. Ему бы очень хотелось, чтобы они приступили к реализации своих планов и чтобы Израилю не пришлось оказаться в роли единственной мишени для политических нападок с требованием вывода войск (особенно со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза). Между тем он не является сторонником вовлечения Израиля в проблемы Суэцкого канала. На нашей с ним встрече сегодня он настоятельно напоминал о необходимости израильским частям держаться на расстоянии от канала. «У нас достаточно проблем и без Суэца, — сказал он, — и я не вижу смысла присоединяться к коалиции, противником которой является весь мир. Нам нужно думать о Синае, не вмешиваться в вопрос Суэца и не позволять запрячь себя в этот воз».

* * *

Вчера в 21.00 ко мне с визитом поспешно явился представитель управления французского военного атташе. Он сказал, что французское командование, участвующее в совместной операции Британии и Франции, крайне раздосадовано отказом британцев перенести дату высадки в зоне канала. Оговоренная дата — 6 ноября, но за день до этого, пятого, проблема Суэца должна вновь обсуждаться на заседании Ассамблеи ООН, и французы хотели бы к тому моменту уже находиться в зоне канала, чтобы иметь возможность выполнить требование о прекращении огня. Поэтому они считают необходимым перенести дату высадки на двое суток и ищут способа сделать это своими силами, без британцев.

План независимой операции состоял в том, чтобы высадиться к югу от Порт-Саида ранним утром 4 ноября и затем захватить город. Чтобы реализовать данное намерение, французы просят нас примерно в полдень того же дня взять восточную Кантару, расположенную на восточном берегу канала, к востоку от зоны предстоящей высадки французского парашютного десанта. Вступив в Кантару, мы осуществили бы прикрытие для парашютистов, обезопасили бы их с флангов и связали бы боем египтян в данном районе. Французский представитель добавил, что знает о пристрастии наших командиров к ночным операциям, и поскольку выхода у французов нет, днем они будут сражаться одни, зная, что ночью их поддержат израильтяне.

Я, естественно, ответил, что должен буду посоветоваться с министром обороны, однако, говоря с чисто военных позиций, даю немедленное согласие. Я смогу захватить восточную Кантару в полдень, ночью или утром — тогда, когда им будет удобно. Более того, я готов предложить французам — и, конечно, британцам тоже, если они пожелают все же принять участие в акции, — воспользоваться находящимся теперь в наших руках шоссе эль-Ариш — Кантара или любым другим маршрутом на Синае для выдвижения их войск к каналу.

Представителю французского атташе ничего подобного, по-видимому, в голову не приходило, и он не мог сразу же определиться, что ему предлагают, явную чушь или Колумбово яйцо. С чисто технической точки зрения, если бы французы пожелали воспользоваться одним из контролируемых нами на сегодня маршрутов, то получили бы возможность занять ключевые позиции в зоне канала без особых затруднений. Их бронетехника смогла бы выйти в район Порт-Саида, Кантары, Исмаилии и г. Суэц и овладеть ими полностью или частично еще до начала заседания Ассамблеи.

Мы обговорили некоторые детали, касавшиеся моего

предложения, и французский представитель поспешил с докладом к своему начальству. Он обещал этой же ночью известить меня о том, каково же будет решение. Я же отправился к Бен-Гуриону, которого нашел в добром расположении духа. Несмотря на то, что он несколько раз подчеркнул необходимость поторопиться с захватом Шарм-аш-Шейха, напряжения в нем не чувствовалось. Бен-Гурион ответил на предложение французов немедленным и категорическим «да». Упоминание о Кантаре всколыхнуло в нем волну теплых воспоминаний о временах еще Первой мировой войны, когда там состоялась конференция представителей еврейский боевых организаций. Он помнил почти слово в слово то, что говорили на встрече докладчики, начиная от уполномоченных движения «Молодых рабочих» и до партии «Рабочих Сиона». А ведь это было сорок лет тому назад!

Я вернулся в генштаб и сообщил французам, что подтверждаю данное ранее согласие. Однако лично я считаю, что на реализацию этого плана они не решатся. Ситуация уж очень щекотлива. Англо-французская операция «Мушкетер» зависит в большей степени от политических, чем от военных факторов. С военной точки зрения, у них не будет трудностей с овладением зоной канала и разгромом египетских войск, но на политическом фронте придется столкнуться с сильным противодействием Соединенных Штатов и Советского Союза и — что еще более серьезно — с общественным мнением внутри самой Британии. Не думаю, чтобы британцы стали сотрудничать с нами, как предлагал французский представитель. В конце концов они начали акцию под предлогом ультиматума, предъявленного не только Египту, но и нам, с требованием обеспечить порядок в зоне канала и прекратить боевые действия между нами и египтянами. Они требовали от нас (и от Египта), чтобы наши войска не приближались к каналу, а тут вдруг мы захватим восточную Кантару, которая находится прямо на берегу Суэца. Как они мыслят себе объяснять миру наше участие в операции, целью которой является остановить наше продвижение к Суэцкому каналу?

Поэтому я совершенно не удивился, когда спустя несколько часов получил ответ, что французы отозвали свою просьбу, поскольку они, как выясняется, не могут действовать без британцев. Те же ни при каких обстоятельствах не хотели отказываться от «закрученного на сто витков плана» — как с насмешкой отозвался французский офицер о плане союзников, в котором те намеревались задействовать всю свою армаду — и, разумеется, не желали поддерживать военных контактов и тем более вести совместные боевые действия с Израилем. В глазах

британского командования Израиль являлся государством, войска которого незаконным образом приближаются к Суэцу, а потому задача британских войск — открыть по израильтянам огонь, если те пересекут границы десятимильной зоны на пути к каналу!

Между прочим, это не только политический подход британцев, так же они поступают и на практике. Сегодня утром над Кантарой был сбит английский самолет, летчик катапультировался и приземлился всего в нескольких километрах от места, где стояло отделение израильских танков. Наши люди, видевшие, где опустился пилот, естественно, помчались ему на помощь, но британские истребители, спикировав, обстреляли дорогу из пулеметов. Поняв «намек», израильтяне повернули назад. Немного позднее прилетел британский вертолет и подобрал сбитого летчика.

Я очень сожалею, что англо-французское командование не передвинет дату начала высадки в зоне канала. Наши представители в ООН сообщают, что буря протестов против использования военной силы в Суэцком кризисе не только не утихает, но, напротив, набирает обороты. Мне остается надеяться, что 6 ноября, когда британцы с французами наконец начнут свою сухопутную операцию, мы уже завершим нашу кампанию.

* * *

Сразу же после моего возвращения из эль-Ариша, я отправился повидать Бен-Гуриона, которого нашел совершенно оправившимся от терзавшего его гриппа и в добром расположении духа. Премьер расспросил меня об обстоятельствах боев за Рафахский узел обороны и эль-Ариш, а также о том, что происходило на других фронтах. Он попросил направить к нему по отдельности командующих ВВС, Южного командования, командиров бронетанковых соединений и бригады парашютистов, чтобы он мог непосредственно от них выслушать донесения о сражениях, в которых участвовали их части.

Бен-Гурион дал мне различные инструкции. Генерал Бернс, возглавлявший организацию ООН по надзору за выполнением условий перемирия, требует возвращения наблюдателей ООН в сектор Газа. Бен-Гурион велел мне отказать ООН в этом. Мы вернем обратно тех представителей ООН, которые занимаются делами арабских беженцев, но не наблюдателей. «Между Израилем и Египтом нет мира, — сказал Бен-Гурион, — и мы не признаем границ, установленных в соответствии с Соглашениями о перемирии. Наши войска находятся на Синае, так за чем будут

наблюдать наблюдатели?» Я спросил его, каковы шансы наших войск остаться на Синае, и Бен-Гурион ответил, что надеется дать положительный ответ, но уверенности у него нет. «Мы не будем держаться за это столь же непреклонно, как в вопросе Иерусалима», — сказал он. Что же до предложения — не моего, мне такой вариант всегда казался нереалистичным — удалить беженцев из Газы и передать их соседним арабским государствам, Бен-Гурион решительно возражал. Конечно, для беженцев в Газе не хватает места, и было бы куда разумнее поселить их в Ливане, Сирии и Иордании, но только с согласия этих стран.

Я сообщил Бен-Гуриону, что морские суда Британии патрулируют воды вблизи Шарм-аш-Шейха и спросил, нет ли у него опасения, что британцы будут обстреливать наши войска. «Насчет британцев я не уверен, — ответил он, — но когда дело касается Министерства иностранных дел Британии, тут можно ждать чего угодно».

Прежде чем покинуть Бен-Гуриона, мне довелось услышать, как он по-отечески распекает чиновников, явившихся к нему со сказками вроде историй Иова о делах, происходящих на Ассамблее ООН. «Что вы так всполошились? — спрашивал он. — Пока они сидят в Нью-Йорке, а мы на Синае, все совсем не так плохо!»

Единственной задачей, которую оставалось выполнить, было взятие Шарм-аш-Шейха. 9-я бригада вышла из Рас-эн-Накба в 05.00 вчера, 2 ноября, и двинулась на юг вдоль западного берега Акабского залива. Расстояние, отделявшее Шарм-аш-Шейх от района сосредоточения бригады, составляло более 400 км (сто из них по территории Израиля). В первый день, то есть вчера, бригада покрыла сто пятьдесят километров — очень трудный участок пути, большая часть которого пролегала по глубоким пескам; при этом двигаться приходилось все время в гору.

Кроме проблем со слишком медленным продвижением, вызванных трудностью местности, нас волновал вопрос: какую поддержку сможет получить бригада, когда она развернет боевые действия? Пока, несмотря на мое глубокое уважение к «королям битвы» — пехотинцам, — большую часть побед мы одержали за счет ВВС и бронетанковых подразделений. Однако в составе 9-й бригады танковые части отсутствуют. Легкие танки, которые должен был доставить ВМФ, пока еще не прибыли. В то время как из-за большого расстояния, отделяющего аэродромы от района военных действий, продолжительность боевой работы каждого отдельного самолета ограничивается пятью — семью минутами.

Нам, конечно, неизвестно, сколь сильным будет противодействие египтян в Шарм-аш-Шейхе, но, блокировав пути

отступления и бегства противника, израильтяне могут вынудить его к ожесточенному сопротивлению. Я пожалел, что наши ВВС получили приказ топить египетские суда, которые будут пытаться эвакуировать своих солдат в Саудовскую Аравию. Зачем нам еще тысяча-другая пленных? Я бы предпочел, чтобы 9-я бригада пришла к Шарм-аш-Шейху и застала его покинутым. Наша цель — взять под контроль Тиранский пролив, а не меряться силами с египетскими войсками.

Мы решили усилить войска, предназначенные для овладения Шарм-аш-Шейхом. 9-я бригада атакует город с севера, а парашютисты поддержат ее с юга. Соответственно, командование бригады десантников получило приказы («Кадеш-6») передать ответственность за направление перевал Митла — Нахле находившейся в Ку-сейме 4-й пехотной бригаде, а самим выступать в южном направлении. По плану парашютно-десантному батальону предстояло покинуть позиции у памятника Паркеру прошлой ночью, 2 ноября, и на машинах выдвигаться к югу по дороге Рас-Судар — Абу-Зенима, пролегающей вдоль восточного берега Суэцкого залива. В то же время часть другого батальона должна была десантироваться с воздуха на аэродром эт-Тора, после захвата которого туда на самолетах переправился бы пехотный батальон. Мы рассчитывали захватить египтян в эт-Торе врасплох, прежде чем им успеют послать подкрепления.

Пятьдесят километров, отделяющие памятник Паркеру от Рас-Судара, — весьма трудный участок пути, но Рас-Судар и эт-Тор, между которыми примерно 170 км, соединяет дорога с гудронным покрытием. Потому, вполне вероятно, парашютисты смогут достигнуть Шарм-аш-Шейха одновременно с 9-й бригадой или даже раньше. Вчера я решил, что, как только представится возможность, вылечу в расположение 9-й бригады и побеседую с комбригом. Затем, если все пойдет по плану и десантники возьмут эт-Тор, я полечу туда и встречусь с ними. Требования прекратить боевые действия звучат все громче, а потому каждый день боев приносит новые политические сложности. Посему нужно приложить максимум усилий к быстрейшему завершению кампании, так что, несмотря на приказы, отправленные командирам, мне нужно лично повидаться с ними.

В полночь я собрал в генштабе совещание. Хотя с момента нашей последней встречи, на которой мы все были поглощены проблемами открытия кампании, прошло меньше недели, наша озабоченность выражалась ныне уже в том, что касалось завершения операции.

Через двое-трое суток мы начнем демобилизацию резервистов. Обеспечение порядка на завоеванной территории

Синая будет осуществляться преимущественно за счет бронетехники, ВВС и дозорных подразделений на легком автотранспорте.

Другим важным делом, требовавшим быстроты, являлся сбор трофеев. Убегая, египетские военные оставили на позициях и складах вдоль дорог большое количество вооружений и техники. Синайский полуостров наводнен бедуинам и спасающимися бегством египетскими солдатами. В двух случаях нашим людям приходилось встречать караваны нагруженных оружием и боеприпасами верблюдов. Потому нам надлежит со всей серьезностью заняться сбором и организацией хранения неприятельского снаряжения.

Общая численность потерь на сегодня немногим менее 100 чел. убитыми и почти 700 чел. ранеными, включая заболевших и пострадавших в результате аварий на дорогах. Каковы потери у противника, мы не знаем. Наши солдаты не занимаются подсчетом погибших и раненых египтян и не предоставляют соответствующих сведений. Несмотря на все попытки не брать пленных, они у нас есть — наверное, несколько тысяч. Совершенно непонятно, что с ними делать, даже где содержать, неясно. Пока не начались дожди, они могут побыть без крыши над головой. Генерал-адъютант уверяет меня, что наши солдаты не обижают пленных, и единственная форма мести выражается в том, что арабы получают израильские армейские пайки!

* * *

Сегодня утром я на Дакоте отправился с визитом в 9-ю бригаду и к парашютистам. Шли мы на малой высоте, с тем чтобы избежать «злого глаза» вражеских истребителей и дать мне возможность хорошенько осмотреть местность. Около Дахаба, километрах в ста пятидесяти к югу от Эйлата и семидесяти пяти к северу от Шарм-аш-Шейха, мы заметили колонну 9-й бригады.

Я связался с комбригом по рации. Утром разведывательное подразделение бригады после непродолжительной стычки с бедуинами из пограничного моторизованного батальона захватило Дахаб. Потери составили трое убитых и трое раненых. Колонна ждала, когда моряки из Эйлата на десантных судах подвезут топливо. Передовые части тем временем продолжали продвигаться на юг. Я вновь повторил комбригу, что Шарм-аш-Шейхом необходимо овладеть как можно быстрее. Я не сомневался в его решимости сделать все возможное, но мой

приезд и наш разговор развеяли у меня последние тревоги. Дорога оказалась намного труднее, чем ожидалось, и кто знает, какие еще трудности подстерегают нас на пути.

Более того, бригада уже имела столкновения с неприятелем, потому командир египтян в Шарм-аш-Шейхе знает о нашем приближении и может преградить нам путь. Насколько я могу судить после осмотра местности с воздуха, нет ничего проще. Колонна никак не сможет избежать прохождения по узкой вади, а дальше при движении на юг — участка между горами и морем. У египтян достаточно снаряжения, подходящего для того, чтобы блокировать нам путь: мины, артиллерия, противотанковые орудия и транспортеры Брена, способные передвигаться по песку.

Мы не в состоянии изменить маршрут 9-й бригады и поэтому должны максимально обеспечить ее поддержкой с воздуха, а также облегчить ей задачи, одновременно атаковав противника в Шарм-аш-Шейхе силами парашютистов с юга.

Из Дахаба мы направились на запад, перелетели высокие горы центрального Синая и приземлились в эт-Торе, на берегу Суэцкого залива. Южный Синай совершенно не похож на северный. Высота гор в центре не менее 2000 м, и с воздуха они кажутся этаким обширным комплексом гигантских пирамид, теснящихся друг к другу. Только на самом юге треугольник полуострова окаймлен узкой полоской ровной земли.

Эт-Тор взяли ночью две роты парашютистов. Они десантировались на закате при сильном ветре, и многие получили травмы, в том числе и командир батальона, который сломал лодыжку и был отправлен в госпиталь. После того как парашютисты овладели летным полем, военнослужащие из наземных служб ВВС — высаживавшиеся вместе с десантниками, — привели его в порядок и приготовили для приема самолетов. Вскоре заработал «воздушный мост» с Израилем. В течение ночи наши «Дакоты» и Норды совершили двадцать три самолетовылета, даже авиакомпания «Эль-Аль» внесла свой скромный вклад — два самолетовылета. Авиация доставила в эт-Тор целиком пехотный батальон со всем его снаряжением, а также привезла необходимое оружие и боеприпасы для десантников.

Я обрисовал ситуацию командирам рот парашютистов и приказал им перед наступлением темноты выдвигаться к аванпостам у Шарм-аш-Шейха. Самим им, конечно, города не захватить, но они помогут парашютному батальону, выступившему от перевала Митла. Кроме того, египтянам в Шарм-аш-Шейхе будет «полезно» узнать о том, что наши войска приближаются к ним с двух направлений. Это облегчит задачу 9-й

бригады.

Из-за сильного ветра сброшенные нами на парашютах джипы вышли из строя при приземлении. Парашютисты отремонтировали часть из них, а также разжились еще некоторым количеством транспортных средств у командира пехотного батальона, который был назначен «губернатором» эт-Тора и, обшарив городок и его окрестности, собрал немало легких грузовиков и джипов у гражданского населения.

У меня сложилось впечатление, что офицеры-парашютисты «не грызут удила» и не рвутся в бой. Раньше они сами требовали, чтобы их послали в атаку, а теперь, даже получив от меня приказ, не демонстрировали энтузиазма. Наверное, все дело в том, что с ними нет их комбата, к тому же они не испытывают обычной уверенности в себе из-за нехватки транспорта и из-за того, как поспешно планировалась операция по захвату эт-Тора. Должен признать, на сей раз мы действительно прыгнули выше головы. Мало того, что приказ об овладении эт-Тором поступил в день акции, вследствие чего у десантников почти не осталось времени на подготовку и изучение местности, так еще в соответствии с первоначальными планами одну роту предполагалось направить в эт-Тор, а другую — в окрестности Шарм-аш-Шейха. Однако поступили донесения о том, что обстановка вокруг Шарм-аш-Шейха противоречива, и мы внесли коррективы в схему предстоящих действий десанта. Первоначально нам сообщили, что противник оставил город и что на оборонительных позициях никого нет. Затем, вернувшись с боевого задания, наши летчики рассказали о сильном зенитном противодействии, с которым им довелось столкнуться над городом, и о том, что там находятся крупные силы неприятеля. В связи с этой информацией мы и изменили план. Вторая рота находилась на пути к Шарм-аш-Шейху и даже приближалась к зоне выброски, когда в воздухе появился специально посланный «Метеор», пилоту которого удалось передать командиру роты десантников, чтобы те высаживались в эт-Торе.

В любом случае, хорошо, что обе роты сосредоточены в одном и том же месте. Вместе с парашютным батальоном, который достиг эт-Тора ближе к вечеру (после того, как я уже улетел оттуда), они будут представлять собой грозную силу.

Поговорив с десантниками, я обсудил с командиром пехотного батальона ряд возникших в городе проблем с гражданским населением. Эт-Тор — центральный перевалочный пункт на пути паломников в Мекку. В городе имеется гавань с небольшим молом, карантинные кварталы, госпиталь для прокаженных и полуразвалившаяся гостиница. Население занято

рыболовством и выращиванием фиников на плантациях в прилегающих районах. Обычно тут дислоцировалось небольшое подразделение египетских военных, но они, как видно, разбежались при приближении наших самолетов. Я приказал комбату отменить комендантский час, введенный парашютистами в прошлую ночь, и помочь жителям как можно быстрее вернуться к нормальной жизни — позволить им работать в рощах и ловить рыбу в прибрежных водах. Затем я встретился с православными монахами. В эт-Торе живет коммуна из семидесяти христианских семей, которые, среди прочего, занимаются поставками съестных припасов из Египта в монастырь Святой Катерины. В настоящий момент им ничего не нужно, но в дальнейшем нам придется проследить, чтобы они получали все необходимое.

Я хотел пойти и осмотреть обрабатываемые поля у подножия гор, но времени не осталось. Ничего, в следующий раз.

В полдень мы отправились обратно, чтобы сделать по пути несколько остановок. Сначала мы совершили посадку на перевале Митла, где я повидался с командиром бригады парашютистов, обрисовал ситуацию вокруг Шарм-аш-Шейха и рассказал о встрече с командирами рот в эт-Торе. Он обещал разобраться в этом вопросе и выразил уверенность, что когда его батальон — тот, что вышел с перевала Митла прошедшей ночью, — доберется до эт-Тора, силы десантников консолидируются, и они будут готовы к штурму города. Я попросил комбрига лишний раз напомнить личному составу о необходимости избегать нанесения ущерба объектам в районе Рас-Судара, принадлежащим итальянским, британским и другим иностранным компаниям. У нас и так довольно проблем, чтобы увеличивать их число.

С перевала Митла мы полетели на восток. Здесь, на центральном Синае, под нами проплывали привычные пейзажи — песчаные озера дюн, лёссовые долины и известняковые горы. На летном поле в Бир-Хаме я встретился с командиром 7-й бронетанковой бригады, которая в этой кампании вела наиболее активные боевые действия и захватила больше всех неприятельских позиций. В настоящий момент бригада контролировала центральное направление и ждала, когда на смену ей придут пехотные батальоны. Танки и полугусеничные бронемашины основательно нуждались в техобслуживании, а люди — хотя бы в небольшой передышке.

Следующей крупной остановкой стал эль-Ариш. Я провел короткое совещание с командующим войсками в данном районе, который доложил мне о состоянии частей и о том, какие шаги были им предприняты с целью восстановления нормальной жизни гражданского населения города, оборудования лагерей

военнопленных, а более всего, для сбора и охраны военных трофеев, взятых нами в Абу-Агейле и Рафахе. Хорошо, что этот район, где во множестве возникают разного рода проблемы, находится в руках ответственного человека. Наша способность или неспособность разрешать сложности с беженцами в секторе Газа, не допускать грабежей и хулиганства, а также сберечь ценные египетские трофеи — тест для нас, причем ничуть не менее сложный, чем с честью выдержанная проверка боем.

Хотя время было уже позднее, я отправился осмотреть фиговые плантации. Целые леса пальм в районе эль-Ариша занимают протянувшуюся на несколько километров к западу вдоль побережья узкую полоску земли. Арабские крестьяне выкапывают глубокие ямы — бывает, три на четыре с половиной метра — стремясь посадить саженцы так, чтобы корни смогли достать подземные воды. На протяжении лет, пока пальмы растут, в ямы набивается песок и заравнивает их, однако деревья все равно продолжают получать воду. Ни на равнине Арава возле Мертвого моря, ни в долине Бейт-Шеан, ни даже на берегах Галилейского моря не видел я таких замечательных плантаций.

Сегодня в 19.00 я прибыл на КП генштаба. Что касается главного пункта предстоящей повестки дня — захвата Шарм-аш-Шей-ха — инспекционная поездка не способствовала умалению моих тревог.

4 ноября 1956 г.

В 08.00 состоялась встреча в генштабе. После речи, произнесенной Иденом накануне вечером, можно все же ожидать высадки англо-французских войск в Порт-Саиде послезавтра. Наши люди должны занять Шарм-аш-Шейх сегодня или, в крайнем случае, завтра утром, что будет означать завершение военных действий в рамках кампании на Синае. В соседних арабских странах (за исключением Египта) нет видимых признаков подготовки к грядущим военным действиям. В Иордании назревает внутренний кризис; король сместил начштаба, Али Абу-Навара, и назначил на его место эль-Хиари.

В сложившейся обстановке нет необходимости оттягивать демобилизацию резервистов. Они нужны в гражданской жизни. Поэтому мы решили к концу недели отправить по домам три пехотные бригады, по одной из каждого командования (Южного, Центрального и Северного), а также военнослужащих из частей поддержки (артиллеристов, саперов) и обеспечения. Государству Израиль еще не раз придется призывать на службу солдат и офицеров запаса, а потому народ должен знать, что делается это лишь в случаях острой необходимости, а сроки ограничиваются рамками фактической потребности, при первой же возможности

резервистов отпускают, чтобы те могли вернуться к своей обычной жизни и повседневным трудам.

Во второй половине дня я на машине отправился в сектор Газа. На границе между ним и Израилем через Вади-Хаси был возведен мост Бейли[64], проехав по которому, мы оказались на старом шоссе Газа — Тель-Авив. Рабочие занимались приведением в порядок покрытия дороги, которую никто не ремонтировал в течение восьми лет, а другие укладывали шпалы железнодорожной ветки, идущей параллельно шоссе. Египетские власти распорядились разобрать пути или же то постарались местные крестьяне, так или иначе рельсы и шпалы отсутствовали на протяжении семи километров дороги. Однако же восстановление ее не займет много времени. На следующей неделе можно будет на поезде добраться из эль-Ариша через Рафах и Газу в Тель-Авив, Иерусалим и Хайфу, что особенно важно ввиду начала сезона сбора урожая цитрусовых. В секторе множество апельсиновых рощ, и будет необходимо отправить из Газы в Европу через Хайфу что-то около 300 000 ящиков апельсинов.

Земля по обеим сторонам дороги повсеместно сельскохозяйственного значения и интенсивно обрабатывается. Она разделена на небольшие наделы, с овощами, фруктовыми деревьями, в том числе цитрусовыми, нет ни единого свободного клочка. Неудивительно. Сомневаюсь, что найдется второе место в мире, где бы плотность населения была бы столько же высока. На площади в 330 000 дунамов (четыре дунама равны одному акру[65]), более половины которой занимают песчаные дюны, проживает 100 000 коренных жителей и 180 000 беженцев — примерно два человека на один дунам сельскохозяйственной земли.

Комендантский час, введенный в Газе спустя два дня после взятия города, сохраняется. Танк, подбитый из базуки во время штурма, так и стоит на центральной площади как монумент. Не ослабевает поток солдат, проходящих и проезжающих по вонючим улочкам, — уже неделя прошла, как не вывозится мусор. Грустное зрелище, но ничего не поделаешь. Теперь война закончена, и население Газы сможет вернуться к нормальной жизни. Нет ни малейших опасений насчет возможных беспорядков. Если уж армия не хочет воевать, гражданские и подавно бунтовать не станут.

Полчаса потратили на осмотр города. За исключением нескольких прекрасных особняков, утопающих в зелени садов, в большинстве случаев жилища горожан — жалкие полуразвалившиеся строения. На берегу несколько рыбацких

лодок и батарея артиллерийских орудий, которые египтяне успели вывести из строя перед тем, как сбежать. Вид у Газы такой, какой и должен быть после восьми лет отсутствия администрации, заинтересованной в развитии городской инфраструктуры. Это точно не та Газа, ради жизни в которой Самсон покинул холмы Иерусалима.

Штаб-квартира военного губернатора располагалась в здании полиции. Его еще тоже не успели вычистить и привести в надлежащий вид. В комнатах полный кавардак: буфеты и столы валяются перевернутые, ящики выворочены, всюду горы бумаг. Не знаю, чья это работа — убегавших египтян или солдат-победителей.

В одном из помещений мы подобрали несколько старых арабских стульев с традиционно богатой бархатной, но уже изрядно потертой обивкой и уселись обсудить сложившуюся обстановку. 180 000 арабских беженцев. Примерно половина—95 000 человек — проживают в восьми лагерях, разбросанных по всему сектору. Остальные пристроились среди местных жителей. На настоящий момент занимался ими — проблемами их питания, здравоохранения и образования — не Египет, а специальное управление ООН. Нам надо, чтобы оно смогло возобновить свою работу. У него наличествует для этого необходимый персонал — около 3000 местных жителей и иностранцев — и склады со всем необходимым, запасов на которых хватит до будущих поставок продовольствия. Конечно, возникает сразу несколько вопросов: статус сотрудников управления (куда входят местные арабы, ливанцы и пр.), маршруты, по которым будут проводиться поставки в будущем (до настоящего момента они осуществлялись через Египет), какая валюта будет использоваться, а также еще целый воз проблем, решать которые придется в том числе и нам. На сегодняшний момент главное в том, чтобы оказание помощи беженцам продолжалось. Это гуманитарная и политическая проблема первостатейной важности — содержание 180 000 человек сопряжена с огромными сложностями, которые Израиль не может взвалить на свои плечи. На сегодняшний момент соответствующее подразделение ООН не уведомило нас о своем намерении свернуть выполнение миссии и продолжает работать в обычном режиме. Напряженность возникла только в первый день, когда беженцы попытались разграбить склады с продовольствием и одеждой, но нанесенный ущерб оказался невелик.

Местное население сектора в основном живет в городах, а в его центре, городе Газа, постоянно проживает примерно 60 000 человек и еще 50 000 обитает в лагерях для беженцев.

Египет рассматривал сектор Газа как свою колонию. В

соответствии с египетскими законами территория находилась под властью Военного министерства и Министерства флота, наделенного правами, сходными с теми, которыми обладает Британское министерство по делам колоний и заморских территорий. На практике египтяне вели себя точь-в-точь как британцы. Основные посты в администрации занимали египтяне, а более скромные должности принадлежали палестинцам из местных. (Правда, аппарат у египтян достигал 3000 чел., тогда как у британцев во время мандата всего 1000.) В своей политике по отношению к местному населению египтяне также подражали британцам. Они вручили управление экономикой — не без выгоды для себя — тонкой прослойке городских богатеев, которые еще больше наживались на чрезвычайно низко оплачиваемом труде рабочих, получивших в день от семи до десяти египетских пиастров[66]. Все это лишь увеличивает пропасть между втоптанными в грязь, измученными нищетой беженцами и группой богатых землевладельцев, купцов и городского чиновничества (все они частенько ездили в Египет в увеселительные поездки, во время которых обновляли и поддерживали свои связи). Проживали эти близкие к правительственным кругам лица на шикарных виллах, выросших среди песчаных дюн отдельно от городских кварталов. Самой роскошной была, конечно, резиденция генерал-губернатора. Хотя когда я посещал ее, она находилась не в лучшем виде, поскольку беженцы воспользовались моментом «междуцарствия», ворвались туда и украли все, что представляло какую-то ценность, и попутно вынесли все окна и двери.

Назначенный египтянами мэр, тоже, разумеется, принадлежал к кругу приближенных. Наш военный комендант намерен заменить его другим представителем нобилитета Газы, Рушиди эль-Шава, которого считают человеком прямым, простым и которого примет население. В общем и целом, городские нотабли не выказывают нежелания сотрудничать с нами. Напротив, не успели мы овладеть городом, многие из них принялись обивать пороги наших представителей с выражениями готовности работать в общественных институтах или в штате нового губернатора. Некоторые были готовы даже «идти на жертвы» ради своего народа и предлагали ненадолго взять их под стражу, намекая на то, что это поднимет их престиж у соотечественников (подразумевалось, что пяти-шести дней в тюрьме будет достаточно). Готовность местных бонз к сотрудничеству значительно облегчала задачу.

Пока имел место всего один случай обстрела наших солдат из арабского дома (там прятались фидаины). Местный

муниципалитет, с нашей подачи, восстановил работу с самого первого дня взятия Газы, на него была возложена ответственность обеспечивать элекро- и водоснабжение, а также оказание услуг здравоохранения. Кроме того, муниципалитету было поручено заниматься погребением египетских и палестинских солдат, погибший в боях в городе и на пограничных заставах.

Наиболее сложная задача на сегодня — это взятие под стражу прячущихся в городе солдат противника и сбор оружия. С тяжелым снаряжением, брошенным египтянами на позициях, трудностей нет, но вот стрелковое оружие во многих случаях исчезло. Кроме того, за несколько дней до начала боев египетские власти раздали местному населению большое количество винтовок и автоматов, в надежде, что граждане станут сражаться против нас. Сразу же после взятия сектора под контроль наш комендант отдал приказ всем гражданским лицам сдать оружие. Пока сдано около тысячи единиц пулеметов, винтовок и пистолетов, но нет никакого сомнения, что большую часть оружия население припрятало. Как мы узнали, в Иордании оружие и боеприпасы в большой цене, а потому бедуины и другие любители поживиться за чужой счет по ночам возят винтовки и патроны на гору Гермон. (Расстояние от сектора Газа до границы с Иорданией от тридцати пяти до пятидесяти километров.)

Интересен подход наших людей к решению этой проблемы. В течение многих лет мы прятались от облав мандатной администрации, пытавшихся лишить нас оружия, теперь мы сами применяем в Газе те же приемы — и, конечно, с теми же результатами!

Что до египетских солдат, некоторые из них, преимущественно офицеры, по берегу ушли в Египет, но остальные смешались с населением Газы, Хан-Юниса, Рафаха и окрестных деревень. Те, кому не удалось добыть себе гражданской одежды, сбросили форму и разгуливают в исподнем, иные даже в полосатых пижамах. В дополнение ко всему, где-то в городе еще скрываются фидаины, приписанные к египетской разведке, и несколько сотен преступников — в честь нашего прихода египетские власти открыли ворота тюрьмы.

И последняя проблема, с которой нам пришлось столкнуться, — мародерство со стороны наших военных и гражданских лиц. Сначала они врывались в лавки в поисках скрывающихся вооруженных солдат противника, но позднее группы наших военнослужащих и жителей ближайших поселений запустили руки в имущество, которое из-за введения комендантского часа оставалось без охраны. В конце концов наша военная полиция взяла ситуацию под контроль, но до тех пор

мародеры успели нанести ущерб как имуществу арабов, так и нашему престижу.

Позднее, во второй половине дня, когда я уже собирался отбыть в генштаб, комендантский час был отменен, и люди высыпали на улицы, кто-то — чтобы что-то купить, кто-то — чтобы увидеться с друзьями и близкими, но большинство просто из желания побыть на улице, походить и посмотреть, что происходит. Сначала они передвигались точно воры в ночи — глаза бегают, носы опущены, говорят шепотом. Но через несколько минут тихое бормотание превратилось в разноголосый рокот, послышались возгласы, смех, и буквально на глазах мертвый город ожил. Единственное, чего не хватало в этой картине, так это гор сочных арбузов, которыми так славится Газа. (Ежегодно из сектора Газа в арабские страны экспортируется около 5000 тонн арбузов, не считая того, что поглощается местными жителями!)

Уезжая из города, я взобрался на гору Тель-Али-Мунтар. Этот длинный хребет совершенно справедливо считался на протяжении веков ключом к Газе. С вершины видно, что он полностью господствует над долиной к востоку. (С запада Газу защищает море, а с севера и с юга — песчаные дюны.) Египтяне укрепили хребет, установив на нем артиллерию и пулеметы, связав огневые точки ходами сообщений. Я старался не забываться и не стал подходить слишком близко к заграждениям, где еще вполне могли остаться необезвреженные мины, но исследовал египетские окопы и не был разочарован. В одном из них, на северном склоне Али-Мунтар, я увидел нечто похожее на человеческие кости. Копнув поглубже, я обнаружил могилу жителя Ханаана, похороненного здесь, наверное, где-то в 1300 г. до н. э. Там я нашел кувшин и блюдо с остатками жертвоприношения в виде пищи. Посуда характерная для того периода. Края блюда подвернуты внутрь, кувшин конусообразный с круглым донышком и с ручками по бокам. На дне у таких сосудов часто обнаруживаются небольшие ковшики, предназначенные для того, чтобы зачерпывать масло или вино. Я еще не счистил грязь с кувшина — это необходимо делать очень осторожно[67].

На протяжении шести суток боев я успел поговорить со всеми командирами наших бригад, за исключением комбрига 1-й бригады. Необходимо сказать ему теплые слова, которые он вполне заслужил за то, как дралась его часть при захвате Рафахского узла обороны, где происходили основные бои на северном направлении и где его бригада играла главную роль. Я предпочел бы поздравить его лично и обязательно сделаю это, но

пока написал ему небольшое письмо:

Дорогой Б.[68]

В этой войне «огня и маневра» мне за четыре последних дня боев так и не удалось встретиться с Вами, о чем я искренне сожалею. Даже в эль-Арише, откуда я только что вернулся, мы с Вами разминулись. Я думал, вы с Х. Б. Л[69], и хотел двух вещей: во-первых, увидеть Вас и побеседовать с Вами о том, как вы «поживали в эти дни», во-вторых, как человек, крайне довольный действиями Вашей бригады, по-товарищески пожать вам руку.

Когда будете в Тель-Авиве, постарайтесь заскочить ко мне. Если не сможете, я попробую поймать Вас в эль-Арише.

А на сем, шалом.

* * *

Из разных источников — из британских, египетских и от наших летчиков — поступает информация о случаях боевых столкновений с участием британских военных кораблей, наших самолетов и египетских судов.

Все началось с египетского фрегата «Домиат», который перевозил египетскую воинскую часть из г. Суэца в Шарм-аш-Шейх с целью усиления тамошнего гарнизона. Наши ВВС отправились атаковать корабль, но британская эскадра, патрулировавшая подходы к Суэцкому заливу, оказалась на месте раньше и пустила «Домиат» ко дну вскоре после наступления темноты 1 ноября.

Затем британцы подняли на борт уцелевших моряков с фрегата и продолжили патрулирование. Во второй половине дня 3 ноября эти корабли находились в Тиранском проливе около Шарм-аш-Шейха. Примерно в это же время два звена «Мистэров» наших ВВС поднялись в небо, чтобы атаковать египетское судно, замеченное около Рас-Насрани, в пятнадцати километрах к северу от Шарм-аш-Шейха. Первая четверка «Мистэров» зашла на цель. Как видно, корабль был сработан некачественно, потому что раскололся на две части и затонул. Когда наши самолеты после выполнения задания ложились на обратный курс, летчики обнаружили около побережья крупное судно. Приблизиться они не могли, потому что у них заканчивалось горючее, но сообщили о корабле следовавшему за ними второму звену. Когда вторая четверка оказалась в заданном районе, пилоты увидели, как корабль, изменив курс, на всех парах идет прочь от Шарм-аш-Шейха. Командир звена не сомневался, что видит внизу правильную цель и, несмотря на плотный заградительный огонь с

корабля, спикировав, нажатием одной кнопки выпустил по противнику все тридцать восемь реактивных снарядов. Три остальных «Мистэра» проделали то же самое. Судном, которое они атаковали, оказался британский фрегат, корабль ее величества «Крейн». Он получил повреждения, хотя и незначительные, поскольку ракеты не были бронебойными. Самолеты тоже ушли целыми, невзирая на серьезное зенитное противодействие, оказанное «Крейном».

Сообщение о другой ошибке, произошедшей в том же районе, когда мы потеряли один из наших «Мистэров», по всей видимости, наложилось на инцидент с «Крейном». Где-то в кабинетах военной разведки два происшествия слились в одно, и сбитый «Мистэр» записали на счет британского фрегата. В действительности оба эпизода не имели между собой никакой связи. Подлинная же история с этим «Мистэром» такова. Позавчера, 2 ноября, в полдень, звено из четырех «Мистэров» отправилось для атаки наземных целей в Рас-Насрани и Шарм-аш-Шейхе. Самолеты летели низко, и два из них получили повреждения от зенитного огня противника. Одна машина сумела дотянуть до базы, но вторая загорелась, и майору Бенни Пеледу пришлось катапультироваться. Истребитель еще в течение нескольких секунд находился в небе, а потом упал и взорвался. Бенни, которого отнесло ветром к египетскому лагерю, приземлился километрах в двух с половиной от оборонительного аванпоста. При приземлении он ударился и повредил колено. Невзирая на боль, он, представляя себе, что будет, если он угодит в плен к противнику, прошел примерно километра три — три с половиной по горам, цепью пролегавшим на западе. Египтяне, которых послали на поиски сбитого пилота, пытались поймать его, ориентируясь на парашют, который ветром отнесло в противоположную сторону. Тем времени Бенни без помех достиг небольшого холма у подножия гряды. Забравшись наверх, он с удивлением обнаружил всего метрах в 200 от того места, где находился, хижину, рядом с которой сидели два египетских солдата. Однако он был так утомлен, что решил остаться там, где был. Вскоре появился «Пайпер» и начал кружить над местом, где догорал «Мистэр». Бенни попытался подать сигнал с помощью чехла парашюта, который прихватил с собой. Но летчик «Пайпера» ничего не увидел и улетел. Два часа спустя, в 17.00, «Пайпер» вернулся и на сей раз расширил круг поисков, приблизившись к горам. Пилот заметил машущего Пеледа. Не будучи уверен, кто это, он выключил двигатель, спустился пониже и прокричал: «Ты Бенни?» Увидев, что человек на земле закивал, летчик посадил машину на берегу моря, менее чем в 500

метрах от египетского лагеря, а затем начал рулить в направлении Бенни, который пополз к нему. Летчик и наблюдатель, находившийся вместе с ним в самолете, втащили свой «трофей» в кабину и поспешили взлететь.

Особого упоминания заслуживают два египетских солдата, сидевших около хижины на холме. Все то довольно продолжительное время, пока Бенни подавал сигналы, пока летчик опознавал его, садился, рулил по земле, а потом, загрузив Пеледа, взлетал, оба солдата так и сидели без движения, оперевшись на винтовки, и с интересом наблюдали за происходящим.

«Мистэр» майора Пеледа — единственный реактивный самолет, который мы на сегодняшний день потеряли[70]. Мы лишились еще девяти поршневых машин: семи «Мустангов» и двух «Харвардов». Примечательно, что все они были сбиты зенитным огнем, а не в воздушных боях, и большинство из них — семь из десяти — мы потеряли в первые дни, 30 и 31 октября, еще перед тем, как в дело вступила англо-французская авиация. Командующий сухопутными силами Египта имеет все основания жаловаться на то, что египетские ВВС не утруждались тем, чтобы защищать пехоту, которой приходилось заботиться о себе самой.

Машины с поршневыми двигателями были сбиты потому, что они совершили очень много вылетов по наземным целям, летая в основном на бреющем полете. Дело в том, что многие из этих самолетов пилотировались молодыми и не имевшими боевого опыта летчиками, они спускались на предельно малую высоту слишком рано и превращали себя в хорошую мишень для ПВО противника, давая зенитчикам возможность как следует прицелиться.

Среди наших пилотов — не считая тех, кто служил в эскадрилье «Пайперов» — шестеро были ранены, а двое погибли. Один из раненых попал в плен к египтянам, но остальные пятеро вернулись на базу, трое самостоятельно, двоих вывезли с вражеской территории самолеты-спасатели.

Рекорд «дальности» среди возвращавшихся с неприятельской территории летчиков поставил капитан Пац. Он шел пешком, и ему потребовалось почти тридцать часов на то, чтобы добраться до наших позиций. Его самолет 31 октября сбили зенитчики, когда он и еще два «Мустанга» атаковали колонну бронетехники в районе Бир-Гафгафы. Когда он увидел, что стрелка прибора, показывающего давление масла, на нуле, а из двигателя валит черный дым, он набрал высоту 400 м, выбрал более или менее ровную полоску земли, выключил мотор и сел «на брюхо». В других условиях он бы предпочел выпрыгнуть с парашютом, но на

сей раз побоялся, что купол привлечет внимание находившихся поблизости египетских солдат, и они подстрелят его прежде, чем он достигнет земли.

Когда самолет остановился, Пац выскочил из него и спрятался в кустах пролегавшей поблизости вади. Убедившись, что противник его не разыскивает, он, оценив ситуацию, зашагал в направлении Бир-Хасны, в надежде, что там ему встретится израильская часть. Он шел всю ночь и добрался до Бир-Хасны незадолго до рассвета. Решив не рисковать, он спрятался за ближайшим холмом и стал ждать утра. Сделав так, Пац поступил очень разумно, поскольку когда рассвело, он подполз к лагерю и обнаружил там египтян. Оставался один выход — идти дальше в направлении Израиля. Во вторую ночь он переменил направление и вместо юго-востока пошел на северо-запад, стремясь добраться до Джебель-Либни. Он шел еще одну ночь, чтобы наконец достигнуть цели и встретиться с израильтянами.

Главной проблемой подобных путешествий по пустыне, конечно же, является вода. Как и все пилоты, Пац имел при себе маленькую фляжку на двести граммов воды и пакетик леденцов. Воду он прикончил через два часа после посадки, поскольку в самом начале похода ему, чтобы обогнуть Джебель-Ялек, пришлось преодолевать трехсотметровый подъем. Забравшись наверх, Пац почувствовал такую жажду, что решил разом выпить всю воду.

Стремясь избежать жары и встречи с бедуинами или египетскими солдатами, Пац передвигался только ночью. Днем он прятался в валунах, выкапывал в песке яму и пережидал так до заката.

Чтобы бороться с жаждой, он сосал леденцы. Добравшись до своих, он без устали воспевал этот продукт, хотя и говорил, что летное начальство могло бы снабдить пилотов не такими дешевыми леденцами, которые приклеиваются к обертке! Леденцы он разделил на две части и сосал их вместе с маленькими листьями мясистых пустынных растений, росших в вади. Листья содержали сок, но были горше желчи, хотя леденцы немного отбивали неприятное послевкусие.

Пац заметил, что на кустах, покрытых пылью, собиралось особенно много росы. По-видимому, влага обволакивала частички пыли, и, хотя пить или лизать росу было нельзя, Пац обтирал этой влажной грязью открытые участки тела — руки, шею, лоб. Когда путешествие капитана Паца завершилось, у него еще оставалось четыре леденца. Если бы он не встретил израильтян в Джебель-Либни, то, как он планировал, побрел бы в Кусейму. Имея эти четыре леденца для подслащения горького сока

растений и пользуясь «лосьоном» из росы и грязи, он рассчитывал продержаться еще одну ночь и даже две.

6 ноября 1956 г.

В последние сорок восемь часов пика достигли три кампании: наша («Кадеш»), международная и англо-французская.

Сессия Ассамблеи ООН продолжилась в Нью-Йорке 3 ноября. На ее открытии Генеральный секретарь Даг Хаммаршельд объявил, что Британия, Франция и Израиль дали негативный ответ на требования Ассамблеи в отношении прекращения огня и вывода войск. С другой стороны, сообщил он, правительство Египта объявило, что принимает условия и готово отдать солдатам приказ прекратить военные действия.

Советский Союз и его сателлиты из афро-азиатского блока потребовали полного подчинения требованиям резолюции со стороны трех агрессоров (Британии, Франции и Израиля). Представитель Соединенных Штатов, Генри Кэбот Лодж, предложил учредить две международные комиссии, одна из которых занялась бы поисками разрешения арабо-израильского конфликта, а другая — проблемами Суэца. Принято было третье предложение, сделанное министром иностранных дел Канады Лестером Пирсоном и поддержанное Хаммаршельдом. В соответствии с этим предложением, для претворения в жизнь решений Ассамблеи предполагалось создать международный вооруженный контингент. Вот текст резолюции Пирсона:

Памятуя о насущной необходимости облегчения процесса претворения в жизнь резолюции, принятой Ассамблеей 2 ноября 1956 г. (A/3256), Ассамблея в срочном порядке просит Генерального секретаря в течение сорока восьми часов предоставить ей, при условии согласия всех заинтересованных стран, план создания чрезвычайных сил ООН для обеспечения режима прекращения огня в соответствии с вышеупомянутой резолюцией.

Британия и Франция, требовавшие международного надзора за Суэцем, не могли оспорить канадскую резолюцию, а потому вместе с Израилем воздержались при голосовании. Даже для Египта при сложившихся обстоятельствах она была меньшим из двух зол. Советский блок, Новая Зеландия и Южная Африка тоже воздержались; итак, резолюцию приняли без единого голоса против при шестнадцати воздержавшихся.

Принятие этого документа не могло, конечно, помешать Индии предложить, а Ассамблее принять еще одну резолюцию, вновь призывавшую вовлеченные в конфликт стороны немедленно приступить к выполнению резолюции ООН от 2 ноября о прекращении огня и выводе войск.

Ближе к концу заседания, проводившегося в ранние часы 4 ноября, на Британию, Францию и Израиль вновь было оказано давление с целью добиться немедленного принятия решений ООН. Представитель Израиля попросил слова и заявил, что «Израиль согласен на немедленное прекращение огня при условии, что такой же ответ последует и от Египта». Я могу представить себе, что наш представитель рассчитывал, что к моменту поступления ответа из Египта, Шарм-аш-Шейх будет уже в наших руках. Даже если бы прекращение огня вступило в силу через несколько часов, ничего плохого бы не случилось. Главное заключалось в том, что мы выразили готовность следовать резолюциям ООН.

Правительства Британии и Франции, однако, чуть из кожи не вылезли, когда узнали о заявлении представителя Израиля. В конце концов они то и дело повторяли, что причина предстоящего ввода их войск в зону канала состоит в том, чтобы развести воюющие армии Израиля и Египта. Если же обе воюющие стороны складывают оружие, тогда для чего нужна англо-французская интервенция? В этой ситуации особенно сложным оказалось положение британского премьер-министра. Общественное мнение в стране против войны в Египте, волна недовольства нарастает день ото дня, на улицу выходят протестующие с плакатами: «Идена в отставку!» В связи с этим Британия обратилась к Франции с просьбой употребить весь свой вес на то, чтобы убедить Израиль отозвать заявление о согласии на прекращение огня. Франция попросила нас не предпринимать действий, способных поколебать непрочный фундамент позиций Идена в Суэцком вопросе. Французы объяснили нам как наши друзья, что, если мы не откликнемся на просьбу британцев, Идену придется полностью отказаться от реализации военных планов относительно Суэцкого канала.

Взвесив все «за» и «против», Бен-Гурион решил внять мольбам французов, и в полдень 4 ноября израильский представитель при ООН уведомил Хаммаршельда, что наше заявление на Ассамблее было неправильно истолковано. Он (наш представитель) только хотел сказать, что в настоящий момент на всех фронтах состояние прекращения огня существует defacto. Что же до выполнения Израилем требований, изложенных в резолюции Ассамблеи, оно возможно при условии удовлетворительных позитивных ответов на следующие пять вопросов.

1. Получено ли четкое и ясное безоговорочное согласие на прекращение огня со стороны правительства Египта?

2. Придерживается ли Египет заявлений, которых он придерживался на протяжении многих лет, о том, что он

находится в состоянии войны с Израилем?

3. Готов ли Египет начать немедленные переговоры с Израилем с перспективой установления мира между двумя странами, как значится в aide-memoire (памятной записке) правительства Израиля от 4 ноября на имя Генерального секретаря ООН?

4. Согласен ли Египет прекратить экономический бойкот Израиля и снять запрет на движение израильских судов через Суэцкий канал?

5. Отзовет ли Египет контролируемые им банды фидаинов, проникающих (в Израиль) с территории других арабских государств?

Хотя Бен-Гурион и исполнил просьбу правительства Франции, он был очень зол. Если Британия и Франция хотели воспользоваться начавшимся между Израилем и Египтом военным конфликтом, у них в распоряжении имелось шесть суток, с 29 октября по 4 ноября, на протяжении которых мы воевали с египтянами неподалеку от восточного берега Суэцкого канала. Однако британская армия занималась скрупулезной подготовкой к операции «Мушкетер», точно у нее в распоряжении имелась уйма времени. Теперь же, когда Ассамблея ООН призывает к прекращению огня, британцы просят Израиль не давать согласия ради политических выгод правительства Британии. Израиль сделал максимум возможного, совершил титанические деяния для того, чтобы закончить кампанию, не вступив в конфликт с резолюциями ООН, и фактически преуспел в этом. Конечно, у нас не было альтернативы в вопросе отвода войск к границам, но мы могли бы принять по крайней мере второе требование — прекращение огня. Теперь же приходится отказываться от того, что можно было бы сделать, обрекая себя на еще большее давление со стороны ООН.

Согласиться Бен-Гуриона вынудило, конечно, не одно стремление не оставить без ответа просьбу Франции, которая в последние годы демонстрировала нам свою искреннюю дружбу. В основе шага Бен-Гуриона лежал и холодный расчет, понимание того, что Израилю лучше не оказываться в положении агрессора, нарушающего мир и игнорирующего резолюции ООН в одиночку. Предпочтительнее в этом случае находиться в компании Британии и Франции.

Дело, однако, на этом не закончилось. Французы чувствовали, что последние мгновения отпущенного им политического времени истекают, и что если они хотят высаживать десант на египетском берегу, то лучше поспешить. Поэтому министр обороны Франции Бурж-Монури и министр

иностранных дел Кристиан Пино полетели в Лондон, чтобы подтолкнуть британцев и убедить их перенести дату высадки. Тут, похоже, в Лондоне поняли, что «вот-вот пробьет полночь», но все еще искали предлога для оправдания своих действий в глазах мировой общественности. Сделать это британцы и французы могли только за счет Израиля. Ответ, врученный Соединенным Королевством и Францией Генеральному секретарю ООН после принятой 4 ноября Ассамблеей резолюции, содержал и такую фразу: «Два правительства по-прежнему видят необходимость ввести международные силы, чтобы остановить ведение военных действий Египтом и Израилем, *обеспечить быстрый вывод израильских войск*, принять необходимые меры для устранения препятствий движению судов через Суэцкий канал и способствовать решению проблем региона».

Фразу относительно вывода войск Израиля (курсив мой) вставили по настоянию британцев, французы молча согласились; они приняли бы, наверное, любую формулу, лишь бы заставить британцев поторопиться с высадкой.

Бен-Гурион, который ничего другого от лживых англичан и не ждал, более всего сожалел о согласии французов с текстом, выставлявшим перед всем миром Израиль агрессором, против которого они, Франция и Британия, собирались вести боевые действия, с целью заставить вывести войска с Синая. И это все после того, как лишь несколько часов назад Израиль, прислушавшись к их просьбам, для облегчения их положения пошел на отзыв заявления с согласием на прекращение огня. Не без чувства горечи отправлял Бен-Гурион нашему представителю в Париже следующую телеграмму, текст которой надлежало довести до сведения Французского правительства:

С глубоким удивлением прочитал вашу телеграмму с текстом англо-французского ответа Хаммаршельду. Они не имели права делать такое заявление, и я удивлен, что его разделили наши друзья во Франции. Мы расцениваем как недружественный акт то, что основанием для ввода своих войск в зону Суэцкого канала они объявляют необходимость его защиты от Израиля, и не будем считать обязательным для себя прислушиваться к любым заявлениям на сей счет. Мы убеждаем их (французов) во имя нашей дружбы не делать ничего подобного.

Единственным возможным вариантом в сложившей обстановке французский премьер-министр считал проинструктировать своего представителя при ООН относительно того, что под англо-французским заявлением о выводе израильских войск надо понимать вывод их из зоны Суэцкого канала. Подобная интерпретация не удовлетворяла Израиль и не

рассеивала атмосферу горечи. Что же до Британии и Франции, сомнительно, что они смогут выбраться из болота, ухватившись за такую соломинку.

Так или иначе, вчера, 5 ноября, на рассвете после долгого сидения наседки на яйцах, через скорлупу проклюнулись сразу два цыпленка. Высадившийся в Египте французский парашютный батальон захватил мосты, связывавшие Порт-Саид с материком, а британские воздушные десантники взяли аэродром Гамиль в Порт-Саиде.

Однако одновременно произошло и нечто иное. Советский Союз, поначалу действовавший очень сдержанно — вероятно, по причине восстания, полыхавшего в тот момент в Венгрии, — решил, что пришло время продемонстрировать силу. Председатель Совмина Советского Союза, маршал Булганин, направил в адрес Британии, Франции и Израиля ноты с угрозами. Письма были вручены вчера вечером, 5 ноября. В том из них, которое было обращено к Израилю, говорилось:

Господин премьер-министр.

Советское правительство уже выражало твердое осуждение вооруженной агрессии Израиля, равно как Британии и Франции, против Египта, что является прямым и неприкрытым нарушением Устава и принципов Организации Объединенных Наций. На специальной сессии Ассамблеи ООН подавляющее большинство стран мира также осудили акт агрессии в отношении Республики Египет и призвали правительства Израиля, Британии и Франции незамедлительно прекратить военные действия и вывести вторгнувшиеся армии с египетской территории. Все миролюбивое сообщество с негодованием осуждает преступные действия агрессоров, нарушивших территориальную целостность, суверенитет и независимость Республики Египет.

Не принимая в расчет вышеизложенных фактов, правительство Израиля, выступая в роли инструмента империалистических сил, упорно продолжает участвовать в бессмысленной авантюре, выступая против всех народов Востока, которые ведут борьбу против колониализма за свободу и независимость всех миролюбивых народов мира.

Подобные действия правительства Израиля ясно демонстрируют истинную ценность постоянных лживых заявлений Израиля о его миролюбии и стремлении к мирному сосуществованию с соседними арабскими государствами. Такими заявлениями правительство Израиля стремится фактически лишь к усыплению бдительности других народов, в то время как само подготавливается к предательским ударам по своим соседям, подчиняясь воле иностранных государств и действуя в

соответствии с полученными извне приказами.

Правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбами мира и судьбой собственного народа. Оно сеет ненависть к государству Израиль у народов Востока, что неминуемо отразится на будущей судьбе Израиля и поставит под вопрос само существование Израиля как государства. Будучи жизненно заинтересованным в поддержании мира и сохранении спокойствия на Ближнем Востоке, Советское правительство в настоящий момент предпринимает шаги к тому, чтобы положить конец войне и обуздать агрессоров.

Мы предлагаем правительству Израиля, пока не поздно, прекратить военные действия против Египта. Мы взываем к вам, к парламенту, рабочему классу государства Израиль, ко всему народу Израиля: прекратите агрессию, остановите кровопролитие, уберите ваши войска с египетской территории.

Ввиду сложившейся обстановки, Советское правительство решило попросить своего посла в Тель-Авиве покинуть Израиль и незамедлительно следовать в Москву. Мы надеемся, что правительство Израиля правильно истолкует и оценит наше предупреждение.

Н. Булганин.

Бен-Гурион не скрывал глубокой озабоченности позицией Советского Союза и осознавал всю значимость содержавшейся в письме угрозы, но поджилки от страха у него не затряслись. Он не поддался панике. Напротив, эмоциональное воздействие советского ультиматума только укрепило в нем стремление к продолжению борьбы. Что особенно взбесило премьера, так это разница между письмами, отправленными Британии и Франции, и адресованным Израилю. Послание нам было выдержано в презрительном и издевательском тоне, в письме содержалась угроза самому существованию государства Израиль. Британцам и французам Советский Союз тоже грозил применением силы и обстрелом баллистическими ракетами, но в текстах отсутствовала угроза политической независимости и не было ни следа насмешек, в отличие от ультиматума Израилю.

Меня обрадовало то, с каким холодным спокойствием Бен-Гурион воспринял новый поворот событий. Я подумал о нескольких людях, кому-то из которых, возможно, придется заменить Бен-Гуриона на посту премьера — они в такой ситуации непременно впали бы в панику.

Хорошо, наверное, все же, что из-за положения в Венгрии русские прислали нам письмо с угрозами не раньше, а в ночь на 5 ноября, спустя двенадцать часов после того, как в операции «Кадеш» прозвучал последний выстрел. Кто знает, началась ли бы

вообще Синайская кампания, если бы русские послали свои ультиматумы Британии, Франции и Израилю до 29 октября.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ШАРМ-АШ-ШЕЙХ

6 ноября 1956 г.

В течение дня 4 ноября и последующей ночи мы получали противоречивые сообщения о продвижении 9-й бригады к Шарм-аш-Шейху и о его захвате. Дважды нам докладывали, что город занят и что неприятель покинул его, но позднее стало известно: противник очистил от своего присутствия только Рас-Насрани, сосредоточив все силы в Шарм-аш-Шейхе. Даже и более долготерпеливый военачальник и тот бы не выдержал. Я принял решение вылетать утром — вчера — на «Дакоте» в эт-Тор, а оттуда на Пайпере в расположение 9-й бригады, с целью убедиться, что штурм Шарм-аш-Шейха начнется в тот же день. Я почти не сомневался, что это будет сделано и без меня, но хотел полных гарантий. В настоящий момент батальон воздушных десантников находился в эт-Торе, всего лишь в ста километрах к западу от Шарм-аш-Шейха, а 9-я бригада в полном составе уже проследовала Рас-Насрани и вступила в первое столкновение с неприятелем на северных подступах к Шарм-аш-Шейху. Нам необходимо немедленно атаковать и захватить самый южный опорный пункт обороны.

Я вылетел рано утром и через два часа приземлился в эт-Торе. Согласно распоряжению, там меня должен был поджидать «Пайпер-Каб» для полета в 9-ю бригаду, но самолет еще не прибыл. При других обстоятельствах я бы, наверное, только обрадовался оплошности, подарившей мне час свободного времени, но сейчас я думал лишь об одном — о взятии Шарм-аш-Шейха.

Батальона парашютистов в эт-Торе уже не было, он выступил еще до рассвета, в 03.30, с тем чтобы выйти на южные подступы к Шарм-аш-Шейху, который с юга и запада прикрыт горами. Прождав напрасно целый час, я решил забыть о «Пайпере» и о намерении добраться в расположение 9-й бригады, а вместо того на машине попробовать догнать десантников. Батальон был полностью укомплектован, в него входило четыре роты, одна передвигалась на полугусеничных бронемашинах, а три другие — на грузовиках. Десантники — наши самые лучшие, самые боеспособные войска — представляли собой грозную силу. Поэтому я подумал, что если Шарм-аш-Шейх еще не взят 9-й бригадой, я отдам парашютистам приказ самим овладеть городом.

Поехавший со мной адъютант начальника оперативного управления генштаба умчался организовывать транспорт и сопровождение, а я пока остался на аэродроме. Через час он вернулся с тремя машинами и несколькими солдатами из резервного батальона, дислоцированного в эт-Торе. Мы погрузились на добытые адъютантом транспортные средства — он пригнал одну командирскую машину и два каких-то сомнительного вида фургона, позаимствованных у гражданских, — и тронулись в путь.

Дорога оказалась вполне приличной, чего никак не скажешь о машинах. Мы всерьез опасались, что быстрой езды эта техника не выдержит. В начале путешествия нам не встретилась ни одна живая душа. Черная лента дороги стелилась под колеса, справа от нас лежали воды Суэцкого залива, а слева, за морем песка, высился горный хребет. Однако километров через пятьдесят, примерно на половине пути к цели, нам стали попадаться египетские солдаты, тащившиеся поодиночке или группами со стороны Шарм-аш-Шейха. Эти военнослужащие (из состава батальона Национальной гвардии) принялись покидать позиции на опорном пункте прошлой ночью. То там, то тут попадались нам лежавшие у обочины или чуть поодаль раненые и убитые — следствие столкновения египтян с батальоном парашютистов, проходившим здесь несколькими часами ранее. Чем ближе подъезжали мы к Шарм-аш-Шейху, тем больше египтян встречали. Я приказал солдатам группы сопровождения не отвечать, если вдруг по нам кто-то сделает один-два выстрела. Меньше всего мне хотелось застрять на дороге между эт-Тором и Шарм-аш-Шейхом, будучи втянутым в перестрелку с солдатами разгромленного противника.

Я выбрался из водительской кабины — оттуда было плохо видно и непонятно, что происходит по сторонам дороги, —

взобрался в открытый кузов машины, где, стоя, имел возможность видеть все вокруг. Ничто, конечно, не помешало бы той или иной группе египетских солдат, спрятавшись в кустах, открыть по нам огонь из пулеметов. Но никто ничего подобного не сделал.

Несмотря на то, что день только перевалил за середину, картина окружающего напоминала сценки из ночных кошмаров. Солнце жарило немилосердно. Испарения поднимались от гудронного покрытия дороги. Египетские военнослужащие в их повседневной форме цвета хаки сливались с песчаным ландшафтом и вдруг, словно бы выскочив из-под земли, появлялись на фоне песчаных дюн. Вне сомнения, они знали, что мы израильтяне, но не стреляли в нас и не пытались спрятаться. Здоровые солдаты просто отходили в сторону, пропуская нас, на их изможденных лицах читалось крайнее утомление. Раненых, которые шли по дороге еле передвигая ноги, нам самим приходилось объезжать.

Вместе с тем меня ни на секунду не покидала мысль, что, если бы что-то случилось и нашей маленькой колонне пришлось бы остановиться, нам пришел бы конец. Нас было очень мало, вокруг находился противник, которому ничего не стоило уничтожить нас — буквально разорвать голыми руками. Я знал, что наши шансы добраться до Шарм-аш-Шейха зависели от того, сумеем ли мы продвигаться без выстрелов и без остановок. Наши встречи с каждой новой группой солдат противника должны продолжаться считанные мгновения, чтобы, когда египтяне осознают, кого встретили, мы находились уже вне досягаемости.

Наконец дорога сделала поворот и повела нас к горам. Теперь мы могли вздохнуть спокойно — с расстояния виднелись грузовики и полугусеничные бронемашины парашютного батальона.

Командир роты, получившей задание охранять захваченную дорогу, сообщил нам, что батальон овладел ведущим к Шарм-аш-Шейху южным перевалом примерно в 05.00. В 06.30 из расположения 9-й бригады прилетел «Пайпер» с просьбой от комбрига к командиру батальона продвинуться до точки примерно в 2000 м от опорного пункта Шарм-аш-Шейх. Комбат решил прорвать оборонительный рубеж. Батальон пошел вперед — в голове полугусеничные бронемашины, а следом за ним мотопехота на грузовиках. Противодействие неприятеля не отличалось упорством, ВВС оказывали эффективную и очень своевременную поддержку сухопутным силам непосредственно на поле боя, и к 09.30 комбат на первой полугусеничной бронемашине вплотную приблизился к вражеским рубежам, в то время как ключевые позиции впереди находились уже в руках

частей 9-й бригады.

Получив это донесение на обочине дороги, мы продолжили продвижение к центру египетской обороны. Нам удалось не только занять удобную позицию, но и насладиться прекрасным видом. Из гавани Шарм-аш-Шейха, расположенной на южной оконечности Синайского полуострова, где воды Суэцкого и Акабского заливов встречаются с Красным морем, открывается прекраснейшая из картин природы, которую мне когда-либо доводилось наблюдать. Вода тут глубокого синего цвета (египетские военнопленные предостерегли нас от попыток искупаться, поскольку море здесь кишит акулами), она — словно драгоценный камень, оправленный в темно-красные скалы. Даже строения на берегу — белая мечеть с высоким минаретом — вписывается в картину некой волшебной страны, спрятанной среди горделивых скал.

Между тем повсюду виднелись свидетельства недавно бушевавшего сражения. От оборонительных сооружений и складов, по которым всего несколько часов назад отработала наша авиация, в небо поднимались клубы дыма. Египетские транспортеры Брена — частью разбитые, частью вполне исправные — были разбросаны тут и там по территории гавани. На холмах виднелись военнослужащие 9-й бригады с оружием наготове, занятые зачисткой местности и сбором военнопленных.

* * *

9-я бригада получила, несомненно, самое ответственное и самое престижное задание в рамках операции «Кадеш». Как в первой фазе — в ходе 300-километрового марша по бездорожью, на вражеской территории, — так и во второй — во время штурма хорошо укрепленного и подготовленного к длительной осаде опорного пункта, где засело два неприятельских батальона, — бригада могла столкнуться с непреодолимыми трудностями и даже потерпеть неудачу.

Колонна состояла из передвигавшихся на 200 машинах 1800 человек — двух пехотных батальонов, одной артиллерийской батареи, одного дивизиона тяжелых минометов, подразделения разведки, батареи ПВО, отделений саперов, ремонтников и обеспечения. Бригада представляла собой самодостаточное подразделение, несущее с собой все необходимое. Она имела запас провианта на пять суток, топлива на 600 км и количество воды — в восемнадцати цистернах, — достаточное, чтобы обеспечить каждого человека пятью и каждую единицу техники

четырьмя литрами из расчета на пять суток. У нас не было возможности послать бригаде подкрепление как во время марша, так и в бою. Таким образом 9-я бригада являла собой экспедиционные силы, вынужденные выполнять задание, полагаясь только на самих себя. Если бы она смогла овладеть Шарм-аш-Шейхом, то получила бы в свое распоряжение порт, аэродром и смогла бы вернуться в Израиль. Если бы противник перекрыл ей путь на юг или она потерпела бы поражение в сражении, бригада скорее всего оказалась бы отрезанной, поскольку не смогла бы вернуться в Израиль тем же путем, которым шла. Мало того, что она оказалась бы лишенной необходимых запасов воды, топлива и запасных частей, особенность маршрута заключалась в том, что некоторые участки можно было преодолеть, только двигаясь с севера на юг, но не в обратном направлении. (Речь идет о песчаных склонах, по которым можно только спускаться.)

С политической точки зрения, овладеть Тиранским проливом было также очень и очень важно. Фактически именно это и являлось наиглавнейшей целью кампании. Если бы мы сумели захватить весь Синайский полуостров, за исключением Шарм-аш-Шейха, египтяне продолжали бы осуществлять блокаду израильского судоходства через Акабский залив, что означало бы наше поражение в войне.

Временная составляющая имела особо критическое значение. Сомнительно, что Израиль смог бы продолжать боевые действия в нарушении резолюций ООН, когда даже такие державы, как Британия и Франция в конечном итоге оказались вынуждены подчиниться решениям этого международного органа и прекратить военные операции. Поэтому не было бы ничего удивительного в том, если бы египетские войска в районе Тиранского пролива попытались остановить продвижение 9-й бригады на марше или постарались продержаться на оборонительных рубежах, отбивая атаки, хотя бы несколько дней, пока не создалась бы такая политическая ситуация, вынудившая бы Израиль отказаться от штурма Шарм-аш-Шейха.

Особая важность Тиранского пролива, связанные с его захватом сложности военного и политического характера, все это не ускользнуло от внимания генштаба. Вот почему мы спланировали наступление парашютистов с перевала Митла на Шарм-аш-Шейх через эт-Тор. Вместе с тем, хотя ввод в операцию по овладению ключевым пунктом отдельного, действующего независимо от 9-й бригады подразделения являлся разумным шагом со стороны генштаба, проблемы бригады с его помощью не решались, и в любом случае парашютисты оказали ей помощь

только в последний день, когда сражение за Шарм-аш-Шейх находилось в самом разгаре.

Бригада предприняла штурм опорного пункта 5 ноября вместо 3 ноября, как предписывалось первоначальным планом. Причина отсрочки носила двоякий характер. Первое, из-за проволочек с началом бомбардировок англо-французской авиацией египетских аэродромов марш 9-й бригады был отсрочен на одни сутки. Второе, часть маршрута, по которому ей предстояло пройти, оказалась куда более трудной, чем предполагалось изначально, а потому темпы продвижения были ниже расчетных.

Самым простым являлся участок пути от Рас-эн-Накба к оазису Айн-эль-Фуртага. Здесь колонна шла со средней скоростью двенадцать километров в час и к 13.00 2 ноября покрыла сто километров. Никаких происшествий на данном этапе также не случалось. Если не считать брошенного египетским патрулем за день до появления наших разведчиков автомобиля, никаких следов присутствия на пути бригады армии противника не отмечалось.

Однако сразу же за Айн-эль-Фуртагой начиналась самая трудная часть похода. Следующие пятнадцать километров предстояло проделать в гору, при этом дорога пролегала через глубокие пески, пройти через которые техника — за исключением полугусеничных бронемашин — не могла. Труднее всего оказалось транспортировать полевую артиллерию (25-фунтовые орудия), которая вязла в песке по самые оси лафетов[71]. Воздух из камер и покрышек автомашин приходилось приспускать, чтобы увеличить сцепление с грунтом. Средняя скорость на участке от Айн-эль-Фуртаги до следующей остановки, «водораздела», составляла всего четыре километра в час, при том что личный состав прилагал все усилия для того, чтобы ускорить продвижение, толкая орудия и технику или цепляя их к полугусеничным бронемашинам. Бригада достигла «водораздела» — высшей точки подъема, откуда она преимущественно шла под гору — в два часа по полуночи. Восемь единиц транспорта, крепко увязших в песке, пришлось бросить, сняв с них все возможные узлы и агрегаты. Люди были совершенно вымотаны.

Следующий восьмикилометровый участок тоже представлял собой тропу в песках, но «водораздел» остался позади, дорога шла под уклон, и техника преодолевала путь с меньшими затруднениями. Следующие пятьдесят километров колонна миновала за пять часов и перед полуднем (3 ноября) достигла Дахаба, самого крупного оазиса у Акабского залива.

Защищавшее Дахаб египетское отделение — десять солдат с

рацией, передвигавшихся на верблюдах, — стало первым, с которым довелось повстречаться бригаде. Базировался неприятель в палаточном лагере на берегу. Задача отделения заключалась в том, чтобы патрулировать местность и докладывать обо всем в расположенный в Шарм-аш-Шейхе штаб. (Такие же подразделения дислоцировались на островах Тиран и Санапир — по двенадцать солдат на каждом — а также на островах Теба и Боасит в заливе между Эйлатом и Дахабом.) Когда в район Дахаба прибыла часть бригадной разведки (опередившая основную колонну), египетское отделение разделилось. Трое укрылись в кустах у дороги, а когда разведчики принялись зачищать местность, египетский сержант-суданец, открыв огонь, убил одного и ранил другого нашего военнослужащего. Третьего выстрела сержанту сделать не довелось. Другой разведчик, увидев блестевший в кустах ствол винтовки, дал очередь из автомата и уложил суданца.

Остальные семеро вражеских солдат спрятались в палатках. Тут израильтяне вновь допустили ошибку: они принялись обыскивать палатки, прежде чем открыть огонь. Когда они подошли к одной из них, в них полетела граната. Двое наших бойцов погибли, а один получил ранение. Египтяне побежали, но наши скоро достали их пулеметными очередями.

В Дахабе бригада впервые остановилась для продолжительного отдыха. Люди смогли искупаться в ручьях и насладиться тенью пальм и тамарисков. Техника требовала техобслуживания и дозаправки. Вечером, в соответствии с планом, прибыли два десантных судна с горючим. Очень своевременно, поскольку из-за сложности пути расход топлива оказался большим, чем предполагалось.

Третий этап пути бригады начался в 18.00 (3 ноября), а в 02.00 она достигла Вади-Кид. Самым сложным здесь было пробраться через каменистый участок дороги, представлявшей собой на деле заваленную валунами «козью тропу» на горном склоне, шириной максимум метра два или и того меньше. Оставался лишь один выход — взорвать скалу. Саперы заложили и привели в действие подрывные заряды. Остальные принялись очищать путь от обломков скалы и камней.

Похоже, египтяне представляли себе всю сложность преодоления узкого прохода через Вади-Кид, потому что, когда разведывательное подразделение — оно на несколько часов опережало колонну — оказалось примерно в двух километрах от выхода, оно угодило в засаду. Головной джип налетел на мину, после чего противник открыл массированный огонь из пулеметов, базук и принялся бросать ручные гранаты. Израильтяне начали

ответную стрельбу, оставили подорванный джип и отступили. Было 20.00, в сгустившейся темноте, находясь в вади, разведчики ничего не видели. Они не могли, конечно, очистить дорогу от мин или установить, где находятся неприятельские позиции.

С рассветом (4 ноября) разведчики вернулись к месту, где враг блокировал дорогу, впереди летел Пайпер, с которого велся осмотр местности. Пилот сообщил, что не видит ни единой живой души и что противник, вероятно, ушел. Он оказался прав. Если не считать следов крови на камнях — по меньшей мере один из египтян получил ранение в ночной стычке, — убитых солдат противника израильтяне не обнаружили. Брошенный джип оставался там же, где был, напротив горного склона, на котором ночью закрепился египетский взвод. Дальше вдоль вади удалось обнаружить множество противотанковых мин, закопанных у самой поверхности, а также валявшихся кучей в стороне — на их постановку у противника, как видно, не хватило времени. Заложенные мины были помечены, и в 09.00 4 ноября бригада продолжила движение. Наступила четвертая фаза пути — оставалось пройти всего сорок километров. В 11.45 колонна находилась у цели — ввиду оборонительных рубежей египтян в Рас-Насрани и Шарм-аш-Шейхе. Израильтяне находились в пути к объекту три дня и две ночи. Наступил решающий момент — предстояла схватка за Тиранский пролив.

Прибытие бригады со стороны Эйлата стало полной неожиданностью для египетского командования. Планируя оборону пролива, генштаб противника исходил из соображения, что ни одно крупное израильское подразделение не сможет приблизиться к Шарс-аш-Шейху этим путем. Когда египетская часть на Боасите, примерно в семидесяти километрах к югу от Эйлата, сообщила в Шарм-аш-Шейх о продвижении на юг по берегу залива израильской бригады, командир египтян счел сведения преувеличенными, поскольку пребывал в убеждении, что пройти там способна лишь небольшая часть. Позднее, когда аналогичное донесение поступило из Дахаба, командир подумал, что он, возможно, ошибся. Однако во всей своей глубине заблуждение его открылось только в полдень 4 ноября, когда он своими глазами увидел колонну примерно из 200 израильских машин, приближавшуюся к Рас-Насрани.

Вместе с тем неожиданность не дала 9-й бригаде почти никакого тактического преимущества. Хотя египетское командование и не ожидало появления столь большого воинского формирования сухопутным путем, оно готовилось к возможному прорыву израильтян с целью захвата Тиранского пролива с воздуха и с моря. В связи с этим опорные пункты Шарм-аш-Шейх

и Рас-Насрани были подготовлены к отражению нападения со всех сторон, а особенно с севера, где есть участок ровной местности, очень подходящий для выброски парашютного десанта.

Поэтому 9-й бригаде не посчастливилось найти северный фланг обороны Шарм-аш-Шейха неподготовленным к штурму. У неприятеля было все готово к отражению атаки как высадившихся парашютистов — чего и ожидал командир, — так и пехотной бригады, которая прошла 300 км (по вражеской территории) тропой, считавшейся (у египтян) непроходимой.

Единственным преимуществом, которым располагала 9-я бригада и которого не было бы у парашютистов, — наличие бронетехники. Десантная часть, принимая во внимание возможности транспортной авиации Израиля, не могла иметь бронетехники, в то время как легкие полугусеничные бронемашины бригады сыграли решающую роль в штурме неприятельских укреплений. (Четыре танка, которые предполагалось доставить на место на десантных судах для усиления 9-й бригады, прибыли уже после падения Шарм-аш-Шейха.)

Сложность и продолжительность пути наступления бригады делали ее крайне уязвимой для всякого рода засад и беспокоящих нападений. Я не сомневался, что колонна в конченом счете справится с противником, какие бы препятствия тот ни чинил ей по дороге. Но я также считал, что неприятель постарается всячески помешать продвижению бригады и в итоге задержит момент начала штурма Шарм-аш-Шейха.

Самым подходящим средством для нанесения ударов по 9-й бригаде, безусловно, являлись ВВС, но с началом англо-французской атаки у египтян больше не было авиации. Однако оставались и другие способы расстроить колонну, пока та находилась на марше. Вовсе не обязательно было бы копировать тактику Лоуренса на железной дороге в Хиджазе, но принцип «ударил — убежал» вполне годился, чтобы взять его на вооружение. Враг мог устроить засады и расстреливать из них медленно двигающиеся машины, мог начинить песок на пути у израильтян минами, взорвать скалы и сделать непроходимыми узкие проходы в горах, блокировать дорогу какими-то иными способами.

Однако выполнить такую задачу командование противника могло, только располагая данными разведки о том, каким путем пойдет бригада, и имея части военнослужащих, обученных технике ведения партизанской войны. У командира египетского контингента в Шарм-аш-Шейхе отсутствовали как необходимые

сведения, так и специально подготовленные подразделения коммандос, поэтому, даже послав взвод для блокировки Вади-Кид, он ничего не выиграл.

Решение командования противника оставить Рас-Насрани и сосредоточить все силы на защите Шарм-аш-Шейха можно считать оправданным. Принимая во внимание имевшееся в его распоряжении количество войск, он не мог рассчитывать удержать оба опорных пункта и должен был решить, каким из них пожертвовать. Преимущество позиции в Рас-Насрани состояло в фортификационных сооружениях и более мощной, нежели в Шарм-аш-Шейхе, системе ПВО, но в Шарм-аш-Шейхе имелись порт и аэродром, представлявшие ценность не только для наступавших, но и для оборонявшихся. Египетский командир, разумеется, не мог не осознавать, что, попади эти объекты в наши руки, мы не преминем воспользоваться ими. Но он брал в расчет и другое, что, возможно, и определило выбор. Располагая аэродромом и портом, он мог надеяться через них эвакуировать свой контингент в Египет или в Саудовскую Аравию.

Приказ об отступлении прибыл в Шарм-аш-Шейх 1 ноября, когда египетский генштаб распорядился об отводе всех войск с территории Синая в Египет. Но в тот момент у командира отсутствовали средства для реализации указаний начальства. Поэтому, с его подачи, генштаб в Каире утвердил план, в соответствии с которым позиции в районе Тиранского пролива должны были удерживаться до тех пор, пока туда не прибудет транспорт, необходимый для эвакуации воинского контингента. Однако из-за быстрого продвижения наших войск ничего из этой затеи не вышло. 2 ноября был взят эт-Тор, вследствие чего сухопутный путь от Тиранского пролива в Египет оказался блокирован. По морю в Шарм-аш-Шейх смогли проникнуть только два парусных судна, которые увезли в Египет некоторое количество гражданских и раненых. (Среди них оказался раненый израильский летчик, капитан Аткес, которого сбили над Рас-Насрани и взяли в плен 2 ноября.)

Что же касается плана обороны Шарм-аш-Шейха, главный упор разработчики изначально сделали на подготовке города к длительной осаде, а не к отражению штурмов и организации контратак. Египтяне оборудовали подземные хранилища для запасов воды, провианта, горючего и боеприпасов, которых могло хватить на несколько месяцев. Неприятель построил глубокую гавань, соорудил взлетно-посадочную полосу, возвел электростанцию, а также обеспечил город всем тем, что необходимо для обороны изолированной крепости. Однако сравнительно незначительно внимание было уделено

непосредственно боевой стороне организации обороны. Окопы, минные поля, заграждения и аванпосты на господствующих позициях на подходе к городу не годились для того, чтобы выдержать решительный штурм. Ни на южном участке, со стороны эт-Тора, ни на северном, со стороны Эйлата, укрепления египтян не были должным образом подготовлены к обороне. Совершенно очевидно, что разработчики плана беспокоились больше о том, удобно ли будет пережидать в Шарм-аш-Шейхе осаду, чем заботились об отражении натиска противника. Они мыслили категориями мясных пайков и амбаров, а не минных полей и тонн пошедшей на заграждения проволоки.

9-я бригада прошла через оставленный неприятелем Рас-Насрани, не останавливаясь и не встречая сопротивления, продолжила продвижение к горной цепи Цафрэт-эль-Ат, пролегающей примерно в пяти километрах к северу от Шарм-аш-Шейха. Египтяне покинули Рас-Насрани накануне ночью, когда командование узнало, что, помимо бригады, приближавшейся с севера от Дахаба, надо ожидать нападения израильских парашютистов, высадившихся в эт-Торе. Именно по получении этих сведений командир египетского контингента окончательно решил сосредоточить все силы в Шарм-аш-Шейхе, полагая, что не сможет защищать его и Насрани от одновременной атаки с севера и с юга.

Прежде чем покинуть Рас-Насрани, египтяне вывели из строя батарею береговой артиллерии — два 6-дюймовых и четыре 3-дюймовых орудия (152,4-мм и 76,2-мм, соответственно), — которые контролировали часть пролива между берегом и островом Тиран и блокировали израильским судам из Эйлата доступ в Красное море.

Первая оборонительная позиция противника на Цафрэт-эль-Ат была взята без осложнений. Корректируемые с земли самолеты («Мустанги») обстреляли аванпост реактивными снарядами и полили пулеметными очередями, а когда головное отделение разведроты бросилось на штурм укрепления, израильтяне нашли его оставленным. Убегая, египтяне бросили все вооружение — несколько пулеметов и противотанковых орудий.

Однако попытки израильтян развить успех и ворваться в «город» не удались. (У военнослужащих бригады Шарм-аш-Шейх считался «городом», а потому многие полагали, что кроме голых скал, колючей проволоки и огневых точек противника там найдется на что посмотреть.) Огонь, который открыл по ним неприятель с аванпостов на соседних горах, был плотным и прицельным, и без поддержки с воздуха — с приближением темноты самолетам пришлось вернуться на базу — продвижение

стоило бы нам больших потерь. Поэтому командир разведроты решил отказаться от атаки и временно отступить. На обратном пути они окружили и взяли в плен оставивших позицию египетских солдат. Они стали первыми военнопленными на этом участке наступления, и начальник разведотдела бригады встретил их с распростертыми объятиями.

Командир бригады оказался перед выбором: начинать штурм Шарм-аш-Шейха тут же ночью или перенести его на раннее утро. Аргументом в пользу немедленной атаки служила необходимость спешить. Сторонники такого мнения указывали на то, что каждый потерянный час позволит неприятелю лучше укрепиться и подготовиться к обороне. Контингент, выведенный из Рас-Насрани, добрался до Шарм-аш-Шейха только прошлой ночью, а потому, вероятно, еще не успел развернуться на новых позициях. К тому же можно было рассчитывать, что появление израильской бригады, захват аванпоста на Цафрэт-эль-Ат и налеты авиации поколебали моральный дух египетских солдат, что необходимо использовать, пока они не пришли в себя.

Главным минусом этого варианта являлось отсутствие поддержки с воздуха. Ночью придется обойтись без участия ВВС, тогда как на рассвете самолеты помогут наземным частям.

В конце концов остановились на том, что не стоит откладывать штурм. Свою роль сыграл, возможно, тот фактор, что многие из старших офицеров бригады были резервистами, получившими боевой опыт во время Войны за независимость в 1948-м, когда армия действовала без поддержки с воздуха.

Сразу после полуночи батальон устремился в атаку. Задачей его было взять позиции на западном фланге обороны Шарм-аш-Шейха, где закрепились две вражеские роты. Наша рота «D» дважды ходила на приступ, достигала вражеских заграждений, но не смогла проделать проходы в минных полях. Местность была трудная, к тому же солдаты подверглись сильному пулеметному обстрелу с соседних аванпостов. За короткое время рота потеряла четырнадцать человек, в числе которых оказались и шесть командиров отделений. Рота «A», двигавшаяся параллельно роте «D», тоже понесла потери: один человек погиб, пятеро были ранены, и среди них комбат.

В 04.20 пришел приказ отходить. Из-за каменистой почвы окопаться было невозможно, а потому следовало воспользоваться оставшимся темным временем и покинуть простреливаемую неприятелем зону. Убитых и раненых погрузили в полугусеничные бронемашины, и батальон вернулся к месту дислокации в трех с половиной километрах к северу от Шарм-аш-Шейха.

В 05.30, с первыми лучами рассвета, штурм возобновился при поддержке точного огня батареи тяжелых 120-мм минометов и с участием ВВС. Возглавляла атаку рота полугусеничных бронемашин и подразделение разведки, прямо за ними следовали пехотинцы. Ожесточенный бой продолжался примерно пятьдесят минут, после чего отделение джипов разведки, пользуясь прикрывающим огнем полугусеничных бронемашин, прорвало рубежи египтян. В значительной степени успех утреннего штурма обусловливался влиянием предыщущей акции, поскольку коллапс обороны противника начался в ходе ночной атаки. Египтяне уже собирались покинуть позиции, когда увидели, что батальон отходит, и остались на своих местах. Теперь, когда штурм возобновился с новой силой, противник был больше не в состоянии стойко держаться.

После авиации, точно катком прокатившейся по позициям противника, на врага устремились, развернувшись по всей ширине дороги, полугусеничные бронемашины и джипы, которые и вломились прямо в опорный пункт Шарм-аш-Шейх. Одна за другой переходили в руки израильтян господствующие высоты на западном фланге укрепленного рубежа. В то же самое время второй батальон, наступавший параллельно полугусеничным бронемашинам и джипам, продвинулся вдоль восточного фланга и очистил от противника позиции на данном участке. Особо упорное сопротивление оказал противник поблизости от гавани, где из огневой точки обороняющиеся обрушивали на нападавших настоящий вал пулеметного и гранатометного огня. Однако метким выстрелом из базуки прямо в амбразуру израильтяне в конце концов заставили умолкнуть и этот дот. В 09.30 сдался последний египетский укрепленный опорный пункт на Синае — Шарм-аш-Шейх.

Потери бригады составляли десять человек убитыми (включая троих в Дахабе) и тридцать два раненых (пятеро в Дахабе). У египтян было убито сто человек и ранен тридцать один. В плен попало 864 человека, включая сорока двух офицеров; среди них оказался и командир, и заместитель командира неприятельского контингента, оба подполковники. Хотя оба штурма — и ночной, и утренний, завершившийся в 09.30 взятием Шарм-аш-Шейха, — осуществлялись силами разведчиков и роты мотопехоты на полугусеничных бронемашинах, решающий вклад в дело внесли ВВС, способствовавшие быстрому сокрушению обороны. У египтян не хватало должного вооружения и твердости духа, чтобы отражать атаки с воздуха.

Мне не известно, как поступали египетские офицеры, показывали ли они пример своим людям, сражаясь бок о бок с

ними на огневых позициях. Что же касается командира, когда сражение закончилось, он явился к нам в полной готовности для сдачи в плен — с полудюжиной явно не в спешке упакованных чемоданов.

* * *

Вчера, 5 ноября, после встречи с личным составом в расположении 9-й бригады, где я выслушал краткий доклад об их марше и боях, я поспешил вернуться в Тель-Авив. Наша новая «империя» — Газа, эль-Ариш, лагеря военнопленных (у нас насчитывалось 4000 пленных египтян против менее чем двадцати израильтян, находившихся в руках противника) — порождала проблемы, требовавшие немедленного решения. Политическая кампания тоже принимала все более серьезный оборот. Британцы и французы пообещали Генеральному секретарю ООН подчиниться условиям прекращения огня с ноля часов этой ночью; по-видимому, они не смогут «встать твердой ногой» в зоне канала (т. е. на материке). Искренне им сочувствую и радуюсь тому, что, хотя мы и удовлетворили требование о прекращении огня, нам все же удалось полностью выполнить поставленные задачи.

Сегодня утром я вернулся в Шарм-аш-Шейх. В 13.00 прошел парад 9-й бригады, ознаменовавший собой окончание операции, а также и всей Синайской кампании. Бен-Гурион приехать не смог и вручил мне трогательное поздравительное письмо к рядовым, сержантам и офицерам бригады. Принимали парад все старшие командиры Армии Обороны Израиля. Шарм-аш-Шейх кишел фотографами и корреспондентами. Церемония была неформальной и продлилась недолго. В качестве трибуны служили припаркованные корма к корме две командирские машины. Впереди, по трем сторонам квадрата построились солдаты, небритые и одетые в форму, в которой сражались. Комбриг произнес коротенькую речь. Я зачитал письмо Бен-Гуриона и подвел итоги битвы за Синай.

Затем последовал смотр войск, подъем флага и… Синайская кампания завершилась. В 16.00 на «Дакоте» мы вылетели в Тель-Авив. Все время, пока, мы летели на север над Эйлатским заливом, я не мог оторваться от иллюминатора. Мы шли невысоко, и внизу были хорошо видны окаймлявшие берега, скрытые под нетолстой кромкой воды коралловые рифы. Около Дахаба я разглядел даже притулившуюся в кораллах затопленную рыбацкую лодку.

Когда мы долетели до Эйлата, уже начинало темнеть. Я зашел в пилотскую кабину, где при свете лампы на столе радиста перечитал последние телеграммы, чтобы сегодня вечером быть готовым к докладу Бен-Гуриону.

В Нью-Йорке, в ООН, на нас оказывается очень мощное давление. От нас требуют вывода войск без гарантий свободы выхода наших судов в Красное море и без обеспечения положения, в котором бы Синай более не мог стать базой для арабской агрессии против Израиля.

Я вспомнил, что прошедшим вечером, когда я доложил Бен-Гуриону о взятии Шарм-аш-Шейха и об окончании кампании, он полушутя, полусерьезно произнес: «Ну, думаю, вы не можете этого вынести, верно?»

Я ничего не ответил. Он отлично знает, что беспокоит меня не то, что война закончилась, а то, сможем ли мы выстоять в разворачивающейся политической битве.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ЭПИЛОГ

1

Настоящий «дневник» публикуется спустя девять с половиной лет после окончания войны на Синае в 1956 г. Поэтому теперь представляется возможность подытожить результаты, оценить значение и влияние кампании.

Можно сразу сказать, что удалось выполнить три главные задачи: израильские суда получили возможность свободно пользоваться Акабским заливом, прекратились атаки фидаинов, а также была нейтрализована угроза Израилю со стороны военного альянса Египет — Сирия — Иордания.

Вместе с тем Израилю не удалось с помощью достижения «военных целей» вынудить Египет к переговорам. Синайская кампания не завершились за столом переговоров, где бы встретились и подписали взаимное соглашение дипломаты побежденной страны и победители. Соглашение было трехсторонним, при этом Генеральный секретарь ООН выполнял роль посредника между двумя государствами.

Вместе с тем его связующая миссия не сводилась к выполнению функций нейтрального медиатора. В силу власти, которой наделяла его Организация Объединенных Наций, и при наличии силовой поддержки со стороны супердержав — Соединенных Штатов и Советского Союза — Генеральный секретарь превращался в третью сторону (и настолько, насколько дело касалось Израиля, в единственную другую сторону) при обсуждении условий прекращения войны.

Более того, чрезвычайная активность Организации Объединенных Наций в решении спора Израиля и Египта и ее вмешательство в англо-французскую операцию на Суэце превратило ООН из органа, который только «призывает» стороны действовать тем или иным способом, в учреждение, напрямую ответственное за урегулирование конфликта. Вспомним, что 4 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН решила обратиться к Генеральному секретарю с просьбой о создании сил особого назначения, способных заставить стороны прекратить враждебные действия и обеспечить надзор за соблюдением условий прекращения огня. Такой контингент был создан. Командующим его назначили генерала Э.Л.М. Бернса, который в начале 1957-го получил в свое распоряжение семь пехотных подразделений — по одному батальону от Индии, Швеции, Дании — Норвегии,

Колумбии, Финляндии, Индонезии и Бразилии.

Через эти международные войска — Силы ООН — формально удалось разрешить противоречия между Генеральным секретарем ООН и правительством Израиля. Генеральный секретарь требовал безоговорочного вывода Израильской армии с Синая, правительство Израиля выдвигало в качестве условий эвакуации с полуострова гарантий судоходства через Тиранский пролив и прекращения бандитских вылазок со стороны Египта.

Итак, 16 марта 1957 г., через четыре с половиной месяца после начала Синайского конфликта, в его истории была поставлена точка. Израильские войска покинули Синай, но их позиции в районе Шарм-аш-Шейха и в секторе Газа вместо частей египетской армии заняли Силы ООН. Можно сомневаться, расценивает ли Египет переход региона под контроль ООН как нарушение своего суверенитета (на сегодняшний момент, по прошествии более девяти лет, части Сил ООН все еще дислоцируются там), но согласие Каира на это в любом случае означает восстановление свободного судоходства Израиля и прекращение террористических вылазок на нашу территорию.

2

Приказ о вступлении Израильской армии в боевые действия без соответствующей подготовки — отданный преимущественно из стремления не утратить эффекта внезапности — и необходимость вести кампанию быстрыми темпами отразились на характере боев. «Соответствующая подготовка» — это не просто слова. Отсутствие ее имело вполне материальное воплощение: некоторые резервисты не смогли прибыть на сборные пункты, поскольку на мобилизацию требовалось больше времени. Технику не успевали подготовить, снаряжение со складов не поспевало в части, не хватало времени на проведение разведки, командирам, получавшим назначения, было некогда детально изучить обстановку. Отсутствие «соответствующей подготовки» дорого обошлось нам, но внезапность и быстрота сделали победу возможной.

Над всей военной операцией висел дамоклов меч политики. Преждевременно раскрыв свои планы или затянув кампанию на несколько дней, Израиль рисковал встретить мощнейшее давление со стороны Соединенных Штатов и Советского Союза и оказаться в положении злостного нарушителя резолюций Ассамблеи ООН. Если бы мы стали готовиться к войне по всем правилам и также по всем правилам вести ее, то Израильская армия оказалась бы в том же положении, в которое попал совместный англо-французский контингент. Когда Британия и Франция начали претворять в жизнь свои военные планы, у них

кончился политический запас времени, поэтому, прежде чем они приступили к фактическому завоеванию Суэца, их правительствам пришлось отдать приказ войскам свернуть боевые действия.

Наверное, в наши времена есть державы, могущие позволить себе предпринимать военные действия, исходя из соображения, что станут продолжать их до тех пор, пока не одержат победы, поскольку они одни в праве решать, когда начинать и когда заканчивать кампании, и никто не в состоянии вынудить их поступить против их воли. В 1956-м государство Израиль находилось в прямо противоположной ситуации. Главная сложность для наших войск на Синае заключалась не в том, чтобы разгромить египетскую армию, но в том, чтобы сделать это в сложившихся неблагоприятных политических условиях.

Поэтому, в общем и целом, подводя итог, сегодня можно сказать: Израильская армия сумела выполнить поставленные задачи на Синае не вопреки тем сложностям, с которыми ей пришлось столкнуться, а благодаря им. Сложности и трудности стали неизбежными из-за быстроты, а быстрота являлась неотъемлемой составляющей подхода, избранного Израильской армией на пути достижения военных и политических целей. Конечно, делая ставку на быстроту и внезапность, мы шли на большой риск, но в том положении, в котором находился Израиль на тот момент времени, не пойти на риск означало подвергнуться еще большему риску.

Открывая кампанию выброской батальона парашютистов около перевала Митла и отказываясь от бомбардировок египетских аэродромов, мы подвергали опасности наших десантников на изолированных позициях и лишались единственной возможности уничтожить неприятельские самолеты, пока они находились на земле. Однако если бы мы выбрали «классический вариант» и начали кампанию с уничтожения вражеской авиации, то почти наверняка не смогли бы достигнуть поставленных целей. В таком случае Египет, вне сомнения, в ту же ночь обратился бы к международным организациям, которые заклеймили бы Израиль клеймом агрессора и потребовали бы немедленного вывода нашей армии с Синайского полуострова.

В боевом расписании Синайской кампании каждым силам предоставлялось свое направление наступления, чтобы осложнения на одном участке не сковывали войска на другом. Целью этого плана являлось обеспечение быстрейшего продвижения каждой группы, даже если в результате обнажались ее фланги, и сама она оказывалась на удалении от главных сил.

Между тем подобную схему действий никогда бы не удалось претворить в жизнь, если бы не храбрость и высочайший боевой дух частей действующей армии, которым она была проникнута от рядового до генерала. Этот дух заставлял находившихся на излечении солдат убегать из госпиталей, чтобы занять места рядом с товарищами на передовой, а командиров бронетанковых батальонов идти на штурм сильно укрепленных вражеских позиций во главе своих людей.

Боевой дух и готовность к самопожертвованию солдат и офицеров стали залогом победы Израильской армии в Синайской кампании. Нельзя обойти стороной те эпизоды, когда командир высокого ранга начинал атаку до предписанного планом времени, или случай, когда комбриг не пожелал отложить штурма (в котором он погиб) до подхода подкреплений. Фундаментом, на котором основывалась сила армии, стала готовность идти вперед, невзирая ни на какие препятствия, осознание того, что от этого зависит исход кампании.

Если бы не этот дух, пропитавший всю Израильскую армию, возможно, мы сделали бы меньше ошибок, но не выиграли бы битвы за Синай.

3

Военная победа на Синае принесла Израилю не только прямые выгоды — свободу судоходства, прекращение терроризма — но, что более важно, подняла престиж нашего государства в глазах как врагов, так и друзей. Израиль взошел на такую ступень, когда начал становиться желанным другом и союзником, а армия его стала заслуженно считаться самой сильной на Ближнем Востоке. Дружественно настроенные державы больше не смотрели на Израиль как на некое чадо, неспособное брать на себя ответственность за собственную судьбу, и «Большие страны» постепенно пересмотрели свои взгляды на вопрос продажи оружия для вооруженных сил нашей страны.

Но главными достижением Израиля стал тот эффект, который произвела на арабских соседей наша готовность с мечом в руке отстаивать права на море и безопасность на суше. Способность нашей армии разгромить войска Египта заставила арабов надолго забыть о возобновлении агрессивной политики. Синайская кампания не мыслилась как превентивная война, целью которой являлось бы предупреждение болезни, поскольку сложившаяся обстановка уже была нездоровой, и взяться за оружие Израилю пришлось, чтобы снять блокаду Тиранского пролива и положить конец акциям террора. Вместе с тем кампания способствовала обузданию амбициозных стремлений арабских стран чинить вред Израилю. Не случайно же президент Египта, Гамаль Абд-эль-

Насер, убеждает арабов воздерживаться от нападений на Израиль до тех пор, пока они не консолидируют все свои силы. Он призывает арабов к этому вовсе не потому, что отказался от намерений уничтожить Израиль, а потому, что научился уважать силу его армии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Оперативное управление генштаба 5 октября 1956 г.

Операция «Кадеш».

Оперативный план № 1

Сведения:

1. См. сводку разведданных.

Цели:

2. Армия Обороны Израиля овладевает северным Синаем, создает линию обороны на восточном берегу Суэцкого канала и обеспечивает оборону государства на других участках.

Способ реализации:

3. Общее:

a. Овладение северным Синаем осуществляет Южное командование силами 6 пехотных и 3 бронетанковых бригад.

b. Северное и Центральное командования обороняют свои районы следующими силами:

I. Северное командование: 2 пехотные бригады плюс 1 батальон; 2 дополнительных батальона (резервисты старшего возраста); 1 батальон пограничников; бронетанковый батальон командования.

II. Центральное командование: 2 пехотные бригады плюс 1 батальон; 4 дополнительных батальона (резервисты старшего возраста); 2 батальона пограничников; бронетанковый батальон командования.

c. 202-я парашютная пехотная бригада в результате парашютной выброски захватит эль-Ариш.

d. 2 пехотные бригады составят резерв генштаба.

e. Фазы:

I. Овладение северным Синаем до линии эль-Ариш — Джебель-Либни — Бир-Хасна — Нахле и развитие наступления. (В течение 1 суток, начиная со дня «Д».)

II. Наступление к Суэцкому каналу и завершение очистки сектора Газа. (В течение 2 суток, начиная с момента через 1 сутки после дня «Д».)

III. Овладение Тиранским проливом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Кому: начальнику оперативного управления

25 октября 1956 г.

Предмет: указания по оперативному плану

Цели:

1. Создать военную угрозу Суэцкому каналу путем захвата объектов в непосредственной близости от него.

2. Захватить Тиранский пролив.

3. Привести в замешательство египетские войска на Синае и лишить их способности к сопротивлению.

Способ реализации плана:

Общее:

День «Д»: Понедельник, 29.10.1956 г.

Час «Ч»: 17.00.

Фазы:

Фаза 1. Ночь дня «Д» (29–30.10):

a. Захват парашютистами перекрестка у Судер-эль-Хейтан [перевала Митла] на направлении Нахле — Суэц.

b. Овладение Нахле.

c. Овладение Кунтилой и Рас-эн-Накбом.

d. Открытие направления Кусейма — Нахле.

e. Открытие направления Кунтила — Нахле.

f. Открытие направления Рас-эн-Накб — Нахле.

g. Приведение в состояние боеготовности с целью обеспечения обороны частей других Региональных командований с рассвета 30.10.

h. Полная боеготовность ВВС и ВМФ, начиная с часа «Ч» к выполнению следующих задач: защита воздушного пространства Израиля, оказание поддержки наземным силам, нанесение ударов по египетским аэродромам.

Фаза 2. Ночь, начиная с момента через 1 сутки после дня «Д» (30–31.10):

a. Наступление на направлении Рас-эн-Накб — Шарм-аш-Шейх с целью овладения Шарм-аш-Шейхом.

b. Готовность к контратаке на иорданском участке.

c. Овладение Кусеймой.

d. Оборонная боеготовность на границах с Сирией и Ливаном.

Фаза 3. Ночь начиная через 2 суток после дня «Д»(31.10–01.11) и далее:

a. Овладение Тиранским проливом.

b. Овладение Рафахом, Абу-Агейлой и эль-Аришем.

c. Создание линии обороны, параллельной Суэцкому каналу на расстоянии не менее 15 километров к востоку от него.

d. Открытие путей наступления от Судер-эль-Хейтана через Бир-Мор и эт-Тор на Шарм-аш-Шейх и пути от Абу-Зенимы на Дахаб.

Начальник генерального штаба

Генерал-майор Моше Даян

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Боевое расписание египетских войск на Синае (накануне кампании)

Общее:

a. Командующий: генерал Али Али-Амер

b. Функции:

1. Оборона Синая и сектора Газа от возможных атак израильских войск.

2. Оборона зоны канала от агрессивных действий со стороны Британии и Франции.

c. Силы и задачи:

1. 2-я пехотная дивизия — оборона зоны канала;

2. 3-я пехотная дивизия — оборона северного и центрального Синая;

3. 8-я палестинская дивизия — оборона сектора Газа;

4. 2-ой моторизованный батальон пограничников — оборона участка на юге Синая;

5.1-я бронетанковая бригадная тактическая группа — резерв командования.

3-я пехотная дивизия:

Общее:

a. Командир: Бригадный генерал Абд-эль-Вахаб Алькади.

b. Функции: Оборона северного и центрального Синая.

c. Зоны ответственности: международная граница на участке от Рафаха (и включая Рафах) до Кусеймы (и включая Кусейму) и укрепленный район Ум-Катеф — Абу-Агейла.

d. Способ реализации: Упорная оборона, основанная на размещение сил численностью в батальон на участках Рафах — эль-Ариш и Ум-Катеф — Абу-Агейла, с привлечением резервов дивизии при готовности к контратакам в случае нападения.

Силы и задачи:

A. Общее:

1. 5-я (усиленная) бригада плюс танковый эскадрон [«Шерманы»] — оборона района Рафаха.

2. 6-я (усиленная) бригада — оборона опорного пункта Ум-Катеф — Абу-Агейла.

3. Усиленный пехотный батальон — оборона эль-Ариша.

4. Бригада резервистов — обязанности по общей обороне Абу-Агейлы и эль-Ариша.

5. Дивизионные резервы — 2 танковых эскадрона [«Шерманы»] плюс один пехотный батальон.

B. Участок Рафаха:

1. Командующий: полковник Джафр эль-Маджид, командир 5-ой пехотной бригады.

2. Силы: 5-я пехотная бригада с приданными ей подразделениями.

3. Задачи:

a. Закрепиться на оборонительных позициях Рафаха и защищать лагеря Рафаха;

b. Противодействовать вражеским войскам, высаживающимся с воздуха или с моря на участке бригады.

4. Границы:

Восточная: От точки 2356/2396, где Данегорская дорога пересекает границы, установленные по условиям Соглашения о перемирии, и до побережья Средиземного моря 2278/ 2492 включительно.

Западная: Линия координат 216.

Северная: Побережье Средиземного моря.

Южная: Вади-эль-Харидин.

C. Участок Абу-Агейла — Кусейма:

1. Командующий: Бригадный генерал Сами Ям-Болец, командир 6-й пехотной бригады.

2. Силы: 6-я пехотная бригада с приданными ей подразделениями.

3. Задачи:

a. Находиться в состоянии боеготовности к появлению Израильской армии от Кусеймы и сдержать продвижение противника следующим образом:

I) Разместив части Национальной гвардии в Кусейме и вокруг нее.

II) Послав части из разведывательной роты в поддержку Национальной гвардии в Кусейме, препятствовать продвижению противника в Рас-Матморе и на перевале Даика, взорвав мост.

b. Закрепившись на оборонительных рубежах в Ум-Катефе.

c. Уничтожая вражеские войска, которые могут наступать через Вади-Джемаль.

d. Уничтожая вражеские войска, которые могут быть выброшены на участке бригады на парашютах.

4. Границы:

Северная: Вади-эль-Харидин по всей ее длине на запад.

Южная: Джебель-Харуф (25741550) — Джебель-эль-Марафек (243153) — Джебель-эль-Шариф (219146) — Джебель-Катима (173146— точка 916 (162146) — точка 409 (135146) — точка 430 (803856) — до линии координат 770.

Восточная: Политическая граница.

Западная: Линия координат 770.

D. Участок эль-Ариша:

1. Командующий: подполковник Селим Макор Башчара, командир 11 — го пехотного батальона.

2. Силы: 11-й пехотный батальон с приданными частями.

3. Задачи:

a. Оборона эль-Ариша.

b. Защита Шейх-Зувейда силами пехотной роты.

c. Уничтожение сухопутных войск противника, а также морских и воздушных десантов.

4. Границы:

Северная: Побережье Средиземного моря.

Южная: Вади-эль-Хардин.

Восточная: Линия координат 216.

Западная: Линия координат 178.

E. Резервы дивизии:

1. Командующий: полковник Саад эд-Дин Метули, командир 4-й пехотной бригады.

2. Силы: 12-й батальон 4-й бригады с приданными частями.

3. Дислокация: оборонительные рубежи эль-Ариша или любая иная дислокация в соответствии с ситуацией.

4. Задачи:

a. Отбить Рафах или иные пункты обороны на данном участке, которые могут быть захвачены.

b. Связать боями неприятеля, который может атаковать Рафах (с целью ослабить вражеский натиск на Рафах).

c. Предотвратить продвижение противника на запад к эль-Аришу.

d. Защищать эль-Ариш в случае нападения на него противника (оказать помощь гарнизону).

e. Отбить оборонительный рубеж Ум-Катеф.

f. Предотвратить наступление неприятеля на север к эль-Аришу.

g. Предпринять действия для того, чтобы отрезать любые силы противника, которые могут наступать на запад в направлении Исмаилии.

F. Силы в оперативном подчинении командования дивизии:

1.1 — й моторизованный батальон пограничников (за минусом одной роты).

2. Рота джипов.

3. 43-й батальон из 86-й палестинской бригады.

4. 247-й гвардейский батальон.

5. 289-й пехотный батальон (резервисты).

6. Бригада Национальной гвардии с его одним батальоном.

7. 295-й и 297-й батальоны (резервисты) из состава 9-й

бригады.

8-я палестинская дивизия:

Общее:

a. Командир: Генерал-майор Юсеф Абдалла Агруди.

b. Функции: Оборона сектора Газа от атак израильтян.

c. Способ реализации:

I) Защита оборонительных рубежей вдоль всей границы между Израилем и сектором (Газа).

II) Размещение резервных сил на участках бригад для мелкомасштабных контратак.

d. Силы и задачи:

26-я бригада Египетской национальной гвардии — оборона северного участка сектора (включая город Газа);

86-я палестинская бригада — оборона района Хан-Юниса и прилегающих территорий.

87-я палестинская бригада — формирование и ведение подготовки личного состава в лагерях Рафаха. В случае начала войны поступает под оперативное командование командира 5-й пехотной бригады.

Диспозиция:

a. Штаб 8-й палестинской дивизии — Хан-Юнис.

b. 86-я палестинская бригада — район Хан-Юниса; включает в себя 11-й батальон, 32-й батальон и 44-й батальон (из 87-й бригады).

c. 26-я бригада Египетской национальной гвардии — северный участок сектора; включает в себя батальонную группу на северном отрезке участка и такую же часть — на южном, с подразделением резервистов около берега[72]. 20-я минометная батарея (калибра 120 мм) — рассредоточены на северном участке. 2 взвода пограничников — рассредоточены на северном участке.

d. 87-я палестинская бригада — формирование и ведение подготовки личного состава в лагерях Рафаха.

Силы и задачи:

a. 86-я палестинская бригада:

1. Командующий войсками на участка: подполковник Луфти эль-Бурини.

2. Задача: оборонять район Хан-Юниса до самого конца.

3. Границы:

Южная: продолжается до восточной границы 3-й дивизии на Рафахском участке, (с 23562396 до 22782492).

Западная: побережье.

Восточная: линия перемирия.

Северная: север Хан-Юниса до переезда со шлагбаумом на

главной дороге (с 090868 до 050912).

4. Диспозиция:

I. Штаб 86-й палестинской бригады — Хан-Юнис.

II. 32-й батальон на опорном рубеже к северу и северо-востоку от Хан-Юниса. 3 роты — на оборонительные позиции (из расчета по одной роте): одна рота — на три поста на севере (по взводу на каждый), на переезд главной дорогой; вторая рота — на три поста на северо-востоке[73]; третья — на три поста на востоке. Четвертая рота должна остаться в резерве командира батальона, готовая занять позиции на позициях второго эшелона обороны.

III. 11 — й батальон разместить на юге и на юго-востоке Хан-Юниса, также из расчета по одному взводу на аванпост. Одну роту — на оборонительные рубежи на шоссе, ведущее к Рафаху.

IV. 44-й батальон — 3 роты должны быть оставлены в резерве, а четвертая — занять позиции на берегу моря в точке 08100855.

V. Батарею тяжелых минометов — в 08600840.

b. 26-я бригада Египетской национальной гвардии — северный участок сектора:

1. Командующий войсками на участке; подполковник Гамаль эд-Дин Али.

2. Задача: оборона участка от рейдов и вторжения израильтян.

3. Границы:

Южная: продолжается до северной границы 86-й палестинской бригады от 090868 до 050912.

Восточная: линия перемирия.

Северная: граница сектора Газа.

Западная: побережье.

4. Диспозиция:

[Район между Дир-эль-Балахом и Бейт-Хануном разделен Вади-Газа на северный и южный участки. Египетским документом предписывается разместить на северном два «батальона», но они представляли собой небольшие части; один «батальон» дислоцировался на южном участке как резервное подразделение, а 250 чел. в лагере на побережье задействовались как резерв бригады. Другая группа «батальонов» размещалась на участке у югу от Дир-эль-Балах. Один «батальон» отвечал за оборону побережья.] 20-я батарея тяжелых минометов должна быть распределена между аванпостами следующим образом: 1-е отделение — к северу от Газы; 2-е — к югу от Газы; 3-е — к северу от Хан-Юниса. [Каждое отделение размещалось на позиции вдоль границы сектора отдельно и должно было оказывать поддержку силам Национальной гвардии, защищавшим пограничные заставы.] Одно отделение береговой артиллерии из 4-го

дивизиона. 2 трехдюймовые [76,2-мм] пушки и 2 прожектора, расположенные на берегу. 4 шестифунтовые [57-мм] противотанковые пушки. Одно отделение пограничников для патрулирования дюн в северной части сектора.

2-й МОТОРИЗОВАННЫЙ БАТАЛЬОН ПОГРАНИЧНИКОВ — (сектор южного Синая)

a. Силы: Непосредственно подчинены Восточному командованию. 3 моторизованные роты. 1 батальон [Около 250 чел.] Египетской национальной гвардии.

b. Зона ответственности: направления Кунтила — Нахле — перевал Митла, Рас-эн-Накб — Темед — Нахле и район к северу до Бир-Хасны. Также ответственны за оборону объектов на направлении Джебель-Либни — Бир-Гафгафа.

c. Задачи:

I. Защита района от вторжения израильских войск и прикрытие южного фланга египетских войск[74].

II. Оповещение в случае вторжения израильтян, командования силами на севере Синая[75].

III. Препятствование продвижению противника на южном направлении, чтобы в случае чрезвычайной ситуации можно было организовать эшелонированную оборону.

IV. Защита объектов в окрестностях Бир-Гафгафы и патрулирование.

d. Диспозиция:

I. Штаб батальона, одна моторизованная рота и две роты батальона Национальной гвардии в Нахле[76]. Также Нахле — база снабжения батальона.

II. Укрепленная позиция Темед с двумя ротами защитников — одной моторизованной и одной из Национальной гвардии. Моторизованная рота ответственна за участок Те-мед — Рас-эн-Накб — Кунтила и должна посылать в дозор небольшие части с целью предупреждения вторжения противника. Третья рота патрулирует направление Нахле— Бир-Хасна — Бир-Гафгафа.

d. Соседние силы:

I. Участок Шлуфа — Суэц (зона канала): 2-я пехотная бригада: 5 батальонов, 2 батареи тяжелых минометов, части пограничников и Национальной гвардии, 1 полг легких средств ПВО (54 ствола), 1 тяжелая зенитная батарея, 2 батареи береговых орудий.

II. 3-я дивизия на севере Синая.

f. Задачи на подучастке Нахле (командующий: подполковник Фуад Хакла Джераджес): Региональная оборона с особым упором на защиту взлетно-посадочной полосы в Нахле от действий вражеских парашютистов.

g. Задачи на подучастке Темеда (командующий: майор Махмад Абд-эль-Меджид Мари):

I. Послать подразделение на позиции «раннего оповещения» [дальнего обнаружения]: в Ум-Макрут, в Джебель-Ум-Халиф, у входа в Вади-Джерафи, в Кунтиле, в Джебель-эль-Раша, в Рас-эн-Накб.

II. Заранее оповещать о крупном наступлении противника.

III. Препятствовать продвижению неприятеля на данном участке.

IV. Защищать подходы к Темеду и оборонять дер. Темед.

V. Ежедневно посылать патрули из Темеда для поддержания контакта с частями «раннего оповещения». Послать подразделение в Ум-Макрут для ежедневного патрулирования вдоль Вади-эль-Бида до Бир-Мааин или вдоль Вади-Лисан до международной границы.

Акабский залив:

a. Силы (район Шарм-аш-Шейх — Рас-Насрани):

21-й пехотный батальон

Батальон Национальной гвардии

Два 6-дюймовых береговых орудия

Четыре тяжелых 3-дюймовых [76,2-мм] зенитных орудия

Шесть 30-мм легких зенитных орудия

1 батарея 57-мм противотанковых орудий Наблюдательные посты вдоль западного берега залива.

2 взвода пограничников

фрегат «Рашид»

b. Командование: Командующий: полковник Раиф Махфуз-Заки. В непосредственном подчинении генштаба. Штаб — в Шарм-аш-Шейхе.

c. Зона ответственности: от Шарм-аш-Шейх на юге до северной части залива.

d. Диспозиция:

Рас-Насрани[77]: Штаб 21-го пехотного батальона плюс 2 роты, 2 отделения 81-мм минометов, 1 отделение средних пулеметов; 6-дюймовых и 3-дюймовых орудия и три 30-мм пушки, а также 2 прожектора.

Одна рота ответственна за оборону дороги в Шарм-аш-Шейх и прикрывает береговые и зенитные орудия. Вторая рота отвечает за оставшийся участок, при этом особое внимание отводится берегу и предотвращению высадки морского десанта.

Шарм-аш-Шейх: Командование района с 1 ротой из 21-го батальона, 1 взвод средних пулеметов, три 30-мм и две 57-мм пушки, 10 транспортеров Брена.

Ответственность за оборону аэродрома (при этом особое

внимание отводится предотвращению высадки воздушного десанта); оборона дороги к Рас-Насрани и готовность отразить воздушный десант непосредственно на севере.

[Четвертая рота на транспортерах Брена с отделениями легких и тяжелых минометов базировались в Каиде и находились на радиосвязи с особыми наблюдательными пунктами, расположенными к северу от Шарм-аш-Шейха, где могли высадиться израильские парашютисты.]

Побережье [оборона берегов Синайского полуострова являлась обязанностью египетских пограничных частей, состоявших из военнослужащих на верблюдах и мотопехоты. (Взвод на верблюдах насчитывал 30 солдат на 45 верблюдах.) Пограничники вели наблюдение с постов вдоль восточного берега Суэцкого и западного берега Акабского залива. Они подчинялись Суэцкому региональному командованию.]

Суэцкий залив: пограничные заставы в эль-Шатте, Абу-Зениме, эт-Торе и Шарм-аш-Шейхе.

Акабский залив: Заставы на островах Теба, Боасит, в Дахабе и на островах Тиран и Санапир [все на радиосвязи с Шарм-аш-Шейхом].

1-я БРОНЕТАНКОВАЯ БРИГАДНАЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ГРУППА

Силы: 4-й бронетанковый батальон [советские танки Т-34]

6-й бронетанковый батальон [мотопехота на советских бронетранспортерах]

53-я артиллерийская батарея [советские самоходные орудия СУ-100]

1 батарея легких средств ПВО

Задачи: Резерв командования. Сдерживать наступление израильской бронетехники, связывать неприятеля боем, на первом этапе выровнять фронт для последующего перехода в контратаку.

ВВС [диспозиция накануне кампании]

Базаы ВВС:

Абу-Сувейр: 30-я эскадрилья Миг-15 15 машин

Файид:

40-я эскадрилья «Вампиры» 10 машин «Метеоры» 20 машин

5-я эскадрилья «Метеоры» 12 машин

2-я эскадрилья «Вампиры» 15 машин

Каспарит: 31-я эскадрилья «Вампиры» 15 машин

Кабрит:

20-я эскадрилья Миг-15 15 машин

1-я эскадрилья Миг-15 15 машин

Каир-Запад:

8-я эскадрилья Ил-28 12 машин (на стадии организации)

9-я эскадрилья Ил-28 12 машин (плюс 5 в резерве)

Альмаза:

3-я эскадрилья Ил-14 20 машин

7-я эскадрилья «Коммандос» 20 машин

11-я эскадрилья «Дакота» 20 машин [В Альмазе также базировались 6 ночных истребителей «Метеор» NP-13 и 8 «Фьюри»]

Луксор: Ил-28 20 машин

[Не все эти эскадрильи находились в рабочем состоянии. Оперативные силы состояли из: 2 эскадрилий Миг-15 (30 машин), 1 эскадрильи «Вампиров» (15 машин), 1 эскадрилья «Метеоров» (12 машин), 1 эскадрилья Ил-28 (12 машин) и 3 эскадрилий транспортных самолетов (около 60 машин). Альмаза, Каир-Запад и Луксор являлись базами для реактивных бомбардировщиков и транспортных самолетов. Альмаза и Каир-Запад вместе с Иншасом служили базами истребителей для защиты воздушного пространства над Каиром и над близлежащими густонаселенными районами. Аэродромы были реконструированы и подготовлены к приему самолетов советского образца. Базами ВВС в зоне канала являлись Кабрит, Абу-Сувейр и Файид. Большинство истребителей поднимались в воздух именно оттуда. В их задачи входило патрулирование зоны канала и оказание поддержки с воздуха дислоцированным там наземным частям. Запасные аэродромы на Синае находились в эль-Арише, Бир-Хаме и Бир-Гафгафе. Их могли задействовать истребители при оказании непосредственной поддержки наземным частям и защиты воздушного пространства над Синаем. Поле в Бир-Хаме начали готовить к приему Мигов. Для рассредоточения самолетов существовали дополнительные аэродромы.]

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ФОРМИРОВАНИЯ ИЗРАИЛЬСКОЙ АРМИИ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В ОПЕРАЦИИ «КАДЕШ»

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

202-я парашютная бригада (3 батальона 2 роты Нахаль 1 танковый эскадрон (AMX) 1 батарея полевых орудий 1 батарея тяжелых минометов)

СРАЖЕНИЕ:

Овладение Кунтилой, Темедом, Нахле, перевалом Митла, Рас-Сударом, эт-Тором, участие в захвате Шарм-аш-Шейха

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

4-я (усиленная) пехотная бригада (3 батальона 1 батарея полевых орудий 1 батарея средних орудий 1 батарея тяжелых минометов)

СРАЖЕНИЕ:

Овладение оборонительными рубежами Кусеймы, удержание Джебель-Либни, Нахле и перевала Митла

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

10-я (усиленная) пехотная бригада (3 батальона 1 батарея полевых орудий 1 батарея тяжелых минометов) (Артиллерийские батареи, поддерживавшие 4-ю бригаду, также поддерживали 10-ю бригаду)

СРАЖЕНИЕ:

Овладение Ауджа-Масри и Тарат-Ум-Басис и попытка взятия Ум-Катефа

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

1-я (усиленная) пехотная бригада (4 батальона 1 батарея полевых орудий 1 батарея тяжелых минометов 1 саперный батальон)

СРАЖЕНИЕ:

Захват позиции противника в р-не Рафаха, удержание эль-Ариша

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

11- я (усиленная) пехотная бригада (2 пехотных батальона 1 бронетанковая батальонная тактическая группа 1 батарея тяжелых минометов 1 противотанковая батарея)

СРАЖЕНИЕ:

Овладение сектором Газа

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

9-я (усиленная) пехотная бригада (3 батальона 1 батарея полевых орудий 1 саперный батальон)

СРАЖЕНИЕ:

Захват Рас-эн-Накба, Рас-Насрани и Шарм-аш-Шейха

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

12-я пехотная бригада 1 батальон

СРАЖЕНИЕ:

Высадка в эт-Торе (после захвата данного пункта парашютистами), зачистка сектора Газа

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

7-я бронетанковая бригада (1 бронетанковый батальон [«Шерманы»] 1 бронетанковый батальон [AMX] 1 батальон полугусеничных бронемашин 1 батальон мотопехоты 1 батарея полевых орудий)

СРАЖЕНИЕ:

Овладение оборонительными рубежами противника вокруг Абу-Агейлского перекрестка, захват оборонительных рубежей плотины Руэфа, бои с вражеской бронетехникой в районах Бир-Руд-Салима, Бир-Гафгафы и Джебель-Либни.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

27-я бронетанковая бригада (1 бронетанковая батальонная тактическая группа: 1 эскадрон легких танков 1 рота полугусеничных бронемашин 1 батарея САУ (105-мм)[78] 1 подразделение разведки 1 отделение саперов. 1 бронетанковая батальонная тактическая группа: 1 эскадрон тяжелых танков 1 рота полугусеничных бронемашин 1 батарея САУ (105-мм) 1 подразделение разведки 1 подразделение танковых механиков 1 отделение саперов 1 батальон мотопехоты)

СРАЖЕНИЕ:

Овладение позициями в Рафахе, взятие эль-Джеради и эль-Ариша, выдвижение к Суэцу.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ:

37-я бронетанковая бригада (1 бронетанковый батальон [«Шерманы» и «Супер-Шерманы»] 1 эскадрон легких танков (AMX) 1 батальон полугусеничных бронемашин 1 батальон мотопехоты 1 саперная рота)

СРАЖЕНИЕ:

Сражение за рубежи обороны Ум-Катефа, участие в захвате сектора Газа под командованием командира 11-й бригады.

ВВС Израиля: Машины, находившиеся в рабочем состоянии на день «Д»:

«Мистэры» 16 ед.

«Ураганы» 22 ед.

«Метеоры» 15 ед.

«Мустанги» 29 ед.

«Харварды» 17 ед.

«Москито»16 ед.

«Дактоты» 16 ед.
«Норды» 3 ед.
Б-17 2 ед.
Всего: 136 ед.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Даты наиболее крупных акций израильских подразделений (сухопутные силы) [[слева направо]][79]

№ п/п	Часть	Понедельник 29 октября 1956 г.	Вторник 30 октября	Среда 31 октября	Четверг 1 ноября	Пятница 2 ноября	Суббота 3 ноября	Воскресенье 4 ноября	Понедельник 5 ноября	Потери		
										убитыми	ранеными	всего
1	202-я парашютная бригада	Вечер: 1 овладевает Кунтиллой 2 батальона высаживается на перевале Митла	Перед рассветом: захватывает Темед. Во второй половине дня: захватывает Накле В 18.00: соединяется с выброшенным на перевале батальоном	Пытается продвинуться через перевал Митла, атакуемая противником с воздуха. Оказывается запертой на перевале	Битва на перевале Митла	1. Разведчики отправляются к Рас-Судару 2. Две роты десантируются в эт-Торе, затем па самолетах туда прибывает пехотный батальон	1. Овладение нефтяными месторождениями на западе Синая. 2. Разведчики выдвигаются из эт-Тора к Шарм-аш-Шейху.	Батальон выходит к эт-Тору из Рас-Судара и выдвигается к Шарм-аш-Шейху		42	120	162
2	9-я пехотная бригада	Вечер: две роты овладевают Рас-эп-Накбом			1. Бригада выдвигается в район Рас-эп-Накба. 2. Разведка следует в 40 км впереди	1. Колонна достигает точки в 35 км к северу от Дахаба 2. Взятие Теба частью из Эйлата	1. Овладение Дахабом и продвижение на юг 2. Разведчики достигают точки в 20 км к северу от Рас-Насрани	1. Овладение Рас-Насрани 2. Продвижение к Шарм-аш-Шейху	Утро: захват Шарм-аш-Шейха	10	32	42

№ п/п	Часть	Понедельник 29 октября 1956 г.	Вторник 30 октября	Среда 31 октября	Четверг 1 ноября	Пятница 2 ноября	Суббота 3 ноября	Воскресенье 4 ноября	Понедельник 5 ноября	Потери		
										убитыми	ранеными	всего
3	4-я пехотная бригада		Перед рассветом: 1. Захват Сабки 2. Захват Кусеймы 3. Разведчики выдвигаются к Накле		Один батальон, получивший задание удерживать Накле, сменяет там парашютистов					3	23	26
4	7-я бронетанковая бригада		Продвижение через Кусеймы к Абу-Агейле на двух направлениях (па Ум-Шихан и через перевал Данка)	1. Овладение перекрестком у Абу-Агейлы 2. Захват плотины Руэфа 3. Взятие перекрестка Джебель-Либни; отражение танковой контратаки 4. Овладение Бир-Хасной	Перед рассветом: Сражение с танками бригадной тактической группы противника у Бир-Руд-Салима	Танковый бой к западу от Гафгафы. Продвижение к Суэцкому каналу на центральном направлении				15	88	103

№ п/п	Часть	Понедельник 29 октября 1956 г.	Вторник 30 октября	Среда 31 октября	Четверг 1 ноября	Пятница 2 ноября	Суббота 3 ноября	Воскресенье 4 ноября	Понедельник 5 ноября	Потери		
										убитыми	ранеными	всего
4	7-я бронетанковая бригада			5. Разведчики выдвигаются вплоть до Митлы								
5	10-я пехотная бригада		Вечер: взятие Ауджа-Макри и Тарат-Ум-Басиса	Попытка штурма Ум-Катефа		Овладение Ум-Шиханом				4	47 (один пропавший без вести)	52
6	37-я бронетанковая бригада (за минусом одного бронетанкового батальона)				Ночь и раннее утро: попытка взять Ум-Катеф силами батальона полугусеничных машин	[[2 и 3 ноября.]] (Участвовала в овладении сектором Газа под оперативным командованием 11-й пехотной бригады				28	94	122
7	1-я пехотная бригада				Перед рассветом: захватила некоторые рубежи Рафахского оборонительного узла					15	79	94
8	27-я бронетанковая бригада				С раннего утра и до наступления ночи: прорыв оборонительных рубежей Рафаха	Утро: взятие эль-Ариша Продвижение к Суэцкому каналу на расстояние 15 км				16	82	98

№ п/п	Часть	Понедельник 29 октября 1956 г.	Вторник 30 октября	Среда 31 октября	Четверг 1 ноября	Пятница 2 ноября	Суббота 3 ноября	Воскресенье 4 ноября	Понедельник 5 ноября	Потери		
										убитыми	ранеными	всего
8	27-я бронетанковая бригада				2. Бой за эль-Джеради. Выдвижение к предместьям эль-Ариша							
9	11-я пехотная бригада (с одной бронетанковой батальонной группой из 37-й бригады)					Вечер: овладение Газой и северной частью сектора и выдвижение к Хан-Юнису	Овладение Хан-Юнисом			10	62	73
10	12-ж пехотная бригада					Вечер: следом за двумя парашютными ротами 202-й бригады один батальон бригады на самолетах высаживается в эт-Торе	Вступает на территорию сектора Газа для начала операции по зачистке			7	22	29

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

ТРОФЕЙНОЕ ЕГИПЕТСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ И ТЕХНИКА

МОРСКИЕ СУДА: 1 эсминец («Ибрагим-эль-Аваль»)

РАДАРЫ: 1 мобильная РЛС

ЛЕГКОЕ СТРЕЛКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ:

Револьверы 300 ед.

Автоматы 1170 ед.

Винтовки 4300 ед.

Ручные пулеметы 550 ед.

Станковые пулеметы 290 ед.

Минометы (от 2-дюймов [51-мм] до 81-мм) 220 ед.

Базуки 260 ед.

Противотанковые ружья 320 ед.

Безоткатные орудия (чешского пр-ва, 82-мм.) 200 ед.

АРТИЛЛЕРИЯ:

25-фунтовые орудия (британские) 55 ед.

Береговые орудия 6 ед.

Противотанковые пушки (6-фунтовые и советские 57-мм) 100 ед.

Зенитные установки (разные) 100 ед.

Минометы (120-мм) 18 ед.

БРОНЕТЕХНИКА:

Танки Т-34 26 ед.

Самоходные артиллерийские установки СУ-100 6 ед.

Танки «Шерман» 40 ед.

«Шерманы» со специальной башней 12 ед.

Танки «Валентайн» (без пушек) 15 ед.

САУ «Арчер» (с 17-фунт. [76,2-мм] пушкой) 40 ед.

Бронетранспортеры (гусеничные, крытые, советского производства) 60 ед.

Транспортеры Брена 260 ед.

Командирский танк Т-34 (советский) 1 ед.

Передвижные танковые мастерские («Шерман») 3 ед.

Танковые бульдозеры (ремонтн.) 3 ед.

Ложные «Шерманы»16 ед.

Ложные пушки 16 ед.

ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА:

Мотоциклы 155 ед.

Пассажирские транспортные средства 50 ед.

Джипы (виллисы) 470 ед.

Лендроверы 34 ед.

Легкие грузовики (разные) 700 ед.

Тяжелые грузовики 820 ед.
Тягачи орудийные 60 ед.
Машины разных типов 200 ед.
Танковые транспортеры 3 ед.
Прицепы (разные) 480 ед.
Танковые прицепы 12 ед.
БОЕПРИПАСЫ:
Ручные гранаты 25 000 шт.
Патроны:
9-мм 8 000 000 шт.
303-дюймовые [7,7-мм] 5 000 000 шт.
7,62-мм (длинные и короткие) 6 000 000 шт.
7,92-мм 21 000 000 шт.
12,7-мм 15 000 шт.
Снаряды:
20-мм 20 000 шт.
30-мм 70 000 шт.
40-мм 22 000 шт.
37-мм (советские) 13 500 шт.
23-мм (советские) 14 000 шт.
6-фунтовые 22 000 шт.
57-мм (советские) 13 500 шт.
75-мм 15 000 шт.
85-мм (советские) 30 000 шт.
100-мм 6 500 шт.
102-мм (береговые орудия) 390 шт.
100-мм (морские) 940 шт.
25-фунтовые (британские) 75 000 шт.
17-фунтовые 35 000 шт.
122-мм (советские) 3000 шт.
20-фунтовые 15 000 шт.
3-дюймовые (зенитные) 3000 шт.
3,7-дюймовые [94-мм] 400 шт.
85-мм гранаты для базуки. 8000 шт.
Винтовочные гранаты и минометые мины (калибра до 81-мм) 100 000 шт.
Мины для 120-мм минометов 15 000 шт.
Глубинные бомбы 20 шт.
80-мм реактивные авиационные снаряды 850 шт.
Снаряды для 82-мм безоткатных орудий (чешского производства) 1700 шт.
ИНЖЕНЕРНО-САПЕРНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ:
Пластиковые противотанковые мины 35 000 шт.
Прочие мины 20 000 шт.

Брикеты взрывчатки 25 000 шт.

РАДИООБОРУДОВАНИЕ:

Рации 300 шт.

ПРОЧЕЕ СНАРЯЖЕНИЕ:

Бинокли 100 шт.

Телескопы и компасы 200 шт.

Прожекторы 2 шт.

КРОМЕ ТОГО, египтяне потеряли 4 истребителя Миг-15, 3 «Вампира» и 1 «Метеор»

Шабтай Тевет ТАНКИ ТАММУЗА
Shabtai Teveth The Tanks of Tammuz

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В последние годы бронетанковые войска играли выдающуюся роль в укреплении мощи ЦАХАЛа (Израильских вооруженных сил) и являлись решающей силой на всех фронтах во время Шестидневной войны. Именно танкисты взломали оборону египтян на Синае и прошли вдоль и поперек весь полуостров, они смели сирийские укрепления на Голанских высотах и способствовали быстрой победе израильтян на Западном берегу реки Иордан.

В отличие от ВВС, в бронетанковые войска, как и в пехоту набираются люди без специальной подготовки, но в то же время они отличаются от пехоты тем, что являются техническими войсками, и потому служба в них требует особой дисциплины. Таким образом, хотя дисциплина в Армии Обороны Израиля всегда традиционно основывалась на понимании и признании целесообразности задач каждым военнослужащим, подобный подход оказался неприемлемым для бронетанковых войск, где огромнейшее значение имеет правильная эксплуатация боевой техники. Дисциплина, основывающаяся на слепом повиновении, столь чужда народу Израиля, что становление подобной дисциплины в бронетанковых войсках стало выдающимся примером того, как необходимость ведения войны на выживание меняет национальный характер.

Эта книга — рассказ о том, что Шестидневная война была войной на выживание, и о том, что ЦАХАЛ не в состоянии вести крупномасштабных боевых действий без участия в них резервистов, а значит, является армией гражданских людей. Шестидневной войне предшествовала «тракторная война» и «водная война», разгоревшиеся из-за отвода притоков Иордана на севере. В бронетанковых войсках эти конфликты считаются прелюдией Шестидневной войны, поскольку они стали пробой сил для танкистов — именно в ходе этих столкновений росло мастерство и крепла дисциплина личного состава бронетанковых войск.

Одно из крупнейших танковых сражений всех времен (сравнимое только с теми, что происходили в СССР во время Второй мировой войны) произошло летом 1967 года на Синайском полуострове, где против трех дивизий ЦАХАЛа сражались значительно превосходившие их численно войска Египта, сумевшего противопоставить израильтянам почти тысячу танков. В Шестидневной войне дивизия генерала Исраэля Таля совершила наибольшее количество прорывов. За первые сутки

действовавшая на самом северном направлении дивизия Таля взломала оборону нескольких мощных укрепрайонов, а ее авангард достиг тыла первой линии вражеской обороны за восемь часов. За этот короткий период она с тяжелыми боями прошла семьдесят километров и уничтожила шесть вражеских бригад, установив тем самым рекорд в области ведения танковой войны.

Я дал детальное описание сражений именно дивизии генерала Таля по двум простым причинам. На долю этого соединения достался самый жаркий огонь сражений, а я как военный корреспондент был приписан к ней и стал свидетелем выдающегося героизма личного состава дивизии. Вместе с танкистами Таля я провел три недели в напряженном ожидании войны, а затем сопровождал их во всех боях.

Мне помогали многие люди, и я не в состоянии перечислить их всех, поблагодарить каждого в отдельности. Я могу только выразить огромную благодарность всему штабу бронетанковых войск, их командирам и личному составу боевых частей. Но я выражаю особую благодарность одному — тому, кого, к моей великой печали, уже нет среди нас, подполковнику Эхуду Эладу, командиру батальона танков Паттон из состава бригады «D». Я познакомился с ним, когда он был тридцатиоднолетним майором, в те времена, когда народ Израиля, его Кнессет и правительство с тревогой и волнением следили за приготовлениями арабских армий к вторжению на территорию Израиля, когда наш народ готовился к войне за выживание. Это майор Эхуд Элад вселил в меня веру в нашу грядущую победу. Для меня он стал символом воина ЦАХАЛа, чей высокий воинский дух и ратная доблесть навсегда останутся примером для всех нас.

Шабтай Тевет
Тель-Авив
31 января 1968 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ
13 мая — 4 июня 1967 г

ГЛАВА 1

В субботу 13 мая 1967 г., в полдень, двадцатитрехлетний Илан Якуэль припарковал машину своего отца — «Пежо-404» — у дома генерала Таля. Илан прошел по алее, обсаженной манговыми деревьями, и постучал в дверь. Жена генерала и дети радостно встретили его. Илан всегда чувствовал себя желанным гостем в доме командующего бронетанковыми войсками. Несмотря на то, что генерал Таль был известен как строгий поборник дисциплины, он с большой симпатией относился к молодому Илану, который менее года назад служил его адъютантом.

Высокий, более метра восьмидесяти ростом, Илан был смугл, темноволос и очень красив. Все в бронетанковых войсках знали, что генерал считает его принадлежащим к тому типу офицеров, из которых со временем получаются начальники штабов Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛа). На сей раз, однако, Илан испытывал некоторую тревогу от предстоящей встречи с генералом. Он пришел сообщить Талю о том, что принял решение бросить учебу на психологическом факультете Тель-Авивского университета и посвятить несколько месяцев путешествиям.

Восемь месяцев назад, в октябре 1966-го, срок контракта Илана на службу в армии закончился. Штаб бронетанковых войск обратился к генералу с просьбой склонить адъютанта к заключению контракта на новый срок, что являлось обычной практикой по отношению к многообещающим молодым офицерам. Генерал Таль знал, что если он попросит Илана остаться, то не встретит отказа, но, хотя армия и нуждалась в каждом хорошем офицере, он поддержал молодого человека в его желании учиться. Генерал относился к Илану скорее как отец, чем как командир. Тем не менее он попросил Илана пройти обучение на командира танковой роты до увольнения в запас, и Илан продлил контракт до конца февраля 1967 г. Затем Якуэль был направлен в резервную бронетанковую бригаду «К» на должность комроты в звании лейтенанта[80]. Илан поступил в университет, еще находясь на службе, и генерал Таль лично проследил за тем, чтобы молодого человека приняли на факультет психологии.

В этом и заключалась причина тревоги Илана. К его удивлению, генерал проявил понимание. У них даже нашлось

время поговорить на любимую тему: бытие человека и его судьба.

Генерал отдыхал. Он не видел ни единого облачка ни на военном горизонте, ни на горизонте государственной безопасности. Приготовления к военному параду, которым собирались ознаменовать девятнадцатую годовщину образования государства Израиль 15 мая, были главной заботой армии, и на последнем заседании штаба генерал Таль и офицеры обсуждали, как выполоть сорняки вокруг главной штаб-квартиры.

После обеда генерал устроился в гостиной в кресле и закурил. Полки на стенах были уставлены книгами по философии и по искусству ведения танковой войны. Генерал Таль повернулся к Ила-ну. Он не стал упрекать молодого человека за отказ от учебы и сказал, что, может быть, ему и правда лучше отвлечься — путешествовать, посмотреть мир. Возможно, это поможет ему понять себя и найти цель в жизни. План был доволен. Он наконец набрался храбрости поведать генералу о своем последнем устном экзамене. Первый заданный преподавателем вопрос звучал так: «Что дали вам мои лекции?» — «Ничего, — честно ответил Илан». — «Чему же вы в таком случае научились за весь семестр?» — «Ничему».

Генерал засмеялся. За турецким кофе они возобновили беседу о философии Спинозы, о природе, как о единой, вечной и бесконечной субстанции, являющейся причиной самой себя, о пантеистическом отождествлении ее с Богом, о том, что люди поступают не так, как им нужно, а действуют тем или иным образом в силу складывающихся обстоятельств. Илан уже привык к таким дискуссиям, но во время одной из их первых бесед Таль буквально шокировал молодого человека. «Национализм, — сказал тогда генерал, — символизируемый флагом, гимном и традициями, является причиной войн, бедствий и катастроф». Сам он не верил в еврейский национализм. Но мир до сих пор представляет собой сообщество национальных государств, и у Израиля нет выбора, кроме как быть одним из них, прежде всего во имя народа, который, безусловно, страдал более других и вновь находится под угрозой истребления. Короче говоря, люди служат в ЦАХАЛе, чтобы обезопасить будущее своих детей. «Ради спасения моих детей, — заявил он ошеломленному Илану, — я готов разрушить весь мир». Ужас перед новым Холокостом жил в сердце генерала Таля, как и в сердцах многих израильтян, и он не сомневался в том, что арабские государства намерены уничтожить Израиль.

Уезжая, Илан чувствовал себя гораздо спокойнее. Он быстро и уверенно доехал до Тель-Авива, свернул в пригород и повел машину по извилистым улочкам, затем остановился перед

скрытой густой листвой виллой. Он несколько раз громко просигналил, нарушая тишину субботнего дня.

Миа, у которой в гостях были друзья, выглянула в окно и крикнула:

— Ты с ума сошел, Илан? Он нетерпеливо позвал:

— Выходи! Скорее!

Миа быстро спустилась и вышла из дома. Три месяца назад он заявил, что недостаточно хорош для нее, что она — само олицетворение традиций, тогда как он до сих пор понятия не имеет, чего хочет в жизни. «Ну так иди и ищи свою цель!» — с горечью бросила она тогда. Но отношения они сохранили и время от времени навещали друг друга. Порой он внезапно заявлялся среди ночи и сигналил под окнами. Может быть, он приехал сказать ей, что решил наконец выбрать профессию, жениться, остепениться?

— Я бросил учебу, — сообщил он ей. Миа пришла в ярость.

— Слушай, Илан, — проговорила она, едва сдерживаясь, — ты красив, умен, обаятелен. Я думаю, ты самый красивый мужчина на свете. Ответь мне только на один вопрос, почему в тебе начисто отсутствует вера в себя? Почему?!

— Не знаю, — признался Илан.

— От чего ты бежишь?

— Не знаю.

— Что ищешь?

— Не знаю.

Впервые они встретились в штабе генерала Таля. Девятнадцатилетняя Миа проходила срочную службу. Когда Илан сказал, что выбрал карьеру военного, она заявила: «Или я — или армия!» Миа всегда знала, чего хочет, и во главе списка ее приоритетов стояли замужество и благополучная семейная жизнь. Она как-то увидела в платежной ведомости сумму против фамилии генерала и была потрясена. Ее отец зарабатывал по крайней мере втрое больше. У Мии хватало самообладания, и она не позволила чувствам взять верх — бедность вовсе не была тем, к чему она стремилась. Но теперь девушка чувствовала, что готова согласиться на все, даже на службу Илана в армии, если это положит конец его метаниям. Она согласилась бы даже на то, чтобы выйти за него замуж, не ставя условий, лишь бы это примирило его с самим собой.

— Я хочу жениться на тебе, — сказал Илан. — Но сначала я должен понять, к чему стремлюсь в жизни.

— В Соединенных Штатах?

— Да, я начну оттуда.

— Не очень-то ты патриотичен, — съязвила Миа.

— Конечно, я не патриотичен. Что это такое вообще, патриот? Если бы я родился во Франции, я был бы патриотом Франции. Патриот Англии — англичанин. Патриотизм — это миф.

— Беда в том, что ты и правда в это веришь, — произнесла Миа с упреком. — Если бы ты хоть чуть-чуть был патриотом, ты не стал бы метаться по миру в поисках неизвестно чего. Ты бы остался здесь. — Илан хранил молчание; порой он мог делать это часами. — Куда ты поедешь теперь? — сказала девушка, только чтобы прервать тягостную паузу.

— Повидать Ошри.

— Опять к подполковнику? — похоже, ей всегда придется делить его с батальонным командиром.

— Он вернулся из Америки. Возможно, даст мне несколько советов.

— Тогда поезжай один.

— А ты не хочешь посмотреть парад? — спросил он.

— Нет, спасибо. Илан завел мотор.

— Тогда… пока.

— Ты заедешь попрощаться?

— Да, — пообещал он и уехал.

14 мая 1967 г. командиры Египетской армии получили секретный приказ о приведении войск в состояние повышенной боевой готовности. В соответствии с полученной из Сирии и Советского Союза информацией, правительство Египта считало, что Израиль сконцентрировал три дивизии вдоль северной сирийской границы, и если не нанести превентивный удар, ЦАХАЛ нападет 16 мая или чуть позже.

В предоставленной Египту информации не было ни крупицы правды. Силы Израиля на границе с Сирией не насчитывали и двух рот. Но колесо событий завертелось.

Военный парад 15 мая занимал центральное положение в празднествах в честь девятнадцатой годовщины создания государства Израиль. В 1967-м, впервые за многие годы, парад намечался в Иерусалиме. Из-за спорного статуса города, проведение парада там всегда было сопряжено со сложностями. Израиль считал Иерусалим своей столицей и настаивал на своем суверенитете над ним, в то время как другие страны поддерживали резолюцию Организации Объединенных Наций, в соответствии с которой Иерусалим являлся интернациональным городом.

Более того, условия Соглашения о перемирии с Иорданией ограничивали количество типов вооружений, которые могли находиться в Иерусалиме, и Армия Обороны Израиля не могла продемонстрировать военную мощь во всем объеме. Поэтому

приходилось проводить парады в других городах. В параде, проходившем в девятнадцатый День независимости, участвовали только пехотные части. Ни бронетехника, ни авиация задействованы не были. Правительство приложило максимум усилий, чтобы не огорчить ни Иорданию, ни США, поэтому действо получилось весьма скромным и немноголюдным. В каком-то смысле отражало общие настроения, царившие в Израиле, вызванные экономическим спадом и ростом безработицы.

Генерала Исраэля Таля, танки которого в параде не участвовали, тоже не было на трибуне. Вместе с женой, Хагит, он провел целый день у своего друга, полковника Моше Гидрона, командующего войсками связи. В армейских кругах все возрастало убеждение, что теперь как никогда независимость Израиля зависит от развития экономики. Считалось, что Сирия — самое беспокойное арабское государство — получила впечатляющий урок, когда 7 апреля за несколько минут израильские самолеты сбили шесть сирийских Мигов. Египет — наиболее сильная и опасная из арабских стран — по уши увязла в Йеменском конфликте и собственных экономических проблемах. Несколькими неделями раньше начальник генштаба, генерал-майор Ицхак Рабин, объявил, что в ближайшие годы арабо-израильской военной конфронтации не ожидается. По официальной оценке, в настоящее время Египет не был заинтересован в войне с Израилем.

В 17.30 в доме полковника Гидрона зазвонил телефон. Дежурный офицер из штаба бронетанковых войск попросил генерала Таля и сообщил, что начальник генштаба желает, чтобы генерал связался с ним безотлагательно, позвонив ему домой.

— Здравствуйте, — проговорил генерал Таль в трубку спустя несколько мгновений.

— Талик, — прозвучал глубокий бас начштаба, — ты помнишь «Ротем»?

— Конечно, помню.

— Это — то самое, Талик.

Генерал Таль мгновенно осознал всю значимость слов Рабина и, сказав, что находится неподалеку от дома начальника генштаба, попросил разрешения приехать.

«Ротем» было кодовым названием операции 1960 г. Главная ее цель состояла в быстром развертывании сил в случае внезапного сосредоточения египетских войск на Синае. В 1960-м генерал Таль был полковником и командовал бригадой «D», в то время как Рабин возглавлял управление в генштабе. Однажды утром в 5 часов генерал Рабин позвонил полковнику Талю прямо

домой. «Египтяне ввели на Синай пятьсот танков, Талик». — «Я начну действовать немедленно, генерал». За несколько часов полковник Таль обеспечил присутствие на позициях более сотни танков, готовых дать отпор войскам египтян. Таким образом, упоминание о «Ротем» служило более чем прозрачным намеком.

Генерал Таль позвонил домой подполковнику Кальману, начальнику оперативного отдела штаба бронетанковых войск и проинструктировал его, потребовав, чтобы все офицеры штаба и командиры частей находились возле телефонов. Пока генерал Таль спешил к начальнику генштаба, подполковник Кальман передал дежурному офицеру приказ о приведении войск в состояние повышенной боевой готовности.

Генерал Рабин только что вернулся из Иерусалима, где принимал участие в официальных церемониях, посвященных Дню независимости. Он сообщил генералу Талю, что египтяне перебрасывают на Синай всю свою армию, хотя и неизвестно, собираются ли они начинать военные действия, что едва ли соответствует действительности, или просто используют подходящий повод для того, чтобы вытащить войска, увязшие в Йеменском конфликте. Так или иначе, ЦАХАЛу следовало приготовиться. Начальник генштаба приказал генералу Талю привести в состояние повышенной боевой готовности все части бронетанковых войск, но пока не объявлять мобилизации резервистов.

Генерал Таль вновь связался с подполковником Кальманом и отдал приказ об объявлении тревоги в штабах, а также распорядился информировать его о развитии событий каждый час. Затем он вернулся к друзьям в Наве-Маген, чтобы продолжить прерванную вечеринку. Таль привык к объявлениям тревог, и хотя не разделял точку зрения относительно того, что вовлечение Египта в конфликт в Йемене обеспечит Израилю несколько сравнительно мирных лет, считал, что данная ситуация всего лишь версия «Ротема» 1967 г. На следующий день, 16 мая, бронетанковым войскам предстояло принять у себя всех бывших начальников генштаба. В программу визита были включены танковые стрельбы в Бронетанковой школе. Генерал Таль не видел причины отменять их.

С помощью курьеров, телефона и радиосвязи генштаб распространил инструкции и отдал приказы командующим Северного, Центрального и Южного командований, ВВС, ВМФ и различных вспомогательных служб.

В тот же вечер генерал Таль позвонил командиру бригады «D», полковнику Шмуэлю, который находился в гостинице «Дезерт Инн» в Беершеве[81]. Его бригада возвращалась в Негев с

полигона в Галилее.

— Помнишь «Ротем», Шмулик?

— Конечно, генерал, — отозвался полковник.

— Это — то самое.

— Флаги поднять, генерал! — воскликнул полковник Шмуэль. В 1960-м полковник Шмуэль был майором и командовал эскадроном танков «Центурион» в бригаде «D» — первой ротой «Центурионов» в ЦАХАЛе[82]. В Синайской компании 1956 г. он командовал ротой в 7-й бригаде, и его часть стала первой частью ЦАХАЛа, достигшей границы «заповедной» англо-французской зоны, пролегавшей в десяти милях (16 км) к востоку от Суэцкого канала на Исмаилийском направлении. Шмуэль позднее получил повышение — его назначили на должность офицера по оперативным вопросам бригады «D». Однако он вновь стал командиром роты, согласившись на понижение, чтобы поехать в Англию изучать танки «Центурион», и впоследствии сформировал первые экипажи для этих машин в Армии Обороны Израиля.

Полковник Шмуэль также не находил ничего экстраординарного в повторении операции «Ротем» в новой версии. Его бригада постоянно пребывала в состоянии повышенной боеготовности на протяжении последних нескольких месяцев. Тем не менее в постель комбриг не вернулся, хотя еще не совсем оправился от гриппа. Не удовлетворился он и простой передачей инструкций в штаб по телефону, а быстро оделся и поехал туда сам. По пути он думал, что из всех его частей батальон D-14, укомплектованный танками M47 и M48 «Паттон», находился в наибольшей боеготовности[83].

ГЛАВА 2

Майор Эхуд Элад, командир батальона «Паттонов» D-14, и его жена Хава провели День независимости в Ашкелоне, навещая друзей. Вечером, после завершения праздника они вернулись к себе в квартиру в Беершеве. Эхуд обожал свои «Паттоны» и старался добиться максимальной отдачи в работе. Генерал Таль нуждался в квалифицированных командирах, которые к тому же любили технику и досконально изучили матчасть. В силу этого Эхуд получил батальон еще до того, как закончил командно-штабной колледж, через головы нескольких старших офицеров, тоже стремившихся командовать батальоном новеньких «Паттонов». Он вот-вот должен был стать подполковником — одним из самых молодых в ЦАХАЛе. 22 мая, через неделю, ему предстояло праздновать тридцать первый день рожденья. Его ждала блистательная военная карьера. У Эхуда и Хавы были и

другие поводы радоваться.

Оба они родились в Кфар-Саба, ходили в одну школу. Разница в возрасте составляла у них всего год, и восемь лет брака стали продолжением их детской дружбы. Хава, учительница младших классов, следовала за Эхудом, куда бы его ни направили, и приезжала к нему, даже когда батальон находился на учениях. Поскольку детей у них не было, D-14 стал смыслом жизни комбата и его супруги. Однако несколько дней назад полковник Шмуэль пришел в палатку майора в Галилее и сообщил, что хотел бы поговорить о весьма интимной проблеме, касающейся Эхуда. Сдержанный и осторожный комбат не возражал, и полковник проинформировал его о том, что в больнице Хадасса[84] в Иерусалиме достигнуты большие успехи в лечении бесплодия. С согласия Эхуда он вызвался переговорить с генералом Талем и заручиться его поддержкой в данном вопросе. Эхуд согласился. Полковник Шмуэль информировал генерала о его согласии, и таким образом необходимое лечение было гарантировано.

Машина мягко катила по пустынному шоссе к Беершеве. Радио еще транслировало музыку в честь Дня независимости. Затем беседу супругов прервал одиннадцатичасовой сигнал времени. Начались ночные новости.

Диктор сообщил, что египетские войска вошли в пределы восточного Синая и что части их маршируют по улицам Каира, демонстрируя военную мощь армии. Эхуд сосредоточенно слушал. Хава посмотрела на него, и страх, постоянно таившийся в ее сердце, вновь поднял голову. Майор нажал на педаль, и военный автомобиль еще резвее устремился вперед.

— Начинается что-то серьезное, — сказал он Хаве и добавил: — Я, возможно, не буду ночевать сегодня дома.

Едва они добрались до дома, Эхуд бросился к телефону, чтобы связаться со штабом бригады.

— Полковник, вы слышали… — начал он.

— Немедленно приезжайте, — перебил Шмуэль. — Мы в состоянии полной боевой готовности.

Хава стояла рядом с мужем и видела, что он набирал номер штаба. Офицеры по оперативным вопросам уже вызвали помощников, офицеров связи, начальников службы артиллерийско-технического снабжения и частей обеспечения. Заместитель комбата и все командиры рот батальона D-14 уже были вызваны. Не могли найти только самого Эхуда.

— Я сейчас буду, — сказал он.

Эхуд уже стоял у открытой двери, собираясь уйти. Хава смотрела на него.

— Ты мне позвонишь? — спросила она.

— Я всегда звоню. Ты же знаешь.

— Я бы хотела приехать к тебе в штаб.

— Я пошлю за тобой машину при первой же возможности, — пообещал он.

Хава долго не могла уснуть. Сначала она слушала по радио трансляцию фестиваля песен из Иерусалима. Тогда впервые прозвучала песня «Золотой Иерусалим», которой предстояло стать гимном войны. По мере того как тянулась ночь, ее совсем одолели страхи за Эхуда. Она не могла привыкнуть к этим внезапным боевым тревогам, они до сих пор пугали ее. Хава расплакалась.

В 06.00 утра во вторник 16 мая командиры подразделений бригады «D» получили приказы. Бригада была развернута в боевые порядки, чтобы обеспечить «упорное и решительное сопротивление на своем участке любым попыткам вторжения врага в Израиль». Она должна оставаться в состоянии полной боевой готовности, чтобы иметь возможность обеспечивать безопасность как в текущей обстановке, так и в случае начала войны.

Пока части бригады разворачивались на своих позициях, генерал Таль развлекал начштаба Рабина и остальных бывших начальников генштаба в Бронетанковой школе. Тем временем стало известно, что египтяне укрепляют передовые узлы обороны на Синае, подтягивая туда дополнительные подразделения.

Части египетской армии уже были развернуты на временных позициях, а передовые подразделения ожидали подхода артиллерии и танков. Штаб генерала Таля занялся сбором частей. Ничто, однако, не должно было помешать бывшим начальникам генштаба наслаждаться созерцанием стрельб — Таль гордился своими танкистами. Генерал-майор Моше Даян, всегда скупой на похвалу, отозвался об увиденном, употребив в разговоре с генерал-майором Рабином определение «фантастический» и добавив: «мастерство в бронетанковых войсках возросло выше всяких ожиданий. Я ничего подобного и не ожидал».

Когда генерал Даян был начальником генштаба, пехота и парашютные части являлись главными сухопутными силами Армии Обороны Израиля. В те дни в ЦАХАЛе мало доверяли танкистам, так мало, что при планировании Синайской кампании 1956 г. генерал Даян собирался перевозить танки бригады «D» на транспортерах следом за наступающей пехотой, экипажам же предстояло ехать за ними на автобусах.

В завершение показа бывшим начальникам штаба продемонстрировали готовые к бою танки, приданные другим

частям. Офицеры Бронетанковой школы уже начали занимать должности в частях в соответствии с планом на случай тревоги.

Начальник Бронетанковой офицерской школы, подполковник Авраам стал теперь командиром батальона танков «Центурион» в бригаде резерва «К»; лейтенант Якуэль — комроты в той же бригаде; капитан Амос, который готовил танкистов для M47 и M48 «Паттон», — командиром роты в батальоне резерва Т-01; майор Шамай Каплан, который вел курс по танкам «Центурион», — комроты в батальоне D-10 бригады «D».

Шамай позвонил домой в Ашкелон. Нава ждала его.

— Я в лагере, — сказал он, — и домой не приеду. Нава… Если у тебя начнется, друзьям не звони. Ты меня поняла?

Нава была беременна и ожидала родов со дня на день. Сейчас с Хавой находился первенец, трехлетний сын Итай. Ее первая беременность протекала очень тяжело, и Шамай беспокоился, доберется ли она до родильного дома одна. По соображениям секретности, он не мог сообщить ей, что объявлена тревога, и если она позвонит их общим друзьям, которые также все были военными, то никого не застанет дома.

— Я поняла, Шамай, — ответила Нава.

— Подумай о том, как тебе добраться до роддома без посторонней помощи.

— Хорошо.

— Наших друзей не будет дома, — повторил он.

— Я поняла.

— Я вернусь домой сразу, как только смогу.

— Со мной все будет в порядке, Шамай. Не волнуйся.

— Я приеду, как только освобожусь.

Вчера, в День независимости, Шамай находился дома. Его появление дважды в течение одной недели было больше, чем она могла рассчитывать. Нава, приехавшая из кибуца Мишмар-Хашарон, встретила Шамая в армии, когда проходила срочную службу. Она была секретарем командира батальона Б-10, а Шамай — офицером по оперативным вопросам. Их свадьба стала одним из самых запоминающихся событий в истории бронетанковых войск. Церемония проходила в лагере базирования батальона, обрядовый балдахин разместили на платформе, подвешенной на кране ремонтного танка. Он стоял, окруженный кольцом «Центурионов», через стволы орудий которых танкисты выстреливали разлетавшееся во все стороны конфетти. Через неделю после свадьбы Шамай уже отправился на маневры. Так и началась их совместная жизнь.

Шамай на джипе поехал в батальон Б-10, где ему предстояло командовать ротой «Н». Практически в то же время штаб бригады

получил приказ приступить к выполнению операции «Уайт Рэдиш». Лейтенант Иосси Б., помощник офицера бригады по оперативным вопросам, открыл сейф и извлек пластиковую папку с надписями «Уайт Рэдиш» и «Совершенно секретно». «Уайт Рэдиш» было кодовым названием приказа о мобилизации резервного транспорта бригады. Через несколько часов начнут прибывать грузовики, принадлежащие разбросанным по всей стране гражданским транспортным компаниям. Солдаты немедленно примутся загружать их снаряжением и емкостями с горючим.

18 мая грузовики бригады «D» отправились в последние рейсы — забрать оставшихся резервистов. Теперь бронетанковая бригада «D» была готова отразить удар любых сил египтян в своем оперативно-тактическом районе в Негеве.

Но египтяне продолжали наращивать силы на Синайском полуострове. Пехотные части и артиллерийские батареи потоком стекались на Синай, бронетехника доставлялась туда на транспортерах и на железнодорожных платформах. 17 мая египетское правительство приступило к мобилизации резервистов.

В 04.00 19 мая армейский грузовик подъехал к дому в Шикун-Дан, в Тель-Авиве. Из него выпрыгнули два солдата и начали шумно разыскивать квартиру Шалома Когана [или Коэна]. В конце концов, найдя ее, они принялись колотить в дверь. Наполовину проснувшийся Шалом Коган взял у них красную полоску бумаги — мобилизационную повестку.

Когану, служащему страховой компании «Ярдения», уже доводилось получать такие красные полоски. Он оделся буквально в несколько минут (оливково-зеленого цвета форма как всегда находилась наготове), застегнул ремень, завязал шнурки ботинок «Тип 2», высотой по щиколотки — такие полагалось носить всем танкистам — и, наконец, лихо, набекрень, натянул форменный черный берет. Он собрал бритвенные принадлежности, полотенце, запасное белье и носки в вещевой мешок и положил в бумажник тридцать фунтов[85]. Пять минут спустя после получения повестки сержант Шалом Коган, выглядевший солдатом на сто процентов, взбирался в армейский грузовик.

Шалом Коган делил жилье с братом, который в тот момент отсутствовал. Шалом оставил ему записку: «Меня призвали». Брат сообщит родителям — они живут в Кирият-Гате. Записка, которую он оставил брату, не содержала никакого экстраординарного известия. После демобилизации со срочной службы в апреле 1966-го Шалома призывали несколько раз; еще

совсем недавно в январе 1967 г. он провел две недели на севере.

Шалом Коган родился двадцать два года назад в Марокко. Когда ему исполнился год, его родители переехали в Оран в Алжире. Семья эмигрировала в Израиль в 1960-м и поселилась в городе новых иммигрантов — Кирият-Гате. Через шесть лет Шалом стал героем североафриканских иммигрантов в Израиле. Он был трижды «упомянут в списках отличившихся» командующим бронетанковыми войсками и установил израильский рекорд: подбил три сирийских танка на северной границе. Когда он демобилизовался, Ассоциация иммигрантов из Северной Африки устроила торжество. «Мы собрались в честь Шалома Когана, родившегося в Северной Африке, сержанта бронетанковых войск, который принял участие в семнадцати военных операциях, проявил беспримерную храбрость, хладнокровие и мужество и уничтожил три вражеских танка… Ассоциация иммигрантов из Северной Африки… гордится им и… желает выразить ему глубочайшее уважение, почтение, любовь и благодарность», — таково было официальное приветствие Ассоциации.

Шалом полагал, что ему предстоит вновь отправиться на север — в привычные места, где в течение последних нескольких лет находился очаг напряженности. Как же он удивился, когда грузовик повернул на юг. По прибытии в штаб бригады Когана вызвали в трейлер к командиру.

Войдя, он вытянулся по стойке смирно и отдал честь.

— Вольно, — сказал полковник Шмуэль и пожал Шалому руку. После недолгого разговора его отвезли на одном из джипов разведроты в батальон 8-10 бригады «8». Шалом хотел служить под командованием майора Шамая Каплана, в роте которого проходил срочную службу, но комбат, подполковник Габриэль, послал молодого человека в роту капитана Амира. Интендант узнал Когана, едва тот вошел на склад, и приветствовал словами: «Добро пожаловать домой!» Он получил лучшее из имевшегося на складе снаряжения.

— Ты помнишь мой размер? — спросил Шалом.

— Сороковой, — ответил интендант, и Шалом действительно почувствовал себя как дома, будто никогда и не уезжал из батальона.

Он расписался за полученное, включая автомат Узи, и отправился знакомиться с новыми товарищами. Коган получил назначение в экипаж комвзвода Рольфа, который представил новичку остальных членов команды:

— Попович. — водитель, и Давид Шаули — заряжающий.

На этом процедура представления закончилась. Командир

взвода пригласил Шалома к себе в палатку, чтобы поговорить об экипаже. Оба парня служили первый год на срочной. Попович был хорошим водителем, а Шаули… Шаули любил поспать. Казалось, езда в танке действует на него как снотворное. Он мог спать даже если «Центурион», «карабкаясь» по горам, переползал со скалы на скалу. Ничто не беспокоило заряжающего.

— Если начнется война, в чем я сомневаюсь, — сказал командир взвода, — держись к нему поближе, не давай ему спать. Иначе египтяне успеют в нас пару раз попасть до того, как Шаули проснется.

— А как его будить? — спросил Шалом.

— Тресни по башке, — посоветовал комвзвода.

Лейтенант Эйн-Гиль (двадцатитрехлетний, с тяжелой, чуть ли не квадратной головой, с наивными глазами, худощавый, но жилистый, с большими натруженными руками) из кибуца Рамат-Хаковеш ушел в запас из бронетанковых войск в декабре 1966 г. Он не ждал призыва, так как считал, что ЦАХАЛу недостает танков. В кибуце Эйн-Гиль работал в птичнике.

Повестка отыскала его через полчаса после полуночи. Батальонные посыльные перебудили пол кибуца, прежде чем найти лейтенанта. Когда же наконец он был обнаружен, Эйн-Гиль никак не мог вспомнить, цела ли еще его форма.

— Ничего, — сказали ему друзья, — другую дадут. — Но Эйн-Гиль уперся и стал ее искать, уверяя, что она «где-то здесь». Даже поняв, что ему ее все равно не найти, он, однако, в грузовик садиться не спешил.

— Я должен найти того, кто возьмет на себя заботу о моих цыплятах!

Хотя было уже за полночь, Эйн-Гиль перебудил другую половину кибуца, ломясь в двери и выясняя, кто готов поработать в птичнике. Работа в птичнике не принадлежала к числу самых популярных в кибуце, и прошло еще какое-то время, пока лейтенант нашел себе замену. Однако по размышлении он пришел к выводу, что заместитель не слишком надежен. Эйн-Гиль опять вылез из машины и начал поиски по новому кругу.

— Эйн-Гиль, Родина в опасности, а ты думаешь только о цыплятах и яйцах? — попытались упрекнуть его товарищи. У них был длинный список тех, кого им еще предстояло собрать, а Эйн-Гиль задержал всех на целый час.

— Но кто-то же должен кормить цыплят, или как?

ГЛАВА 3

Пока израильтяне готовились к интервенции, армия Египта

продолжала наращивать силы на Синае. Пехота, танки, артиллерия утюжили улицы Каира по дороге к Суэцкому каналу и дальше на Синай. В Израиле люди, включая телевизоры, с тревогой следили за тем, как к их границе движутся бесконечные колонны египетских войск. Газета «Аль-Ахрам» — пропагандистский рупор правительства Насера, объявила, что Египет готов начать войну, если Израиль нападет на Сирию, но в Израиле все еще существовала тенденция рассматривать ситуацию всего лишь как демонстрацию силы арабов. Что тревожило еще больше, так это то, что войска Ирака, Иордана и Сирии также были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Вера в то, что Египет ограничится простой демонстрацией силы, зиждилась на уверенности граждан в мощи ЦАХАЛа как силы сдерживания агрессии. Начиная с 1948 г., Израильская армия неизменно громила арабские полчища в каждом конфликте. Войска Египта потерпели сокрушительное поражение в 1956 г., силы Сирии неизменно несли тяжелые потери на земле и в воздухе при каждом столкновении. Чистая логика, казалось, требовала от Абд-эль-Насера не кликать беду на собственную голову — не предпринимать ничего такого, что заставило бы ЦАХАЛ перейти к решительным действиям. Именно поэтому в Израиле объявили лишь частичную мобилизацию, так, чтобы по возможности не нарушать общественной и политической жизни страны.

Но 18 мая Генеральный секретарь ООН У Тан по требованию правительства Египта согласился вывести с Синайского полуострова войска Организации Объединенных Наций. Они дислоцировались на Синае и в секторе Газа с 1957 г. и до некоторой степени служили гарантом мира. С их выводом израильское судоходство через Тиранский пролив оказывалось под угрозой. Прекращение блокады пролива — единственное, что выиграл Израиль после компании 1956 г. Правительство Израиля всегда рассматривало блокаду пролива как casus belli.

В субботу 20 мая представитель армии заявил: «Вследствие переброски значительных сил Египта в восточный сектор Синайского полуострова, сопровождавшийся выводом войск ООН по просьбе Египта, ЦАХАЛ предпринял необходимые шаги, чтобы быть готовым к любому варианту развития событий. В число этих шагов входит частичная мобилизация, которая уже завершена». Утверждение это делалось с целью содействовать процессу умиротворения, оно не содержало предостережения президенту Египта о том, к каким последствиям может привести закрытие Тиранского пролива для судов Израиля. Все усилия нашего

правительства были направлены на снижение напряженности. Израиль все еще пребывал в уверенности, что мощь ЦАХАЛа сможет послужить сдерживающим фактором для агрессора.

21 мая правительство Египта объявило полную мобилизацию. Радио Каира сообщило, что египетские войска уже заняли позиции в Шарм-аш-Шейхе на входе в Тиранский пролив и что части египетского флота проследовали через Суэцкий канал к Красному морю. «Аль-Ахрам» утверждала, что «самое новое и современное оружие готово к применению». Газета назвала это оружие «необычным». Особо подчеркивалось, что ЦАХАЛу не устрашить армию Египта.

На следующий день, 22 мая, Гамаль Абд-эль-Насер, сопровождаемый вице-президентом, маршалом Абд-эль-Хакимом Амером, посетили передовые позиции своих войск в Синайской пустыне. Широко улыбаясь, Насер сделал заявление, которое будет помниться долгие годы: «Воды пролива Тиран являются нашими территориальными водами. Если руководство Израиля и генерал Рабин хотят войны, тогда ахлан ва-сахлан[86]! Наши войска ждут их!»

Выражение «ахлан ва-сахлан» (популярное у арабов приветствие, означающее «добро пожаловать!») используется и израильтянами, и для них это выглядело так, будто Абд-эль-Насер обращается к ним на их собственном языке. Было совершенно очевидно, что президент Египта желает произвести впечатление, что он просто жаждет войны. Такое развитие событий поколебало спокойствие Израиля. Где же мощь ЦАХАЛа, способная предотвратить агрессию Египта, если его президент и главнокомандующий может с таким воодушевлением объявлять арабам, израильтянам и всему миру, что приветствует войну, говоря ей «ахлан ва-сахлан»?

Но слова и дела — не одно и то же, а когда речь идет о правителях арабских стран, слова и дела вовсе оказываются на разных полюсах. Хотя серьезность ситуации становилась все более очевидной, многие израильтяне продолжали верить, что Тиранский пролив не будет закрыт. Большинство политических деятелей Израиля как в правительстве, так и в оппозиции придерживались мнения, что Египет перекроет пролив только в крайнем случае. Широко было распространено убеждение, что египетский президент будет лишь угрожать прекращением израильского судоходства через пролив. Если Израиль ответит военными действиями на бандитские вылазки арабов с баз в Сирии, египтяне спасут арабский мир и арабскую честь, закрыв пролив. Если эта угроза подействует и заставит израильскую армию воздержаться от карательных мероприятий, Израиль

утратит единственное средство защитить жизни и имущество своих граждан. Таким образом Израиль сдастся на милость лазутчиков и диверсантов из всевозможных партизанских фронтов Сирии и других соседних стран.

Только один государственный деятель с самого начала не сомневался, что целью установления египтянами контроля над проливом является желание перекрыть Израилю выход в Красное море. В субботу 20 мая, через день после того, как египетские войска заняли позиции войск ООН в Тиранском проливе, генерал-майор Моше Даян заявил, что в ближайшие несколько дней Абд-эль-Насер объявит о закрытии пролива. «Не сможет он, оседлав пролив, смотреть, как по нему проплывают израильские корабли», — предсказал Даян.

Так и вышло. После полуночи 23 мая президент Египта приказал закрыть Тиранский пролив для израильских кораблей, о чем сообщил всему миру. В 04.15 командующий Южным командованием генерал Иешаягу Гавиш проинформировал генерала Таля: «Абд-эль-Насер объявил о закрытии пролива». Надежда на то, что страх перед мощью ЦАХАЛа предотвратит агрессию, оказалась иллюзорной.

Только война могла исправить положение.

19 мая доктор Рафаил Мокади получил извещение, что в любое время должен находиться по одному из двух телефонов — в лаборатории в Технологическом институте Хайфы или дома. Доктор Мокади служил в Израильской армии во время Войны за независимость 1948–1949 гг. и участвовал в операции «Кадеш» в 1956-м. Недавно его перевели в бронетанковые войска на должность командира разведроты в резервной бригаде «А».

Доктор Мокади являлся ведущим ученым в области почвоведения. Его исследования были тесно связаны с жизненно важной для Израиля проблемой: нехваткой воды и ее соленостью. Вместе с доктором Даном Заславски он проводил исследования по составлению математической модели выщелачивания различных почв.

С 17 мая оба ученых удивлялись, почему их до сих пор не призвали, и упорно названивали в штаб бригады «А», где получали неизменный ответ: «Мобилизация личного состава бригады «А» еще не объявлена». Доктора Мокади беспокоило стремление правительства искать дипломатическое решение вместо того, чтобы приступить к решительным действиям.

Тридцатидевятилетний доктор Мокади уже начал разыскивать студентов, приписанных к его части, но сменивших адреса. Он был убежден, что его части скоро предстоит участвовать в боевых действиях, и стремился сделать все

возможное, чтобы, когда настанет время, мобилизация прошла в самые короткие сроки и без затруднений.

23 мая дежурный офицер из штаба бригады «А» позвонил в Технологический институт и сообщил доктору Мокади, что один из грузовиков бригады уже выехал в его район собирать людей. Вечером машина будет возле дома доктора. Мокади вернулся из института в 18.30. Он направился прямо на кухню, где в специальном шкафчике хранилось его снаряжение. Его танкистские ботинки стояли начищенными на нижней полке. Он купил их во время Синайской кампании 1956 г. и с тех пор всегда носил их, когда призывался на сборы. Также в шкафчике находились два черных берета. Несколько месяцев назад он получил повестку и, собираясь, не смог найти берета. Пришлось приобрести другой, но вернувшись, он обнаружил первый — потерявшийся в игрушках сына, которому исполнилось четыре с половиной года. На сей раз Мокади выбрал старый берет. Он упаковал спальный мешок и танкистскую куртку, взял также комплект запасной оливково-зеленой формы и китель со знаками различия на погонах.

Одетый в форму майора, доктор Мокади спустился с детьми вниз, чтобы проверить бомбоубежище. Оно превратилось в свалку старья для всех обитателей жилого блока и было забито старыми кроватями, матрасами, буфетами, ящиками, коробками и кипами пожелтевших газет. Доктор просил соседей освободить убежище, но они проигнорировали его просьбу. «Это совершенно ни к чему, — говорили они. — Ничего не случится». Доктор, однако, думал иначе. С помощью детей он привел бомбоубежище в порядок. Едва они закончили работу, пришли дедушка с бабушкой, чтобы взять полуторагодовалого Дана на прогулку. Они вернулись с мальчиком как раз перед тем, как Мокади взобрался в кузов армейского грузовика.

Грузовик не успел отъехать далеко, как доктор приказал водителю вернуться.

— В чем дело, Рафи? — спросил младший офицер. (Для всех в армии доктор Мокади был «Рафи».)

— Водителю потребуется целая вечность, чтобы найти все адреса, — отозвался тот. Майор Мокади взял у шофера список имен и адресов, затем вскочил в автомобиль и покатил по городу, собирая военнослужащих. Не прошло и двух часов, как около 22.30 все отмеченные в списке уже сидели в кузове грузовика.

Майор Мокади вернулся домой, чтобы отдать жене ключи от машины. Дети уже спали, и Шошана была в пижаме. Она уговаривала себя, что ничего не случится, что все волнения очередного ближневосточного кризиса скоро канут в лету. Она не

пошла провожать мужа; все выглядело так, словно он вновь уезжал на обычные сборы.

Пока майор Мокади кружил по Хайфе, собирая людей из бригады «А», юрист Моше Хавив находился дома в Тель-Авиве с клиентами. В середине их беседы подал голос телефон. Звонил командир батальона мотопехоты резервной бригады «А», заместителем которого адвокат Хавив и являлся. Комбат сообщил, что за Хавивом уже выехал грузовик, но просил зама по возможности прибыть скорее, еще до получения официальной повестки. Адвокат отослал клиентов, обзвонил ротных командиров и сказал, что готов подвезти их в расположение части на своей машине.

Военное обмундирование майора Хавива хранилось в саду в сарае. Он пошел за вещами и обнаружил, что танкистские ботинки украдены. Скользя в замшевых туфлях на резиновой подошве, он попрощался с женой Гилой и двинулся в путь.

Хавив, которого все называли «Мош», демобилизовался из армии в 1952 г. Тогда ему было всего двадцать два; он успел уже дослужиться до майора, но ушел, несмотря на то, что в армии его, несомненно ожидало большое будущее. Что толкнуло его на это? Как объяснял сам Хавив: «Любой, у кого на одну звездочку больше, может указывать мне, что я должен делать, даже если он тупее бревна»[87]. Он был бунтарем, этот энергичный и очень приятный человек. Что естественно для независимо мыслящего индивидуума, он плохо переносил армейскую дисциплину, из-за чего несколько раз чуть не попал под трибунал.

Хавив служил в бронетанковых войсках и проходил курс «В», но танки не были стихией Моша, и он быстро оставил учебу. Ему не нравилось сидеть в танке. «Я чувствую, что задыхаюсь, — объяснил он однажды жене. — Евреи не созданы для танков, а танки — для евреев. Я просто чувствую, что мне нечем дышать. И к тому же я не могу выносить долгое сидение в одной позе, не имея возможности даже пальцем шевельнуть».

Его перевели в пехоту. «Пехота, это отлично, — сказал он Гиле. — В пехоте я чувствую себя более уверенно, я хотя бы могу видеть, что происходит. Я не заперт и имею возможность двигаться».

Ему не пришлось долго наслаждаться преимуществами службы в пехоте. Армия все активнее обзаводилась бронетехникой, и его направили в мотострелковый батальон. Теперь ему приходилось сидеть не в танке, а в кузове полугусеничной бронемашины.

Позднее Хавив признался, что служба резервиста требует от него слишком много усилий. Гиле, с которой он делился всем на

свете, он поведал: «Тяжело говорить об этом, Гила, возможно, причиной всему возраст, но теперь я нахожу службу слишком трудной. Обязанности резервиста становятся мне не по силам».

Вместе с командирами рот Мош прибыл в лагерь базирования бригады. Водитель отогнал автомобиль Хавива обратно в Тель-Авив, а сам он с майором Мокади отправился к полковнику на первый инструктаж.

Бригада «А» была последней из резервных бронетанковых бригад, личный состав которой призывался двадцать третьего числа, ею завершалась мобилизация резерва бронетанковых войск. На рассвете подполковник Биро, командир батальона А-112, проверял состояние обеспечения батальона снаряжением.

То, что делалось тогда на складах А-112 из состава бригады «А», происходило и по всей стране. Резервисты потоками текли в лагеря ЦАХАЛа по всему Израилю. Начало армии резервистов было положено вторым начальником генштаба, генерал-майором Игалем Ядином. «ЦАХАЛ, — как говаривал он, — напоминает айсберг. Видна только его верхушка — регулярная армия». За годы резервная армия приобрела отличные боевые качества и превратилась в нечто уникальное.

Высокий — за метр восемьдесят ростом — двадцатипятилетний лейтенант Нати из Петах-Тикваха весил сто килограммов и не забывал сообщать: «На сборах я обычно теряю пять-шесть кило». Затянутый в оливково-зеленую форму, в ботинках «Тип 2» и черном берете, он выглядел весьма внушительно. Повестка застала Нати в Эйлате на работе. В батальоне А-112 Нати командовал ротой.

Он отдал честь подполковнику Биро и отрапортовал:

— Рота готова, господин подполковник.

— Вольно, — скомандовал комбат. Он и Нати, который был на голову выше подполковника, хотя весили они одинаково, направились в ангары. В первый Биро вошел грозный, точно лев. При виде командира военнослужащие готовы были вскочить по стойке смирно.

— Продолжайте! — прорычал он густым басом.

В ангаре стояли танки «Шерман», зарезервированные и предназначенные для использования только в военное время. При подготовке личного состава и на маневрах рота задействовала учебную бронетехнику со складов Учебного командования. Каждый танк имел свой паспорт, в котором регистрировался его боевой путь. Бригады ремонтников из числа военнослужащих срочной службы круглый год занимались обслуживанием и поддержанием в рабочем состоянии техники на случай войны. Через установленные интервалы ремонтники запускали

двигатели и проводили диагностику оборудования. Теперь все необходимые проверки и ремонтные работы были уже проведены.

В дальнем конце ангар разделялся на секции, где хранилось имущество рот, взводов и личное снаряжение военнослужащих. На полках рядами стояли танкистские ботинки, смазываемые раз в год, на другой лежали тюки одеял, палаток, палаточных колышков и посуды. Через установленные промежутки времени тюки и их содержимое проветривались. В секциях с оружием находились пулеметы и автоматы, которые тоже регулярно смазывались и проверялись.

Резервисты выстроились в линию. У каждого вещмешок, обмундирование и оружие. Большинство прибыло в собственных танкистских ботинках. Люди расписывались за все, что получали у снабженцев, а затем строились повзводно. Принимая танк, после проверки наличия всего указанного в специальном формуляре оборудования и устройств, каждый командир ставил в конце документа подпись. Затем экипажи проводили обычную проверку, а механики-водители запускали моторы. Рев и выхлопные газы мощных двигателей заполняли ангар. Танковая рота начинала свою жизнь.

ГЛАВА 4

26 мая меня призвали, и я поступил в распоряжение военного представителя, в подразделение, осуществляющее контакты с прессой. Три дня перед получением повестки стали самыми тревожными в моей жизни, за исключением, возможно, тех дней, когда Африканский корпус Роммеля стоял у ворот Египта.

Правительство и Кнессет покрывались холодным потом. Было ясно, что руководство Израиля не собирается прибегать к силовым мерам в вопросе Тиранского пролива, поскольку боится войны. Не то что бы существовали опасения относительно возможности поражения ЦАХАЛа; просто руководство не хотело заходить так далеко. Тех разрушений, которые приносит современная война, вполне достаточно, чтобы вызвать серьезные сомнения в том, стоит ли воевать вообще, и это особенно верно, когда речь идет о маленькой стране, народ которой до дна испил чашу страданий и бедствий.

В Иерусалиме превалировало мнение, что стране придется дорого заплатить за победу. Кто-то называл цифру возможных потерь — 10 тыс. чел., другие говорили о сотнях тысяч. Утверждалось, что военно-воздушные силы Израиля неспособны предотвратить налеты арабских самолетов на наиболее крупные и густонаселенные города. Десять тысяч погибших для Израиля —

это в пропорции все равно, что миллион для США. Разрушения в ходе войны и гибель стольких людей — уже катастрофа для маленького народа. А десять тысяч считалось еще скромной оценкой.

Израиль — тихая гавань для тех, кто бежал от резни и ненависти. Едва ли в Израиле найдется семья, которая не потеряла бы родственников в Европе, Азии или Африке. Если насилие и ненависть настигнут евреев в их собственном государстве, зачем тогда оно вообще создавалось? Вот почему правительство Израиля стремилось к дипломатическому решению. Сторонники дипломатии твердили, что закрытие Тиранского пролива в конце концов не смертельный удар для страны и его нельзя класть на одни весы с войной, которая способна погубить Израиль. Если бы удалось побудить морские державы, и особенно США, выступить в поддержку прав Израиля осуществлять свободное судоходство через пролив, это было бы предпочтительнее, чем война.

24 мая министр иностранных дел Израиля Аба Эбан вылетел в Париж, Лондон и Вашингтон, чтобы попытаться положить конец кризису мирными средствами.

У правительства имелись две причины сомневаться в целесообразности использования силы. Первая — военное руководство не исключало возможности истребления арабскими войсками большого количества гражданского населения. Вторая, не менее важная — позиция Давида Бен-Гуриона. В столь трудное время взоры многих устремились на старого льва. И на сей раз Бен-Гурион, извечный сторонник жесткой политики, предостерегал от немедленного начала войны. Он зашел так далеко, что советовал распустить части резервистов, с тем чтобы снизить напряжение и сделать возможным переход к новой фазе отношений, более благоприятной для Израиля. Он настаивал на том, что Израилю лучше самому выбрать момент для войны, который будет больше его устраивать, и что не следует вступать в военную конфронтацию во время и при условиях, наиболее благоприятствующих врагу. Бен-Гурион считал, что нынешняя ситуация невыгодна для Израиля, поскольку он находится в изоляции, окруженный объединившимися против него арабскими странами, которые таким образом вынуждают ЦАХАЛ сражаться на несколько фронтов.

Бен-Гурион приводил один неопровержимый довод, а именно: даже если Израиль разобьет арабские страны пятьдесят раз, они не перестанут существовать, но если арабы разобьют ЦАХАЛ лишь единожды, Израиля уже не будет. Этими словами он выразил главное направление общественного мнения. По этим

причинам Бен-Гурион связывал успех ЦАХАЛа с наступлением, со стратегией неожиданности и с наличием военных союзников. В мае 1967 г., когда вся Египетская армия заняла позиции на Синае и когда каждый день число арабов на египетском фронте росло, он не видел шансов на легкую победу. Также Бен-Гурион боялся больших потерь — даже победивший Израиль ждут страдания. И более того, у Израиля не было союзников. На Бен-Гуриона произвела сильное впечатление международная реакция, последовавшая за Синайской кампанией 1956 г. Израиль тогда один противостоял требованиям ООН вывести войска с Синайского полуострова; и Соединенные Штаты, и Советский Союз голосовали против Израиля, чтобы вынудить его завершить вывод войск до заключения мирного соглашения.

Получалось, что даже если ЦАХАЛ вновь победит, победа окажется бесполезной. Совет Бен-Гуриона заключался в том, чтобы отсрочить войну до того, как настанет более подходящее время и сложатся более благоприятные условия. Даже член Кнессета Моше Даян, герой Синайской кампании 1956 г. и в вопросах обороны человек решительный, придерживался той же точки зрения, но, в отличие от других, считал войну неизбежной. Он изменил мнение относительно целесообразности начала войны всего лишь за сутки до того, как был назначен министром обороны вместо премьер-министра Леви Эшколя[88], занимавшего до 1 июня также и эту должность.

Таким образом в коалиционном правительстве Израиля не было никого, кто настаивал бы на немедленном военном ответе на закрытие Тиранского пролива и сосредоточение египетских войск на Синайском полуострове. Упорство, с которым президент Насер проводил в жизнь свою авантюру, вселило смятение в сердца израильтян, их лидеров и вызвало серьезные подозрения в том, что у египетского руководителя имеются веские причины стремиться к войне. В Иерусалиме видели два мотива, объясняющих самоуверенность Абд-эль-Насера. Один — некое секретное оружие, другой — полная поддержка со стороны Советского Союза. Второе особенно беспокоило. Если действиями Абд-эль-Насера руководят русские, это может являться частью их плана установления своей гегемонии на Ближнем Востоке, и тогда ситуация весьма и весьма опасна. Израилю было жизненно важно убедиться, что США и Европа намерены препятствовать осуществлению планов русских; опрометчиво вступать в войну, не выяснив всего и всестронне не изучив обстановку.

На протяжении длительного периода времени, пока правительство колебалось и сомневалось, общественность оставалась в неведении, а неведение всегда питает химеры

страхов и тревог. Население Израиля разделялось на две группы: те, кто остался дома, и те, кого призвали в армию. Первая в основном состояла из пожилых людей, женщин и детей, реагировавших на происходящее со скоростью и энергией, присущей нации изгнанников. Они принялись делать запасы, и такие товары, как сахар, рис и мука, вмиг исчезли из лавок и супермаркетов, следом за ними — консервы, свечи и туалетная бумага. Люди, скупавшие товары, имели за плечами печальный опыт; некоторые помнили погромы, когда евреям приходилось прятаться в собственных домах неделями, пока энтузиазм погромщиков не стихал. Другие припоминали голодные времена Первой мировой войны. И очень многие не забыли то, что происходило во время Второй. Немало было и таких евреев, в которых еще жила память о зверствах в городах арабских стран и Северной Африки.

В волнах слухов, тревог, в беготне по магазинам гражданское население все глубже проникалось страхом и беспокойством. После 23 мая казалось, что уже ничто не сможет предотвратить грядущей войны на уничтожение. Поездка министра иностранных дел в Париж, Лондон и Вашингтон усилила разраставшееся предубеждение, что на сей раз арабские армии превосходят ЦАХАЛ и что еврейский народ должен вернуться к традиционному средству обороны — кричать «Гевальт!» (буквально, смилуйтесь), взывая к просвещенному миру.

Руководитель Египта укреплял свои позиции и статус лидера объединенного арабского мира. 24 мая Иордания разрешила ввести на свою территорию войска Ирака и Саудовской Аравии. Ливан начал мобилизацию, а Армия Освобождения Палестины Ахмеда Шукейри получила от Египта тяжелое вооружение, которое было немедленно размещено на позициях на границе сектора Газа. В то время, пока арабские армии, сосредоточивая силы, готовились к войне, Соединенные Штаты и Британия тешили себя разговорами об организации международного контингента, который обеспечит-де свободное прохождение израильских судов, за исключением военных, через Тиранский пролив. Для разрешения кризиса с судоходством в проливе Франция рекомендовала проведение акции объединенными силами четырех великих держав, но 25 мая Советский Союз решительно отклонил это предложение. 26 мая У Тан заявил, что закрытие пролива представляет собой угрозу миру, а в Египте Абд-эль-Насер провозгласил: «Если придется воевать с Израилем, мы уверены в победе!»

В субботу вечером, 27 мая, министр иностранных дел Аба Эбан вернулся из Вашингтона в Лод и прямо из аэропорта

поспешил на совещание Кабинета, проводившееся поздно ночью. Президент США Джонсон просил, чтобы Израиль отложил любые военные действия на две недели. Такая просьба была высказана вторично. С Эбаном появилась надежда, что за эти две недели США, действуя совместно с Великобританией, добьются для Израиля свободы международного мореплавания по Тиранскому проливу.

В воскресенье вечером, 28 мая, радио «Коль-Исраэль» объявило, что премьер-министр сделает обращение к народу. Весь Израиль ждал, затаив дыхание. Как только еженедельное заседание Кабинета завершилось, Леви Эшколь поспешил в Дом радио и в прямом эфире обратился к гражданам страны.

Эшколь дал определение блокаде Тиранского пролива, назвав ее «агрессией против Израиля».

После целой недели, прошедшей с начала блокады, не прозвучало ни единого слова о возможном военном ответе, только официальное определение шага Каира, суть которого и без того была ясна всем и каждому. Затем премьер сказал, что ЦАХАЛ находится в полной готовности защитить безопасность государства Израиль и что режим чрезвычайного положения сохранится. «Нет сомнений, — подчеркнул он, — что мобилизация резервистов и боевая готовность ЦАХАЛа к любым испытаниям была и остается жизненно важным фактором, способствующим международной деятельности», направленной на быстрейшее прекращение блокады. И, наконец, он сказал, что правительство решило придерживаться дипломатического подхода, направленного на то, чтобы подтолкнуть мир к действиям с целью обеспечения беспрепятственного международного судоходства через Тиранский пролив.

Мало того, что само по себе обращение звучало удручающе, Эшколь место, где он читал, начал заикаться и запинаться. Было слышно, как он шепотом обратился к помощнику, спрашивая, откуда ему читать дальше. И это министр обороны!

Но все-таки содержание обращения встревожило людей больше, чем неуклюжая манера, в которой оно было сделано, поскольку ясно показало непонимание руководством ситуации. Проблема, с которой столкнулся Израиль, состояла уже не в блокаде Тиранского пролива, но в утрате значения армии как сдерживающей силы. Без этого маленький Израиль не мог существовать, окруженный врагами, превосходившими его численно в пропорции сорок к одному и даже больше.

Попытка решить проблему блокады как политико-экономическую с помощью великих держав являлась принципиально неверным шагом. Если бы она удалась, ее

ошибочность стала бы еще очевиднее. И в самом деле, как бы выглядел Израиль, существуй он по милости великих держав, которые должны были бы обеспечивать свободное продвижение кораблей в его порты через международные воды? В своем обращении к народу премьер-министр не упомянул о попытках великих держав обеспечить израильское судоходство в проливе, только о международном мореплавании. Поступив таким образом, он оставил обращение открытым для компромиссной трактовки, что означало: Абд-эль-Насер может согласиться разрешить доступ в израильский порт Эйлат любому судну, под флагом любого государства мира за единственным исключением — Израиля.

В тот момент, когда Абд-эль-Насер закрыл пролив Тиран, приветствовал войну с Израилем словами «ахлан ва-сахлан», начал сосредоточивать войска на Синае и собирать военную коалицию из Сирии, Ирака, Иордана и Алжира, Израиль оказался в ситуации, с которой столкнулся в 1948 г. Само его существование повисло на волоске. Чтобы выжить, Израиль должен был иметь возможность сам постоять за себя, не надеясь на милость других. Это тяжкая и горькая правда, которая требует жертв. В ту минуту, когда Израиль утратит способность защищаться, он лишится надежды на существование в качестве независимого, суверенного государства.

Между тем, долгая история еврейского народа знавала примеры чудес. Ошибки, сделанные правительством, его колебания и слабость вызвали чудо, которое произошло с еврейским народом в 1967 г. Народ Израиля начал понимать, что вновь оказался перед реальной угрозой истребления, что его жизнь — в его собственных руках.

Толпы иностранных корреспондентов вились вокруг управления по связям с прессой. Некоторые находились в Израиле в 1948 г. и видели рождение нации. Теперь, возможно, они прибыли посмотреть на ее гибель. Я протолкался на регистрационный пункт и, отметившись, получил спальный мешок — все, что осталось на складах подразделения связи. Следующим утром, в пятницу 26 мая, я получил предписание прибыть с докладом в бронетанковую дивизию генерала Таля.

Я хорошо помню ночь накануне моего отъезда в дивизию. Окна моей квартиры уже были заклеены полосками ткани, светильники — выкрашены в синий цвет, а детям сказано, что не надо бояться сирены воздушной тревоги.

Утром, собравшись, я обнял детей и испытал чувства, посещавшие многие поколения отцов-евреев на протяжении последних двух тысяч лет.

«Они хотят забрать твою жизнь», — вот как можно выразить это ощущение словами. Я был опечален. Израиль казался раненым человеком, выброшенным на ледяной берег вдали от цивилизации, который, теряя силы, видит, как к нему, сужая круг, подбираются голодные дикие звери. Египет, Сирия, Ирак, Иордания, Алжир, Кувейт… — каждый день врагов становилось все больше и больше.

ГЛАВА 5

Из штаба дивизии меня направили прямо в бригаду «D», а оттуда— в батальон D-14. Танки M47 и M48 «Паттон» под маскировочными сетками находились в лесу около перекрестка на Рафахском направлении. Сержант отвел меня к командирскому танку, который прятался под сеткой большего размера, чем другие. Майор Эхуд Элад, в носках и нижнем белье, лежал, растянувшись, на раскладной кровати. За стеклами его очков можно было разглядеть красные от недосыпа глаза, а его нос, тоже красный, торчал над усами.

Неохотно офицер сел на раскладушке и сунул ноги в высокие ботинки со шнуровкой. Накинув рубашку, он встал во весь рост.

— Я слышал, в городе все всё скупают, а особенно запасают сахар. Это правда? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Все бегают с мешками как сумасшедшие?

— В общем, да.

— Евреи совершенно спятили. А верно, что в Кабинете министров кое-кто против войны?

— Верно, — сказал я.

— Дурость какая! Просто смешно! — проворчал майор, застегивая ремень. — Если бы нам только позволили, мы бы разнесли здесь все вчистую за две секунды. А что творится? Мы сидим на задницах и ни черта не делаем, а враг с каждым днем набирает силу. Вчера против нас стояла рота, сегодня уже батальон, завтра будет бригада. Да что же это происходит с евреями?

Майор Эхуд поднял угол маскировочной сети и пригласил меня последовать за ним в лес.

— Пойдемте посмотрим, как батальон. Это добавит вам бодрости.

Танки были выстроены аккуратными рядами, маскировочные сетки туго натянуты, вокруг — полная чистота, и ни одной души. Все под маскировкой.

— Сегодня я облетел территорию на разведывательном

самолете, — сказал майор. — Позор, что нам не хотят позволить перейти границу. Я летал над батальоном и не видел его. Представляете?

— Сколько вы уже сидите под маскировкой?

— Десять дней. А до этого мы провели три недели на маневрах.

— Не повезло. Да еще на такой жаре в Негеве, — прокомментировал я.

— В бронетанковых войсках отличная дисциплина, — с гордостью произнес он, приподнимая угол одной из сеток. — В бронетанковых войсках не обычные евреи.

— Смирно! — рявкнул сержант.

Экипаж вытянулся по стойке смирно, сержант отдал честь.

— Вольно, — бросил майор.

Экипаж закончил техобслуживание танка. 12,7-мм пулемет браунинга был начищен, вещмешки экипажа — закреплены на башне. Двое танкистов играли в шашки, еще двое читали газеты. В свободном углу под маскировочным тентом была устроена кухня, и в жестянке на спиртовке кипел кофе. Я спросил людей, как они себя чувствуют.

— Сыт по горло ожиданием, — пояснил сержант. — Пора драться.

— А вы? — спросил я у других.

— То же самое, — отозвались они. — Вот у нас где это сидение. Они явно не испытывали сомнений в том, каков будет исход

столкновения. Они не проиграют.

Когда мы ушли, я сказал майору, что, похоже, солдаты на передовой могут преподать тылу пример высокого морального духа. А ведь этим людям завтра, возможно, придется взглянуть в лицо смерти.

— Если бы все так думали, — заметил майор. — Премьер-министр и министр обороны Леви Эшколь, приехав сюда, спросил меня, почему танкисты столь самоуверенны. Я показал ему «Паттоны» и парней, но это произвело на него странное впечатление. Самое печальное, что в конце он сказал: «Цолл мир нур нит бедахрфн» («Будем надеяться, что нам не придется пускать их в действие»)[89]. Конечно, он имел в виду «Паттоны» и парней.

Контраст между настроениями в бригаде «D» и теми, что превалировали в правительстве и в народе, был значителен и очевиден. Все то, что вызывало колебания и сомнения, страх и панику у гражданского населения, лишь повышало боевой дух личного состава бригады «D» и укрепляло в нем понимание того,

что война неизбежна и что это война — война за выживание.

Наводчик Шмуэль Бар из Беней-Брака, служивший в батальоне Б-10, сказал мне: «Для меня это война не на жизнь, а на смерть. Если мы не победим, мои родители лишатся дома».

Я чувствовал, что бригаду пронизывает с трудом сдерживаемый гнев — гнев, корни которого уходят во времена нацистского Холокоста. Люди, казалось, говорили: «Никогда больше евреев не будут изгонять, никогда не будут терзать, мучить и убивать». На протяжении лет никто не воспринимал всерьез угрозы Абд-эль-На-сера и сирийских лидеров «сбросить Израиль в море» и прочие дьявольские призывы арабов к уничтожению Израиля. С тех пор, как появился ЦАХАЛ, на который Израиль полагался как на силу сдерживания, люди реагировали на угрозы арабов, как будто они доносились из-за высокой, неприступной стены.

Теперь способность армии защитить страну ставилась под сомнение, казалось, что неприступная стена рухнула, а арабская пропаганда на фоне концентрации египетских войск на Синае приобрела новое, зловещее значение, напоминавшее о Холокосте в Европе. И именно эта ассоциация вызывала гнев солдат.

Вновь и вновь израильская молодежь возвращалась мыслями к тому, что случилось тогда в Европе. Как оказалось возможным уничтожение сотен тысяч, миллионов евреев, которые шли на убой, как стада скота, не пытаясь сопротивляться, даже не плюнув в физиономии убийц?

Ответ пришел к ним в мае 1967 г. спонтанно. Евреев Европы некому было возглавить, объединить и направить, у евреев Израиля есть ЦАХАЛ. В него стеклись все закаленные изгнанники с Запада и Востока.

Память о прежних страданиях, которая толкала горожан в лавки и магазины, заставляя мешками закупать продукты, пробуждала в прибывших в свои части военнослужащих волю к борьбе. Те, кто в Освенциме беспомощно стоял перед мучителями, когда те выкалывали им лагерные номера, здесь превратились в львов. Если быть более точным, армия не только давала такой настрой, но армия, как крепкий костяк, надежная основа, объединяла всех способных воевать в едином порыве. В ЦАХАЛе рождалось ощущение, что есть нечто, надежно сплачивающее народ. Когда 28 мая премьер-министр спотыкался и заикался, обращаясь к гражданам с речью, один сержант, который слушал транзистор, лежа под маскировочной сеткой, произнес: «Леви, сын Деборы, давай-ка поговорим!»

Воля к борьбе охватила весь ЦАХАЛ, и это единодушие в стремлении к цели неизбежно чувствовали вожди политических

партий. Им пришлось сформировать Правительство национального единства, в котором министром обороны стал генерал-майор Моше Даян. Даян был символом побед ЦАХАЛа. Перед своим назначением он, облачившись в форму генерал-майора, посетил армейские лагеря, и, где бы он ни появился, солдаты и офицеры встречали его радостными возгласами и аплодисментами. Это был человек, который расщелкал арабов как орешки: иорданцев и сирийцев в дерзких карательных рейдах десантников, а египтян — в молниеносной Синайской кампании.

30 мая Абд-эль-Насер продемонстрировал, что его цилиндр фокусника еще не опустел. Король Иордании Хусейн, архивраг Насера, перелетел из Аммана в Каир на личном самолете и подписал с Египтом договор о взаимной обороне, по условиям которого в случае войны иорданская армия встанет под командование Египта. Таким образом кольцо вокруг Израиля сомкнулось. Если Израиль по-прежнему будет тянуть время и сомневаться, к арабскому альянсу присоединятся даже не арабы. Недавно установленные Израилем связи с Азией и Африкой оказались под угрозой. У друзов есть поговорка, которая гласит: «Мы — с тем, кто победит». Такую философию разделяют народы Востока и не только они.

Правительство национального единства было сформировано 1 июня, и генерал-майор Даян получил в нем портфель министра обороны. До того Даян склонялся к мысли, что правительство и общество готовы примириться с блокадой Тиранского пролива, рассматривая это более как удар по экономике, вред от которого будет компенсирован изобретательностью и терпением евреев. Теперь же он не собирался прислушиваться к мнению, которое никогда не примет и с которым никогда не согласится армия.

В пятницу 1 июня генерал-майор Даян приехал в Министерство обороны в белой рубашке за рулем своего зеленого «Сааба». Он сделал это еще до того, как принял присягу в Кнессете. Друзьям, приветствовавшим его в министерстве, он сказал: «Народ избрал меня», и был совершенно прав.

Его назначение министром обороны стало результатом давления общества и выражения желания людей, служащих в вооруженных силах. С этой точки зрения, будет правильно утверждать, что в трудный час кризиса народ взял судьбу в свои руки. Люди хотели войны и хотели вести ее со всей яростью, на какую только были способны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ОТ ИЦХАКА САДЭ ДО ИСРАЭЛЯ ТАЛЯ 1947–1967 г. г

ГЛАВА 6

Батальон D-10 бригады «D» был сформирован в 1948 г. и являлся первым танковым батальоном ЦАХАЛа. Его создателем стал генерал Ицхак Садэ, «Старик», также основавший Пальмах — ударные части Хаганы. Первым командиром батальона был майор Феликс Беатус, который в то время говорил только на польском и русском языках.

Батальон состоял из шести рот, лишь две из которых являлись танковыми — так называемые «русский» и «английский» эскадроны. На вооружении «русской» роты стояли французские танки Гочкиса образца 1935 г., укомплектованные людьми, уверявшими, что у них есть опыт службы в бронетанковых войсках восточноевропейских стран. Говорили в этой роте по-русски. На вооружении английской роты имелись два танка «Кромвель» и один «Шерман», которыми Хагана обзавелась, «позаимствовав» у Британской армии, когда та покидала Палестину[90].

Батальон успели сформировать всего за одну неделю, в течение первого перемирия во время войны 1948 г. Проблем хватало, но самой серьезной являлась связь. Феликс говорил по-русски с комбригом Садэ. Но полковник Шаул Иоффе, начальник оперативного отдела штаба бригады, не понимал ни по-русски, ни по-польски — кроме иврита он знал только идиш. Феликс же происходил из семьи эмигрантов и не владел даже идишем. Но он немного знал немецкий и говорил с Иоффе по-немецки, тот же отвечал ему на идише. Феликс Беатус не знал ни слова по-английски, и чтобы командовать англо-говорящей ротой, вынужден был пользоваться помощью переводчика. Никого, одновременно знавшего и русский, и английский, не нашлось, и Беатус прибегал к услугам двух переводчиков, один из которых переводил с английского на идиш, а другой с идиша на русский.

Первым боевым крещением батальона стала атака на аэропорт в г. Лод[91]. Но 16 октября 1948 г. его атака на Ирак-эль-Маншие, обороняемый ротой египтян, стала сокрушительным поражением. Русская рота так и не вышла на заданные позиции из-за технических неполадок и других срывов. Они все орали в рации: «Где пехота?! Где пехота?!» и дружно сваливались в рвы,

которые египтяне выкопали перед своими оборонительными укреплениями[92]. Таким образом ни танки, ни пехота, которая должна была за ними следовать, до цели так и не добрались, если не считать двух «Кромвелей» англо-говорящей роты. Командиры «Кромвелей» на ходу высовывались из люков на орудийных башнях, чтобы лучше видеть местность. Оба танка прорвали внешний периметр обороны и продолжали продвижение, но к тому времени оба были подбиты — у одного взорвалась пушка, а другой встал как вкопанный из-за поломки трансмиссии. Лишившийся пушки танк подъехал ближе к потерявшей ход машине. Еврейский волонтер из Южной Африки выпрыгнул из своего танка и под пулеметным огнем закрепил буксир. На обратном пути доброволец был ранен, но, несмотря на это, повел свой танк и отбуксировал второй «Кромвель» к позициям израильтян.

Столь сомнительное начало в значительной мере помешало завоеванию батальоном популярности в ЦАХАЛе. Беатуса отстранили от занимаемой должности, и командиром батальона D-10 стал подполковник Шаул Иоффе, ветеран Пальмаха. Иоффе решил, что в бронетанковые войска необходимо «влить израильской крови», другими словами, сформировать его костяк из выходцев из Хаганы и Пальмаха. Сначала он организовал курс подготовки «А», на котором стрелки из танковых орудий обучались ведению противотанкового огня по всем правилам. За курсом «А» последовал курс «В». С него и началась настоящая учеба первых танкистов бронетанковых войск Израиля.

Курс подготовки «В» длился целый год. Главной целью было изучение материальной части танка, его ТТХ. Однажды, в процессе занятий, курсанты повели свои «Шерманы» в заброшенную деревню Наана. При приближении к ней у одного из танков слетела гусеница, и тут курсанты обнаружили, что никто и понятия не имеет, как правильно установить ее обратно. Танк мог продолжать движение, но недалеко и исключительно по кругу. Мало того, вскоре и другой танк оказался в подобном положении. Тогда курсанты наконец поняли, что столкнулись с проблемой, требующей серьезного осмысления и внимательного изучения. Целую неделю они занимались демонтажем и заменой гусениц.

Танкисты учились водить свои машины по пескам, по горам, по скалам и лесам. Однажды, желая продемонстрировать достижения группе офицеров, они лихо загнали танк в одно из зданий покинутой жителями деревни и только тогда с удивлением обнаружили, что выехать оттуда не могут. Железобетонная крыша крепко села на башню танка, который

снес поддерживавшие ее опоры.

Тактика, применяемая израильтянами во время маневров, поражала оригинальностью, что не удивительно, поскольку самими они ее и изобретали. Будучи пехотинцами, они мыслили и действовали как пехотинцы. В ходе процесса обучения Эцрахи перевел американское руководство по обучению небольших танковых частей — взводов и рот. В руководстве содержались рисунки, иллюстрировавшие способы действия танкистов в разных ситуациях с подписями «правильно» и «неправильно». Пока Эцрахи заканчивал перевод на иврит, эти диаграммы служили главным учебным материалом для не знавших английского курсантов. Для пополнения знаний курсантам каждый вечер показывали художественные фильмы с батальными сценами времен Первой и Второй мировых войн.

Закончившие курс «B» преподавали курс «C» и «D». Сержант Шмуэль, который выдвинулся из рядовых в офицеры и прошел все звенья управления, посещал курс «C». Ему было суждено стать первым командиром бригады «D», прошедшим всю военную иерархическую лестницу снизу доверху[93].

Почему военнослужащим бронетанковых войск приходилось с самого начала всему учиться самим? На то были две причины. Первая проста. Большинству старших офицеров, оставшихся в регулярной армии после Войны за независимость, не хватало образования, они не знали иностранных языков. Их школьные годы пришлись на бурные времена, когда поселенцам приходилось противостоять давлению британских властей на подмандатной территории, когда полыхала Вторая мировая война, когда гитлеровцы тысячами сжигали евреев в топках крематориев, когда шла нелегальная иммиграция и не прекращались столкновения, приведшие к Войне за независимость. Они забросили учебники и все силы отдавали подпольному движению.

Вторая причина сложнее. Начнем с того, что позаботиться о себе пришлось не только бронетанковому корпусу. Пехоте тоже предстояло пройти своим тернистым путем, хотя ей, несомненно, помогал значительный опыт офицеров из других армий, прежде всего из Британской. Части Пальмаха, влияние которого на ЦАХАЛ заметно до сих пор, были плохо вооружены и малочисленны. Недостаток оружия, техники и недоукомплектованность личным составом не давали Пальмаху возможности в полной мере использовать опыт других армий. Евреям надлежало сформировать военную доктрину, которая минимизирует влияние факторов нехватки вооружения и малочисленности. Поэтому израильтяне сделали ставку на

мобильность, внезапность и ведение военных действий в ночное время.

Создание Армии Обороны, или ЦАХАЛа, не устранило этих проблем, являвшихся неизбежным следствием затруднений, испытываемых маленьким сообществом евреев, чуждым по культуре и традициям подавляющему большинству населения региона. Поскольку ЦАХАЛ никогда не сможет сравняться с арабскими армиями в том, что касается живой силы и вооружений, вооруженные силы Израиля расширяли, развили и усовершенствовали унаследованную ими от Пальмахадоктрину.

С самого начала перед Израилем стояла дилемма: ни экономика, ни промышленность страны не могли обеспечить армию всем необходимым вооружением и снаряжением. В результате материальную часть ЦАХАЛу пришлось черпать из-за границы. Он получал не то оружие, в котором нуждался, а то, которое ему удавалось добыть.

Часто ЦАХАЛ не мог приобрести даже то, на что хватило бы средств. Во время войны 1948 г. страны Восточной Европы, за исключением Чехословакии[94], оружия Израилю не продавали. Западный мир по политическим причинам ограничивал типы и количество продаваемых Израилю оружия и боеприпасов. Франция согласилась на поставки в 1955 г., Британия — только в 1959-м. А Америка еще три года назад отказывалась поставлять оружие и технику израильской армии. Однако получаемое вооружение тоже не всегда отвечало запросам ЦАХАЛа, поскольку страны-производители руководствовались своими военными доктринами, далеко не всегда совпадавшим с доктриной Израиля. Довольно часто ЦАХАЛ использовал приобретенное за границей вооружение вовсе не так, как планировали изготовители.

В 1951 г. подполковник Бен-Ари стал заместителем командира бригады «D». Она к тому моменту состояла из двух мотопехотных батальонов, одного танкового (D-10), разведывательной, минометной и инженерно-саперной рот. С самого начала Бен-Ари стал духовным лидером бригады. Главной задачей танкистов, в его понимании, были стремительные рейды по неприятельским тылам.

Однако командирскими машинами бригаде служили грузовики. Поскольку грузовики, в отличие от танков и полугусеничных бронетранспортеров, не могут преодолевать сильно пересеченную трудную местность, в боевых условиях они отстают от наступающий бронетехники, командование решило пересесть на полугусеничные машины. Должным образом подготовленный запрос отправили в штаб бронетанковых войск, но армейское начальство придерживалось убеждения, что все

имеющиеся полугусеничные машины лучше задействовать в мотопехоте. В конечном счете, после упорной борьбы бригада победила.

Бригада «D» принимала участие в маневрах в 1952 и 1953 гг., в которых «сражались» между собой две группы войск — южная (синие) и центральная (красные). Наблюдатели начертили на карте круг, пределы которого бригада не имела права покидать до получения дальнейших указаний. В противном случае график маневров полностью нарушался. Но Ури Бен-Ари досконально изучил танковые баталии Второй мировой и в соответствии с почерпнутыми знаниями устроил стремительный рейд, не приостанавливавшийся даже и в ночное время. В результате его танки углубились на сто тридцать километров на территорию «красных». Его появление в глубоком тылу «противника» вызвало недовольство у руководства и привело «красных» в ярость.

В то время ЦАХАЛ не принял идей Бен-Ари и отказался верить в возможность танковых рейдов в глубокие тылы. Руководство отводило бронетанковым частям роль поддержки пехоты, танкистам надлежало взламывать вражескую оборону, планомерно продвигаясь от рубежа к рубежу, один за другим очищая их от противника, прежде чем идти дальше.

Подводя итоги маневров 1952 г., начальник генштаба генерал-майор Игаль Ядин высказал несколько резких слов в адрес офицеров бригады «D». Тем не менее Бен-Ари пренебрег уроком и в 1953-м повторил дерзкий рейд в глубокий тыл. Но на сей раз судьба улыбнулась израильским бронетанковым войскам.

Батальон D-10 бригады «D» застал врасплох и смял пехотный батальон «красных» на позициях у Тель-Кунтейры около шоссе на Фалуджу. Хотя все хорошо понимали, что происходящее есть не что иное, как «военная игра», пехотинцы, увидев устремившиеся на них танки, испугались настолько, что побросали оружие и разбежались. В том, что пехота бежит от танков, нет ничего необычного, вот только на сей раз любоваться этой картиной пришлось самому премьер-министру и министру обороны Давиду Бен-Гуриону, стоявшему у дороги. Таким образом Бен-Гурион лично убедился в том, насколько необходимы танки ЦАХАЛу.

До тех пор считалось, что пехота — царица полей, и при составлении бюджета — дележе тех скудных средств, которыми располагал ЦАХАЛ, — она имела безоговорочный приоритет. Теперь танкисты «вышли из тени». Численность бронетанковых войск начала расти. Но высшие военные чины по-прежнему не спешили давать зеленый свет бронетанковым частям, прежде всего из-за уязвимости матчасти — механических поломок. Командование не спешило менять подход и полагаться на дерзкие

рейды, вроде того, который продемонстрировал Бен-Ари на учениях, и проблема осталась на долгие годы.

Успехи десантников, проводивших карательные рейды по вражеской территории, так же не способствовали переоценке возможностей бронетанковых частей. К тому же, когда парашютистам требовались полугусеничные машины из состава бронетанковых частей, чтобы быстро отойти после завершения операции, порой техника подводила, и десантникам приходилось возвращаться пешком.

По-настоящему армейское руководство оценило бронетанковые части во время Синайской кампании 1956 г. Тогда израильские бронетанковые формирования впервые в условиях боя продемонстрировали свой потенциал бронированного кулака, способного стремительно совершать глубокие рейды во вражеский тыл.

Первоначально планом кампании бригаде «D» отводилась незначительная роль. Танкистам предстояло выполнить обманный маневр — ложной атакой на Иорданском фронте отвлечь внимание египтян от главных действий ЦАХАЛа на Синайском полуострове. Однако генерал Ласков[95] и полковник Бен-Ари заручились поддержкой командующего Южным командованием Асафа Симхони, получившего позднее звание генерала (он погиб в авиакатастрофе после Синайской кампании), и объединенными усилиями им удалось убедить начштаба поручить бригаде «D» более ответственное задание на Синайском фронте. В соответствии с новым планом, танки бригады «D» должны были продвигаться на транспортерах (тягачах с полуприцепами для транспортировки танков), а личный состав — на автобусах позади 4-й пехотной бригады, которой предстояло осуществить прорыв обороны противника под Кусеймой.

Этот план оставался незыблемыми, но в последний момент командующий Южным командованием по собственной инициативе внес в него коррективы. В своей книге «Дневник Синайской кампании» Моше Даян так отзывается об этом: «Вчера у меня состоялся серьезный разговор с командующим Южным командованием, который в разрез с приказом генштаба раньше назначенного срока ввел в действие 7-ю бронетанковую бригаду [здесь бригада «D»]. Нарушив особое распоряжение не применять бронетанковых подразделений до тридцать первого числа, в Южном командовании объяснили свои действия тем, что стремились не потерять ни секунды на начальном этапе операции, чтобы не утратить фактор внезапности и не лишиться инициативы, и потому хотели по максимуму использовать все имевшиеся в распоряжении силы уже в день "Д"»[96].

По плану, нарушенному Симхони, 4-я пехотная бригада должна была атаковать оборонительные рубежи Кусеймы и захватить их. Бронетанковой же бригаде предстояло выдвинуться на Синай спустя двадцать четыре часа.

Единого мнения в отношении того, смогла бы или не смогла 4-я бригада самостоятельно прорвать неприятельскую оборону, до сих пор нет, поскольку исход дела фактически решили танкисты. Те, кто утверждает, что уже в 1956-м бронетанковые войска могли бы стать основной ударной силой наступления, поддерживают версию командования бригады «D», заключающуюся в том, что именно она сыграла главную роль в наступлении на данном участке.

Танковых боев во время Синайской кампании произошло не так уж и много. Обойдя оборонительный узел Абу-Агейлы, бригада «D» взяла под контроль исмаилийское направление и тщетно искала способа войти в боевое соприкосновение с египетской 1-й бронетанковой бригадной оперативно-тактической группой. Командование последней докладывало в Каир, что ведет тяжелые бои с израильскими танками и даже нанесла им значительный урон, уничтожив большое количество бронетехники. Но на самом деле египтяне избегали столкновений, что давалось им с трудом, поскольку танковый эскадрон ныне ставшего полковником Шмуэля сумел догнать убегавших египтян и прищемить им хвост.

Обход укрепрайона Абу-Агейлы и быстрое проникновение целой бригады в центральную часть Синайского полуострова с захватом главных путей наступления были проведены оригинально и дерзко. Полковник Ури Бен-Ари замыслил обойти оборонительные рубежи противника по дороге, проходившей через перевал Деика к шоссе Абу-Агейла — Джебель-Либни за Абу-Агейлой. На протяжении части маршрута высохшие русла рек образовывали узкие ущелья, в начале и конце которых египтяне возвели укрепления и разместили на них воинские части. Так они обеспечили оборону на случай внезапных нападений на оборонительный узел Абу-Агейла с тыла. Как только бригада вступила в действие, полковник Бен-Ари отправил группу для разведки пути к перевалу Деика. Израильтяне установили, что египтяне, которые должны были оборонять Кусейму, бежали через перевал и своим паническим бегством увлекли за собой солдат, дислоцированных на блокпостах у Деики. Посланное разведчиками донесение подтолкнуло полковника Бен-Ари к тому, чтобы двинуть всю бригаду, за исключением сражавшейся под Ум-Шиханом части, через перевал к Абу-Агейле, до того как египтяне успеют вновь взять его под свой контроль. Вследствие

этого бронетанковая бригада, проследовав через узкий проход, вышла на центральное направление наступления в тылу Абу-Агейлского узла обороны.

Пока главные силы бригады проходили Деику, боевая группа энергично сражалась с египтянами за Ум-Шихан на юго-западном рубеже обороны Абу-Агейлы. Ударной колонной этой части являлся эскадрон, которым командовал будущий полковник Шмуэль.

Заметив израильтян, противник накрыл их плотным артиллерийским огнем; так бригада понесла первые потери. У танка, в котором находился Шмуэль, снарядом перебило гусеницу, и машина застряла в песках, сам же комроты получил ранение в руку. Теряя кровь, он сумел перевязать рану и продолжал сражаться до конца боя. Затем его спешно доставили в госпиталь, где сделали операцию, чтобы предотвратить заражение крови.

Бригада «D» действовала на центральном Синае как дивизия. Батальонные оперативно-тактические группы были разбросаны по обширной территории, далеко за пределами досягаемости используемых средств радиосвязи. Полковник Бен-Ари командовал этими группами, используя вестовых, а иногда сам выступал в роли вестового.

Своими блистательными деяниями бригада «D» затмила достижения 27-й бригады под командованием полковника (сейчас генерал-майор) Хаима Бар-Лева, действовавшей на северном кантарском направлении. Эта бригада тоже вступила в бой, следуя по пятам за пехотной бригадой, которая атаковала и захватила укрепленные позиции Рафахского узла обороны. Выход ее на северное направление был также осуществлен в решительный момент сражения между израильской пехотой и занимавшими оборонительные рубежи египтянами.

Таким образом, можно сказать, ЦАХАЛ открыл для себя танки в Синайской кампании 1956 г. Как многие другие армии, Армия Обороны Израиля запоздала с высокой оценкой их важности и возможностей и должна была пройти непростой путь, учась на собственных ошибках.

Но в отличие от некоторых других армий, ЦАХАЛ быстро воспринял эти уроки и сделал правильные выводы. После Синайской кампании возникла новая Армия Обороны Израиля, в наземных войсках которой бронетанковые силы вышли на первое место.

Сразу же после Синайской кампании командование ЦАХАЛа начало переводить старших офицеров пехоты в бронетанковые части; полковник Исраэль Таль стал одним из первых. Когда

кампания завершилась, начальник генштаба, генерал-майор Моше Даян, спросил Таля, тогда бывшего начальником Офицерской школы, когда он мог бы перейти на должность заместителя командующего бронетанковыми войсками.

Таль: Недели через две-три.

Даян: Нет, нет, в котором часу сегодня?

Началось активное создание бронетанковых бригад, число которых постоянно росло, поскольку у египтян танковый парк расширялся устрашающе быстро. Но и Израиль теперь мог увеличить количество бронетехники, а также переоснастить уже имевшуюся. Следом за Талем в бронетанковые войска перевели полковника Давида Элазара. После продолжительной подготовки он был назначен командиром бригады «D». Из парашютно-десантных войск пришел майор Биро, за ним — подполковник Ман. Самым старшим из перешедших в бронетанковые войска офицеров стал генерал Хаим Бар-Лев, который всегда по достоинству оценивал возможности танков и являлся опытным танкистом. Однако раньше считалось, что Бар-Лев «слишком хорош» для командования бронетанковым корпусом. Он стал генералом, командующим бронетанковыми войсками после недолгого пребывания на этом посту полковника Бен-Ари.

Организация бронетанкового корпуса как главного сухопутного рода войск и его расширение активно шло в период с 1957 по 1964 г., когда командующим был генерал Хаим Бар-Лев, а вслед за ним генерал Давид Элазар (Дадо). В подходе ЦАХАЛа к танковой войне различаются две стадии. На протяжении первой армейское руководство изучало уроки Синайской кампании, из которых следовало, что израильские бронетанковые войска способны обходить неприятеля с флангов и проникать во вражеский тыл, если опорные пункты оборонительных рубежей разбросаны или рассредоточены так, что танки имеют возможность проследовать между ними без ущерба для себя. В 1956 г. египтяне не располагали значительными силами и не могли обеспечить сплошной обороны больших территорий. Отсюда возникла мысль, что обход бронетанковыми частями опорных пунктов противника и проникновение в его тыл приведет к крушению обороны египтян. Что делать с образующимися вследствие такого подхода «мешками», представлялось делом второстепенным. Роль штурмовых частей по-прежнему отводилась другим войскам, в основном пехоте, которая должна была действовать в ночное время (как это происходило под Кусеймой и Рафахом в 1956 г.). Такой подход позволял сохранять части бронетанковых войск свежими для выполнения главной задачи — проникновения вглубь неприятельских территорий,

внесения дезорганизации в стан врага и разрушения системы его тыловых коммуникаций.

Однако на второй стадии, особенно в начале шестидесятых, позиция ЦАХАЛа изменилась, это произошло из-за увеличения количества оружия, получаемого Египетской армией из Советского Союза. Хотя военное руководство упорствовало в приверженности к тактике обходных маневров, оно осознало, что наступает время танковых прорывов, поскольку теперь египтяне развернули на Синае оборону в соответствии с русской военной доктриной. С целью блокирования путей прохождения танков они размещали укрепленные позиции между естественными преградами. Возведенная на Синае система фортификаций не допускала флангового обхода, вынуждая нападавших при проникновении в тыл непременно преодолевать укрепления первой линии. Во время пребывания на посту командующего бронетанковыми войсками генерал Элазар выработал и усовершенствовал тактику прорыва через укрепленные позиции.

По его инициативе был проведен форум, получивший название Конференции бригадных командиров, на котором комбригам предлагался круг тем для изучения и всестороннего рассмотрения. На заседаниях командирам надлежало детально изложить свои соображения, с тем чтобы Элазар мог оценить их. Был учрежден комитет, возглавляемый полковником Авраамом Аденом (Бреном), в задачи которого входила подготовка протоколов дискуссий для составления учебного пособия. Полковники Шмуэль, Мотке, Альберт, Манди и Херцл писали разделы для этого пособия.

Во время маневров 1964–1965 гг. части бронетанковых войск практиковались в прорывах укреплений советского образца. Руководство ЦАХАЛа не отказалось еще полностью от убеждения, что прорывать вражескую оборону — задача пехоты в ночном бою, но все более широко распространялось мнение, что решение данных задач следует уступить танкистам.

ГЛАВА 7

1 ноября 1964 г., после трех лет учебы на факультете философии и обществоведения в Иерусалимском университете, генерал Исраэль Таль получил назначение на должность командующего бронетанковыми войсками. В тот же день уходящий с этого поста генерал Давид Элазар стал командующим Северным командованием.

За полгода до описанных выше перестановок в штабе бронетанковых войск ситуация на сирийском направлении

осложнилась. К так называемой «войне тракторов» добавлялся новый и потенциально более опасный конфликт, возникавший вокруг системы водоснабжения Израиля и легко способный перерасти в настоящую войну с Сирией. Это же, в свою очередь, могло повлечь за собой полномасштабную войну с арабскими странами.

Благодаря введенной в действие в июле 1964 г. государственной системе водоснабжения, вода из Галилейского моря начала поступать в Негев. Ирригационный проект, направленный на развитие сельского хозяйства в иссушенной солнцем пустыне, где предполагалось дальнейшее строительство поселений, обошелся Израилю примерно в сто тридцать миллионов долларов. Арабские государства возражали против проведения проекта в жизнь, несмотря на все усилия президента Эйзенхауэра разрешить вопрос с распределением вод реки Иордан, питавшей Галилейское море. На первом совещании руководителей арабских стран было решено силой предотвратить создание системы водоснабжения. Сирия хотела войны, но Абд-эль-Насер отметил, что арабы еще не готовы к полномасштабному столкновению с Израилем и начинать войну следует тогда, когда они будут абсолютно уверены в победе. В качестве временной меры арабы решили отвести притоки реки Иордан, особенно реку Баниас, исток которой находился в Сирии, таким образом изначально сведя к нулю целесообразность израильского предприятия. Израиль, со своей стороны, заявил, что не останется равнодушным к отведению притоков Иордана, и скоро стало ясно, что споры из-за воды могут привести к войне. Но некоторое время обе стороны стремились избежать этого и не шли дальше приграничных стычек.

Сирия тем временем решила совместно с Иорданией осуществить собственный ирригационный проект — построить канал, который отвел бы воды Баниаса к Мукейбе. В то же время продолжались неугасающие споры о правах на возделывание земель вдоль линии перемирия между Сирией и Израилем. Сирийская армия, которая имела преимущество ввиду рельефа местности, окопалась на укрепленных позициях на Голанских высотах и обстреливала израильские патрули, охранявшие израильские трактора, работавшие на полях в долине на территории, на которую претендовал Израиль. Поля обрабатывались вплоть до самой границы, вдоль которой были проложены маршруты патрулирования.

Приграничные инциденты возникали, когда с сирийских позиций обстреливались патрули или трактора. Израильтяне обычно отвечали огнем из автоматического оружия, и если дело

на этом не заканчивалось, вступала и артиллерия; сирийские орудия располагались на господствующих позициях. Наблюдатели ООН в итоге добивались восстановления действия режима прекращения огня, но после небольшой передышки возникал новый инцидент, или в том же месте, или где-нибудь еще вдоль спорной границы.

Одним из очагов постоянной напряженности являлась местность неподалеку от Тель-Дана[97]. Еврейский национальный фонд проложил там дорогу, и жители кибуца вспахали поля тракторами. Угроза исходила со стороны двух сирийских позиций у деревни Нухейла и на господствовавшей над долиной высоте Тель-Азазиат. Пост командующего бронетанковыми войсками занимал тогда еще генерал Давид Элазар. Он утверждал, что танковые пушки — самое подходящее средство для подавления сирийских огневых точек, представлявших собой вкопанные в землю на высотах танки противника. Нашлись такие, кто выражал сомнение в способности бронетанковых войск обеспечить прекращение инцидентов, не втянув страну в войну. Так или иначе начальник генштаба генерал-майор Рабин дал согласие на предложение Элазара.

За неделю до того, как генерал Элазар занял пост командующего Северным командованием, бригада «D» получила приказ послать на сирийский участок границы роту «Центурионов».

«Центурионы» дислоцировались в зоне, невидимой находившимся по другую сторону границы сирийцам. За несколько минут танки могли выйти на огневые позиции для подавления огня орудий противника в Нухейле, в случае, если бы те начали обстреливать трактора, расчищающие проход к дороге.

Капитан Шамай, которому поручили руководство операцией, объяснил людям боевую задачу:

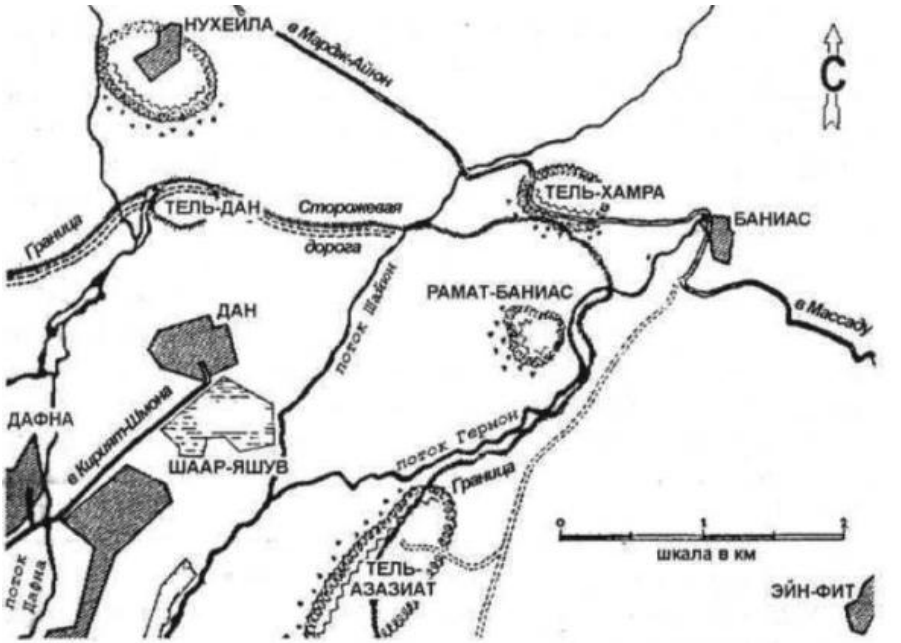
— Надо подбить их танки. Их два — один на восточной стороне деревни, другой на западной. Это первая задача. Уничтожив их, бейте по противотанковым орудиям и по полевой артиллерии. Только после того, как вы решите эту задачу, принимайтесь за штаб и точки, где сидят пулеметчики. Я буду корректировать огонь. Задача ясна?

— Да, командир, — сказал комвзвода второй лейтенант Кахалани. Спустилась ночь, колючий ветер Галилеи вгонял людей в дрожь,

хотя, возможно, дрожали они не только от холода. Если произойдет столкновение, оно будет первым для них и первым за последние шесть лет для бронетанковых войск. Взвод был полон тревоги. Шамай принес аккордеон.

— Давайте споем, ребята. Это поможет нам согреться!

Сначала он пел один — у него был приятный голос, — а подавленные люди собрались вокруг него послушать. Постепенно песню подхватили.



Участок границы близ Нухейлы, где происходили инциденты 3 и 13 ноября 1964 г.

— Парни! — обратился к бойцам сержант. — Да проснитесь же вы! Считайте, что у нас пикник на берегу моря!

Голоса стали бодрее. Шалом Коган, Дахан, Хаим Леви, Шитреет, Мишла, Иосиф Альбац (позывной «Булоц-1»), Иегуда Альбац («Булоц-2»), Менаше Манцур, Гуата, Авнер Гольдшмидт, Моше Рабинович, Ицхак Шабаци и другие — уроженцы Марокко, Ирана, Турции, Европы, Ирака, Йемена и Израиля. Все присоединились к общему хору.

На рассвете вторника, 3 ноября, трактора, везшие оборудование для укладки дороги, приступили к работе и медленно приблизились к месту, где им предстояло миновать исток реки Дан. Полугусеничные бронемашины разведки двигались впереди. Саперы шли перед бронемашинами и тракторами с миноискателями. Капитан Шамай следил за ними в полевой бинокль с наблюдательного пункта. Машины разведки постепенно приближались к повороту. Шамай видел позицию противника в Нухейле. Два танка (это были немецкие танки)

находились в орудийных окопах, из которых виднелись только их башни и пушки. За домами прятались еще два безоткатных орудия. Шамай обратил внимание на то, что позиции средств ПТО не изменились со вчерашнего дня и что 81-мм минометы и пулеметные гнезда остались на прежних местах. Автоматчики тоже сидели в тех же окопах.

Когда сирийцы открыли огонь по машинам патруля разведки и шедшим впереди саперам, часы Шамая показывали ровно 12. Чтобы обеспечить израильтянам возможность вернуться, следовало подавить огонь противника. Это была его работа. Шамай отдал по рации команду:

— По машинам!

В считанные минуты «Центурионы» выдвинулись на огневую позицию, рассредоточившись на расстояние не более пятидесяти метров друг от друга. Находившийся слева танк должен был открыть огонь первым, он навел орудие на противотанковую пушку. И пошла потеха. Засвистели снаряды, посыпались осколки, поднялись клубы пыли и дыма. Сирийские 81-мм минометы на Тель-Хамре, танки и легкие орудия на Баниасских высотах, 120-мм минометы с Тель-Азазиат и оба врытых там танка — все включились в перестрелку. Вступила в действие и израильская артиллерия.

«Центурионы» палили беспрерывно, после каждого выстрела перед ними вставали клубы пыли, поднятой ударной волной и выбросом газов. Бронебойные снаряды, выпускаемые 105-мм пушками, неслись к цели со скоростью более 1400 метров в секунду. Если они попадали в цель, то поражали ее в доли мгновения, прежде чем успевала осесть поднятая выстрелом пыль. Долго еще воздух полнился дымом, пылью и крепким запахом пороха. Осколки минометных мин сыпались на Тель-Дан, и металл смешивался с градом камней и обломков скал. Дуэль продолжалась полтора часа, а потом наблюдателям ООН удалось добиться прекращения огня.

Потери ЦАХАЛа составили восемь легко раненных, два подбитых трактора и бульдозер. Генерал Таль, только два дня назад занявший пост командующего бронетанковыми войсками, поспешил в Галилею. Он прибыл к Тель-Дану спустя несколько часов после окончания артиллерийской дуэли.

— Сколько подбито сирийских танков? — таков был первый заданный им вопрос.

— Ни одного, генерал! — отрапортовал подполковник Ошри.

— Ни одного?

— Один, возможно, слегка поврежден, генерал.

— Их танки стреляли все время?

— Мы не заставили замолчать ни один танк, генерал. Сирийцы еще продолжали стрелять, когда мы уже перестали.

— Сколько снарядов выпущено?

— Восемьдесят девять, генерал.

— Будет проведено расследование! — заявил Таль. В кругах ЦАХАЛа инцидент в Нухейле рассматривался как поражение. Начальник штаба генерал Рабин говорил друзьям, что те, кто утверждал, что вражеские позиции можно подавить точным настильным огнем орудий «Центурионов», заблуждались. Тут вмешался генерал Таль.

— Ваша критика слишком сурова, и, на мой взгляд, направлена не в ту сторону, — заявил он друзьям-генералам. — Как раз наоборот, с помощью прицельного настильного огня 105-мм пушек британских «Центурионов» подавить позиции неприятеля можно. Но Нухейла показала нам, что ЦАХАЛ к этому еще не готов.

Расследование пришло к выводу, что, несмотря на превосходство в числе танков, высокую точность боя британских пушек, возможность заранее определить местоположения целей и расстояние до них, взвод достиг весьма незначительных результатов, и причина заключается в человеческом факторе, главным образом, в недостаточно эффективном руководстве.

Генерал Таль созвал на совещание офицеров бронетанковых войск от подполковников и старше. Это было первое совещание со старшими офицерами, которое он проводил в роли командующего бронетанковыми войсками. Он разобрал с собравшимися опыт инцидента в Нухейле. Главным, на что он обратил внимание офицеров было: вражеские танки — первая цель наших танков.

Капитан Шамай вернулся домой вечером в пятницу. Нава, его жена, бросилась к нему с распростертыми объятиями, но он встретил ее холодно и поспешил к кроватке шестимесячного сына Итая. Мальчик спал, и Шамай долго стоял, глядя на него, затем пошел переодеваться и мыться. Когда он вернулся, сын проснулся, и он взял его на руки. Нава чувствовала, что что-то не так.

— Что случилось, Шамай? — спросила она.

— Ничего, — сказал он.

Шамай играл с сыном и явно не собирался отправляться к деду и бабушке в Рамат-Ган, куда неизменно ездил каждую пятницу, если только не находился на учениях.

— Едем к дедушке и бабушке?

— Нет, — буркнул он.

Шамаю было полтора года, когда в 1940-м его отца, Шмуэля

Каплана, члена «Лохамей Херут Исраэль»[98], арестовала британская полиция. Сначала его поместили в лагерь в Мацраа, затем в лагерь под Латруном, а потом в тюрьму в Акре. Наконец он был депортирован британцами в Эритрею. Во время войны его семью уничтожили нацисты в Польше. Отца освободили в 1947 г., когда Шамаю было восемь с половиной, и Шамая воспитывали мать и ее родители, к которым он был очень привязан.

— Что случилось? — спросила Нава.

— Ничего, — проворчал он.

Не захотел Шамай и пойти к друзьям, поиграть в джинрамми [карточная игра]. Он рано ушел спать. В субботу погулял с сыном Итаем, а в воскресенье вернулся в часть.

Все в бригаде знали об инциденте в Нухейле. Некоторые пожимали капитану руку и говорили, что виноват тот, кто выбирал позицию. Другие ругали «Центурионы», популярность которых неуклонно снижалась. «Это черт его знает что такое, а не танк, Шамай», — говорили они. «Верно, это не танк, — соглашался Шамай, — слишком сложен».

Но находились и такие, кто радовался его провалу.

ГЛАВА 8

Оценка, данная инциденту в Нухейле генералом Талем, такова: это проба сил перед тем, что нам предстоит. Стороннему наблюдателю может показаться, что генерал Таль с самого начала гармонично влился в бронетанковые войска, на самом же деле его вступление в должность командующего вызвало настоящее потрясение. Генерал из тех людей, которые всегда готовы отвечать за то, что делают, которые верят, что пути для совершенствования есть всегда.

Генерал Таль родился в Махамаиме в 1924 г. Его отец, Бен-Цион, был одним из основателей поселения. В 1917-м экспедиционные войска генерала Алленби оказались там в ходе преследования турок. Австралийские разведчики спросили Бен-Циона Таля, в каком состоянии мост Бнот-Яаков (Брод Иакова). Бен-Цион не понимал по-английски ни слова. Он побежал домой, принес англо-еврейский (идиш) словарь и попросил офицера показать пальцем слова его вопроса. Поняв, что речь идет о мосте, Бен-Цион немедленно сообразил, что имеется в виду мост через реку Иордан. Он ткнул пальцем в слово «мост» в словаре, а затем весьма убедительно, с большой экспрессией добавил: «Бум!» Теперь, рассказывая эту историю, он с удовольствием подчеркивает: «Видите, Талик происходит из семьи с давним военным прошлым и традициями!»

В 1930 г. семья Таля переехала в селение Мошав-Беер-Тувия, которое к тому времени восстановили (в 1929-м его разрушили арабы). Там Исраэль Таль и рос, пока в семнадцать лет не записался добровольцем в Британскую армию. Он служил во 2-м батальоне Еврейской бригады, сражавшейся с фашистами в Северной Африке и в Италии. Он распрощался с армией в чине сержанта и немедленно поступил на службу в штаб Хаганы в качестве инструктора по автоматическому вооружению. Во 2-м батальоне он считался выдающимся пулеметчиком. Израэль Таль был наделен и некоторыми техническими талантами. В шестнадцать лет он изобрел оружие для борьбы с кротами (оно называлось «пушка»). Кроты наносили серьезный ущерб урожаю картофеля и уже, похоже, выработали иммунитет к мышьяку. Исраэль изготовил трубу, заряжавшуюся дробью и устанавливавшуюся как ловушка. Когда крот рыл землю, курок срабатывал и животное получало заряд дроби. Это изобретение производилось на коммерческой основе. Есть и еще история о его технических талантах. Воюя в Западной пустыне, сержант Таль любил экспериментировать со взрывчатыми веществами. Вместе с другом он находил пещеры, заполнял их взрывчаткой, какую только мог добыть, и с расстояния активировал взрыватель. Однажды взрыв был настолько силен, что комбат в штабе свалился со стула.

За внешней суровостью Таля скрывалась чувствительная натура. Под идеально сидящим, отглаженным мундиром до сих пор угадывается еврейский книжник. Когда видишь его, невысокого и худощавого, склонившимся над штабными картами, перед мысленным взором невольно возникает образ его деда, согбенного над страницами Талмуда. У Таля даже есть привычка накручивать на палец несуществующие пейсы на висках, на самом деле он касается пальцем засевшего под кожей щеки осколка, который постоянно его беспокоит. Когда Таль принимал от генерала Элазара дела, у него уже был готов план действий. Будучи студентом Иерусалимского университета (где он изучал учения Спинозы и Аристотеля), он углубился в исследование методов применения бронетехники в военных действиях и попытался выявить факторы, оказывающие негативное влияние на бронетанковые войска Израиля.

На первом же совещании со своим штабом и старшими командирами он прочел лекцию, в которой очертил план действий. Офицерам, читавшим письма генерала Паттона[99], энтузиазм генерала Таля, возникающий при виде местности, на которой есть где развернуться танкам, напоминал восторг американского генерала.

— Это местность — идеальный танкодром, — с энтузиазмом произнес Таль. — Именно для таких ситуаций ЦАХАЛ и содержит крупные танковые силы.

Тот факт, что эта территория являлась удобной для применения танков, не укрылся и от арабского военного руководства, поэтому в армиях арабских стран постоянно росло внимание к бронетехнике. Наличие у противника большого количества танков поневоле заставляло задуматься о размерах Израиля, при которых невозможно было организовать эффективную оборону страны на своей территории. В узкой «талии», между Натанией и Туль-Каремом, она имеет в ширину всего пятнадцать километров. Но, применительно к подвижной войне, размеры страны не имеют решающего значения. Поскольку Израиль не может построить глубокоэшелонированной обороны, суть военной доктрины ЦАХАЛа всегда заключалась в том, что при всех случаях воевать нужно на вражеской территории. В результате все оборонительные планы ЦАХАЛа строятся на наступательных операциях, направленных вглубь территории противника.

Генерал Таль с этим не спорил. Он желал еще больше развить принципы ЦАХАЛа. Его предшественник также говорил об использовании бронетехники крупными формированиями, и был против разбрасывания бронетанковых частей по всему фронту. Таль, однако, говорил и о том, что с ростом численности бронетанковых войск Израиля их боеспособность ухудшается. На том первом совещании с офицерами Таль перечислил четыре фактора, обусловливавшие снижение качества: численность, срочники и резервисты, неоднородность матчасти и недостаток дисциплины.

ЦАХАЛ нуждается в сильной армии, и факт в том, что армия эта в основном состоит из военнослужащих срочной службы и запаса, что неминуемо ведет к сложностям. Чтобы удвоить численность личного состава бронетанковых войск, придется удвоить число служащих в них срочников и резервистов, что непременно отрицательно отразится на экономике Израиля. В идеале бронетанковыми войсками требуются кадровые военнослужащие. Личный состав ВВС, как и бронетанковых войск в других странах, включая арабские, в основном состоит из профессионалов. В израильских танковых войсках все не так.

Основная функция регулярной армии в ЦАХАЛе — обеспечивать обученными солдатами резервные бригады. На первый взгляд, невозможно сделать профессионального танкиста из срочника — по крайней мере, не за время прохождения им службы. Если бы батальон мог готовить кадры только для себя,

эффективность подготовки стала бы повышаться. Но, не говоря уж о том, что, отправившись в запас, военнослужащие батальона будут впоследствии призваны в другие части, они даже не прослужат в нем всего срока действительной службы. Если из призванного на срочную службу молодого человека не собираются сделать командира танка, то из двух с половиной лет строевой он проведет в бронетанковом подразделении только несколько месяцев, после чего освободит место для другого призывника. Если регулярные батальоны захотят оставить в своем составе срочников на более длительный период, руководству ЦАХАЛа придется увеличить численность призывников, поступающих в регулярные части, но экономика Израиля не позволяет этого. Сама же регулярная армия может рассчитывать только на то, чтобы сдержать волну вражеского наступления до завершения призыва резервистов.

После прохождения общей подготовки, изучения материальной части танка, тренировок на уровне взводов и рот, у среднего военнослужащего срочника остается совсем немного времени, чтобы послужить в бронетанковой части в качестве танкиста. Танк — сложное вооружение, в него входят механическая, гидравлическая, оптическая и электронная системы. Для того, чтобы использовать его правильно, специализация просто необходима. Но тем не менее военнослужащий скоро должен освободить место для другого и перейти в части обеспечения. Есть детально разработанная по годам программа, в соответствии с которой новобранец проходит все этапы службы со дня поступления и до увольнения из армии, и есть подобная программа для каждого танка. Такое детализированное планирование и интенсивная эксплуатация живой силы и материальных ресурсов необходимы из-за того, что ЦАХАЛу всегда всего не хватает.

Третий фактор, который Таль счел необходимым отметить, — неоднородность матчасти. Как по экономическим, так и по политическим причинам ЦАХАЛ никогда не мог получить необходимого ему оружия ни в нужное время, ни в нужном количестве, и в бронетанковые войска поступали разнообразные танки. Если бы на вооружении ЦАХАЛа находилась техника одного производителя, ее обслуживание, обучение техперсонала и обеспечение запасными частями значительно упростились бы. Сейчас же регулярная армия содержит бронетанковые части, укомплектованные теми или иными танками, чтобы обучать личный состав для оснащенных этими машинами частей резервистов. Например, «Шерманы» давно устарели, но бронетанковые войска не отказываются от них в регулярных

частях, поскольку надо готовить танкистов для укомплектованных ими резервных. То же самое касается легких французских танков AMX-13, принятых на вооружение Армии Обороны Израиля в конце 1953 г.

В целях стандартизации Талю следовало бы рекомендовать списать «Шерманы» и AMX-13, оставив только более современные «Центурионы» и «Паттоны», но поступив так, он сократил бы численность материально-технической части бронетанковых войск — лекарство худшее, чем болезнь.

Тем не менее генерал Таль нашел частичное решение проблемы. Он сумел увеличить срок практической службы танкистов, сократив время обучения путем сужения специализации, так что даже срочники могли добиться хороших результатов. Предприняв энергичные действия на уровне своего и генерального штабов, командующий добился стандартизации матчасти, по крайней мере, в больших подразделениях, что, конечно, служило снижению уровня неоднородности.

Четвертый фактор — недостаток дисциплины. Генерал Таль не хотел рассматривать его как неизбежный отголосок израильской военной традиции. Он провел длительную и потребовавшую много сил кампанию по борьбе за дисциплину в бронетанковых войсках. Целью его было превращение войск в единое сообщество, одинаковое и по форме, и по содержанию — единое по виду и поведению. Находились люди, которые говорили, что он не берет в расчет еврейский индивидуализм, а это — серьезное упущение. Когда он стал настаивать на соблюдении устава всеми без исключения, его обвинили в стремлении к роботизации. Введение единой для всех дисциплины стало самой тяжкой битвой генерала Таля.

Когда генерал Давид Элазар командовал бронетанковыми войсками, он с неудовлетворением отмечал пестроту облика офицеров. Как-то он обратил внимание на то, что у сидевших, поддернув брюки, кадровых офицеров из бригады «А» носки всех цветов радуги.

Возможно, индивидуальность вкусов в отношении чулочно-носочных изделий являлась выражением еврейского бунта против дисциплины и единообразия в форме. Но генерал Элазар решил, что армия будет носить носки одного цвета. В сентябре 1962 г. грянул гром. Генерал Элазар издал приказ, в соответствии с которым «устанавливалась единая форма обуви и носков». Приказ определял, что на службе, в полевых условиях военнослужащий обязан носить ботинки «Тип 2» (черные, кожаные, выдаваемые в ЦАХАЛе) и шерстяные армейские носки. Исключение могло делаться для солдат в казармах или для находящихся в отпусках,

в этих случаях генерал Элазар готов был разрешить им ношение другой обуви и других носков, если это будут: 1) туфли черные, простые и без отделки; 2) носки — черные.

Генерал Таль на черных носках не остановился — обязал носить форму вообще. Желая особо выделить бронетанковые войска, он даже хотел, чтобы разработали специальный головной убор для служивших в них девушек, отличавшийся от принятого в Женском корпусе. Однако полковник Стелла Леви, командир Женского корпуса, не согласилась. В этой битве полковник Леви победила, и генералу Талю пришлось капитулировать. Через два месяца после того, как он занял пост командующего бронетанковыми войсками, он бросил затею с головными уборами и никогда больше к ней не возвращался. Но он все-таки выиграл битву за цвет хаки. Генерал хотел видеть всех своих людей только в хаки одного оттенка и запретил использование элегантной армейской формы, сделанной из дакрона цвета светлого хаки. Он разрешал ношение только хаки оливкового цвета. В полевых условиях дозволялось ношение только формы «Тип 8», и запрещались двухцветные хлопчатобумажные комбинезоны парашютистов, равно как и любые другие типы формы, принятые в других частях ЦАХАЛа.

Затем генерал принялся внушать личному составу бронетанковых войск, что приказ должен выполняться просто потому, что это приказ. Ничто, казалось, не настраивало общественное мнение против командующего, как это требование. Сначала протесты выражались довольно мягко и исходили только от солдат. Они чувствовали себя обманутыми, поскольку ни в каких других частях никого не волновало, как застегнут ремень и как зашнурованы ботинки. Скоро, однако, недовольство стилем руководства генерала Таля стало проявляться и среди офицеров, которые не разделяли его взглядов на задачи ЦАХАЛа и методы обучения людей.

Израильское общество в значительной мере проникнуто идеологией кибуцев. Кибуц — коммуна свободных людей, коллектив, где никто никого ни к чему не принуждает, но спокойно и аргументировано апеллирует к здравому смыслу, объясняя и убеждая. Кибуцы стоят за внутреннюю дисциплину человека, которая ведет членов общины к единству действий через согласие и понимание каждого индивидуума, и отрицает любые формы принуждения. Хагана, из которой произрос и развился ЦАХАЛ, была проникнута идеологией коллективизма. Многие из офицеров Хаганы являлись членами кибуцев или же одобряли их образ жизни. Пальмах, ударные войска Хаганы, а позднее во время Войны за независимость — лучшие бригады

ЦАХАЛа, выросли и были обучены в духе кибуцев. Во многих армейских частях члены кибуцев показали себя отличными командирами и оставили отпечаток духа сельских общин в своих подразделениях и в памяти подчиненных.

Точка зрения генерала Таля заключалась в том, что оперативная (действие в условиях боя), административная (субординация) и церемониальная дисциплина (внешний вид, ритуалы) не разделимы, и он настаивал на укреплении дисциплины, вызывая неудовольствие и тревогу как в армии, так и вне ее. Поборники внутренней Дисциплины в особенности беспокоились о традициях и миссии армии, и генералу Талю пришлось растолковывать ход своей мысли более основательно. Во-первых, он объяснил, что не считает существующие традиции особенно ценными, чем вызвал немалое удивление, поскольку в Израиле ЦАХАЛ обычно рассматривался как национальное и общественное достояние. Когда министром обороны был Давид Бен-Гурион, армия оказывала помощь в устройстве лагерей для новых иммигрантов, обучала их грамоте. Даже теперь Женский корпус являлся поставщиком гражданских учителей в поселения новых иммигрантов. ЦАХАЛ всегда более всего восхваляли за подобного рода деятельность. И вдруг генерал Таль заявляет, что армия является только средством обеспечения национальной безопасности. Даже критики генерала Таля считали, что он шутит, говоря, что готов унижать и морить голодом солдат, если ему докажут целесообразность такого метода в деле укрепления национальной безопасности Израиля. Как он высказался: «Если подобный подход послужит достижению цели, я буду приветствовать это, поскольку, по моему мнению, отношение к индивидууму вторично по сравнению с безопасностью Израиля. Однако, чтобы индивидуум по-настоящему чувствовал себя важной частью организации, он должен ощущать моральный долг, свою тождественность и сопричастность этой организации, что должно быть настолько же естественно, как потребность в пище, воде и одежде. Поэтому мы не нуждаемся в индивидуумах, выполняющих свои обязанности неохотно, но приветствуем энергичных, воспринимающих задачи обеспечения безопасности с энтузиазмом. Вот почему так важен моральный дух, и особенно важно для его поддержания понимание солдатом того, что справедливость в армии есть».

ГЛАВА 9

Генерал Таль боролся за укрепление дисциплины в бронетанковых войсках, чтобы провести в жизнь свою концепцию

военной службы, навлекая на себя такое же раздражение, как если бы речь шла о свободе вероисповедания. Вновь и вновь генералу приходилось разъяснять собственные слова. «Где в полевых условиях нет дисциплины, — говорил он, — каждый изобретает собственные правила ведения военных действий. Если командир случайно замечает, что способен стрелять метко, целясь через ствол орудия, вместо того чтобы использовать прицел, он немедленно решает, что открыл уникальную систему, с которой скоро будет знакомиться новое поколение танкистов. Такой молодой офицер не в состоянии понять, что то, что кажется ему «открытием», срабатывает лишь в определенной ситуации, и что его «открытие» уже давно известно тем, кто писал скучные пособия по ведению танкового боя». Генерал Таль мог бы подытожить все свои речи словами: «Сколько евреев, столько и военных доктрин». Иными словами, запретил изобретение собственных правил ведения боевых действий и сделал это вскоре после вступления на пост. В соответствии с этим приказом, офицер, вносящий любые изменения в концепцию ведения танковой войны, будет в итоге уволен. «Изобретательность и инициатива? Всегда пожалуйста! Но только через штаб бронетанковых войск».

Хотя генерал Таль всего лишь запретил обсуждать приказы, его критиками это воспринималось чуть ли ни как покушение на свободу самовыражения личности. Его обвиняли в стремлении роботизировать израильскую молодежь. Эта реакция являлась еще одним аспектом дилеммы, перед которой оказались евреи Израиля с того момента, как Израиль стал суверенным государством, борющимся за свое существование. Люди, выросшие в традициях личной свободы и отсутствия иерархии, для которых социальная справедливость — высшая ценность, вдруг оказались в замешательстве. Ради собственного существования они должны воевать с теми, кто стремится уничтожить их. Максима: «Поднимись и убей того, кто пришел поработить тебя» — не является законом справедливости, но всего лишь олицетворяет инстинкт самосохранения, и хотя евреи повторяли ее много сотен лет, они не проводили ее в жизнь никогда и нигде, кроме как в государстве Израиль. В большинстве случаев в прошлом евреи ценили веру выше жизни. Предки генерала Таля отдали свои жизни за веру — бросились в пылавшую синагогу — и ни разу не взяли в руки даже кухонного ножа, чтобы защитить себя во время погромов в Восточной Европе. Непоколебимость в вере превалировала над инстинктом самосохранения. Но их потомок, генерал Таль, ставший профессиональным военным, должен был отстаивать право своего

народа не только на свободу, но и на существование, и был готов к тому, чтобы подчинить этой цели ценности, ради которых жертвовали собой его предки.

Люди, проникнутые идеологией кибуца, считали, что дисциплина возникнет из осознания себя неотъемлемой частью коллектива, и не может проистекать из страха перед штрафными санкциями. Они не видели внутренней связи между формальной и реальной дисциплиной в боевых условиях. По их мнению, солдату достаточно выполнять требования военной дисциплины в общем, и не более того. Даже если форменная рубашка солдата расстегнута, и он носит неуставные носки, это не мешает ему атаковать врага с упорством и смелостью даже в красных, зеленых или серо-буро-малиновых в крапинку носках.

Генерал Таль объяснял: бронетанковые войска не просто сообщество тех, кто желает к нему принадлежать, но огромная техническая сила, состоящая из оперативных частей, а вовсе не из индивидуумов, подчиненных собственным желаниям. Генерал подчеркнул, что он тем не менее тоже за понимание и убеждение, и указал, что офицеры должны объяснять приказы тогда, когда в этом есть необходимость и, если потребуется, не один раз. Но армия не может ждать, когда каждый поймет, почему ружье стреляет так, а не иначе, а снаряжение работает таким, а не иным образом. Сотни лет были затрачены на разработку правил применения артиллерии, и убеждать каждого в их верности по меньшей мере бессмысленно.

Как-то, встречаясь с членами одного кибуца, где крайне не одобряли его принцип: «приказ должен выполняться просто потому, что это приказ», генерал не смог сдержаться. «На прошлой неделе я был на похоронах танкиста в одном из кибуцев, — сказал он. — Люди прославляли его как героя, во мне же все это вызывало только жалость. Он погиб случайно, выполняя простейшее учебное задание, и погиб прежде всего потому, что не принял на вооружение принципа: приказ должен выполняться просто потому, что это приказ. В бронетанковых войсках существует правило: снаряды хранятся в танке без взрывателей по той простой причине, что накапливающееся в боевом отсеке статическое электричество может привести к самопроизвольному взрыву артиллерийских боеприпасов. Приказ абсолютно категоричен. Снаряды должны содержаться в танке так, а не иначе, и этот приказ необходимо выполнять независимо от того, понимает солдат его смысл или нет. Этот же солдат приказа не выполнил и потому погиб».

Талю вновь и вновь приходилось разъяснять смысл своих высказываний: «Нельзя ожидать от большой и постоянно

меняющей состав группы, что члены ее будут всегда все обдумывать, делать выводы и обучаться. Вот почему существуют правила, которые регулируют поведение солдата в армии, говорят ему, как надо делать и как не надо. Правила эти основаны на опыте многих поколений людей, служивших в разных армиях, и представляют собой результат научного анализа и эмпирических знаний».

Другой фактор заключается в том, что сама техника требует дисциплины, с которой ЦАХАЛ прежде не сталкивался, потому что не располагал большим количеством сложного вооружения. Глубоко укоренившейся в армии внутренней дисциплины парашютистов, о которой сторонники самодисциплины говорят как о достойном примере, недостаточно военнослужащему, которому приходится участвовать в высокотехнологической войне. Как говорил генерал Таль и своим противникам, и своим сторонникам: «Парашютисты со своим глубоким чувством внутренней дисциплины способны отважно сражаться, даже будучи голодными и в лохмотьях вместо формы. Но ни один танк не поедет, даже под самые воодушевляющие сионистские молитвы, когда в его баке нет топлива или размоталась гусеница».

Стараясь донести до других собственную точку зрения, генерал Таль был вынужден часто приводить один и тот же простой и наглядный пример. «Если выстрела не произошло, согласно правилам, стрелок должен выдержать определенную паузу, прежде чем открыть затворный механизм и удалить дефектный снаряд. Конструкторы установили, что иногда выстрел задерживается. Если стрелок не подождет, как указано в правилах, может произойти несчастный случай. Но невозможно же ждать, пока каждый усвоит принцип действия взрывателя и то, какие химические процессы происходят в снаряде».

Таль разрабатывал технологию введения дисциплины в бронетанковые войска как боевую операцию, детально в каждой фазе так, как если бы целью его являлось овладение хорошо укрепленной вражеской позицией на сильнопересеченной местности. Кампанию он планировал и проводил не в одиночку. Старшие офицеры охотно приняли его идеи. Полковники Шлёмо, Герцл, Мусса [или Моусса], Альберт и Ури так же, как и другие офицеры, приняли участие в укреплении основ дисциплины, в создании свода правил и позднее — во ведении программы обучения им личного состава. В ЦАХАЛе существовал один способ поддержания дисциплины, мириться с которым генерал Таль не собирался, — «тиртурим», или запугивание, на армейском жаргоне (фактически это дедовщина). В отсутствие

традиционной дисциплины эта язва росла. Младшие офицеры игнорировали армейский устав и устраивали полуночные построения, или приказывали солдатам бегать вокруг лагеря, или хоронить сигарету с воинскими почестями; последнее являлось самой распространенной формой «тиртурим». Вообще же фантазия командиров рот, взводов и отделений, которые порой были всего на год или на два старше солдат, не знала пределов. Некоторые в качестве наказания личного состава части за плохо выполненные на плацу упражнения затевали «скачки» — солдата запрягали и посылали галопировать по территории, причем бежавший сзади капрал держал поводья и погонял «лошадь». Другая форма наказания заключалась в том, что провинившегося заставляли таскать гаечный «ключик» от танка несколько дней. Он весил пять килограммов. Несколько лет назад командир роты заставил солдата носить на талии колючую проволоку. Он назвал это «тюрьмой, которая всегда с тобой». Положение все усугублялось, пока неожиданно вопрос не стал предметом рассмотрения Кнессета. Случилось это после того, как сын одного из парламентариев пожаловался отцу, что комвзвода тушил об его тело сигареты. Кнессет расследовал дело, и офицера уволили.

Генштаб с самого начала стремился покончить с «тиртурим», но успеха не достиг. Добрая воля и готовность к сотрудничеству младших офицеров являлась непременным условием истребления этого постыдного явления, но они не хотели лишаться инструмента управления солдатами. Удивительно, но младшие офицеры настаивали, что «тиртурим» не снижает морального духа личного состава, а, наоборот, помогает поднимать его. Некий достойный подражания майор утверждал, что в свое время сам служил в роте, где это было принято. «Тиртурим», — сказал он, — является частью военной жизни, которую позднее люди вспоминают с ностальгией».

Едва приняв должность, генерал Таль распорядился о составлении кодекса, регламентирующего правила и обязанности личного состава бронетанковых войск. Что характерно, сначала он проанализировал ситуацию и аргументированно доказал, почему «тиртурим» не подходит для бронетанковых войск. Он утверждал, что только дисциплина, цель которой добиваться от военнослужащих подчинения приказу просто потому, что это приказ, способна искоренить неподчинение. Генерал Таль считал, что у евреев особенно развито чувство справедливости и что израильский солдат готов выполнять любые задания и согласится нести любую ношу, будучи уверенным, что тяготы распределены равномерно. Когда с ним поступают по справедливости, израильский солдат готов на любые жертвы. «Тиртурим» своей

несправедливостью разрушает армию, унижает солдата и способствует его отчуждению от армейского коллектива.

Когда полковник Таль командовал бригадой «D», майор Моше Н. возглавлял в ней отдел по работе с личным составом. Именно в бригаде «D» полковник Таль совершил первые попытки ввести единую для всех дисциплину. С помощью Моше Н. он выработал правила поведения в караульном помещении и правила приема новобранцев. Когда Таль стал командующим, майора Н. повысили до подполковника, и он стал начальником отдела по работе с личным составом бронетанковых войск. Генерал Таль дал Н. и другим старшим офицерам штаба задание приготовить проект двух сводов правил: одного — регламентирующего права и обязанности военнослужащих, и другого — касавшегося военной формы, проведения проверок и построений.

Оба документа вошли в свод приказов генштаба. Но Таль не ограничился лишь редактурой приказов: внесением изменений и дополнений — выработанный под руководством командующего кодекс (иначе регламент) стал средством, гарантирующим права солдат. Из собственного опыта генерал Таль знал, как часто люди делают ошибки просто потому, что незнакомы с правилами и инструкциями. Исходя из этого, он приказал помещать текст регламента в расположениях всех частей, в казармах и на полигонах. На видных местах, в застекленных деревянных стендах, окрашенных в цвета войск — черный и зеленый, помещались перечни прав и обязанностей солдата. В одном из первых приказов солдатам предписывалось ознакомиться с регламентом. Новобранцы получали документ на предмет изучения, с последующим экзаменом и выставлением оценки.

Основным правом солдата было право на достойное обращение и уважение со стороны офицеров. Он также имел право жаловаться на офицеров, право на гарантированный отпуск и на просьбу о переводе в другую часть. Выполнение этих прав являлось долгом офицеров, что подчеркивались предупреждением, что офицер, не выполнивший их, отправится под суд. Офицер не имел права отдавать солдату бессмысленных и унижающих его достоинство приказов. Также было конкретно оговорено право солдата на увольнительные, чтобы предотвратить сокращение их продолжительности или отмену в качестве дисциплинарного взыскания.

Обязанности солдата начинались с обязанности отдавать честь. Кодекс содержал двадцать один пункт по отданию чести и определял ситуации, когда делать это необходимо, а когда нет. Первое правило солдата звучало так: «Долг каждого солдата — выполнять любой приказ, отданный командиром. Приказ должен

быть выполнен буквально, быстро и без проволочек». Но, поскольку память о зверствах нацистского режима призраком реяла над евреями Израиля, немедленно сделали приписку: «Однако солдат не обязан выполнять приказ, если он очевидно противозаконен».

Третий раздел посвящался правам военнослужащих сержантского состава и офицеров вплоть до комвзводов. Кодекс лишал их права назначать подчиненным произвольные наказания, включая лишение увольнительных или сокращение их продолжительности. Командование взялось за дисциплину всерьез, поставив офицеров, сержантов и рядовых в четкие рамки писаных правил. Подчиненные получили возможность обжаловать действия командиров путем обращения в вышестоящие инстанции; предельный срок рассмотрения жалоб при этом был ограничен.

Укреплять собственный авторитет младшим офицерам предлагалось не за счет кнута, но с помощью пряника. С разрешения старшего офицера командир взвода мог премировать солдата дополнительной увольнительной, например, разрешив покинуть расположение части на Шабат, освобождением от дежурства, подать рапорт на присвоение ему звания младшего капрала, ходатайствовать о награждении. Конечно, право наложения менее тяжелых дисциплинарных взысканий, таких, как запрет на оставление лагеря в личное время, на посещение культмассовых мероприятий на территории части и, наконец, назначать наряды вне очереди, оставалось в компетенции сержантов и комвзводов. Вместо прежнего коллективного наказания вроде двух или трех ночных построений в казарме или на плацу и пробежек по территории лагеря, младшие офицеры получили право проводить дополнительные строевые занятия с целью «поднять уровень подготовки части. Такие дополнительные строевые занятия не могут считаться наказанием и осуществляются в целях повышения уровня боевой и строевой подготовки личного состава».

Черновик другого свода правил, регламентирующих военную форму, проведение проверок и парадные построения, поступил на рассмотрение комиссии, возглавляемой полковником Шлёмо и начальником отдела по работе с личным составом Моше Н. После внесения комиссией соответствующих предложений кодекс получили для ознакомления и изучения командиры бронетанковых бригад. И только потом проект регламента, повторно проработанный комиссией с учетом рекомендаций комбригов, был отправлен в штаб бронетанковых войск.

Кодекс прав и обязанностей и Кодекс поведения были

включены в программу подготовки командиров танков и командиров отделений и взводов, военнослужащих сержантского состава, командующих разведчастями, младших офицеров и комрот. Постепенно о «тиртурим» в бронетанковых войсках забыли — военнослужащих сплотила единая для всех дисциплина. Личный состав выглядел и вел себя по-другому, так что в отношении его стало вполне справедливым утверждение: «Бронетанковые войска — другая армия». Постепенно, по мере того как в части вливались новые и новые потоки призывников, исчезла надобность втолковывать солдатам прописные истины о необходимости подчиняться ставшим уже общепринятыми нормам — дисциплина в бронетанковых войска стала традицией.

ГЛАВА 10

Пришлось потрудиться, чтобы ввести новые правила дисциплины. Однако у бронетанковых войск скоро появилось более важное дело. Обстановка на Сирийской границе ухудшилась. Истоки реки Дан брали начало у израильско-сирийской границы, на прежде подмандатной территории, и наблюдатели ООН установили, что истоки эти протекают по израильской земле. Сирия отказывалась признать заключение сотрудников ООН, и, чтобы защитить свои права, израильтяне расчистили дорогу к истокам и ввели там патрулирование. Сирийцы регулярно открывали по патрулям огонь.

Именно эта ситуация привела к первому инциденту при Нухейле, после которого генерал Таль приказал всем офицерам регулярных бронетанковых войск от командиров рот и старше обратить внимание на недостатки, которые вскрылись в ходе столкновения. Главной ошибкой майора Шамая Каплана, как установила комиссия, являлось то, что он не прекратил огонь, увидев его безрезультатность, и не отдал приказ об использовании других боеприпасов. Также он не рассредоточил танки, поэтому они находились слишком близко друг к другу, и в итоге из-за концентрации поднятой пыли экипажи не смогли вести точную стрельбу. В штабе бронетанковых войск офицерам стали внушать, что решающим фактором в танковой войне является точность огня и потому надо обязательно знать, кто в какую цель стреляет. Терпение, тщательное прицеливание и грамотная корректировка огня — более важны, чем количество сделанных выстрелов.

Спустя три дня после 3 ноября генерал Элазар и генерал Таль начали доводить до офицеров смысл уроков, полученных по итогам первого инцидента, и разъяснять новые оперативные установки. Чтобы в будущем исключить конфузы при столкновениях с противником, которые могут произойти на дороге к истокам реки Дан, к Тель-Дан направили взвод танков «Шерман». Взводу танков «Центурион» была отведена вспомогательная роль — вступить в действия, только если взвод «Шерманов» не справится с задачей. Руководство ЦАХАЛа считало каждый пограничный инцидент важным не только с практической, но и с моральной точки зрения. Армия как сдерживающая сила не могла позволить себе поражений. Теперь на ветеранах-«Шерманах» стояли новые двигатели и пушки. Несмотря на то, что мощностью новые орудия «Шерманов» уступали установленным на «Центурионах» 105-мм пушкам, в том

числе и по используемым с ними боеприпасам, «Шерманы» обладали способностью вести довольно меткий огонь на коротких и средних дистанциях. На расстоянии восьмисот метров он мог поразить броневую защиту старых сирийских танков немецкого производства, хотя и те, в свою очередь, также были способны пробить броню не менее старых «Шерманов». Таким образом шансы их в бою уравнивались.

Командовал обоими взводами капитан Шимон, а взводом «Центурионов» — лейтенант Авигдор.

Второе столкновение при Нухейле — одно из самых выдающихся инцидентов на границе — произошло раньше, чем ожидалось, — спустя всего десять суток после первого. Это случилось в пятницу, 13 ноября 1964 г. Как обычно, израильский патруль следовал по дороге к источникам, перед полугусеничными бронемашинами патруля шли саперы, обследовавшие грунт на наличие мин. В 13.25 сирийцы с позиции в Нухейле открыли по патрулю огонь. Саперы спрятались в двигавшихся в арьергарде полугусеничных бронемашинах, которые теперь попали под яростный огонь крупнокалиберных пулеметов и безоткатных орудий. Капитан Шимон приказал взводу «Шерманов» выдвинуться из укрытий на огневые позиции. В отличие от предыдущего случая, машины рассредоточились на большем пространстве. Капитан указал каждому командиру танка его цель, а сам приготовился управлять огнем. С наблюдательного пункта израильтян оба глубоко врытых в землю сирийских танка — один к востоку, другой к западу от Нухейлы — представлялись трудной мишенью размером не более 60 сантиметров в высоту и около 120 в ширину.

Неприятельские танки тоже начали стрелять по патрулю.

С момента получения танкистами приказа капитана Шимона и до выхода «Шерманов» на огневые рубежи прошло менее трех минут. Но один танк постигла неудача. Выбираясь из находившегося в долине леса по дороге на расположенную выше позицию, он зацепил дуб. Ветки упали на башню и накрыли ее, лишив экипаж обзора. Водитель не видел, куда едет, и «Шерман» начал заваливаться на крутом скалистом склоне.

У взвода «Центурионов», ожидавших в резерве в лесу, появлялся шанс отыграться. Раньше экипажи «Шерманов» вышучивали товарищей с «Центурионов». «Вы — мазилы. Так что сидите здесь тихо, пока мы сделаем всю работу». В соответствии с приказом, «Центурионам» предстояло вступить в сражение, если взвод «Шерманов» не сможет подавить огонь из Нухейлы или если противника поддержат огнем с других позиций. Лейтенант Авигдор видел, что происходило с «Шерманом», и немедленно

приказал занять пустующую позицию «Центуриону». Шалом Коган, стрелок в экипаже комвзвода, получил приказ открыть огонь.

В сражение вступили сирийцы с позиций на Тель-Аззазият, на Тель-Хамра и на Баниасских высотах, но, вместо того, чтобы бить по израильским танкам, они принялись стрелять по кибуцам Дан и Шаар-Ишув из тяжелых 120-мм минометов, а затем и из 122-мм артиллерийских орудий. Жители кибуцев побежали забирать детей из садика, чтобы отвести их в убежища. Через несколько минут все попрятались.

Средние минометы, безоткатные орудия и танки теперь стреляли по израильтянам на Тель-Дан. Лейтенант Авигдор отдал приказ по переговорному устройству:

— Цель — танк. Дистанция — 800. Наводи!

Шалом Коган начал наводить орудие. Он поднял и затем опустил пушку, пояснив находившимся в башне товарищам:

— Чтобы лучше захватить цель. — И отрапортовал командиру:

— Готов!

— Огонь! — приказал Авигдор.

— Есть огонь! — отозвался Шалом Коган.

И он выстрелил. Расположенный восточнее сирийский танк вспыхнул.

Капитан Шимон приказал теперь сержанту сконцентрировать внимание на сирийском танке к западу.

— Цель — танк. Дистанция — 750. Наводи.

— Готов.

— Огонь.

— Есть огонь.

И второй сирийский танк заполыхал.

Сирийцы в Нухейле стали стрелять реже. Противник перенес основной огонь на кибуцы, и начальник генштаба, генерал-майор Ицхак Рабин, в конце концов решил вызвать авиацию. В 14.55, примерно через час после первого выстрела, в воздухе появились израильские «Вотуры», «Мистэры», «Супер-Мистэры» и «Миражи III», которые подавили огонь вражеской артиллерии. Миги-21 сирийских ВВС попытались вмешаться, но были разогнаны «Миражами». В 15.30, по просьбе Сирии, наблюдатели ООН добились прекращения огня.

Начгенштаба оправдал вмешательство ВВС в сражение тем, что ЦАХАЛ не может молчать, когда кто-нибудь расстреливает мирные израильские поселения, просто потому, что по ним удобно вести огонь с господствующих высот. Пора было преподать противнику урок, объяснив ему азбучные истины этики

приграничных конфликтов. Отныне сирийцы будут знать, если им вздумается пострелять по мирным израильским гражданам, в воздух немедленно появятся самолеты ЦАХАЛ а и ответят ударом на удар.

Потери, понесенные ЦАХАЛ ом во втором инциденте при Нухейле, составили трое убитых и одиннадцать человек — солдат и поселенцев — раненых. Кибуцам Дан и Шаар-Ишув сирийским обстрелом был нанесен серьезный ущерб. На следующий день радио Дамаска объявило, что сирийская армия потеряла семь человек убитыми и двадцать шесть ранеными.

— Удалось ли уничтожить сирийские танки? — первым делом спросил генерал Таль.

— Подбиты и сожжены, господин генерал, — ответил комбриг.

— Тогда это — победа, — подвел итог командующий.

Командир бригады вызвал к себе экипажи танков «Центурион», участвовавших в бою у Нухейлы. Он пожал им руки, пригласил сесть и предложил горячего кофе. Подполковник Ошри и лейтенант Илан Якуэль также были довольны, и не столько из-за одержанной победы, сколько из-за того, что сделали первый шаг к возвращению веры в несправедливо оклеветанные «Центурионы». Однако когда подполковник Ошри вышел от комбрига, он встретил командира другого батальона.

— Чему ты так радуешься, Бенни? — спросил тот.

— Ты разве не слышал, как блеснули наши «Центурионы»? — удивился Ошри.

— Не будь столь оптимистичен. Скоро начнется лето, и ты увидишь, как перегреваются эти машины.

— Мне приходилось работать с ними летом, — возразил подполковник Ошри.

— А вот увидишь. В конце лета на броне их моторных отсеков яичницу можно будет жарить для всей бригады.

Радость личного состава батальона D-10 не разделял лишь один из служащих в нем офицеров. Успех капитана Шимона во втором бою у Нухейлы не мог зачеркнуть провала капитана Шамая Каплана в первом. Теперь все в бронетанковых войсках знали об ошибках капитана Шамая Каплана. Лучше, чем кто-либо другой, знал об этом сам генерал Таль, по приказу которого офицеры изучали негативный опыт предыдущего инцидента. Мысль о комвзвода, на которого было наложено взыскание, беспокоила командующего. Как-то Таль попросил командира бригады «D» прислать к нему Шамая.

— Давайте поговорим, — предложил генерал Таль. — Пограничные инциденты, Шамай, имеют и большое

государственное значение, и я хочу, чтобы вы это поняли. Бронетанковые войска должны изучать все ошибки и извлекать из них уроки. Вот почему инцидент был предан столь широкой огласке.

— Я понимаю, господин генерал. И не в обиде.

— Я слышал и сам вижу, что вы в депрессии. Вы должны понять, что своим успехом капитан Шимон не в малой мере обязан вашему поражению. Просто так случилось, что вам пришлось командовать в первом бою, а ему во втором.

— Со мной все в порядке, господин генерал.

— Бронетанковые войска в целом не могут оставить без внимания ни одну ошибку, но для отдельной личности это не так, Шамай. Понимаете?

— Но ведь это именно я потерпел поражение, господин генерал.

— И до вас офицеры терпели поражения, случалось, в первом сражении они полностью терялись. Я знаю, что вы — хороший офицер, и не хочу, чтобы вы позволили депрессии взять над вами верх.

— Со мной все в порядке.

— Для тех, кто способен преодолеть депрессию, укрепить свой дух перед новыми битвами, первое поражение и вправду станет всего лишь проходящим эпизодом. Те же, у кого не найдется твердости духа, чтобы бросить вызов врагу в следующем сражении, действительно неудачники. С некоторыми из наших самых блистательных офицеров случался конфуз в первых боях. Я хочу дать вам возможность доказать, что вы принадлежите к числу сильных людей.

— Господин генерал, у меня просьба.

— Да?

— Я не хочу больше служить на «Центурионах».

— Но даже «Центурионы» получили второй шанс и доказали, что являются хорошими машинами. Так и вы покажете, на что способны.

— Как, господин генерал?

— Я дам вам возможность. При первом же обострении танками будете командовать вы. Согласны?

— Согласен, господин генерал!

— «Центурионами», — уточнил генерал Таль.

ГЛАВА 11

Несмотря на успех во втором столкновении при Нухейле, танкам «Центурион» пришлось еще долго завоевывать уважение.

Память о недавних неудачах была еще слишком свежа. Танкисты помнили, как однажды «Центурион» скатился в эскарп, и экипажу не удалось предотвратить падения. А в другом случае не все «Центурионы» преодолели 120-километровый путь через Негев. Никто не задумывался над тем, что причинами поломок становились нарушения правил эксплуатации.

Также следовало учитывать условия пустыни. Пыль — враг любой техники, а пыль и песок Негева— один из худших врагов. Песок забивается всюду, увеличивает трение, повышая износ деталей, а также нарушает вентиляцию, в результате чего двигатели перегреваются. Причины поломок стали ясны не сразу. Потребовалось некоторое время, чтобы экипажи поняли, что радиатор нужно скоблить каждый день, а это тяжелая работа. До тех пор, пока в этом не разобрались, перегрев двигателей «Центурионов» считался неизбежным злом, и нередко офицеры позволяли механикам-водителям продолжать движение, даже когда индикатор термометра пересекал критическую отметку. Такие офицеры, как подполковник Ошри, имевшие особое чутье к технике, не соглашались с мнением о неизбежности поломок «Центурионов», и требовали полного и детального описания каждого случая обнаружения неполадок. Когда однажды двигатель заклинило, Ошри провел расследование и выяснил, что механик-водитель не остановился, несмотря на падение давления масла. Виновного отдали под суд. Данный факт привлек внимание командного состава батальона к важности правильной эксплуатации матчасти.

Генерал Таль не сомневался, что вопросы грамотного использования техники напрямую связаны с личными качествами командиров частей. Когда такой человек, как Ошри, командует батальоном, он будет строго спрашивать с подчиненных, и «Центурионы» у него будут работать хорошо. Но его преемник может оказаться менее требовательным, и танки снова начнут выходить из строя один за другим. Проблема заключалась в том, как добиться правильной эксплуатации техники, независимо от индивидуальных особенностей каждого командира. Генерал Таль считал, что ответ лежит в строгой дисциплине и в соблюдении всех инструкций, включая инструкции по техобслуживанию, ремонту и наладке как в частях, так и в ремонтных мастерских. Также он заставил офицеров всех рангов нести прямую и профессиональную ответственность за состояние материально-технической части. Для принятия подобной ответственности командирам бригад и батальонов необходимо было тесно сотрудничать с офицерами из подразделений материально-технического обеспечения. В соответствии с этим, были

разработаны четкие директивы, представленные в форме свода правил, наподобие уже знакомого Кодекса прав и обязанностей военнослужащих. Для освежения знаний офицеры подразделений материально-технического обеспечения проводили занятия по эксплуатации и обслуживанию техники с командирами и техническим персоналом бронетанковых частей.

Кроме того, генерал Таль начал назначать на должности командиров, питавших пристрастие к строгой дисциплине и педантизму. Два этих качества стали основополагающими в политике, которой руководствовался генерал Таль при выдвижении на командные посты. Он заносил в записную книжку имена кандидатов на повышение. Его позиция в этом отношении была тверда и бескомпромиссна, он не сомневался в необходимости прививания дисциплины и чувства ответственности; и в одном или двух случаях он назначал на командные должности офицеров, которые ему не нравились, но тем не менее обладали необходимыми качествами.

Преодолевая сопротивление, командующий шел и шел вперед, ведя войну за повышение уровня профессионализма танкистов — качества, ставшего впоследствии своего рода визитной карточкой личного состава бронетанковых войск. Директивы поступали одна за другой: исключить использование таких-то и таких-то взрывателей до окончания их проверки специалистами из частей артиллерийско-технического снабжения; выяснить возможность сокращения продолжительности подготовки танковых командиров с целью увеличения срока службы непосредственно в частях; изучить возможность сокращения продолжительности обучения офицеров запаса, чтобы подготовить большее количество людей; проверить возможность организации курсов ротных командиров отдельно для танковых и отдельно для мотострелковых рот.

Но прежде всего штаб волновала стрельба из орудий. Едва вступив в должность, генерал сообщил о своем намерении написать книгу, посвященную стрельбе из танковых пушек, которая станет общим для всех офицеров руководством. Сначала он полагал, что для создания такой книги потребуется несколько месяцев. Но прошло два с половиной года исследований и экспериментов (потребовались затраты значительных средств и сил), прежде чем книгу удалось закончить.

Политика Сирии состояла в том, чтобы продемонстрировать по отношению к Израилю наибольшую по сравнению с другими арабскими странами нетерпимость. Тогда как Египет, напротив, притворялся самым покладистым соседом. Сначала инициатором плана отвода притоков реки Иордан казалась Сирия, но

постепенно стало ясно, что миролюбие Египта есть не что иное, как маска, и что именно он толкал правительство Сирии к проведению в жизнь опасного плана. Политика эта была выработана арабскими странами на первом их совещании в верхах.

Расчет Египта был коварен. Если Сирии удастся отвести притоки Иордана, лишив Израиль необходимой для существования воды, — прекрасно. Но Израиль не будет сидеть и ждать собственной погибели, он ответит военной силой. Тогда мировое сообщество назовет его агрессором (поскольку мировое сообщество не склонно вникать в детали, оно удовлетворяется фактами, лежащими на поверхности), и «агрессия» Израиля даст арабским странам моральное преимущество. Более всего Египет надеялся на мощь железобетонных укреплений Сирии на Голанских высотах. Израильские силы, как рассчитывали в Каире, будут измотаны в длительной и тяжкой кампании. Стремление истощить силы Израиля и являлось логическим объяснением так называемой покладистости Египта. К этому же стремилась и Организация освобождения Палестины, которую Сирия начала натравливать на Израиль с благословения Египта. «Народная война» выражалась в том, что в Израиль засылались бандиты, которые убивали мирных жителей и сеяли разрушения. Эти «народные воины» называли себя палестинцами, будучи на самом деле гражданами Сирии, прошедшими подготовку в армии этого государства.

Генерал-майор Рабин нашел способ обуздания сирийско-египетских планов войны на истощение. Руководство ЦАХАЛа всегда воздерживалось от политики удара в ответ — засылки диверсантов в Сирию в отместку за вылазки арабских бандитов в Израиль, — в основном руководствуясь моральными соображениями. Сирийцы нападали на мирных граждан Израиля, но Израиль возражал против убийства его солдатами мирных арабских жителей и откладывал репрессивные меры до столкновений с армией Сирии. Такая политика, однако, лишала ЦАХАЛ главного преимущества, поскольку его истинная сила проявлялась в прямой военной конфронтации с арабскими силами, о чем в подобной ситуации даже не заходило речи.

Проконсультировавшись с командующим Северным командованием и командующим бронетанковыми силами, начальник генштаба выработал план, который позволял использовать преимущества Армии Обороны Израиля, не превращая столкновения в войну. ЦАХАЛ начал использовать свою мощь как острую бритву, а не как топор. После приграничного инцидента, в котором погиб израильский

тракторист, начгенштаба обратился к министру обороны с просьбой санкционировать удары по объектам, на которых ведутся работы по отводу притоков Иордана. Исходя из опыта пограничных инцидентов, генералы Элазар и Таль утверждали, что танкисты могут поражать точечные цели, расположенные на дистанции свыше двух километров — расстояние, на котором находилась стройплощадка сирийских землекопов у подножия горы Хермон. Другими словами, не будет необходимости задействовать ни воздушные силы, ни артиллерию, что чревато перерастанием конфликта в крупномасштабные военные действия. Буквально на следующий день, когда сирийцы начали обстреливать израильский патруль, который двигался вдоль дороги к истокам реки Дан, танки Таля открыли огонь и уничтожили землеройную технику.

Похоже было, что война на сирийской границе вступила в новую фазу, где ставка делалась на башенные орудия танков. На протяжении следующих двух лет, вплоть до Шестидневной войны, сирийская агрессивность росла пропорционально мастерству танкистов ЦАХАЛа. Сначала сирийцы не поняли, случайно или намеренно израильтяне уничтожили их оборудование. Работы велись неподалеку от Нухейлы, Баниасских высот и Тель-Хамры, а именно с этих позиций они стреляли по израильским патрулям. Постепенно до сирийцев все-таки дошла суть произошедшего. В мае 1965 г. они перенесли свою стройплощадку от подножия горы Хермон в более удаленное и безопасное место. Здесь, выше моста Бнот-Яаков, сирийцы имели топографическое преимущество, — расположившись на господствующей высоте, они к тому же находились под защитой мощной линии фортификационных сооружений. Они начали обстреливать израильские патрули и гражданское население, работающее в полях недалеко от границы, с новых позиций.

Сирийцы ликовали, а ЦАХАЛ был сбит с толку. Противник нашел жесткий ответ на карательные меры Израиля. Кое-кто предлагал задействовать для срыва иорданского предприятия артиллерию, но против этого имелось два возражения. Одно заключалось в том, что при ведении артиллерийских дуэлей сирийцы будут все время в более выгодном положении из-за характера рельефа местности и дислокации их орудий. Их пушки находились вдали от городов и деревень, на высоких и укрепленных позициях, тогда как израильская артиллерия могла расположиться только в густонаселенных районах, что делало мирных тружеников заложниками действий военных. Второе — существовала реальная опасность перерастания артиллерийских дуэлей в настоящее сражение, приграничного конфликта — в

широкомасштабную войну, особенно принимая во внимание фактор рассеивания огня при стрельбе на значительные расстояния.

Израильские наблюдатели внимательно следили за работами по отводу воды и выяснили, что стройплощадки сирийцев находятся по обеим сторонам от здания таможни выше моста Бнот-Яаков. На северной стороне объект располагался на довольно большом участке открытого пространства. С точки зрения бронетанковых войск, сектор этот представлялся идеальным для выполнения трудной миссии, суть которой заключалась в том, чтобы попасть в небольшие цели с расстояния в шесть километров. К югу от таможни сирийцы вели работу под прикрытием рельефа местности — во впадине. К тому же южная стройплощадка располагалась дальше от места дислокации израильских танков. Строительные объекты находились под прикрытием укрепленных сирийских огневых рубежей, на которых размещалась артиллерия и меняющие позиции танки. Было ясно, что если дело дойдет до боевых действий, развиваться они будут как бы на двух уровнях. Израильским танкам придется и стрелять по землеройному оборудованию, и в то же время подавлять огонь противника.

Когда руководство приняло решение проводить регулярное патрулирование границы, капитану Шамаю Каплану было приказано поспешить в Галилею. В это время он уже служил начальником специализированного отдела по подготовке экипажей танков «Центурион» в офицерской школе бронетанковых войск. Благодаря расположению генерала Таля, он получил под командование подразделение, укомплектованное танками «Шерман» и «Центурион». Ребята из его бывшей роты восторженно приветствовали капитана. Роясь вокруг него точно пчелы, они пожимали ему руки и старались оттеснить друг друга, чтобы только оказаться рядом с ним. Каплан сразу понял, что готовится нечто необычное. Офицер по оперативным вопросам, лейтенант Илан Якуэль, ввел капитана Шамая в курс дела. Капитан потирал руки. Наконец-то у него появился шанс добиться успеха. Он поневоле стыдился своих чувств — надежды на то, что сирийцы откроют огонь по патрулю и тем самым предоставят израильтянам возможность нанести ответный удар. Но прошло несколько дней, а сирийцы словно бы не замечали приграничных патрулей.

13 мая 1965 г. разведка донесла о значительном движении на позициях противника около таможни. Израильтяне заметили сирийцев в черных танкистских комбинезонах, что давало возможность предположить наличие у неприятеля намерения

задействовать бронетехнику. Также разведчики засекли вражеских корректировщиков артиллерийского огня, проводивших рекогносцировку израильских позиций. Результатом доклада разведки стало посещение израильских танкистов двумя важными гостями — генералами Элазаром и Талем.

Вышедший на рассвете патруль проделал половину пути без приключений, но при приближении его к Шайюну сирийцы открыли по израильтянам огонь из пулеметов и минометов. Произошел очередной приграничный инцидент.

— Занять позиции! — скомандовал Шамай и поспешил к своему «Центуриону». Экипажи бросились снимать камуфляжные сетки. Заняв места, танкисты в течение трех минут вывели технику на огневые позиции. Но командирский танк задержался. Из него повалил густой дым. Некоторое время голоса Шамая в эфире не было слышно, а когда он зазвучал, то казался нервным и высоким. Когда экипаж Шамая снимал камуфляжную сетку с машины, дымовая мортирка произвела самопроизвольный выстрел. Один человек из экипажа получил серьезное ранение, остальные же были ошеломлены и оглушены выстрелом.

Но уже через две минуты голос капитана Шамая звучал по радио спокойно и уверенно. Капитан пресек панику, приказал оказать первую помощь раненому, и того быстро отправили в госпиталь. Теперь командир мог заняться делом. «Центурионы» открыли огонь по противнику, целясь главным образом во вкопанные на господствующих высотах сирийские танки. Первые выстрелы «Центурионов» демаскировали позиции израильтян, и неприятель обрушил на них шквал минометного огня. Битва началась.

Целью «Шерманов» должны были стать землеройные машины сирийцев, находящиеся на расстоянии шести километров. Однако корректировщиков огня постигло разочарование. Сирийские тракторы на участке к северу от таможни находились вне зоны видимости израильтян, а на юге не отмечалось никакого движения, если не считать чего-то непонятного, появлявшегося и исчезавшего через регулярные интервалы. С помощью биноклей удалось разглядеть, что это не что иное, как ковш, спрятанной во впадине драги. Навесным огнем оба трактора и драга были уничтожены, третьему трактору удалось скрыться за холмом.

Результаты столкновения при Мишрам-ха-Ярден, как значилось произошедшее в сводках танкистов, израильтяне сочли успешными. Прежде чем покинуть часть, генерал Таль пожал капитану Шамаю руку и поздравил с успехом.

— Что вы теперь скажете о «Центурионах»? — поинтересовался он.

— Отличные танки, генерал, — ответил капитан.

— А вы — отличный командир, — заметил Таль.

— Не понимаю, почему вы так говорите. Я ничего не сделал.

— Посмотрите же вокруг. Какая тишина. Вы заставили сирийцев умолкнуть, и у нас нет потерь.

— Генерал, тут не было ничего сложного. На таком расстоянии противник не мог достать нас.

— Они могли попасть в нас так же, как и мы в них.

— Их танки даже не стреляли, генерал.

— Добро, дадим вам другую возможность — повоюете с танками, которые стреляют. Тем не менее я хочу, чтобы вы знали — вы хорошо справились с заданием.

Генерал Таль чувствовал, что капитан по-прежнему не верит в себя. По некоторым причинам это огорчало командующего. В какой-то степени он чувствовал персональную ответственность за то, что пришлось перенести Шамаю Каплану. Генерал хотел, чтобы успех помог капитану забыть о былой неудаче. Таль считал, что эпизод под Мишмар-ха-Ярден вполне искупает Нухейлу. Но капитан Каплан думал иначе.

Поскольку сирийцы переносили стройплощадки все дальше и дальше от границы, задачи танкистов становились все более сложными. Другие офицеры требовали от командующего, чтобы им тоже дали шанс поучаствовать в операциях — и они хотели понюхать пороху и набраться боевого опыта. В результате до самой Шестидневной войны капитану Шамаю Каплану больше так и не выпало возможности командовать танками в бою.

ГЛАВА 12

Стычки спорадически возникали то тут, то там вдоль границы; так продолжалось довольно долго. В некоторой степени происходящее напоминало странную игру двух гигантов, площадкой для которой служил весь север Галилеи. Они кидались друг в друга каменными глыбами — один с вершины горы, а другой из низины. Иногда оба метали громы и молнии из ложбин, а порой — с горных хребтов. Это была дуэль на большом расстоянии, так как танки не шли на штурм, не сходились, а лишь маневрировали на позициях.

В одном сражении соперники мерились силами, находясь на одинаковом возвышении и ведя огонь с дистанции 1800 метров. «Центурионам» противостояли вкопанные в землю сирийские «Панцеркампфагены»[100]. В другой раз бой велся на расстоянии 2200 метров. В первом случае «Центурион» подбил «Панцеркампфаген» со второго выстрела и спалил его тремя

следующими снарядами. Во втором — «Центурион» уничтожил «немца» со второго снаряда.

Другой сектор — перемена позиций. Сирийские танки теперь на расстоянии 3000 метров от израильтян — вкопанные советские Т-34[101], местоположение которых трудно установить. Вдруг Т-34 слева выкатился из окопа и пустился наутек, «Центурион» выстрелил, и снаряд упал впереди удирающего танка. Водитель запаниковал и на мгновение притормозил. Следующий снаряд поджег Т-34.

Сирийцы дислоцировали танки все выше и выше. В другой раз в бою участвовали «Центурионы», расположенные на высоте 80 метров над уровнем моря, а сирийские «Панцеркампфагены» — на высоте 180 метров; дистанция между ними составляла 3000 метров. Израильские наводчики видели только дула пушек и башни сирийских танков. Первые два выстрела одного «Центуриона» прошли мимо цели, с третьей попытки танк поразил ее прямым попаданием, а затем еще двумя снарядами добил и сжег вражескую машину.

Сирийские танки продолжали взбираться все выше и откатываться на более удаленные позиции. Очередное столкновение застало «Центурионы» недалеко от Галилейского моря, на высоте 140 метров ниже уровня моря. Сирийские Т-34 и самоходки СУ-100 были вкопаны на высоте 350 метров над уровнем моря на расстоянии 3900 метров от израильтян. Эта выгодная позиция имела ряд неудобств. Для ведения огня сирийцам пришлось бы опустить орудия ниже предельного уровня угла вертикальной наводки, и противнику пришлось оставить свои окопы. Перед своими танками, однако, арабы возвели заграждения из мешков с песком, так что наводчики «Центурионов», находившихся внизу в долине, видели только дула и качающиеся части башен сирийских машин. И все же израильтяне открыли огонь. Первый снаряд лег с недолетом, второй — с перелетом. Третий упал очень близко от Т-34, а четвертый поджег его. Затем были подбиты и сожжены другие сирийские танки.

Танки Ошри поучаствовали во многих сражениях, и результаты трудов подполковника становились очевидными. «Центурионы» наконец-то получили достойную оценку у личного состава бронетанковых войск, но самому Ошри не везло — ему не выпадало случая принять участие ни в одной акции. Он попробовал нажать на комбрига, полковника Шлёмо, потом попросил о встрече с генералом Талем.

— Генерал, я тоже хочу сражаться.

— Ваш батальон уже довольно повоевал, Бенни.

— Батальон, но не я. Десять лет, с самой Синайской кампании, я ни в кого не стрелял. Генерал, я не могу смотреть своим людям в глаза. Сержант Шалом Коган подбил уже два сирийских танка. У него больше опыта, чем у меня!

— А я не могу без надобности подвергать риску командиров, — возразил генерал Таль.

— Генерал, я прошу разрешения принять участие в сражении.

— А я отказываю.

Ошри излил всю накопившуюся у него в душе горечь лейтенанту Илану Якуэлю, своему офицеру по оперативным вопросам.

— Я посылаю людей в бой, на смерть, но сам не иду с ними, а все время сижу на наблюдательном пункте. Я больше не могу так. Если мне так и не разрешат сражаться — пусть ищут другого комбата!

— Смотри на вещи проще, Ошри, — попытался успокоить командира лейтенант Илан.

— Что? Смотреть проще? Я обучил батальон. Я шаг за шагом приучал их к дисциплине и к правильному обращению с техникой. Но вот настает великий момент — битва. И где я? В тылу!

Ошри переполняло раздражение. А тут он еще вспомнил, что армейская служба Илана подходит к концу. Через несколько недель лейтенант уйдет в запас, и тогда Ошри в батальоне будет даже не с кем поболтать по душам. Чувство обиды в нем росло. Подполковник внимательно посмотрел на Илана. Угольно-черные волосы молодого человека прикрывали уши. Илан не любил стричься.

— Ты когда стригся, Илан?

— Бенни! Только не начинай сначала! — попробовал отшутиться лейтенант.

Подполковник был подчеркнуто официален:

— Вы знаете устав. Стрижка каждые десять суток.

— Бенни, у вас навязчивая идея.

— Идите и подстригитесь.

— Прямо сейчас, Бенни?

— Слушай, Илан, — Ошри немного сбавил тон, — как, по-твоему, я должен поддерживать дисциплину в батальоне, если офицер по оперативным вопросам, о котором всем известно, что он мой личный друг, ходит лохматый, как битник?

— И ты, старина, просишь меня задержаться в регулярной армии? Ты это серьезно, Бенни?

— Подстригись, или я посажу тебя на гауптвахту!

— Отлично. Тебе не дают сидеть в танке во время боя,

поэтому ты ноешь как маленький, а потом вдруг проникаешься огромным интересом к моим волосам. Очень мило, Бенни.

— Господин подполковник, а не Бенни! Стригись, а то я тебя сам подстригу.

— Я буду психом, если останусь в армии. Нет уж, я лучше пойду учиться на юриста и отращу себе волосы, как у Бен-Гуриона.

Следующего боя пришлось подождать. Сирийцы получили хороший урок. Осознав, что даже на расстоянии шести километров он не находится в безопасности, противник сменил точку приложения собственных сил. Теперь он активизировался у населенного пункта Курасим, на расстоянии около одиннадцати километров от границы с Израилем. Там сирийцы могли продолжать копать, не опасаясь, что по ходу пограничного инцидента израильтяне уничтожат их оборудование. До того каждая вылазка противника встречала как бы удвоенный ответ ЦАХАЛа, который наносил удары одновременно и по сирийским позициям, и по землеройным машинам. Теперь арабы могли тешить себя тем, что их землечерпалки и трактора вне опасности, а значит, можно вытворять на границе все, что вздумается.

Конечно, поражать мишени с дистанции одиннадцати километров стало куда сложнее, и какое-то время казалось, что сирийцы смогут осуществить свой замысел и лишат Израиль вод Иордана. Но генерал Таль верил, что 105-мм пушки «Центурионов» не подведут. Он уверял руководство, что бронетанковые войска готовы положить конец планам противника, невзирая на расстояние.

Генерал Элазар решил расположить танковую часть севернее Курасима, напротив того места, где сирийцы копали канал. Когда стало ясно, что противник готовится к новой пограничной акции, генерал Таль отправился на передовую. Командир части подвел его к одному из «Центурионов», спрятанному под камуфляжной сеткой. Танки дислоцировались в ложбине у вершины холма. Генерала пригласили в танк одного из лучших экипажей. Генерал хотел пострелять из пушки, чтобы проверить на практике правильность собственной концепции. Израильтяне вот-вот ожидали вспышки активности противника, поскольку жители приграничных поселений начали работать на полях. Мешать проведению любых работ у границы стало обычной практикой сирийцев, и не было никаких причин ожидать, что на сей раз они сделают исключение.

Командовал полковник Шлемо. Полковник Манди оборудовал наблюдательный пункт, установив неподалеку от места дислокации танков на треногу большой полевой бинокль.

Для корректировки огня Манди собирался использовать полевой телефон, провода которого тянулись к «Центуриону», где находился Таль. Полковнику Манди не нравилось то, что командующий принимает участие в операции. По его мнению, Талю это было вовсе ни к чему, и он набрался мужества, чтобы высказать свою точку зрения генералу. Но генерал, уже слышавший подобные речи от начальства, включая начштаба, возразил, что, если не считать книг, это единственная возможность для командующего бронетанковыми войсками попрактиковаться в ведении военных действий в мирное время.

Страх полковника Манди был вполне оправдан. Если бой начнется, он будет жарким, так как в нем наверняка примет участие артиллерия с сильных сирийских позиций на Голанских высотах. Не считая огня танковых пушек, израильтяне подвергнутся массированному обстрелу минометов и полевой артиллерии. Наблюдатели уже зафиксировали на высоте № 62 (также называемой наблюдательным пунктом на возвышенности) четыре сирийских танка, а кроме того, значительные силы противотанковой и полевой артиллерии.

Противников разделяло расстояние 2000 метров. Израильские части дислоцировались в ложбине севернее населенного пункта Курасим, примерно в пятидесяти метрах над уровнем моря. В случае проявления агрессии со стороны противника танкам предстояло выдвинуться на позицию, где они попадали под огонь закрепившихся на высоте № 62 сирийцев. Там, на дистанции 2000 метров от ложбины, в которой затаилась израильская бронетехника, арабы разместили свои танки так, что из-за укрытий торчали только пушки да верхние части башен. Эти сирийские позиции возвышалась на 300 метров над уровнем моря. Южнее ждали своего часа замаскированные сирийские крупнокалиберные минометы и артиллерия. Значительно дальше к востоку, на расстоянии одиннадцати километров, работали два трактора и землеройные машины, выполнявшие задания в рамках проекта отвода вод Иордана.

Полковник Шлёмо проинструктировал экипажи, перед которыми ставились две главные задачи. Когда сирийцы начнут стрелять, «Центурионам» предстоит сначала открыть огонь по танкам на высоте № 62 и поджечь их, а затем перенести огонь на трактора и драги. Задача «Шерманов» состояла в том, чтобы отрезать пути отхода тракторам, пока «Центурионы» попытаются подбить их. По приказу генерала Элазара роль подавления сирийских пушек отводилась израильская артиллерии. По последним наблюдениям, на высоте № 62 находилось три вкопанных танка. Четвертый танк, замеченный там раньше, как

будто бы исчез, а оставшиеся были поделены между «Центурионами». Одним из них командовал лейтенант Илан Якуэль.

Как обычно, личный состав охватило волнение. Судя по всему, противник испытывал те же чувства, возможно, не столь острые, поскольку сирийцы знали, что и когда они собираются делать, а израильтянам оставалось только ждать.

Когда настало утро, израильские трактора вышли в поля около границы. Незначительная поломка задержала их; в 10.30 они продолжили работу, и один из тракторов начал пропахивать длинные борозды прямо к границе. Издалека трактор казался жуком, подползающим к сирийцам, а затем, в последний момент поворачивающим назад, чтобы потом опять повести борозду к границе: вперед — назад, вперед — назад. По опыту танкисты знали, что нервы у сирийцев слабые, долго они подобного зрелища не выдержат и откроют огонь. Часть находилась в состоянии полной боевой готовности.

В 10.45 противник обстрелял израильский трактор, ранив водителя. Группа бросившихся ему на помощь односельчан угодила под пулеметный огонь. Не мешкая ни секунды, израильтяне сбросили маскировочные сетки, под которыми стояли танки, и водители повели их на огневые позиции.

Подполковник Ошри, высунувшись из башни по пояс, энергично и уверенно руководил действиями экипажа. Башня еще не успела повернуться в направлении цели, а он уже командовал:

— Заряжай! Дистанция — 1800.

— Есть! — через мгновение отозвался заряжающий. Генерал Таль изготовился к стрельбе из пушки, установил прицел на 1800 м, произнес: «Есть 1800» — и начал наводить орудие на цель.

Второй «Центурион», задержавшийся из-за неожиданной механической поломки, не успел выйти на позицию вовремя. Третий, в котором стрелком был Шалом Коган, и танк Ошри достигли позиций одновременно, как если бы два танка участвовали в гонках.

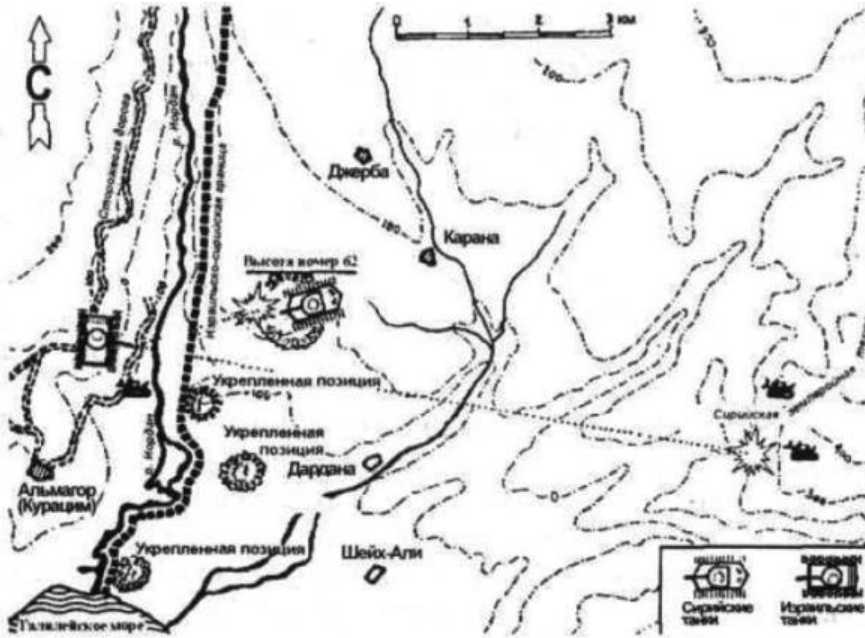
— Есть цель! — воскликнул генерал Таль, закончив наводить пушку.

— Есть цель! — крикнул сержант Шалом Коган в третьем танке.

— Огонь! — скомандовал подполковник Ошри.

— Есть огонь! — откликнулся генерал Таль, приводя в действие спусковой механизм.

— Есть огонь! — отозвался Шалом Коган на приказ своего командира.



Бой 12 августа 1965 г., в котором приняли участие генерал Таль и подполковник Ошри

Генерал Таль подбил сирийский танк со второго выстрела, то же удалось сделать и сержанту Шалому Когану. Однако Ошри оказался более проворным командиром танка, чем командир Шалом Коган. Понимая, что второй «Центурион» где-то застрял, подполковник взял на себя следующую цель и повернул башню в ее направлении. Как только экипаж этого сирийского танка, находившегося дальше других, увидел, что его соседи горят, машина начала выползать из укрытия. Ошри повернул башню в сторону удиравшего противника, а генерал Таль с 3000 метров упредил его выстрелом. Водитель запаниковал, и на какое-то время танк остановился. Ошри дал стрелку Талю новое расстояние до цели и скомандовал:

— Огонь!

— Есть огонь! — закричал Таль. — И снаряд угодил прямо во вражеский танк.

Не прошло и трех минут, как три сирийских танка дружно пылали. Заговорила артиллерия арабов, им ответили израильские пушки. Снаряды противника ложились рядом с израильскими танками, некоторые падали в опасной близости. Поскольку сирийские танки горели, израильтяне сделали вывод, что неприятель бьет по ним из минометов. В соответствии с приказом «Шерманы» из своих французских пушек начали отрезать пути

отступления сирийским тракторам, находящимся на расстоянии одиннадцати километров. Однако полного успеха израильтянам достигнуть не удавалось.

«Центурионы» обрушили огонь своих британских 105-мм орудий на трактора. Корректировавший стрельбу полковник Манди сгорал от нетерпения — ему казалось, что между моментом, когда снаряд покидает ствол, и моментом, когда он оказывается возле цели, проходит целая вечность. В результате «Центурионы», задача которых состояла в уничтожении сирийских танков на высоте № 62, завершили дело до того, как «Центурионы», стрелявшие по дальним объектам, начали укладывать свои снаряды близко к целям.

Ошри приказал водителю вывести танк на новую огневую позицию напротив тракторов и землечерпалок. Водитель тронул машину с места, и тут Ошри понял, откуда же по ним били сирийцы. Это был не миномет, а танк — четвертый сирийский танк, который израильтяне не увидели. Снаряд попал в «Центурион» Ошри.

Полковник Манди оторвался от большого полевого бинокля, чтобы взглянуть на приближавшийся «Центурион», шум мотора которого доносился сквозь грохот артобстрела. Встревоженный Манди увидел, что башня «Центуриона» почернела и что командирский люк и антенна исчезли. Но еще больше поразило его возникшее вдруг впечатление, что в башне никого нет. Понимая, что что-то произошло, он немедленно распорядился оказать пострадавшим первую помощь. Он видел, что «Центурион» подбит, но никак не мог понять, кем и откуда. Офицеры с командного пункта полковника Шлёмо побежали под сильным огнем к подбитому танку. С помощью генерала Таля они вытащили подполковника Ошри за комбинезон, но тот, не выдержав веса грузного человека, порвался, и раненый упал на землю. Генерал Таль выбрался из танка. Его форма была вся залита кровью Ошри.

Осколок пробил подполковнику голову. Он лежал на земле без сознания, в горле его что-то булькало. Он дышал с огромным трудом.

— Освободите его от рации, — крикнул кто-то.

Услышав эти слова, Ошри инстинктивно потянулся к груди, точно пытаясь освободиться от переговорного устройства. Но это было лишь конвульсивное движение. Джип увез раненого Ошри, которого потом переправили в госпиталь на вертолете. Не обошлось без потерь и у остальных, стрелок другого танка получил ранение в грудь, а лейтенант Цейтал — в ногу.

Тем временем «Центурион» под командованием капитана

Орши завершил выполнение задания, подбив сирийский трактор с дистанции одиннадцать километров. Трактор пылал, как свечка. Стрельба прекратилась спустя три часа, в 13.40.

Генерал Таль вместе с некоторыми из своих офицеров поспешил в госпиталь. Раненый в грудь стрелок умер после операции. Хирурги, оперировавшие его, не верили, что он выживет.

На скамье возле операционной генерал увидел плачущего лейтенанта Плана Якуэля.

— Бенни, я тебе обещаю, если ты выживешь, я останусь еще на год, — повторял он. — Я клянусь, Бенни.

Когда Ошри пришел в себя, лейтенант Илан Якуэль сказал ему:

— Ну, Бенни. Я должен исполнить данную клятву. Ты жив, и я останусь в армии еще на год.

— Какая крепкая броня у этих «Центурионов», — пробормотал Ошри. — В любом другом танке нас разнесло бы в куски.

Новость о клятве Илана Якуэля дошла до генерала Таля, и он пригласил молодого человека к себе для беседы. Очень скоро Илан стал адъютантом генерала.

Теперь «Центурион» получил полную реабилитацию. Уважение к танку было столь велико, что о прежних неприятностях с ним говорили только в шутку. Офицеры, скептически относившиеся к возможностям танка и утверждавшие, что этот мудреный образчик британской машинерии годится только для английских лугов, но никак не для песков пустыни Негев, стали самыми горячими его поклонниками.

ГЛАВА 13

Один пограничный инцидент следовал за другим, и новая война казалась неизбежной. Менее года спустя целая армия стояла, что называется, под парусами. В дивизии генерала Таля росло напряжение. В штаб поступала информация о значительном увеличении концентрации египетских войск в районе Рафаха, о постановке минных полей и передвижениях египетских бронетанковых частей. Усиление противника требовало внесения корректив в соответствующие планы командования бронетанковых войск. 27 мая 1967 г. полугусеничная бронемашина разведки напоролась на мину неподалеку от Керем-Шалома, на участке, где египтяне постоянно наращивали мощь своего контингента. Бронемашина потеряла ход, и противник

приготовился атаковать ее на бронетранспортерах. Командир израильского патруля, лейтенант Ави, повредил плечо, и его с трудом вытащили из бронемашины. На командный пункт поступило донесение о намерениях египтян захватить патруль. Командование дивизии стремилось предотвратить пленение разведчиков, но из-за распоряжения высшего руководства — избегать серьезных пограничных инцидентов — искало пути сделать это как можно меньшими силами. В то же время командиру патруля было приказано не бросать подбитую бронемашину и приготовиться к обороне. После трех часов безуспешных попыток захватить израильских разведчиков, египтяне утратили надежду на легкий успех и удалились.

Провокации египтян вдоль сектора Газа продолжались. У разведки имелись сомнения относительно намерений египетского верховного командования. Были ли эти провокации направлены на то, чтобы втянуть Израиль в войну и затем обвинить в агрессии, или же они представляли собой инспирируемые на местном уровне акции полувоенных палестинских частей, таких, как ООП Ахмада Шукейри, цель которых спровоцировать на конфликт и Египет и Израиль? Требовалась особая осторожность, и директивы генерала Таля были строги — никто ни при каких обстоятельствах не имеет права открывать огонь до получения его личного приказа. Все переговоры в радиоэфире прекратились, и распоряжения отдавались посредством полевых телефонов и через вестовых.

29 мая в 12.35 египтяне открыли огонь по израильскому патрулю, командовал которым комбриг 22-й бригады. Он выехал с патрулем, чтобы самостоятельно оценить накалившуюся ситуацию у границы. Египетские силы, напавшие на израильтян у кибуца Беери, значительно превосходили их численностью и располагали как минометами, так и автоматическим оружием. Комбриг, опасаясь за жизни своих людей, запросил разрешения вызвать огонь артиллерии для поддержки своей части. Вестовой покинул командный пункт и отправился к комдиву[102].

Трейлер генерала Таля скрывался под маскировочной сеткой. Никто не имел права приближаться к нему ни на каком транспорте, а должен был проделать весь путь пешком от ближайшей стоянки в роще. Когда связной прибыл, генерал вел вполне академический спор с мобилизованным на службу профессором химии из Еврейского университета. Генерал познакомился с профессором, когда учился в Иерусалиме, и, встретив его в одной из частей, пригласил в свой трейлер для беседы.

Вестовой вошел в трейлер, встал по стойке смирно и отдал

честь. Генерал сидел, откинувшись, на диване.

— Господин генерал, командир 22-й бригады просит разрешения задействовать артиллерию, чтобы вызволить свой патруль, — доложил вестовой.

— Не разрешаю, — ответил генерал.

Вестовой отдал честь и поспешил удалиться. Профессор поинтересовался, не боится ли генерал, что египтяне могут сбросить химические бомбы у границы, хотя их территории с той стороны густо населены, а ветер дует преимущественно в сторону сектора Газа и может отнести ОВ в населенные арабами центры.

Зазвонил телефон. Ответила секретарь комдива.

— Господин генерал, с вами хочет говорить начальник оперативного отдела [иначе офицер по оперативным вопросам] дивизии, — сообщила она.

Таль поднял трубку.

— Слушаю, Кальман.

— Генерал, египтяне расширили зону обстрела. В Беери и других поселениях возникли многочисленные пожары.

— Включите рацию, но только слушайте. Повторяю, не переговариваясь, только слушайте и оставайтесь у телефона, — распорядился генерал, вернулся к дивану и сел. Глаза Таля были красны от постоянного недосыпания. Он принялся подкручивать пальцем несуществующие пейсы. В моменты нервного напряжения засевший в щеке осколок давал о себе знать.

Снова вошел вестовой и, отдав честь, доложил:

— Господин генерал, офицер по оперативным вопросам сообщает: командир 22-й бригады сумел вызволить патруль без помощи артиллерии. Начальник оперативного отдела спрашивает, можно ли выключить радио?

— Разрешаю, — кивнул генерал. Вестовой отдал честь и удалился.

В трейлер вошел начштаба дивизии полковник Герцл. Отдав честь, он сел и доложил, что танк из батальона D-10 напоролся на мину. Как выяснил комбриг полковник Шмуэль, это была одна из наших мин. Жертв нет. Повреждена гусеница. Полковник Шмуэль приказал: 1) сообщить в бригаде, что один «Центурион» напоролся на мину, но экипаж не пострадал; и 2) сформировать следственную комиссию для разбора происшествия и установления виновных. После краткой беседы с генералом полковник Герцл покинул трейлер, а Таль и профессор вернулись к прерванному разговору.

Профессор был одет в легкую поношенную рубашку цвета хаки. Его брюки слишком большого размера держались на тонком кожаном ремне, который можно было обернуть вокруг талии

почти два раза. Профессор носил туфли и фиолетовые носки. Лицо его казалось чересчур бледным.

Когда профессор собрался уходить, генерал спросил, выделили ли ему место для сна. Профессор ответил, что ему дали спальный мешок, и он будет спать на земле.

— Больше нет вопросов, — ответил генерал и отдал приказ снабдить профессора всем необходимым и определить на ночлег.

На командном пункте бригады «D» в палатке, покрытой камуфляжной сеткой, напротив большой настенной карты, пришпиленной к широкой доске, сидели на скамьях офицеры штаба и командиры частей. Офицеры разведки прикрепили поверх карты кусок целлофана и разными цветами отметили диспозицию израильских войск и войск противника. Командир бригады полковник Шмуэль и его офицеры только что вернулись с инструктажа в штабе дивизии, в разведотделе которой начальник разведки бригады получил информацию. Теперь в соответствии с ней его помощники оформляли карту.

Военный полицейский на посту у входа на командный пункт вытянулся по стойке смирно и отдал честь.

— Смирно!

Все встали и вытянулись. Полковник Шмуэль — мускулистый, подтянутый, без следа рыхлости, казавшийся упругим, как мяч, — вошел в штабную палатку быстрой, решительной походкой. Создавалось впечатление, что он преодолевает сильный встречный поток воздуха. Шмуэль был среднего роста, с выступающим задом и слегка выдающимся брюшком, так что его силуэт в профиль напоминал букву «D».

— Садитесь.

Комбриг сдернул черный берет и бросил его на единственный в помещении стул — его собственный, стоявший рядом с картами. Волосы полковника были коротко подстрижены, а лицо — свежевыбрито. Он носил очки.

— Кто сделал эти пометки?

— Я, господин полковник, — отозвался офицер разведки майор Казей.

— Стирайте. Все никуда не годится. Вот эта линия поворачивает налево к той роще, а не направо.

Офицер разведки взял тряпку, смочил ее бензином и очень тщательно, чтобы не задеть другие линии, стер неверную.

— Стирайте все, — рявкнул командир. Майор Казей начал смывать все отметки. — Быстрее же! — Тем временем полковник задержался взглядом на схеме вражеских минных полей. Быстрым, почти неуловимым движением он сорвал ее с доски, смял и швырнул на пол.

— Сколько времени понадобится, чтобы нарисовать правильную схему?

— Пятнадцать минут, господин полковник, — сказал лейтенант Майк.

— Даю вам десять минут, — бросил комбриг и повернулся к секретарше, младшему офицеру. — Зафиксируйте это, Ципи, — десять минут.

Майор Казей закончил переделку схемы и начал наносить на карту диспозицию неприятельских войск на участке бригады с указанием примерной численности подразделений.

— Откуда эта информация? — холодно поинтересовался полковник Шмуэль.

— Дивизионная разведка, господин полковник, — доложил начразведотдела.

— И вы помните все это наизусть?

— Да, господин полковник.

Бисеринки пота катились по лицу высокого и широкоплечего офицера.

— Вы не записывали это в блокнот? — спросил командир.

— Записывал, господин полковник, но я так часто работаю с этим, что уже все запомнил.

— Ничего вы не запомнили. И то, что вы написали, неверно.

Майор посмотрел на лист, на котором писал. Молчание воцарилось на командном пункте. Никто не шевелился, даже чтобы прибить надоедливую муху.

— Откройте блокнот и посмотрите еще раз, — приказал комбриг.

Майор быстро открыл блокнот и сразу увидел, где ошибся. Он перепутал число танков одной вражеской части с числом танков другой. Казей вновь очень осторожно начал стирать две неверные строчки. Полковник взял у него тряпку и стер все размашистыми движениями. Целлофан опять стал абсолютно чистым. Заглядывая в блокнот офицера разведки и в свой собственный, Шмуэль начал чертить новые линии уверенной рукой. Закончив, он взял длинную указку.

— Положение ухудшается. Египтяне закладывают мины. Новые минные поля проложены здесь, здесь и здесь, — он показал местоположение каждого на карте. — Полоса минных заграждений добавлена здесь, здесь и здесь. На нашем участке появились новые бронетанковые части противника, в основном Т-34. Перед нами развернуты две бригады египетских танков, к тому же неприятель продолжает усиливать свою артиллерию. Возможна дислокация на нашем участке и других танковых частей. Таковы изменения. В остальном же все, как и раньше.

Позднее офицер разведки обеспечит вас правильной диспозицией, а сейчас продолжим. У нас две проблемы. Мины и артиллерия. Мы постараемся передвигаться по дорогам и таким образом избежать мин. Авиация возьмет на себя артиллерию. Рафахский укрепрайон будем штурмовать силами бригады, а не батальона. За последние несколько дней Рафахское направление значительно усилено.

В палатку, пыхтя и отдуваясь, вбежал лейтенант и подошел к комбригу.

— Господин полковник… — начал он и осекся.

— С каких это пор вы не отдаете честь? — поинтересовался Шмуэль. Лейтенант выскочил из палатки, вернулся, вытянулся по стойке смирно и откозырял. Командир бригады ответил на приветствие.

— Господин полковник, генерал велел мне сообщил вам: «Кузнечик-1», — доложил лейтенант, опять встал по стойке смирно и отдал честь. Перед тем, как выйти из палатки, он откозырял еще раз. Когда полковник поставил указку на место в угол, на лице его читалось разочарование. Секретарь Ципи сказала:

— Десять минут, господин полковник. Слова с трудом слетали с ее губ.

Тем временем в палатку вошел лейтенант Майк, откозырял и передал полковнику Шмуэлю карту.

— Указывать местоположение минных полей, Майк, необходимо предельно точно, — сказал тот. — Очень важно знать, где они начинаются и где кончаются. И, более того, вы должны отмечать все изменения. Помните, что не вы будете в передовой роте, не вы напоретесь на мины. Вы будете сидеть в штабе. Но батальоны будут драться, и кто-то может погибнуть из-за вашей ошибки… Очень хорошо. Вы справились за десять минут, и карта точна. Садитесь.

Полковник повернулся к офицерам и сказал:

— ВПХ.

— Смирно! — крикнул дежуривший у входа в палатку сержант. Все вскочили. Полковник козырнул и вышел в сопровождении младших офицеров. ВПХ — аббревиатура от «Всем поджать хвосты» звучала вновь и вновь с горьким разочарованием. Если и существовал план дать военный ответ на приготовления армии Египта и других арабских стран, то теперь его положили под сукно.

Комбриг вернулся в свой трейлер.

— Георгий, — обратился он к офицеру по работе с личным составом, — вы можете, в конце концов, организовать горячий

душ?

Георгий видел, что полковник недоволен. ВПХ было вовсе не тем, чего он ждал. Если комбриг возмечтал о горячем душе, значит, считает: придется ждать следующего инцидента, который, возможно, приведет к войне.

— Я договорюсь насчет душа в кибуце Цейлим, господин полковник.

— Для себя тоже.

Полковник сидел в своем трейлере, барабаня пальцами по столу, и мурчал под нос единственную мелодию, которую знал. Внезапно он ударил ладонями по столу, встал и проговорил:

— Будет война. Обязательно будет. Это неизбежно. — Когда Георгий вернулся с новостью, что договорился о душе, полковник сказал: — Георгий, у меня уже улучшилось настроение. Совершенно ясно, что война будет. Иначе и быть не может.

Полковник Шмуэль взобрался на водительское сиденье джипа. К нему присоединилась Ципи (во время поездки им предстояло проехать мимо части парашютистов, в которой служил ее бой-фрэнд) и села справа. Позади устроился Георгий и радист комбрига с наушниками на голове. Джип эскорта с пулеметом пошел впереди на предписанной дистанции. Все в этом джипе были в касках. Уже стемнело, и два джипа включили маленькие выкрашенные в синий цвет фары. Впереди полковник видел только красные габаритные огни эскортного джипа. Он сознательно снизил скорость, чтобы проверить, заметит ли это эскорт, — приказы комбрига Шмуэля относительно правил передвижения были одними из самых строгих в бронетанковых войсках. Эскортный джип сначала немного удалился, но почти сразу сбросил скорость. Шмуэль остановил машину и заглушил мотор. Тотчас же джип сопровождения развернулся и подъехал.

— Что-то случилось, господин полковник? — взволнованно спросил сержант, несмотря на то, что явно видел: с командиром все в порядке.

— Все нормально. Все хорошо. Теперь езжайте сзади.

Вдоль дороги растянулась большая колонна войск: огромные грузовики с боеприпасами, горючим, продовольствием и другими военными грузами стояли у обочины. Два управляемых парашютистами джипа проследовали мимо машин комбрига и его эскорта. Они ехали быстро, и их яркие фары освещали дорогу и военную технику на ней. Десантники сидели в джипах без рубашек и касок. Вид небрежно одетых парашютистов и их подчеркнутое пренебрежение требованиями безопасности всегда бесили полковника Шмуэля. Он постоянно твердил, что бронетанковые войска, в которые призывников направляли по

разнарядке, ни в чем не уступали десантникам, личный состав которых комплектовался за счет добровольцев. На сей раз парашютисты разозлили полковника и еще по одной причине. Он узнал, что бой-фрэнд Ципи служит в десанте, и немедленно занес его в черный список.

— Что такого есть у парашютистов, чего нет у танкистов? — спросил он у Ципи.

Вопрос смутил симпатичного молодого офицера, но ее ответ: «Я просто встретила славного парня, а потом он записался в десант», — не удовлетворил полковника Шмуэля.

— Хорошо, Ципи. Пусть так. Но он же может подать рапорт о переводе в бронетанковые войска, разве нет?

— Но господин полковник, он комвзвода, это же ответственность.

— Тогда брось его, Ципи.

— Бросить моего парня, господин полковник?

— Почему бы и нет? Я познакомлю тебя с тысячей парней из бригады, которые превосходят твоего парашютиста по всем статьям. Или ты из тех девиц, которые без ума от их пятнистой формы?

— Нет, господин полковник. Форма для меня ничего не значит.

— А может, тебя привлекает красный берет? Только не говори мне сейчас, что красный цвет лучше черного.

— Черный очень красив, — поспешила уверить командира Ципи.

— Или, по-твоему, рыжие ботинки парашютистов лучше наших черных?

— Вовсе нет! — воскликнула Ципи.

— Эх, Ципи. Такая хорошенькая девушка, как ты, с высшим образованием, начитанная, не может влюбиться в форму. — Ципи еще раз объяснила, что ее не привлекает ни форма, ни какие-то иные внешние атрибуты. Ее бой-фрэнд был отличным студентом и собирался стать врачом. Он записался в парашютисты, чтобы не отстать от друзей. — Отлично, Ципи, — сказал комбриг тоном Юпитера. — Первая любовь не всегда настоящая. Ты поумнеешь и влюбишься в танкиста. Я прав, Георгий?

— Так точно, господин полковник.

— И понимая это, — подытожил Шмуэль, остановив джип около лагеря парашютистов, — я разрешаю тебе выйти здесь. Увольнительная до 21.00.

— Благодарю вас, господин полковник, — улыбнулась Ципи.

Когда они подъехали к кибуцу, Георгий повел полковника к жилищу одного из поселенцев. Вся семья ожидала комбрига, все

хотели видеть его. Отец, мать и трое детей ждали в гостиной. Они накрыли стол, уставив закусками, фруктами и чашками для кофе, как если бы полковник приехал к ним в гости на уик-энд. Электрический нагреватель уже включили, и в распоряжении Шмуэля было море горячей воды.

Пока полковник принимал душ, семейство ожидало в полном молчании, будто участвуя в некой церемонии. Он находился в ванной довольно долго, тщательно смывая пыль Негева, которой немало накопилось на нем за последние несколько дней. Когда Шмуэль вышел, он проверил знание детьми Библии, которую почти всю помнил наизусть, а затем сел обсудить вопросы обороны со старшими в семье. Он несколько раз уверил их, что, если начнется война, даже в том случае, если египтяне нападут первыми, она будет быстро перенесена на территорию врага. (Кибуц Цейлим находился рядом с границей сектора Газа, что означало: случись что, он окажется прямо на линии атаки египтян. Поселенцы ходили на работу с оружием.)

Вернувшись в трейлер, полковник Шмуэль принял решение. Он уговорил Ципи связать его с командиром дивизии. В телефонном разговоре он попросил генерала заменить майора Казея другим офицером разведки. Таль согласился и сказал, что на следующий день к комбригу явится подполковник Цвика.

Командующий всегда поддерживал командиров. Если командир плох, замени его, но пока он на посту, он облечен полным доверием своего начальника. Однажды начальник оперативного отдела из бригады Шмуэля попросил генерала Таля освободить его от занимаемой должности ввиду несовместимости его характера с характером комбрига. Командующий ответил: «Если бы полковник Шмуэль потребовал бы у меня заменить вас, я бы немедленно сделал это. Но ваше мнение относительно совместимости ваших характеров меня не интересует. Ваше дело ладить с полковником Шмуэлем, а не его».

— Но, господин генерал, я не могу с ним работать.

— Это дерзость. Как командир бригады он уполномочен решать, с кем ему работать.

— Но послушайте, генерал, разве человеческую натуру не следует принимать в расчет?

— Натура не имеет к армии никакого отношения. Здесь есть только приказы. Вы получаете приказ и вы его выполняете, вот и все. Армия не место для дебатов и не контора по подбору гармоничных пар. Возвращайтесь к работе. Только полковник Шмуэль сможет освободить вас от нее.

— Слушаюсь, господин генерал.

ГЛАВА 14

Полковник Шмуэль вел джип сквозь тьму. Впереди виднелись только красные огни машины сопровождения. Рядом с комбригом лежал автомат Томпсона; запасные магазины находились в пределах досягаемости. Ему не нравился Узи. Он считал, что калибр 9 мм маловат. Этой поездке в части предстояло стать последней перед началом войны[103].

Полковник Шмуэль родился в Вильно (сейчас Вильнюс), в Литве, в канун пасхи 1930 г. в семье обойщика и знатока Талмуда. Как считал отец, Божественное предначертание состоит не в явлении нового мессии верхом на белом ослике, а в обретении Израилем независимости. Когда Шмуэлю исполнилось три с половиной года, семья иммигрировала в Палестину и обосновалась в Иерусалиме. Отец открыл мебельный магазин, но дела шли неважно, и он вернулся к работе обойщика. Это было тяжелое время, вся семья — отец, мать, три дочери и три сына — жила в одной комнате. Чтобы содержать семью, мать пошла работать на металлургический завод, где в 1940 г. начали выпускать мины для нужд Британской армии.

Шмуэль вырос в атмосфере запретов и ограничений. Он постоянно сталкивался с вопросом, разрешено это или запрещено. Его отец требовал дисциплины, уважения и не терпел «никакой чепухи». В каком-то смысле это здорово помогло Шмуэлю подготовиться к службе в бронетанковых войсках Израиля. До шестнадцати лет он обучался в иешиве[104], где считался отличным учеником. Там ему привили педантичность, настойчивость в достижении цели и научили превозмогать усталость. Его учитель, равви Ядлер, завел обычай: каждый день в одно и то же время за десять минут до заката студенты принимались заниматься с удвоенным рвением. По сигналу голодные и утомленные мальчики преодолевали усталость и с энтузиазмом повторяли пройденное.

Одно время Шмуэль был ревностным почитателем Субботы. «Для арабов было бы лучше, если бы я возглавлял Зилотов субботы в Иерусалиме, чем командовал танковой бригадой», — как-то заметил он. Но однажды он состриг пейсы. Отец не ругал его, веря в максиму: «Лучше пусть грешат по невежеству, чем от знания». Отец умер за год до обретения Израилем независимости, когда Шмуэль уже стал активным членом Хаганы.

В тринадцать лет Шмуэль поступил на службу в молодежный отряд Хаганы. Теперь, двадцать четыре года спустя он думал о том, что предстоящая война станет для него третьей войной с Египтом.

Они приближались к расположениям батальонов, но вокруг стояла абсолютная тишина и темнота. Он испытал прилив гордости за то, какую дисциплину сумел установить в своей бригаде, и, повернувшись к офицеру по личному составу, проговорил:

— Такой народ как наш, Георгий, всегда должен быть готов к войне. Иначе погибнет.

— Да, господин полковник.

Шмуэль замурлыкал с детства знакомый мотив. Комбриг не спал несколько суток и очень устал. Увидев замелькавшие во тьме тени, он встряхнулся. Не успел полковник припарковать свой джип рядом с машиной эскорта, как к нему приблизился высокий человек, которого он не сразу узнал в темноте. Это оказался майор Эхуд Элад, командир батальона D-14, укомплектованного танками «Паттон».

— Батальон в полной готовности, господин полковник.

— Хорошая работа, Эхуд. Я проехал по расположению части и не слышал ни звука, не видел ни огонька. Дисциплина на высоте.

Не каждый день получаешь похвалу от командира бригады — Эхуд был доволен. Он сопровождал полковника. Они прошли в полной темноте до белого круга, где остановились перед сидевшими на земле солдатами. Прозвучала команда «Смирно!», и два стоявших рядом джипа фарами осветили комбрига и комбата.

— С вами будет говорить командир бригады, — обратился Эхуд к своим людям.

— Вольно, можете сесть, — произнес полковник Шмуэль более мягким, чем обычно, голосом. Послышались шорохи и глухой стук автоматов о землю, затем наступила полная тишина. Фары слепили полковника, и он не видел лиц сидевших перед ним людей. — Можете курить, — разрешил он.

Вспыхнуло несколько спичек, замелькали огоньки зажигалок, на мгновения высвечивая лица людей. Напряжение отступало.

Шмуэль знал, что в бригаде в шутку поговаривают, будто военнослужащие боятся его больше, чем войны, на это он отвечал, что ему наплевать на разговоры — лишь бы слушались приказов. Он требовал дисциплины даже более жесткой, чем сам генерал Таль, — порядки в бригаде были суровыми. Так называемый «Приказ одного километра» стяжал полковнику дурную славу среди армейских водителей. Приказом устанавливалось, что водители бригады «D» должны передвигаться на скорости, установленной в соответствии с правилами генштаба, минус один километр в час и минус десять километров в час в районе Беершевы. Он лично следил за

неукоснительным выполнением приказа и предупреждал о предстоящих передвижениях частей бригады военную полицию, чтобы та могла выставить «ловушки» на дорогах. Скоро аварийность у водителей бригады резко пошла на убыль, за что комбриг удостоился похвалы начальника генштаба.

Полковник Шмуэль установил, что аварии на дорогах часто происходят из-за пользования транспортом, находящимся в плохом техническом состоянии. Он настаивал на увеличении количества мастерских в бронетанковых войсках. Он мог послать инспекцию для неожиданной проверки, и любое транспортное средство, в котором выявлялись даже малейшие неполадки или дефекты, отправлялось в ремонт. Командиры частей бригады ворчали, что такая система мешает им выполнять задания, но полковник был неумолим и требовал безоговорочного повиновения. В течение трех месяцев он привел парк в отличное состояние. У командиров частей быстро сформировалась привычка самим проверять все заблаговременно, чтобы избежать неприятностей при «налетных» проверках. Иногда Шмуэль лично ловил и наказывал нарушителей за вождение джипа без каски, за неуставную шнуровку ботинок и за неправильно застегнутый ремень.

В глубине души полковник Шмуэль хотел, чтобы солдаты любили его, и верил, что испытание боем поможет им по достоинству оценить его строгость и требовательность. Он в значительной степени полагался на свою репутацию бесстрашного воина, так как солдаты уважают смелых и решительных командиров. Подчас он соревновался с лучшими стрелками и водителями бригады. Он уже предупредил подчиненных командиров, что в бою на его танке будет развеваться большой черный флаг, чтобы люди знали: их командир — в гуще битвы.

— Солдаты, — начал полковник Шмуэль, — все арабские армии ополчились на нас: Египет, Иордания, Сирия, Ирак и Кувейт, Саудовская Аравия и Алжир, и кто знает, кто еще присоединится к ним завтра. Скопом против одного. И это очень хорошо. Это очень-очень хорошо. Так мы сможем прихлопнуть их всех одним ударом. На нашем участке — египтяне. Я хорошо их знаю. Я дрался с ними три раза — из них дважды на Синае. И на сей раз, я обещаю вам, мы спалим их танки, и они будут драпать до самого Каира без оглядки. — Довольный шепоток прошелестел по рядам сидящих людей. — Предстоит война, как в 1948 г. Возможно, даже более великая. Мы победим, как победили в 1948-м и в 1956-м. Поскольку вы — бойцы лучшие, чем они. Вы намного храбрее и более подготовлены. Ко всему прочему, я знаю

вас лично, и если политики нам не помешают, мы будем в эль-Арише через двенадцать часов. — Солдаты одобрительно закивали. Вспыхнули новые огоньки сигарет. — И если нам позволят, мы дойдем до канала, и в конце концов омоем в нем ноги. — Раздался смех. Напряжение трех недель ожидания оставляло танкистов. — Нет, я не шучу. Вы отлично знаете, что я зря не обещаю. И когда вы доберетесь до канала, я должен просить вас помнить об одном — это наш один километр.

Поднялся смех, на сей раз настолько сердечный, будто все происходило не в воинской части, а на дружеской вечеринке.

— И если будете вести себя хорошо, я могу даже разрешить вам превысить лимиты скорости. Но только в том случае, если будете двигаться в верном направлении. На Каир. Абд-эль-Насер сказал, что будет в Тель-Авиве, а я обещаю, что скорее вы будете в Каире. Вы посадите на место Насера другого египтянина, такого, который проявит уважение к еврейскому народу. — Солдаты одобрительно загудели. Слова полковника Шмуэля настолько разрядили обстановку, что люди забыли, где они, и непринужденно принялись обмениваться впечатлениями, так, как если бы их грозный командир вовсе и не стоял перед ними. — Однако! — Мгновенно воцарилась тишина. — Я не потерплю беззакония. — Абсолютное молчание пало на тонущее в темноте поле, и в этой темноте полковник Шмуэль и майор Эхуд казались танкистам сказочными великанами. Солдаты затихли, поскольку подумали, что комбриг имел в виду допущенную ими вольность, которую он расценил как анархию. — И вот что я называю беззаконием. Неправильное использование боеприпасов. Вот что такое беззаконие. Не палите из пушек по не бронированным машинам. Для этого хватит 12,7-мм и 7,62-мм пулеметов, а по пехоте стреляйте из Узи, не из пулеметов. Не тратьте попусту боеприпасов. И теперь еще одно последнее слово. — И опять наступило полное молчание. — Солдаты, если вы не победите, нам лучше сразу повернуть назад. На свет вышел один офицер.

— Ребята, а ну-ка, все вместе. Мы победим?

— Да! — ответил весь батальон в один голос.

— Победим?

— Да!

— Победим?

— Да! Да! Да!

Эхо умерло вдали, как стихающая канонада.

— Смирно!

Батальон встал. Командиры бригады и батальона отдали честь, и фары джипов погасли — вновь обступила тьма. Люди вернулись к танкам, укрытым камуфляжной сеткой. Лишь песок

поскрипывал под резиновыми подошвами солдатских ботинок.

Офицеры собрались в командирской палатке, где им подали черный кофе и бутерброды. Полковнику Шмуэлю вручили бутылку виски «Скотч» и попросили поставить на ней автограф. Следом за комбригом на ней стали расписываться Эхуд и другие офицеры. Бутылка переходила из рук в руки, и каждый подписывался, затем ее передали полковнику Шмуэлю, чтобы он сделал первый глоток. Они собирались выпить только половину бутылки — вторую предстояло осушить в день победы.

— Факт состоит в том, что мы уже на войне. Вспомните, что мы — авангард еврейского народа. Если мы проявим слабость, если не поднимемся быстро, наше поколение будет повинно в гибели Третьего Храма. Генерал Таль говорит, что исход войны зависит от успешных действий нашей дивизии. А я говорю — успех дивизии зависит от успеха нашей бригады, — заключил Шмуэль.

Позднее он проверил оперативные планы батальона. С комбатом, майором Эхудом, полковник беседовал с уважением и пониманием. Он одобрил планы, сделал несколько замечаний и вместе с Эхудом покинул палатку. Группа солдат собралась вокруг джипа комбрига, каждый хотел пожать ему руку, напомнить, где они вместе служили и набирались опыта. Вдруг военнослужащий с выделявшимися на бритом лице пейсами, растолкав других, подскочил к полковнику Шмуэлю, обнял и поцеловал его в щеку. Затем забормотал благословения и закончил словами: «Да хранит вас Господь». Шмуэль остолбенел — прежде его солдаты не целовали.

— Кто это был? — спросил он, оставшись наедине с Эхудом.

— Сержант, армейский раввин.

— Бритый?!

— Разве вы забыли, господин полковник? Вы приказали сбрить бороды всем на случай использования противогазов.

— Ну да, конечно. Ладно, Эхуд, не буду говорить «до встречи», потому что, прежде чем увидеть друг друга, мы друг друга услышим.

Джип комбрига вместе с эскортом растворился во тьме, он ехал в другие батальоны. И опять полковник Шмуэль говорил о войне, уже, можно сказать, начавшейся в момент, когда Абд-эль-Насер перекрыл Тиранский пролив, говорил о том, что хорошо, что война начнется, ибо так все враги Израиля будут наказаны одновременно и за все сразу. И вновь возглас: «Мы победим!» и ответ: «Да!» звенел над ночным Негевом.

Наконец полковник прибыл в расположение батальона Б-10, укомплектованного «Центурионами», первый из которых он

привез в страну. Комбриг с трудом узнал сбрившего бороду майора Шамая Каплана. Комбат, подполковник Габриэль, и его заместитель, майор Эли Глобус, пустили исписанную автографами бутылку по кругу.

По окончании церемонии джип комбрига с эскортом поехали дальше, в другие части. Некоторых из своих солдат, лучших и самых смелых, комбригу больше никогда не суждено было увидеть. Когда Шмуэль добрался до трейлера, его вызвал к себе командир дивизии, а к тому моменту, когда полковник вновь возвратился к себе, ночь наполовину прошла. Полковник Шмуэль позвал штабного повара и попросил горячего супа.

— Господин полковник, — проговорил наскоро одевшийся и еще не совсем проснувшийся повар. — У меня нет горячего супа. Мы ждали вас, грели его, грели, и он испортился.

— И вам не стыдно отправлять командира спать, не дав ему ничего горячего?

Повар покраснел.

— Я приготовлю другой суп для вас, господин полковник.

— За десять минут?

— Господин полковник, нельзя приготовить суп за десять минут. Одна картошка…

— Тогда сделайте яичницу.

— Слушаюсь, господин полковник.

— И салат.

— Слушаюсь, господин полковник. А что попить?

— Горячего — холодного.

Другими словами, он желал холодной содовой и кипящего черного кофе. Перекусив, полковник Шмуэль мгновенно провалился в сон.

ГЛАВА 15

В канун войны египтяне завершили развертывание войск на Синайском полуострове, дислоцировав там семь дивизий и девятьсот пятьдесят танков — численность воинского контингента составляла около девяноста тысяч военнослужащих. В районе Рафахского укрепрайона сосредоточились крупные формирования спецназа и мотострелковые части под командованием генерала Шадали. Создавалась угроза соединения этих сил с войсками Иордании, в результате чего мог оказаться отрезанным порт Эйлат — самый южный пункт Израиля. Концентрировавшим силы в северном Синае египтянам ЦАХАЛ мог противопоставить три дивизии. На самом юге дислоцировалась дивизия генерала Ариэля Шарона, в центре —

дивизия под командованием генерала Авраама Иоффе, а на севере, на Рафахском направлении, — дивизия генерала Таля. Со стороны Израиля на границе отсутствовали как укрепления, так и природные препятствия. Как обычно, оборона Израиля строилась на мобильности его армии. Египтяне, напротив, как и прежде, зарывались в землю. Их оборонительные рубежи искусно вписывались в рельеф местности. Там, где у противника не было минных полей, проволочных заграждений и огневых точек, он полагался на естественные преграды — песчаные дюны и скалы, непреодолимые для мотопехоты и танков. За этими мощными укреплениями расположилась готовая к сражению египетская армия.

После Синайской компании 1956 г. египтяне остановили выбор на так называемой «линейной диспозиции» — системе глубоко-эшелонированной обороны, перенятой ими у русских. Состоит она их трех рубежей: на первом сосредотачиваются наибольшие массы живой силы, орудий и боевой техники, вторая служит на случай прорыва первой и может использоваться для подготовки контратак для поддержки передовой линии. Оба эти рубежа представляют собой сплошные ряды окопов. Между первой и второй линиями устраиваются огневые позиции, на которых в основном дислоцируются танки и противотанковые орудия, предназначенные для сдерживания бронетехники противника, если та прорвет передовой рубеж. Основная сила подобных комплексов в том, что их нельзя обойти с флангов, и атакующим в любом случае приходится штурмовать эти рубежи в лоб. Даже если им удастся преодолеть первую линию, их, уже неизбежно ослабленных штурмом, встретят огнем противотанковые пушки и танки. Когда же наступающие прорвут и эти позиции, то натолкнутся на резервный рубеж обороны.

Если египетская армия нападет на Израиль первой, стороны будут вести подвижную танковую войну. Если же Израиль пойдет на Синай, его войскам придется прокладывать себе путь через вражеские укрепления. С момента появления главным принципом ЦАХАЛа стало ведение боевых действий на территории врага, соответственно бронетанковые войска готовились и к тому, что им придется осуществлять прорывы рубежей обороны противника. Впервые концепция прорыва вражеской обороны была сформулирована, когда бронетанковыми силами командовал генерал Давид Элазар. Впоследствии его преемник генерал Таль развил доктрину: по его убеждению, прорыв следует осуществлять в дневное время силами танков при поддержке авиации, в задачи которой входит подавление артиллерии. На этот счет офицеры ЦАХАЛа придерживались разных точек зрения.

Генерал Ариэль Шарон предпочитал ночные штурмы силами пехоты при поддержке бронетехники, причем роль подавления артиллерии отводилась десантникам. (Оба метода — и Таля, и Шарона — доказали свою состоятельность.)

На КП генерал Таль обсудил со своей командирской группой положение дивизии в случае войны. И по численности, и по мощи его дивизия была самой большой, но ей противостояли наиболее крупные силы египтян, дислоцированные на самых неприступный укреплениях. В случае наступления его дивизии придется прорывать укрепления вокруг Рафахского перекрестка, оборону противника в Шейх-Зувейде, в эль-Джеради, эль-Арише и Бир-Лахфане. Джеради — узкий проход между зыбкими песчаными дюнами, тянущийся на одиннадцать километров и защищенный продуманно выстроенными линейными укреплениями. Таким образом, на пути дивизии Таля встретится мощная вражеская оборона.

Поскольку проведение наземной и воздушной разведки находилось под запретом, генерал Таль не располагал точной информацией о расположении и протяженности минных полей, рвов и укреплений противника. В силу этого он мог наметить только основные контуры своего плана: двигаться по линиям коммуникаций, которыми пользуется сам враг, по возможности избегать минных заграждений, обходить огневые позиции неприятеля с флангов, атаковать с тыла, где возможно проходя через дюны, и максимально задействовать авиацию для подавления египетской артиллерии.

Генерал готовил своих командиров к тяжелой битве. Когда неприятель ожидает нападения на заранее подготовленных рубежах обороны, традиционно считается, что для гарантии успеха требуется соотношение три или даже пять атакующих на одного защитника. В то время как дивизия Таля численно уступала противнику. Лучшее, на что он мог надеяться: с помощью искусного маневрирования сковывать войска египтян, не давая им использовать численное преимущество, вынуждая вести бой меньшими силами — в соотношении один к одному.

— Последний раз мы имели дело с египетской армией десять лет назад, — напомнил он командирам частей. — Если начнется война, первое сражение на суше станет проверкой и для нас, и для египтян. Вооруженные силы других стран могут позволить себе проиграть первую битву. Крупной армии не страшно поражение во втором и даже в третьем столкновении. Они располагают запасом стратегической глубины для отступления, возможностью извлечь уроки, провести перегруппировку и перейти в наступление. Мы — нет. Мы не можем проиграть даже

первую битву. Помните: сторона, победившая в первом сражении, получает не только физическое преимущество, она выигрывает психологически и морально. Победитель переходит в наступление, проигравший — отступает. Нам отступать некуда. Поскольку первое сражение станет проверкой, исход его будет иметь безмерное влияние на исход войны в целом и, таким образом, на будущее государства.

Основная тяжесть наступления ляжет на нашу дивизию, в состав которой входят лучшие бригады ЦАХАЛа. Таким образом становится очевидно, что если наша дивизия не сможет выполнить поставленную перед ней задачу, это будет означать, что армия как таковая неспособна обеспечить национальную безопасность в целом. Из этого следует, что если война начнется, наше первое сражение будет сражением не на жизнь, а на смерть. Мы будем продолжать наступление любой ценой. Офицеры должны объяснить каждому солдату в дивизии, что первое сражение — решающее для войны в целом. Только выиграв первую схватку, мы сможем перевести дух.

Генерал Таль оглядел командиров: танкистов, парашютистов, артиллеристов, саперов, врачей. Все сосредоточены, все серьезны. Только на бритом лице командира парашютистов, полковника Рафуля Эйтана, мелькнула улыбка[105]. В ЦАХАЛе не найдешь более опытного офицера, чем он. О нем говорили, что по всем законам, его уже должны были несколько раз убить. Он помнил много случаев, когда начальство говорило: «Любой ценой». Командная группа разошлась.

Термин «любой ценой» впервые привнес в ЦАХАЛ Моше Даян в 1954 г., когда стремительно возрасла инфильтрация террористов из арабских государств на территорию Израиля, и страну захлестывали волны грабежей и убийств, предпринимаемых с целью подрыва морального духа населения, прежде всего в приграничных поселениях. Сообщение между поселениями нарушалось из-за минирования дорог и обстрелов. Жители городов боялись выходить за их пределы, детей не пускали гулять. Общественность апеллировала к армии, но армия не могла контролировать ситуацию в приграничных и отдаленных районах. В Кнессете и прессе ширилось негодование по поводу беспомощности ЦАХАЛа, который оказывался не в состоянии положить конец террору и обезопасить мирных жителей. Армия Обороны Израиля находилась в процессе реорганизации. Перестраивалась ее структура и менялись методы ведения боевых действий: из партизанских формирований, каковыми фактически являлись войска Израиля в 1948 г., выстраивалась регулярная армия. Личный состав регулярных войск комплектовался за счет

недавних иммигрантов, которые еще не влились в жизнь страны; старшие офицеры не пользовались авторитетом у солдат и не доверяли младшим офицерам.

Тем не менее ЦАХАЛ приступил к проведению ответных карательных мероприятий, которые достигли кульминации перед Синайской компанией 1956 г. Ограниченные операции проводились лишь в отношении вооруженных формирований противника, при этом свобода действий армии находилась под серьезными ограничениями: часто запрещалось использовать артиллерию, а иногда даже ручные гранаты, чтобы избежать жертв среди мирного арабского населения. Эти ограничения лишь делали израильтян еще более уязвимыми для врага. Чтобы достойно выполнять возлагаемые на них задачи, от израильских солдат требовались огромная смелость и величайший патриотизм, но не все были готовы жертвовать собой. Раз за разом отряды ЦАХАЛа возвращались, не выполнив заданий, и тогда офицеры оправдывались: «Четверо или пятеро моих людей получили ранения».

После нацистского Холокоста евреи Израиля превыше всего ценили человеческую жизнь, ставя ее даже выше национальной безопасности. Руководству ЦАХАЛа пришлось провести интенсивную кампанию и разъяснить офицерам, что, уберегая от смерти нескольких солдат, они в конце концов поставят под угрозу выживание целого сообщества. Но объяснения на словах, пусть и являвшихся чистой правдой, не проникали в сознание офицеров и не могли изменить ситуацию. Армия провалила немало операций. Однажды генерал Даян прямо спросил офицера, не выполнившего задания: «Сколько у вас было потерь?» Названная цифра не показалось Даяну достаточной для оправдания невыполнения задания, и он уволил офицера. Тогда Даян принялся ездить из части в часть, в каждой он собирал офицеров — от командиров рот и выше. Он не читал лекций, не занимался разъяснениями, он просто зачитывал недвусмысленный приказ: «Любой офицер ЦАХАЛа, уклонившийся от выполнения задания до того, как большая часть личного состава или хотя бы его половина не выбыла из строя, будет освобожден от занимаемой должности».

Как начальник генштаба, Даян вверил вопросы обеспечения текущей безопасности части добровольцев, из которой выросли прославившиеся беспримерным боевым духом десантные войска, созданные и возглавляемые Ариэлем Шароном. Его бойцы никогда не возвращались домой, не выполнив задания до конца. Храбрость, высокая преданность долгу, верность товарищам и дерзость стали визитной карточкой этих частей. Три года

парашютисты несли на своих могучих плечах груз обеспечения безопасности Израиля, проводя стремительные карательные акции против арабских бандитов. За эти годы десантники стали объектом зависти всего ЦАХАЛа. В парашютных войсках офицеры возглавляли солдат, поднимая их в атаку кличем: «За мной!»

Генерал-майор Моше Даян и парашютисты привнесли в ЦАХАЛ еще одно важное правило: «Лучше ошибиться и сделать слишком много, чем слишком мало». В своей книге, «Дневник Синайской кампании», Даян рассказывает о нарушении командующего Южным командованием приказов генштаба. Тот ввел в действие 7-ю бронетанковую бригаду в бой на двадцать четыре часа раньше, чем планировалось. Даян не скрывал того, что шаг это разозлил его, но тем не менее в конце главы написал: «Честно говоря, несмотря на все мое недовольство по поводу нарушения дисциплины и непродуманные действия танкистов, я не могу не симпатизировать бригаде, бросившейся в огонь до приказа. Лучше сдерживать рвущегося вскачь жеребца, чем погонять ленивого мула!»[106].

Генерал-майор Даян использовал парашютно-десантные войска как инструмент для воспитания боевого духа ЦАХАЛа, и этот дух скоро проник в другие подразделения армии. Теперь, когда генерал Таль заявил, что первая битва должна быть выиграна «любой ценой», ему не к чему было «пришпоривать» своих офицеров, он лишь информировал их, что командование не будет «сдерживать рвущегося вскачь жеребца».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ВОЙНА 5 — 10 июня 1967 г

ГЛАВА 16

Двадцатидвухлетний выпускник офицерского училища лейтенант Иосси Б., помощник начальника оперативного отдела бригады «D», готовился к войне. Хотя он с детства мечтал о военной карьере и ему не в первый раз предстояло оказаться под огнем — он даже получил ранение в приграничном инциденте, — Иосси до сих пор походил на бойскаута.

Их часть очень долго находилась в состоянии повышенной боевой готовности, из-за чего у него истощились все запасы, и он, решив пополнить их, послал водителя в Беершеву. Лейтенант Иосси не сомневался, что война вот-вот начнется, и бригада будет сражаться на Синайском полуострове. Ему вовсе не хотелось надолго лишиться всех тех земных благ, которые делают армейскую жизнь терпимой, и, хотя деньги у него тоже кончились, он послал записку своему банковскому менеджеру в Беершеву с просьбой дать водителю наличных, чтобы он смог закупить все по выданному ему списку: пленки для фотоаппарата, сгущенку, пиво, сухое красное вино, анчоусы, сосиски, шоколад и карамель. «На войне, — говаривал Иосси, ухмыляясь как озорной мальчишка, — вовсе нет необходимости жить по-варварски».

Карамелька уже таяла у него во рту, когда он с помощью шофера грузил «собственный супермаркет» в джип, в котором в итоге остались свободными только два передних сиденья. Пленки лейтенант положил в рюкзак вместе с фотоаппаратом. Время от времени Иосси поглядывал на небо. Реактивные самолеты проносились над головой, улетая на юг к Египту. То, что авиация так активизировалась после длительного запрета на полеты над данной территорией, демонстрировало кардинальное изменение ситуации.

— Лейтенант, вас вызывает комбриг, — обратился к нему вестовой полковника Шмуэля.

— Никуда не отлучайся, карауль джип! — прокричал Иосси водителю. — Начинается!

Он побежал к трейлеру командира бригады. Полковник сидел на скамье, облокотившись на складывающийся столик. Иосси отдал честь.

— Иосси, соберите передовую группу управления. Ждите приказа… — Он повернулся к входу в трейлер и крикнул: — Кто-нибудь есть на телефоне?

— Я, господин полковник, — отозвалась Ципи.

— Оставайся у телефона — ни на шаг от него.

— Есть, полковник.

Строй за строем пролетали самолеты. Полковник Шмуэль не имел ни малейших сомнений, что война уже началась. С минуты на минуту он ждал звонка из штаба дивизии с сигналом об окончании радиомолчания. После этого можно будет получать и отдавать приказы по рации.

— Слушайте во все уши! — вновь крикнул он.

— Да, господин полковник, — ответила Ципи. Заместитель комбрига, подполковник Пинко, вошел в трейлер и отдал честь.

— Вызывали, полковник?

— Садитесь, Пинко, я хочу, чтобы вы собрали вторую передовую группу управления. На всякий случай. Понимаете?

— Слушаюсь.

— Вам незачем оставаться в штабе. Там будет достаточно офицера по оперативным вопросам. Соберите вторую передовую группу, Пинко. Вы ее и возглавите.

— Есть, господин полковник. — Пинко отдал честь и покинул трейлер.

Все ждали, что вот-вот станут поступать приказы. Напряжение нарастало начиная еще с 16 мая, но теперь бригаду пронизывал некий новый дух. Каждое утро водители запускали двигатели танков, но этим утром они словно бы обрели новый, более мощный голос. На стоянке штабных машин было шумно и дымно. Команды звучали отрывисто, резко и исполнялись мгновенно. Никто из солдат не прохлаждался.

Водитель полугусеничной бронемашины комбрига прогревал мотор. Техник-связист полковника Шмуэля, Руби, написал двадцать открыток. На каждой было: «У меня все хорошо. Как дела? Руби». Он опасался, что во время военных действий не сможет писать домой и приготовил открытки заранее. Рядом сидел нервный и взволнованный, еще не нюхавший пороху, радист Шамбико. Он знал, что полковник Шмуэль будет отдавать приказы с убийственной скоростью, и ему придется действовать точно и быстро, что бы ни случилось. В глубине души Шамбико молился, чтобы приказ об окончании радиомолчания поступил попозже. В этот момент полковник высунулся из трейлера и закричал:

— Всё! Включайте рации!

Офицер связи майор Исраэль немедленно приступил к приведению в действие радиокоммуникационной системы бригады — установлению связи с дивизией, батальонами и ротами. Вестовые, все время ожидавшие возле трейлера

полковника, бросились к джипам, чтобы развезти по частям бригады сообщение об окончании радиомолчания. Командиры открывали пакеты, и тут же солдаты бросались снимать камуфляжные сетки с танков и занимать места согласно боевому расписанию. Скоро головные части бригады пришли в движение. К реву моторов примешивались треск и жужжание раций. Полковник Шмуэль вскочил в бронемашину и занял свое командирское место на приподнятом сиденье, надев головные телефоны. Через один наушник он слушал дивизию, а через другой — бригаду. Сообщения шли на кодовом языке, понятном лишь немногим.

— Вызываю все станции Тираха. Это Тирах, — зазвучал в эфире голос генерала Таля. — Не двигаться до получения приказа. Отбой.

— Приготовьте к выдвижению группу управления, — распорядился Шмуэль.

— Приготовиться к выдвижению, — Иосси передал приказ в части группы управления. Они занимали место в голове колонны; танки замыкали ее. Перед первым танком арьергарда шли джипы, джип Иосси — последним. За передовым танком находились командирские бронемашины, из-за своих радиоантенн похожие на передвижную рощу.

— Я еду на бронемашине, — сказал Иосси шоферу. — Не лихачь. Веди джип осторожно.

— Вы кое-что забыли, лейтенант, — проговорил водитель, передавая Иосси рюкзак с фотоаппаратом и пленками.

— Спасибо.

Иосси еще раз взглянул на свой груз, чтобы убедиться — на заднем сиденье джипа он в безопасности, после некоторых колебаний вытащил упаковку карамелек из одной сумки и сунул в карман.

Шмуэль восседал в полугусеничной бронемашине на расположенном выше других сиденье. Перед комбригом лежала карта, на шее у него висел бинокль, на лбу поблескивали защитные очки, а уши закрывали наушники. Он ждал приказа выступать. Начиналась третья война в его жизни. Полковник вспомнил слова генерала Таля: «На войне ничего не бывает так, как запланировано, но одного вы должны придерживаться строго: главной задачи, поставленной перед вами в соответствии с этим планом. Вдолбите это в головы своим людям».

Бригаде «D» предстояло взять Хан-Юнис и Рафахский укрепрайон, выдвинуться к Шейх-Зувейду и ждать приказа захватить его. Затем приготовиться к овладению укреплениями эль-Джеради в дневное время и продвижению на юг. Для

выполнения задачи бригада должна пересечь границу напротив кибуца Нир-Оц и наступать на Хан-Юнис. Маршрут на Рафах по территории сектора Газа был спланирован таким образом, чтобы избежать зон наибольшей концентрации огня противника. Генерал Таль учел и то, что враг не станет вести мощный артиллерийский огонь по застроенным, обжитым и густонаселенным территориям, где дислоцированы части египетской и палестинской армий. При всех обстоятельствах он требовал продвигаться стремительно и по возможности скрытно, а потому запретил танкам открывать огонь до особого распоряжения, которое поступит только тогда, когда они подойдут вплотную к цели. По тем же причинам он не разрешил и дивизионной артиллерии открывать огонь до последнего момента. Генерал не собирался давать врагу ни малейшего намека на то, каковы будут дальнейшие шаги израильтян.

— Вызываю станции Тираха. Это Тирах, — прозвучал голос начальника штаба дивизии полковника Герцла. — Не открывать огня до приказа. Отбой.

По плану полковника Шмуэля, батальону D-14 предстояло возглавить прорыв, атакуя через Хан-Юнис. Батальон D-10 должен следовать по пятам за D-14, а в Хан-Юнисе повернуть на юго-запад и с дальней дистанции вступить в огневой контакт с противником на позициях Рафахского укрепрайона. Комбригу хотелось уничтожить как можно больше вражеских танков со сколько возможно большего расстояния, чтобы уже на первом этапе сражения нанести болезненный удар по моральному духу неприятеля. За D-10 пойдет мотострелковый батальон, задачей которого станет захват внешней линии обороны Рафаха.

Водитель полугусеничной бронемашины включил транзистор. Было 08.00, понедельник, 5 июня 1967 г. В новостях сообщили, что радары засекли самолеты врага, но израильские ВВС заставили их повернуть обратно. В городах на побережье прозвучали сигналы воздушной тревоги, и жители спускались в убежища. По окончании новостей заиграла легкая музыка, время от времени прерываемая рекламными объявлениями.

— Вызываю станции Тираха. Это Тирах, — прозвучал голос генерала Таля. — Не двигаться, пока я не отдам приказ. Отбой.

Южный сосед Шмуэля, командир бригады «7» полковник Рафуль также ждал приказов. Задача бригады состояла в том, чтобы при поддержке батальона Т-01, укомплектованного танками «Паттон», взять укрепления Рафахского перекрестка к югу от дороги на эль-Ариш и подавить египетскую артиллерию в неприятельском тылу. Таким образом, дивизия будет осуществлять маневр по двойному охвату Рафахского перекрестка

силами бригады «D» с запада и бригады «7» с юга. Бригада «M» останется в резерве дивизии. Парашютистам бригады «7» впервые предстояло взаимодействовать с бронетехникой в условиях боя. Взламывая оборону, танки будут открывать выдвигающимся в заданный район на полугусеничных бронемашинах десантникам направления наступления. Генерал Таль считал, что Рафахский перекресток хорошо защищен с востока и с запада, и приказал бригаде «7» и батальону Т-01 атаковать из Декеля на юге и попытаться прорваться через песчаные дюны и египетские укрепления с тыла.

— Шамир и Зебра. Это Тирах. Слышите меня? Прием, — прозвучал голос генерала Таля в наушниках раций в полугусеничных машинах полковников Шмуэля и Рафуля.

— Тирах. Это Шамир. Слышу вас. Прием.

— Тирах. Это Зебра. Слышу вас. Прием.

— Шамир и Зебра. Это Тирах. Теперь всё, пошли. И удачи вам. Отбой.

Было 08.15.

— Вызываю станции Шамира. Это Шамир. Вперед. Вперед. Отбой, — скомандовал полковник Шмуэль по линиям связи бригады.

— Вызываю станции номера два. Это номер два. Вперед! Вперед. Отбой, — скомандовал Эхуд по линиям связи батальона.

Командиры рот прокричали в микрофоны раций:

— Вперед! За мной!

Они высоко подняли свои флажки, а затем опустили их, держа параллельно земле. Облака пыли взметнулись, окутав батальон «Паттонов». Экипаж из разведроты и вслед за ним рота лейтенанта Кахалани, в которую входила и группа управления батальона D-14, быстро двинулись к границе. Остальные части батальона пересекли границу во второй колонне.

— Вперед, вперед, — подгонял своих по рации комбат Эхуд, высунувшись из командирского люка. Гражданскому транспорту на дорогах и проселках пришлось уступить путь военной технике, съехав на обочины. «Паттоны» набрали скорость.

— Шамир. Это Тирах. Слышите меня? — раздался голос генерала Таля. Офицер связи майор Исраэль переключил полковника Шмуэля на дивизионную сеть.

— Тирах. Это Шамир. Слышу вас, — отозвался Шмуэль.

— Шамир, Это Тирах. Сообщите, когда пересечете зеленую линию. Отбой.

«Зеленой линией» они называли границу. Полковник Шмуэль приказал своей группе управления догнать D-14 и двигаться вперед вместе с ним.

— Повисните на хвосте у D-14, — приказал он Иосси Б. Тот дал указание водителю, который свернул с дороги и погнал полугусеничную бронемашину, обходя танки батальона Б-10, двигавшиеся вперед одной колонной. Группа управления понеслась по полю на танках и джипах, утопая в клубах густой пыли. От выхлопных газов танковых моторов перехватывало дыхание. Только под деревьями еще удавалось вдохнуть глоток чистого воздуха.

В небе под совершающим свой обычный путь ярким солнцем мирно паслись стада барашков-облаков. Но вот в единое мгновение идиллическую картину нарушили инверсионные шлейфы, оставляемые реактивными самолетами «Фуга-Магистр», мчавшимися с ракетами под плоскостями к скоплениям египетской артиллерии в тылу узла обороны Рафах.

В 08.37, когда D-14 приближался к первым целям, командир дивизии сообщил, что приказал артиллерии дивизии открыть контрбатарейный огонь. Египетские орудия уже выпустили первые пристрелочные снаряды по приближавшимся к границе «Паттонам». Полковник Цви приказал дивизионам самоходок прикрыть огнем D-14. Заговорили мощные орудия САУ; огонь корректировал офицер передового наблюдения, двигавшийся вперед с мотострелковой ротой из состава D-14. В 08.47 огонь египетской артиллерии начал прерываться, а в 08.48 полковник Шмуэль информировал генерала Таля о том, что передовая рота проследовала «зеленую линию». Сам он пересек границу вслед за «Паттонами» Эхуда. Но здесь, рядом с белым аванпостом ООН, оставленным сотрудниками две недели назад, он остановился.

Темп движения «Паттонов» начал снижаться. Водители имели приказ следовать один за другим, чтобы не нарваться на мины, но батальон разделился на две колонны. Танки головной роты вкатились на узкие улочки двух маленьких пограничных деревень, где почти не могли маневрировать и продвигаться вперед, поскольку путь оказался блокирован. Другие роты попытались обойти деревни, но очутились на труднопроходимой пашне. Танки опасно сблизились, и египетская артиллерия принялась бить по ним из «Хан-Юниса». Группа управления полковника Шмуэля застряла в пробке.

— Шамир. Это Тирах, — прозвучал по дивизионной радиосвязи голос генерала Таля, находившегося со своей группой управления на высоком холме — Что за дым я там у вас вижу? Прием.

— Тирах. Это Шамир. Все целы. Прием, — ответил полковник Шмуэль, который находился впереди и не видел никакого дыма.

— Шамир. Это Тирах. Дым идет из вашей колонны. Прием.

— Тирах. Это Шамир. Проверяю. Отбой.

Комбриг повернулся. Действительно, метрах в двадцати сзади поднимался густой серый дым. К Шмуэлю бежали бойцы экипажа его «Центуриона». Огонь египтян усилился, снаряды стали падать ближе. Полковник не мог поверить, что врагу удалось подбить его собственный танк прямо на границе теперь, когда все еще только начиналось.

— Господин полковник, — доложил сержант, — мы хотели догнать вас и развернулись, чтобы выбраться из затора. «Центурион» наехал на джип, который был сзади. Джип загорелся…

— Что с танком? — холодно спросил полковник Шмуэль.

— Господин полковник, танк кормой наехал на джип, и двигатель заглох. Танк еще там, на джипе.

— Мигом обратно! Отгоните танк, пока он тоже не загорелся.

— Чей это джип? — озабоченно спросил Иосси Б.

— Не знаю. Иосси, беги и проследи, чтобы они погасили огонь и отогнали танк, — приказал полковник Шмуэль.

— Слушаюсь, господин полковник.

Иосси выпрыгнул из полугусеничной бронемашины и побежал назад. Обстрел усилился, и водители танков старались вывести машины из пробки, которая могла стать смертельной ловушкой, если огонь противника станет точнее. Танки батальона D-10 свернули с дороги «Паттонов» и пошли вперед южнее. Иосси пробежал между танками и оказался у горящего джипа. Танкисты из штаба бригады пытались погасить пламя огнетушителями.

— Раздавлен в лепешку, — сказал один из танкистов.

— Первая потеря, несчастный случай. Дурное предзнаменование, черт его побери, — пробурчал другой.

Водитель «Центуриона» сумел завести мотор и сдвинул танк с места. Передняя часть джипа выглядела так, как будто вышла из-под гидравлического пресса. От водителя осталось одно мокрое место. Пламя лизало заднее сиденье. Горящие покрышки распространяли резкий неприятный запах, от них поднимался едкий, перехватывавший дыхание черный дым. Брезент, покрывавший заднюю часть джипа, сгорел, и Иосси как зачарованный смотрел на разбитые бутылки и раздавленные пивные банки! Все его запасы, одежда и другие вещи погибали в огне. Лейтенант попытался подойти ближе к тому, что раньше было водительским сиденьем.

— Ему уже ничем не поможешь, друг, — сказал танкист, продолжая направлять огнетушитель на джип.

Когда Иосси вернулся к полугусеничной бронемашине, командир бригады «Центурионов» стоял рядом с ней. Обстрел

усиливался, и решивший перебраться в танк полковник Шмуэль велел Иосси следовать за ним.

— Поезжай быстро, — приказал механику-водителю полковник и доложил по дивизионному радио: — Тирах. Это Шамир. Горит один джип, в результате несчастного случая.

Но связь не работала. Рация танка не функционировала, и следующие несколько часов полковнику пришлось общаться с комдивом с помощью начальника отдела связи бригады.

В группе управления воцарилось уныние. Первая жертва на войне — всегда потрясение, напоминающее о смерти, безжалостной и всемогущей, которая, как «жучок» на скачках, получает прибыль и с победившего, и с побежденного. Иосси выплюнул карамельку, которую немедленно покрыла пыль.

Но на войне первое впечатление быстро забывается. Оно всплывает в мозгу потом, когда война уже позади. Полковник Шмуэль начал торопить Эхуда. Время, отпущенное на прорыв, стремительно утекало.

ГЛАВА 17

От границы до Хан-Юниса шесть километров, а оттуда до Рафахского перекрестка — еще шестнадцать. Путь казался недолгим и легким, однако его преграждали крупные силы неприятеля. В Хан-Юнисе и вокруг него дислоцировалось несколько батальонов Палестинской национальной гвардии, один дивизион полевых 25-фунтовых [87,6-мм] пушек, недоукомплектованный танковый батальон и противотанковая артиллерия. В Рафахе и его окрестностях размещались на позициях пять пехотных батальонов Палестинской национальной гвардии и дивизион полевой артиллерии и противотанковых орудий. Все палестинские подразделения находились под египетским командованием. Эти силы обороняли единый укрепрайон. В районе Рафахский перекресток — Шейх-Зувейд находился штаб 7-й египетской дивизии и саперные части. Там были развернуты две бригады: одна — на укреплениях перекрестка, другая — южнее него.

На Рафахском направлении противник сосредоточил пять артиллерийских дивизионов, насчитывавших в общем и целом около девяноста стволов. На позициях от Хан-Юниса до эль-Ариша египтяне сконцентрировали от ста до полутора сотен танков, включая тридцать ИС-3[107].

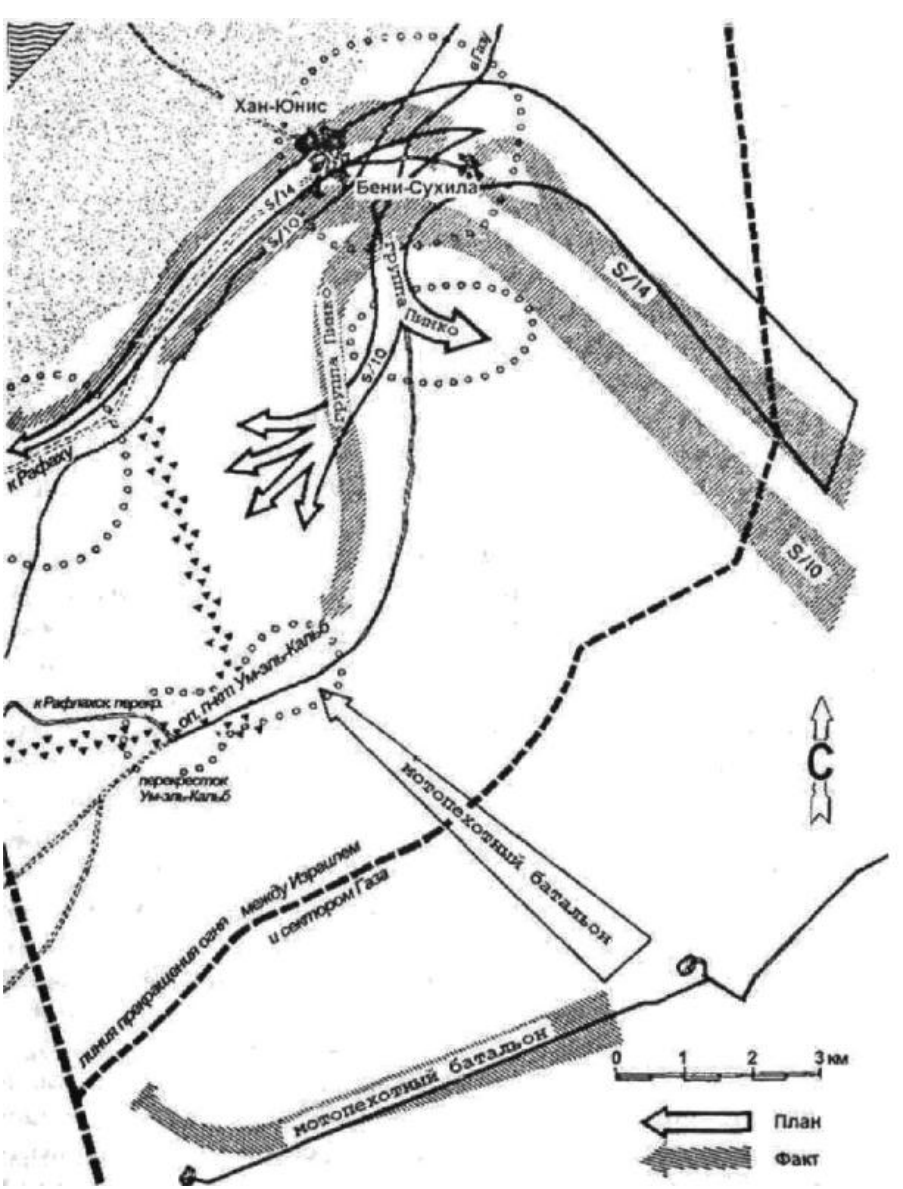
Для захвата Рафахского оборонительного комплекса бригада «D» совершила рывок к позициям Палестинской бригады в районе лагерей Рафаха, построенных еще британской армией во время

Второй мировой войны. Рубежи обороны образовывали острый угол, вершиной которого служил перекресток Ум-эль-Кальб. Одна сторона угла протянулась на северо-запад к прибрежным пескам, другая — на запад к железнодорожной станции Рафах и к морю. Овладев Рафахским укрепрайоном, бригада «D» должна была войти в боевое соприкосновение с врагом в Шейх-Зувейде и, если понадобится, приготовиться к атаке на участке, отведенном бригаде «7» и находящемуся в ее подчинении батальону «Паттонов» Т-01.

Группа роты разведки бригады в голове батальона D-14 пересекла границу первой. Два танка «Паттон» следовали справа, слева — полугусеничные бронемашины с командиром группы лейтенантом Иосси Альгамисом. Эхуд хотел, чтобы рота танков майора Бен-Циона Кармели первой заняла позиции на высотах Бени-Сухила, городка к востоку от дороги Газа — Хан-Юнис (в действительности являвшегося восточным пригородом Хан-Юниса), чтобы оттуда прикрывать другие роты, наступающие на Хан-Юнис. В соответствии с планом предполагалось, что они выйдут к Хан-Юнису с северо-востока и таким образом обойдут минные поля. Прорыв на Хан-Юнис осуществлялся только с целью выполнения обходного маневра.

Когда батальон D-14 пересек границу, египетская артиллерия встретила его заградительным огнем, что не остановило «Паттоны». Подступы к неприятельским позициям надежно охраняли противотанковые пушки и пехота с противотанковым оружием. Там же, где их не было, прикрытием служили естественные и искусственные препятствия. Противотанковые рвы преграждали наступающим путь то справа, то слева, заставляя водителей сбавлять скорость и маневрировать зигзагами. Тяжелой технике, прежде всего танкам, приходилось двигаться то вперед, то назад, что превращало ее в легкую мишень. Повсюду встречались бетонные доты, ДОСы и дзоты, из амбразур которых в израильтян стреляли из пулеметов и базук. Эти оборонительные рубежи тянулись через поля и огороды городских предместий, через пустыри и не застроенные участки в населенных пунктах и вдоль железной дороги. Египетские танки укрывались за деревьями у дорог и в кактусовых зарослях. Упорно продвигавшиеся вперед «Паттоны», стараясь избегать сильно защищенных направлений, выискивали обходные пути, но там сталкивались с еще большими сложностями. Тропы заводили их в узкие улочки и переулки деревень и городов: Бени-Сухила, Хан-Юнис, а затем и Рафах. Когда проехать по улицам не удавалось, «Паттоны» шли по обработанным полям, но и здесь все оказывалось непросто из-за каменных оград и поросших

кактусами крутых земляных валов, предохранявших почву от эрозии и пагубного действия ветра. Иногда эти препятствия создавали даже большие трудности, чем специально возведенные заграждения и противодействие египетской армии.



Прорыв бригады в Хан-Юнисе (10.00, 5 июня)

Экипажи головных машин замечали крестьян, еще работавших на полях и в садах; народ собирался на улицах и площадях. Но как только начинали рваться снаряды, строчить пулеметы на передовых укреплениях и появлялись толпы

палестинских солдат, объятых ужасом при виде танков, поля и улицы пустели — все вдруг исчезали. Израильтяне получили строгий приказ не стрелять в мирных жителей, но крестьяне об этом не знали. Из века в век тут резались между собою местные племена, сходились в битвах чужеземные армии. Из поколения в поколение жители сектора Газа привыкали прятаться с приближением военной грозы: женщины, старики, мужчины и дети испарялись — словно сквозь землю проваливались.

Танки прогрохотали гусеницами по городу, превратившемуся вдруг в город призраков. Движение по густонаселенным и прежде шумным, а теперь тихим и пустынным районам походило на путешествие по джунглям, когда не видно ни одного зверя, но все отлично знают, что они внимательно следят за путешественниками, притаившись в зарослях или на верхушках деревьев. Тысячи пар испуганных глаз наблюдали из укрытий, как танки проносятся по их несчастным деревням. В одном миндальном саду старик с лицом, расчерченным глубокими морщинами, и с копной седых волос вдруг вырос словно из-под земли. На нем были черные штаны, схваченные пояском на талии, и рубаха в белую полоску без рукавов и воротника. Подняв и вытянув руки со скрюченными пальцами, он, отступая, жестами молил танкистов, чтобы они пощадили его миндальные деревья и избрали другую дорогу. Водители-танкисты, многие из которых выросли в сельскохозяйственных поселениях и кибуцах, были так потрясены видом уже раздавленных миндальных деревьев и горем старика, что сделали все, от них зависящее, чтобы, объехать уцелевшие.

Две колонны батальона должны были встретиться у железнодорожной станции Хан-Юниса, но чем ближе подходили они к Бени-Сухиле, тем более упорное сопротивление им оказывали египтяне и тем сложнее становилось продолжать наступление. Танки Иосси Альгамиса, входившие в разведгруппу бригады и все время находившиеся на правом фланге, потеряли своих в предместьях Бени-Сухилы, и лейтенанту пришлось продвигаться дальше без прикрытия. Найдя брешь в обороне, он ринулся в нее, но не с севера, согласно плану, а прямо по направлению восток— запад. При вступлении в Бени-Сухилу наступающие наткнулись на сильный ружейный и пулеметный огонь, сопровождавшийся поначалу огнем противотанковых орудий. Противник подбил полугусеничную бронемашину артиллерийского офицера связи, вспыхнувшую ярким пламенем. Лейтенант Иосси Альгамис немедленно определил позицию противотанкового орудия. Он поспешил туда, стоя в кузове своей бронемашины за 12,7-мм пулеметом браунинга. Слева от

лейтенанта находился санитар, вооруженный 7,62-мм пулеметом браунинга, из которого он только что подавил огонь вражеской позиции в апельсиновой роще. Но путь Альгамису преградил противотанковый ров, вырытый поперек дороги. Иосси велел водителю объехать его, но левое колесо полугусеничной бронемашины угодило в ров и, бешено вращаясь, начало еще глубже увязать в грунте. Впереди, на вершине водонапорной башни размещалось пулеметное гнездо, откуда противник немедленно открыл по машине плотный огонь. Иосси дал ответную очередь, и тут слева от него возник палестинский солдат с базукой. Иосси просигналил санитару, чтобы тот занялся палестинцем, но очереди из вражеского пулемета с башни, повредившие обе антенны, перебили ленту 7,62-мм браунинга санитара. Иосси Альгамис развернул свой пулемет в направлении палестинца с базукой, но в этот момент в голову лейтенанту попала пуля, и он упал в кузов бронемашины. Санитар поспешил к нему на помощь. Тем временем Ицхак Козлов быстро привел в порядок пулемет и пристрелил палестинца. Сержант-связист Шмуэль Бейлис схватил 12,7-мм пулемет Иосси и, посылая очередь за очередью, уничтожил огневую точку на водонапорной башне. Затем он отдал приказ отходить. Сумев наконец вытащить левое колесо бронемашины, разведгруппа вернулась на тыловую позицию, чтобы дождаться прибытия заместителя Иосси Альгамиса, командовавшего взводом джипов, который двигался сзади. Лейтенанта срочно доставили на перевязочный пункт батальона, но Аль-гамис умер на руках врача.

Водители не знали, куда ехать дальше, — и танки из разных рот без толку грохотали по улицам и переулкам. Недалеко от места, где вражеский пулеметчик ранил Иосси Альгамиса, танковой колонне под командованием майора Бен-Циона Кармели пришлось приостановить продвижение. Путь им преграждали противотанковые рвы, где засели солдаты противника. При попытке обойти их с фланга две машины напоролись на мины. Вынужденные остановиться, «Паттоны» представляли собой прекрасные мишени для бивших из засады противотанковых орудий. Один танк уже подбили. Стремясь обойти минные поля и противотанковые орудия, они попадали в тупики или слишком узкие и извилистые для танков улицы. Связь между ротами и штабом бригады, а также между самими ротами прерывалась, поскольку здания экранировали радиоволны.

Из танка, где находился майор Кармели, радировали по роте, что он ранен. Ехавший в конце колонны заместитель комроты не получил сообщения, но его принял командир отделения, лейтенант Берко. Выбравшись из своего танка, он под огнем

подбежал к танку майора, вскарабкался на башню и принялся перевязывать раненного в область глаза, заливавшегося кровью Кармели. Затем Берко вынес майора на руках к полугусеничной командирской бронемашине. Положив его на пол кузова, лейтенант приказал водителю доставить комроты на железнодорожную станцию в Хан-Юнисе, на место сбора батальона.

Бронемашина двинулась в путь. Она без помех вышла на шоссе и проехала какое-то расстояние, когда вдруг с замаскированной позиции справа от дороги по ним открыли пулеметный огонь. Полугусеничная бронемашина остановилась. Водитель собирался сдать назад, но получил пулю в шею. Двигатель заглох. Санитар и стрелок сняли мертвого водителя с сиденья и уложили на пол рядом с майором Кармели. Командир бронемашины вскочил на водительское сиденье и попытался завести мотор, но безуспешно. Командир приказал бросить дымовые шашки, и под прикрытием дыма четверо израильтян, перебежав через дорогу, залегли за земляной насыпью, готовые встретить противника из автоматов Узи, если тот попытается подойти к бронемашине. Они пролежали минут двадцать, пока не увидели приближавшиеся к ним три «Центуриона» и полугусеничную бронемашину. Заметив танки, неприятель в спешке бежал. В бронемашине ехал заместитель комбрига подполковник Пинко. Он подобрал всех четверых и поспешил дальше, будучи уверен, что в полугусеничной бронемашине никого нет. Майора Кармели оставили лежать без помощи, рядом с погибшим солдатом. Языки пламени лизали нос бронемашины. Экипажи танков, следовавших за бронемашиной заместителя комбрига, также решили, что горящая машина пуста.

Продвижение через Бени-Сухилу давалось нелегко. Еще больше мин, противотанковых рвов, противотанковых орудий; интенсивный артобстрел, непрекращающийся град пуль. Но труднее всего оказалось входить в Хан-Юнис через его узкие и извилистые улочки и переулки.

— Номер второй. Это Шамир. Чего вы дожидаетесь? — радировал полковник Шмуэль.

— Шамир. Это номер два. Негде повернуться, — отозвался Эхуд.

— Номер второй. Это Шамир. Я за вами. Вперед. Раздосадованный задержкой, полковник Шмуэль хотел следить

за развитием боя с близкого расстояния. Сам по себе Хан-Юнис не являлся целью атакующих, но он находился на пути к оборонительным укреплениям Рафахского перекрестка. Комбриг приказал водителю своего танка догнать D-14. «Центурионы» и

полугусеничные бронемашины группы управления бригады устремились вперед настолько быстро, насколько позволяли условия трудной местности. Проделав на танке около трех километров и затратив на это целый час, полковник вернулся в бронемашину. Ему требовалась надежная связь.

— Номер второй. Это Шамир. Я рядом. Что вас задерживает?

— Шамир. Это номер второй. Враг оказывает жесткое противодействие. Я веду бой. Выхожу на передний край.

— Номер второй. Это Шамир. Добро. Отбой.

Полковник Шмуэль уже понял, что командование недооценило силы врага в Хан-Юнисе. Здесь дислоцировалась целая бригада, а не батальон, как считали в дивизии. Комбриг решил подкорректировать первоначальный план в ходе сражения. Вместо того, чтобы обходить Хан-Юнис с юга, с целью начать обстрел укреплений Рафаха с дальней дистанции, батальон «Центурионов» D-10 тоже ударит на Хан-Юнис. Полковник Шмуэль приказал готовиться к немедленной атаке.

— Номера первый и второй. Это Шамир. Смена задачи. Прием.

— Шамир. Это номер первый. Понял вас. Прием.

— Шамир. Это номер второй. Понял вас. Прием.

— Номера первый и второй. Это Шамир. Номер первый атакует слева вместе с номером вторым. Граница батальона — городская площадь. Подтвердите. Прием.

— Это номер первый. Понял вас. Прием.

— Это номер второй. Понял вас. Прием.

— Это Шамир. Удачи. Конец связи.

Несмотря на совет командующего Южным командованием задействовать бронетанковую бригаду «М» резерва дивизии в наступлении на Хан-Юнис, генерал Таль решил, что в этом нет необходимости, и совету не последовал.

— Шамир. Это Тирах. Как слышите? Прием.

— Тирах. Это Шамир. Слышу вас хорошо. Прием.

— Вы где?

— Уже в бронемашине.

— Очень важно сделать все быстрее. Надо сломить Хан-Юнис. Введите в бой в Хан-Юнисе ваш номер первый, — распорядился генерал Таль.

— Уже сделано. Номер первый уже действует. Меня обстреливает артиллерия с позиций за Рафахом.

— Вы получите поддержку контрбатарейным огнем. Через десять минут «Фуги» снова отработают по египетской артиллерии. Не забывайте, операцию в Хан-Юнис необходимо завершить быстро — это для нас чрезвычайно важно. Отбой.

Эхуд решил обойти Бени-Сухилу с севера, чтобы выйти к железнодорожной ветке Газа — Хан-Юнис и быстро выдвинуться вдоль нее к Хан-Юнису. Он поехал на своем танке с тремя «Паттонами» группы управления батальона на север, его командиры сигналили флажками остальным следовать за ними. За зарослями кактусов и каменными оградами Эхуд начал разворачивать батальон и повел его к главной дороге. Присоединившиеся к нему танки принадлежали к разным ротам. За ним спешило большинство машин из роты Кахалани, другие, в особенности большая часть роты майора Кар-мели, заместитель которого принял командование, не видели комбата и не слышали его приказов. Однако командиры танков не забыли постоянных инструктажей, на которых говорилось о прорыве через Бени-Сухилу в Хан-Юнис, они также помнили, что сборный пункт батальона — железная дорога, а оттуда надо поворачивать налево.

Колонна комбата привлекала внимание противника, который обстреливал ее из винтовок и пулеметов. Командирская бронемашина Эхуда была подбита артиллерийским снарядом, сидевшие в ней получили ранения.

— Вперед. Не останавливаться. Отбой! — прозвучал голос Эхуда по батальонной радиосети. Высунувшись из командирского люка, он мчался по главной дороге в Хан-Юнис, и красный нос комбата становился еще более красным от ветра. Вид устремившихся вперед танков группы управления и самого Эхуда, едущего во главе колонны, вызывал у солдат прилив воодушевления, заставив их с новой силой рваться к цели.

Тем временем танки, направившиеся в Хан-Юнис через Бени-Сухилу, преодолели все препятствия, и две колонны встретились у железнодорожной станции Хан-Юниса. В город они ворвались на большой скорости. Одновременно «Центурионы» из D-10 начали продвигаться через восточный сектор Хан-Юниса, чтобы в соответствии с приказом достигнуть сборного пункта на городской площади. Завидев множество танков из состава двух батальонов, противник бежал, бросив окопы и укрепленные позиции. Когда «Пат-тоны» D-14 мчались по городу, на улицах их встречали люди с белыми флагами. Полковник Шмуэль приказал Эхуду немедленно наступать на две оборонительные позиции, которые ему предстояло атаковать по плану. Одна — между Хан-Юнисом и Рафахом, и другая — северо-западнее Рафахских лагерей. Эхуд двинул батальон по двум направлениям. Возглавляемая им колонна быстро продвигалась по дороге, которая вела из Хан-Юниса к Рафаху и входила на главную улицу города. Вторая колонна шла параллельно дороге Хан-Юнис —

Рафах и приближалась к цели медленнее первой, поскольку ей пришлось преодолевать противотанковые заграждения, минные поля и огонь средств ПТО противника. Четыре танка подорвались на минах.

Не встречая серьезного противодействия, если не считать огня из стрелкового оружия, колонна Эхуда вошла в Рафах. Для подавления очагов вражеского сопротивления майор оставил в городе мотострелковую роту, а сам тем временем предпринял атаку на оборонительные рубежи северо-западнее лагерей Рафаха, на краю песчаных дюн. Комроты мотопехоты позднее вспоминал, что в одном из кварталов города наткнулся на египетских солдат, сидевших в кафе и игравших в шашки. Невероятно, но до тех пор, пока по ним не шарахнули очередью, они так и не поняли, что стрельба вокруг — это не маневры, а война. Только после этого они вскочили и разбежались. Эхуд приказал не стрелять в сдающихся солдат, но в той ситуации заниматься военнопленными не представлялось возможным, и их отпускали на все четыре стороны, несмотря на опасность того, что после ухода танков они могли вернуться и перегруппироваться.

Полковник Шмуэль оставил D-14 перед Рафахом. Он поехал прямо к лагерям Рафаха и остановил свою группу управления около водонапорной башни на главной дороге Рафахского перекрестка.

Часть батальона Б-10, присоединившаяся к атаке на Хан-Юнис, теперь направлялась к расположенным южнее в городе укрепленным позициям, где ей пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением. Батальону, возглавляемому комбатом, пришлось следовать улицей, единственный выход из которой противник блокировал, установив противотанковые орудия и ежи, заминировав подступы и врыв в землю бетонные надолбы. Улица простреливались продольным огнем из пулеметов, базук и пушек. Это сражение в Хан-Юнисе продолжалось даже после того, как «Паттоны» покинули город. Улицы Хан-Юниса обезлюдели. Окна закрыли голубые, зеленые и розовые жалюзи, витрины магазинов — железные ставни. Когда «Центурионы» в конце концов проложили себе путь к площади, город уже опустел, но у одного из домов стояла женщина с ребенком на руках и кормила его грудью. Дверь ее дома оставалась широко открытой. Таким путем она хотела показать, что ее дом — мирный и из его окон стрелять не будут. Танкисты, поливавшие очередями засевших в других зданиях снайперов, не тронули дома, у порога которого стояла мать с ребенком.

Когда израильтяне достигли площади, повсюду из окон уже

свисали белые флаги. Площадь была пустынна, только какой-то старик с красной нарукавной повязкой бродил по ней. Он с воодушевлением хлопал в ладоши, а из его широко открытого рта, в котором виднелись два больших пожелтевших зуба, текла слюна.

ГЛАВА 18

Заместитель комбрига Пинко нервничал. Полковник Шмуэль велел ему собрать резерв из двух рот батальона D-10 и ждать с ними приказа на дороге между Хан-Юнисом и Рафахом. Другими словами, получалось так: пока D-14 и часть D-10 будут драться с противником, Пинко придется стоять и ждать команды. Ему это крайне не нравилось, и чтобы потянуть время, подполковник помогал в устранении заторов, которые то и дело образовывались на пути продвигавшейся на вражескую территорию бригады. Потом задержался у попавших под обстрел снабженческих колонн. Пинко все надеялся, что ему удастся вступить в сражение. В конце концов он собрал две роты, подобрав по пути экипаж командирской бронемашины майора Кармели, и принялся осматриваться в поисках обходного пути, чтобы вывести группу в заданную точку. Не придумав ничего лучше, подполковник приказал водителю своей полугусеничной бронемашины протаранить сложенную из глиняных кирпичей стену и ехать вперед по дороге, которая, как считал Пинко, приведет его к цели параллельным маршрутом. При нем не было карт, которые остались в своем стейшн-вэгене[108]. Очень скоро путь подполковнику преградила еще одна стена из глиняных кирпичей. И опять Пинко приказал водителю идти на таран, но эта преграда оказалась прочнее предыдущей, и бронемашина застряла. Пинко радировал комроты Аарону, приказав ему вытащить бронемашину, что капитан и сделал с помощью танка и троса.

— Просто кошмар какой-то! — посетовал Пинко. Вокруг свистели пули, но реплика замкомбрига относилась совсем к другому. Подполковник повернул налево и приказал водителю: — Вперед полным ходом! Им преградила дорогу стена из бетонных блоков. — На нее! — приказал он. Полугусеничная бронемашина преодолела преграду и продолжила двигаться, сопровождаемая танками. Они попали на улочку, оказавшуюся еще уже — с обеих сторон ее стояли двухэтажные дома из глиняного кирпича. — На дом! — заорал Пинко. Дом задрожал и рухнул на полугусеничную бронемашину, которая теперь застряла так, что не могла двинуться ни вперед, ни назад. — Пустяки, — бросил Пинко, с

ног до головы покрытый пылью и мусором. — Танки-то на что? — он просигналил одному из танков, чтобы механик подъехал и вытащил бронемашину из-под руин дома. — А теперь вперед! Жми на всю катушку!

Так они доехали до места, где Пинко предстояло ждать приказа. Там он сел у рации и стал хмуро слушать эфир, надеясь, что распоряжение комбрига не заставит себя ждать. Он слышал, как полковник Шмуэль приказал подполковнику Габриэлю присоединиться к Эху-ду в атаке на Хан-Юнис, а не обходить город с юга, в соответствии с первоначальным планом, и понял, что там идет тяжелый бой. Рация замолчала. Постройки, среди которых в данный момент двигался танк полковника Шмуэля, препятствовали распространению радиоволн. Пинко радировал офицеру по оперативным вопросам тылового штаба бригады, который сообщил ему, что в целях предотвращения контратаки египетских танков на Керем-Шалом генерал Таль вывел батальон мотопехоты из состава бригады и, поместив его под командование дивизии, отправил к Керем-Шалому.

Пинко не надо было подсказок, чтобы понять — ему предоставлялась подходящая возможность вступить в войну. Со своими двумя ротами танков он выполнит задачу, первоначально ставившуюся перед подполковником Габриэлем и частью батальона Б-10: с дистанции обстреляет противника на укрепленных позициях армейского лагеря Рафаха и пробьет брешь во вражеской обороне для батальона мотопехоты, приблизившись к лагерю по шоссе в обход минных полей. Пинко проинформировал офицера по оперативным вопросам, что, не дожидаясь приказа комбрига, вводит резерв в сражение, с целью выполнения задачи, стоявший перед D-10 в соответствии с первоначальным планом. Офицер по оперативным вопросам передал сообщение Пинко полковнику Шмуэлю, а Пинко приказал своим восемнадцати «Центурионам» нацелить пушки на противника и, стреляя на ходу, выдвигаться по главной дороге к рубежам обороны на острие «V» [острого угла], к перекрестку Ум-эль-Кальб. Приблизившись, «Центурионы» открыли по позициям пехоты огонь из пулеметов. Пинко рассредоточил «Центурионы», приказав командирам найти укрытия среди деревьев вдоль дороги и оттуда обстреливать противника.

Сопротивление врага оказалось слабее, чем он ожидал, и заместитель комбрига опять остался без дела. Кроме того, после завершения боя он точно не знал, где находится. К счастью для него, возобновился радиоконтакт с комбригом. Пинко доложил ему о том, что очистил оборонительные позиции Ум-эль-Кальба и запросил разведгруппу, которая вывела бы его к новому объекту.

Однако у Пинко не хватило терпения дождаться разведгруппу, и он проехал к переезду, который нашел закрытым; кроме того, за шлагбаумом виднелись надолбы и другие противотанковые заграждения. «Центурионы» быстро разнесли их из пушек и поехали дальше. Двигаясь параллельно железнодорожному пути, танки Пинко прибыли на станцию Рафах и подавили там всякое сопротивление.

— Шамир. Это заместитель Шамира. Я взял железнодорожную станцию. Что делать дальше? Прием, — доложил Пинко полковнику Шмуэлю. Услышав это, полковник со своей группой управления распрощался с батальоном D-14 и поспешил к водонапорной башне около дороги Рафахского перекрестка.

Общая картина наступления бригады теперь выглядела так: D-14 двигался от Хан-Юнис двумя колоннами. Первая, под командованием заместителя комбата майора Хаима, приблизилась к зоне обороны батальона, находившейся около железнодорожного полотна и прикрывавшей город Рафах и армейские лагеря, расположенные к западу от него. Вторая, под командованием Эхуда, наступала на зону обороны батальона, прикрывавшую Рафах и лагерь с юго-запада. Батальон D-10 под командованием подполковника Габриэля завершил выполнение задания в Хан-Юнис и двигался к Рафаху. Подполковник Пинко с резервом бригады овладел вражескими позициями в Ум-эль-Кальбе и достиг железнодорожной станции.

Полковник Шмуэль видел, что продвижение бригады выравнивается, что она завершила основную миссию в районе Рафаха, взяв армейский лагерь. Сам лагерь не являлся целью, но он прикрывал важные для израильтян позиции противника. Неприятель в лагере вел огонь только из стрелкового оружия, и Шмуэль не стал задерживаться, оставив окончательное подавление сопротивления врага на тех, кому предстоит проводить операцию по зачистке, — частям, которые следуют за бригадой «D». Он решил, что пора развивать успех и приниматься за следующую задачу — продвигаться к Шейх-Зувейду. По рации комбриг вызвал командира разведроты:

— Где вы находитесь?

— Шамир. Я номер пятый. Я за вами. Прием.

— Номер пятый. Это Шамир. Ко мне для доклада.

Капитан Орши, высокий, с взъерошенными черными волосами, выскочил из командирской полугусеничной бронемашины и побежал к полковнику Шмуэлю, от которого получил два приказа. Один — разведгруппа под его командованием должна двинуться вдоль дороги и выяснить,

какими силами противник обороняет перекресток. Если неприятель оставил его, как предполагал полковник Шмуэль, группа пойдет дальше к Шейх-Зувейду, расположенному на расстоянии тринадцати километров от перекрестка. Также Орши было приказано послать разведгруппу к подполковнику Пинко, чтобы вывести его к укреплениям перекрестка.

Разведгруппа — два «Паттона», три полугусеничные бронемашины и четыре джипа — отправилась в путь. Не доезжая сотни метров до перекрестка, она неожиданно наткнулась на сильный огонь противника. Капитан Орши отметил, как мастерски укреплены и замаскированы позиции неприятеля — он бы даже не заметил их, если бы враг не обнаружил себя, открыв огонь. Орши немедленно доложил обо всем полковнику Шмуэлю. Затем связь прервалась, поскольку капитану Орши пришлось вступить в бой, чтобы спасти от гибели свою роту. Первый же залп вражеских орудий нанес урон израильтянам. Противотанковый снаряд угодил в гусеницу бронемашины саперов. Комвзвода джипов второй лейтенант Иаков Яркони, следовавший за полугусеничной бронемашиной, приказал водителю подъехать к ней поближе и, окликнув командира саперов лейтенанта Шлёмо Кенисбуха, предложил помощь.

— Ничего. Мы справимся. Поезжайте дальше, — ответил лейтенант Кенисбух. Неприятель поливал дорогу пулеметными очередями, и Яркони ранило в руку, пока он садился в джип. Джипы объехали поврежденную бронемашину и двинулись дальше за остальной частью группы к перекрестку. Огонь бившей по израильтянам египетской артиллерии становился все точнее.

Тут капитан Орши увидел два словно бы вынырнувших из-под земли вражеских танка. Цвика, командир первого «Паттона», уничтожил оба двумя выстрелами с дистанции двести метров. Орудийный и пулеметный огонь усилился, но Орши не мог точно определить, откуда стреляли, — огневая точка скрывалась за земляным валом. Капитан понял, что попал в ловушку. Отойти он не мог, а, свернув на дорогу, по обеим сторонам которой пролегали минные поля, он превращался в фатально легкую цель. Единственным способом уйти отсюда живым, было атаковать и уничтожить засевшего в засаде противника. Орши находился в первой полугусеничной бронемашине, двигавшейся сразу за двумя «Паттонами».

— Право руля! На врага! Танки первыми! — скомандовал капитан. «Паттоны» свернули направо, за ними, паля из всех пулеметов, следовали полугусеничные бронемашины и джипы. В семидесяти метрах от шоссе один ряд колючей проволоки служил границей минного поля. Сначала Орши хотел остановиться, но в

мгновение осознал, это — смерть, противник перебьет их, как цыплят. Он находился в низине, в центре минного поля, тогда как окопавшийся и превосходивший разведчиков численно враг — на возвышенности. Минное поле тянулось до самых траншей, чтобы ночью мины не сняли. Добраться до окопов противника можно было, только преодолев все минное поле.

— Вперед, на врага! Через минное поле! — скомандовал капитан по рации. Разведгруппа ринулась на поле. Первым налетел на мину джип Габи. Его подбросило в воздух и перевернуло, четверо сидевших в нем солдат были тяжело ранены. Осталось три джипа. Сержант Фенихель выскочил из джипа и побежал к перевернувшейся машине. Только проследив за тем, чтобы раненых вывезли с минного поля на дорогу в транспортере для подвоза боеприпасов, он вернулся в свой джип. При этом самого его ранили в ногу. Яростно ругаясь, он наотрез отказался присоединиться к раненым товарищам и продолжал сражаться. Затем на мине подорвался «Паттон». Его экипаж продолжал вести огонь из пушки и пулеметов.

Второй лейтенант Яркони, уже раненный в руку, все еще строчил из установленного на джипе 7,62-мм браунинга. Когда до вражеских окопов оставалось всего двадцать метров, пулемет заклинило. Яркони выскочил из джипа и побежал к траншее. Прыгнув в нее, он начал косить врагов из автомата. Яркони перебил всех, кто попался ему под руку, однако, когда он выбирался из окопа, раненый египтянин выстрелил второму лейтенанту в спину, и тот упал. Разведчик лейтенант Амос тоже выскочил из своей полугусеничной бронемашины, которая уже подавила сопротивление неприятеля на ее участке вражеской траншеи, и побежал к раненому второму лейтенанту. Амос кричал водителю Яркони, Муки, чтобы тот подъехал к краю окопа. Вдвоем они подняли раненого и устроили его на заднем сиденье джипа. Муки повел машину задним ходом, стараясь двигаться точно по своей колее, чтобы не наскочить на мину.

Два оставшихся джипа, две полугусеничные бронемашины и «Паттон» завершили атаку. Следуя примеру Яркони, солдаты выпрыгивали из машин и врывались в траншеи под прикрытием огня, который вели их товарищи из бортовых пулеметов. Еще продолжалась яростная битва, когда Муки удалось добраться до середины минного поля, но тут рядом ударил снаряд. Взрывной волной Ярко-ни выбросило на капот джипа. Муки остановил машину и переложил офицера на заднее сиденье, с облегчением заметив, что раненый еще дышит; сердце его продолжало биться.

— Воды, — прошептал Яркони.

В джипе воды не было. Муки огляделся и заметил, что метрах

в сорока на земле валяется черная четырехгалоновая [19 л.] канистра с водой, которую, видимо, выбросило из перевернувшегося джипа Габи. Муки вылез из джипа и пополз к искореженному сосуду. Пули свистели над головой водителя. Когда ему оставалось только руку протянуть к вожделенной цели, пулеметная очередь прошила канистру, и струя воды брызнула Муки в лицо. В злобе он вскочил и побежал к джипу с пустыми руками.

— Скоро будет вода, — пообещал он командиру. Продолжая сдавать задним ходом, Муки выехал на дорогу.

Там принял на борт еще одного раненого бойца из экипажа подорвавшегося на мине танка и поехал к Рафаху, но скоро вновь вынужден был остановиться. На дорогу вышел Шлёмо Кац; он ехал в бронемашине саперов, которую подбили, и сильно обгорел. Кац заковылял к джипу Яркони, но упал. Муки поднял его, уложил на рацию и покатил дальше, чтобы вскоре вновь остановиться. На обочине лежал еще один раненый с ожогами. Муки положил в джип и его. Он ехал, ведя джип левой рукой — правой ему приходилось придерживать раненых, чтобы они не выпали из машины. Наконец ему удалось добраться до батальонного перевязочного пункта, но второй лейтенант Яркони к тому моменту уже умер.

Уцелевшие египтяне разбегались из окопов. Зачистка позиций в общем и целом завершилась, и капитан Орши решил вывести потрепанную часть на дорогу. Однако на обратном пути на мине подорвалась его собственная полугусеничная бронемашина. Сидевшие в ней разведчики пересели в последнюю уцелевшую бронемашину, раненых разместили на следовавший позади транспортер для подвоза боеприпасов. Сержанта Хаима Фенихеля уговорили сесть в транспортер, но движение по минному полю становилось все более опасным, и Фенихель выбрался из машины. Волоча раненую ногу, он осторожно прощупывал землю перед собой шомполом от автомата, проверяя, нет ли в ней мин. Так он прополз более сотни метров, пока транспортер не выехал на шоссе. Затем Фенихель взобрался в кузов и лег рядом с другими ранеными. Транспортер мчался в батальонную медсанчасть, когда в него попала мина, убившая сержанта Хаима Фенихеля.

Теперь египтяне начали обстреливать оборонительные рубежи, прежде находившиеся в их руках. Капитану Орши следовало поспешить с эвакуацией. Но идти через минное поле приходилось медленно, и он направил уцелевший «Паттон» прокладывать путь колонне. Танк громадой шел впереди, оставляя широкий гусеничный след, по которому тянулся другой

транспорт, пока у самого шоссе «Паттон» не подорвался сразу на двух минах. Наконец разведгруппа добралась до дороги и могла перегруппироваться. Орши остался с полугусеничной бронемашиной, двумя джипами и половиной личного состава.

Когда бой, который вела разведгруппа за оборонительные позиции у перекрестка, находился в самом разгаре, Пинко с двумя его ротами «Центурионов» и разведгруппой прибыл в расположение группы управления комбрига около водонапорной башни примерно в четырех километрах от места сражения. Шмуэль услышал шум боя и сделал вывод, что группа попала в трудное положение. Он приказал Пинко съехать на ведущий в пустыню проселок, ответвляющийся от дороги в том месте, где она резко поворачивает к перекрестку, и атаковать по этому направлению.

В голове колонны шла рота Аарона. Она повернула налево и двинулась вперед, следуя теперь параллельно дороге к перекрестку, но «Центурионы» Аарона не прошли и пятидесяти метров, когда вся пустыня, только что мирно дремавшая, взорвалась массированным огнем. Первые три машины прошли сквозь огненную завесу невидимыми, но четвертый «Центурион» лейтенанта Давида Пельца был подбит снарядом Т-34 и загорелся. Пельц выпрыгнул из башни и покатился по песку, стараясь погасить пламя, охватившее его одежду. Несмотря на боль от ожогов, он немедленно кинулся назад к горевшему танку, который мог в любую секунду взорваться, чтобы узнать, что с экипажем, и можно ли кого-либо спасти. Радист погиб, водитель и стрелок были тяжело ранены. В объятом огнем и дымом танке лейтенант Пельц сражался с раскаленной сталью, чтобы вытащить раненого стрелка. Ценой неимоверных усилий ему удалось это сделать. Не обращая внимания на пулеметные очереди, командир оттащил стрелка на безопасное расстояние и вернулся к горящему танку за водителем. За ранеными подъехала полугусеничная бронемашина, но едва их разместили, в нее попал снаряд, и лейтенант Пельц погиб.

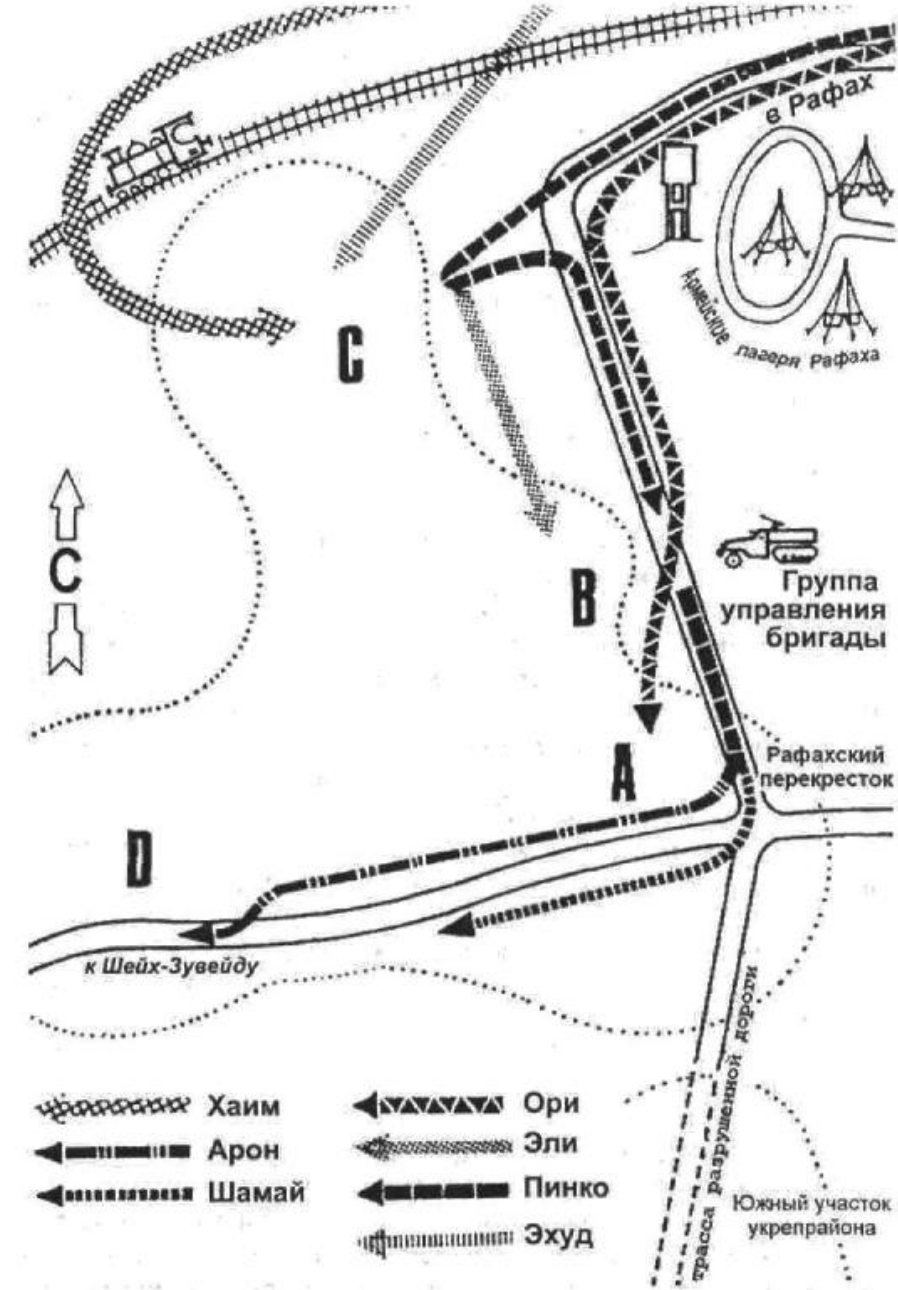
Пинко не мог останавливаться, чтобы подбирать раненых. Он должен был атаковать всеми силами. Но когда еще только часть его колонны прорвалась через вражеский рубеж, Пинко вызвал комбриг. Под плотным артобстрелом подполковник поехал в своей бронемашине обратно мимо стрелявших по врагу «Центурионов». Броня их несла на себе множество отметин: выщерблены покрывали башни, а на корпусах некоторых виднелись следы прямых попаданий бронебойных снарядов. Многие командиры были легко ранены разлетавшимися повсюду осколками.

Группа управления полковника Шмуэля переместилась ближе к перекрестку. В безопасном месте, под прикрытием песчаных холмов, в полутора километрах от перекрестка, комбриг составлял план. Полковник уже убедился в том, что перекресток обороняют крупные, хорошо укрепившиеся и замаскированные силы египтян. Вокруг повсюду лежал мягкий зыбкий песок с порослями кустарника, кактусами и масличными деревьями. Египтяне зарылись в землю, вкопали в нее свои танки, натянув над ними камуфляжные сетки. Враг спрятал противотанковые пушки в замаскированных орудийных окопах за масличными деревьями. Полковник Шмуэль уже отметил, что пушки египтян стреляют залпами из пяти выстрелов, что повышало шансы вражеской артиллерии на попадание и затрудняло ее обнаружение. Для полковника Шмуэля война вступила в самую критическую фазу. Как выяснилось позднее, оборонительный узел Рафахского перекрестка был самым крепким орешком на всем Синайском полуострове. Тот, кто владел перекрестком, получал возможность наступать на Синае на любом из нескольких направлений, а потому, естественно, что египтяне изо всех сил старались удержать его. Однако Шмуэль не предполагал, что им удалось так серьезно подготовиться.

Для ясности нужно разделить оборону на два участка. Один идет от дороги на эль-Ариш на север, а другой — на юг. (На втором, выполняя охватный маневр, наступал полковник Рафуль.) На участке полковника Шмуэля рубежи глубокоэшелонированной обороны тянулись от дороги на эль-Ариш к побережью Средиземного моря на севере. Они представляли собой ряды длинных, зигзагообразных рвов. Мы (опять для удобства описания) разделим участок на четыре сектора. Сектор «А» — позиции, находящиеся ближе всего к перекрестку и граничащие с ним. На одну из них, самую близкую к перекрестку, напоролась разведгруппа капитана Орши, вторую теперь атаковала разведгруппа лейтенанта Эли. Сектор «В» представлял собой комплекс укрепленных пунктов, которые «попробовал на зуб» Пинко в полутора километрах севернее перекрестка. Сектор «С», расположенный дальше всех на север от перекрестка, в четырех-пяти километрах от него, являлся центром сосредоточения средств ПТО. На запад от перекрестка находился сектор «D», линейные укрепления которого тянулись на несколько километров вдоль дороги на эль-Ариш.

Колонна «Центурионов» рассредоточилась по всему участку. Часть ее, рота Шамая Каплана, оказалась очень близко к дороге и внутри укрепрайона противника, где танки заняли позиции и вели перестрелку с египетскими танками и противотанковыми

орудиями. Неприятельская артиллерия возобновила обстрел. «Фуги» разогнали египетские расчеты, но не уничтожили орудий, так что, едва самолеты исчезли из виду, артиллеристы вернулись на свои места. Полковник Шмуэль не мог скрыть удовлетворения тем, что «Центурионы» мало пострадали от вражеского огня — большинство снарядов оказались годными лишь на то, чтобы посбивать с танков антенны. Он видел, как снаряд угодил в 105-мм пушку «Центуриона» и не оставил на ней ни царапины. Заместитель комбрига тоже испытывал гордость за свою технику.



Прорыв бригады «S» на северном участке укрепрайона Рафахского перекрестка (12.00, 5 июня)

— Какие танки! Какая броня! — воскликнул Пинко. Но ему стало не до веселья, когда другой снаряд попал в броневой лист моторного отделения, и двигатель заглох. — Господин полковник, — обратился Пинко к командиру, — мы должны

атаковать перекресток и нанести удар на Шейх-Зувейд. По нам палит весь укрепрайон. Нельзя задерживаться ни на минуту.

— Нет, Пинко. Обратите внимание на размер укрепрайона и его глубину. Надо нанести удар силами всей бригады. Эхуд будет атаковать двумя колоннами, а вы пойдете по направлению «К» и повернете на направление «В» только после моего приказа…

— Покажите пальцем куда, господин полковник, у меня нет ни одной карты.

Полковник Шмуэль указал на дорогу из Рафаха к перекрестку.

— Не проходите перекрестка до приказа, который поступит, когда Эхуд атакует в северном секторе. Его «Паттоны» прикроют вас огнем, а вы повернете направо на дорогу к эль-Аришу и ударите на Шейх-Зувейд.

Полковник намеривался развить успех и на скорости ворваться на вражескую территорию еще до того, как укрепленные рубежи будут очищены от противника. Батальон мотопехоты, которому изначально предстояло это сделать, оставался еще в распоряжении командования дивизии и прикрывал Керем-Шалом. Полковник Шмуэль попросил генерала Таля провести еще одну бомбардировку позиций египетской артиллерии и оказать поддержку контрзаградительным огнем. Генерал охотно согласился.

Было 11.00. Солнце близилось к зениту. Пинко вернулся к своим «Центурионам» на бронемашине, сожалея, что атака приостановилась. Но едва он достиг проселка, как танки Эхуда пошли на прорыв. Подполковник смотрел на ползущих вперед в пыли и дыму «Паттонов», как вдруг совершенно неожиданно в небо взметнулись огненные факелы — сразу два «Паттона» были подожжены прямыми попаданиями.

ГЛАВА 19

— Шамир, это номер второй. Я собираюсь идти впереди.

— Номер второй, это Шамир. Одобряю.

Во время инструктажей до войны полковник Шмуэль запрещал батальонным командирам возглавлять передовые роты, в лучшем случае допускалось, чтобы они шли сразу следом. На сей раз комбриг разрешил Эхуду возглавить атаку, как сделал он при Бени-Сухиле и Хан-Юнисе. Согласие он дал, как и принял решение ввести в бой целую бригаду под своим командованием из-за данной комдивом установки — вести в первые сутки наступление агрессивно и любой ценой добиться успеха, поскольку первый день является решающим для исхода всей

войны.

Эхуд решил возглавить фронтальную атаку, тогда как своему заместителю, майору Хаиму, поручил с большими силами обойти вражескую позицию с фланга и штурмовать ее с тыла, с северо-востока на юго-запад. Майору Хаиму предстояло провести свои танки к краю песчаных дюн, и план Эхуда состоял в том, чтобы заставить врага сконцентрировать весь огонь на атакующей в лоб колонне, отвлекая внимание от глубокого обходного маневра Хаима.

Эхуд приказал командирам в своей колонне следовать за ним на штурм вражеских позиций, но радиосвязь работала нечетко, и у него не было возможности проверить, получен ли его приказ.

— Вперед полным ходом, за мной! — скомандовал он. Его «Пат-тон» рванулся к вершине холма, где располагались вражеские позиции, но в одиночестве. Подчиненные не слышали его приказа и решили, что комбат проводит разведку. «Паттоны» неподвижно стояли на неудобной для ведения огня позиции. Вкопанные и замаскированные неприятельские противотанковые орудия встретили одинокий танк массированным залпом. Один снаряд поджег укрепленную на броне свернутую камуфляжную сетку. Второй ударил в крыло, прикрывавшее правую гусеницу, и оторвал его. Снарядные осколки разбили микрофон шлема Эхуда, порезав ему лицо и пробив кисть правой руки, которой он держался за край командирского люка. Другой осколок ранил офицера по оперативным вопросам лейтенанта Амирама Мицну в глаз и в плечо — оба офицера высовывались из башни, чтобы лучше видеть поле боя.

Эхуд попросил запасной микрофон, и связист дал ему ручной.

— Водитель, поворачивай, — скомандовал майор, и «Паттон» покатил обратно к подножию холма. Командиры других машин, которые до сих пор стояли, неправильно поняли маневр Эхуда и тоже повернули танки. Эхуд немедленно остановил свой, велел водителю вновь подниматься на холм, и через микрофон приказал командирам рот идти за ним на штурм вражеских позиций.

— Шамир, это номер второй. Я не вижу, чтобы мои танки следовали за мной.

— Номер второй. Это Шамир. Все в порядке. Они за вами. Я вижу, — сказал полковник Шмуэль, находившийся на дороге.

На сей раз команда была услышана. «Паттоны» рванулись вперед. Эхуд уже знал, что идет прямо на противотанковую пушку. Имея теперь возможность руководить боем, он отдал распоряжения, распределив задачи по подавлению

противотанковых орудий и танков Т-34, которые наступающие могли видеть. В тот момент спрятанные в зарослях масличных деревьев противотанковые пушки громыхнули в унисон, подбив и остановив три «Паттона». Секундой позже заместитель комбата майор Хаим вышел с основной массой танков батальона в тыл противника. Он провел танки через песчаные дюны и появился оттуда, откуда египтяне не ждали нападения. Практически без урона для себя они спокойно заняли огневые позиции за египетскими танками, которые неслись сейчас вниз навстречу танкам Эхуда. Майор Хаим приказал открыть огонь, только приблизившись на расстояние восьмисот метров. Девять египетских танков запылали одновременно, после чего «Паттоны» перенесли огонь на противотанковые пушки, грузовики с боеприпасами и полевые батареи.

— Не тратьте зря боеприпасы. Не стреляйте снарядами по грузовикам! — зазвенел в ушах танкистов голос Эхуда. — По грузовикам, цистернам и прочим бейте только из пулеметов.

Танки майора Хаима налетели на вражеские укрепления как ураган. У одной из машин заело пулемет, и «Паттон» носился по позициям, давя гусеницами прислугу противотанковых пушек. В подразделение майора Хаима входил взвод новобранцев, которым командовал лейтенант Овед, имевший за плечами опыт только танковых учений. После того как экипаж Оведа первым же выстрелом подбил вражеский танк, неуверенность лейтенанта в себе развеялась. «Вот так, — подумал он. — Можно воевать и с новичками». Но эйфория длилась недолго. Храбрец-египтянин выскочил из траншеи с базукой и нацелил ее на танк.

— По базуке, огонь! — скомандовал Овед.

Никакого эффекта. Новобранцы не бывали даже на учениях. Они просто не знали, что приказ означает: танк должен открыть огонь из всех пулеметов, а водитель — быстро развернуться в направлении солдата с базукой и задавить его. Экипаж не сделал ничего, просто сидел в своем узком, темном боевом отделении, точно не понимая, какая смертельная опасность нависла над ними. Снаряд базуки просвистел над головой Оведа. Волосы лейтенанта встали дыбом, когда он увидел, что египтянин опять прицеливается.

— Парни, да расшибите же вы эту базуку из пулеметов, ради всего святого! — заорал Овед, оставив официальный тон. Тут до стрелка дошло, и он начал стрелять, но его пулеметные очереди не достигли цели. Лейтенант Овед смотрел в лицо смерти, принявшей сейчас вид гранаты базуки. Но, к счастью, экипаж соседнего танка увидел, что происходит, механик-водитель рванул к египтянину и раздавил его гусеницами.

Теперь укрепления покидали все подряд, улепетывая куда глаза глядят. Орудийная прислуга бросала орудия, пехота — окопы, водители — грузовики, экипажи — танки. Израильские танкисты высовывались из люков и палили из пулеметов до тех пор, пока стволы не раскалились добела. В одном «Паттоне» до десяти раз меняли ленту. Египтяне выскакивали из танков и бронетранспортеров, так и не выехавших из своих окопов и до сих пор укрытых маскировочными сетками.

Пока D-14 атаковал северный сектор оборонительного узла перекрестка, Пинко штурмовал южный. Рота капитана Аарона находилась справа, майора Шамая Каплана — слева. Египтяне в секторах укрепрайона «A» и «D» ожесточенно сопротивлялись: артиллеристы буквально засыпали обе роты снарядами, батареи мощных противотанковых пушек стреляли почти беспрерывными залпами. Рота майора Шамая, уже имевшая боевой опыт, действовала грамотно и обдуманно. Шамай приказал людям не менять огневых позиций до тех пор, пока египтяне не начнут бить по танкам прицельно, когда же это произойдет, перестраиваться без промедления. Со стороны их быстрые перестроения напоминали танец опытного боксера на ринге. Голос Шамая звучал спокойно и четко. Поскольку командиры танков не видели друг друга, Шамай служил роте глазами, и его замечания по рации походили на речь спортивного комментатора.

— Очень хорошо. Прекрасный выстрел, Дан. Так, в этом бою на счету Дана уже третий Т-34. Слева, 300, противотанковая батарея, под масличным деревом! Отличный выстрел, молодец лейтенант Ханох. Две пушки готовы, одна за другой. Теперь меняйте позиции, они к вам подбираются.

Через гребень холма рота капитана Аарона пошла на перекресток. Не все танки смогли развить одинаковую скорость, и скоро лейтенант Соломонов, возглавлявший роту, обнаружил, что углубился в оборону противника на сотню метров, причем в одиночестве. Оглянувшись, он увидел два «загорающих» позади танка из своей роты. Они ничего не предпринимали, а, казалось, просто наблюдали за происходящим как зеваки за праздничным салютом. Соломонов так разозлился, что совсем забыл о снарядах египтян. Он до пояса высунулся из люка и принялся размахивать флажками, давая сигналы двум танкам приблизиться для ведения огня. Никакой реакции. Тем временем он заметил, что египтяне, воспользовавшись его промедлением, выкатили безоткатную пушку и нацелили ее в левый борт «Центуриона». Соломонов нырнул в люк и развернул башню. В тот же миг его стрелок, Крамер, заставил египтян залечь длинной пулеметной очередью.

— Спасибо, Крамер, — поблагодарил Соломонов.

— За что спасибо, командир?

— За то, что не потратил зря снаряды.

Подполковник Пинко вел полугусеничную бронемашину под обстрелом по пятам за Т-34, чтобы не попасть на мины, и в конце концов оказался в точке, откуда его могли видеть обе роты. Было очевидно, что оборона на дороге к эль-Аришу все еще крепка. Пинко приказал майору Шамаю выдвинуть через гребень холма лучших стрелков, чтобы уничтожить танки и противотанковые батареи, блокировавшие проход. Шамай взмахнул флажками, собираясь дать сигнал, что понял команду, но в этот момент рядом с его «Центурионом» взорвался снаряд, и майора ранило в обе руки. Истекая кровью, он как ни в чем не бывало продолжал отдавать приказы роте. Выйдя на новую позицию, танкисты из роты Шамая в течение двух минут после получения приказа от Пинко подожгли два египетских танка.

Пинко попросил полковника Шмуэля обеспечить поддержку артиллерией. Не прошло и нескольких минут, как САУ подполковника Цви открыли огонь с дальней дистанции. «Перелет, — отметил про себя Пинко. Второй снаряд упал с недолетом. С третьего раза снаряды стали ложиться как надо. — Вот так!» — подумал Пинко и мысленно взмолился, чтобы скорее пришел приказ комбрига двигаться вперед.

Голос полковника Шмуэля зазвучал по рации:

— Заместитель Шамира, это Шамир. Вперед. Конец связи. Пинко немедленно радировал своим танкистам проследовать перекресток и спешить к Шейх-Зувейду. Три «Центуриона» вышли на дорогу, но четвертый — машина из роты Шамая — был подбит и загорелся. В секунду экипаж выпрыгнул из танка и люди принялись кататься по песку, гася загоревшуюся одежду. Потом танкисты вернулись к машине и попытались погасить пламя огнетушителями, безуспешно — танк превратился в огромный костер. Прямо на него мчался другой «Центурион» из роты Шамая.

— Назад! — крикнул водителю высовывавшийся из своего люка командир танка, Лиор, но в тот же миг в голову ему попала пуля. Командование вовремя принял стрелок, и, слушаясь его приказов, водитель сумел избежать столкновения. Лишившийся танка экипаж поднялся на броню другой машины, но вид горящего около перекрестка «Центуриона» и почерневших, обожженных лиц танкистов вселял неуверенность в сердца других израильтян. Пинко почувствовал — наступил кризис, если атака не возобновится с новой силой, то вообще захлебнется. Он поспешил к перекрестку, взобрался на крышу своей полугусеничной бронемашины и, засунув два пальца в рот,

оглушительно свистнул, чтобы привлечь внимание Шамая. Этот посвист, слышный даже в грохоте боя, заставил обернуться командиров нескольких танков. Подполковник замахал флажком. Шамай тоже оглянулся — он понял сигнал и, подняв свой флажок окровавленными, перебинтованными руками, приказал водителю ехать вперед через перекресток. «Центурион» уверенно пересек перекресток и выехал на дорогу.

— За мной, за мной! Колонной, вперед! Конец связи, — скомандовал Шамай по рации и не оглянулся, чтобы убедиться, последовали командиры его примеру или нет. Его бросок через линию огня прилил в атаку новую энергию. «Центурионы» из роты Шамая и из других рот, дошедшие до перекрестка, последовали за комроты как гусята за гусыней.

— Полным ходом, огонь по всем направлениям! — закричал Пинко в микрофон рации, занимая четвертое место в колонне.

Плюясь огнем вперед, направо и налево, рота Шамая прорвалась в сектор «D», за ней шел весь батальон D-10. В ходе сражения к перекрестку подоспели роты, остававшиеся под командованием комбата подполковника Габриэля, и присоединились к атаке. Продвигаясь вперед, стрелки танков Шамая подожгли четыре Т-34. Батальон D-10 прошел перекресток и выехал на дорогу к эль-Аришу ровно в 11.36.

Теперь бригада «D» под командованием полковника Шмуэля двигалась двумя параллельными колоннами. D-14 с Эхудом во главе наступал на Шейх-Зувейд через песчаные дюны по направлению, параллельному железной дороге. D-10 продвигался на два километра южнее по оси, проходящей вдоль дороги на эль-Ариш, и по самой дороге. D-10 шел вперед, почти не встречая сопротивления. Если на пути израильтянам попадались египетский танк, противотанковая батарея, бронетранспортер, грузовик, цистерна или еще какая-нибудь вражеская техника, все это немедленно уничтожалось. Однако у Кафр-Шана, на южной оконечности укрепрайона Рафахско-го перекрестка — там, где сражался полковник Рафуль, — колонну обстреляли врытые в землю Т-34. «Центурионы» подбили семь вражеских танков и двинулись дальше. Слева экипажи «Центурионов» увидели еще около двадцати оборонявших район вражеских танков, уничтоженных «Паттонами» полковника Рафуля, и поехали дальше своим путем. Так произошло соприкосновение танковых клиньев дивизии Таля, на огромной скорости прокладывавшей себе путь на запад.

Чтобы одна израильская часть не начала стрелять в другую, использовались знаки, о которых была уставлена предварительная договоренность. Они давали возможность

определить — «Паттоны» Эхуда, движущиеся к Шейх-Зувейду, или «Центурионы» Пинко, рвущиеся в том же направлении, или «Паттоны» подполковника Ури, которые теперь спешили назад к перекрестку.

Пинко надеялся, что его колонна достигнет Шейх-Зувейда первой, но капитан Аарон в действительности прошел этот пункт уже некоторое время назад. Несмотря на противодействие неприятеля и вызванные сопротивлением задержки в пути, рота Аарона достигла дороги на эль-Ариш намного раньше других рот. Капитан Аарон даже не понял, что его часть стала головной, поскольку ничего не знал о том, что и у других при проходе через перекресток не все пошло гладко. Он однако держал в уме, что на инструктажах говорилось о необходимости захватить точку на шоссе на Шейх-Зувейд там, где оно сходится с железной дорогой. Аарон также помнил, что комбат (который ссылался на комбрига, которой, в свою очередь, ссылался на комдива) сказал, что на войне ничего не идет по плану, но каждый должен стремиться к достижению главной цели. Капитан Аарон добрался до переезда со шлагбаумом, надеясь найти там другие роты батальона.

Позади он видел только два «Центуриона», но по рации его заместитель лейтенант Соломонов информировал комроты, что с ним еще четыре танка. К несчастью, Соломонов вообще не представлял, где он находится: позади капитана Аарона или впереди него. Он слышал по рации крик командира «Вперед!». Посчитав это за команду подтянуться к капитану, Соломонов на предельной скорости помчался вперед, но три «Центуриона» впереди все не появлялись. Дорога петляла и виляла, она шла то на подъем, то на спуск. Через некоторое время Соломонову пришло в голову, что он находится впереди капитана Аарона, который, видимо, догоняет его на еще большей скорости. На самом деле лейтенант Соломонов оказался на дороге к эль-Аришу последним из роты Аарона.

Как раз в этот момент египтяне ужесточили заградительный пулеметный огонь, и очередь попала в перископ танка. Пули пробили каску Соломонова, а другие, отлетев рикошетом от 12,7-мм браунинга, попали лейтенанту в палец и в ухо. Соединившись с тремя танками из своей роты, Соломонов узнал, что лейтенант Авраам Муниц серьезно ранен в глаз. Муниц не сказал ни слова экипажу о полученном ранении из боязни, что они остановятся, чтобы эвакуировать его. Однако, увидев окровавленного командира, стрелок и радист закричали. Сообразив, что у них шок, Муниц ударил одного по щеке, опасаясь того, что водитель, услышав их вопли, может утратить контроль над тяжелой, мчавшейся на большой скорости машиной.

— Как вы себя чувствуете, Муниц? — спросил Соломонов по рации.

— Все нормально. Я могу драться.

— Говорить можете?

— С трудом.

— Видеть?

— С трудом.

— Прикажите водителю занять место в хвосте колонны.

В этот момент лейтенант Шуали увидел два Т-34, затаившихся в засаде с левой стороны от дороги на расстоянии пятисот метров.

— Танки слева! — закричал лейтенант по рации, предупреждая других. Его стрелок немедленно произвел выстрел, и вспышка ослепила Шуали. Лейтенант Соломонов открыл рот, чтобы отдать команду стрелку Крамеру, но не успел даже слова сказать, как Крамер выстрелил бронебойным и подбил второй Т-34. Появился третий Т-34, и Крамер послал в него следующий снаряд.

— Отлично, Крамер, — похвалил командир.

Но в следующую секунду у Соломонова буквально застыла в жилах кровь. На дороге, прямо перед ними три «Центуриона» нацелили дула 105-мм пушек прямо на них. Не было времени даже отдать приказ стрелкам. Лейтенант Муниц практически ослеп на один глаз и страдал от болей. Сержант Авитал в третьем «Центурионе» получил ранение в спину. Оставались только два «Центуриона», способные вести бой, — танк Шуали и его собственный, но пушку Шуали заклинило после того, как он уничтожил Т-34. Соломонов крикнул: «Стрелок!» и начал считать доли секунды, которые ему осталось прожить.

Капитан Аарон, находившийся в нескольких километрах впереди Соломонова, был озадачен. Он попытался повторно связаться с комбатом, подполковником Габриэлем, чтобы узнать, где находится батальон, но опять не получил ответа. Неужели они настолько отдалились от своих, что вышли за пределы зоны радиосвязи? Он даже не знал, где находится — далеко впереди или далеко позади. Капитан оглядывался вокруг, ища в пустыне признаки военных действий, которые подсказали бы ему, прошел ли уже этим путем батальон, но тщетно. Здесь и там виднелись египетские позиции: глубоко зарывшиеся в песок танки, грузовики, бронетранспортеры, цистерны с горючим, передвижные радиостанции и мастерские, тщательно устроенные внутри просторных, замаскированных укрытий. Вид его трех «Центурионов», мчавшихся по дороге, вызывал шок и панику у египетских солдат; они никак не ждали столь скорого прорыва.

Около Шейх-Зувейда наступающие попали под интенсивный пулеметный огонь. «Центурион», следовавший за танком комроты, был поражен в «юбку» двумя выстрелами из базуки. Капитан Аарон крикнул:

— Вперед, вперед! Не останавливаться! — и в этот момент ощутил сильный удар по каске. Три «Центуриона» промчались мимо Шейх-Зувейда. Капитан осмотрелся по сторонам через командирский прицел. Из-под каски Аарона потекла кровь. Пуля пробила ее впереди и вышла сзади. Аарон хотел снять каску, но передумал, опасаясь, что тогда кровь хлынет струей. Он решил не говорить своим людям о ранении. Все равно батальон неизвестно где и не придет его спасать. Лучше путь люди думают, что с командиром все в порядке.

Теперь он уже не сомневался, что идет впереди батальона, и вынашивал идею осуществить блокировку дороги самостоятельно, но, находясь в шести километрах за Шейх-Зувейдом, капитан до сих пор не нашел места пересечения железной и автодороги. Аарон забеспокоился, понимая, как опасно так сильно углубляться на территорию врага столь небольшими силами. Если египтяне контратакуют, у трех «Центурионов» не останется шансов. Он приказал развернуться и двигаться обратно, более всего желая теперь поскорее соединиться с батальоном. Несколько минут спустя случилось нечто, от чего глаза у капитана, что называется, полезли на лоб. Впереди показались четыре танка.

— Бронебойным по четырем танкам прямо по курсу! — закричал Аарон.

— Бронебойным!.. — завопил лейтенант Соломонов в своем «Центурионе» и вдруг узнал высунувшегося из командирского люка капитана. Лицо его заливала кровь, но ошибиться Соломонов не мог — только Аарон имел обыкновение так стоять в башне. Лейтенант поднял флажок. Капитан Аарон также узнал заместителя, и оба возблагодарили счастливую звезду за то, что не успели скомандовать: «Огонь!» и на практике убедиться в том, как неприятно, когда по тебе палят из 105-мм пушки «Центуриона».

И снова капитан Аарон развернул свои танки, на сей раз к эль-Аришу, в сторону которого указал флажком.

— Теперь за мной! — приказал он командирам семи оставшихся танков своей роты. Все семь рванулись вперед, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Они миновали железнодорожный переезд и через два километра, находясь десятью километрами западнее Шейх-Зувейда, остановились, рассредоточились и заняли скрытые позиции, развернувшись так,

чтобы блокировать путь любым силам египтян, которые могли прийти со стороны Джеради. Было 12.00. Менее чем через четыре часа после приказа генерала Таля начать движение, авангард его дивизии вышел во вражеский тыл, за линии неприятельских укреплений, в сорока километрах от границы Израиля. Между капитаном Аароном и эль-Аришем стояли только укрепления прохода Джеради.

— Глушить моторы, — приказал комроты, чтобы сэкономить топливо, и внезапно воцарилась полная тишина, от которой танкисты успели отвыкнуть. Водители, наводчики и заряжающие, надышавшиеся выхлопных газов и нанюхавшиеся запахов сгоревшего пороха боеприпасов, с облегчением услышали разрешение капитана подышать свежим воздухом. Со своим заместителем он проверил состояние танков. Каждый нес следы попаданий, и офицеры восхитились крепостью стали. Внутрь некоторых машин можно было заглянуть через пробоины, оставленные египетскими снарядами. Но более всего израильтян заботило горючее и запасы боеприпасов, поскольку они и понятия не имели, когда их догонит батальон и когда появятся египтяне.

Капитан Аарон даже и мечтать не смел о том, чтобы снять каску. Туда натекло столько крови, что он опасался, как бы, снимая каску, не вытащить приклеившиеся к ней мозги.

— Не знаю уж, к добру это или к худу, — признался он Соломонову, — но, похоже, только она и держит мою голову.

Соломонов пошел к танку Муница. Левый глаз лейтенанта представлял собой сгусток запекшейся крови, а рана в щеке мешала говорить.

— Как дела, Муниц?

— Мы живы, — только и ответил тот.

По сравнению с ранами Муница, ранения других казались легкими, и люди стеснялись докладывать о них и жаловаться. Странное чувство умиротворения снизошло на них, свежий воздух пьянил, и они начали ощущать специфический аромат пустыни, веявший от пальм эль-Ариша и резкий привкус соли с песчаных дюн. Капитан Аарон вернул всех к реалиям войны:

— Пошли, парни. Вернемся в наши машины.

Секунды текли бесконечно, и Крамер начал скучать за пушкой. Но вскоре, к его радости, показалась не чуявшая беды небольшая египетская колонна, двигавшаяся в Шейх-Зувейд из эль-Ариша — грузовики и цистерны. Противник еще не знал о прорыве израильтян через Шейх-Зувейд.

— Я сейчас одним снарядом разнесу всю колонну, — заявил Крамер Соломонову.

— Не надо. Побереги снаряды. Сойдет и пулемет.

— Ага.

Соломонов дал одиночный выстрел. Пуля попала в цистерну, которая вспыхнула и загорелась.

— Пустая трата горючего, лейтенант, — заметил Крамер.

— Сейчас они в штаны наложат, Крамер. Они увидят этот столб дыма, и к нам не сунется ни один египетский танк.

— Ну и очень жаль, — проворчал Крамер, поглаживая казенник пушки.

Лейтенант Шуали, стреляя одиночными выстрелами из 12,7-мм браунинга, поджег два грузовика из колонны, груз на которых стал рваться, будто там лежали петарды.

— Боеприпасы, — заключил Шуали.

Так рота капитана Аарона проводила время. Батальон присоединился к ним только через два часа.

Невероятный бросок Аарона вдоль дороги удивил, встревожил и ошеломил египтян штаба 7-й дивизии и приданных ей частей. Вид семи мчащихся танков совершенно сбил их с толку, поскольку никто, по-видимому, не знал о прорыве бригады «D». Так, когда роты бригады развернулись для атаки на Шейх-Зувейд, они почти не встретили сопротивления. Солдаты некоторых частей египтян, испуганные и растерянные, бестолково носились вокруг врытых танков и бронетранспортеров и прятались, даже не пытаясь стрелять. Другие скидывали башмаки и удирали в дюны. Но находились и такие, кто оказывал сопротивление, в одном бою батальон D-10 поджег десять Т-34.

После этого последнего на данном этапе боя роты начали входить в Шейх-Зувейд и взяли первых военнопленных. Полковник Шмуэль приказал, чтобы в поднявших руки египетских солдат не стреляли, но поначалу египтяне были настолько растеряны, что поднимали руки прямо с оружием.

Танкисты начали операцию по зачистке. Полковник Шмуэль видел, как «Центурион» прошел, засыпав песком, траншею, в которой комбриг заметил трех спрятавшихся египтян, и приказал, чтобы группа пленных получила лопаты и откопала их. Сначала те отказывались, не понимая, чего от них хочет командир, и боясь какого-то жуткого наказания, но в конечном счете подчинились приказу и откопали засыпанный окоп. Когда чудом оставшиеся невредимыми египтяне выбрались из него, один из откапывавших их пленных подбежал к полковнику Шмуэлю и попытался его обнять.

— Мой брат! — завопил он по-арабски.

— Он назвал меня братом? — удивился комбриг.

— Нет, господин полковник, его брата засыпало в окопе, и его спасли.

Вокруг джипа полковника Шмуэля собрались командиры частей: майор Эхуд Элад, подполковник Габриэль, капитан Орши, подполковник Цви [Раньше, в середине 16 главы, автор называл Цви полковником, который отдавал приказы дивизионам самоходок, тут же он подполковник и командует одним дивизионом] (командир дивизиона самоходок), подполковник Цвика и заместитель комбрига Пинко. Они пребывали в воодушевлении. Эхуд одарил полковника Шмуэля горделивым взглядом победителя. Полковник заметил, что комбат с трудом шевелит руками, левая у него забинтована, пальцы покрыты запекшейся кровью, а верхняя губа сильно повреждена. Тем не менее вид у него был бравый. Мужчины обнялись. Затем полковник Шмуэль вернулся к делам.

— Каковы у вас потери, Эхуд?

— Четырнадцать убитых: восемь в Хан-Юнисе, пятеро на перекрестке и один здесь. Двадцать три раненых: тринадцать в Хан-Юнисе, семеро на перекрестке и трое здесь. Я не считаю тех, кто остался в строю.

— А у вас, Габриэль?

— Десять убитых, полковник. Семеро на перекрестке, двое в Хан-Юнисе и один здесь. Восемь раненных, пятеро из них на перекрестке. Не считая тех, кто в строю.

— У вас, Орши?

Орши ответил не сразу — потери разведроты были тяжелы.

— Десятеро убитых, господин полковник. Один в Хан-Юнисе и девять на перекрестке. Одиннадцать раненых отправлено в тыл. Девять с перекрестка.

Он отвернулся. Офицеры продолжали докладывать. Бригада «D» потеряла двадцать шесть человек на перекрестке, одиннадцать в Хан-Юнисе, одного— при пересечении границы и одного — в Шейх-Зу-вейде. Итого, тридцать девять убитых. Двадцать человек было ранено на перекрестке, пятнадцать — в Хан-Юнисе и один — при пересечении границы. Всего семьдесят семь человек выбыли из рядов.

— Что с Кармели? — спросил полковник Шмуэль.

— Артиллерийский офицер, оказавшийся родственником майора, узнал его бронемашину. Он нашел Кармели, лежащим на полу и всеми брошенным. Похоже, он потеряет глаз, — ответил Пинко.

Шмуэль кивнул и спросил:

— Сколько танков? — доклады продолжились — До сих пор все шло хорошо. Я удовлетворен, — подытожил комбриг, выслушав все донесения офицеров. — Дальше мы двинемся на Джеради. D-10 пойдет в центре, D-14 — на левом фланге, рота

разведки… разведрота сможет идти впереди, Орши?

— Да, господин полковник. Из трех групп, что у нас были, мы сформировали две.

— Разведрота пойдет впереди…

— Господин полковник, с вами желает говорить командир дивизии, — доложил офицер связи бригады майор Исраэль. Щмуэль вернулся к командирской полугусеничной бронемашине.

— Тирах, это Шамир. Слышите меня?

— Шамир, это Тирах. Слышу вас. Пошлите подразделение на помощь Рафулю на эль-Аришском направлении в сторону Рафахского перекрестка. На перекрестке противник оказывает серьезное сопротивление. Прием.

— Тирах, это Шамир. Понял вас. Возвращаю D-14. D-10 идет на Джеради и попробует его на прочность. Если окажется, что пройти можно, проследует через Джеради. Прием.

— Это Тирах. Согласен. Конец связи. Было 14.32.

Джеради не относился к тем объектам, которые бригаде «D» надлежало взять «любой ценой». Согласно инструкции, танкам предписывалось войти в боевое соприкосновение с врагом и прорваться через Джеради, если это окажется просто. Если же нет, в дивизии планировали провести ночную атаку. В ней основная роль отводилась бронетанковой бригаде «M», которая должна была штурмовать укрепления Джеради с тыла. Полковник Шмуэль, однако, жаждал развить успех своей бригады, и не хотел останавливаться. Поэтому он попросил разрешения действовать по плану, хотя ему самому с одним из батальонов приходилось возвращаться, чтобы помочь полковнику Рафулю. Его усиленная танками мотострелковая бригада, находясь под командованием дивизии, будет занимать и зачищать Рафахский укрепрайон с тыла. Батальон «Паттонов» должен будет возвратится к перекрестку, а «Центурионы» — попытаться выполнить задачу всей бригады. Полковник Шмуэль вновь решил создать две группы управления: пока он сам вернется к перекрестку, оставшейся частью бригады «D» будет командовать Пинко.

— Но, Пинко, вы пройдете через Джеради, только если не встретите серьезного сопротивления. Ни при каких обстоятельствах не ввязывайтесь в ожесточенные бои, которые приведут к тяжелым потерям. Вам ясно?

— Да, полковник, — ответил Пинко.

Когда бригада разделилась, появилась рота «Паттонов» T-01, которая должна была сражаться вместе с полковником Рафулем. Комроты лейтенант Эйн-Гиль ошибся в расчетах и попал вместо Кафр-Шана в Шейх-Зувейд. Пинко встретил роту с большим энтузиазмом и немедленно принялся распоряжаться, как будто бы

случайное появление роты отдавало ее под его командование. Но лейтенант Эйн-Гиль проинформировал подполковника, что не получил приказа присоединиться к другой бригаде.

— Ну и ладно, — сказал Пинко оскорбленным тоном. — Не хотите драться, сидите здесь.

Он поднял свои флажки и приказал колонне «Центурионов» выступать на Джеради, соединившись по пути с танками Аарона. Колонну возглавляла рота Шамая.

Занимаясь приготовлениями к отправке своей группы управления к перекрестку, полковник Шмуэль неожиданно услышал совсем рядом какой-то шум. Неподалеку от места ее расположения обнаружился большой окоп. Техника ушла оттуда, камуфляжная сетка упала и теперь валялась на дне укрытия. Она странным образом шевелилась. Ее подняли и увидели под ней не один десяток жавшихся к земле перепуганных египтян с оружием в руках.

— Постройте их, — приказал полковник Шмуэль. Теперь в добавление ко всему ему приходилось оставить еще часть своих людей в Шейх-Зувейде, чтобы сторожить пленных. Его беспокоило, что бригада рассредоточена на слишком большой площади, поэтому он и выбрал для себя более быстроходные, чем «Центурионы», «Паттоны». С ними он надеялся быстрее выполнить новое задание и быстрее вернуться в бригаду. Более всего он хотел успеть к дневной атаке на Джеради, чтобы не потребовалась помощь другой бригады.

ГЛАВА 20

В 08.55 бригада Рафуля Эйтана пересекла «зеленую линию» примерно в семи километрах южнее Керем-Шалома и разделились на две колонны. Группа Исраэля, называемая так по имени командира (полковника Исраэля Гранита), повернула на юг, чтобы действовать как блокирующая сила, тогда как главная — два батальона парашютистов на полугусеничных бронемашинах и батальон «Паттонов» Т-01, повернула к южному участку укрепрайона Рафахского перекрестка вдоль старой дороги Рафах — Ницана. (На северном участке вдоль дороги Рафах — перекресток действовала бригада «D».) Когда-то дорога Рафах — Ницана была асфальтированной, но когда ЦАХАЛ оставлял Синай в 1957 г., большинство дорог он уничтожил. Вернувшись, египтяне отремонтировали многие из них, но не ту, что вела из Рафаха в Ницану. Вдоль трассы уничтоженной дороги на юг от перекрестка египетская армия создала защищенные дюнами линейные оборонительные рубежи бригады: рвы,

траншеи, минные поля, противотанковые и противопехотные заграждения. Там дислоцировалось множество противотанковых пушек и танков, среди них самые тяжелые — ИС-3, оснащенные 122-мм пушками. В тылу этого участка укрепрайона занимала позиции египетская артбригада — всего шестьдесят стволов.

Чтобы взять под контроль Рафахский перекресток, надлежало разгромить египетскую бригаду к югу от него. Затем, по плану генерала Таля, бригада «М» должна была двигаться на эль-Ариш через пески по направлению, параллельному дороге. Одна из поставленных «М» задач состояла в том, чтобы атаковать Джеради ночью с тыла, если фронтальная атака силами бригады «D» провалится. Однако на данном этапе «М» еще оставалась резервом дивизии.

На этом участке бронетехнике и парашютистам впервые предстояло тесно взаимодействовать в смешанной операции в условиях войны. Сначала генерал Таль и полковник Рафуль планировали доставить парашютистов в район выполнения задачи на «Паттонах» роты Т-01, как элиту мотопехоты. В преддверии войны «черные береты» и «рыжие ботинки» стали близкими друзьями, танкисты учили парашютистов водить танки и заряжать орудия. Однако в конце концов решили транспортировать десантников на полугусеничных бронемашинах. Они должны были идти за «Паттонами» двумя колоннами, северной и южной. План состоял в том, чтобы обойти вражеские укрепрайоны и артиллерию с тыла и с южного фланга в северном направлении.

Утром 5 июня полковник Рафуль дал из своего трейлера отмашку, и его часть пришла в движение. Группа Исраэля повернула на юг, чтобы выполнить задачу блокировки, «7» и Т-01 продолжили движение на запад к рубежам египетской обороны. Спустя пятнадцать минут головная рота столкнулась с сильным противотанковым противодействием. Командир роты, капитан Амнон Гилади, погиб в командирском люке, когда его танк вспыхнул от попадания снаряда. Подполковник Ури немедленно приказал лейтенанту Эйн-Гилю, рота которого соседствовала с севера с головной ротой, идти к ней на помощь. Эйн-Гиль развернулся и, стремясь поскорее выполнить задание, сделал ошибку. План требовал, чтобы головная рота лишь прощупала позиции египтян, так, чтобы главные силы прошли как бы по касательной вдоль наименее защищенного рубежа, чтобы не платить дорогой ценой за фронтальную атаку. Эйн-Гиль, однако, буквально пронзил вражеские позиции, при этом потеряв из виду едущий на полугусеничных бронемашинах батальон парашютистов 7–1, который должен был сопровождать. 7–1

предстояло атаковать укрепленную зону с юга на север вдоль трассы уничтоженной дороги. Эта часть плана имела особо важное значение для продвижения южного клина наступления в районе Рафахского перекрестка.

Эйн-Гиль видел, как сгорел танк командира головной роты, в то время как за ним в бездействии стояли, выстроившись в линию, остальные «Паттоны». Первый успех египтян лишил головную роту уверенности, и она замерла без движения под сильным огнем противника.

Получив приказ подполковника Ури, Эйн-Гиль послал взвод из состава своей роты на подавление огневой позиции неприятеля слева от роты Гилади, а сам с оставшимися танками выдвинулся вперед и вступил в артиллерийскую дуэль с вражескими противотанковыми и полевыми орудиями. Но рельеф местности, где с запада на восток пролегали песчаные дюны, не позволял Эйн-Гилю занять удобную огневую позицию. Танки находились слишком близко друг от друга, оставаясь открытыми для огня противотанковых пушек египтян.

— К черту, — разозлился Эйн-Гиль. — Мы разрежем их надвое.

Он поднял флажок и просигналил роте следовать за ним. За считанные минуты рота обрушила на врага шквал огня, стремительным маневром смела с лица земли противотанковые орудия и оказалась с другой стороны вражеских укреплений. В этот момент из тыла примчался джип с офицером, и тот сообщил Эйн-Гилю, что надо перейти на другую радиоволну. Эйн-Гиль сделал это и услышал: «Вперед, вперед!»

Эйн-Гилю нравились подобного рода приказы. Он со своей ротой продолжил продвижение на северо-запад, в то время как батальон парашютистов 7–1 повернул на юг, чтобы обойти с фланга укрепленную зону, сквозь которую уже проломился Эйн-Гиль. Обе части разъехались в разные стороны и так никогда больше и не встретились, хотя, в соответствии с изначальным планом, Эйн-Гиль должен был ехать впереди 7–1 вдоль трассы разрушенной дороги и атаковать с юга на север на южном участке укрепрайона Рафахского перекрестка. И по сей день остается загадкой, кто же велел Эйн-Гилю изменить частоту приема, хотя есть предположение, что приказ предназначался роте Гилади, которая осталась без командира, а тот, кто передавал приказ, просто перепутал, адресовав его Эйн-Гилю.

Как бы там ни было, рота Эйн-Гиля — девять «Паттонов» — двинулась вперед. Возглавляли подразделение он и сержант Бенни Инбар. Местность походила на ту, что и к северу от дороги на эль-Ариш, разве что там было еще больше холмов и песка.

После долгих поисков, в конце концов обнаружив трассу разрушенной дороги, Эйн-Гиль и Инбар услышали, как в воздухе что-то засвистело, затем загрохотало, и рядом с ними упал и зарылся в песок снаряд. Их начали обстреливать.

Оглядевшись, Эйн-Гиль заметил два египетских танка. Он определил, что это Т-34, на расстоянии 1500 м движущиеся с северо-запада на юго-восток. «Паттоны» его и Бенни Инбара находились немного впереди роты, у которой так и не нашлось времени должным образом перестроиться после прорыва через египетские укрепления. Египтяне успели выпустить по Эйн-Гилю и Инбару шесть снарядов, прежде чем те сумели занять удобную огневую позицию. Бенни Инбар получил осколочное ранение в шею, но продолжал участвовать в бою.

Два вражеских танка спустились с холмов и исчезли из виду. По сообщениям, поступившим от танкистов его части, Эйн-Гиль сделал вывод, что виденные им танки входят в состав большого формирования, направлявшегося для блокирования направления наступления по уничтоженной дороги с юга. Таким образом, с юга же они имели возможность обойти Эйн-Гиля. Комроты всецело захватила идея переиграть противника: обойти с фланга тех, кто обходит с фланга его. Он приказал четырем своим «Паттонам» двинуться на юг и встретить египтян, создав у неприятеля впечатление, что он располагает преимуществом. Тем временем Эйн-Гиль и другие пять «Паттонов» зайдут египтянам в тыл, сократив дистанцию до 1000 м. Выехав на холм, чтобы иметь лучший обзор, лейтенант увидел шесть египетских танков, часть которых оказалась к нему кормой, часть — бортом. Он молил Бога, чтобы четыре «Паттона» быстро добрались до египтян, но их продвижение, как казалось ему, заняло целые века. Эйн-Гиль уже начал сомневаться в разумности своей затеи.

Наконец, после пяти невыносимо долгих минут ожидания четыре «Паттона» появились перед противником, что, по-видимому, сильно обрадовало египетских командиров, которые изготовились использовать все свои преимущества: рельеф местности и численное превосходство. Вражеских машин насчитывалось свыше шести — всех Эйн-Гиль не видел. Египетские танки открыли огонь по четырем «Паттонам». В тот же миг Эйн-Гиль и Бенни Инбар, сопровождаемые еще тремя «Паттонами», устремили свои танки на огневую позицию и первыми же выстрелами подожгли два египетских танка. Только позднее установили, что это тяжелые советские ИС-3, обладавшие самой сильной броней из когда-либо производившихся танков.

Экипажи «Сталиных» пришли в замешательство и попытались поменять позицию, что неизбежно ставило их в невыгодное

положение по отношению к четырем атакующим их в лоб «Паттонам». Египетских танки двигались медленно, и также медленно и нерасторопно принимали решения управлявшие ими люди. Прежде чем они изменили позиции, развернулись, перезарядили пушки и смогли наконец стрелять, Эйн-Гиль и Бенни Инбар подожгли еще три «Сталина». Бой закончился. ИС-3 замерли в разных положениях: некоторые в изначальной позиции, другие успели развернуться или только начать разворот. Скоро в них воспламенились боеприпасы, башни двух взлетели на воздух, одна приземлилась на собственное место, но только вверх тормашками.

Эйн-Гиль окончательно потерял 7–1. Он попытался установить радиоконтакт с командиром батальона, подполковником Ури, но безуспешно. Он посоветовался сам с собой и решил продолжить наступление. Противотанковые орудия врага дислоцировались у Кафр-Шана, южнее дороги на эль-Ариш. Он повернул в этом направлении, но ошибся в расчетах и вместо Кафр-Шана вышел значительно западнее, к Шейх-Зувейду, находившемуся в зоне действий бригады «D». Здесь Пинко попытался задействовать Эйн-Гиля в атаке на Джеради. Однако в 13.00 возобновился радиосвязь с подполковником Ури, который приказал лейтенанту оставаться там, где он находится, и ждать дальнейших приказов.

Рота «Паттонов» капитана Амоса имела задание защищать южный фланг полковника Рафуля, затем, рассредоточившись к западу от разрушенной дороги, уничтожить позиции египетской артиллерии. Он завершил выполнение своей части плана и прибыл с батальоном парашютистов, чтобы атаковать противотанковую концентрацию Кафр-Шана. Отсюда ему предстояло с тыла штурмовать вражеские позиции южнее Рафахского перекрестка. Рота потеряла один танк, который напоролся на мину, и другой, самого капитана, в котором испортилась гидравлика. Капитан Амос пересел в другой танк. По пути в Кафр-Шан рота наткнулась на опорный пункт, удерживаемый двумя ротами с большим количеством противотанковых орудий. В жестоком бою израильтяне разгромили неприятеля, затем рассредоточились и начали обстреливать Кафр-Шан. На этом этапе у капитана Амоса было одиннадцать «Паттонов».

«Паттоны» вошли в Кафр-Шан вместе с парашютистами. Капитан Гиора Эйтан, племянник полковника Рафуля, ехал на своей полугусеничной бронемашине рядом с «Паттоном» капитана Амоса по проселку в деревне, на улочках которой прятались в засадах египетские пехотинцы и танки. Восточнее

деревни дислоцировались еще двадцать два Т-34, входивших в комплекс ПТО египетской обороны.

Паттон Амоса возглавлял колонну. Капитан первым заметил египетский Т-34, затаившийся в улочке слева и прицеливавшийся в бронемашину комроты парашютистов. Амос выстрелил, и Т-34 заполыхал. В тот же миг Гиора указал направо, на второй Т-34, прятавшийся на расстоянии около шестидесяти метров за кактусами, но сделал это, на мгновение опоздав. Т-34 выстрелил и попал в полугусеничную бронемашин, которая вспыхнула и взорвалась. Капитан Гиора Эйтан погиб. Амос быстро развернул пушку в направлении Т-34. Два танка выстрелили одновременно, и оба попали в цель. Амос и его люди выскочили из горящего танка и покатились по земле, пытаясь погасить одежду. Когда Амос поднялся, его рубашка превратилась в безрукавку, а брюки — в шорты.

Тем временем остальные «Паттоны» его роты уничтожали египетские танки, находившиеся восточнее деревни. Капитан Амос взобрался в другой «Паттон» и продолжал сражаться, пока Кафр-Шан не был занят и зачищен.

Рота капитана Дании также завершила осуществление первой части плана. Сначала она выполняла задачу прикрытия южного фланга оперативно-тактических сил, а затем атаковала позиции вражеский артиллерии. Поскольку Эйн-Гиль потерял 7–1, командир батальона подполковник Ури возложил это задание на капитана Дании, приказав ему направиться к разрушенной дороге и следовать вдоль нее на север. Но бог войны распорядился по-своему, и капитану Дании тоже было суждено потерять 7–1.

Сначала все шло хорошо. Рота Дании продвигалась на север вдоль дороги, парашютисты следовали за ними на полугусеничных бронемашинах. Оборонную зону бригады египтян защищала пехота, бронетранспортеры, полевые орудия на грузовиках и противотанковые пушки. Два головных взвода нанесли удар по противотанковым орудиям, и около тридцати из них были подняты на воздух первыми же выстрелами. Затем «Паттоны» атаковали оборону врага в самой узкой ее части и расширили участок прорыва — египетские солдаты в панике бежали от них. Когда Дании счел задачу выполненной, он резко повернул влево, где, по его мнению, находился Рафахский перекресток. Совершив этот маневр, он, однако, потерял трассу уничтоженной дороги. Поиск ее особенно осложняло обилие песка в низинах. Так Дании потерял 7–1, который остался далеко позади, поскольку полугусеничные бронемашины с трудом преодолевали глубокий песок. Как уже не раз случалось, египтяне оправились от перенесенного замешательства и, когда «Паттоны»

Дании прошли сквозь их позиции, вернулись на свои места, готовые встретить десантников 7–1. Тот уже утратил преимущества, которые обеспечивали ему «Паттоны». Кроме того, египтянами командовал храбрый и толковый майор, офицер по оперативным вопросам штаба бригады. Он принял на себя руководство после того, как комбриг сбежал с поля боя. Таким образом 7–1, лишившийся поддержки танков и отрезанный от остальных сил полковника Рафуля, ждал трудный бой.

Рота капитана Данни, состоявшая из девяти «Паттонов», продвигалась в северо-западном направлении. Данни въехал на холм, чтобы осмотреться, но ничего не разглядел на холмистой местности, которая напоминала штормовое море. Он поднял флажок, сигнализируя о продолжении движения, и его танк пошел вперед и вниз на более или менее ровную землю. Вдруг на расстоянии от восьмисот до тысячи метров он увидел два Т-34, самоходку СУ-100 и две противотанковые пушки, которые расчеты разворачивали в сторону израильтян. В считанные секунды капитан Данни подбил Т-34, а командир взвода Села — СУ-100. Другим снарядом танк Данни накрыл обе противотанковые пушки. Одни бойцы расчетов погибли, другие разбежались. Часть роты Данни уже начала выдвижение, чтобы вступить в бой с бронетранспортерами, противотанковыми орудиями и другими СУ-100, показавшимися впереди. В этот момент мотор его танка заглох.

— Водитель, вперед! — приказал комроты.

— Не могу, капитан.

Над головой Данни, точно молния, пронесся снаряд, упал и разорвался впереди. Данни стиснул зубы. Мотор все не заводился. В наушниках Данни слышал командира отделения разведки парашютистов, который каким-то образом остался с ним:

— Данни, Данни, по тебе бьют сзади! Я повторяю, Данни, стреляют сзади!

Данни оглянулся и увидел два горевших танка. Один из командиров танков лежал на башне. И третий танк, похоже, выбыл из строя, хотя не горел; на его башне тоже лежал командир. Три танка находились не более чем в 150 метрах от него, и он уже подумал: «Неплохо. Еще три готовы!», когда до него дошло, что это его три «Паттона». На башне одного «Паттона» лежал второй лейтенант Ами Горен, на башне второго, того, что горел, — Иосси Милло. Из экипажа третьего танка никого видно не было.

Данни разозлился на себя за то, что выдал свое волнение водителю. На сей раз он проговорил спокойно и хладнокровно:

— Водитель, используйте вспомогательный генератор. — К

величайшему облегчению, он услышал «кашель» мотора. — Включайте двигатель. — И двигатель ожил. Капитан Данни приказал роте отступить с открытого, простреливаемого пространства. — Водитель, медленный разворот.

«Паттоны» пятились, стреляя вперед — туда, где весьма активизировалось несколько противотанковых орудий. Сзади по израильтянам вели огонь Т-34, но это стало известно Данни только после боя. На данном этапе он не мог видеть находившегося у него в тылу врага. Капитан отвел свои шесть оставшихся «Паттонов» в маленькую низину, метров двести на двести, где они приготовились принять бой как с невидимым противником, так и с противотанковыми орудиями, местоположение которых было известно. Свой «Паттон» Данни вывел на возвышение, чтобы осмотреться, и увидел пять нацеленных на него египетских танков, расположившихся на огневой позиции вдоль гребня песчаных холмов.

Двум «Паттонам» Дании поручил противотанковые орудия, находившиеся на расстоянии от 1200 до 1500 метров, а четырем другим — неведомого врага в тылу. Четыре «Паттона», прикрывавшие тыл, обнаружили пять ИС-3. Сейчас все решала быстрота и точность стрельбы. Сам Дании подбил крайний правый «Сталин». Он вспыхнул, испуская желтый дым, и на какой-то миг Дании даже показалось, что командир танка бросил дымовую шашку.

Не прошло и нескольких минут, как все пять ИС-3 уже полыхали. Но к «Паттонам», стремясь блокировать их в низине, быстро приближались еще ИС-3. Скоро они изготовятся к стрельбе с большей дистанции, чем их предшественники. Хуже того, египтяне теперь еще открыли по «Паттонам» огонь из тяжелых минометов. «Паттоны» вели трудный бой, в ходе которого им приходилось несколько раз менять огневые позиции, чтобы не допустить обхода роты танками ИС-3. Сражение продолжалось, причем действия участников артиллерийской дуэли стали более продуманными и четкими. Каждая из сторон маневрировала, стараясь занять лучшую огневую позицию. Однако силы роты Дании стали убывать.

Пришел сержант Гершон с одного из трех подбитых в начале боя «Паттонов». Он взобрался на танк Дании и отрапортовал, что в двух из них взорвались боеприпасы, а третий поражен в башню и стрелять не может, а также сообщил о гибели командира взвода Ами Горена.

— Сколько всего убитых?

— Четверо, капитан.

— Раненых?

— Трое.

— Что с мотором «Паттона», у которого разбита башня?

— Работает, капитан.

— Возьмите Ами, укройте его одеялом, привяжите к носилкам, поместите в танк и пригоните его сюда вместе с ранеными.

Дании с облегчением отметил, что все пятеро выживших из трех танков спокойно ждали с оружием в руках.

С «Паттона» взводного сержанта, который находился на правом фланге роты, Дании доложили, что у него не вращается башня, а затем и что отказала система вертикальной наводки.

— Экипажу покинуть танк, и займитесь ранеными, — приказал Дании.

Пострадавшим была оказана первая помощь, но в роте теперь осталось всего пять танков. Приложив немало труда, удалось наконец с помощью рации отыскать командира батальона. Дании сумел установить с ним связь и доложил, в какой серьезной ситуации оказался. Ури в тот момент покинул командирскую бронемашину и находился в «Паттоне», принимая активное участие в битве рядом с Кафр-Шаном.

— Я постараюсь прислать к вам роту Амоса, — пообещал подполковник Ури. Они договорились, что Дании обозначит свое местоположение цветной дымовой шашкой. Но время шло, а никто не появлялся. Египтяне желали использовать численное и топографическое преимущество. Они начали приближаться к «легкой добыче» медленно, как если бы в их распоряжении была целая вечность. Дании принялся разводить танки так, чтобы они могли защитить фланги и уничтожить врага.

— Номер два, налево. Какое-то движение на холмах. Две тысячи у нас слева. Проверьте и откройте огонь.

Экипаж «Паттона» проверил, прицелился, выстрелил и поджег ИС-3.

Дании оценил ситуацию и пришел к выводу, что самый опасный его враг — нехватка горючего. Египтяне могут продержать его на этой позиции, пока у него не кончится топливо и он не лишится возможности маневрировать, а тогда придут и возьмут голыми руками. Он решил экономить топливо — по его команде «Паттоны» заглушили моторы до поступления нового приказа. Однако, когда он приказал одному из «Паттонов» завести двигатель, в нем начался пожар.

— Заглушить! — приказал Дании по рации.

Экипаж выключил мотор и выскочил из танка, чтобы погасить пламя с помощью огнетушителей и песка, который танкисты бросали лопатами. Покончив с этим, они вернулись обратно,

ожидая приказа. Дании думал, что причиной аварии является система зажигания и при очередной попытке завести мотор пожар повторится. Капитан приказал собрать огнетушители из других танков и держать их наготове. Скоро египтяне заняли более выгодные позиции, и возникла необходимость перестроиться.

— Заводите и тут же врубайте заднюю, — приказал капитан Дании.

Водитель завел двигатель, и опять вспыхнул пожар; на сей раз пламя охватило камуфляжную сетку. Экипаж попытался потушить огонь с помощью огнетушителей, но безуспешно. Дании приказал экипажам двух ближайших «Паттонов» прийти на помощь товарищам. Бойцы изо всех сил старались спасти машину, закидывая огонь песком, но пламя уже распространилось на резину гусениц, мотор и трансмиссию, и его стало невозможно потушить.

— Покинуть танк! — приказал капитан. Но танкисты вернулись в боевое отделение горящего танка и достали оружие, карты, оптические приборы и другое снаряжение. Наконец они отошли, а танк скоро скрылся в огне. (Только позднее выяснилось, что причиной возгорания являлся вовсе не дефект системы зажигания. В нижнюю часть кормы «Паттона» угодил египетский кумулятивный снаряд и перебил топливопровод. Когда механик-водитель включал зажигание, искры воспламеняли подтекавшее горючее, что и приводило к возникновению пожара.)

Теперь в роте осталось только четыре танка. Но скоро Дании услышал по рации капитана Амоса, который сообщил, что идет к ним на помощь, и попросил указать местонахождение роты с помощью дымовой шашки. Дании потратил несколько дымовых шашек, но дым стелился над землей и не хотел подниматься. Тем временем минометный обстрел усиливался, а запас топлива неуклонно уменьшался.

ГЛАВА 21

В группе управления генерала Таля все еще не могли прояснить картину прорыва укрепрайона Рафахского перекрестка. Египтяне на левом фланге проявили инициативу. Они бросили в бой батальон танков ИС-3 и, вынудив роты «Паттонов» вступить с ними в схватку, отрезали от батальона парашютистов 7–1 сначала роту Эйн-Гиля, а потом и Дании.

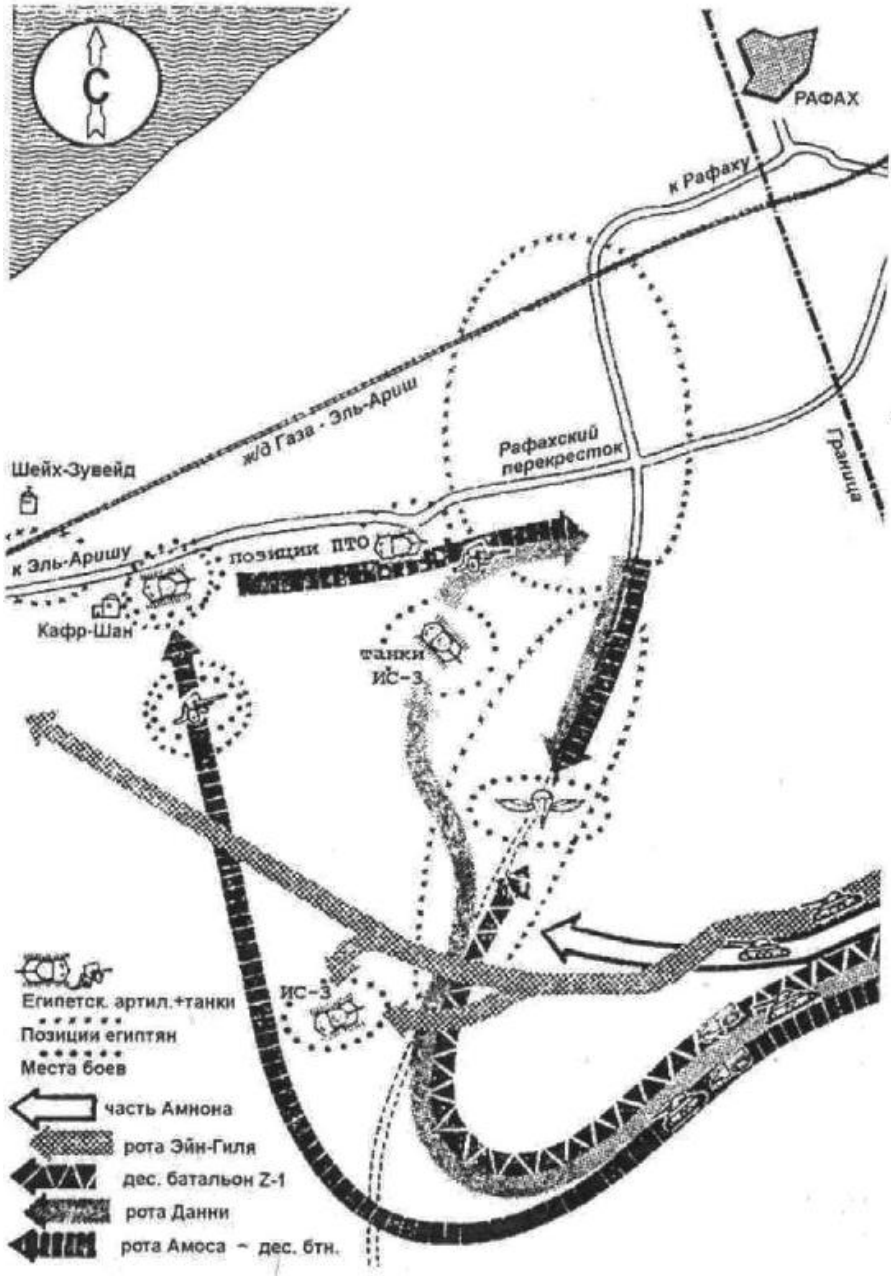
До полудня ситуация не казалась опасной. 7–1 продолжал действовать на краю зоны обороны бригады, даже потеряв несколько полугусеничных бронемашин в глубоких песках. Парашютисты, лишенные поддержки танков, сражались с окопавшимися египтянами, располагавшими как тяжелой бронетехникой, так и противотанковыми орудиями, которые без труда подбивали бронемашины. Десантники несли потери. Тем не менее они устремились на штурм и в рукопашной схватке одолели противника. После полудня им стало казаться, что они захватили целиком укрепленную зону батальона. Они начали устраивать раненых около отдельно стоящего строения, как вдруг появился ИС-3 и устремился прямо на них. Танку не причинили никакого вреда гранаты, которыми стрелял в него парашютист Ави из базуки с расстояния всего 150 метров. Он угрожал раздавить гусеницами перевязочный пункт батальона, но когда водитель открыл люк, чтобы лучше сориентироваться, парашютисту Дуби представилась замечательная возможность. До сих пор он лишь с горечью наблюдал, как Ави безуспешно пытается остановить ИС-3. Теперь Дуби сам прицелился из гранатомета в открытый люк и, когда расстояние сократилось до 40 м, выстрелил. Граната попала в боевое отделение. Двое членов экипажа погибли, двое выскочили, объятые пламенем. После чего наступило относительное затишье, и десантники занялись раненым, большинство из которых страдало от ожогов, полученных ими, когда египетские противотанковые орудия поджигали их бронемашины.

Вскоре после полудня полковнику Рафулю стало казаться, что его люди вот-вот закончат выполнение возложенной на них задачи. В 12.36 он радировал генералу Талю:

— Тирах. Это Зебра. У меня подарочек для дивизии. Один немного поврежденный и один практически целый «Сталин». Десять вражеских танков горят.

Таким образом, первая новость, полученная Талем о происходящем в этом районе, давала ему веский повод испытывать особое удовлетворение.

В 12.57 генерал Таль приказал полковнику Мену продвигаться с бригадой «М» вдоль дороги на эль-Ариш. Ему нужно было выйти к эль-Аришу с тыла и приготовиться к ночной атаке на проход Джеради, если это окажется необходимым. В 13.07 в штабе дивизии стало ясно, что полковник Рафуль вот-вот выполнит задание, и в Южное командование направили телеграмму: «С двумя бригадами неприятеля в оперативно-тактическом районе полковника Рафуля скоро будет покончено».



Тактическое маневрирование полковника Рафуля на южном крыле Рафахского перекрестка

Только через три минуты в штабе дивизии узнали о жестокой битве, которую вел капитан Амос под Кафр-Шаном с Т-34, и генерал Таль приказал полковнику Шмуэлю, которой в это время достиг Шейх-Зувейда, прийти к нему на помощь. Однако

полковник Ури и капитан Амос, за несколько минут решив исход сражения при Кафр-Шане, объединили силы, и генерал Таль отменил приказ полковнику Шмуэлю, но высвободил батальон мотопехоты бригады «D», который прикрывал Керем-Шалом на случай вражеской контратаки, и направил его на зачистку Рафахского укрепрайона. Мотострелковый батальон двинулся из Керим-Шалома к Рафахскому перекрестку, взяв с собой инженерно-саперное оборудование для обезвреживания минных полей.

В 13.30 в штабе дивизии сочли ситуацию удовлетворительной, и генерал Таль провел границу между бригадами «D» и «7», приказав «D» оставаться на северной стороне дороги на эль-Ариш. Несмотря ни на что, генерал все еще испытывал некоторое беспокойство относительно исхода битвы за Рафахский перекресток. Ему казалось, что враг до сих пор оказывает серьезное сопротивление на южном фланге, и он учитывал возможность ввода в действие бригады «M» на этом участке. Но полковник Рафуль, осуществлявший быстрые маневры, объявил, что сконцентрировал силы для финальной атаки, которая покончит с египтянами на южном фланге перекрестка.

В 13.51 7–1 радировал, что зона обороны бригады в его руках и что теперь он перегруппировывается. Но затем картина начала быстро меняться. Спустя двадцать пять минут полковник Рафуль сообщил генералу Талю:

— Тирах. Это Зебра. Я столкнулся с большими силами врага. Моя группа управления ведет тяжелый бой. Мне нужна помощь.

И действительно, по рации генерал Таль слышал шум жарко кипевшей схватки. Полковник держал рацию в одной руке, а другой в это время стрелял из Узи. Его голос оставался спокойным и твердым, но даже если бы звуки битвы не доносились до комдива, весьма скупое на слова сообщение полковника сильно обеспокоило бы Таля, знавшего, что столь смелый и опытный боец не назвал бы бой «тяжелым» и не попросил бы помощи, если бы силы его не были на пределе. Разумеется, исход сражения за перекресток еще не был решен. Генералу стало ясно, что египтяне собирают силы, чтобы повернуть ситуацию в свою пользу. Южный фланг Рафахского перекрестка предоставлял тому, кто владел им, господствующую позицию.

По первоначальному плану полковника Рафуля должна была поддерживать рота Эйн-Гиля, которой после оказания помощи в прорыве 7–1 предписывалось вернуться и перейти в резерв бригады. Рафуль действовал в соответствии с намеченным

планом, несмотря на отсутствие Эйн-Гиля. Беспокойство Таля за Рафуля и его людей усиливалось из-за ощущения неясности исхода дневной кампании. Генерал немедленно приказал спешить к перекрестку трем частям: батальону мотопехоты бригады «S», одному из танковых батальонов полковника Шмуэля (из Шейх-Зувейда) и батальону мотопехоты бригады «M». О каждом предпринятом шаге Таль информировал Рафуля, с непоколебимым спокойствием сражавшегося с Узи в руке, бросавшего гранаты во вражеские окопы и руководившего своими частями на отдаленных и близких участках.

В 14.40 командир Т-01 подполковник Ури завершил сражение у Кафр-Шана и доложил, что возвращается к перекрестку с ротой капитана Амоса. В 14.42 офицер дивизии по оперативным вопросам Кальман доложил об этом генералу Талю, который немедленно информировал полковника Рафуля, что Ури двигается в направлении перекрестка со своими «Паттонами». В 14.46 Ури сообщил Рафулю, что приближается, но не может определить местонахождение его группы управления. В этот момент Ури находился километром восточнее Кафр-Шана и в шестистах метрах южнее дороги на эль-Ариш. Рафуль направил «Паттоны» к своей позиции примерно в двух километрах на юг от перекрестка. (До того, как полковник Рафуль и подполковник Ури объединили силы, рота Амоса совершила бросок на помощь окруженной роте Дании. Амос заметил ракету Дании, и тотчас же Дании увидел девять «Паттонов», спешащих к нему на помощь. Он уже предупредил Амоса, что на его правом фланге, на дистанции полутора километров находятся вражеские танки, которые он, Дании, не может уничтожить, поскольку они — в мертвой зоне и он их не видит. Амос свернул вправо, неожиданно атаковал врага и уничтожил семь танков, включая два ИС-3. Это положило конец существованию батальона танков «Сталин» на южном фланге Рафахского перекрестка. Минометный обстрел, который противник вел по роте Дании с юга, интенсифицировался практически в тот самый момент, когда его оставшиеся на ходу пять танков двинулись колонной слева от девяти «Паттонов» капитана Амоса.)

В 15.36 полковник Рафуль начал атаку силами бронемашин своей группы управления и частей подполковника Ури, капитана Дании и капитана Амоса. Всего в ней приняли участие пятнадцать «Паттонов». Они вышли непосредственно на перекресток, производя очистку его от неприятеля с запада на восток и обратно, уничтожая вражеские укрепления в серии жестоких схваток, и в конце концов решили исход битвы на перекрестке.

В 19.15 израильтянам удалось наконец полностью подавить египетские позиции. Зачистка, осуществлявшаяся под руководством полковника Рафуля, ознаменовала собой завершение операции на южном фланге. Началась эвакуация раненых по воздуху. Приземлился вертолет, направляемый световыми сигналами, и раненые, которые терпеливо, не жалуясь, ждали с самого утра, полетели в госпитали в Израиль. Когда офицеры провели перекличку, выяснилось, что подполковник Ури потерял четырнадцать человек убитыми, а полковник Рафуль — тридцать. В бригаде «7» насчитывалось более сорока раненых. Египтянин, офицер бригады по оперативным вопросам, принявший командование южным участком обороны, когда сбежал командир бригады, был взят в плен.

Тем временем батальон мотопехоты бригады «D» достиг перекрестка и начал подавление последних очагов сопротивления в укрепрайоне. Стало возможным подтянуть снабженческие колонны к силам полковника Рафуля и бригады «D», первые «Центурионы» которой достигли эль-Ариша в 16.00.

В 15.45 полковник Герцл сообщил полковнику Шмуэлю, что бригаде «7» больше не требуется его помощь, и генерал Таль приказывает ему вернуться к своей бригаде. В 16.00 подполковник Пинко с батальоном D-10 прибыл в окрестности эль-Ариш.

Батальон «D» теперь рассредоточился на участке территории протяженностью в сорок километров. Части были разбросаны от Рафахского перекрестка до окрестностей эль-Ариша, при этом его танки под эль-Аришем истратили практически все топливо и боеприпасы. Если бы неприятель сконцентрировал силы для контратаки на данном участке, это означало бы катастрофу для D-10, в том случае, если бы своевременно не подтянулись другие части бригады и снабженческие колонны. Осведомленный о тяжелом положении Б-10, полковник Шмуэль приказал Эхуду пройти через проход Джеради на полной скорости и соединиться с «Центурионами» у эль-Ариша. Он также занялся обеспечением отправки снабженческих грузов для своих частей через Рафахский перекресток к Шейх-Зувейду. Комбриг сам поспешил на джипе к танкистам D-14, возглавляемым Эхудом, и в Шейх-Зувейд, где ждали приказов «Паттоны» Эйн-Гиля.

— Хочешь драться? — спросил он лейтенанта.

— Да, полковник.

— Тогда, давай, присоединяйся к «Паттонам» D-14.

— Без разрешения комбата?

Радиосвязь с Т-01 работала плохо, и Эйн-Гиль, следуя своему стремлению сражаться, присоединился к «D», заняв место в

отправлявшейся к Джеради колонне «Паттонов» Эхуда.

Джеради представлял собой узкий проход между песчаными холмами, непроходимыми ни для какого транспорта. Дорога вьется между песками четырнадцать километров, а затем выходит к предместьям эль-Ариша. Египтяне устроили мощные укрепления в трех местах между дюнами, последнее в шести километрах от эль-Ариша. Название проходу Джеради дали израильтяне — так именовалась находившаяся там станция железной дороги. В 1956-м бронетанковая бригада Хаима Бар-Лева прошла через него, дорого заплатив, поэтому теперь Джеради внушал страх[109]. С тех пор египтяне еще больше укрепили узкий проход. Они возвели там рвы с бетонными откосами, доты, устроили пулеметные гнезда, вырыли оснащенные накатами орудийные окопы для противотанковых пушек и танков. Такие фортификации вызывали у израильтян уважение к Джеради, так что, когда Пинко уведомил штаб о том, что прошел Джеради и достиг эль-Ариша, они решили, что он или шутит, или заблудился, неверно прочитал карту и имеет виду Шейх-Зувейд. Но Пинко не мог неверно прочитать карту — у него не было карт.

Пинко с семнадцатью «Центурионами» и двумя «Паттонами» прошел через Джеради, как только мог быстро, все время помня о том, что полковник Шмуэль приказал не ввязываться в тяжелые бои, чтобы не нести потерь. Майор Шамай Каплан, с забинтованными руками и лицом, бледным от потери крови, вел мчавшуюся колонну. За ротой Шамая, среди которой находилась также группа управления Пинко на полугусеничных бронемашинах, шла разведгруппа лейтенанта Эли с двумя «Паттонами» и затем рота капитана Аарона. С ним был и лейтенант Муниц, который ничего не видел одним глазом.

Когда они приблизились к Джеради, Пинко приказал открыть огонь. Возглавлявший колонну майор Шамай видел с обеих сторон множество врытых египетских танков, нацеливших дула на узкий вход в проход. Там размещались также и замаскированные батареи противотанковых орудий, минометы и пулеметы в укрытиях на холмах вдоль дороги, невидимые израильтянам окопы автоматчиков на укрепленных высотах; слева и справа от шоссе тянулись нескончаемые минные поля. Египтяне, пораженные дерзостью противника, совершенно неожиданно появившегося в столь сильно укрепленной зоне, даже не открыли огонь по головным машинам колонны. Расстояние, отделявшее атакующих от врытых египетских танков, не превышало пятидесяти метров, и, казалось, неприятельские солдаты в панике попрятались под маскировочными сетками, так

что в авангарде решили, что Джеради покинут. Будучи уверенным в этом, Пинко даже не позаботился уничтожить вражеские танки. Он счел, что они брошены, и хотел захватить их целыми и невредимыми. Как выяснилось, подполковник допустил серьезную ошибку, следствием которой в дальнейшем стали значительные затруднения с поставками снабженческих грузов.

Когда голова колонны достигла конца прохода, люди в полугусеничной бронемашине Пинко слушали новости по радио Каира. Египтяне сообщали, что их армия захватила Беершеву, а арабские силы в Иерусалиме взяли Афулу[110]. Один из военнослужащих, знавший арабский, перевел сообщение для всех, и новость вызвала большое веселье в авангарде дивизии Таля, приближавшегося к окрестностям эль-Ариша, столицы Синая. Однако, когда находившаяся в середине колонны разведгруппа достигла вершины склона, положение изменилось. Египтяне начали подкрадываться к брошенным постам и занимать места у противотанковых орудий, и когда «Паттон» разведгруппы вышел на вершину холма, он был подбит противотанковым снарядом. «Паттон» немедленно ушел из зоны огня. В это время на помощь танкистам поспешил один из джипов разведгруппы, и второй снаряд, предназначавшийся начавшему разворачиваться «Паттону», угодил прямо в джип, поджег его и убил тех, кто в нем находился. Другой снаряд попал в полугусеничную бронемашину сержанта Шувала, ехавшую позади джипа. Сержант приказал своим людям взять оружие и покинуть бронемашину. Чуть позже еще один снаряд ударил в нее и разнес вдребезги. Сержант Шувал и его люди, пригибаясь, побежали к естественному укрытию у дороги, залегли и открыли ответный огонь.

Рота капитана Аарона в арьергарде колонны смогла продолжить движение вперед, однако бронебойный снаряд поразил головной «Центурион» самого Аарона, сделав в нем пробоину и снеся голову радисту. Таким образом капитан полностью лишился связи как со своим экипажем, так и с ротой и батальоном. Второй снаряд попал в крышу башни и сорвал люк радиста. В башне вспыхнул пожар, что привело к воспламенению боеприпасов к 12,7-мм браунингу. Мгновенно все боевое отделение утонуло в дыму, в котором с треском рвались патроны и разлетались во все стороны пули. Капитан получил сразу несколько ранений и почувствовал, что не может пошевелить левой рукой.

— Экипаж, в башне огонь. Экипаж, действовать! — прокричал Аарон в микрофон, но двусторонняя связь не работала. Огонь разгорался, но механик-водитель понятия не имел, что происходит, — оба попавших в танк снаряда не затронули его

отсека. Аарон приказал стрелку остановить водителя. Стрелок выбрался наружу, прополз по накренившемуся танку от башни к водительскому люку и обеими руками закрыл перископ, предполагая таким образом заставить водителя остановиться. Но тот решил, что на танк запрыгнул египетский солдат, и поднял свой автомат. Стрелок приник лицом к перископу. Тут наконец водитель узнал его и остановился. Капитан Аарон и двое членов экипажа выбрались из горевшего танка с огнетушителями. К нему подъехали другие «Центурионы», но капитан приказал им немедленно уходить из простреливаемой зоны. Лейтенанты Соломонов и Шуали, однако, решили задержаться и уничтожить вражеское укрепление, уже нанесшее столь большой урон. Через несколько минут экипажу Аарона удалось погасить огонь и вернуться в свой «Центурион». Они поместили тело убитого связиста туда, где находилась боеукладка, и продолжили движение. Лейтенанты Шуали и Соломонов последовали за командиром.

Колонна бронетехники ушла, и шестеро разведчиков с подбитой бронемашины во главе с сержантом Шувалом остались в одиночестве. Они еще не знали, что им предстоит прятаться в песках около двух часов под пулеметным и минометным огнем. По счастливой случайности, никто не был ранен. Тщательно осмотревшись, сержант Шувал заметил, что на оборонительных укреплениях идут серьезные приготовления. Похоже, египетские солдаты наконец получили толковые приказы. Они принялись энергично готовиться к встрече новых гостей. Позднее от военнопленных узнали, что египтяне в Джеради имели приказ защищать позиции до последнего человека, до последней капли крови.

ГЛАВА 22

Одинокий джип ЦАХАЛа с дрожащей над ним антенной, напряженно ревя мотором, преодолевал подъем. Если машина перевалит через вершину, то окажется на опасном участке протяженностью в несколько километров. Сержант Шувал покинул укрытие и в самоубийственном броске ринулся на шоссе. Пулеметные очереди взрывали землю у его ног. Он выскочил на дорогу и отчаянно замахал руками. Джип резко затормозил, едва не сжигая об асфальт шины, и остановился всего в двух метрах от вершины, затем развернулся и подъехал к сержанту. На переднем сиденье находился комбриг Шмуэль; на коленях у него лежал автомат.

— Полковник, дальше ехать нельзя. Там очень опасно, —

возбужденно воскликнул сержант.

Он рассказал комбригу, как колонна D-10 прошла Джеради и как египтяне перегруппировались и все-таки успели обстрелять ее хвост. Стало очевидно, что теперь проход перекрыт, и Шмуэль решил, что для прорыва потребуется, как минимум, две бригады.

Если бригада «D» не сможет самостоятельно пройти Джеради, то восемнадцать «Центурионов», один «Паттон» и несколько полугусеничных бронемашин и джипов будут отрезаны от главных сил без горючего и боеприпасов, и скоро египтяне соберут многократно превосходящие силы, чтобы стереть с лица земли авангард дивизии Таля. Полковник Шмуэль и генерал Таль, когда комбриг доложил ему о сложившейся обстановке, осознали: для них наступил самый критический момент войны.

Полностью осознавая огромный риск, генерал Таль принял решение и приказал бригаде «D»[111], которая тогда двигалась по пескам параллельно дороге на эль-Ариш, продолжая выполнять прежнюю задачу: блокировать дорогу Бир-Лахфан — эль-Ариш южнее эль-Ариша силами одного батальона, два батальона повернуть на север, чтобы атаковать противника на укреплениях Джеради с юга. Первоначальным планом бригаде «D» предписывалось прощупать вражескую оборону в Джеради, и если прорваться там будет трудно, объединиться с бригадой «M» для ночной атаки. Генерал хотел приступить к реализации этого плана тотчас же, но батальоны «M» застряли в песчаных дюнах. Они продвигались медленно, время же сейчас ценилось на вес золота; таким образом, «D» предстояло прорывать Джеради своими силами.

Через двадцать минут появился авангард батальона D-14. Головной танк остановился рядом с полковником Шмуэлем, который выбрался из джипа и пошел вдоль дороги без каски, словно вовсе не боялся смерти. Вид комбрига, идущего с непокрытой головой по передовой, воодушевил его людей. Командир передовой роты «Пат-тонов», лейтенант Авигдор Кахалани, приветствовал полковника сияющей улыбкой. В одном из головных танков находился майор Эхуд Элад. Шмуэль ввел его в курс дела, сообщив, что Джеради удерживает мощный контингент противника с противотанковыми орудиями, минометами и танками. Он проинструктировал Эхуда атаковать укрепленные позиции одновременно с дороги в лоб и через пески, обойдя с южного фланга. Для этого D-14 должен повернуть налево с дороги и пройти по пескам, за которыми, по всей вероятности, пролегают минные поля. Приказ осуществить обходной маневр был отдан. «Паттон» Кахалани шел первым во главе роты. Он свернул налево, съехал с дороги на пески и начал

подниматься по склону. Песок становился глубже и глубже, и скоро водителю пришлось перейти на нижнюю передачу. Танкистов встретил плотный огонь предварительно пристрелянных противотанковых и полевых орудий, танков и минометов. Воздух наполнился свистом снарядов и мин. Снаряды падали в белый песок со злобным шипением, образуя вокруг себя уродливые белесые воронки.

Наконец «Паттон» Кахалани отъехал от дороги на 150 м. Он приказал водителю остановиться, чтобы осмотреться и определить местонахождение вражеских позиций, с которых вели огонь танки и противотанковые батареи. Но судьба не оставила ему на это времени. От прямого попадания противотанкового орудия его «Паттон» загорелся и мгновенно превратился в костер. Экипаж покинул горящую машину, и только Кахалани, окаменевший от потрясения, чувствовал, что не в состоянии шевельнуться. Наконец он колоссальным усилием воли подтянулся, наполовину вылез из люка и выполз на раскалявшуюся броню, а оттуда в горящей форме скатился на землю. Собрав всю силу воли, обожженными руками он принялся забрасывать себя песком, пока не погасил одежду. Обстрел становился сильнее, и «Паттоны» вступили в перестрелку. Кахалани просигналил им не останавливаться и не превращать себя в легкие мишени. Спотыкаясь, он в дымящихся лохмотьях, из-под которых виднелись следы ожогов, заковылял к еще не оказавшимся под огнем противника танкам. Когда он взобрался на «Паттон» лейтенанта Илана, рубашка и пояс на Кахалани опять занялись. Илан отправил его в боевое отделение и, велев заряжающему потушить на нем одежду, закрыл люк, а затем приказал водителю на максимальной скорости возвращаться на дорогу. Водитель повел машину зигзагами, задним ходом и остановился рядом с полугусеничной бронемашиной командира бригады. Кахалани все еще тлел, лейтенант Илан стянул с него одежду, оставив только ботинки, а затем помог влезть в один из джипов разведгруппы, пришедших с D-14 и занимавшихся эвакуацией раненых. Никто не верил, что Кахалани выживет, и были поражены, когда он вдруг одарил их ослепительной улыбкой — улыбка осталась единственным, что не пожрало пламя.

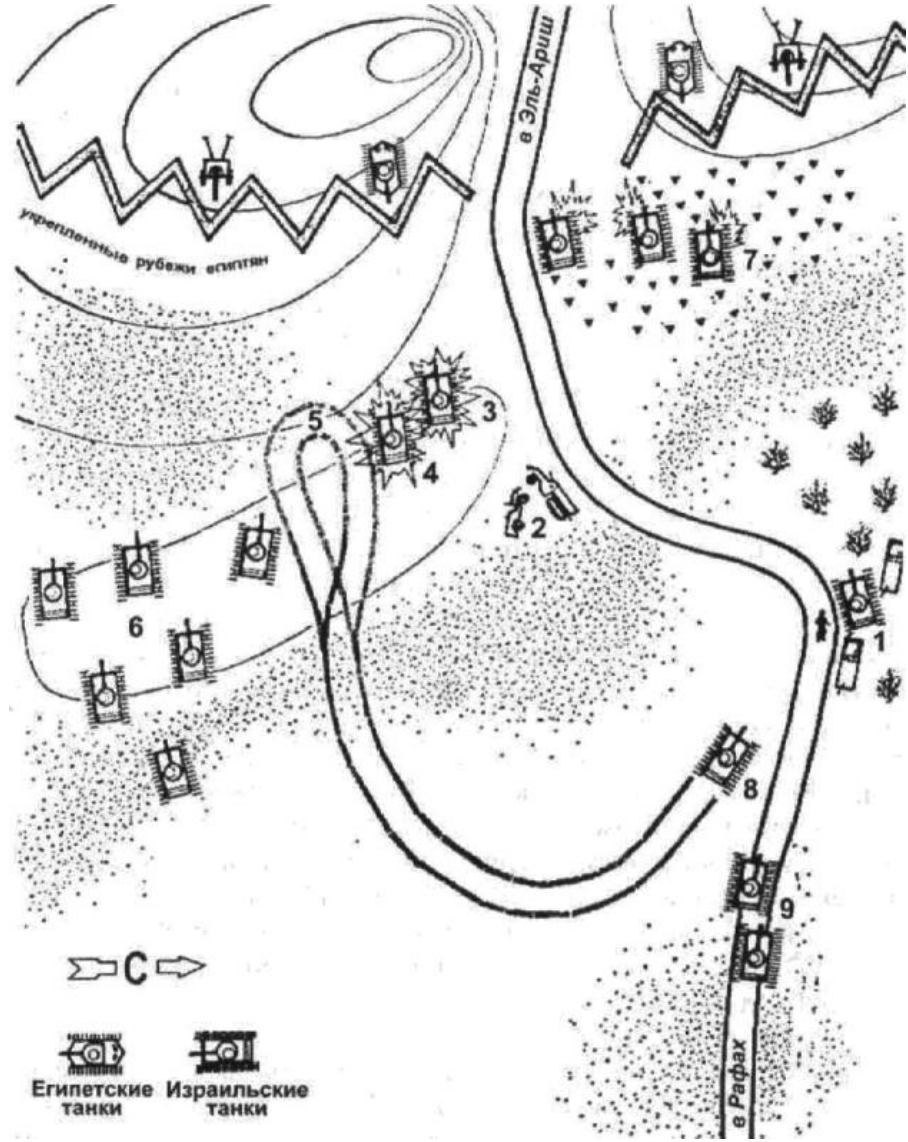
Водитель «Паттона», следовавшего за Кахалани, видел, как заполыхал танк комроты, но продолжал движение и объехал горящую машину справа, однако прямое попадание вражеского снаряда остановило и его. Теперь уже два «Паттона» полыхали в песках слева от дороги. Справа два «Паттона» попытались прорваться, но напоролись на мины и тоже потеряли ход. Один из

экипажей продолжал сражаться на минном поле. Сержант Дов Ям определил местоположение противотанковой батареи, дал наводку стрелку, и тот уничтожил ее. Но угодившим в «Паттон» противотанковым снарядом сержанту Дову Яму оторвало запястье. Лишившись руки, он выбрался из «Паттона» и побежал к полугусеничной бронемашине комбрига. Лицо Яма сделалось мертвенно бледным, рассудок помутился от шока, но, когда сержанта уложили на носилки, он прошептал:

— Думаю, я сделал все, что мог.

Уже четыре «Паттона» горели в проходе Джеради. Третьим в колонне Кахалани шел Эхуд. На броне его «Паттона» виднелись множественные следы попаданий. Два офицера стояли, высунувшись из башенных люков, один из них, сам Эхуд, с трудом мог двигать рукой, большая рана пересекала его лицо, а в спине застряли осколки. Рядом с комбатом находился офицер батальона по оперативным вопросам лейтенант Амирам с глазом, закрытым пластырем, с забинтованной рукой и осколками в плече. В Шейх-Зувейде Эхуд признался полковнику Шмуэлю и майору Хаиму:

— Мы живы лишь благодаря счастливой случайности.



Прорыв батальона S-14 через Джеради

Теперь «Паттон» Эхуда вновь возглавлял наступление. Он передал по рации приказ батальону рассредоточиться влево, еще надеясь прорваться через пески. Его «Паттон» стрелял беспрерывно, но из-за скученности в боевом отделении, где находилось пять человек вместо четырех, возникали сложности с заряжанием. Беспокоясь о нормальной работе связи, Эхуд взял с собой радиотехника. Тот умел заряжать пушку, но ему не хватало практики, и лейтенанту Амираму Мицне приходилось во всем помогать технику. Теперь, когда Эхуд находился на переднем крае под огнем египтян, опять случилась задержка. «Паттон»

отделяло от дороги уже двести пятьдесят метров. Амирам вновь наклонился, чтобы помочь радисту зарядить орудие. Пока они занимались этим, Эхуд выпрямился в люке, высматривая в бинокль пушки врага и прикидывая возможный путь батальона. Песок вокруг яростно вспахивали взрывы, слепили глаза вспышки пламени. В такой обстановке жизненно важным было двигаться вперед, не останавливаясь, не задерживаясь ни на секунду.

— Водитель, быстрее! — приказал Эхуд по рации.

Это были его последние слова. Амирам услышал глухой удар, и лишившееся головы тело Эхуда рухнуло в боевое отделение. Ами-раму захотелось закричать от боли. Мучительная мысль пронзила его мозг: «Эхуд мертв!», но он взял себя в руки, высунулся из люка и оглянулся в поисках заместителя комбата, майора Хаима. Лейтенант остановил свой пробивавшийся через пески «Паттон» и радировал майору, чтобы тот принял командование, но Хаим не получил сообщения. Тогда Мицна просигналил флажками, но майор Хаим был слишком занят боем. Затем Амирам заметил полковника Шмуэля на дороге и приказал водителю ехать туда. Наклонившись, лейтенант накрыл Эхуда картой Синая, он не хотел, чтобы кто-нибудь увидел его командира обезглавленным.

Приближаясь к джипу полковника Шмуэля, Амирам знаком — большой палец вниз — показал ему, что случилось. Полковник Шмуэль, едва взглянув на опустевший люк, сразу понял смысл этого жеста. Он крикнул Амираму подвести танк поближе и велел не докладывать о смерти Эхуда в батальоне, а, наоборот, передавать приказы, как если бы он еще был жив и продолжал сражаться — полковник Шмуэль сам будет отдавать приказы от его имени. В этот момент комбриг заметил офицера по вопросам личного состава, лейтенанта Илана, который выносил из боя Калахани.

— Что вы здесь делаете? Почему ваш танк не в бою?

— Пушка вышла из строя, господин полковник.

— Когда?

— Еще на перекрестке.

— Быстро к майору Хаиму, скажите ему, чтобы принял командование. Никому не говорите, что комбат убит. Передайте всем командирам танков уйти с песков и вернуться на дорогу. Мы будем атаковать с дороги.

— Слушаюсь, господин полковник

— И… одну минуту. Примите под командование роту Кахалани.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Выполняйте.

Полковник Шмуэль уже охрип.

— Тяжелые минометы сюда. Лейтенант Иосси скорректирует их огонь из танка, — сказал он Амираму, и тот передал приказ, как если бы он исходил от Эхуда. Полковник продолжал выдавать поток приказов батальону, пока тот сражался, пробиваясь через дюны, и никто не подозревал, что командир мертв.

Лейтенант Дан ездил от танка к танку, сигналя флажками отход на дорогу. Наконец он нашел майора Хаима. Дан вылез из своего танка и взобрался на танк Хаима. Майор, во исполнение приказа Эхуда, все еще искал возможности пробиться через пески.

— Эхуд убит, — сообщил Илан тихо, словно боялся, что его голос перекроет гул и грохот артиллерийских выстрелов.

— Что? — прокричал Хаим.

— Эхуд убит, — повторил Илан. — Командир бригады приказал вам принять командование.

Майор Хаим немедленно приказал водителю возвращаться на дорогу. Сложившаяся ситуация глубоко встревожила его. Комбат убит, три командира рот выбыли из строя, офицер по оперативным вопросам, Амирам, также ранен. Ни один танк батальона не остался неповрежденным, батальон противостоит стене огня, барахтаясь в песках, в которых повсюду мины. Единственный луч надежды в мрачном тумане — присоединившаяся к батальону рота Эйн-Гиля.

С непреодолимым упрямством оставшиеся на ходу «Паттоны» пробивались через пески назад к дороге. Не считая выбитых прямыми попаданиями, встали еще восемнадцати танков — у них иссякло горючее, и им пришлось ждать прибытия снабженческих колонн, что произошло уже только после полуночи.

Рота Эйн-Гиля, замыкавшая колонну, когда D-14 достиг заблокированного прохода, не успела уйти от дороги далеко. Эйн-Гиль получил приказ вернуться вместе с сообщением о том, что очередная попытка штурма укрепленной зоны будет проводиться с дороги. Подобные приказы нравились Эйн-Гилю.

— Вперед, за мной! — скомандовал он роте. За ней последовали все находившиеся в строю танки батальона, исключая роту Кахалани, и они ринулись в атаку прямо по дороге, паля из пушек и пулеметов во всех направлениям.

Было 18.00.

Головные танки мчались на скорости 45 км/ч, дистанция между машинами возрастала, поскольку не все оказались способны держать такой темп. Майор Хаим беспокоился, что египтяне смогут расстреливать танки один за другим. Двумя километрами дальше, неподалеку от позиций вражеской артиллерии, он с частью своих сил повернул налево и начал

обстреливать неприятельскую артиллерию, танки и противотанковые орудия, оказавшиеся теперь у него в тылу. Танкам в хвосте колонны майор приказал продолжать движение к эль-Аришу. Опять израильтяне зашли в тыл противнику, как это случилось в бою за Рафахский перекресток. Противотанковые орудия взлетали на воздух, а вкопанные танки вспыхивали, как свечки. Улучив момент, майор Хаим доложил полковнику Шмуэлю о сложившейся ситуации и о намерении разгромить оборону с тыла.

— Бросьте все. Идите в эль-Ариш, — приказал полковник Шму-эль, которого более всего беспокоили «Центурионы», оторвавшиеся от своих и обретавшиеся где-то впереди без горючего и боеприпасов.

D-14 продолжил наступление. И опять расстояние между танками увеличилось, поскольку каждый двигался со своей скоростью и вел огонь, как если бы действовал в одиночку. Египтяне вновь оправились от шока, один из их стрелков прицелился в «Паттон» Бенни Инбара. Бенни уже был ранен, но отказался эвакуироваться. Первый противотанковый снаряд попал в боевое отделение, второй сразу следом за ним перебил тягу системы подачи топлива. Двигатель заглох, и «Паттон» остановился. Экипаж покинул машину и залег; у заряжающего, Иосифа Фрейенты, были сильно обожжены руки. Мимо проходил «Паттон», и двое танкистов, запрыгнув на него, сумели спастись. Двух других скосила пулеметная очередь. Одним из них был Бенни Инбар.

Два снаряда поразили другой «Паттон» в воздушный фильтр и ведущее колесо. Экипаж не покинул машину и продолжал вести ее, искалеченную, неисправную, кренящуюся из стороны в сторону, до самых окрестностей эль-Ариша. В «Паттоне», на который вскочил Иосиф Фрейента, тяжело ранили командира. Заряжающий принял командование, а Фрейента занял его место. Обожженными ладонями он заряжал и заряжал орудие, пока танк не добрался до эль-Ариша. Затем Фрейента потерял сознание.

На закате «Паттоны» прорвались к эль-Аришу, покалеченные, запыленные, закопченные до черноты, лишившиеся антенн и люков. В роте Эйн-Гиля осталось только семь «Паттонов». Заграждения у переезда со шлагбаумом были уничтожены. Около лебедки лежало обожженное тело египетского солдата с голыми, обгорелыми ягодицами, обращенными к небу. Смерть застала его, когда он, упав на четвереньки, обхватил голову руками.

Когда пришло время полковнику Шмуэлю проходить Джеради с полугусеничными бронемашинами и джипами группы управления вслед за батальоном D-14, проход вновь оказался

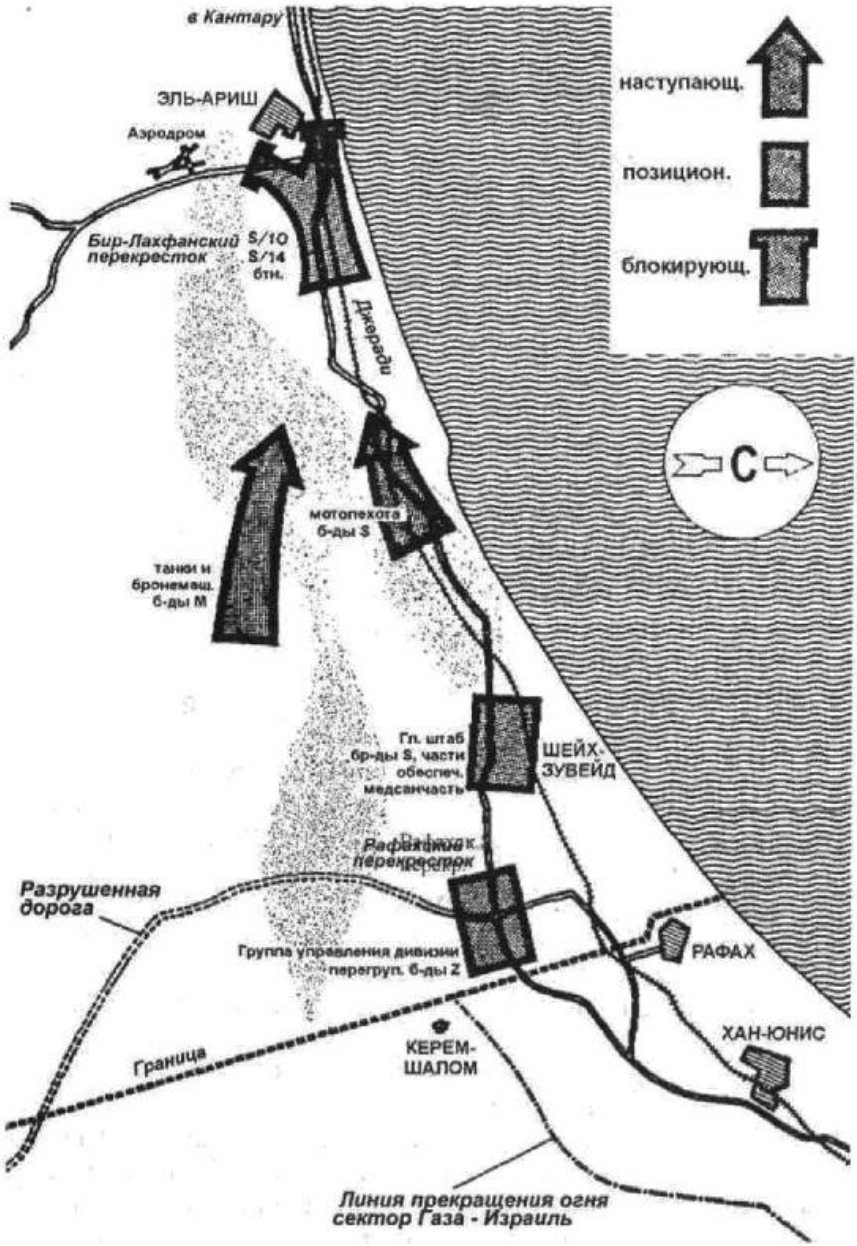
заблокированным.

Противник обрушил на тонкую броню бронемашин и на джип командира бригады плотный огонь. Нечего было и надеяться, что колонны снабжения сумеют пройти к двум батальонам, уже достигшим эль-Ариша. Группе управления пришлось отступить на прежние позиции перед входом в проход, откуда полковник Шмуэль доложил генералу Талю о сложившейся обстановке и попросил вернуть ему батальон мотопехоты, который все еще оставался под командованием дивизии и зачищал Рафахских укрепрайон.

Шмуэль хотел атаковать Джеради в третий раз, теперь ночью, и добиться окончательного открытия прохода. Он радировал роте «Центурионов», которой ранее приказывал оставаться в Шейх-Зувейде в качестве резерва бригады и для обеспечения защиты первых прибывших туда колонн снабжения, и велел им выступать к Джеради. Когда наконец они прибыли, он приказал командиру, капитану Амиру, войти в Джеради с наступлением темноты, подняться по дороге и, заняв плацдарм наверху, рассечь вражескую оборону надвое, лишив таким образом египтян свободного сообщения между собой и возможности перебрасывать подкрепления с одной стороны на другую.

Радиосвязь между полковником Шмуэлем в Джеради и генералом Талем на Рафахском перекрестке оставляла желать лучшего, и приходилось в качестве промежуточного звена задействовать станцию главного штаба бригады «D», которая находилась в тот момент в Шейх-Зувейде. Из-за этого генерал Таль еще не знал, что D-14 успешно прорвался через Джеради и соединился с D-10 в эль-Арише. Принимая решение, он исходил из того, что D-10 все еще отрезан от основных сил.

Возвращение полковнику Шмуэлю батальона мотопехоты осложнило бы ситуацию в Рафахском окне, где еще осталось немало египетских солдат, которые могли перегруппироваться, если бы израильтяне поспешили свернуть операцию зачистки. В 12.00 генерал Таль продвинул бригаду «M» вдоль направления, параллельного дороге на эль-Ариш, в точку южнее Шейх-Зувейда, в качестве резерва для атаки на него. Когда бригада вышла туда, ее появление в Шейх-Зувейде уже не имело никакого смысла. Позднее генерал Таль приказал полковнику Мену послать батальон мотопехоты на помощь полковнику Рафулю и его парашютистам, когда те вели жестокий бой на южном фланге перекрестка. То сражение, однако, также завершилось без вмешательства бригады «M», и в 15.50 Таль приказал ей двигаться на запад к укрепленному пункту на юго-востоке от эль-Ариша между аэропортом и городом.



Дивизия Таля: 24.00, понедельник, 5 июня

«М» продвигалась прямо к заданным позициям, готовая в любой момент включиться в проводившиеся дивизией боевые действия. По мере того, как вокруг делалось все темнее, продвижение все более и более осложнялось из-за отсутствия четкого проложенного маршрута и особенностей местности, сплошь покрытой песками. Когда совсем стемнело, часть вообще

потеряла дорогу и все чаще натыкалась на непроходимые участки. Колонны снабжения отставали от бригады, утопая в песках, и скоро та стала ощущать нехватку горючего.

Когда генерал Таль получил сообщение полковника Шмуэля, он прежде всего приказал полковнику Мену отослать два батальона — один танков AMX-13 и один мотопехоты, — чтобы атаковать Джеради с юга и прорвать его в третий раз. Батальону же «Шерманов» надлежало продолжить движение на запад к заданной цели бригады «M». Однако в 19.30 полковник Мен информировал генерала, что оба батальона — AMX-13 и мотопехоты — застряли в песках без горючего и без надежды на то, что колонны снабжения прибудут к ним до рассвета. Оба батальона находились уже возле Джеради, когда в баках танков и полугусеничных машин кончилось горючее и полковник Мен приказал пехотинцам идти к Джеради своим ходом. Они с огромным трудом прошли по дюнам около километра, и комбат приказал им вернуться.

Когда Талю сообщили о положении бригады «M», он решил задействовать для третьего прорыва Джеради мотопехотный батальон бригады «D». Он приказал подполковнику Макси прекратить проведение операции по зачистке в Рафахском окне и собрать батальон на перекрестке. Смелость решения заключалась в том, что прервать операцию по зачистке ночью довольно трудно, особенно учитывая протяженность неприятельских позиции и их разбросанность на значительном пространстве. Кроме того, в результате ухода мотопехоты оголялись тыловые эшелоны дивизии и особенно медсанчасти, лишавшиеся необходимой защиты от нападений, на случай, если египтяне перегруппируются.

Увидев на Рафахском перекрестке Макси с целым батальоном, движущимся в организованных колоннах, генерал Таль не смог сдержать чувств и поцеловал комбата. Макси продемонстрировал, как хорошо подготовлен и надежен его батальон. Комдив приказал им идти к Джеради на максимальной скорости, соединиться с полковником Шмуэлем и предпринять еще один прорыв. Генерал обещал оказать артиллерийскую поддержку с применением осветительных снарядов. Генерал также приказал Макси не выходить к эль-Аришу, а оставаться в Джеради и зачистить его, обеспечив таким образом дивизии путь снабжения и эвакуации.

В 21.00 сложилась следующая ситуация: два танковых батальона бригады «D» — D-10 И D-14 — находились в эль-Арише, к западу от блокированного противником прохода Джеради. Батальон мотопехоты бригады «D» шел к Джеради. Бригаде «7»

требовалось двенадцать часов для перегруппировки, и на этой стадии она не могла участвовать в операции. Бригада «M» застряла в песках без горючего. Батальон «Паттонов» T-01 оказался расколот на части: одна, под командой лейтенанта Эйн-Гиля, соединилась с бригадой «D», другую послали на помощь парашютистам бригады «7», а третью оставили с группой управления дивизии, дав возможность заправить баки и пополнить боезапас бронетехники.

На дороге из Рафаха в эль-Ариш дивизия понесла немало потерь. Разведгруппы и другие части принимали все меры для эвакуации раненых в ближайшие медсанчасти, дислоцировавшиеся у самой передовой. На железнодорожной станции в Рафахе, где размещалась такая медсанчасть, врачам и санитарам приходилось разделяться: часть их оказывали помощь раненым, а часть отстреливалась от врага. Доктора и младший медперсонал в одну минуту спасали чью-то жизнь, а в другую чью-то отнимали. Санитарным машинам приходилось следовать через места, где еще не завершили зачистку, и многие возвращались в медсанчасти, пробитые пулями, как решето. Когда огонь с земли оказывался слишком сильным и вертолетам не удавалось приземляться, раненым оказывали помощь прямо на дороге. В свете фар санитарных машин делались и переливание крови, и перевязки, и ставились шины на переломы. Доктор Сегал на обочине дороги провел операцию на сердце. В Шейх-Зувейде одиночная египетская самоходка СУ-100 угрожала полевому госпиталю. В самый последний момент ее уничтожил «Паттон», отставший из-за поломки и догонявший свою часть.

Тем временем колонны снабжения бригады и батальона продвигались вперед, постоянно застревая в пробках на узкой дороге в эль-Ариш на Рафахском перекрестке и у Шейх-Зувейда. Большинство рот снабжения пользовалось мобилизованным гражданским транспортом, неполно-приводными машинами, и их немолодые водители, забывая о необходимости держать дистанцию, старались пристроиться в хвост впереди идущему транспорту. То тут, то там на дороге и на обочинах попадались сожженные бронемашины и танки, причем как вражеские, так и израильские, то тут, то там зияли глубокие воронки от снарядов, мин и авиабомб. Повсюду царили шум и суматоха, по дороге пытались проехать все сразу: штабы тыловых эшелонов, инженерно-саперные, медицинские, ремонтные части и гражданские грузовики с боеприпасами и топливом. Водители грузовиков боялись съезжать с дороги, наверняка зная, что застрянут в песке.

Батальон мотопехоты бригады «D» на пути в Джеради почти

сразу попал в непроходимый транспортный затор около перекрестка. Ситуация казалась безнадежной. Дорогу почти полностью перекрыли сгоревшие танки и полугусеничные бронемашины, гражданский транспорт и транспорт частей обеспечения, скапливавшийся около потерявших ход военных машин. Генерал Таль дал задание своему начальнику штаба, полковнику Герцлу, провести батальон мотопехоты к цели как можно скорее.

— Я вижу, что творится на дороге, но это меня не интересует, — сказал генерал, — очистите проход, и мне все равно, как вы это сделаете.

Герцл и Макси начали энергично, не жалея глоток, расчищать путь батальону. Они приказывали командирам танков сталкивать с дороги сгоревшую или сломанную технику, а гражданскому транспорту — съезжать на обочину. Им даже пришлось припугнуть од-ного-двух водителей револьверами, когда те, опасаясь наткнуться на мины, отказались съехать с дороги. Колонна батальона утратила организованный вид, беспорядочно растянулась, и в конце концов подполковник Макси приказал своим просто объезжать весь прочий транспорт. В Шейх-Зувейде батальон вновь построился в правильную колонну и оттуда двинулся к Джеради.

К месту назначения мотопехота добралась к полуночи. Макси немедленно доложил о прибытии полковнику Шмуэлю. «Центурионы» капитана Амира уже заняли плацдарм в Джеради и теперь вели на нем бой. Мотострелковый батальон сразу вступил в действие; танки шли первыми, сзади следовала пехота на полугусеничных бронемашинах. Потом она спешилась и, оставив машины на дороге, в свете осветительных снарядов устремилась на укрепления Джеради. После жестокого четырехчасового боя израильтянам удалось захватить вражеские позиции. На сей раз атакующие не пошли дальше, к эль-Аришу, а, вновь перейдя под командование дивизии, продолжали зачистку.

Группа управления полковника Шмуэля достигла эль-Ариша во вторник, 6 июня, в 02.00. Два танковых батальона в городе провели ночь настороже, так как поблизости сосредоточились значительные силы египтян, и подполковник Пинко опасался контратаки, отражать которую пришлось бы, не имея ни горючего, ни боеприпасов. Первое, что он сделал, — разместил танки для охраны подходов к городу, и с одной ротой прочесал шоссе на Кантару. Занимая позиции, рота вела огонь по всем направлениям. Пинко также поместил роту мотопехоты с взводом танков на дорогу эль-Ариш— Бир-Лахфан, таким образом блокируя подступы к эль-Аришу. Затем он решил, что следует

объезжать пространства между местами дислокаций частей с группой полугусеничных бронемашин. Сам он возглавлял патруль. Возвратившись после очередного объезда, Пинко нашел в своем стейшн-вэгене убитого шофера. Египетские солдаты подобрались к машине и убили водителя, который скорее всего заснул от усталости. Пинко продолжил патрулирование, решив отбуксировать машину после завершения объездов. Патруль обстреливали со всех сторон, и пулеметы бронемашин беспрерывно палили в ответ. Израильтяне подожгли цистерны с топливом и склады боеприпасов египтян на железнодорожной станции эль-Ариш; огромные языки пламени вздымались вверх, ярко освещая черное ночное небо. Горело так сильно, что Пинко отдал приказ танкам отойти подальше, опасаясь, как бы в них не загорелись боеприпасы.

Майор Шамай Каплан расположил свою роту на ночь. Он потерял много крови. Ханох, Дан и другие собрались вокруг командира, чтобы подбодрить его. Они знали, как он беспокоится о Хаве, и хотели узнать, не родила ли она. Они также знали, как он мечтал о втором сыне, брате для Итая, и дразнили его, твердя, что Хава, конечно, же родит девочку.

— Чепуха, — отмахнулся Шамай, — будет мальчик. Я уже придумал для него имя.

— А мы уверены, майор, что будет девочка, — не сдавался Ханох. — И тоже придумали для нее имя — Аделаида.

— Нет уж, спасибо! — проворчал Шамай, руки которого тряслись от слабости. — Говорю вам, будет мальчик.

— Некоторые в роте тоже против Аделаиды, командир. И предлагают вам учесть их совет, на случай рождения девочки. Хавацелет, вот как они предлагают ее назвать, — сообщил Дан.

— Ладно, парни. Я буду счастлив, если родится девочка. Но уж имя позвольте мне выбрать самому. Я как-то не очень доверяю вашим талантам.

— Господин майор, а можем мы предложить еще имена?

— Сколько хотите.

Болтовня об именах разгоняла усталость.

Когда полковник Шмуэль прибыл в эль-Ариш, он решил продолжить зачистку. Как только подтянулись колонны снабжения, он приказал заправить технику специальной группы и немедленно отправить ее на захват летного поля в девяти километрах южнее города на дороге эль-Ариш — Бир-Лахфан. Бригада «М» все еще находилась в пути, и не было шансов, что она войдет в соприкосновение с неприятелем на позициях к юго-востоку от эль-Ариша до рассвета. Колонны снабжения прибыли в 04.00, и спустя два часа майор Хаим, отправившийся к аэродрому

с семью «Паттонами» Эйн-Гиля, мог рапортовать: «Аэродром нами захвачен». Израильтяне овладели летным полем после боя с египетскими танками и самоходными зенитными установками, оснащенными сдвоенными 57-мм зенитными орудиями.

Менее чем за двадцать четыре часа бригада «D» прошла с боями семьдесят километров по вражеской территории.

В 04.20 группа управления генерала Таля достигла указателя на въезде в эль-Ариш. Полковник Шмуэль подбежал и взобрался в полугусеничную бронемашину генерала. Они обнялись.

— Я хочу, чтобы ты знал: это была героическая битва, Шмулик, — проговорил генерал Таль. — Во всей истории танковых сражений насчитываются единичные примеры таких прорывов и зачисток.

— Эхуд погиб, — сказал полковник Шмуэль. Его лицо было черно от грязи и покрыто щетиной. Он снял очки, после чего на коже остались белые круги.

На некоторое время воцарилось молчание.

Генерал вспомнил свою первую встречу с Эхудом. Это произошло в сражении при Тевфике в 1960 г. Эхуд был заместителем комроты и управлял огнем взвода танков. Сам генерал Таль был тогда полковником, командиром бригады «D». Он помнил, как показал себя Эхуд в бою, а позднее — в качестве эксперта по «Паттонам». Эхуд всегда добивался во всем совершенства.

— Эхуд был настоящим тигром, — сказал полковник Шмуэль. Подсчет убитых и раненых поверг всех в уныние. Бригада «D»

понесла тяжелые потери в атаках и прорывах. Ее танки были повреждены, и ремонтникам приходилось работать непрерывно, чтобы привести их в порядок. В этот момент над головами у израильтян появились два египетских реактивных штурмовика СУ-7, направившиеся бомбить пункт заправки, где скопились десятки танков. Слова команды готовы были сорваться с уст генерала Таля, а полковник Шмуэль уже выходил из полугусеничной бронемашины, когда над СУ-7 возникли два «Миража». В долю секунды египетские самолеты, охваченные пламенем, исчезли из виду, оставив за собой дымные шлейфы, которые разгонял ветер.

Война «за выживание Израиля», как назвал ее генерал Таль во время последнего инструктажа, продолжалась. Задача взломать оборону укрепленного района противника в Бир-Лахфане изначально отводилась бригаде «M» или «7», поскольку бригада «D» нуждалась в передышке. Но утром командование дивизии отозвало «7» в свое распоряжение и перебросило для ведения военных действий в сектор Газа, а «M» еще не добралась до

египетских рубежей юго-восточнее эль-Ариша, поэтому враг все еще угрожал левому флангу дивизии. Генерал Таль дал задание полковнику Шмуэлю взять Бир-Лахфан, а полковнику Мену приказал продолжить продвижение к объекту. Получив новую директиву, полковник Шмуэль преисполнился гордости: вновь труднейшая задача ставилась перед бригадой «D» — его бригадой.

— Однако, — оговорился генерал Таль, — решающее сражение с египетской 7-й дивизии выиграно. Теперь нам надлежит действовать осторожнее, используя только один батальон, и на начальном этапе боя вести огонь с дальней дистанции, избегая поспешных штурмов. Я не хочу еще одного изматывающего сражения. Второй батальон вводить в действие только по моему приказу. Если потребуется еще одна «работа на износ», позднее мы скоординируем усилия с бригадой «M».

С этого момента приказом стало беречь жизни солдат.

Полковник Шмуэль собрал два своих танковых батальона. Люди устали. Всю ночь они блокировали пути возможных контратак, несли дежурства, ухаживали за ранеными и эвакуировали их на вертолетах. Но в эль-Арише еще не произвели зачистку, оставив это на потом. Однако, когда полковник Шмуэль отдал команду, все ощутили новый прилив сил и немедленно начали формировать колонну. «Центурион» майора Шамая Каплана должен был двинуться первым, но внезапно остановился посередине дороги. Водитель не получил приказа от командира. Шамай потерял очень много крови, всю ночь он нес дежурство по блокировке дороги и занимался обеспечением своей роты боеприпасами и горючим. Он не сомкнул глаз ни на минуту, как ни просили его подчиненные хоть немного отдохнуть. Отказался он и от эвакуации с ранеными. Рана в левой руке начала кровоточить, и медикам потребовалось время, чтобы остановить кровь. Комвзвода, приблизившийся к танку Шамая, увидел его стоящим в командирском люке, но, взобравшись к нему, осторожно тронул его за плечо — никакой реакции. Комвзвода потряс сильнее, и Шамай открыл глаза. Он не знал, где находится.

— Что случилось? Я заснул?

— Хуже, командир. Я думаю, вы потеряли сознание.

— Я никогда не теряю сознания. Я просто задремал.

— Может быть, вы приляжете в командирской бронемашине и отдохнете, а я пока приму командование?

— Нет. Со мной все в порядке. Наша задача…

— Блокировать Кантарское направление, майор.

— Точно. Водитель, вперед!

Рота майора Шамая Каплана отправилась блокировать дорогу эль-Ариш — Кантара на случай атаки египтян на северном направлении. Она заняла позиции в восьми километрах к западу от Эль-Ариша, когда город еще кишел египетскими солдатами.

Скоро «Паттоны» и «Центурионы» изготовились к продолжению продвижения к Бир-Лахфану, на юг от эль-Ариша. Батальон «Паттонов» и батальон «Центурионов» под командованием полковника Шмуэля ринулись вперед.

ГЛАВА 23

Главные тактические передвижения сил ЦАХАЛа и Египетской армии в первые двое суток можно суммировать следующим образом. Первый удар Израиль нанес с воздуха по вражеским аэродромам, что обеспечило ему господство в воздухе. Пока самолеты еще выполняли задание, дивизия генерала Таля прорвала оборону противника в Рафахском укрепрайоне, образовав таким образом Рафахское окно. На большой скорости пронзив рубежи вражеской обороны, менее чем через восемь часов танкисты захватили эль-Ариш, столицу Синая. Со своей стороны, египетская армия попыталась стабилизировать первую линию обороны силами двух бронетанковых бригад, направив их для усиления Бир-Лахфанского оборонительного узла, также находившегося в оперативно-тактическом районе дивизии Таля. Предположение о том, что именно дивизии Таля предстоит решать самые трудные задачи на Синае, оказалось правильным. Штаб противника отдал приказ об отправке двух бригад из Джебель-Либни в Бир-Лахфан уже в первые сутки. Однако ночью обе бригады столкнулись с бригадой «К» из дивизии Иоффе, которая скрытно вышла через пустыню в тыл Бир-Лахфана. В результате завязавшегося боя подкрепления египтян не сумели пробиться к Бир-Лахфану.

На следующее утро, во вторник, 6 июня, дивизия Шарона прорвалась через египетские укрепления в районе Абу-Агейлы, и Египетская армия оказалась в крайне сложном положении. Два главных рубежа первой линии обороны, Рафах и Абу-Агейла, пали, оперативное подкрепление отбросили части дивизии Иоффе, а Бир-Лахфан захватила дивизия Таля. Очень скоро египтяне оставили передовую линию обороны и отступили на вторую. То есть попытались это сделать, но ЦАХАЛ оказался куда проворнее и не дал им возможности укрепиться на заранее подготовленных позициях.

Израильские ВВС стерли с лица земли авиацию противника за два часа пятьдесят минут, а ВВС Иордании и Сирии — за один

час. Большинство самолетов было уничтожено прямо на аэродромах; из 451 вражеского самолета только около шестидесяти летчики сбили в воздушных боях. Это так ошеломило Египетское правительство, что оно заявило, будто со стороны Израиля в сражении участвовало полторы тысячи самолетов, хотя никто и никогда не оценивал парк Израильских ВВС, включая истребители, бомбардировщики, транспортные самолеты и вертолеты, более чем в триста пятьдесят машин. Тогда Абд-эль-Насер стал утверждать, что Израилю помогали ВВС других стран (жалкая отговорка, которая не спасла от отставки главу египетских ВВС).

Израильским ВВС очень помогла воздушная разведка. У нее имелась точная и всеобъемлющая информация относительно вражеской военной авиации. Благодаря этим исчерпывающим сведениям, как утверждают иностранные источники, воздушный удар решено было нанести между 08.15 и 08.45 по египетскому времени (оно на час вперед израильского), когда все офицеры ВВС Египта находились в пути — одни от дома на службу, другие от казарм к штабам. Но более важно то, что ВВС Израиля обладали высокоорганизованными наземными службами, позволявшими им без задержек отправлять вернувшиеся с боевых вылетов самолеты на новые задания, и боевой дух пилотов, сделавший возможным это фантастическое достижение.

Генерал Таль получил подтверждение относительно успеха воздушного удара авиации Израиля только в 11.00. На протяжении первых суток боев ВВС не атаковали египетские танки на Синае — их уничтожали наземные силы, — но преимущество в воздухе позволило бронетанковым войскам добиться максимального продвижения во второй день войны.

Бригаде «К» под командованием полковника Иски отводилась задача овладения позициями на перекрестке Бир-Лахфан и блокирования любого перемещения врага и поступления к нему подкреплений. Она не должна была осуществлять никаких прорывов. Под прикрытием действий дивизии Таля на севере и дивизии Шарона на юге, «К» скрытно пересекла границу и пустыню, следуя по Вади-Харидин из Ницаны к перекрестку Бир-Лахфан. Наверное, только штаб Армии Обороны Израиля способен осмелиться послать целую бронетанковую бригаду с заданием проникнуть на вражескую территорию по практически непроходимым пескам.

«Центурионы» бригады «К» прошли по песчаным дюнам 50 километров в основном на нижней передаче. На границе танкисты столкнулись с египетскими пограничниками на автомашинах без радиостанций, которых частью уничтожили, а

частью рассеяли. В 14.00 головной батальон, К-113, под командованием подполковника Авраама достиг оборонительных позиций Харидина, которые удерживались ротой. После краткого боя египтяне в спешке покинули позиции. Потери К-113 составили четыре «Центуриона», которые застряли в песках, и должны были ждать, когда их вытащат. В 16.00, когда «Центурионы» бригады «D» прибыли в эль-Ариш, «Центурионы» бригады «К» вышли в тыл противнику у Бир-Лахфана и атаковали РЛС, обороняемую ротой пехоты и зенитными орудиями. В 18.45, несмотря на плотный артобстрел из Бир-Лахфана, К-113 блокировал Бир-Лахфанский перекресток, лишив, таким образом, неприятеля возможности подтянуть к эль-Аришу подкрепления из Джебель-Либни, а затем контратаковать и отбросить бригаду «D».

Выход бригады «К» к Бир-Лахфанскому перекрестку через Вади-Харидин стал одним из точнейших и изящнейших переходов за время войны. К-113 смог блокировать перекресток только двадцатью четырьмя «Центурионами». Рота лейтенанта Илана Якуэля возглавляла батальон, который ближе к вечеру рассредоточился для блокировки перекрестка. Уже стемнело, а батальон все еще находился под артобстрелом из Бир-Лахфана, но, к удовлетворению Ила-на, снаряды не причиняли вреда «Центурионам». С самого начала он испытывал глубокую веру в танки, и теперь вновь получил доказательство надежности их брони.

В 22.00 полковник Брен повернул к группе управления полковника Иски, чтобы взять у него батальон. С того момента, когда стала очевидной возможность войны с Египтом, Брен мечтал захватить Абу-Агейлу в третий раз. Впервые он сделал это в 1948 г., когда командовал ротой в 7-м батальоне Пальмаха, которым командовал Иска, второй — в 1956 г., командуя батальоном, который взял Абу-Агейлу. Но задания между дивизиями распределились так, что Абу-Агейла оказалась в оперативно-тактическом районе дивизии генерала Шарона, и на Абу-Агейлу наступал танковый батальон подполковника Натке, в то время как Брен, заместитель генерала Иоффе, получил приказ пройти через Вади-Харидин. Мечта Брена казалась в тот момент весьма далекой от осуществления, и он уже почти уговорил себя отказаться от мысли забить третий гол в одни ворота. Перед тем как Брен лег спать, с ним связались из главного штаба дивизии и попросили помочь Натке.

— Как вы отнесетесь к идее, чтобы «К» вместе с Натке захватила бы Абу-Агейлу?

К удивлению полковника Берна, командующий Южным командованием замысел одобрял. Полковник мгновенно стряхнул

с себя сон — возможность вожделенного хэт-трика вновь стала реальной. Он немедленно попросил Иску подготовить батальон к выступлению, предупредив его, что сам поставит задачи комбату.

— Почему так вдруг и почему один из моих батальонов? — удивился Иска.

— Блокировать дорогу ты можешь батальоном Авраама, а батальон Феделе мы пошлем на захват Абу-Агейлы с батальоном Натке из дивизии Шарона, — сказал Брен.

— Но почему батальон из моей бригады?

— Мы зайдем с тыла, понятно?

— Вполне. Но послушай, Брен, я тут дорогу блокирую. В любую минуту противник может атаковать. По мне бьет артиллерия из Бир-Лахфана и…

— Слушай, Иска. Как только задача будет выполнена, я верну тебе батальон. Прямо сразу верну, утром же, — пообещал Брен.

— Но мне нужен мой батальон здесь, — настаивал Иска.

— Честно, Иска. Много времени не потребуется. Это будет очень короткое сражение. И сразу, как мы возьмем Абу-Агейлу, ты получишь свой батальон обратно.

— Ладно. В конце концов приказ есть приказ, а ты заместитель комдива. Но сразу с утра, пожалуйста.

— Самым первым делом. А, да, и еще…

Иска, уже повернувшийся, чтобы уйти, возвратился к полковнику Брену и спросил подозрительно:

— Что еще?

— Ну да. У меня для тебя сообщение от командира дивизии. Две бригады египтян идут в твоем направлении для контратаки, обе со стороны Джебель-Либни. Одна бронетанковая, насчет другой точных сведений нет — то ли пехотная, то ли тоже бронетанковая. Удачи, Иска.

— Минуточку! — завопил Иска. — Минуточку! Ты забираешь мой батальон и оставляешь мне всего один? И это, когда мне придется сдерживать две вражеские бригады?!

— Иска, ты меня удивляешь. Это же всего лишь арабы. О чем тут беспокоиться?

Водитель полковника Брена нажал на педаль, и джип растворился в темноте. Иска собрал взвод разведки и поспешил к подполковнику Аврааму проинструктировать его послать одну роту «Центурионов» вперед, чтобы иметь возможность хотя бы задержать врага на ночь. Утром, если Брен сдержит слово, второй батальон «Центурионов» возвратится.

В 23.00 батальон «Центурионов» под командованием подполковника Феделе отправился для выполнения совместного с подполковником Натке задания под общим руководством

полковника Брена: захвата Абу-Агейлы. Несколько минут спустя Иска увидел длинную вьющуюся линию огней приближавшейся египетской колонны. Из передовых частей К-113 доложили:

— Длинная-длинная колонна. Ее голова уже здесь. Колонна шла из Джебель-Либни к эль-Аришу, чтобы помочь

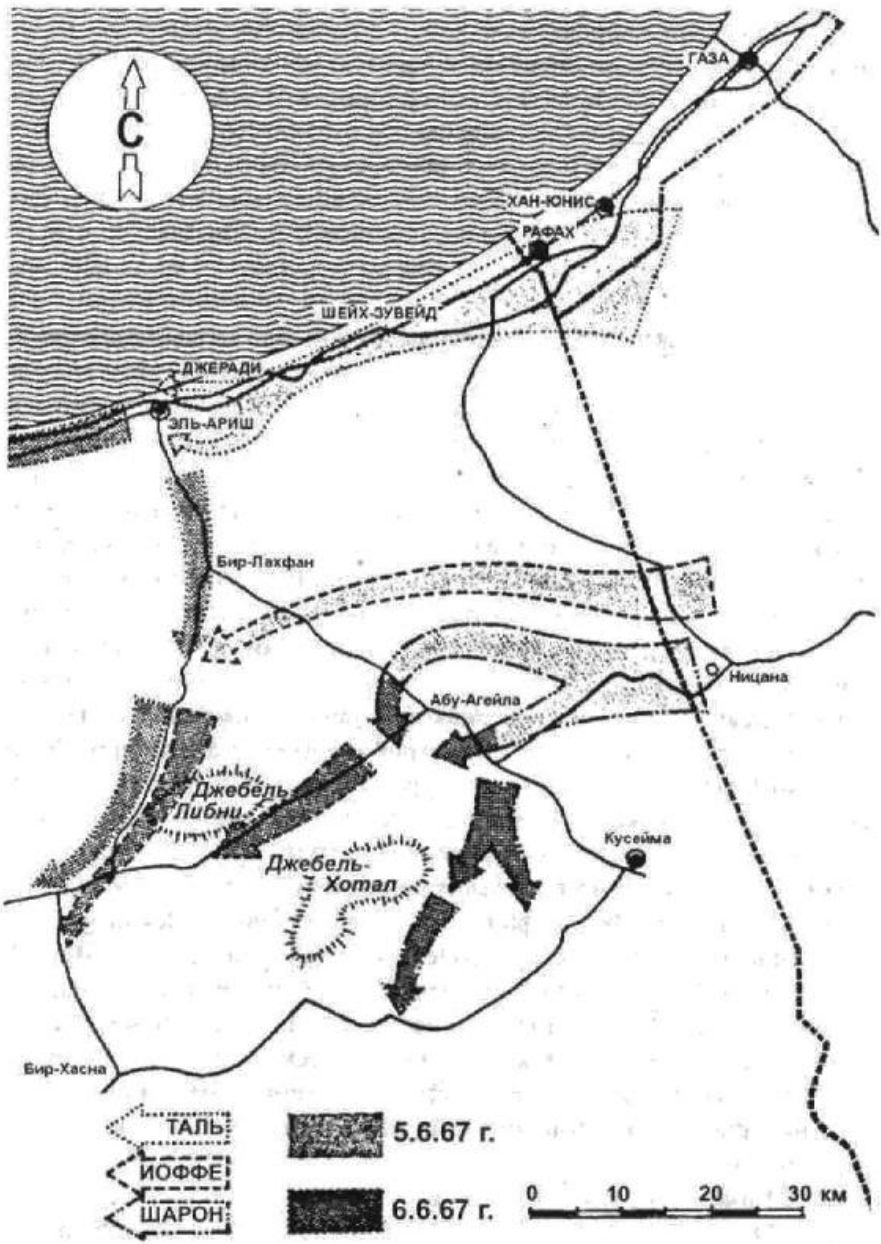
своим выбить оттуда бригаду «S», она двигалась быстро и уже оказалась рядом с ротой лейтенанта Илана Якуэля. Подполковник Авраам приказал ротным командирам занять позиции и немедленно встретить врага огнем. После первого же выстрела египетские танкисты погасили фары и открыли ответную стрельбу. Первыми залпами танкисты Илана подбили и подожгли три танка, пламя осветило грузовики с боеприпасами и цистерны с горючим, которые рота Илана тоже подожгла. В свете полыхавшей техники прицеливаться по вражеским танкам не составляло труда. Это были Т-55[112]. Но скоро египетские танки рассредоточились, успешно уклоняясь от снарядов, и растаяли во тьме. Рота Якуэля находилась на фланге. Илан зажег прожектор, сильный луч света разрезал тьму, и силуэты египетских танков высветились, как статуи в иллюминированном парке. Но прожектор скоро стал мишенью для египтян, и один снаряд угодил прямо в «Центурион» Илана. Прожектор погас, а Илан Якуэль был ранен осколками. Тут же подкатил джип разведки, чтобы отвезти лейтенанта в тыл, но он уже умер.

— Не зажигать прожекторов! — приказал подполковник Авраам.

Первыми заградительными выстрелами танкисты К-113 подбили головные танки вражеской колонны. Большая же ее часть рассредоточилась на тыльной стороне склона, вне поля зрения «Центурионов», некоторые даже вне досягаемости для пушек. Напряженное сражение теперь разворачивалось между передовыми египетскими и израильскими танками, обмен выстрелами продолжался всю ночь, но ни одна из сторон не пыталась атаковать. Это устраивало Иску. Ближе к утру он связался с командиром дивизии, генералом Иоффе, прося поддержки с воздуха и требуя возвращения своего батальона «Центурионов».

Тем временем Брен с «Центурионами» Феделе приближался с тыла к Абу-Агейле. Он пытался установить радиоконтакт с подполковником Натке, чтобы скоординировать атаку, но Натке не отвечал. Полковник Брен уже разрабатывал план захвата Абу-Агейлы с тыла силами одного танкового батальона, как сделал он это в 1956 г., и с жаром подгонял «Центурионы». Но как ни горел желанием подполковник Феделе поскорее вступить в битву с врагом, быстрее он двигаться не мог. На правом фланге у него

К-113 обменивался выстрелами с египетской бронетанковой бригадой, а слева уже в панике бежали части обеспечения противника, дрогнувшие под ударами дивизии генерала Шарона. Повсюду творилась всеобщая сумятица, в нескольких местах на крайне неровной дороге образовались заторы. Волей-неволей «Центурионы» двигались медленно.



Передвижения трех дивизий ЦАХАЛа на Синайском полуострове в первые двое суток войны

Когда наконец удалось связаться с танкистами Шарона, выяснилось, что батальон «Центурионов» Натке находился у плотины Руэфа, основного опорного пункта обороны Абу-Агейлы. Брен информировал Натке, что батальон Феделе атакует Абу-Агейлу от Бир-Лахфана. В последний момент, однако, когда батальон находился в двух с половиной километрах от Абу-Агейлы, его отозвали на помощь К-113, ведущему бой на перекрестке Бир-Лахфан. Этот приказ генерал Авраам Иоффе отдал после разговора с полковником Иской.

Брен чуть не завыл от огорчения. «Пальцы» его почти сомкнулись на «горле» Абу-Агейлы, оставалось только сжать их, и он сцапал бы ее в третий раз. Но что он мог поделать? Приказ есть приказ, и «Центурионы» вернулись на перекресток Бир-Лахфан сражаться с египетскими бронетанковыми бригадами. Абу-Агейла пала перед «Центурионами» Натке, при этом сам Натке был тяжело ранен в обе ноги. Когда танки Феделе вернулись на перекресток, уже почти рассвело. С первым лучом солнца подполковник Авраам рассредоточил К-113 по его прежним дневным позициям, а сам с командиром головной роты отправился на рекогносцировку. Ротный командир доложил, что насчитал в долине шестьдесят пять египетских танков, девять горели, так же, как грузовики и другой не обладающий броневой защитой транспорт, некоторые на расстоянии 3000 и даже 4000 метров. Авраам отдал приказ открыть огонь по египетским танкам, в то же время запросив поддержку с воздуха. При дневном освещении обстрел К-113 артиллерией из Бир-Лахфана возобновился, но велся неточно и быстро прекратился, поскольку внимание защитников Бир-Лахфанского укрепрайона отвлекли на себя начавшие атаку «Паттоны» и «Центурионы» бригады «D». В 06.00 появились «Супер-Мистэры». Средства ПВО на вражеских позициях сумели сбить один самолет (пилоту его удалось связаться с Авраамом, и его подобрали). Около 10.00 египетские бронетанковые части были разбиты и отступили к Джебель-Либни, откуда и пришли. Чтобы начать преследование, бригаде «К» нужно было заправить баки танков.

— Каковы потери? — спросил Иска.

— Один убитый, — ответил полковник Авраам. — Комроты.

— Как зовут?

— Илан Якуэль.

— Не знаю его, — пожал плечами Иска.

— Он одно время служил адъютантом у генерала Таля, — сказал кто-то.

Но Иска уже не слушал, поглощенный заботами о заправке

техники и снабжении бригады всем необходимым, чтобы как можно скорее начать преследование. Ближе к вечеру он оказался уже в Дже-бель-Либни.

Дивизия Шарона овладела укрепленными рубежами Абу-Агейлы в точном соответствии с планом, изначально являвшимся классическим. Танки прорвали внешние укрепления и захватили их в первый день, пехота пошла на штурм вражеских окопов ночью. Ночью же десантники высадились с вертолетов в тылу противника и подавили артиллерию, и затем вновь в атаку ринулись танки, углубляясь в неприятельскую оборону и круша все на своем пути.

Абу-Агейлский укрепрайон удерживала 2-я египетская дивизия, усиленная пехотной бригадой с приблизительно шестью артиллерийскими дивизионами, 88 танками Т-34 и самоходными орудиями СУ-100. В соответствии с принципами обычной диспозиции линейной обороны, укрепленные рубежи на флангах прикрывались двумя естественными преградами. Между ними на холмистых высотах притаились замаскированные бетонные рвы и доты, вдоль линии которых тянулись минные поля, вынуждавшие нападавших выбирать определенные маршруты. Чтобы выйти к укрепрайону, предстояло прорваться через плотные минные заграждения, но перед ними, в свою очередь, располагался внешний рубеж с дислоцированными на нем мобильными силами, танками и бронетранспортерами. На этих передовых позициях неприятель тоже надежно закрепился, окопавшись и поставив минные заграждения; огневую поддержку осуществляла артиллерия, размещенная в тылу укрепрайона.

Планом, разработанным генералом Шароном, в первый день бронетанковой бригаде полковника Мотке предписывалось овладеть внешними позициями, а батальону Натке — выйти в тыл Абу-Агейлы. Атака пехоты на окопавшегося неприятеля планировалась на ночь, как и нападение парашютистов на артиллерию. Это значило, что днем танки будут открыты для огня египетских пушек, и, чтобы избежать этого, генерал Шарон предпринял дерзкий шаг. Он собрал всю артиллерию, на которую смог наложить руку, и двинул ее за одним из бронетанковых батальонов полковника Мотке. Израильские орудия рассредоточились на дистанции от трех до четырех километров от рубежей египтян. Это делало ее положение опасным, но и давало возможность обстреливать вражеские укрепления продольным огнем. Смелый шаг оправдал себя, и танковые батальоны понесли минимальные потери от орудий египтян. Их главной проблемой — особенно батальона «Центурионов» подполковника Натке — стали минные поля.

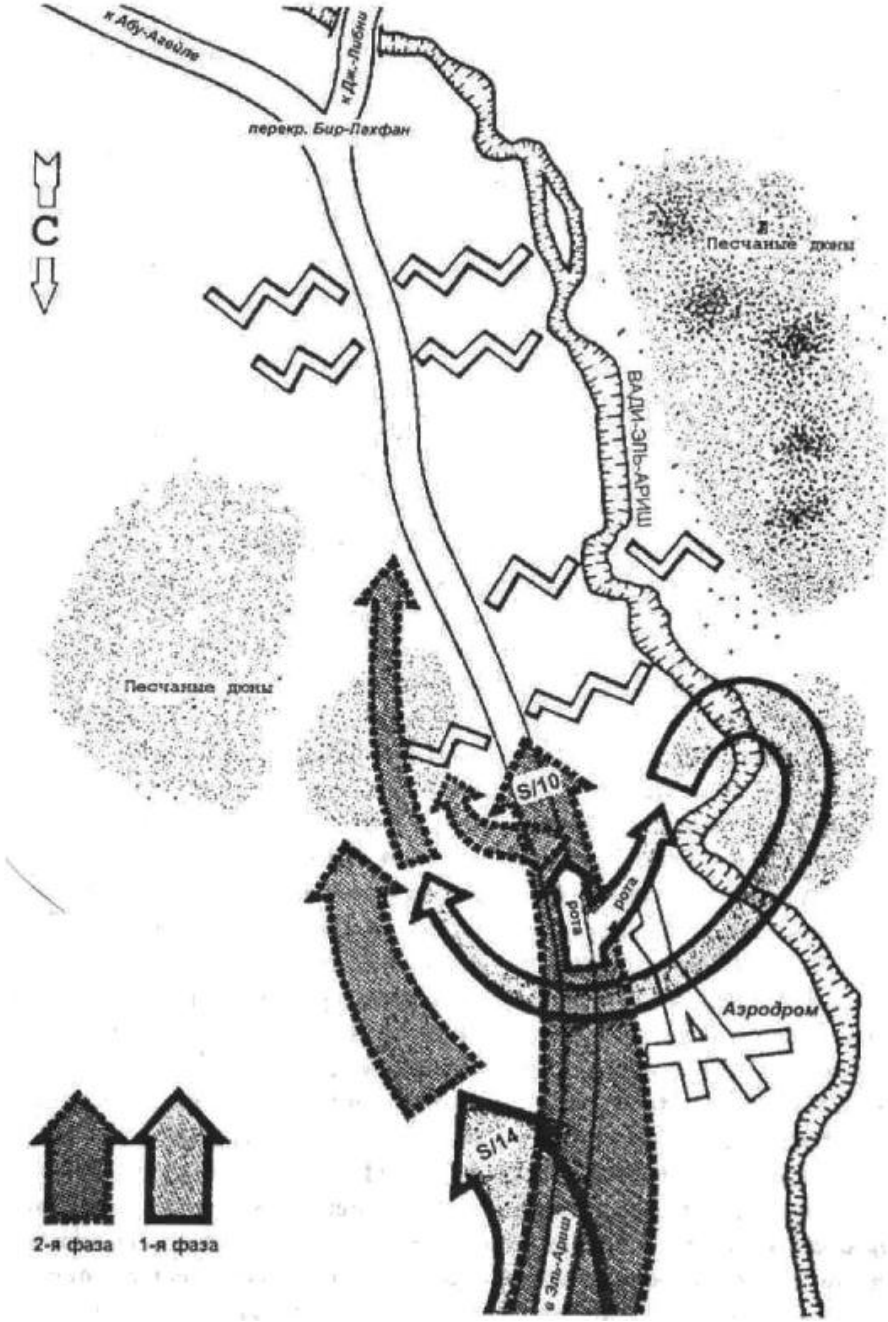
Танковая атака внешних укреплений началась утром в понедельник, 5 июня. Было всего 22.00, когда бригада пехоты из дивизии Шарона начала штурм вражеских окопов. Когда пехотинцы захватили первые три и достигла дороги, генерал Шарон послал вперед инженерно-саперные части для обезвреживания минных полей и двинул танки в бой внутри укрепленных позиций. Парашютисты высадились с вертолетов в тылу у артиллерии, огонь которой подавили в 01.00 во вторник, 6 июня; танки полковника Мотке уже вышли в тыл оборонительных сооружений Абу-Агейлы и продвигались к очагу противотанковой обороны. Танкам пришлось вести тяжелый бой, продолжавшийся до полудня.

Части дивизии Шарона, действовавшие на южном фланге израильских сил на Синае, продвигались на направлении Абу-Агейла — Нахле. Дивизия Иоффе находилась в центре, наступая вдоль оси Митла — Суэц, а дивизия Таля осуществляла натиск на северном фланге двумя путями: эль-Ариш — Кантара и Джебель-Либни — Бир-Гафгафа — Исмаилия.

Таким образом, израильтяне осуществили прорыв на Синае, сконцентрировав бронетанковые части в северной части полуострова. ЦАХАЛ сосредоточил большинство своих сил между Абу-Агейлой и Рафахом, на пятидесятикилометровом северном участке фронта, общей протяженностью около 210 км. Три дивизии, тараном проломив вражескую оборону на этом узком отрезке, вырвались на оперативный простор и, разбившись на несколько колонн, устремились вглубь Синайского полуострова.

Каждая из трех дивизий предпочитала свой стиль ведения военных действий. Дивизия Таля штурмовала укрепленные позиции, обходя их с флангов и прорываясь бронетанковыми клиньями, дивизия Иоффе подбиралась к цели скрытно, не осуществляя прорывов, дивизия Шарона полагалась на ночные атаки силами пехоты, десантников и бронетехники.

С момента начала наступления на Синай дивизии не ослабляли натиска, не останавливались до самого завершения кампании, когда утром на пятый день войны они вышли к берегам Суэцкого канала.



Прорыв Бир-Лахфанского узла обороны бригадой «S» (6 июня)

Пока бои под Абу-Агейлой еще во всю кипели, а в тылу Бир-Лахфанского укрепрайона бригада «К» вела танковую дуэль с бронетехникой противника, высланной в поддержку обороны в

Бир-Лахфане, дивизия Таля уже в пятый раз устремилась на прорыв. Но на сей раз обошлось без «свингов» и «прямых», как в Хан-Юнисе, в Рафахском окне, в Шейх-Зувейде и Джеради. Пока бригада «М» штурмовала укрепленную зону на юго-востоке от эль-Ариша, бригада «D» ударила на Бир-Лахфан.

— Не беспокойтесь, Хаим, — сказал полковник Шмуэль майору Хаиму, сменившему на посту комбата Эхуда.

— Да, полковник.

— Сначала задействуйте одну роту и доложите мне.

— На дальней дистанции?

— Да. И другие роты вводите только по моему приказу. Я хочу, чтобы это был образцовый бой, без потерь.

— Как на учениях, полковник?

Роте Эйн-Гиля предстояло первой вступить в бой при Бир-Лахфане — в зоне обороны бригады, хорошо окопавшейся и имевшей в своем составе танки, противотанковые орудия и пехоту. Рота заняла огневые позиции слева от дороги и начала огневую дуэль с дальней дистанции. Майор Хаим попросил накрыть вражескую артиллерию в тылу Бир-Лахфана контрбатарейным огнем, затем доложил комбригу о результативности боевого контакта на дальней дистанции и получил разрешение ввести в действие другие роты. Полковник приказал майору обойти объект с левого фланга через песчаные дюны, и две роты под прикрытием огня танков Эйн-Гиля «просочились» через пески и появились там, где египтяне менее всего ожидали их увидеть. Внутри укрепрайона израильтяне один за другим уничтожили четырнадцать египетских танков и подняли на воздух несколько противотанковых орудий. Роты продвигались неспешно, проходя сектор за сектором, и стрелкам предоставлялось время хорошенько прицеливаться. Увидев, что бой развивается, как ожидалось, генерал Таль удовлетворил просьбу полковника Шмуэля и разрешил ему ввести в действие второй батальон. D-10 поспешил к дороге и прошел рубежи вражеской обороны как горячий нож сквозь масло. Египтяне толпами покидали позиции, обращаясь в бегство, только чтобы обнаружить у себя в тылу на перекрестке Бир-Лахфан — Джебель-Либни — Абу-Агейла «Центурионы» бригады «К». Некоторые из спасавшихся паническим бегством египтян направили свои машины в пески, где и увязли, другие, уже не полагаясь на технику, сбрасывали ботинки, стаскивали с себя форму и поспешно облачались в прихваченные с собой белые бурнусы бедуинов. Нарядившись так, как если бы никогда и не служили в египетской армии, они ускользали в пустыню. Однако, чтобы не дать врагу перегруппироваться и создать помехи наступлению

дивизии, как это произошло в Джеради, генерал Таль бросил за танками бригады «D» на зачистку укрепрайона батальон мотопехоты бригады «M». Таким образом, дивизия Таля записала на свой счет в общем и целом шесть вражеских бригад.

К полудню прорыв Бир-Лахфанского укрепрайона завершился без потерь, и бригады «D» и «K» соединились на перекрестке дорог Бир-Лахфан — Джебель-Либни — Абу-Агейла.

Впервые с начала войны командирская группа дивизии собралась на аэродроме в эль-Арише. Генерал Таль определил будущие задачи и раздал приказы. Офицеры сидели на огромном камне, закрывавшем вонючую выгребную яму, и им сильно досаждали мухи. Мухи — проклятье Синайской пустыни, и на аэродроме в эль-Ари-ше они вились низкими облаками. Когда на земле расстелили большую карту, мухи восприняли это как приглашение и практически закрыли ее.

Офицеры были настолько измучены, что не замечали ни палящего солнца, ни жужжания назойливых насекомых. Генерал Таль приказал группе Исраэля, которой по окончании выполнения задания в Газе предстояло присоединиться к полковнику Рафулю и его бригаде «7», продвигаться на Кантарском направлении. Остальная часть дивизии должна была наступать по главному маршруту к Исмаилии. Подполковник Макси, командир мотопехотного батальона бригады «D», все еще находившегося под прямым командованием дивизии, получил приказ задержаться в Джеради, чтобы обезопасить пути снабжения и эвакуации, а оставшуюся часть своего батальона направить на зачистку эль-Ариша. Но генерал Таль не мог не заметить, как устали его люди, особенно беспокоила бригада «D», которая сражалась без передышки уже тридцать шесть часов, и он решил приказать полковнику Шмуэлю отдохнуть.

— Мы не нуждаемся в отдыхе, генерал.

— Это приказ. Вся бригада «D» будет отдыхать. Полковник Шмуэль вернулся в бригаду и велел всем немного поспать. Экипажи разделились надвое — одни спят, другие стерегут — и первые легли на мягкий песок и заснули. Но ненадолго.

В Шейх-Зувейде бригада «D» взяла первых военнопленных, включая подполковника. Его попросили сесть на землю вдали от остальных пленных. Никто не знал, что с ними делать. Танки все время двигались вперед, и личный состав не располагал временем для того, чтобы заниматься пленными. Каждый офицер старался спихнуть проблему на того, кто придет вслед за ним. Часть, захватившая египтян, окружила их колючей проволокой, а поскольку подполковник сидел отдельно, вокруг него сделали отдельную выгородку. Подполковник возбуждал всеобщее

любопытство, и скоро во время остановок некоторые стали заговаривать с ним по-английски. На нем была отлично отглаженная легкая форма цвета хаки, черные башмаки из хорошей кожи и кольца на пальцах. У него обозначался кругленький животик, щеки казались нежными и мягкими. Он вообще не производил впечатление человека военного.

Он немедленно и охотно отвечал на любой вопрос, не уставая твердить что не любит войну, что он — мирный человек, что его служба в инженерных частях не требовала от него участия в боевых действиях, что решал он чисто инженерные задачи — задачи обеспечения и ничего больше. Он настойчиво повторял стоявшим вокруг танкистам, что нет человека более любящего мир, чем он.

— Сколько вы пробыли на Синае? — спросил его сержант.

— Двадцать суток, сэр. Я прибыл сюда из Йемена. Приказ. Поверьте мне, сэр, без приказа ничто не заставило бы меня приехать сюда — кроме разве что рыбная ловля, которую я, признаюсь, очень люблю. Может быть, я бы даже ослушался приказа, но я такой страстный рыболов. Вы же видите, по натуре я вовсе не воинственный человек. Нет, без приказа я никогда не оказался бы здесь, уверяю вас. Но мне так нравится ловить рыбу.

В его голосе звучали нотки подлинной печали. Худощавый, усатый младший офицер, находившийся поблизости от ограждения, закричал подполковнику на арабском:

— Заткнись!

Подполковник мягко упрекнул его за грубость, после чего между ними завязался сопровождавшийся богатой жестикуляцией диалог.

Когда пришел приказ о броске на эль-Ариш, один из танкистов положил флягу с водой на землю неподалеку от подполковника, затем часть исчезла из виду по пути к Джеради, и пленные остались без охраны, если не считать находившейся на некотором удалении танковой части, занимавшейся ремонтом и профилактикой машин. Египтяне продолжали сидеть в своих загончиках — отдельно подполковник и отдельно другие. Они сидели и терпеливо ждали. Позднее другая танковая часть остановилась поблизости по пути в Дже-ради, и люди с интересом разглядывали пленных. Один из командиров рассвирепел из-за того, что их оставили без охраны (хотя сам он тоже не мог выделить на это людей). Что взбесило его более всего — фляга с водой, лежавшая рядом с подполковником. На ней красовалась большая буква «7», подтверждавшая, что фляга — собственность ЦАХАЛа. На глазах командира совсем недавно погиб его лучший друг; в ярости он отшвырнул флягу. Тем временем часть

получила приказ двигаться дальше и тоже исчезла из виду. Затем появилась мотопехота. Один из лейтенантов, пораженный видом пленных — так нельзя обращаться с людьми! — дал им напиться из канистры. Но и ему пришлось уйти, опять бросив египтян без присмотра, но с запасом воды, оставив им возможность поступать как вздумается до момента появления следующей израильской части.

В эль-Арише дивизия Таля взяла множество пленных, включая двух генералов: командира артиллерии, замещавшего командира 7-й дивизии, и командира артиллерийской бригады. Исполнявшего обязанности командира 7-й египетской дивизии привели к генералу Талю незадолго до того, как бригада «D» атаковала Бир-Лахфан. Во избежание кровопролития Таль попросил египтянина убедить солдат в Бир-Лахфане сдаться, так как их судьба в любом случае решена.

— Я люблю своих солдат, как собственных сыновей, — ответил генерал, — и я не хочу проливать их кровь. Но я солдат, и вы не можете ожидать, что я соглашусь выполнить вашу просьбу. — Вместо этого он предложил поговорить с артиллеристами на береговых батареях. — Вы, возможно, не знаете, но эти батареи легко разворачиваются на 360 градусов, и они могут представлять угрозу для вашего тыла. Вот им я могу предложить сдаться, поскольку эль-Ариш уже пал.

Солдаты из группы Исраэля отвезли его к береговым батареям, но когда они прибыли туда, орудийная прислуга уже разбежалась, успев вывести из строя пушки. Прибыл вертолет и увез обоих генералов в Израиль для допроса.

На второй день войны пленных брали немного. Большинство египетских солдат прятались по деревням и лагерям за первой линией обороны или убегали далеко в пустыню; они сдавались, только когда их вынуждали к этому голод и жажда, спустя несколько дней. На аэродроме в эль-Арише дивизия впервые своими глазами увидела результаты рейдов Израильских ВВС. Аэродром походил на город привидений. О воздушных налетах напоминали только превращенные в прах самолеты и изрытые воронками взлетные полосы, все прочее осталось нетронутым. В продовольственных складах и войсковых лавках сохранилось огромное количество сигарет, галет и мясных консервов, не лучшего качества, но поначалу они показались солдатам деликатесами, так что люди кинулись набивать животы. Даже некурящих убеждали попробовать египетские сигареты.

Руби, радиотехник полковника Шмуэля, заметил, что командир бригады ничего не ест, только пьет черный кофе, который для него приготовили на короткой остановке. Он

предложил командиру мясной сэндвич, от которого полковник, еще не отошедший от напряжении, боя и находившийся под впечатлением приказа генерала Таля об отдыхе, отказался. Но поняв, что предложенная ему еда из египетских складов, комбриг пришел в ярость. Из своей бронемашины он увидел двух солдат из резервной части, обыскивавших брошенный вражеский грузовик в поисках трофеев. Комбриг сжал кулаки и едва не выскочил из машины, чтобы учинить немедленную расправу, но подавил ярость и приказал Руби привести к нему солдат. Того, который уже набрал добычи, полковник приказал арестовать.

Арестованный чувствовал себя несправедливо обиженным и стал кричать:

— Если бы египтяне взяли Тель-Авив, там ничего бы не осталось. А вы сажаете меня под замок за то, что я взял сувенир!

Руби испугался, что полковник сейчас разорвет парня на клочки и быстро угомонил крикуна.

По рации из Южного командования оповестили о скором приезде в дивизию командующего силами Израиля на юге генерала Иешаягу Гавиша. Для ориентира вертолетчику взорвали цветную дымовую шашку, и в 18.20 генерал Гавиш бодро вышел из вертолета. Он привез новости. Из показаний военнопленных стало известно, что командование в Каире приказало египетской армии отступить на вторую линию обороны. В соответствии с этими данными, трем израильским дивизиям предписывалось продолжать продвижение и преследование противника. Два генерала посовещались и решили, что дивизия Таля будет развивать наступление одной колонной на направлении Бир-Лахфан — Джебель-Либни — Бир-Гафгафа — Исмаилия, а другой — вдоль оси эль-Ариш — Кантара.

Таким образом, преследование началось на второй день войны и завершилось с ее окончанием.

Генерал Гавиш улетел на вертолете в другие дивизии, а генерал Таль вновь выбрал бригаду Шмуэля авангардом наступления, поскольку бригада «М» еще не перегруппировалась, и ее технику предстояло заправить горючим и провести ремонт после трудного марша по пескам. Бригада «D» не только лишилась обещанного короткого отдыха, но и вновь должна была возглавить дивизию, о чем полковник Шмуэль вовсе не сожалел. Он мгновенно преисполнился бодрости, точно сразу забыв о нескольких бессонных ночах. В 19.30 бригада «D» устремилась вперед через безмолвную пустыню под чистым и усыпанным звездами небом.

Генерал Таль уселся на приподнятое сиденье своей полугусеничной бронемашины и разложил перед собой карту. Его

адъютанты, начальники отделов — оперативного, связи и разведки — собрались вокруг. Тут подошел офицер связи Пини и сообщил комдиву, что с ним желает говорить генерал Иоффе.

— Тирах. Это Аяла. Прием.

— Аяла. Это Тирах. Прием.

— Тирах. Это Аяла. Мы должны скоординировать планы. Прием.

— Аяла. Это Тирах. Отлично. Предлагаю встретиться на аэродроме в Джебель-Либни. Прием.

— Тирах. Это Аяла. Согласен. Отбой.

Съехались две группы управления — генерала Таля и генерала Иоффе. При встрече присутствовал и полковник Иска, который, подробно повествуя о боях и приключениях своей части, сказал:

— А, да, я только что вспомнил. Илан Яку… Якутиэль или что-то в этом роде… тот, что был вашим адъютантом, как мне сказали. Он погиб.

— Илан? Погиб? — голос генерала дрогнул. — Как?

— В бою против бригады «Президентская гвардия». Единственный погибший в том бою. Хороший парень, я уверен.

Голос генерала Таля обрел прежнюю уверенность. Дела не ждали. Генерал Иоффе предполагал, что на южном направлении, на пути к Бир-Хасне, противник будет оказывать его дивизии яростное сопротивление. С целью ослабить неприятельское противодействие на этом участке, Иоффе попросил Таля атаковать аэродромы в Аль-Хаме и Бир-Хаме. Они определились с границами между дивизиями.

Генерал Таль поспешил вернуться в свою дивизию и послал за полковником Шмуэлем и полковником Меном. Он проинформировал их о намерении захватить аэродромы в Альхамме и Бир-Хаме на рассвете, при поддержке дивизионной артиллерии. Атаковать будет бригада «D», бригада «M» останется в резерве и вступит в действие по приказу в случае возникновения необходимости. Пока командиры совещались, противник пересек путь продвижения передовой группы управления генерала Таля. Две колонны — израильская и египетская — почти соприкоснулись, и сначала египтяне пребывали в уверенности, что группа управления Таля — одна из их танковых колонн, поскольку и те, и другие в данный момент спешили в одном направлении и даже, похоже, собирались присоединиться к ней. Но израильтяне идентифицировали их как египтян и открыли огонь.

После разгрома неприятеля генерал счел необходимым дать двухчасовой отдых своим людям, да и себе тоже. Он смертельно

устал. Ему пригнали джип и разложили в нем сиденья так, чтобы командир мог улечься на них. Исключая охрану, все спали там, где были, — около танков, под полугусеничными бронемашинами, у колес джипов, устроившись на прикладах Узи, ящиках со снарядами и канистрах с горючим. У них не нашлось сил даже сделать чай или кофе, они просто упали и уснули. Питавший радиостанцию генератор издал последний всхлип, точно сова, и умолк. Наступила тишина. В эту холодную, сухую ночь дул ветер, какие обычно дуют на бесконечных просторах. Вокруг не нашлось ни кустов, чтобы прошуршать листвой, ни островков травы, лишь горсти песка и пыли вздымал он в воздух. Шакалы не выли, не кричали ночные птицы, даже мухи перестали жужжать. Кругом царило ничем и никем не нарушаемое молчание пустыни, объединяющее все живое и мертвое.

Вдруг тишину прорезал свист. Генератор вернулся к жизни, и радио заработало. Радист подозвал адъютанта комдива, который побежал будить вытянувшегося на переднем сиденье джипа генерала Таля — в Южном командовании не согласились с планом координации действий, составленным генералами Талем и Иоффе.

Таль вернулся в полугусеничную бронемашину, надел наушники и принял новый приказ. Дивизии Иоффе предстояло продвигаться на юг, а дивизия Таля переходила в резерв Южного командования. Если бы солдаты могли слышать разговор, они бы обрадовались, поскольку сообщение означало — их ожидает более продолжительный отдых. Но участники переговоров пользовались кодами.

Они велись между 800 и 1600. 800 (генерал Таль) не соглашался с 1600, а 1600 спорил с 800. Затем Таль попросил офицера связи соединить его с высшим начальством, с 2700. Но это не получилось. Генерал Таль, однако, не успокоился. Он велел офицеру связи установить радиоконтакт, даже если для этого придется вызвать с неба архангелов. Между командованиями лежала пустыня, и офицер связи Пини перепробовал все возможные способы, пока наконец ему не удалось установить контакт с 2700 через промежуточную станцию.

Пока все спали и все пребывало в покое, голос генерала Таля пронзал бескрайнее пространство холодной пустыни. Комдив говорил сдержанно и взвешенно, так что создавалось впечатление, что речь его замедленна. Таль решил убедить 2700 в преимуществах своего и генерала Иоффе плана. Обычного кода не хватало и разговор заполнился импровизированными кодовыми терминами. Маленькая лампочка освещала карту, по которой генерал Таль зачитывал закодированные названия

населенных пунктов и направлений движения. Звучало это так, будто они обсуждали план захвата Луны.

Таль: Смотрите, 2700, я хочу пройти вдоль оси Кассиопея к № 34, а мой парень из иешивы, знаете вы его, Гаон из Вильно, обойдет Сталинград и будет наступать на Океан Бурь.

2700: Послушайте меня, 800. Оставьте Океан Бурь Ваал-Шем-Тову и оставайтесь в резерве на Вормсском направлении. Максимум, что вам позволено, наступать на Мехико…

Таль: Мехико? Может, на Пумбадиту?

2700: На Мехико, на Мехико, а талмудистов оставьте в резерве.

Таль: Это ужасная ошибка, 2700. Я бы оставил молельщика из Мезрехии там, где он есть, а наступал бы на Порт-Аллегро с Ваал-Шем-Товом и Гаоном из Вильно и дальше на Пумбадиту.

Спор в радиоэфире закончился только тогда, когда Таль убедил 2700 в том, что план, придуманный им и генералом Иоффе, более целесообразен. Даже когда дискуссия завершилась, генерал Таль остался в бронемашине и не пошел в джип, чтобы доспать оставшийся отрезок времени. Поглощенный размышлениями, он тер застрявший в щеке осколок и изучал карту. Один за другим его помощники собирались вокруг комдива; они проснулись, пока Таль говорил с 2700, и немедленно поняли — принимается важнейшее решение. Командирская бронемашина приняла вид класса в иешиве, где генерал Таль исполнял роль наставника, растолковывавшего ученикам премудрости Талмуда. Он мысленно подсчитывал расстояния, горючее и боеприпасы; вопрос состоял в том, сможет ли бригада «D» после двух суток беспрерывных прорывов и боев и на третий день возглавить дивизию и вынести на своих плечах тяжесть первого удара. Таль поинтересовался организацией воздушных выбросок снабженческих грузов и получил удовлетворивший его ответ.

— Готовьтесь к выступлению! — приказал генерал.

Дивизия ожила, зазвучали отрывистые команды, тишину взорвал рев танковых двигателей. Техника тронулась, оставляя за собой шлейфы отработанных газов и вздымая клубы пыли.

Бригада «D» поспешила к перекрестку Джебель-Либни с севера, чтобы развернуться для атаки на Бир-Хаму. Днем раньше «К» вела напряженный бой в том же самом месте, и когда они встретились, полковник Иска предупредил полковника Шмуэля, чтобы тот обратил внимание на фланг, где находятся египетские самоходки СУ-100 и танки Т-54. Они обстреляли бригаду «К», и та понесла потери. Теперь полковник Шмуэль собирался решить эту проблему радикальным образом. Ему требовался проворный,

находчивый командир, способный быстро передвигать свои машины по пескам, который сможет выбрать удачные огневые позиции, чтобы раз и навсегда угомонить этот беспокойный египетский фланг. Комбриг выбрал майора Шамая Каплана, и не напрасно. В начале боя эта египетская бронетехника с удобных позиций на фланге вела по израильтянам точный огонь, пока рота Шамая не подавила его.

Небо постепенно серело. Бригада «M» тоже присоединилась к наступлению соседей. Бригада «D» действовала с севера дороги на Бир-Гафгафу, а «M» — с юга. В какой-то момент возникло опасение, как бы бригады «M» и «D» по запарке не приняли друг друга за египтян и не начали палить одна в другую. Генерал Таль предупредил командиров о возможности возникновения такой ситуации. Вследствие этого полковник Шмуэль приказал возглавлявшему наступление D-10 не открывать огонь без четкого приказа, и в результате D-10 влетел на оборонную территорию вражеской мотопехоты без выстрела. Только когда танкисты прошли опорный пункт насквозь и вышли в тыл неприятелю, все сомнения относительно национальной принадлежности обороняющихся рассеялись. Тут уж полковник Шмуэль скомандовал: «Кругом!» и приказал зачистить вражеские позиции. В полдень бригада «D» заняла Аль-Хаму.

На вершине холма, неподалеку от передовой группы управления израильтяне обнаружили мощные египетские оборонительные сооружения, главным образом доты. Танки и полугусеничные бронемашины поднялись на холм и буквально смели противника. Как раз в этот момент появились быстро приближавшиеся «Центурионы», пушки которых были нацелены прямо на холм. Черная броня (а цвет ЦАХАЛа — хаки) машин сияла на солнце. Они показались настолько красивыми, что на миг все застыли в восхищении.

— Господин генерал, — проговорил один из офицеров, — нам бы лучше заняться ими, пока они не подошли слишком близко.

— Я не уверен, что это вражеские танки, — возразил генерал Таль, глядя в бинокль.

Его штаб принялся разглядывать танки в полевые бинокли.

— Может быть, это «Центурионы» из Кувейта?

— Возможно, они из какой-то специальной египетской части.

— Это наши «Центурионы», — твердо произнес генерал Таль.

— Господин генерал, вы ошибаетесь. Если мы не обстреляем их первыми, они сметут нас.

Сначала кто-то еще поддерживал точку зрения генерала Таля, но один за другим его союзники переходили в лагерь тех, кто

считал танки вражескими. Ведь в ЦАХАЛе и в самом деле не было ни одного черного «Центуриона».

— Как же они красивы черные! — воскликнул генерал Таль. — Не стреляйте!

Под конец он остался единственным, кто еще не считал эти танки вражескими. Что поражало — приближаясь, «Центурионы» все не открывали огня. Наконец, они подошли совсем близко, и стало видно, что это танки батальона Б-10, расстрелявшие боезапас в бою за Бир-Хаму: сажа и копоть выкрасили танки в черный цвет.

ГЛАВА 24

Третий день войны, среда, 7 июня 1967 г., стал днем гонок на Синае. Три дивизии ЦАХАЛа состязались с врагом, особенно с египетской 4-й дивизией. Враги удирали, израильтяне гнались за ними. Финишной линией гонок того дня служил последний рубеж отступления — Суэцкий канал.

Существовали три пути, которыми египтяне могли воспользоваться для упорядоченного отхода, в то же время блокируя продвижение израильтян: через пески за Бир-Гафгафа, на Исмаилийском направлении и через перевалы Митла и Джиди на дороге к Суэцу. Этими путями египтяне, неотступно преследуемые дивизиями ЦАХАЛа, и собирались воспользоваться. Они улепетывали так, что пятки сверкали, и от дивизии генерала Иоффе, стремившегося достигнуть и перекрыть перевалы Митла и Джиди, пока враг туда не добрался, и от дивизии генерала Таля, мчавшейся к Бир-Гафгафе, чтобы блокировать врагу выходы из Бир-Тмаде на Исмаилию (боковое направление, связывавшее Суэцкое направление с Исмаилийским и соединяющееся с ним к западу от главного аэродрома Бир-Гафгафы).

В безостановочном преследовании врага на третий день участвовали также и ВВС Израиля. Как узкие асфальтовые реки, немногочисленные дороги текли через глубокие пески, и техника бегущих египтян превращалась для израильских пилотов в легкие мишени. В некоторых местах появление израильских самолетов останавливало целые колонны. Водитель первой машины бросал ее и бежал прятаться в пески, и весь прочий транспорт выстраивался в бесконечные цепочки, образовывая целые поезда из грузовиков, цистерн, бронетранспортеров и инженерно-саперной техники, которые легко можно было поджечь одной напалмовой бомбой. Однако в той мере, в какой действия ВВС замедляли продвижение египтян в их бегстве к Суэцкому каналу, в той же мере они задерживали дивизии ЦАХАЛа, пытавшиеся

догнать противника, поскольку танкам приходилось маневрировать, чтобы проехать между остовами сгоревших транспортных средств.

Наибольшего напряжения достигла гонка на Суэцком направлении — к перевалам Митла и Джиди. В Бир-Хасне бригада «К» тонула в потоках стремившихся к перевалам вражеских грузовиков, танков и бронетранспортеров. Отступление египтян достигло апогея, и израильтяне задерживались еще и из-за проблем, возникавших с военнопленными. Водителям-механикам «Центурионов» бригады «К» приходилось демонстрировать чудеса виртуозного вождения, как если бы они гоняли по узким и извилистым улочкам какого-нибудь восточного города. К-113 спешил к перевалу Митла, чтобы опередить врага. Ему предстояло сражаться с теми неприятельскими частями, которые еще не утратили воли к сопротивлению, и в то же время действовать в соответствии с правилами Женевской конвенции по военнопленным в отношении, тех, кто хотел сдаться в плен. Еще больше усложняло дело то, что на протяжении долгой гонки к перевалу Митла командиру К-113 и комбригу, полковнику Иске, приходилось постоянно думать о снабжении танков горючим.

Все это жутко раздражало заместителя Иоффе, полковника Брена. Он получил разрешение от командира дивизии. продвигаться впереди группы управления дивизии и вошел в Бир-Хасну несколькими минутами позже того, как через этот населенный пункт проследовал К-113. Брен ехал на джипе в сопровождении джипа разведки. Догоняя К-113, он слышал по рации жалобы комбата: «Нет горючего! Нет горючего!» В то же время командиры К-113 видели клубы пыли, поднимаемые египетской бронетехникой, пытавшейся прорваться к Суэцу через перевал Митла, и стремились вступить в бой с противником. Полковник Брен интуитивно чувствовал, что боевой дух личного состава частей в египетской колонне сломлен, враг разбит и не способен оказывать серьезного сопротивления. Брен считал неразумным впустую тратить время и топливо на погоню за отступающим неприятелем, по мнению заместителя комдива, было бы куда правильнее соединить все усилия в едином броске к перевалу Митла и блокировать его. Полковник полагал, что дивизия генерала Иоффе продвигается недостаточно быстро. Он осмелился высказать свою точку зрения полковнику Иске, чем глубоко задел его.

— В чем дело, Брен? По-твоему, мы плохо воюем?

— Вы хорошо воюете, Иска, просто незачем принимать всерьез этих египтян. Ни к чему гробить силы на бои вроде этих

— пустая трата топлива. Вам надо совершить бросок к перевалу Митла и блокировать его.

Полковник Брен умерил свое раздражение. Но, услышав по рации доклад командира К-113 о том, что горючего осталось на полчаса и что батальон не доберется до перевала, сдержаться не смог. Он приказал водителю мчаться вперед и догнать комбата, но так торопил шофера, что неожиданно оказался впереди батальона, на краю лагеря египетской армии в Бир-Тмаде. Разведывательная рота бригады «К» подъехала к полковнику Брену, и он послал джип обратно, чтобы найти командира К-113. Ожидая возвращения джипа, полковник обратился к разведроте:

— Чего хорошего в том, что мы стоим здесь перед этим лагерем и ничего не делаем?

Разведрота взяла лагеря в Бир-Тмаде своими силами, только утвердив полковника Брена во мнении, что египетская армия — орешек, который нетрудно расколоть. Затем он приказал разведроте поискать горючего в лагерях для обеспечения К-113.

Подполковник Авраам, командир К-113, прибыл в Бир-Тмаде к Берну.

— Авраам, — сказал полковник, — прекратите эти скачки наперегонки с египтянами и перестаньте тратить зря горючее на бессмысленные стычки с разбитым врагом. Быстро выдвигайтесь к перевалу Митла. Разведрота пойдет с вами.

— Слушаюсь, господин полковник, — отрапортовал Авраам.

— И не тратьте боеприпасы на брошенные танки. У меня сердце кровью обливается, когда я вижу эти прелестные Т-55 сгоревшими или искореженными.

Полковник Брен поспешил к перевалу вместе с К-113. Но в десяти километрах от Бир-Тмаде их догнала депеша от командира дивизии, которой Брену предписывалось вернуться в группу управления, и полковник с огорчением покинул Авраама.

— Мне приказано вернуться. А вы не останавливайтесь и на всех парах жмите к перевалу.

Тыловые эшелоны дивизии еще не вышли из Бир-Хасны, и генерал Иоффе поручил заместителю обеспечить четкое выполнение танковой бригадой «С» ее задачи.

— Слушаюсь, генерал, — козырнул полковник Брен, хотя он предпочел бы оказаться на острие дивизии, чем в ее тылу.

К-113 рвался вперед, чтобы опередить египтян, отступавших к перевалу Митла. Несмотря на инструкции полковника Брена, батальону, в котором из-за нехватки топлива и поломок осталось теперь только двадцать восемь «Центурионов», пришлось сражаться с отступавшими египтянами. К моменту выхода к перевалу у Авраама осталось уже только девять танков, причем

два из них шли на буксирах. Другие застряли в пути из-за отсутствия топлива.

С этими девятью танками он остановился в двух километрах от развилки дорог, которые вели от перевала Митла к Нахле и Бир-Хасне. Пока «Центурионы» рассредоточивались на позициях, еще у трех из них кончилось горючее. Кроме танков, у перевала находились два взвода израильской мотопехоты с тремя полугусеничными бронемашинами, вооруженными 120-мм минометами, две из которых тоже не имели горючего.

Было 18.30, и бесчисленные дезорганизованные колонны египтян достигли перевала почти одновременно с К-113. При виде «Центурионов» некоторые египтяне выскакивали из машин и удирали, но одна колонна смогла обойти блокировавшие дорогу «Центурионы» и войти на перевал. Авраам понял, что надо блокировать дорогу еще где-нибудь. В тот момент появились израильские бомбардировщики «Вотур» и сбросили бомбы на скопления вражеской техники, двигавшейся по узким теснинам между гор, что привело к образованию заторов и значительно затормозило отступление.

Авраам приказал вывести на дорогу два египетских грузовика, перевернуть их и поджечь. Теперь, чтобы пробиться к перевалу, любому транспортному средству египтян пришлось бы снизить скорость, становясь таким образом легкой мишенью для пушек «Центурионов». Их было девять против многократно численно превосходящих сил противника, но, четко осознавая задачу, израильские танкисты вполне могли повергнуть испуганного и дезорганизованного врага в панику. В течение ночи части самоходной артиллерии, которые присоединились к К-113, привезли одиннадцать баррелей топлива [ок. 1.750 л.], найденного в египетских военных лагерях. Поскольку воронок у израильтян не оказалось, им пришлось импровизировать, используя пустые жестянки от галет. Пока они занимались заправкой, часть египетских танков попыталась прорвать заслон и войти в перевал Митла. Первый Т-54 сумел проскочить; один из подожженных грузовиков был загружен боеприпасами, которые начали рваться с ослепительными вспышками, освещая египетский танк. Когда прорвавшийся через заслон Т-54 снова остановился, командир «Центуриона» Слукцер решил, что это машина из его части. Он немедленно последовал за Т-54, но скоро понял ошибку и выстрелил бронебойным снарядом в корму Т-54, который немедленно потерял ход. Еще трем египетским танкам удалось прорваться, но четвертый был подбит и загорелся. Слукцер занял позицию, с которой мог ударить в тыл любому проскочившему через заслон египетскому танку.

К рассвету вторника, 8 июня, топливо вновь кончилось, но на сей раз почти не осталось и боеприпасов. Способность передвигаться сохранили только «Центурионы» из роты капитана Гая Якобсона — четыре машины. Приближалась колонна отступавших египтян, в составе которой находилось двадцать восемь Т-54. Авраам поспешил запросить поддержку с воздуха, и пока пилоты летели на выручку танкистам, четыре «Центуриона» сражались против египетских танков. Наконец появились два «Супер-Мистэра». Они разбомбили колонну, вынудив уцелевших спасаться бегством в пески и горы у перевала. Когда пламя угасло, сгоревшие машины стали похожи на скелеты каких-то диковинных животных. С этого момента самолеты взялись за египтян у перевала всерьез. Здесь было уничтожено самое большое количество неприятельской техники; сожженные обломки валялись на протяжении четырех километров.

На Исмаилийском направлении преследование приняло иной характер. Тут крупные формирования из состава египетской 4-й бронетанковой дивизии пытались осуществить упорядоченный отход, что им едва не удалось сделать, воспользовавшись ответвлением от основного направления. Дивизия Таля поспешила блокировать противнику путь.

После Бир-Руд-Салима дивизия генерала Таля изменила порядок продвижения. Головой наступления сделалась бригада «М», задачей которой ставилось овладение Бир-Гафгафой. Бригада «D» получила возможность «передохнуть», зачищая очаги сопротивления врага в тылу дивизии и прочесывая вражеские укрепрайоны у себя на пути. Командир одного прятавшегося в укрытии египетского танка по ошибке принял «Центурионы» и «Паттоны» бригады «D» за своих и встал в строй за «Паттоном» майора Хаима. Он ехал близко, повторяя все маневры израильского танка. Майор сначала не заметил, кем на самом деле является его надежный сопровождающий, но, спустя некоторое время, Хаиму подсказали, что за ним, как тень, следует Т-55 с плотно закрытыми люками.

Хаим не знал, что предпринять. Указать экипажу египетского танка на его ошибку и предложить сдаться? Но, во-первых, как передать сообщение египтянам, отрезанным в своем танке от всего мира? Во-вторых, даже если остановиться, взобраться на Т-55, постучать в люк и представиться, как среагируют египтяне? Не ответят ли они на вежливость пулей?

Хаим решил, что действовать лучше по принципу «на войне как на войне», следуя правилу, что единственной формой общения с врагом является его уничтожение. Значит, он должен действовать первым и уничтожить Т-55, до того как экипаж

поймет свою ошибку. Он увеличил скорость «Паттона» и резко свернул влево, так, чтобы выстрел Т-55 прошел мимо. Затем — майор с трудом поверил своим глазам — египтяне нацелили орудие на один из двух его «Паттонов», следовавших всего в двух-трех десятках метров от них. Хаим приблизился к Т-55 на пять метров и выстрелил бронебойным снарядом. Тот прошел точно, пробив в броне Т-55 аккуратную «дырочку» диаметром не более самого снаряда. Казалось, будто Т-55 вовсе и не подбит, а дыра в его корме функциональна — что-то вроде вентиляционного отверстия. Даже Таль остановил свою командирскую полугусеничную бронемашину, чтобы посмотреть поближе на «прошитый» Т-55 (генерал сфотографировался на его фоне).

— Хаим, приведите мне исправный Т-55. Сможете?

— Конечно, генерал.

Бригада «D» переформировывалась, и майор Хаим занялся поиском исправного Т-55 в подарок командиру дивизии. Генерал Таль хотел изучить Т-55 в действии, в преддверии будущих сражений с танками такого типа. Бригада «М» приближалась к Бир-Гафгафе, не встречая в пути серьезного противодействия. На вооружении ее стояли «Шерманы», оснащенные новыми двигателями и пушками, а также оригинальные АМХ-13[113]. В 15.30 «М» достигла комплекса военных объектов вокруг Бир-Гафгафы и вступила в боевое соприкосновение с противником. На участке, расположенном к югу от дороги, египетские силы приближались к аэродрому Бир-Гафгафа, а с севера, с позиций неподалеку от холма, на котором располагалась РЛС, танки Т-55 встретили израильтян плотным огнем. Генерал Таль приказал полковнику Мену наступать к двум перекресткам на Бир-Гафгафской дороге и захватить каждый силами одного батальона, пока батальон танков АМХ-13 выдвинется в западном направлении. Во время сражения с египтянами, которые пытались удержать Бир-Гафгафское направление открытым для собственных войск, в небе появились египетские Миги и тоже атаковали бригаду «М». «Супер-Мистэры» поспешили на помощь «М», но один из них был сбит. Сама «М» понесла некоторые потери от египетских танков.

Группа управления генерала Таля находилась в тот момент у Джебель-Хутумии, комдив изучал окрестности. Со стороны Млеца — узкого ущелья в цепи гор, образовывавшего ось, которая соединяет дорогу на Исмаилию с южными дорогами Синая — показалось облако густой пыли, поднятой продвигающимся транспортом. Генерал Таль решил блокировать выход из Млеца бригадой «М» в районе между батальоном АМХ-13 подполковника Цеёва, занимавшего позицию примерно в двадцати километрах от

двух других танковых батальонов бригады и перекрестком дороги к аэродрому Бир-Гафгафы и — на Исмаилию. Бригаду «D» он собирался задействовать в широком обходном маневре с юга на север от Джебель-Хутумии по всей длине оси, связующей пути наступления на юге Синая с дорогой, соединяющей дорогу к аэродрому Бир-Гафагафа с дорогой на Исмаилию. Поскольку «Центурионы» бригады «D» дозаправлялись, Таль придал ей резерв дивизии — батальон «Паттонов» Т-01. Полковник Шмуэль во главе двадцати «Паттонов» вместе с подполковником Ури поспешил навстречу неприятелю. И вновь он и его люди лишились отдыха.

Полковник Герцл, наблюдавший с другой возвышенности, высмотрел неприятеля и сообщил об этом командиру «D».

— Где Хаим? — спросил Шмуэль.

— Ищет генералу в подарок Т-55, — ответили ему.

— Вперед! — приказал полковник, решив не ждать командира батальона «Паттонов» майора Хаима.

— Вот он! — крикнул лейтенант Иосси Б., увидев подъезжавшего на Т-55 майора Хаима. На нем не было ни каски, ни шлема, комбат широко улыбался и походил на охотника в Африке, которому посчастливилось поймать белого слона.

— Хаим, вылезайте из этого Т-55 и быстрее в свой танк, мы выступаем, — приказал полковник Шмуэль. Майор Хаим пересел в командирский «Паттон», и группа отправилась на поиски врага.

В 17.00 после проведенной им рекогносцировки полковник Шмуэль приказал майору Хаиму выводить «Паттоны» медленно и аккуратно, чтобы не поднимать высоких столбов пыли. Затем двумя колоннами танки устремились на застигнутого близ дороги на Исмаилию врага, пытавшегося удрать в Египет. Это были силы, по численности равные целой бригаде. «Паттоны» уничтожили около дюжины танков и столько же бронетранспортеров[114]. Уцелевшие разъехались во все стороны.

Спустилась ночь, и полковник Шмуэль начал отводить свои «Пат-тоны» с поля боя. Обратно они шли медленно. Израильтяне не понесли потерь, но два «Паттона» сломались, и их пришлось взять на буксир — у танкистов имелись строгие инструкции никогда не бросать технику.

Тем временем натиск египтян на бригаду «М» значительно усилился, и генералу Талю понадобились танки Шмуэля. Стало известно, что на данной территории действуют египетские коммандос, и во все израильские части дивизии пришел приказ готовиться к отражению ночных рейдов. Группа управления генерала Таля нашла тихую «заводь» в расположении батальона Б-10. Здесь, впервые с тех пор, как началась война, генерал Таль

встретил майора Шамая Каплана, которого сначала не узнал, потому что тот сбрил бороду. Генерал тепло пожал ему руку и сразу понял, что причинил боль Шамаю, обе руки которого были забинтованы. После гибели майора Эли Глобуса Шамай являлся также заместителем комбата, а, поскольку не хотел расставаться со своей ротой, служил в двух качествах.

— Что нового, Шамай? — спросил комдив.

— Все как будто хорошо, господин генерал, — ответил Шамай.

— Приютите меня на ночь?

— Половина всего, что у меня есть, — в вашем распоряжении, — сказал Шамай.

— А кому же принадлежит другая половина?

— Роте, генерал.

— Не хотите сосредоточиться на одном деле, быть заместителем комбата?

— Что скажут мои люди, господин генерал? Что я бросил их в середине войны?

— Как Нава?

— Она должна родить со дня на день. Возможно, уже родила. Таль попросил, чтобы его связали с полковником Шмуэлем,

все еще не вернувшимся из Млеца. Генерала беспокоило, как бы на дивизию не обрушились с юга и с запада все силы контратаки врага, прорывающегося из ловушки, в которую загнали его израильтяне.

— Шамир. Это Тирах. В чем причина задержки? Прием.

— Тирах. Это Шамир. У меня сломались два «Паттона», и я тащу их на буксире. Прием.

— Шамир. Это Тирах. Когда вы доберетесь до Б-10? Прием.

— Тирах. Это Шамир. Не раньше 06.00.

Слишком долго. Комдив не хотел, чтобы полковник Шмуэль с его «Паттонами», у которых кончалось топливо, задерживались на подконтрольной врагу территории. Он также рассчитывал на то, что танки полковника помогут ослабить натиск противника на бригаду «М». Генерал немедленно отдал приказ приготовить колонну полугусеничных бронемашин с горючим для «Паттонов» Шмуэля, но, по его подсчетам, даже топливо не обеспечило бы быстрейшего их прибытия. Не оставалось ничего другого, как приказать бросить поврежденные «Паттоны».

— Шамир. Это Тирах. Оставьте оба «Паттона» и двигайтесь как можно быстрее. Прием.

— Тирах. Это Шамир. Я постараюсь и с «Паттонами» прибыть быстро. Прием.

— Шамир. Это Тирах. Оставьте два «Паттона» и будьте здесь

как можно скорее. Прием.

— Тирах. Это Шамир. Я буду быстро. Прием.

— Шамир. Это Тирах. Я приказываю вам бросить танки. Прием. — И вдруг до генерала дошла причина упрямства полковника. В соответствии с правилами бронетанковых войск, танки надлежало оставлять под охраной экипажа, и полковник Шмуэль полагал, что генерал приказывал ему оставить «Паттоны» с экипажами на территории, занятой врагом, среди частей которого находились и коммандос. Полковник считал подобный поступок равносильным принесению людей в жертву — их убьют, едва они заснут. А они заснут, в этом сомневаться не приходилось, поскольку они крайне измотаны за четверо суток дня непрерывных боев. — Шамир. Это Тирах. Без экипажей, без экипажей. Прием.

Вздох облегчения полковника Шмуэля был слышен по рации.

— Тирах. Это Шамир. Отлично. Прием.

— Шамир. Это Тирах. Вы с ума сошли? Вы что, думали, я приказывал оставить танки с экипажами? Прием.

Некоторое время ответа не было, только невнятные шорохи, как если бы полковник Шмуэль бормотал: «Господин генерал, на войне все возможно. И все — безумие», но чуть позже голос комбрига все-таки прозвучал:

— Тирах. Это Шамир. Понял вас. Оставляю танки. Прием.

— Шамир. Это Тирах. Быстро сюда. Конец связи. Полковник Шмуэль оставил танки и помчался в штаб бригады

«D», куда прибыл в 02.00. Комбриг и его люди устали и проголодались, но, придя на полевую кухню, он увидел, что часть приготовленной для его отряда еды съедена прибывшими раньше. Увидев, что горячего супа не хватит на всех, полковник Шмуэль впал в ярость и свалил котел, разлив суп.

— Если еды нет для всех, то ее нет ни для кого, — скрипя зубами, прорычал он дежурному офицеру. С пустыми и урчащими желудками его люди вернулись к своим делам — ухаживать за техникой и оружием, готовясь к следующему бою.

ГЛАВА 25

Когда полковник Шмуэль прибыл в расположение своей бригады, батальон танков AMX-13 M-100 из бригады «М» вел тяжелый бой с противником. В действительности батальон M-100 стал едва ли не единственной частью, подвергшейся полномасштабной танковой атаке египтян на всем протяжении Шестидневной войны. Кроме него такую же атаку испытала на себе только группа Исраэля Гранита на Кантарском направлении.

M-100 остановился на дороге в Исмаилию, когда генерал Таль по рации запретил ему продвигаться на запад из-за того, что там скопились большие силы неприятеля — около сотни T-55. Он приказал подполковнику Цееву занять оборонительные позиции на дороге в Исмаилию и обезопасить фланг дивизии от возможных попыток противника контратаковать, что, как ожидалось, непременно произойдет в самом ближайшем будущем. На этом этапе Цеев находился ближе к Суэцкому каналу, чем любая другая часть ЦА-ХАЛа, исключая группу Исраэля на Кантарском направлении.

Цееву предстояло приготовиться отразить натиск врага не только с запада, со стороны Исмаилии, но и с востока, от Бир-Гафгафы. Огромные силы египтян — пехота, не бронированная техника, танки и бронетранспортеры — прорывались через узкие бреши в заслоне дивизии, пытаясь достичь дороги на Исмаилию. Некоторым это удавалось, и они оказывались перед позициями M-100. Кроме того, Цееву также приходилось ожидать возможных атак пехоты, которая могла подъехать на транспорте, спешиться и напасть со всех сторон. Подполковник Цеев хотел приготовиться к любым неожиданностям. Несмотря на то, что его люди были крайне измотаны, он приказал им заняться танками, поскольку AMX-13 при отсутствии постоянного и тщательного ухода страдают от многочисленных неполадок. Люди занимались танками до 23.00; первым делом вычистили затворы пушек и пулеметы. Когда совсем стемнело, в ожидании атак пехоты Цеев организовал позиции весьма компактно. Одна колонна стояла на дороге, и еще две — одна справа, другая слева — перекрывали шоссе танками, размещенными в голове и хвосте каждой из колонн. Рота мотопехоты рассредоточилась с пулеметами для отражения атак вражеской пехоты, а когда вернулась и получила разрешение остаться разведрота, сформировали еще одну колонну — дальше справа.

В полночь четверга, 8 июня, большинство людей на позиции крепко спали. Некоторое время спустя из штаба бригады Цеева

предупредили о том, что отступающие вражеские танки могут ударить ему в спину, а около 03.00 часов он получил сообщение, что два египетских танка прошли через позиции бригады и, по всей вероятности, скоро появятся у него в тылу. Однако свои могли идти в том же направлении, поэтому Цеев приказал людям не спешить открывать огонь и стрелять только по получении приказа, в последний момент.

— Огонь! — приказал Цеев, когда силуэты двух машин приблизились, не идентифицируя себя. Сторожевой пост открыл огонь. Обе машины загорелись, и только тогда стало видно, что это два грузовика с египетской пехотой. В это же время послышался грохот танков, приближавшихся от Исмаилии.

Цеев счел, что его контратакует египетская бронетехника, либо это идет авангард египетских деблокировочных сил. Он поднял по тревоге батальон и приказал 120-мм противотанковой полугусеничной САУ дать выстрел по египетским танкам, которые быстро двигались с запада с пригашенными фарами; их было семь или восемь. Цеев велел расчетам 81-мм минометов стрелять осветительными минами. Танки АМХ-13 уже начали рассредоточиваться, а не бронированная техника по приказу комбата отошла в тыл. Больше ничего он сделать не успел — египетские танки оказались прямо перед ним.

Первый выстрелил и попал в полугусеничную бронемашину с тяжелым минометом, застав врасплох расчет, не успевшей сделать даже первого выстрела. Вспыхнули боеприпасы. Три египетских снаряда один за другим ударили в груженную взрывчаткой полугусеничную бронемашину саперов; другой египетский танк подбил бронемашину офицера связи с авиацией, а затем разведроты. За две минуты батальон М-100 понес тяжелые потери: шестнадцать человек убитыми и двадцать — тяжело ранеными. Позиция была вся в огне и дыму. В горящих бронемашинах начали взрываться боеприпасы, и, чтобы спастись, люди бежали в пески. В АМХ-13 лейтенанта Хагея запаниковал стрелок, он выпрыгнул из танка и побежал прочь с дороги, оставив Хагея выполнять три обязанности: командира взвода, командира танка и стрелка[115].

В соответствии с полученной информацией, к западу от батальона Цеева, на дороге к Исмаилии, неприятель сосредоточил большое количество танков. Сейчас командир М-100 видел, что перед ним Т-55, против которых ему придется сражаться на АМХ-13. Русский Т-55 представлял собой усовершенствованный Т-54. Во всех отношениях современный танк, равный новому «Паттону» (М-60), сравнения с которым АМХ-13 —старый, легкий французский танк— не выдерживает.

АМХ-13 поступили на вооружение Французской армии в конце сороковых годов, а ЦАХАЛ заполучил первую партию в 1953 г. [116]. Но хуже всего было то, что песчаные дюны вокруг АМХ-13 затрудняли маневрирование, а это только увеличивало преимущества Т-55. Весили АМХ-13 вдвое меньше Т-55, и их пушки не могли пробить броню Т-55, тогда как броня АМХ не являлась надежной защитой от снарядов Т-55.

Цеева приказал открыть огонь, когда головной египетский танк оказался уже в 100 м, второй — в 170 м, а третий — в 250 м. Все стреляли из пулеметов и пушек. Цеев сам видел, как два снаряда попали в первый Т-55 и отскочили от него, высекая снопы искр. Не потеряв присутствия духа, он приказал своим АМХ постараться и попасть Т-55 в борта или в корму.

— Марганит. Это Царцир. Меня одолевают Т-55. Прием, — радировал Цеев командиру бригады «М».

— Тирах. Это Марганит. Батальон Царцира атакуют Т-55. Прием, — доложил комбриг «М» генералу Талю, который находился в расположении Б-10. Таль получил сообщение минутой позже прибытия «Паттонов» полковника Шмуэля, за которыми отправил джип разведки. Генерал Таль слышал звуки битвы по рации и видел вспышки и всполохи пламени. Командиру бригады «М» комдив немедленно приказал отправить на помощь Цееву роту «Шерманов» из 2-го танкового батальона, а самому комбату М-100— прекратить боевое соприкосновение с неприятелем и отступить на полтора километра. В то же время он велел полковнику Шмуэлю направить на выручку Цееву роту «Центурионов», и комбриг бригады «D» распорядился, чтобы послали роту из Б-10. Майор Шамай Каплан тронулся в путь со своими «Центурионами». Им предстояло пройти более сорока километров.

— Царцир. Это Марганит. Откатывайтесь. Я посылаю к вам роту «Шерманов». Отбой, — радировал полковник Мен Цееву. К М-100 выдвигалась рота «Шерманов», оснащенных новыми двигателями и пушками (105 мм).

Цеев отдал приказ выйти из боевого соприкосновения с неприятелем и начать отступление, но, неожиданно передумав, решил вернуться. Бой велся на ближних дистанциях, АМХ начали маневрировать и выходить на огневые позиции, с которых могли поразить бортовое бронирование Т-55. Головной египетский танк, который нанес батальону столь большой ущерб, уже был подбит в правый борт. Второй египетский танк не пошел за первым, но попытался обойти М-100 с левого фланга, откуда он выпустил несколько снарядов по центру позиции израильтян, нанеся им заметный урон. Бронебойный снаряд АМХ, который стрелял по

Т-55 первым, угодил в люк, но отскочил. Тогда AMX попытался обойти Т-55 с фланга и попал в него второй раз, в ходовую часть, но Т-55 опять не остановился. Наконец AMX смог обойти с фланга Т-55 и с расстояния в сорок метров всадил снаряд в его борт. Т-55 загорелся.

Своим решением не отступать под давлением египтян Цеев воодушевил людей. Его упрямство и наглядно продемонстрированная способность AMX поражать бортовую броню Т-55 вселили в людей его батальона смелость и, похоже, изумили противника. Другие два Т-55 были подбиты в борт, их экипажи успели выпрыгнуть и укрыться в песках. Вид бегущих танкистов поверг египтян в смятение и заставил задуматься. Колонна встала, и Т-55 разместились вдоль дороги и на краю песков. Египтяне вели бой, меняя огневые позиции — выезжая вперед, производя выстрел и вновь отступая.

Когда прибыла рота «Шерманов», М-100 превосходно держался. На первый взгляд, лагерь казался разгромленным. Грузовики, джипы, бронемашины и даже танки AMX горели. Изуродованные трупы обугливались в горящей технике; даже не было возможности извлечь тела. Прибывший с ротой «Шерманов» заместитель командира батальона, Хаим Тамир, немедленно отправился на осмотр позиций египетских танков на джипе. Проехав около полутора километров, машина оказалась в зоне видимости неприятеля, была подбита, и Хаим Тамир потерял ногу.

«Шерманы» совсем недавно участвовали в другом бою и не успели пополнить боезапас — у каждого осталось всего несколько снарядов. Тем не менее танки открыли огонь. В то же время появились израильские самолеты и атаковали египтян, которые отступили на расстояние в пять километров. Не сумев прорвать заслон израильтян, противник стал ждать развития событий.

— Царцир. Это Марганит. К вам идет рота «Центурионов». Прием, — информировал Цеева командир бригады «М».

— Марганит. Это Царцир. Вопрос. Рота поступает под мое командование? Прием.

— Царцир. Это Марганит. Нет. Отбой.

Чуть позже Цеев услышал по радио майора Шамая Каплана:

— Царцир. Это Шамай. Я на пути к вам. Где египетские танки? Прием.

— Шамай. Это Царцир. Не по рации. Сообщу вам лично. Конец связи.

Скоро подтянулись «Центурионы» с танком Шамая Каплана во главе. Цеев взобрался в «Центурион» комроты, и они отправились на наблюдательный пункт, где комбат объяснил

Каплану ситуацию. Затем он вернулся в батальон, а Шамай — к своей роте. Цеев получил инструкции не следовать за ротой «Центурионов», но Шамаю предписывалось осуществлять радиоконтакт со штабом через М-100.

Шамай, однако, скоро оказался вне зоны уверенного радиоприема, и Цеев забеспокоился. Он сел в командирскую полугусеничную бронемашину и быстро поехал вперед, чтобы сократить дистанцию. Когда связь восстановилась, комбат предупредил Шамая:

— Не удаляйтесь больше, чем на десять километров, от наших позиций.

Но Шамай ехал все дальше во главе своих «Центурионов».

К утру стало ясно, что враг больше не способен оказывать организованного сопротивления трем дивизиям, и генерал Таль решил, как можно быстрее продвигаться по направлению к Суэцкому каналу. Сначала он хотел оставить бригаду «D» в Бир-Гафгафе и наступать с «М», но после того, как «М» понесла значительные потери, он счел лучшим послать всю «D», полностью оснащенную и обеспеченную всем необходимым, чтобы достичь канала одним броском. В своей командирской группе, все еще дислоцированной в Дже-бель-Хутумие, Таль поставил задачи: бригада «D» — к каналу, «М» при поддержке артиллерии — на захват аэродрома Бир-Гафгафы и для обеспечения безопасности левого фланга дивизии, а Т-01 — в резерв дивизии; Т-01 на тот момент состоял из одной роты «Паттонов». Группа Исраэля должна была достичь пересечения дороги Кантары с боковой магистралью, идущей параллельно каналу и связывающей дорогу на Кантару с дорогой на Исмаилию. Еще раньше вечером, когда генерал Таль следил за наступлением бригады «D» в ущелье Млец, полковник Рафуль информировал комдива, что его бригада выполнила задачу в секторе Газа и может вернуться к генералу Талю. Они договорились, что Рафуль свяжется с Южным командованием и попросит назначения в дивизию Таля. Его запрос был удовлетворен, и в четверг, в 11.30, полковник Рафуль со своей бригадой «7» соединился с группой Исраэля, перешедшей с того момента под его командование.

Пока бригада «D» перегруппировывалась, готовясь к выдвижению к каналу, генерал Таль получил сообщение от подполковника Цеева: Шамай ушел из зоны уверенного радиоприема, и контакт с ним оборвался.

— О, Господи, — только и сказал генерал.

Комдив велел полковнику Шмуэлю остановить подготовку к броску и со всей бригадой спешить на запад на соединение с

ротой Каплана. Полковник Шмуэль, который был полностью согласен с генералом, не нуждался в объяснениях. Он мгновенно понял причины беспокойства генерала: рота Шамая могла оказаться в центре скопления крупных сил египетской бронетехники, действовавшей в этом районе.

Полковник Шмуэль приказал немедленно выступать батальону D-10 — он первым закончил заправку — а сам на максимальной скорости пошел к Исмаилии на соединение с Шамаем. Но направление блокировали снабженцы бригады «М», которые везли боеприпасы и топливо. Тяжелые грузовики тащились очень медленно, и Шмуэлю пришлось выйти из своей командирской бронемашины, чтобы освободить от них дорогу и дать проехать «Центурионам».

Отправляя Шамая к Цееву, подполковник Габриэль приказал майору не покидать позиции М-100. Но когда Шамай прибыл на наблюдательный пункт с Цеевом и не увидел неприятельской бронетехники, он, вероятно, решил отправиться на поиски врага. У него было восемь «Центурионов» с опытными экипажами — на долю роты Шамая выпало больше боев, чем любой другой роте бригады «D», за исключением роты Эйн-Гиля.

— Станция Шамая. Это Шамай, — обратился к роте по рации майор Каплан. — Мы идем к Суэцкому каналу. Будем продвигаться, пока не встретимся с противником, а там посмотрим. Мы быстро пойдем колонной вдоль дороги, но на каждом гребне три танка будут отделяться и подниматься, чтобы оценить обстановку. Если на побережье чисто, мы продолжим движение колонной, если увидим врага, будем драться. Теперь вперед, за мной. Конец связи.

«Центурионам» Шамая изрядно досталось в боях на границе, в ходе прорыва через Хан-Юнис, в тяжелом сражении за Рафахский перекресток, за Шейх-Зувейд, Джеради, и во время блокировочных операций в окрестностях эль-Ариша и Джебель-Либни. Закрывавшие ходовую часть броневые листы «юбок» были пробиты, ящики для хранения различного снаряжения — разбиты и сплющены, броня башен покрыта следами попаданий снарядов. Сам Шамай в порванной рубашке с перевязанными руками совершенно посерел от усталости и пыли, но он стоял, поднявшись в командирском люке головного танка так, чтобы люди могли его видеть. Через черное покрытие разбитой, узкой асфальтовой дороги в некоторых местах виднелись щебень и песок. С двух сторон, куда хватало взгляда, простирались мягкие, глубокие и наверняка непроходимые для танков дюны. На пути попадалось много неприятельских грузовиков, в тщетной попытке удрать от самолетов ЦАХАЛа съехавших с дороги и навсегда

застрявших в песках. Майору надлежало следить за тем, чтобы рота его не отдалялась от дороги.

Дорога шла на подъем, и скоро они приблизились к вершине холма.

— Станция Шамая. Это Шамай. Идем в гору. Движемся в оперативном порядке — одна группа прикрывает другую. Выходим на позицию для наблюдения.

Первые три танка рассредоточились на дистанции в сто метров: один танк слева от Шамая, другой — справа; сам Шамай остался на дороге.

— Станция Шамая. Это Шамай. Вижу несколько танков. Ничего серьезного. Уничтожаем их и двигаемся дальше.

«Центурионы» стреляли быстро и точно. Первыми залпами израильтянам удалось подбить три Т-55. Несмотря на их удаленные позиции, египтяне оказались вполне легкими мишенями для стрелков роты. Три танка вновь присоединились к колонне, которую возглавлял Шамай. Подтянулся и арьергард под командованием лейтенанта Иоава; замыкавшие роту танкисты записали на свой счет два Т-55, которые появились с флангов.

— Станции Шамая. Это Шамай. Думаю, на данном подъеме работа закончена, вплоть до другого, похоже, все чисто. Прекрасный вид. Вперед, за мной. Конец связи. — Они достигли вершины другого холма, рота опять рассредоточилась, и уничтожила еще несколько Т-55, после чего израильтяне продолжили продвижение колонной по узкой дороге. — Станции Шамая. Это Шамай. Мы идем к каналу, наверное, на этом война и закончится. Мы с вами завершим ее и пойдем по домам.

Море песка, по которому тянулась дорога, казалось бесконечным. Рота отдалилась от позиций М-100 уже на пятнадцать километров. Они добрались до очередной возвышенности. Опять Шамай приказал своим разделиться, и опять первые три танка с командиром во главе поднялись на позицию для наблюдения. Оглянувшись, Шамай увидел, что один из танков остановился.

— В чем дело, Самик? — спросил он командира.

— Коробка барахлит.

— Мы не оставим тебя. Не беспокойся.

Теперь на ходу остались семь танков. В последние несколько дней «Центурионы» показали себя отличными боевыми машинами. Рота Шамая гордилась ими, называя их «совершенными танками». Британская броня спасла множество жизней, и машины продолжали двигаться, хотя давно не видели должного техобслуживания. Рота продолжила движение

колонной вдоль дороги.

— Мы первыми достигнем канала! — воскликнул Шамай, и в этот момент в люк ударил снаряд.

— Шамай. Это Царцир, — вызывал подполковник Цеев по рации майора Каплана. Он догонял роту на своей полугусеничной бронемашине, и постоянно пытался связаться с Шамаем, чтобы убедить его не продвигаться дальше и оставаться в зоне уверенного приема. — Шамир. Это Царцир, — в энный раз вызвал он.

— Царцир. Это заместитель Шамая. Прием, — отозвался лейтенант Иоав.

Цеев был доволен, что наконец догнал роту и установил радиоконтакт, но его удивило, что ответил ему заместитель командира.

— Шамир. Это Царцир. Почему отвечает заместитель? Прием.

— Царцир. Это зам. Шамая. Комроты убит. Прием.

Рота шла прямо на засаду, устроенную батальоном Т-55. Египетские танки дислоцировались на очень удобной огневой позиции, на малой дистанции. Первый снаряд ударил в «Центурион» Шамая, уничтожив 12,7-мм пулемет браунинга и поразив командирский люк. В Шамая попал большой осколок, убив его мгновенно. Не теряя присутствия духа, экипаж вывел танк из простреливаемой зоны. Второй снаряд ударил в третий танк колонны. Его командир, сержант Гиора Шклярчик, собирался скорректировать огонь, но увидел, что его танк дымится. Не сразу разобравшись в происходящем, он тем не менее понял все, увидев, что заряжающий ранен, и услышав крик стрелка:

— Гиора, нас подбили!

Они втроем выбрались из танка с оружием в руках, затем позвали водителя, но не получили ответа из его отсека. Машина получила два прямых попадания — одно в лобовой лист брони. Танк продолжал крутиться на месте, потихоньку съезжая в сторону, а затем начал сползать под уклон, поскольку стоял на самой вершине. Пораженный снарядом механик-водитель отпустил педаль тормоза. Уцелевшие члены экипажа бежали за танком, пока он не остановился. Затем они открыли люк водителя и нашли его мертвым.

Смятение длилось не более двух-трех минут. Лейтенант Ханох, «Центурион» которого находился в авангардной группе из трех машин, немедленно понял, что командир убит и что рота идет в засаду. Он велел водителю резко повернуть вправо в долину, затем определил расположение вражеских танков и приказал быстро рассредоточиться. Затем он передал

командование замкомроты лейтенанту Иоаву, находившему в арьергарде колонны.

Разыгрался жестокий бой на дистанции от 400 до 1300 метров. Шесть «Центурионов» сражались с неприятелем, вдвое превосходящим численно и действующим с более выгодных позиций. «Центурион» Шамая вернулся в бой после того, как экипаж с помощью сержанта Цадока извлек майора Каплана из танка и поместил его на полугусеничную бронемашину, которая направилась в тыл с телом погибшего комроты. Теперь танком командовал сержант Вахаба.

Полугусеничная бронемашина помчалась к батальонной медсанчасти мимо дымившихся по обеим сторонам дороги разбитых танков и выгоревших остовов всевозможной колесной, гусеничной и полугусеничной техники. В медсанчасти Шамая завернули в одеяло, собрали его личные вещи. В бумажнике погибшего майора нашли стихи, которые он переписал в дни приготовлений и ожидания:

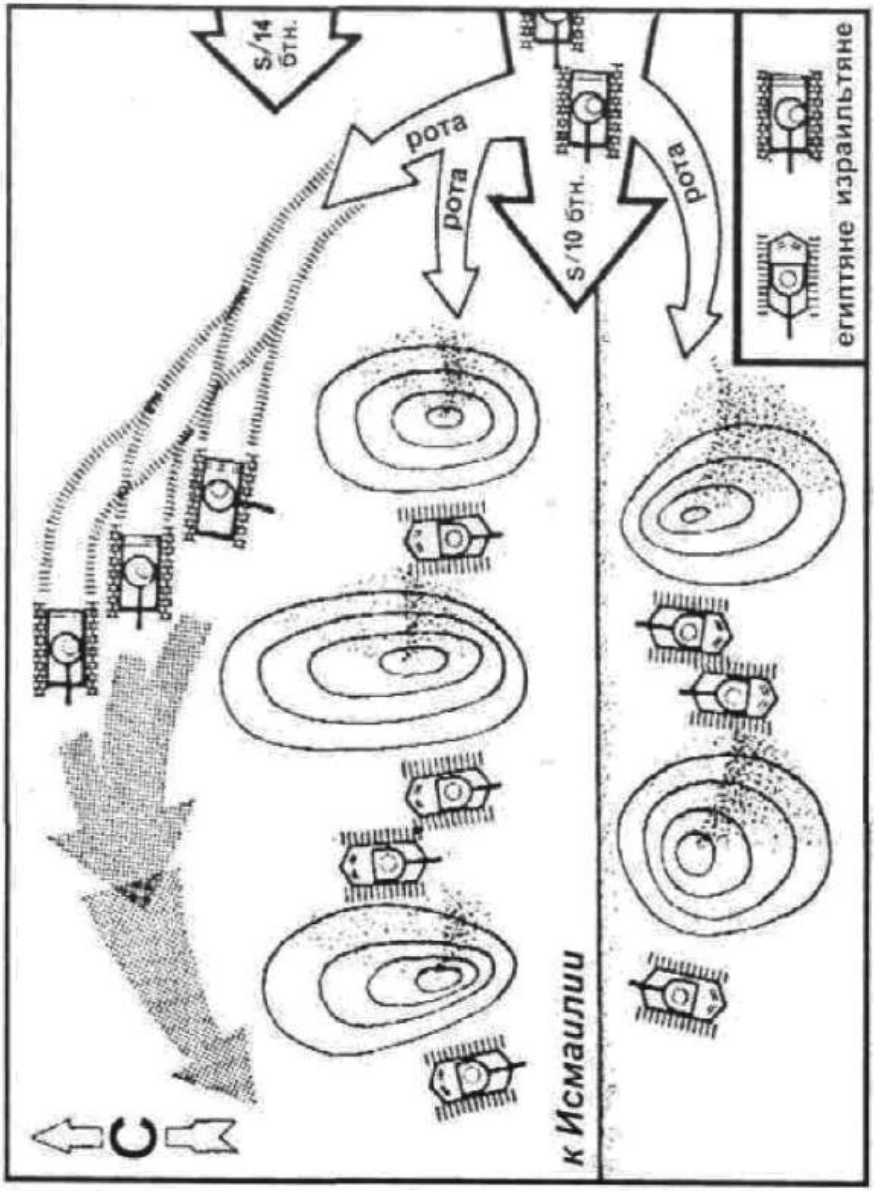
Никогда не склоним мы больше голов, точно овцы на бойне,
Если нам суждено умереть — умрем же в бою.

В то время как бронемашина с телом комроты еще находилась в пути, экипажи шести, Центурионов, храбро сражались до тех пор, пока не смели засаду с лица земли, уничтожив десять Т-55. После окончания боя рота собралась на дороге и стала ждать, когда подтянутся остальные танки батальона Б-10. Все уже знали о гибели командира; люди плакали.

Полковник Шмуэль прибыл на выручку Шамаю во главе бригады спустя совсем небольшое время после его гибели. Комбригу доложили о блокировавших путь к Суэцкому каналу крупных бронетанковых формированиях египтян, численностью равных бригаде, и он решил уничтожить их силами своей бригады, применив тактику «парового катка»[117].

Позиции египетских танков располагались по обеим сторонам дороги. Машины стояли «лицом» к ней, скрытые песчаными холмами от глаз тех, кто приближался к каналу с востока. Очевидно, план полковника Шмуэля устраивал командира египтян. Бригада направлялась прямо в ловушку, но одна рота обходила засаду с севера, чтобы нанести по ней удар. Одна рота S-10 разворачивалась по левую, а другая — по правую сторону дороги во фронтальной атаке на засаду. S-14 следовал позади двумя колоннами через пески справа от дороги. Рота «Центурионов», обходившая египтян широкой дугой с севера примерно в километре от дороги, выходила в тыл египетским танкам, размещенным на северном фланге, и оказывалась перед

теми, которые дислоцировались на южном.



Акция бригады «S» по уничтожению вражеских танков, проведенная 8 июня на Исмаилийском направлении с применением тактики «парового катка»

Египетские позиции протянулись на семь километров по очень труднопроходимой песчаной местности. Требовался высокий класс вождения, чтобы не утонуть в глубоких, мягких песках. Египетские офицеры должно быть радовались, видя, что

бригада идет в их засаду. Однако не успели они пристреляться, как с фланга по ним ударила рота «Центурионов». S-10 тем временем преодолел очередной холм, сделав еще один шаг на пути выполнения замысла полковника Шмуэля. И опять египтяне напрасно радовались фронтальной атаке, перестреливаясь с приближавшимися «Центурионами», — израильтяне снова ударили по ним с фланга. Пять часов «паровой каток», целенаправленно и спокойно, как полагается паровому катку, двигался по дороге, уничтожив в итоге около семидесяти египетских танков, в основном стараниями обходившей с фланга роты. Потерь у бригады «S» не было.

Наступил уже вечер, и танки S-10 нуждались в дозаправке. Пролетели четыре «Мистэра», и полковник Шмуэль попросил их отработать по укрепрайону египтян в двадцати пяти километрах от Исмаилии. Один «Мистэр» пролетел над дорогой на Исмаилию дальше и обнаружил на ней большое скопление египетской бронетехники. Полковник Шмуэль решил продолжить наступление, выдвинув вперед батальон «Паттонов» D-14.

— Тирах. Это Шамир. Прошу разрешения продолжить продвижение. Прием.

— Шамир. Это Тирах. Продвигайтесь и запрашивайте разрешения каждые пять километров, — ответил генерал Таль.

Группа Исраэля Гранита, поступившая теперь под оперативное командование полковника Рафуля, также вступила в бой с вражескими парашютистами и танками, стремившимися отбросить израильтян. Рафуль вышел на окраины Кантары во главе роты «Пат-тонов», которые шли впереди остальных, но через час после вступления в командование группой Исраэля, он получил пулевое ранение в голову. Его немедленно увезли на вертолете в госпиталь в Израиль, а командование принял полковник Исраэль. Накануне его силы подверглись атаке вражеских бомбардировщиков, и главная проблема для него состояла в том, чтобы перегруппировать и обеспечить всем необходимым части для еще одной полномасштабной атаки. Не хватало даже боеприпасов для танков. В сражении за Кантару получил ранение командир роты «Паттонов», но к 18.00 четверга, 8 июня, полковник Исраэль докладывал генералу Талю — Кантара взята.

В тот же вечер около группы управления генерала Таля в Бир-Гафгафе приземлился вертолет, на борту которого находился заместитель начальника генштаба генерал Хаим Бар-Лев и командующий Южным командованием генерал Иешаягу Гавиш. Бар-Лев предложил Талю ускорить продвижение бригады «D», но тот объяснил замначштаба, что на Исмаилийском направлении

сосредоточены крупные формирования неприятельской бронетехники — десятки египетских танков, способных оказывать серьезное сопротивление. Он также сказал, что не хочет нести тяжелых потерь, и поэтому распорядился вести бои на дальней дистанции, имея таким образом возможность наносить больший урон врагу с меньшей опасностью для себя. Применение тактики «парового катка» обошлось бригаде «D» в два танка и двоих человек убитыми.

— Но, — тем не менее заключил генерал Таль, — если есть политические соображения или другие причины, которые требуют ускорения продвижения к каналу, я отдам приказы немедленно.

В этот момент над группой управления генерала Таля появились два вражеских бомбардировщика. Большинство присутствующих кинулись на песок подальше от командирских бронемашин, лес антенн на которых помогал легкой их идентификации, но генералы продолжали беседу как ни в чем не бывало.

— Талик, — ответил генерал Бар-Лев, — начгенштаба заинтересован и в том, чтобы поскорее добраться до Суэцкого канала, и в том, чтобы поберечь людей.

Право выбора осталось за генералом Талем, и он избрал осторожное и медленное продвижение. Вертолет с генералами улетел, и Таль начал отдавать приказы в соответствии с принятым решением. Но затем радиоприемник, сопровождавший дивизию на протяжении кампании, принес новость из Нью-Йорка о том, что египетское правительство готово к прекращению огня. Теперь генерал Таль понял, что есть весьма и весьма серьезные основания, как можно скорее занять позиции по берегу канала, и он приказал полковнику Шмуэлю без промедления направить туда разведчиков. Даже в этой ситуации генерал принимал меры для сохранения жизней. Комдив распорядился: если разведгруппа не встречает сопротивления, она идет дальше, а за ней следует бригада. Однако если они наткнутся на упорное противодействие, то генерал сам решит, проводить или не проводить ночную атаку.

Генерал Таль столкнулся с самой трудной дилеммой на этой войне. С одной стороны, он хотел как можно быстрее закрепиться на канале, с другой — боялся угодить в ловушку, расставленную многократно численно превосходивших израильтян силами противника. Решение выслать вперед разведроту бригады «D» являлось пробным шаром. Он осознавал, сколь жестоко поступает, приказывая вымотанной больше других, совершенно измученной непрерывными боями разведроте отправиться на такое опасное задание на заключительном этапе войны. Если египтяне действительно приготовили ловушку, рота, возможно,

будет полностью уничтожена.

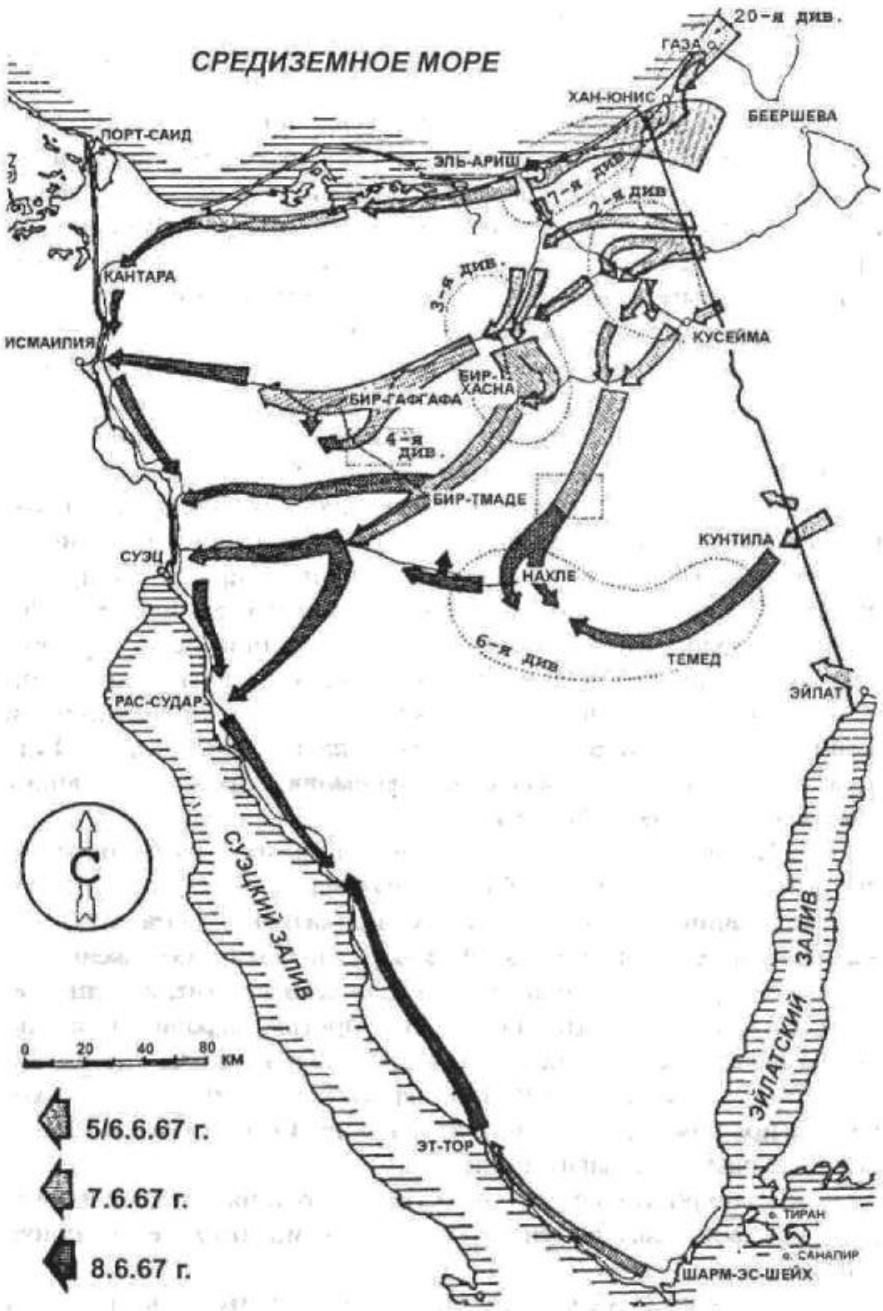
Полковник Шмуэль понимал генерала Таля и полностью осознавал последствия, которые способно повлечь за собой принятое им решение. Он также учитывал опасность и усилил группу, придав разведроте шесть «Паттонов» Эйн-Гиля и батарею самоходок. Поскольку больше ничего он сделать не мог, комбриг решил бросить на чашу весов и собственную судьбу — сопровождать своих людей на опасное задание. Он уже сидел в командирской бронемашине и собирался отдать колонне приказ выступать, но до генерала Таля дошел слух о принятом им решении, и комдив запретил полковнику Шмуэлю идти с разведчиками.

— Шамир. Это Тирах. Вы не пойдете с разведротой. Отбой, — прозвучал голос генерала на волне дивизии.

Полковник Шмуэль подчинился приказу, но с очевидным нежеланием, и генерал понял, в какое затруднительное положение поставил комбрига. Его люди не поймут, почему он изменил решение. Тогда генерал Таль повторил приказ по бригадной радиосвязи, так, чтобы его слышали все офицеры в бригаде и знали, что причиной перемены решения стал приказ непосредственного начальства. Скоро рота под командованием капитана Орши была готова. Им предстояло первыми достигнуть канала.

— Господин полковник, — сказал помощник офицера по оперативным вопросам лейтенант Иосси Б., — мне бы хотелось пойти с ними.

— Хорошо, Иосси, — согласился полковник, — возьми мой джип и вперед.



Продвижение войск Армии Обороны Израиля по Синайскому полуострову (7–9 июня)

Оперативно-тактическая группа приступила к выполнению задания. Каждый раз, когда возглавлявший колонну капитан Орши замечал подозрительную тень, он сигналил фонариком в тыл, и танк прожектором освещал указанное место. Принявший

под командование роту Кахалани лейтенант Илан выдвигался на фланг и нацеливал орудие.

— Огонь! — командовал лейтенант Иосси Б. по рации.

Так они и продвигались — вспышка фонарика, луч прожектора, иногда выстрел. Египетские танки отступали быстро. Израильтяне на джипе капитана Орши и лейтенанта Иосси и на шести «Пат-тонах» роты лейтенанта Эйн-Гиля преследовали противника.

В полночь они достигли цели. Орши увидел египетского часового, сигналившего ему фонариком, чтобы он поспешил переправиться через канал, пока мост не уничтожен. Рядом стоял египетский танк. Эйн-Гиль мгновенно оценил ситуацию. Развернув «Пат-тон», он занял позицию напротив египетского танка.

— Огонь! — скомандовал он и сделал последний выстрел по вражескому танку на восточном берегу Суэцкого канала. Было 00.30, пятница, 9 июня 1967 г. Несколькими часами позднее части из-под Кантары и Исмаилии встретились у моста Фирдан, и дивизия Таля соединилась.

Только тогда дивизия ненадолго остановилась для короткой передышки, с боями пробив себе путь через пустыню за один немыслимо долгий день, на протяжении которого солнце вставало и садилось несколько раз. И здесь впервые танкисты сбросили ботинки бронетанковых войск «Тип 2», которые все это время не снимали. Они омыли распухшие ноги в водах Суэцкого канала. Иосси Б. запрыгнул в канал прямо в форме.

На Синае девятьсот пятьдесят египетских танков сражались со значительно уступавшими по численности бронетанковыми силами Израиля[118]. Восемь с половиной сотен подбитых или брошенных танков противник оставил на полях сражений. Дивизия Таля разгромила десять египетских бригад.

ГЛАВА 26

Было 02.00 часа, четверг, 8 июня 1967 г. Полковник Альберт, командир бронетанковой бригады «А», подполковник Биро, командир батальона танков «Шерман» А-112, и командиры частей бригады «А» встретились в штабе Северного командования, откуда проследовали на Гиван-Хаем, чтобы осмотреть сирийские укрепленные позиции в Наамуше и Зауре. Если ЦАХАЛ атакует Сирию, «Шерманам» Биро придется прорываться через мощные заграждения противника по очень сложной местности, и командир бригады искал пути, чтобы избегнуть лобового штурма Калаа — самого сильного опорного пункта вражеского

укрепрайона на Голанских высотах. Он хотел овладеть Калаа с тыла, с Заурского направления, что означало — батальон должен повернуть налево перед деревней Сир-Адиб, по узкой дорожке, которую трудно будет найти во время боя.

Когда полковник Альберт и Биро изучали сирийские позиции с Гиват-Хаем, дивизии Цахала на Синае уже достигли Суэцкого канала, а в ООН отправилась заливавшаяся слезами делегация Египта с тем, чтобы сообщить о готовности своего правительства заключить соглашение о прекращении огня. Сектор Газа тоже находился в руках израильтян. Восточный сектор Иерусалима, горы Иудеи и Самарии и долину Иордана пехота и танки отбили у Арабского легиона[119], бежавшего через реку Иордан, что сделало правительство Иордании вполне миролюбивым и также готовым к заключению соглашения о перемирии. Если боевые действия завершатся сейчас, Сирия как участник союза арабских стран автоматически выйдет из войны, при этом ее территория и армия останутся нетронутыми и она сможет продолжать обстрел селений в Галилее, как делала это в прошлый понедельник, а также проводить в жизнь свой проект по отводу притоков Иордана.

Оборона противника в горах Иудеи и Самарии и в долине Иордана пала менее чем за два с половиной дня — война здесь началась в полдень понедельника и окончилась до полуночи среды. На этом фронте сражались бригады парашютистов и танкистов. Бригада «Харель» под командованием полковника Ури Бен-Ари решила исход битвы за Иерусалим, менее чем за двенадцать часов заняв позиции на дороге Иерусалим — Рамалла [Рамаллах] и на Тель-эль-Фуль, и оттуда быстрым маршем выдвинулась на Иерихон. Механизированная бригада полковника Мойше взяла Дженин, разгромив в одном из жесточайших сражений Шестидневной войны батальоны иорданских танков «Паттон», Механизированная бригада полковника Ури овладела городом Наблус. Захват гор Иудеи и Самарии и долины Иордана не подпадал под определение «войны за выживание», как война с Египтом. В некотором смысле сражение за Старый город и Храмовую гору служило продолжением Войны за независимость, происходившей девятнадцать лет назад. Взятие Библейских мест, осуществляемое в первый раз за две тысячи лет, стало призывом боевой трубы в исторической кампании возвращения Земли Отцов. Словно бы некий мессия вновь отдавал в руки воинов Израиля Стену плача (Западную стену) и Храмовую гору.

Овладение Старым городом, и в особенности Западной стеной опьянило евреев, сжав в едином мгновении всю тысячелетнюю историю скитаний народа-изгнанника, обретшего

свой дом и очаг предков. Израильтяне словно бы сбросили груз этих долгих веков, обретая для себя вновь Стену плача, Храмовую гору и Старый город.

Но на севере, у подножия Голанских высот, радость смешивалась с дурными предчувствиями. ЦАХАЛу еще не случалось разгромить Сирийскую армию. в войне — факт, о которым Сирия не уставала напоминать и который давал Дамаску иллюзию собственной непобедимости. Если в этом, уже третьем военном столкновении, имевшем место с момента образования государства Израиль, не одержать над сирийцами убедительную победу, пограничные поселения у подножия Голанских высот ожидает будущее, полное опасностей и страданий. Народ мог сколько угодно ликовать по поводу обретения Стены плача и Храмовой горы, гордиться историческим значением итогов войны, однако проблемы реального физического выживания граждан Израиля на севере так и оставались неразрешенными. Оттягивание начала кампании против Сирии объяснялось соображениями международной политики и особенно сложными отношениями между Израилем и Советским Союзом, который с недавних пор стал защитником и покровителем Сирийского правительства. Советский Союз угрожал разорвать с Израилем дипломатические отношения.

— Надо терпеливо ждать, — обратился подполковник Биро к своим людям в штабе батальона, куда он вернулся после поездки на Гиват-Хаем. — Если мы выступим на Сирию, вы узнаете об этом первыми, не беспокойтесь.

Люди в его батальоне считали минуты — война вот-вот должна была кончиться. Их мобилизовали последними, и теперь все беспокоились, что им не удастся сыграть в Шестидневной войне заметную роль.

Биро родился 4 декабря 1927 г. в городе Арад в Румынии, в южной части Трансильвании. Когда разразилась Вторая мировая война, Трансильванию аннексировала Венгрия, и семью Биро отправили в Освенцим (Аушвитц).

Однажды Биро вернулся после работы в барак. Шел снег, голодные заключенные нетерпеливо ждали ужина. Старшим барака был немецкий коммунист. Он раздавал еду — густую мутную бурду, разливая ее по мискам узников. Пища распределялась по номерам, каждый день начиная с другого, так как последним в очереди доставалась более густая похлебка с гущей. Биро, находившийся почти в самом начале очереди, ждал, когда назовут его номер. Но когда подошла его очередь, старший взял Биро за плечо и оттолкнул.

— Ты подожди, — бросил он Биро. Парень пришел в ужас. Он

видел, как пустеет котел, и испытывал неописуемые муки голода. Но страх пересиливал даже голод, и он думал не о том, почему его лишили ужина, а о том, что с ним случится. Правда ли, как говорили сидевшие в лагере цыгане, что в Освенциме есть помещения для уничтожения газом больших масс людей? Когда Биро прибыл в Освенцим, он весил шестьдесят килограммов, теперь же — около сорока. Он замечал, что особенно сильно исхудавших куда-то отправляют. Но куда? Он дрожал от страха. — Ты, — позвал старший, — иди сюда! — Биро приблизился на подгибавшихся ногах. Очередь подходила к концу. Котел почти опустел. Биро не сразу сообразил что кто-то взял у него миску. Наконец он увидел, что старший скребет половником по дну котла, собирая гущу. Он налил полный половник, затем второй. В миске Биро оказалась самая лучшая еда из того, что доставалась ему за долгое-долгое время. — Ты наверное забыл, мальчик. Но сегодня 4 декабря. Тебе исполнилось семнадцать, — сказал старший барака. — Я надеюсь, будущий день рождения ты проведешь на свободе, дома, в кругу семьи.

Биро очень хорошо запомнил свой семнадцатый день рождения. Он не забыл немца, старшего барака, как не забыл и кузнеца из Кельна.

Биро работал на большом химическом производстве недалеко от лагеря, как и тысячи узников Освенцима. Биро, который учился слесарному делу в Венгрии, стал подмастерьем у немецкого кузнеца из Кельна, работа которого заключалась в изготовлении и ремонте инструментов. Биро называл его «господин мастер». Как весь немецкий персонал на заводе, кузнец ел в восемь утра и в час дня. Рабочим из лагеря еды не полагалось, и немцам строго-настрого запрещали что-либо им давать. Биро сидел на лавке и смотрел, как кузнец ест на рабочем месте. Мастер приоткрывал ящик стола и, ругая пекаря за сожженный хлеб, срезал с него толстые куски, которые падали в ящик. Затем он чистил яблоко, бросая толстую спираль в тот же ящик. Иногда он даже, будто случайно, ронял туда кусочки мяса. Закончив есть, он ногой закрывал ящик, потягивался и говорил:

— Алекс, я пойду разомнусь, а ты прибери тут и вычисти ящики.

Но то были исключения из правил. Биро постоянно волновался из-за потери веса. Каждый вечер заключенные отправлялись под душ, голые и замерзшие, и немцы отбирали часть из них — тех, кому предстояло принять смерть в Биркенау. Биро очень боялся, но никогда не впадал в малодушие или апатию, он хотел жить, и его страх перед смертью давал ему силы

работать до последнего. «Если я перестану работать, меня сожгут», — все время повторял он себе.

В 05.30 узники выходили на утреннее построение, с которого тройками шли на работы. Некая инстинктивная, сверхъестественная сила заставляла Биро слезать с нар, натягивать лохмотья и, собирая всю волю в кулак, идти строиться. Они шли на работу под звуки оркестра. Порой Биро и теперь еще слышит его.

Однажды утром ему не сразу удалось подняться на ноги. Он пришел на «Аппельплятц», собрав последние капли сил. Старшим секции был огромный сильный немец-уголовник, носивший на робе зеленый треугольник. Ему не понравилась нетвердая походка Биро, и он ударил парня по лицу. Очнулся Биро в больнице.

В Аушвитце создавалась атмосфера иллюзий: «Переживем сегодняшний день, может, завтра станет лучше». Биро надеялся, что придет момент, и он выйдет из Освенцима. Но каждый день он видел узников, бросавшихся на колючую проволоку, по которой шел электрический ток.

Порой наиболее оптимистически настроенные заключенные делились друг с другом мечтами о том, что они будут есть, когда выйдут на свободу. Такие разговоры являлись источником надежд и споров и служили развлечением. Биро оставался последователен:

— Когда я выйду на свободу, я возьму большую буханку черного хлеба и буду есть столько, сколько захочу. Но еще я хочу винтовку со штыком, чтобы меня боялись. — Подполковник Биро говорил своим подчиненным, что и сейчас он часто вспоминает эти слова: «Хлеб и винтовка равно важны для выживания».

Он заболел пневмонией, перешедшей в плеврит. Когда Красная армия освободила узников Освенцима, Биро весил меньше тридцати пяти килограммов.

Утром в пятницу, 9 июня, все жадно внимали голосу диктора программы новостей. Заместитель командира мотопехотного батальона, майор Моше Хавив, тоже слушал радио. Сразу после новостей он сел и написал домой открытку:

«Дорогая Гила!

Я был так рад поговорить с тобой вчера. Сегодня утром объявили о возможном прекращении огня, что рушит наши планы. Нам будет стыдно, если сирийцы так просто уйдут. Тысяча поцелуев всем.

Ваш Мош».

Он бросил открытку в почтовый ящик в поселке, около которого стоял батальон, когда прозвучал приказ: «Приготовиться

к выступлению». Эти слова пронеслись по бригаде как электрический разряд, вызвав чувство удовлетворения и даже веселье.

Майор Моше Хавив постучал в дверь дома Абрама Баниона, в доме которого штаб батальона провел несколько совещаний.

— Разрешите нам использовать ваш дом еще для одного последнего короткого совещания? — спросил майор Хавив хозяйку, когда та открыла дверь.

Когда последний инструктаж батальона мотопехоты закончился, майор Хавив взобрался в командирскую бронемашину и приказал водителю ехать к Голанским высотам. В полугусеничной бронемашине, двигавшейся во главе колонны к Кфар-Сольду и Гиват-Хаем, находилось пять человек. Со своих позиций на господствующих высотах сирийцы прекрасно видели израильтян и немедленно открыли огонь из длинноствольных чешских пушек и тяжелых 120-мм минометов.

Сидевшие в машине Хавива испытывали странное чувство — они ехали на войну, которая, по сообщениям, уже закончилась. Предыдущим вечером все пятеро присутствовали на вечеринке — водитель собирался открыть ресторан и устроил своего рода презентацию, чтобы продемонстрировать свои кулинарные способности. Он варил, жарил, парил, и участники вечеринки пришли к единому мнению: обед удался и запомнится на многие годы. Теперь водитель сказал друзьям в полугусеничной бронемашине:

— Ну, мы сделаем все, от нас зависящее. А уж что будет, то будет.

Было 10.00.

Доктор Глюк искал медсанчасть бригады, но найти ее в колонне бригады, двигавшейся по простреливаемой противником местности, оказалось крайне трудно. Офицеры, которых он спрашивал о местоположении медицинской роты, даже не слышали его вопроса. Они обнимались и кричали:

— Мы идем на Голанские высоты!

В кибуце Хагошрим он наткнулся на медсанчасть пехотной бригады. Командир попросил доктора Глюка и его санитара Ронни остаться. Он указал на зеленые лужайки кибуца, на бассейн и спросил:

— Что вам тут не нравится, Глюк?

Идея доктору Глюку понравилась, на минуту он поддался искушению и почти решил остаться в пехотной бригаде. Было мало шансов найти свою роту на дороге, где царил грохот танков и полугусеничных бронемашин, взрывались снаряды и мины. Но что-то кольнуло доктора Глюка, и он почувствовал, что должен

следовать со своей бригадой. Офицер, медик дал ему джип, и он отправился на поиски. Впереди тянулась вереница «Шерманов».

Из люка головного танка высовывался полный и усатый подполковник Биро. Рядом в своей полугусеничной бронемашине ехал майор Мокади. Он немедленно узнал доктора (тот уже принимал участие в разведрейдах его роты), но Мокади не располагал временем для разговоров с доктором и не мог направить его в медсанчасть, поскольку сам не знал, где она.

— Что здесь происходит? — рявкнул недовольный задержкой подполковник Биро.

— Это доктор и санитар, — ответил майор Мокади, — они ищут медсанчасть.

— Врач? Санитар? — удовлетворенно загрохотал Биро. — Скажите, чтобы присоединялись к нам. Они нам пригодятся. — Доктор Глюк и Ронни взобрались на одну из двух полугусеничных бронемашин перевязочного пункта батальона. — Вперед, за мной! — скомандовал Биро танкистам.

Доктор Лерон, штатный врач батальона, крайне удивился, увидев Глюка, взбирающегося в его полугусеничную бронемашину.

— Что вы здесь делаете, Глюк?

— Присоединяюсь к вам, Лерон.

— Кто у нас забеременел? — шутка понравилась — на гражданке доктор Глюк был гинекологом. Он скривился. — Ну-ну, добро пожаловать, — не стал развивать тему доктор Лерон. — Но нам лучше разделиться. Вы поедете на полугусеничной бронемашине для эвакуации раненых.

Грохот стрельбы стал оглушительным.

— Ронни, я бы сейчас отдал тонну золота за каску, — признался Глюк. В спешке они забыли снаряжение в медсанчасти пехотной бригады. Кто-то в батальоне дал им танкистские шлемы, они приглушали грохот канонады, но не защищали от осколков. В эвакуационной полугусеничной бронемашине никто никого не слышал. Дании, санитар эвакогруппы, передал доктору свернутую записку — «Моление идущего в битву», распространенное Раввинатом армии. Была пятница, и получалось, что танкистам и мотопехоте придется сражаться в субботу. На вершине Гиват-Хаем армейский раввин предлагал солдатам чашу со сладким вином для отправления ритуала Киддуш в канун Субботы[120].

— Доктор! Доктор! — взволнованно закричал солдат, взобравшись на эвакуационную полугусеничную бронемашину. — Есть раненые!

На некоторое время движение колонны замедлилось. Доктор

Глюк хотел подняться, но ноги его не слушались, словно налились свинцом. Вокруг сыпались минометные мины, которых он до смерти боялся. Свист их парализовал его.

Логика побуждала его остаться на месте. Где он будет помогать раненым? На холме под обстрелом? Сражение, похоже, уже началось, так что, даже если он и сможет обрабатывать раны, куда эвакуировать раненых? В тылу было не лучше, чем в первых рядах.

Все размышления заняли доли секунды, а потом внутренний голос, настойчиво твердивший: «Вставай!», взял верх. Глюк вскочил и побежал за солдатом. Снаряд ударил в полугусеничную санитарную бронемашину, которую Глюк покинул только что, доктор Лерон, санитар, радист и водитель получили ранения. Глюк огляделся и заметил неподалеку пункт наблюдателей ООН; рядом с ним находился защищенный мешками с песком окоп.

— Туда! — крикнул Глюк, и они потащили раненых в это укрытие.

— Доктор, еще раненый! — послышался возглас в другом месте.

Две полугусеничные бронемашины были подбиты одна за другой упавшими прямо на них минами. Одна принадлежала заместителю командира батальона мотопехоты майору Моше Хавиву. Мина 120-мм миномета взорвалась внутри полугусеничной бронемашины и разнесла в клочки находившихся в ней людей — всех пятерых. Бронемашина превратилась в факел, потом начали рваться боеприпасы. Доктор Глюк уже ничем не мог помочь тем, кого накрыло прямым попаданием. Он оказался здесь единственным врачом и принялся не покладая рук помогать раненым, которых приносили к нему на укрытую мешками позицию. Одним из первых доставили раненного в ногу Лерона.

— Немного морфия, доктор, — попросил Лерон и затем добавил, почти шутливо. — И будет лучше, если вы примете командование.

Ответственность, которую пришлось возложить на себя доктору Глюку, заставила его напрочь забыть о своих страхах. Не обращая внимания на обстрел, он занимался ранеными, которые все прибывали и прибывали.

— Какого черта вы устроили здесь свою лавочку? — раздался вдруг чей-то злой голос. Глюк поднял голову и увидел командира бригады, полковника Альберта.

— Больше негде, полковник, — ответил доктор. Комбриг искал места, где бы устроить свою передовую группу управления, но Гиват-Хаем слишком сильно обстреливался. Приходилось ехать дальше.

— Вперед! — скомандовал полковник водителю своей командирской бронемашины. Она вернулась на направление движения, обходя ехавшие по дороге бронемашины, иногда едва не заезжая на тянувшиеся с двух сторон минные поля. Доктор Глюк посмотрел вслед удалявшемуся комбригу, а затем вновь занялся ранеными.

Танковый батальон под командованием Биро уже пересек границу Сирии.

Бригаде «А» предписывалось прорваться через Гиват-Хаем, захватить укрепленные позиции Зауры, выйти на дорогу к Массаде и изготовиться к продвижению к Кунейтре. Поскольку действовать приходилось днем, возглавлять колонну должны были танки батальона А-112 подполковника Биро. Ему предстояло овладеть вражеским рубежом обороны в Наамуше и территорией выше оборонительных позиций Зауры. Танковая группа «В» (не под командованием Биро) получила задание захватить верхние оборонительные позиции Зауры, а батальон мотопехоты — нижние.

Глядя на Голанские высоты из долины Иордана, невольно приходится закидывать голову. Во многих местах холмы, казалось, стоят стеной. В этой стене насчитывается несколько «дверей» — проходов, пролегающих через ущелья, но ни один из них не сулит легкого подъема. Так или иначе моторизованные колонны атакующих вынуждены придерживаться нескольких асфальтовых дорог и проселков, и, конечно, на них сирийцы возвели свои главные, по-настоящему грозные оборонительные рубежи. Повсюду среди скал прятались в орудийных окопах пушки, торчали доты, таились минные поля; ждали незваных гостей надолбы, противотанковые рвы; даже подвалы построек в армейских лагерях использовались для оборудования в них огневых точек. Сирийцы не пожалели артиллерийских батарей и танков. Однако имелся один участок, не являвший совершенно непроходимым, располагался он между Кфар-Сольдом и укрепленной позицией противника на Тель-Азазиат. Здесь горы не отличались особой крутизной и неприступностью. Командующий Северным командованием, генерал Давид Элазар, избрал для прорыва именно этот участок, который выведет атакующих на сторожевую дорогу, связывающую позиции противника, и дальше к Зауре.

Дорога соединяла Тель-Азазиат, Гур-эль-Аскар, Наамуш, Укду, Сир-Адиб, и Калаа. В Калаа, расположенной по обеим сторонам дороги на Кунейтру, сирийцы построили самые сильные укрепления. По плану предполагалось избегнуть фронтального столкновения в Сир-Адибе и Калаа. Таким образом, танковые

части пройдут 1800 м по сторожевой дороге, свернут с нее за Укдой, отослав сильные блокировочные отряды на линию Укда — Сир-Адиб, выйдут на дорогу вдоль нефтепровода (посередине между Сир-Адибом и Заурой) и захватят Зауру. Овладев ею, атакующие зайдут в тыл Калаа, что обеспечит израильтянам более легкий проход на Кунейтру.

Выйдя на нефтепровод, танковые части должны проследовать дорогу, связывающую его со сторожевой дорогой, до того места, где она достигает Укды. Поскольку путь пролегал среди неубранных и уже сжатых полей, найти его было особенно трудно, и майор Мокади назначил уроженца Галилеи Дании проводником в разведроту. Нелегкое задание Дании заключалось в том, чтобы вовремя найти дорогу, так чтобы танки Биро свернули налево до того, как достигнут Сир-Адиба и подставятся под пушки сирийцев в Калаа.

Сирийцы начали обстреливать бригаду уже во время ее выдвижения к Гиват-Хаем. Первыми — на джипе и полугусеничной бронемашине — через границу предстояло идти разведчикам под командованием майора Мокади. Когда они обсудили план атаки, комбриг, полковник Альберт, высказался за направление маленькой разведгруппы, самое большое из восьми человек, которые, в случае необходимости, проведут к сторожевой дороге всю бригаду. Полковник Альберт даже предлагал обсудить возможность высылки пешей разведгруппы, которая отыскала бы в скалах проход и дорогу для бронетехники. Он также решил, что в разведгруппу войдут только добровольцы.

За джипом и полугусеничной бронемашиной шел батальон подполковника Биро, возглавляемый ротой лейтенанта Нати, который сам ехал на головном танке. Биро находился в пятом танке колонне.

Они преодолели минное поле через проделанный в нем саперами проход, вышли на сторожевую дорогу и направились на юг. Очевидно, рейды авиации Израиля на вражеские оборонительные позиции, проведенные Северным командованием по просьбе полковника Альберта, ослабили боевой дух сирийцев. Первый опорный пункт, Гур-эль-Аскар, не оказал сопротивления. Танки Нати обстреляли его и продолжали продвижение вместе с разведгруппой, вернувшейся, чтобы показывать дорогу. Достигнув второго опорного пункта, Наамуша, Нати рассредоточил один взвод для прикрытия наступления роты и с оставшимися танками роты быстро захватил вражеские позиции. Разведгруппа майора Мокади теперь двигалась позади первых пяти танков, сразу за «Шерманом» Биро.

В Наамуше рота лейтенанта Нати должна была поменяться

местами с ротой Илана, которой предстояло идти впереди при взятии следующего рубежа. Но рота Илана с трудом находила путь среди базальтовых скал и запаздывала. Она на километр отстала от роты Нати, который шел на полной скорости и уже миновал Наамуш. Два первых опорных пункта врага не оказали серьезного сопротивления, если не считать пулеметного огня и гранат, да противотанковых пушек, которыми израильтян встретили в Наамуше. Однако танкисты уничтожили пушки с дистанции 400 м до того, как те сумели пристреляться. До сих пор рота Нати не понесла потерь.

— Все просто — как на учениях. Прошу разрешения на продвижение. Прием, — радировал Нати комбату.

— Нати. Это Биро. Понял. Идите. Конец связи, — откликнулся Биро.

Не успели, однако, первые танки проследовать Наамуш, как оказались под огнем противника с позиций Укды. В каком-то смысле маршрут походил на коробку-сюрприз, открыв крышечку которой, обнаруживаешь коробочку поменьше, чтобы, открыв и эту, найти третью, еще меньшую, и так далее. Только здесь все получалось наоборот — первая «коробочка» была самой маленькой, а последняя — самой большой. После Гур-эль-Аскара следовал Наамуш, после Наамуша — Укда. Лейтенант решил, что должен взять Укду, атакуя колонной, так как рельеф местности не позволял рассредоточиваться и маневрировать.

После Наамуша танковому батальону предстояло повернуть налево, на проселок, через который лежал путь к нефтепроводу и на Зауру. Когда неприятель принялся палить по израильтянам из Укды, в джипе разведки вспыхнул горячий спор. Майор Мокади, изучивший карту в деталях и знавший каждый ее миллиметр, утверждал, что узкая тропа, обнаруженная только что, — именно то, что они ищут, но разведчик Дании, родившийся в Галилее и более полагавшийся на свой инстинкт и знание местности, чем на карту, уверял, что они еще не добрались до поворота и должны двигаться дальше по сторожевой дороге.

— Биро. Это Нати. Где сворачивать налево? Прием, — обратился лейтенант к комбату, который взял на себя корректировку огня по позициям Укды. Останавливать продвижение было нельзя, поскольку танки превратились бы в легкие мишени, и Биро подгонял своих людей, требуя от них двигаться быстрее и быстрее, чтобы атака не потеряла набранную скорость.

— Нати. Это Биро. Я сейчас проверю, — отозвался комбат. Лейтенант слышал, как он связывался по рации с разведгруппой в джипе, спрашивая, где сворачивать.

— Биро. Это Мокади. Сворачивать налево надо здесь. Дорога слева. Прием, — доложил майор Мокади.

— Биро. Это Дании. Левый поворот не здесь. Дорога дальше. Надо двигаться дальше. Прием, — возразил Дании.

Спор этот происходил под интенсивным огнем, который противник вел с малой дистанции, и до того, как Биро успел ответить Нати, тот сделал выбор и, точно влекомый магнитом, двинулся под огонь, которым сирийцы поливали его роту. По некоторым причинам лейтенант больше полагался на Дании, хотя, возможно, все равно не оставалось другого выхода, как вступить в боевое соприкосновение с неприятелем в Укде, обороняемом ротой опорном пункте на первом уровне Голанской «стены», которая возвышалась над Кфар-Сольдом примерно метров на пятьсот.

Сторожевая дорога обходила Укду слева. Соответственно, Биро приказал Нити повернуть пушки вправо и открыть огонь, проходя мимо вражеского опорного пункта. Он хотел быстро проникнуть на максимальную глубину и стремился не к зачистке позиций, а к тому чтобы обойти их. Только позднее инженерно-саперные части бригады придут и подчистят за танкистами.

Когда танки прошли Укду, перед ними возник очередной рубеж, на котором размещались противотанковые орудия и танки, а в нижних этажах строений имелись долговременные огневые точки. На карте была отмечена хорошая дорога на Зауру, и, когда они оставили Укду за спиной, Биро заметил нечто похоже на хорошую дорогу. Это навело его на мысль, что новый опорный пункт перед ними — Заура, овладев которой они окажутся на господствующей позиции.

— Нати. Это Биро. Бейте первыми танки, — приказал комбат и немедленно попросил офицера связи с артиллерией вызвать заградительный огонь на Зауру.

— Куда-куда? — не понял артиллерийский офицер.

— На Зауру, на Зауру, — повторил Биро.

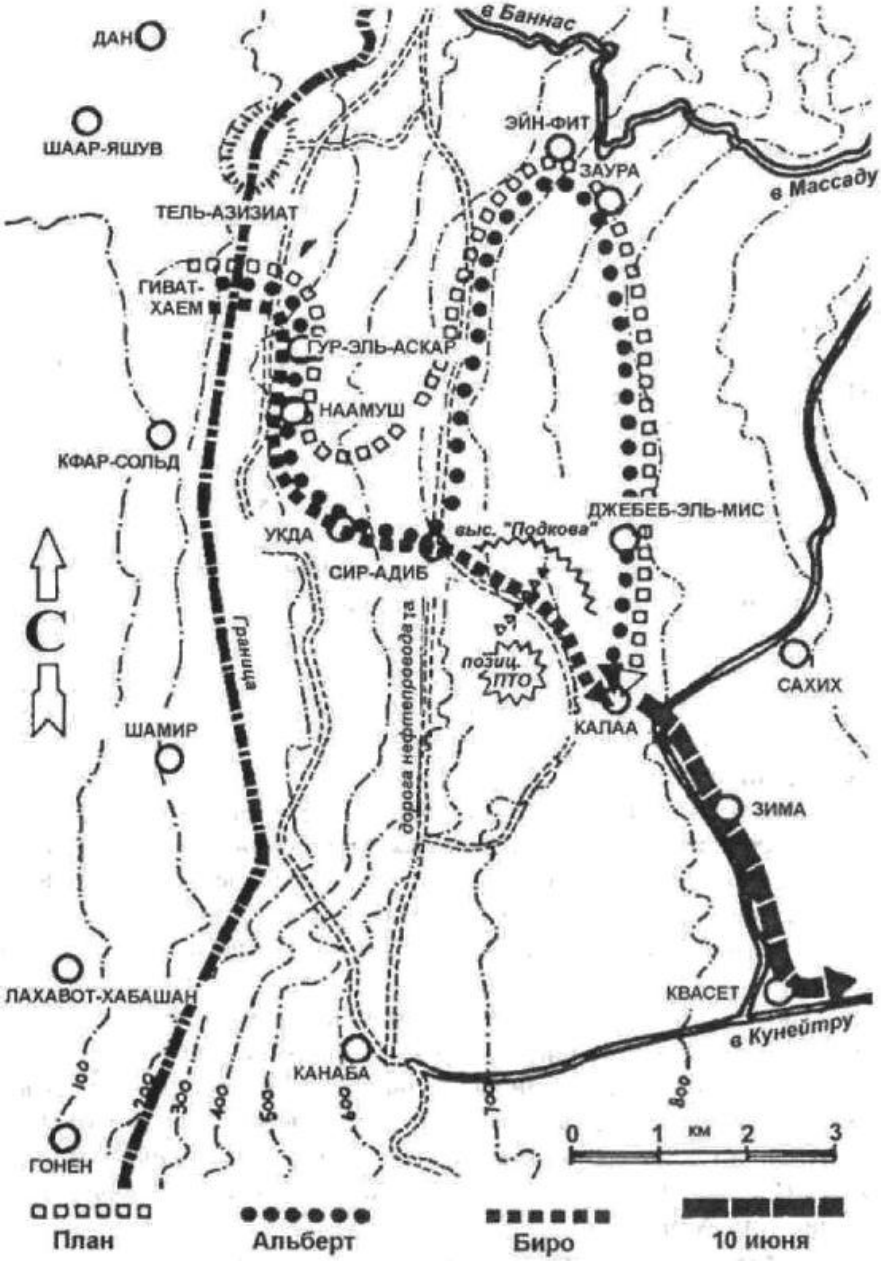
— Но мы и так все время стреляем по Зауре, — удивился артиллерийский офицер.

— Куда вы стреляете? Я не вижу, чтобы кто-нибудь куда-нибудь стрелял! — Биро поднял полевой бинокль. На оборонительных позициях, которые он видел теперь в увеличении, не наблюдалось ни малейших следов артобстрела.

— Дайте мне привязку к карте, — попросил артиллерийский офицер.

Скоро стало ясно, что Биро принял за Зауру Сир-Адиб. Желая немедленно исправить ошибку и вернуться, чтобы отыскать левый поворот на Зауру, он радировал Эппи, приказывая ему взять свою

роту и поискать дорогу, которая приведет их туда. Но Эппи не услышал подполковника. Он мчался вперед за комбатом, и таким образом целый батальон устремился за Нати, который штурмовал Сир-Адиб.



Прорыв бригады «А» через Голанские высоты (9 июня)

Так батальон оказался перед опорным пунктом, который так

старался обойти. Так или иначе, когда израильтяне вышли к Сир-Адибу, другого выхода, как взять его, у них не осталось; или так думал командир. Как и ожидалось, противник оказал сопротивление, куда более ожесточенное, чем на предыдущих позициях. Коробка-сюрприз становилась все больше и больше. Грохотали противотанковые орудия; несколько «Шерманов» Биро получили прямые попадания. Тем не менее лейтенант Нати на головном танке достиг укреплений. Поскольку Биро приказал не отклоняться от дороги из-за скал и мин по обеим ее сторонам, нападавшим приходилось идти прямо по дороге. Нати и его рота завязали бой с противотанковыми орудиями и уничтожили их, и скоро авангард роты с лейтенантом в головном танке уже прошел Сир-Адиб. Командир взвода был серьезно ранен осколками минометной мины, затем сам Биро получил легкие ранения осколками в лицо, когда минометная мина снесла антенну его танка. По интеркому Биро справился, не ранен ли в экипаже кто-нибудь еще. Ему ответили, что нет, но стрелок, видевший кровь на лице командира, спросил, не лучше ли ему эвакуироваться.

— Ни Сталин, ни Гитлер не смогли меня угробить. Ты думаешь, смогут сирийцы? — прозвучало в ответ. В этот момент Биро увидел куст помидоров, усыпанный спелыми сочными плодами.

— Одну минуту! — крикнул он и выскочил из танка. Скоро комбат вернулся с полной пригоршней помидоров, взобрался в танк, где и поделил их с экипажем.

По батальонной связи он поторопил другие роты подтянуться к Сир-Адибу и присоединиться к сражению. Он сам истратил все боеприпасы и кидал ручные гранаты в траншеи и ходы сообщений, а когда и гранат не осталось, принялся за дымовые шашки. Одну такую он бросил в дот, и оттуда выскочил целый взвод перепуганных сирийцев. Из десяти магазинов, которые были у Биро с собой, семь уже опустели. Джип разведки, следовавший поблизости от его танка, проехал в двадцати метрах от покрытого камуфляжной сеткой овражка. Майор Мокади приказал Исраэлю бросить туда гранату, что тот и сделал. Произошел сильнейший взрыв, засыпавший пылью и камнями сидевших в джипе. В закрытом сетью овражке хранились взрывчатые вещества.

Половина роты Нати уже прошла Сир-Адиб. Лейтенант все еще верил, что они идут по дороге на Зауру, и вот на пути выросли новые грозные укрепления. Два длинных выступа охватывали дорогу с двух сторон, словно бы беря ее в клещи. Подполковник Биро все еще оставался в Сир-Адибе, спросил комроты по рации, знает ли он, где находится.

— Это Заура, господин подполковник, — ответил Нати. — Я думаю, это Калаа. Тут мощные высокие укрепления, и из них выступают два крыла…

Биро как раз заметил две зенитки, нацеленные на его танк. Комбат полагался на своего стрелка. Он скомандовал:

— Фугасным заряжай! По зениткам слева. Огонь!

Стрелок сразу подбил одну, подняв ее на воздух, а прислуга другой разбежалась.

Биро прошел Сир-Адиб и стал выдвигаться к Калаа. Скоро укрепления начали вырисовываться впереди. Он приказал роте Нати рассредоточиться, затем внимательно изучил гребень у дороги слева, на котором дислоцировали сирийские танки. Следовало прежде всего овладеть этой позицией, вне зависимости от того, собираются ли они штурмовать Калаа. Он только открыл рот, чтобы отдать приказ, как пулеметная очередь прошила его лицо. Поток крови хлынул из щек и горла, как вино из пробитой бочки, а его челюсть повисла на обрывке плоти.

Биро нырнул в башню и знаком попросил стрелка привязать челюсть бинтом из индпакета. Он положил тяжелую руку на плечо офицера связи Юваля Бен-Арци, который ехал с ним в танке, давая понять, что о случившемся никому сообщать не надо, затем показал, что хочет что-то написать. Стрелок дал командиру флягу, и Биро ополоснул рот водой, которая показалась ему огнем. Красная от крови вода протекла через раны в горле на рубашку. Юваль дал комбату блокнот и ручку и Биро начал отдавать приказы в письменной форме. Он передавал блокнот Ювалю, который радировал, передавая их от имени командира батальона. Первый приказ — взять гребень слева — получила рота Илана. Затем Биро попросил интенсифицировать артобстрел Калаа и через Юваля получил ответ, что артиллерия дает последние залпы. Биро попросил комбрига организовать поддержку с воздуха, что и было ему обещано.

Биро понял, что иного выхода нет — нужно атаковать Калаа. Большая часть батальона прошла Сир-Адиб, и, как думал Биро, отступить без тяжелых потерь будет невозможно. Но он не мог продолжать руководить боем. Опустившись без сил на пол танка, комбат истекал кровью. Офицер связи Юваль Бен-Арци приказал водителю немедленно вернуться в Сир-Адиб, и оттуда водитель радировал в джип разведгруппы, где находились майор Мокади и Исраэль.

Стрелок и Юваль помогли Биро выйти из башни на броню корпуса танка. Подполковник отяжелел и едва мог идти сам, но, увидев своих людей, он самостоятельно спрыгнул на землю, затем забрался в джип и сел рядом с водителем прямой как столб

— гордость превозмогла слабость и боль.

Во время инструктажа он в шутку говорил майору Мокади: «Если я получу пулю, командовать будете вы», однако теперь написал записку: «Скажите Нати, пусть принимает командование и продолжает штурмовать Калаа. Все».

Биро знал, что батальон в сложном положении и что только опытный боевой командир способен выйти из трудной ситуации. Он надеялся на Нати, которого учил три года. Однако, когда майор Мокади радировал лейтенанту принять командование, ответа не получил. Сирийский танк всадил в «Шерман» Нати бронебойный снаряд, сбив командирский люк. Система связи вышла из строя, и лейтенант спустился в боевое отделение, чтобы привести ее в порядок. Майор Мокади немедленно принял командование батальоном на себя.

— Езжай налево, — приказал он водителю.

Разведчик Дании сопровождал подполковника Биро в джипе до перевязочного пункта батальона. На протяжении путешествия подполковник прямо сидел в джипе, который бросало и раскачивало на неровной дороге. Перевязочный пункт по-прежнему располагался рядом с постом наблюдения ООН на Гиват-Хаем, и работы у доктора Глюка хватало. Биро еще надеялся, что сможет вернуться и командовать батальоном, но, едва сняв повязку, доктор Глюк сразу отмел такую возможность. Кровь текла обильно, и дыхание с каждой минутой становилось все более затрудненным. Две пули пробили левую щеку, в четырех местах разбив челюсть, выбив пять зубов, и прошли чуть выше дыхательного горла. Глюк собрал кровь изо рта ватой и туго перевязал челюсть, чтобы она встала на место. Биро показывал ему глазами, чтобы затягивал потуже.

— Пожалуйста, подполковник, ложитесь на носилки, — попросил Глюк. Биро покачал головой — он поедет в госпиталь на джипе. — Вы чувствуете в себе достаточно сил, чтобы трястись в джипе по такой неровной дороге? — Биро кивнул. Глюк помог ему вернуться в джип и закрепил ремень безопасности. — Удачи, подполковник.

Биро взмахнул на прощанье рукой, и джип тронулся вниз по наклонной извилистой дороге.

Лев, — сказал про себя доктор Глюк.

ГЛАВА 27

Майор Мокади решил придерживаться первоначального плана и отменил атаку на Калаа. Он боялся, что погибнет весь батальон.

Шел второй час дня. Батальон уже три часа вел тяжелый бой среди крутых скал. Кругом полыхал огонь. Артиллерийские снаряды, бомбы и ракеты, выстрелы танковых орудий и пулеметные очереди воспламенили жнивье и бурьян и, конечно, боеприпасы и топливо. Черный дым клубился над полем боя, делая все вокруг еще более зловещим.

— Налево, — повторял майор Мокади командирам рот по радиосвязи. — Налево. Налево.

Он повел танк к дороге, замеченной им раньше, которая, как он считал, шла к нефтепроводу и Зауре. Он хотел направить батальон туда. Но скоро перед ним оказались еще две сирийские позиции: одна параллельно линии движения и другая — на расстоянии 400 метров прямо перед ним. С первой открыли огонь противотанковые орудия, и бронебойный снаряд пробил картер двигателя, поджег масло, и мотор заглох. В один миг танк наполнился белым, удушающим дымом.

— Огонь! — приказал майор Мокади стрелку, нацелившему пушку на позицию напротив. Громыхнул один выстрел, и все стихло. Место заряжающего занял офицер связи Юваль Бен-Арци, который не умел обращаться с затвором, поскольку имел довольно слабое представление об устройстве пушки.

Майор Мокади решил обстрелять противника из 12,7-мм браунинга. Но эффективно вести огонь из пулемета «Шермана» с малой дистанции можно, только высунувшись из башни. Майор Мокади высунулся из танка и стал стрелять, прекрасно сознавая, что подвергается смертельной опасности, поскольку практически нет надежды, что его не подстрелят. Его ранили почти сразу. Пуля попала в грудь, и он чувствовал, как силы оставляют его.

— Нати. Это Мокади. Примите командование. Прием, — радировал майор. — Нати. Это Мокади. Принимайте командование. Прием, — повторял и повторял он. Но лейтенант не отвечал. Майор Мокади, который слишком сильно высунулся из люка, выпал из башни, и Юваль Бен-Артци поднялся, чтобы сменить его у пулемета. Он стрелял по вражеским позициям, пока в него тоже не попали. Он рухнул в боевое отделение и умер.

Командир батальона был ранен и эвакуирован, заменивший его майор Мокади — ранен и умирал. Кто примет командование? Ответа от Нати все не было.

— Нати. Это Мокади. Примите командование, прием… — прошептал умирающий майор Мокади.

Огонь в картере погас, масло остыло, и водитель смог запустить двигатель. Он отвел танк на полторы сотни метров по склону вниз, но там он опять встал в расщелине. Водитель и стрелок выбрались из танка. Майор Мокади не шевелился. Он

умер.

Наконец Нати сумел наладить рацию и сразу же услышал:

— Нати. Принимайте командование, прием.

Он не знал, от кого исходит приказ, но мгновенно осознал: что-то случилось с Биро. Кровь ударила лейтенанту в голову. В штабе все приказы по рации, включая последний призыв Мокади, принимал и передавал майор Амнон. Он и связался с Нати, чтобы тот принял командование. Лейтенант продолжал казавшийся безнадежным бой.

Первое, что он сделал, организовал радиосвязь со всеми ротами батальона, а затем связался с командиром бригады и проинформировал его о том, что принял под командование А-112. Полковник Альберт встретил подполковника Биро по пути в Сир-Адиб, когда комбат ехал к перевязочному пункту. В Сир-Адибе комбриг понял, что прервать сражение можно будет только ценой огромных потерь, что надо идти вперед и частью сил выполнять первоначальный план, пока А-112 продолжает драться за Калаа. Он приказал Нати наступать, сам же в командирской полугусеничной машине во главе второй танковой группы и батальона мотопехоты повернул налево, на дорогу, указанную раньше майором Мокади во время поисков выхода на Зауру. Теперь Калаа стала главной целью. Бригада «А» продвигалась к ней двумя клиньями. Один под командованием Нати устремился к цели напрямую, другой под командованием комбрига полковника должен был ударить на Калаа с тыла сразу после выполнения основной задачи — захвата укреплений Зауры.

Прошло всего двадцать минут с того момента, как был ранен полковник Биро.

Заура и Калаа, которые являлись главными опорными пунктами на гористом плато на участке бригады «А» представляли собой превращенные в крепости населенные пункты. Селение Калаа стояло на высоком плато на Голанских высотах, тот кто владел плато, мог легко добраться до Дамаска. Дорога из Сир-Адиба в Калаа сначала резко спускается, образуя нечто вроде «сифона», потом круто поднимается, поворачивает вправо на вершине, затем идет более полого, поворачивает налево и потом опять направо и тогда уже входит в селение.

В нижней точке «сифона» сирийцы соорудили противотанковые заграждения — выстроили рядами бетонные надолбы. Попасть в Калаа можно было только по дороге, и чтобы обойти преграду, танкам приходилось маневрировать, продвигаясь то вперед, то назад. Но на этом трудности для атакующих не заканчивались. С северной стороны, слева от дороги на Калаа, располагалась высота в форме подковы, на

которой сирийцы оборудовали оборонительные позиции, установив на них противотанковые орудия и танки. Около Калаа противник сосредоточил наиболее значительное количество противотанковых орудий. Кроме того, у Джебеб-эль-Мис дислоцировались крупные формации танков, часть которых уже выдвинулась для усиления «подковы». С юга, справа от дороги, отделенной от Сир-Адиб глубокой расщелиной, располагалась плоская, как стол, высота, на которой находились противотанковые орудия и танки. В самой Калаа средства ПТО были пристреляны к образовывавшей У-образный «сифон» дороге. Ко всему прочему, сирийцы построили вдоль дороги бетонные ДОСы, откуда тяжелые пулеметы поливали наступающих градом пуль.

Когда лейтенант Нати принял командование, у него в трех ротах оставался двадцать один «Шерман». Остальных или подбили, или они напоролись на мины, или вышли из строя в результате механических поломок. Из своего лишившегося люка и радиосвязи командирского танка Нати пересел в другой. Ему предстояло сражаться на несколько фронтов, и ДОСы отвлекали его больше, чем хотелось бы. Он приказал «Шерманам», оборудованным новыми французскими пушками [калибра 105 мм], уничтожить ДОСы, и танки начали бить по ним с дистанции 400 и 600 м.

Однако главные силы он задействовал в бою против вражеских танков и противотанковых орудий. Пока еще батальоном командовал Биро, Нати вступил в схватку с тремя танками, которые стреляли по нему спереди, с высоты-«стола», и подбил их все прямыми попаданиями. Затем он подбил два танка в Калаа, пока рота лейтенанта Илана продвигалась к высоте-«подкове» слева, давая роте Нати возможность пройти через надолбы, чтобы уничтожить вражеские танки на «подкове» и пресечь попытку усиления ее обороны за счет сирийской бронетехники, вышедшей из Джебеб-эль-Мис.

Поле боя утопало в огне, воздух наполнял свист снарядов и пуль. Небо затянул дым жаркой битвы, а в сердце Нати горело одно стремление: выполнить приказ командира батальона и взять опорный пункт. Расстояние от надолбов до высившихся впереди укреплений Калаа составляло 1800 м. Нати пришлось сражаться за каждый.

Когда Нати приказал роте Илана атаковать «подкову» слева и попытка удалась, Илан занял позицию, с которой мог прикрывать продвижение рот Нати и Эппи через противотанковые заграждения, блокировавшие дорогу внизу. Но, выходя на позицию, танк Илана скатился в расщелину. Комроты пересел на

другой, командир которого был ранен во время атаки.

Еще отправляясь на преодоление заграждений, Нати попросил о дополнительной артиллерийской поддержке и начал корректировать огонь орудий. Он также запросил и поддержку с воздуха, но радио вдруг опять отказало. Он ничего не слышал в наушниках. Нати потряс регуляторный блок и увидел, что тот почему-то мокрый. Это была кровь, но Нати не мог понять, откуда она взялась в таком количестве, что произошло короткое замыкание. Затем он почувствовал острую боль — пуля прочертила широкую борозду на коже его головы. В горячке боя он ничего не заметил, но кровь, которая потекла на рацию, испортила ее. Позднее Нати обнаружил, что поражен осколками в тыльную часть ладоней. Тут ударило противотанковое орудие с северной стороны Калаа. В результате прямого попадания механик-водитель лишился возможности управлять машиной. Нати приказал командиру соседнего танка уничтожить эту пушку. Снаряд за снарядом израильтяне палили по ней, но кто-то продолжал вести по маневрирующим между надолбами танкам прицельный огонь. Обнаружились, что пушек две — одна находилась на виду, а другая располагалась глубже. Нати понял, что первое орудие — ложное. Он приказал стрелку изменить угол возвышения и уничтожить вторую пушку.

Под прикрытием дымовой завесы Нати покинул уже второй за этот бой танк и взобрался в третий, командира взвода. Теперь исполняющий обязанности комбата приказал роте Илана спуститься с «подковы» на дорогу в Калаа, а роте Эппи — занять место Илана для обеспечения прикрытия продвижения двух других рот. Затем две роты прикрывали роту Эппи, когда она спускалась к дороге, чтобы присоединиться к ним во время подъема к Калаа. Приказ Нати состоял в том, чтобы сражался каждый танк, способный принимать участие в бою. Те командиры, чьи машины потеряли ход, должны были стрелять из орудий и пулеметов, прикрывая атаку товарищей. Из двадцати одного танка десять прошли заграждения, а одиннадцать, оставшись, поддерживали наступающих огнем.

Рота Илана преодолела препятствия первой. Комроты находился в головном танке под кинжальным огнем врага, Нати посылал танки за ним один за другим, чтобы они не скапливались на дороге у заграждений. Радиоконтакт между танками был ненадежен, поскольку большинство наступавших машин получило повреждения, и, отдавая приказы, Нати приходилось кричать изо всех сил через сложенные рупором ладони. Возглавлявший колонну танк Илана был скоро подбит и загорелся. Илан выпрыгнул, раненный в пах. Заряжающий тоже

успел выскочить, а остальные застряли в горящем танке, как в ловушке, — пушка перекрывала им выход. Под градом пулеметных пуль комроты вернулся, взобрался в горящий танк и повернул башню, чтобы люди могли выбраться. Затем Илан, шатаясь, отбежал и спрятался под брошенным сирийским грузовиком.

Нати не останавливался, чтобы эвакуировать раненых, и продолжал атаку на Калаа. У заграждений получил ранение в лицо сержант Варди. Он закричал по рации командиру, что ничего не видит и не может провести танк через «драконьи зубы»[121]. Нати повернулся в его сторону и был поражен тем, что увидел. Развороченное осколками лицо сержанта превратилось в окровавленный кусок мяса. Из своего танка Нати по рации вел ослепленного Варди, который слушал указания командира и повторял их водителю, маневрировавшему через надолбы. Затем Нати радировал Варди, чтобы тот следовал за ним, так как возможности эвакуировать его нет. Вдруг сержант с радостью обнаружил, что вновь обрел способность видеть. Кровь на лице свернулась, превратившись в нечто вроде резиновой маски с прорезями для глаз.

— Можешь двигаться дальше, Варди? — спросил Нати.

— На все сто, Нати. У меня все в порядке, — радостно отозвался сержант. Он снова мог командовать танком.

Еще два танка были подбиты противотанковыми орудиями, и ситуация теперь выглядела следующим образом: семь танков наступали по одному из рукавов «У» к Калаа, на другом рукаве, со стороны Сир-Адиба, застывшие на месте танки прикрывали атакующих товарищей. Головным танком командовал Альфред, за ним шли Эппи, Эли, Наум, Нати, сержант Варди и еще один поврежденный танк.

Альфред приказал водителю пройти трудное место на низкой передаче. Когда он снизил скорость, Альфреду в голову попала пуля; водитель, не слыша дальнейших приказаний, продолжал ехать медленно, и двум следовавшим позади танкам пришлось тоже перейти на первую скорость. Дистанция между машинами сократилась. Нати приказал командирам разъехаться, и три следующих танка пошли за первыми тремя в пятидесяти метрах позади (седьмой отступил).

По радио Нати услышал, что семь сирийских танков вышли из Квассета на усиление обороны Калаа. Сначала он хотел приказать своим танкам поспешить вперед и занять позиции на господствующих высотах, но первые три его танка находились всего в двадцати метрах от въезда в селение.

Альфред, возглавлявший колонну израильтян, еще стоял,

возвышаясь над башней, вцепившись руками в люк и ни слова не отвечая на призывы по рации. Нати вдруг с ужасом понял, что атаку возглавляет мертвец. Следующий снаряд ударил в танк Альфреда с такой силой, что снес башню. Она взлетела в воздух и с грохотом рухнула на землю. Сирийцы замаскировали танк в одноэтажном доме из базальтовых блоков, и наводчик его целился прямо из окна в танки израильтян. Атакующие долго не могли определить источник огня, поскольку тень скрывала ствол орудия в проеме окна.

Нати приказал Эппи обойти танк Альфреда, что тот и сделал, но и его танк тоже был подбит и загорелся. Эппи, который, по счастью, получил лишь легкое ранение, сумел выскочить из танка и избежать поражения пулеметным огнем. Танк Эли, третий в колонне, обошел горящий «Шерман» Эппи, рванул вперед, достиг первого дома деревни, и там был остановлен прямым попаданием. Пошел дым, раздался взрыв, однако танк не загорелся. Из пятнадцати танкистов трех передовых машин (в «Шермане» экипаж состоит и пяти чел.) восемь погибли и семь получили ранения. Раненые бросились прятаться.

Три танка вошли в Калаа, где находился лагерь и штаб сирийцев, защищенный укрепленными позициями, перегораживавшими широкую площадь на другом краю селения. Радиоконтакт Нати с двумя другими танками отсутствовал: хотя он слышал их командиров, они его — нет, и ему приходилось отдавать команды флажками или кричать, и даже подъезжать поближе. Теперь он приказал сержанту Варди проехать влево между домами и найти огневую точку, которая уничтожила уже три танка. Варди начал выполнять приказ, но его танк, подбитый из базуки с тыла, мгновенно вспыхнул. Экипаж успел выскочить и спрятаться в укрытии. Тем не менее наконец удалось обнаружить источник огня. Два последних оставшихся в строю «Шермана» ударили бронебойными снарядами в дом и уничтожили сирийский танк.

Израильтяне прорвались в Калаа, но крайне нуждались в остановке и передышке. Нати пришел в смятение, увидев впереди на дороге две вражеские самоходки СУ-100 и один Т-34. Очевидно, приближался авангард подкрепления — семь машин, направленных противником в Калаа. Нати приказал своему механику-водителю и командиру второго танка, Науму, укрыть «Шерманы» в тени домов. Он не мог ввязываться в новый бой и, связавшись с комбригом, повторил запрос о воздушной поддержке. Тот совершенно спокойным тоном ответил, что в данный момент самолетов нет, но делается все для того, чтобы обеспечить поддержку как можно скорее.

Сержант Варда собрал способных ходить раненых и повел их к танку Нати. Там им дали гранаты и автоматы Узи из двух уцелевших танков и приказали прочесать дома, поскольку противник продолжал стрелять оттуда из пулеметов и автоматов, особенно по лейтенанту Эппи и укрывшимся вместе с ним в канаве раненым. Нати не мог позволить тем, кто пока еще никак не пострадал, бежать к канаве и вытаскивать оттуда раненых — их почти наверняка убили бы. Тем временем командир бригады по рации сообщил ему, что скоро войдет в Калаа с тыла.

— Мне нужна поддержка авиации, — упрямо повторил Нати.

— Самолетов нет, — отрезал полковник Альберт. — Придется подождать.

— Господин полковник, если самолетов не будет сейчас, меня вы больше не увидите никогда.

— Имей терпение, Нати. Мы уже прошли Зауру и ведем жестокий бой за верхний рубеж, но мы их прикончим. Мы скоро придем в Калаа с тыла.

— Полковник — самолеты! Мне нужна авиация!

— Нати, мы идем к тебе, это только вопрос времени. Держись и жди.

Исполняющий обязанности комбата знал, что с наступлением темноты его люди и два танка станут легкой добычей сирийцев. Когда стемнеет, никакая поддержка с воздуха не поможет. Было уже 18.00, и до темноты оставалось недолго. Он сильно тревожился за своих людей, и теперь, перестав сражаться, стал испытывать страх. Нати собрал жалкие остатки своих сил в доме возле двух танков. Повсюду слышались выстрелы из пулеметов и автоматов — это сирийцы стремились уничтожить прятавшихся в канаве раненых.

И вот за несколько минут до наступления сумерек появились самолеты. Нати не располагал связью с ними и не имел возможности показать им, где находится. Пилоты не могли отличить его танки от сирийских, и несколько раз просто пролетели над Калаа. Однако их появление воодушевило Нати и его людей и напугало сирийцев, которые принялись отводить танки к окраинам Калаа. Затем Наум нашел последнюю дымовую шашку и с ее помощью указал летчикам местоположение двух израильских танков. Этого для пилотов оказалось вполне достаточно, и они взялись за отступавшую бронетехнику сирийцев. Нати тоже приказал открыть огонь, и оба стрелка подбили по вражескому танку. Остальные подожгли танкисты под командованием полковника Альберта, который в 18.30 наконец добрался до Калаа.

Спустилась ночь. Последние лучи заходящего солнца

осветили Калаа, с одного конца в которую входила большая часть бригады под командованием комбрига, а на другом ждали остатки батальона Биро. Они должны были соединиться, но Нати и его люди опасались, как бы их по ошибке не приняли за сирийцев. Трудно уловить разницу в потемках. У Нати не осталось способа подать сигнал, чтобы его опознали, а на его радиовызовы никто не отвечал. Лейтенант не преувеличивал опасность, поскольку танкисты полковника Альберта все еще дрались с сирийцами и были разгорячены. Комбриг, однако, приказал офицеру разведки проехать на полугусеничной бронемашине в центр селения, размахивая картами. Нати заметил офицера, после чего уцелевшие танкисты из батальона Биро маленькими группками стали появляться из домов и канав и направляться к передовой группе управления. Наконец-то Нати смог вздохнуть спокойно. Кое-кто из его людей, не выдержав напряжения, заплакал.

После четырех часов неустанной работы на Гиват-Хаем доктор Глюк решил передвинуть перевязочный пункт поближе к району боевых действий и перенес его в опорный пункт Наамуш. Зачистка там еще не закончилась — стреляли все и отовсюду. Тем временем начали поступать раненые. Доктору Глюк и его помощникам приходилось не только помогать раненым, но и отстреливаться. Медработники то палили из Узи, то бросали ручные гранаты в траншеи, из которых велся огонь по перевязочному пункту.

Среди поступивших раненых доктор Глюк увидел Илана, брюки которого ниже ремня потемнели от крови. Глюк снял их с Илана и сразу понял, что у него множественные осколочные ранения. Его мошонка была разрезана, и из нее виднелись тестикулы. «Солдат на войне больше всего боится двух вещей, — подумал доктор, — ослепнуть и лишиться потенции… Даже и говорить об этом нечего, — сказал он себе. — Я просто не могу допустить такого!»

На укрепленной позиции, усыпанной мертвыми телами, пропитанной запахом смерти, доктор Глюк боролся за жизнь. Он решился оперировать мошонку лейтенанта сразу и вернуть ей правильную анатомическую форму. Не обращая внимания на условия, совсем не подходящие для серьезной операции, — не утихавшую стрельбу, не стерилизованные хирургические инструменты и грязные руки, — оперировать раненого следовало как можно скорее. Нельзя было отправлять парня в таком состоянии в долгое путешествие до госпиталя, поскольку неизвестно еще, что случится по дороге и что будет, когда он туда все-таки доберется.

Операция заняла пятнадцать минут, Илан все время оставался в сознании. Глюк сделал ему обезболивание — укол морфия.

— Я смогу иметь детей, доктор? — спросил Илан.

— Безусловно.

— Где теперь наши, доктор? Наступают?

— Да еще как!

— Мы взяли Калаа?

Доктор Глюк понятия не имел, где находится Калаа. Он вообще ничего не знал о планах военных. Он даже и понятия не имел, что находится в Наамуше, пока ему не сказали об этом.

Где Калаа, он узнал только в 19.00, когда оказался там со своим перевязочным пунктом. Здесь доктора Глюка позвали к тяжело раненному осколком в шею солдату. В свете фар Глюк начал операцию, но солдат умер под скальпелем. Друзья солдата, наблюдавшие за операцией, не могли в это поверить.

— Как же так? — спрашивали они. — Он же говорил всего несколько минут назад!

Генерал-майор Моше Даян

ЭПИЛОГ

Бригада «А» проломила сирийскую стену. Через проделанные ею бреши прошли другие механизированные части; третьи же прорывались на иных участках вражеской обороны. Пехотная бригада вела тяжкий бой за нижние укрепления Голанских высот. Северное командование хотело обезопасить максимальное число направлений к Голанским высотам, чтобы обеспечить поставку боеприпасов, горючего и прочих снабженческих грузов сражающимся с неприятелем боевым частям. На следующий день, в субботу, 10 июня, силы ЦАХАЛа рассредоточились по территории Голанских высот. В тот же день поступил приказ о прекращении огня. Так закончилась война, известная как Шестидневная.

Победа была великой — столь великой, что казалось невероятной.

Никто не знал, что делать с этой победой, особенно правительство. Никто не был готов к такому итогу, к тому, что удастся оккупировать столь обширные территории, никто толком не представлял себе, что делать с живущим на них населением. Израильтяне радовались, но радовались не оттого, что стали явью их чаяния и мечты, и не потому, что думали, будто эта война последняя. Они радовались и ликовали оттого, что сумели выжить, выстоять и оттого, что армия их вновь показала свою мощь. Не было восторженной истерии, не было празднеств победы. Люди не танцевали на площадях, никто не раздавал на улицах даровой выпивки, и молодые красивые девушки не карабкались на танки, чтобы расцеловать победителей и увенчать их цветами. Это была семейная радость. Резервисты быстро вернулись домой, освобожденные от обязанности воевать с той же быстрой, с какой их призывали. Они возвратились к себе — к своим семьям, к своей работе.

Первым событием стал трехдневный траур. Церемонии памяти по погибшим проводились на военных кладбищах в Беери, в Иерусалиме и Алуфе, где выступили с обращениями ко всем собравшимся представители Ассоциации осиротевших родителей, организации, которая, к сожалению, все в большей и большей мере становится частью израильской жизни. Они выражали сочувствие осиротевшим родителям, вдовам и сиротам, потерявшим близких в 1967 г. Те, кто в 1956-м принимал сочувствие от родителей, лишившихся сыновей в 1948-м, теперь старались утешить и поддержать тех, кого обездолил 1967-й. Родители, чьи сыновья пали в карательных операциях, в «водной

войне» или в ходе патрулирования границ, сейчас всеми силами стремились утешить новых членов ассоциации, повторяя слова, которые сами слышали в 1948-м: давайте искать утешение в независимости Израиля. Поначалу это мало помогает, но спустя годы, когда сглаживается острота боли утраты, становится поводом для гордости.

На кладбище Беери генерал Таль прошел между свежими могилами погибших военнослужащих бронетанковых войск. Здесь похоронено много его друзей, погибших в 1948-м, в 1956-м и 1967-м и в иные годы, когда больших войн не было. Он остановился перед могилами подполковника Эхуда Элада, майора Шамая Каплана и капитана Илана Якуэля. Илан Якуэль собирался в путешествие за моря, чтобы познать мир и найти в нем свое место. Он никогда уже не покинет Родину. В другой части кладбища стоял подполковник Ошри. Под розоватым свежим шрамом на его голове скрывался серый металлический диск, защищающий мозг там, где осколок снаряда, выпущенного из сирийского танка, пробил череп комбата. Недалеко от него лишившийся конечностей воин и другой, тоже сильно израненный ветеран беседовали с боевыми друзьями, которых повстречали здесь, на кладбище. Полковник Шмуэль, майор Хаим, лейтенант Иосси Б. и другие стояли у могилы подполковника Эхуда Элада, получившего повышение посмертно. С ними — Нава, ее красные глаза были сухи.

— Он был тигром, — вот и все, что смог сказать ей в утешение его командир, полковник Шмуэль. Он повторял эти слова снова и снова: — Он был тигром.

Полковник Альберт побывал на могилах своих людей на кладбищах в Афуле и в Хайфе. Здесь лежали два офицера, которые, останься они в живых, в ближайшем будущем стали бы командирами батальонов бригады. Майор Моше Хавив — в Афуле, в братской могиле с погибшими вместе с ним в бронемашине людьми. Поглотившее ее пламя навсегда соединило их. Майор Мокади был похоронен в Хайфе. Его похороны пришлось отложить, поскольку тело не удавалось найти несколько дней.

На горе Мира в Иерусалиме министр обороны генерал-майор Моше Даян произнес надгробную речь в память о погибших, как делал это и прежде, провожая в последний путь своих друзей-воинов. Его единственный глаз сверкал великой жаждой жизни, другой же — был погашен смертью. Порой казалось, что Даян — символ Израиля, для которого жизнь и смерть стали неразлучными товарищами. Израиль готов к смерти в борьбе за жизнь, и в готовности этой он черпает мужество.

В четверг, 8 июня, в день, когда погиб майор Каплан, было решено не сообщать Наве о его смерти. Она собиралась стать матерью, и потому следовало сначала поговорить с ее врачом. Врач рекомендовал пока скрыть от нее страшную весть. Но Нава чувствовала беду. Что-то произошло, иначе Шамай позвонил бы, написал, передал привет. Она оставалась с родителями Шамая в Рамат-Гане и каждый день говорила его матери: «Я не понимаю, что случилось. Почему Шамай не пишет?» Шамай знал, что она осталась с его родителями, как же он, столь преданный семье, не написал, не позвонил, не послал хоть какой-то весточки? Почему? Ведь он же звонил каждый день, чтобы узнать, не родила ли Хава, и просил, если это произойдет, сообщить ему через штаб бронетанковых войск.

Нава терпеливо ждала почтальона. Когда миновало воскресенье, а от Шамая все не пришло ни строчки, ее страх возрос безмерно. В понедельник, 12 июня, почтальон пришел поздно, но для нее опять ничего не было. Нава думала, что сойдет с ума. Она пошла в ванную ополоснуть лицо и услышала, как ее сестра и золовка попросили детей еще поиграть на улице. Выглянув в окно, Нава увидела, что сестра и золовка разговаривают с офицером-танкистом и ее врачом. Когда они вошли, она уже обо всем догадалась.

В конце семидневного траура по Шамаю, когда генерал Таль и все его друзья стояли у его могилы в Беери, Нава родила девочку и назвала ее Шамит.

Немного позже врач капитана Авигдора Кахалани разрешил ему встать с постели и присутствовать на обряде обрезания его новорожденного сына. Авигдор получил очень серьезные ожоги, и врачи вообще удивлялись, как он выжил. Все дело в его сильной воле к жизни, а вообще это — чудо, так говорили они его друзьям.

На обрезание первенца капитан Кахалани прибыл на кресле-каталке, которое катили генерал Таль, полковник Шмуэль, подполковник Хаим и майор Орши. Представляя сына древнему Авраамову племени, Кахалани нарек его именем Дрор, что значит Свобода.

Фотографии

Генерал-майор Маше Даян

Израильская колонна двигается по Синаю

Генерал Махмед Фауд Эль-Дагави, пленный египетский губернатор сектора Газа

Генерал Даян (в центре) среди израильских солдат, участвовавших в прорыве египетской обороны

Египетские военнопленные

Танки «Шерман», захваченные израильтянами

Израильские военнослужащие в бою и на отдыхе

Итог боев: подбитый танк в пустыне (египетский танк Т-34)

Генерал Моше Даян, генерал Асаф Симхони и глава Южного командования(справа) генерал Авраам Иоффе принимают парад победы в Шарм-аш-Шейхе

Премьер-министр Давид Бен-Гурион прибыл на встречу с войсками

Генерал Исраэль Таль рядом с египетским танком Т-55 советского производства, подбитым майором Хаимом

Командир роты Шамай Каплан еще с капитанскими погонами. Майор Майор Феликс Беатус (фото 1948 г.)

Генерал Ицхак Садэ (справа) и подполковник Шаул Иоффе

Подполковник Биньямин Ошри(1964 г.). Ноябрь 1964 г. генерал Таль принял командование бронетанковыми войсками

Генерал Таль в конце Шестидневной войны с девушками, служащими в его штабе; слева направо — Варда, Лиора и Зива

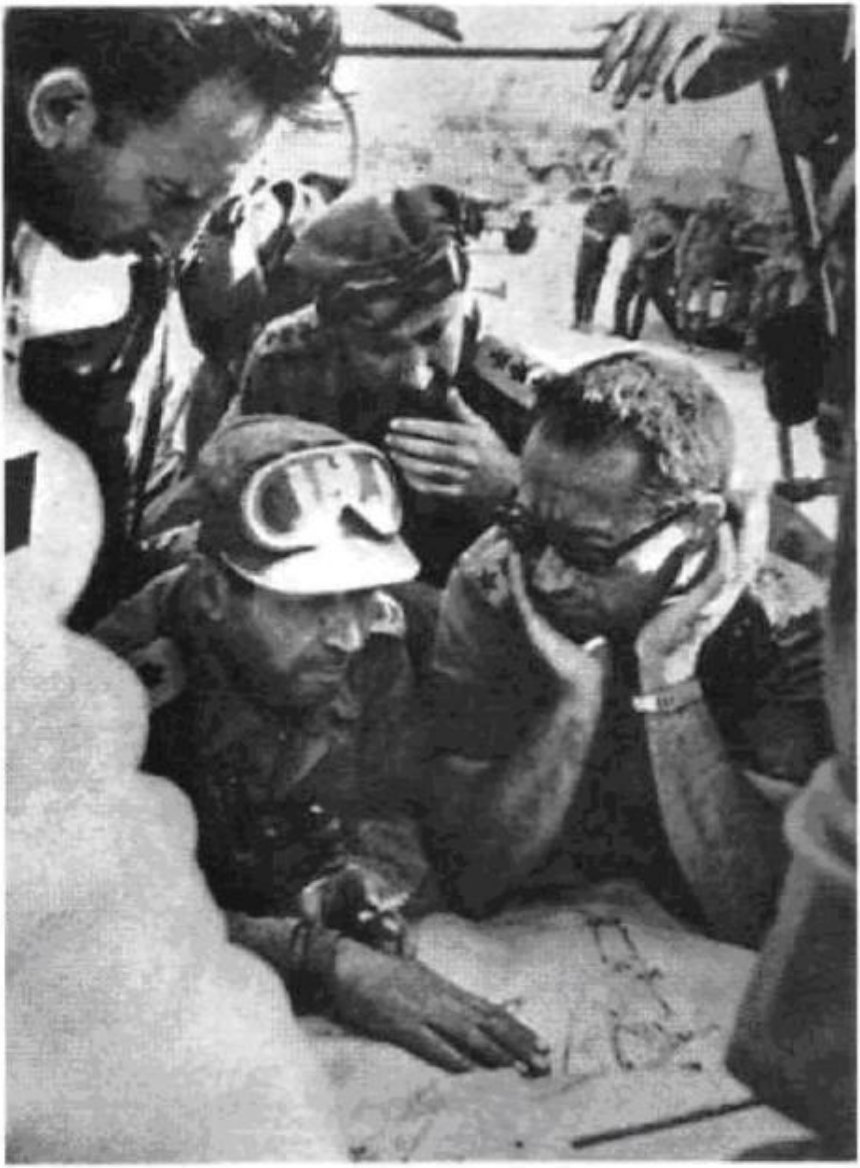
Танки М-48 «Паттон» батальона S-14 входят в Хан-Юнис

Два подбитых танка из батальона S-14 пылают у Рафахского перекрестка

Перекресток Рафах: лейтенант Авигдор Кахалани подает сигналы полковнику Шмуэлю

Египетский ИС-3 после боя с ротой лейтенанта Эйн-Гиля на южном участке укрепрайона Рафахского перекрестка

Вечер понедельника, 5июня, Рафахский перекресток. Израильский вертолет эвакуирует раненых



Утро вторника, 6 июня. Генерал Таль(слева) и полковник Шмуэль планируют атаку на Бир-Лахфан

Подполковник Биро. Полковник Шмуэль с майором Эладом за несколько дней до начала военных действий

Майор Эхуд Элад делает смотр батальону S-14. Полковник Брен (на фото командир батальона в 1956 г.)

Капитан Авигдор Кахалани в военном госпитале, шесть месяцев спустя после войны. Полковник Альберт, командир бригады «А»

Молодой офицер из бригады «S» поит водой египетского военнопленного

Подполковник Пинко на своей командной полугусеничной бронемашине после прорыва через Джеради

Центурионы бригады «S» обходят с фланга Бир-Лахфан по глубоким песчаным дюнам

Египетские Т-54 и Т-55, остановленные бригадой «S» на дороге в Исмаилию

Два израильских «Шермана», уничтоженные сирийскими противотанковыми орудиями на подступах к Калаа. Израильский АМХ-13(из батальона М-100) подбитый египетским танком Т-55У

Три израильских «Шермана», подбитые сирийцами на подступах к Калаа

Вход на перевал Митла: египетская бронетехника, уничтоженная батальоном К-113

notes

Примечания

1

Иногда ставят даты 1947–1949 гг., поскольку фактически уже в конце 1947 г. вспыхнули самые настоящие военные действия. Однако на тот момент в Палестине еще действовал Британский мандат, а государства Израиль как такового формально не существовало.

2

Военную помощь Израилю в ходе войны 1948–1949 гг. оказывали одновременно США и СССР. Немецкое трофейное оружие тайно переправлялось в Израиль через Чехословакию. — Прим. ред.

З

Таммуз (евр., арам.) — умирающий и воскресающий бог-пастух, который проводит под землей каждые полгода. В некоторых литературных традициях аналог Адониса.

4

Рав-алуф — зд. генерал-майор. В некоторых работах Моше Даяна называют генерал-лейтенантом. Это происходит оттого, что высшее звание в Армии Обороны Израиля — рав-алуф — меняло свое значение и соответствовало сначала званию бригадного генерала (после войны 1967 г. — тат-алуф), потом генерал-майора (после войны 1967 г. — алуф) и т. д.

5

Фактическим поставщиком вооружений был СССР. — Прим. ред.

6

Все американские средние танки М4 «Шерман» (самая массовая боев. брон. маш. союзников времен Второй мировой войны после Т-34), выпуск которых начался в 1942 г., отличались друг от друга в основном установленными на них орудиями (калибра 75, 76 и 105 мм) и силовыми установками разных производителей (обычно карбюраторными, реже дизельными), а также толщиной брони, которая колебалась на базовых моделях от 76 до 20 мм и от 100 до 15 мм на более поздних модификациях. Машина значительно уступала выпускавшемуся со второй половины Второй мировой войны советскому Т-34/85 по всем основным характеристикам, включая вооружение, силовую установку и бронирование; кроме того, «Шерман» был на метр выше Т-34, что делало его хорошей мишенью для танков и противотанковой артиллерии противника.

7

Буквальный перевод с арабского: жертвующие собой ради общей цели.

8

По сегодняшнему курсу примерно 25–27 долларов; на январь 1957 г. — порядка 1000 советских рублей (дореформенных), или 100 рублей образца 1961 г.

9

В этот же день, однако, четыре группы фидаинов угодили в засады, расставленные израильтянами. Около Яд-Мордехая двое диверсантов были уничтожены и один ранен, при этом получил ранения один израильский солдат. Около Бейт-Говрина удалось захватить четырех террористов, двое из которых были ранены. В другой группе фидаинов того же числа были убиты два человека. У песчаных дюн Нир-Галима произошла перестрелка между израильским патрулем и бандой из пяти террористов. Все пятеро были уничтожены, погиб один израильский солдат. — Прим. пер.

10

В тот же день в засаду попали еще две группы фидаинов. Первая — около Хир-бет-Ликии. Один из террористов погиб, другой был захвачен живым. Вторая — около Бейт-Говрина. В данном случае бандитам удалось уйти. — Прим. пер.

11

Иначе Лидда.

Подписанной в Константинополе в 1888 г.

13

Хар-ха-Цофим, или Сторожевая гора.

14

Вакф — имущество (как правило, недвижимое), доходы от которого идут на содержание мусульманских религиозных учреждений и другие благотворительные цели. — Прим. ред.

15

23 июля 1952 г. группа «свободных офицеров» под предводительством подполковника Насера свергла Фарука, который бежал из страны. Годом раньше на ступенях мечети эль-Акса в Иерусалиме был убит король Иордании Абдалла.

16

Самое боеспособное арабское подразделение (по численности примерно дивизия) на Ближнем Востоке, многие офицеры которого, включая командира, сэра Джона Б. Глаба, были британцами. После националистических волнений в Иордании в декабре 1954 г. Глаб-паша и другие англичане были уволены со службы.

17

Piper Cub («Пайпер-Каб») — «Пайпер L-4 Грассхупер» (кузнечик) — легкий двух-местн. самолет (макс, полетный вес 553 кг), нечто вроде легендарного советского У-2, или По-2 времен Второй мировой войны, оснащенный 48-квт (65-сильным) двигателем, развивающий максимальную скорость 137 км/ч. Из-за низкой посадочной скорости (32 км/ч) машина могла приземляться на самых крошечных площадках.

18

После длительного лечения врачи признали Хар-Циона негодным к военной службе, однако он продолжал работать в штабе во время Синайской кампании 1956 г. О том, как высоко ценил Хар-Циона М. Даян, говорит тот факт, что он даже изобрел термин «хар-сионизм», ставший синонимом особого героизма и величайшей самоотверженности. Достаточно привести один пример. 5 июня 1967 г. капитан запаса Хар-Цион, инвалид с парализованной рукой, считавшийся неспособным держать оружие, появился среди израильских парашютистов с сумкой, полной гранат. Командир бригады десантников вверил под начало Хар-Циона батальон. Когда парашютисты Хар-Циона брали Старый город, их продвижению препятствовал арабский снайпер, занявший удобную позицию на крыше дома. Несмотря на все попытки, уничтожить снайпера не удавалось. Тогда Хар-Цион прокрался по простреливаемой противником улице, взобрался по стене на крышу дома, оттуда перепрыгнул на соседнюю крышу, где и убил снайпера. После того, как десантники очистили Старый город от врага, Хар-Цион, не желавший останавливаться на достигнутом, отправился на Голанские высоты, где успел принять участие в решающем штурме вражеских позиций в последний день войны.

19

Королевские престолы в обеих странах занимали представители династии, считающиеся потомками пророка Мухаммеда, а именно отпрыски Хусейна ибн Али, правителя Хиджаза (1916–1924 гг.)

20

Бригада в Израильской армии состояла не из двух полков (семи-восьми батальонов), как принято в других армиях, а из двух-трех батальонов, таким образом бригада в Израильской армии вместе со всеми частями поддержки и обеспечения по численности личного состава фактически равнялась недоукомплектованному полку.

21

К началу Сточасовой войны, или Синайской кампании, в распоряжении Армии Обороны Израиля находилось 600 единиц полугусеничных бронетранспортеров. В основном это были открытые американские М3 и М9.

22

Легкий танк АМХ-13 производился во Франции с 1952 г. Машина обслуживалась экипажем из 3 чел., имела боевую массу — 15 т и довольно слабую броневую защиту: лоб корпуса и башни — 40 мм, борт корпуса и башни — 20, корма — 15 мм. Вооружение составляла 75-мм пушка и два 7,62-мм или 7,5-мм пулемета (спаренный с пушкой и зенитный). Боекомплект: 37 арт. выс. и 3600 патронов. Скорость по шоссе — 60 км/ч, запас хода — 400 км.

23

Национальная фабрика военного оружия. Израильтяне заказали там 7,62-мм автоматические винтовки БАХ с магазином на 20 патронов.

24

Русло высохшей реки.

25

Секта друзов возникла в XI в. Название свое она получила от имени визиря халифа аль-Хакима, Дарази. Члены секты обожествляют персону аль-Хакима, пропавшего при невыясненных обстоятельствах в окрестностях Каира в 1021 г. В настоящее время в странах Ближнего Востока проживают около 350 000 друзов, примерно 10 % из этого количества приходится на Израиль.

26

87,6-мм британская полевая пушка Ordnance, Q.F., 25-pdr., времен Второй мировой войны со снарядом весом 11,34 кг, т. е. 25 фунтов и дальностью огня 12 200 м. Несмотря на невысокую начальную скорость полета снаряда — 532 м/с — британцы, ввиду отсутствия у них мощный противотанковых орудий в начале Второй мировой войны, активно использовали Q.F., 25-pdr против появившихся на Североафриканском ТВД немецких танков. В арабо-израильских конфликтах эти пушки широко применяли обе стороны.

27

Это 155-мм (6,1-дюймовая) американские пушки M1A1 (или M1) времен Второй мировой войны, стрелявшие 42-кг снарядами на максимальное расстояние 23 000 м.

28

Называть танковые роты эскадронами израильтяне стали вслед за англичанами, благодаря которым у израильтян появились первые танки, угнанные со склада гусарского полка в 1948 г.

29

Служба, ведающая делами личного состава.

30

Система экстренного призыва в Израиле проста и оригинальна. В случае возникновения чрезвычайных обстоятельств отдельные граждане и их небольшие группы получают кодированные приказы явиться на службу. В динамиках радиоприемников, на экранах телевизоров и кинотеатров возникают, на первый взгляд, ничего не значащие слова и словосочетания — такие, например, как: «Гладкое бритье», «Глубокие корни», «Гарри и друзья», «Прекрасная жизнь» и «Бейсбольная бита». В 1973 г., однако, система дала сбой. Арабы напали неожиданно в праздничный день Йом-Кипур (Судный день), когда большинство населения не пользовалось теле- и радиоприемниками и не посещало кинотеатров.

31

Такое название в КВВС носил главный транспортный самолет союзников времен Второй мировой войны «Дуглас С-47» широко известный у нас как Ли-2. Машина в разных модификациях имела от 21 до 28 сидений или же могла нести 2,7 т груза, развивала макс. скор. 370 км/ч и могла покрыть без посадки 2500 км.

32

Мощные средства огневой поддержки пехоты, такие минометы, имевшие собственную массу около 300 кг, стреляли 15—16-кг минами на расстояние 6 тыс. м и дальше.

33

Легендарная «Летающая крепость» времен Второй мировой войны, тяжелый четырехмоторный бомбардировщик с экипажем из 10 чел., способный развивать максимальную скорость 460 км/ч и нести до 8000 кг бомбовой нагрузки.

34

Здесь и далее все квадратные скобки — примечание переводчика.

35

Национальная гвардия в Египте — это фактически ополченцы, которые после прохождения курса месячной военной подготовки зачисляются в резерв.

36

Р-51 «Мустанг» был лучшим американским истребителем дальнего действия времен Второй мировой войны. Он развивал скор, до 700 км/ч, имел обычно пулеметное вооружение (6х12,7-мм) и мог нести 2000 фунтов (907 кг) бомбовой нагрузки или 6 реактивных снарядов калибра 127 мм (5 дюймов).

37

Британская САУ на базе пехотного танка «Валентайн» времен Второй мировой войны с броневой рубкой открытого типа. Уникальная особенность «Арчера» в его компоновке. Орудие калибра 76,2 мм (17-фунтовые) смотрит не вперед, а назад (оно оказалось слишком тяжелым для шасси «Валентайна»), вследствие чего у «Арчера», идеального для противотанковых засад, прослеживается отдельное сходство с пулеметной тачанкой.

38

Полковник Ури Бен-Ари, немало «воевавший» с поборниками пехоты в командовании Армии Обороны Израиля за признание роли бронетанковых войск.

39

Командир, полковник Хаим Бар-Лев, впоследствии ставший начгенштаба вооруженных сил Израиля.

40

16 км.

41

Рафуль Эйтан; в Шестидневную войну он был командиром 202-й бригады.

42

Английское противотанковое орудие Ordnance, QF, 6 pdr времен 2 мир. в., также называемое 6-фунтовой пушкой. Начальная скорость полета снаряда QF, 6 pdr — 900 м/с, вес снаряда — 2,85 кг (6,28 фунтов), бронепробиваемость — 70 мм с расстояния 900 м.

43

По всей видимости, орудия калибра 82 мм.

44

Дипломатичный автор не называет имен, однако надо заметить, что комбригом парашютистов был Ариэль Шарон (в настоящее время премьер-министр Израиля), которого Даян очень ценил. Понять причины его благосклонности нетрудно, вспомнив такой эпизод. В бытность свою командующим одним из региональных командований, Моше Даян вызвал Шарона для обсуждения возможности взятия в плен двух иорданцев, чтобы обменять их на двух захваченных арабами израильтян. Шарон долго беседовать с командующим не стал, просто принял к сведению пожелание начальника. Ночью он и еще один офицер захватили двух арабских легионеров и доставили их к Даяну, который позднее отозвался об этом так: «Я всего лишь спросил, можно ли будет что-нибудь сделать. А он привел мне двух арабских легионеров, точно сорвал их с ветки дерева у себя в саду!» Выше автор упоминает об эпизоде времен войны 1948–1949 гг., о котором здесь необходимо рассказать подробнее. Во время штурма израильтянами Лода атаку пехоты должны были поддержать танки 8-й бригады, которые в нужный момент не прибыли. Тогда командир 89-го механизированного батальона Моше Даян, несмотря на отсутствие поддержки, повел своих бойцов в атаку под прикрытием огня накануне захваченной у солдат арабского легиона бронемашины. Мотопехота Даяна ворвалась в Лод и на большой скорости погнала на джипах через город, прошла через него и устремились к следующему объекту. Этот прорыв подорвал моральных дух защитников: Лод и Рамле перешли в руки израильтян.

87,6-мм.

46

Самоходная артиллерийская установка на базе танка Т-34, оснащенная 100-мм орудием.

47

Или лейтенант-командер — звание, равное майорскому в сухопутных силах Британии.

22—26 км/ч.

101,6-мм, иначе 102-мм.

50

Полумесяц.

51

Несмотря на то, что тут значится «отделение танков», думаю, надо писать «взвод танков». Насколько мне известно, в танковых войсках не принято такое мелкое деление, там рота, взвод, а потом уже один танк как боевая единица, тем более что в роте у израильтян где-то 10–15 машин, а чтобы получить отделение, придется разделить это число на 9.

52

Полковник Шмуэль Галинка.

53

В июне 1967 г. для этого понадобилось всего менее трех часов.

Часто это одни и те же танки, «Шерманы».

55

Линии перемирия.

56

OOH.

Мина с зарядом фенолформальдегида.

58

Как утверждают, части Нахаль являются лучшими и самыми надежными подразделениями гражданской армии, которые своими примером поднимают боевой дух прочих солдат.

59

Крупнокалиберный пулемет, гранатомет и пр.

Видимо, флажками, которыми израильтяне пользовались довольно долго, даже в 1973 г. и позднее.

61

Все офицеры Армии Обороны Израиля, вне зависимости от рода войск, в которых они служили, должны были пройти подготовку как парашютисты.

62

В соответствии с этим документом, принятым 2 ноября 1917 г., в 1922 г. Совет Лиги Наций доверил управление Палестиной Британии.

63

Речь идет об эпизоде апреля 1917 г., после чего в июне того же года Мюррея сменил сэр Эдмунд Алленби.

Наплавные мосты конструкции Дональда Бейли способны выдерживать большие нагрузки.

Акр — 0,4 га.

В настоящее время 10 пиастров равны примерно 3 центам; по тогдашнему курсу Госбанка СССР — чуть больше 1,10 дореформенного советского рубля, т. е. 11 копеек после 1961 г.

67

М. Даян был страстным археологом-любителем. После его смерти возникли споры из-за его внушительной коллекции древностей, которую в конце концов у вдовы генерала приобрел исторический музей Израиля.

Командир 1-й бригады (бригады ветеранов «Голани») полковник Биньямин Гибли.

Хаим Бар-Лев — командир 27-й бригады.

Впоследствии Биньямин Пелед стал генералом и командующим ВВС Израиля.

71

25-фунтовая британская пушка весит 1800 кг.

72

Бригаде Египетской национальной гвардии особого места дислокации не отводится, оно будет определяться в соответствии с требованием момента.

73

В горной местности.

Допуская, что оперативной задачей израильтян может стать обход 3-й дивизии с юга.

75

Нахле представлял собой пункт, где сходилось несколько дорог в южном секторе Синая.

Чтобы они вовремя вступили в боевые действия с врагом.

Рас-Насрани являлся господствующей позицией, с которой осуществлялась блокада Тиранского пролива, установленные в Рас-Насрани береговые орудия препятствовали входу судов в Акабский залив и выходу из него.

Израильтяне использовали американские САУ времен Второй мировой войны. М7 «Прист», созданные на базе среднего танка М3 с установленной на нем 105-мм гаубицей, стрелявшей 15-кг снарядами на расстояние в 11 500 м; они также устанавливали 105-мм гаубицы на шасси легких танков АМХ.

Данные о потерях в приведенной выше таблице неполные. Суммарные потери Армии Обороны Израиля, включая ВВС, составляли: 172 убитых, 817 раненых (29 % с тяжелыми ранениями и ранениями средней тяжести), 3 пропавших без вести, 1 пленный.

80

В Армии Обороны Израиля, как большинстве западных армий, в частности в Армии США, два лейтенантских звания: старшее — сеген (первый лейтенант, или лейтенант) и младшее — сеген-мишне (второй лейтенант).

81

Бригада «D» — это 7-я бригада, командовал которой во время Шестидневной войны полковник Шмуэль Гонен. Автор часто называет не фамилии, а имена командиров, как в случае с командиром 7-й бригады или Рафулем (Рафаэлем) Эйтаном, командиром 202-й воздушно-десантной бригады (здесь бригады «2»), ранее находившейся под началом Ариэля Шарона. Батальон D-14 и D-10, о которых здесь очень много говорится, это, соответственно, 79-й и 82-й батальоны.

82

В Израиле британские среднепушечные танки «Центурион» (начало выпуска первых модиф. — 1945 г.) появились в 1959 г. Машина имела боевую массу — 51,82 т, обслуживалась экипажем из 4 чел. Броня: лоб корпуса — 76 мм, борт корпуса — 51 мм, лоб башни свыше 152 мм. Помимо 105-мм пушки с нач. скор. 1415 м/с «Центурион» имел на вооружении 12,7-мм зенитный пулемет и два 7,62-мм. Боекомплект: 64 арт. выс. (позднее 72), 4750 патронов калибра 7,62 мм и 600—12,7 мм. По шоссе «Центурион» развивал скорость 35 км/ч. После модернизации в 1967 г., когда бенз. двиг. машины заменили на дизель, мех. трансмиссию — на гидромех., запас хода у танка увеличился вдвое, а макс. скор. достигла 43 км/ч.

83

Средние танки М47 «Паттон-II» и М48 «Паттон-III» (первая модиф. вып. в 1952 г.), «прародителем» которого являлся М26 «Першинг» обр. 1944 г., американцы поставляли израильтянам с начала 60-х гг., сначала тайно, через Бундесвер, а с 1964 г. — открыто. Боевая масса машины составляла 46 т, экипаж — 4 чел. Броня: лоб корпуса— 120 мм, борт — 75 мм, лоб башни— 152 мм. Вооружение: 90-мм пушка с нач. скор. свыше 900 м/с, а также 7,62-мм и 12,7-мм пулемет. Боекомплект: 60 арт. выс, 1000 патронов 12,7 мм, 4550 патронов 7,62 мм. Скорость по шоссе — 48 км/ч. В 1963–1964 гг. началось производство М48А3. Бензиновый двигатель заменили на 750-сильн. дизельный, увеличили емкости топл. баков, повыс. запас хода до 387 км. Оснастили машину новым дальномером.

Американская женская еврейская организация.

85

Примерно десять американских долларов по тогдашнему курсу. Кому-то может показаться странным, что израильская валюта называется фунтами, а не шекелями, но так было в тексте и так есть в наших источниках того времени.

«Добро пожаловать» (араб.) — Прим. ред.

87

«Звездочка» в данном случае понятие условное. На погонах у старших израильских офицеров звездочки — в виде листочков, от одного у майора до трех у полковника.

88

Премьер-министр Израиля с 1963 по 1969 г.

89

Фраза на идиш; Эшколь (до эмиграции из Российской империи был — школьником) — уроженец Украины.

90

Крейсерский танк «Кромвель» — лучший британский танк времен Второй мировой войны, имевший броню толщиной до 76 мм, вооруженный 75-мм пушкой и обслуживаемый экипажем из 5 чел. «Кромвели» не получили широкого распространения во Второй мировой войне из-за того, что в целях облегчения задач снабжения британцы приняли на вооружение американский М4 «Шерман». Легкий танк Гочкисса Н-35 — устаревшая уже к началу Второй мировой войны боевая бронированная машина, оснащенная слабой 37-мм пушкой, имевшая слабое — до 34 мм — бронирование и обслуживавшаяся экипажем из 2 чел.

91

Иначе Лидда; событие, о котором здесь упомянуто, происходило 9 июля.

Автор, очевидно, не понимает причин такого беспокойства танкистов по поводу отсутствия поддержки пехоты. Служившие в «русской роте» явно хорошо помнили войну в Европе, где танки ходили в атаку только при поддержке пехоты, поскольку значительное количество бронетехники союзников немцы уничтожали не за счет противотанковых орудий и танков, которых им всегда не хватало, а с помощью противотанковых гранатометов, «панцерфаустов», стрелявших кумулятивными гранатами с большой бронепробиваемостью. Танкисты часто не замечали притаившихся на их пути гранатометчиков, от огня которых и прикрывала танки атакующая вместе с ними пехота. Во время войны Судного дня в октябре 1973 г., когда у арабов появились истребительно-противотанковые пехотные команды, израильтяне дорого заплатили за свое обыкновение организовывать танковые атаки без пехотной поддержки.

93

Во время войны Судного дня в 1973-м генерал Шмуэль Гонен командовал Южным командованием.

Фактическим поставщиком оружия Израилю в 1948–1949 гг. был СССР, а объемы поставок значительными. — Прим. ред.

95

Бригадный генерал, командовавший специально созданной дивизионной группой, штурмовавшей узел обороны Рафахского перекрестка.

Автор не говорит того, о чем постоянно твердит Моше Даян. Из-за сложной политической обстановки и в целях введения в заблуждение неприятеля вначале операция «Кадеш» была замаскирована под обычную карательную акцию, поэтому войска, а особенно бронетехника, вводились на Синай дозировано. Кроме всего прочего, 4-я бригада полностью состояла из резервистов, никогда прежде не воевавших в условиях пустыни. См. выше: «Дневник Синайской кампании».

Тель — холм (араб.).

«Борцы за свободу Израиля», или «Группа Штерна».

99

Паттон писал жене (письма опубликованы в мемуарах Паттона «Война, какой я ее знал» в 1947 г.) об «идеальном танкодроме» буквально следующее: «В этих краях сразу за Федалой начинаются такие места, что просто хочется устроить танковое сражение. Отличный полигон…»

100

Имеются в виду танки немецкого производства времен Второй мировой войны. — Прим. ред.

101

Стоявшие на вооружении Египетской и Сирийской армий Т-34, это танки второй половины Второй мировой войны, Т-34/85, оснащенные 85-мм пушкой.

102

На случай войны израильские бригады организуются в дивизии; в Южном командовании сформировалось три дивизии, которыми командовали И. Таль, А. Шарон и А. Иоффе.

103

Автомата Томпсона 45 калибра (11,43 мм), выпускавшийся в США с 1921 г., комплектуется коробчатыми или дисковыми магазинами на 20,30 и даже 100 патронов.

Или ешива — школа, где изучается Талмуд.

105

В свое время Рафуль Эйтан командовал батальоном, высаживавшимся у перевала Митла 29 октября 1956 г.

106

Прямая цитата. См.: «Дневник Синайской кампании».

107

Выпускавшийся с 1945 г. тяжелый танк ИС-3 (Иосиф Сталин). Боевая масса 45,8 т, экипаж — 4 чел. Броня: лоб корпуса — 120 мм, борт — 90 мм, корма — 60 мм, крыша, днище — 20, башня — 230 мм и 75 мм. Вооружение: 122-мм пушка обр. 1943 г.; один 12,7-мм и один 7,62-мм пулемет. Боекомплект: 28 арт. вые.; 945 12,7-мм патронов и 1000 — калибра 7,62 мм. Скорость по шоссе — 40 км/ч.

108

Многоместный легковой автомобиль с откидными сиденьями и задним откидным бортом.

109

Довольно странная фраза. Поскольку у самого М. Даяна, персонально участвовавшего в рейде на эль-Ариш с бригадой Х. Бар-Лева, об эпизоде в эль-Джеради говорится в следующих выражениях: «Атака нашей бронетехники на укрепленные позиции неприятеля началась в 14.30 и продолжалась больше часа, преимущественно из-за трудности с передвижением в дюнах. Здесь, точь-в-точь как в Рафахе, едва наши танки приблизились к неприятельским рубежам, защитники их бросили оружие и удрали. Мы потеряли десять человек».

110

Важный город в Эсдрилонско-Изреельской долине.

111

Это совершенно очевидно не «D», а «M».

112

Танки Т-54 и Т-55. Принятый на вооружение в СССР в 1946 г. сред, танк Т-54 обладает боевой массой — 36,5 т, обслуживается экипажем из 4 чел. Бронирование: лоб корпуса — 100 мм; лоб башни от 115 до 190 мм; вооружение: 100-мм пушка, два 7,62-мм пулемета и один 12,7-мм пулемет. Боекомплект: 34 арт. выстрела; 3500 патронов калибра 7,62 мм; 200 патронов — 12,7 мм. Скорость по шоссе — 50 км/ч. Принятый в СССР на вооружение в 1956 г. сред, танк Т-55 имел боевую массу — 36,5 т, обслуживался экипажем из 4 чел. Броневая защита: лоб корпуса— 100 мм; лоб башни от 115 до 160 мм. Вооружение: 100-мм пушка, два 7,62-мм пул. Боекомплект: 43 арт. выстрела; 3500 патронов для пулеметов. Скорость по шоссе — 50 км/ч. В Израиле на трофейных танках Т-55 («Самовар») вместо 100-мм устанавливались 105-мм пушки, новые системы управления огнем, стабилизаторы и приборы ночного видения.

113

В 1964 г. французы переоснастили эти легкие танки обр. 1952 г. новыми 90-мм орудиями, но в данном случае речь идет о AMX-13 из первой партии (2000 ед.) с 75-мм пушками. Более подробно характеристики танков AMX см.: «Дневник Синайской кампании».

В основном египтяне пользовались БТР-40, БТР-50 и БТР-152 советского производства.

115

Экипаж АМХ — 3 чел.

116

Автор, безусловно, ошибается, AMX-13 выпускались с 1952 г., хотя разработки велись с 1946 г., а вот Т-55 фактически представлял собой усовершенствованную версию Т-54, поступившего на вооружение Советской армии в 1946 г. В любом случае М60 — более поздний танк, его начали выпускать в 1960 г. (с 1962 г. — М60А1). Главным его отличием от М48 являлось основное вооружение — 105-мм пушка вместо 90-мм — и силовая установка. В Израиле М60А1 появились после Шестидневной войны. Боевое крещение машина получила во время войны Судного дня в 1973 г. И вот еще что важно, М60— разработка М48, но эта версия не называется «Паттоном».

117

А точнее, стратегию парового катка — steam-roller strategy, как определял ее сам Джордж Паттон. Автор тут смешивает две в общем-то противоположные вещи. Суть steam-roller strategy, по Паттону, заключалась в том, чтобы, «приняв решение о направлении и целях той или иной операции… оставаться верным себе, быть последовательным в своих действиях». В том же, что касается тактики, Паттон, напротив, не рекомендовал действовать в духе парового катка. Он советовал, «схватив врага за нос (атаковав с фронта и связав боем), быстро надавать ему по затылку (выйти в тыл частью сил и довершить разгром)», чем как раз и занимался на данном этапе командир бригады «S».

118

Всего в распоряжении Израиля в 1967 г. находилось 800 танков, принимавших участие в боях на трех фронтах; на Египетский фронт приходилось что-то немногим более половины.

119

В указанное время сухопутные войска Иордании уже назывались «Иорданская армия». Автор в данном случае использует название времен войны 1948–1949 гг. — Прим. ред.

120

Молитвы в ознаменование святости грядущего дня, субботы, произносит над чашей глава дома (семьи) и все или часть домочадцев, затем участники церемонии отпивают из чаши.

Противотанковые надолбы. — Прим. ред.